

Современная
психотерапия

Джон Р. Шлапоберски

От кушетки к кругу

Группаналитическая терапия
на практике



COGITO
CENTRE
NI

Современная
психотерапия

От кушетки к кругу

John R. Schlapobersky

FROM THE COUCH TO THE CIRCLE

Group-Analytic Psychotherapy in Practice

London–New York
Routledge

Джон Р. Шлапоберски

ОТ КУШЕТКИ К КРУГУ

Группаналитическая терапия на практике

Москва
Когито-Центр
2022

УДК 159.9

ББК 88

Ш 68

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть перепечатана, воспроизведена или использована в любой форме, при помощи любых электронных, механических или других средств, которые известны в настоящее время или станут известны в будущем, включая ксерокопирование и перезапись, в любой системе хранения или поиска информации без письменного разрешения издателя

Перевод с английского

В. П. Филимонова

при участии

Е. Г. Плотниковой

Шлапоберски Дж. Р.

Ш 68 От кушетки к кругу: Группаналитическая терапия на практике. — М.: Когито-Центр, 2022. — 698 с. (Современная психотерапия)

ISBN 978-0-415-67220-7 (англ.)

ISBN 978-5-89353-657-7 (рус.)

УДК 159.9

ББК 88

Книга посвящена группаналитической модели терапевтического процесса, одной из самых распространенных форм групповой психотерапии в Европе. Она является результатом деятельности Джона Шлапоберски как практикующего специалиста и опирается на высказывания и опыт участников групп, которые сталкиваются с ключевыми проблемами психотерапии — пониманием и изменением.

Написанная в форме практического руководства для терапевтов, книга содержит подробные описания работы групп и отчеты терапевтов об их опыте и проблемах, с которыми они сталкиваются внутри себя и в своих группах. Проводится сравнение с другими психодинамическими моделями в целях создания интегрированного и последовательного подхода.

Книга предназначена для всех, кто обращается за психотерапией для решения личных проблем или обретения новых источников смысла, для лиц, отвечающих за принятие решений в области психического здоровья и для студентов, изучающих различные модели психотерапии и психосоциальную сферу. Обсуждение и сравнение методов и моделей практической работы будут интересны и более широкому кругу специалистов в области психического здоровья и психотерапии.

© John R. Schlapobersky, 2016

Authorised translation from the English language edition published

by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

Published by arrangement of Andrei Belopolsky literary agency

© Когито-Центр, 2022

ISBN 978-0-415-67220-7 (англ.)

ISBN 978-5-89353-657-7 (рус.)

Роль ведущего группаналитической группы всегда была... подобна роли поэта или писателя в обществе... [который] восприимчив к текущим проблемам своего времени и творчески подходит к их выражению... чтобы приблизить тех, кого они беспокоят, к их осознанию.

(Foulkes, 1975, 1986, p. 157)

Группаналитическая психотерапия предлагает ни с чем не сравнимый инструмент для понимания группового сознания или психологии индивида в группе... [и хотя] в настоящее время в плане теории группаналитическая терапия намного слабее психоанализа, ей необходимо создать более внушительную теоретическую надстройку, исходящую из процессов коммуникации, отзеркаливания, конфигурации и перевода.

(Anthony, 1978, p. 10)

Содержание

Посвящение	9
Список виньеток	11
Список таблиц	14
Список рисунков	17
Предисловие — <i>Стивен Фрош</i>	19
Дань уважения — <i>Малькольм Пайнс</i>	24
Исторический обзор — <i>Э. Джеймс Энтони</i>	26
Благодарности	35
Введение	39

Часть I ОСНОВЫ

Обзор части	79
Глава 1. Цели и словарь психотерапии	81
Глава 2. Три измерения психотерапии: отношенческое, рефлексивное и репаративное	120
Глава 3. Индивидуальное и групповое развитие.	153
Глава 4. Язык группы. Монолог, диалог и дискурс в группанализе	191
Глава 5. Речь и тишина в психотерапии	222

Глава 6. Варианты применения метода в десяти исследованиях. Длительность, частота, сеттинг	251
Глава 7. Применение разнообразных моделей метода: группаналитическая модель и другие современные модели	310

Часть II ГРУППАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Обзор части	341
Глава 8. Три измерения группы. Структура, процесс и содержание	344
Глава 9. Структура. Динамическое администрирование, состав группы, отбор участников	360
Глава 10. Процесс. Концепции и их применение	376
Глава 11. Содержание. Основные вопросы, связанные с повествованием, дискурсом и голосом символа. . . .	415
Глава 12. Ведущий. Организатор, терапевт и участник группы . .	443

Часть III ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Обзор части	477
Глава 13. Четыре домена коммуникации. Текущий, связанный с переносом, проективный и первичный домены. . . .	481
Глава 14. Что мы теряем или находим в переносе? Перенос, контрперенос, проекция и идентификация в группах .	515
Глава 15. Стремление и принадлежность в переходном пространстве	557
Глава 16. Метафоры и метаморфозы. Символы, переход и трансформация	588
Глава 17. Локализация, перевод, интерпретация. Суть группаналитической модели	616
Глава 18. Заключение и последнее слово	640
Именной и предметный указатель	661
От переводчика	696

Посвящение

Эта книга посвящена памяти Джеймса Энтони, Хелен Бамбер и Брайана Босвуда, которые скончались во время ее написания. Они вдохновляли меня как коллеги и наставники, они стали моими близкими друзьями.

Я посвящаю эту книгу трем группам ныне живущих людей. В первую очередь, новым поколениям моей семьи: моей дочери Ханне, внукам Майе и Лео, пасынку Джошу, племянницам Кейт и Диане, Алисе и Джейн, племяннику Симону и сводным племянникам Джеймсу и Эндрю, их детям и детям, которым еще предстоит родиться в будущем. Пусть описанная здесь работа поможет сделать мир лучше для наших детей.

Я посвящаю эту книгу тем, с кем я познакомился в ходе преподавания: студентам и супервизорам учебных программ и учебных заведений в разных странах. Особого упоминания заслуживают руководители учебных программ моего собственного учебного заведения, Лондонского института группанализа, с которыми я работал на протяжении многих лет. Вот уже 18 лет мы работаем вместе с нашим академическим партнером, Биркбек-колледжем Лондонского университета над разработкой учебных планов, написанием справочника и организацией программы магистратуры. Предисловие к этой книге, которое написано бывшим заведующим кафедрой психосоциальных исследований Биркбек-колледжа, профессором Стивеном Фрошем, является данью уважения этой совместной работе. Отдельно хочу отметить цитаты и ссылки на теоретические работы и дис-

сертации наших выпускников, написанные во время их обучения, некоторые из них уже цитируются в научной литературе, а многие с разрешения авторов цитируются и в этой книге.

Я от всего сердца и с глубокой признательностью посвящаю эту книгу тем, кто посещал мои группы, терапевтические и экспериенциальные, а также группы моих коллег и супервизантов. Ваши жизни наполняют страницы этой книги. Я воспользовался вашими историями и позволил себе некоторые вольности, чтобы видоизменить их и, таким образом, защитить вашу конфиденциальность, но достоверно отразить суть нашей совместной работы. Этот протокол соответствует кодексу конфиденциальности, установленному Институтом группового анализа и Международной психоаналитической ассоциацией. Я приложил все силы, чтобы связаться с вами, заручиться вашим согласием на эту публикацию или внести поправки, чтобы удовлетворить ваши опасения относительно того, что описанный здесь опыт будет узнаваемым. При необходимости виньетки были изменены или удалены. Я не ожидал активного сотрудничества со стороны тех, к кому обращался. Но многие из вас передали мне воспоминания, которые дополнили мои записи и позволили мне редактировать и формировать виньетки более достоверно. Благодарю вас всех. Эта работа ведется уже много лет, и, возможно, некоторые думают, что их истории оказались в этой книге без получения их согласия. Сходство такого материала с реальной терапией любого человека — живого или уже умершего — случайно. Я надеюсь, что читатели поймут, что отчеты изложены здесь в соответствии с профессиональными стандартами. Это сделано, во-первых, в знак уважения к работе, которую мы проделали вместе, а во-вторых, для того, чтобы это могло стать добросовестным вкладом в развитие нашей области науки. За это я благодарю вас еще раз.

Список виньеток

0.1	О рае и аде	45
0.2	Выживание и взаимный обмен	45
0.3	Мыльные пузырьки в час по чайной ложке	47
1.1	Что мы видим в зеркале, когда смотримся в него	84
1.2	Эмпатическое отзеркаливание	85
1.3	Почему мы говорим о сосисках?	87
2.1	Брат мой, что они с тобой сделали? Некоторые отношенческие моменты	132
2.2	«Нормальные» в нашей «космической капсуле»	135
2.3	Майонез на подбородке	136
2.4	Преследователь и гремящие ключи	138
2.5	Разделение матери и ребенка: страдальческое мычание коровы и теленка	144
3.1	Ключевые этапы развития индивида в группе	178
4.1	С кем ты говоришь?	198
4.2	Хороший отец и отец-насилъник	202
4.3	Как ты смеешь делать так, чтобы тебе снилось, что я убиваю твоего отца! Проекция и проективная идентификация	204
4.4	Зависть по отношению к достижениям в группе	206
4.5	Пустой дом без сексуальности. Желание может привести к катастрофе	213
4.6	Мы обсуждаем кошмар или «кошмар»?	215
5.1	Кто сказал, что это не работает?	224
5.2	Люби меня или отвали	230
5.3	Ты плачешь о том, что потерял, а я о том, чего у меня никогда не было	231

5.4	Девушка, которая жила в сердце камня	234
5.5	«Мужчина-громкоговоритель» молчит в знак протеста против новичка	239
5.6	Обезвредить ловушку	242
8.1	Вызовы ведущему на нарушенных границах. Структурные вмешательства, устанавливающие авторитет	351
8.2	Плохая посещаемость и грудной ребенок. Вмешательства с целью поиска смысла с опорой на процесс	352
9.1	История деревянной ложки	369
10.1	Резонанс и валентность: изолированный и избегающая	390
10.2	Отражение и резонанс: слезы одного как подношение скрытому горю другого	392
10.3	Желание как способ сознательного сгущения доступных эмоций	394
10.4	Бессознательное сгущение. Он не гребаный профессор, он мой отец!	395
10.5	Усиление и сгущение после обнажения	397
10.6	Сигнальный (простой) резонанс 1. Когда улицы наполнены страхом и возможностями	399
10.7	Сигнальный резонанс 2. Когда овцы чувствуют себя в безопасности	399
10.8	Сложный резонанс. Раны травматического опыта, которые говорят без слов	400
10.9	«Близость — это королевство утраченного». Женщина, которая обнаружила новичка в своей группе. Резонанс, сгущение и усиление в ходе терапии	403
10.10	История о четырех соединенных пальцах, символизирующих партнерство. Всестороннее рассмотрение динамик процесса в ходе терапии	407
11.1	Люди отзываются на голоса друг друга и рассказывают свои истории	422
11.2	Гнев и его монстры. Язык, образы и развитие тем в содержании терапевтической группы с течением времени	429
11.3	Женщина, рождение которой спасло ее мать. Содержание и развитие темы в краткосрочной экспериментальной группе	438
12.1	Ночное бдение — ожидание возвращения родителей. Ведущий за работой	470
13.1	Научение контейнированию. Текущий домен	483

13.2	Борьба с «неправильной» сестрой	484
13.3	В группе «варится» что-то новое. Проекция и изменение	485
13.4	Живые не будут похоронены с мертвыми	487
13.5	Триумф ненавистной неудачи в мазохистском протесте	491
13.6	Стремление быть «принцессой» в группе и за ее пределами	497
13.7	Работа «плачущей группы». Анализ двадцати шести указанных тем, их фигурации в четырех доменах	502
14.1	Стоит ли читать Мошенника и Мусорщика?	519
14.2	Кто занял мое место, и когда оно было занято? Локализация, перевод и интерпретация вертикального и горизонтального переноса	541
14.3	Сон группы о дедушке с лицом ведущего: позитивный вертикальный сложный перенос	543
14.4	Разочарование: негативный вертикальный перенос	545
14.5	Хорошие сестры, плохие сестры и снова хорошие сестры: изменение горизонтального переноса	547
14.6	Сон о ведущей в фартуке и отказе подавать вкусный суп	549
15.1	Почтальон Пэт: «вход и выход из картины друг друга»	572
15.2	Понравилось ли тебе, когда во сне ты поцеловал ведущую?	575
15.3	Чужие дети	579
15.4	Значит, вы хотите, чтобы мы ели картошку? Нет, мы возвращаемся домой!	582
16.1	Ангел в камере пыток — индивидуальная психотерапия	598
16.2	Ангел в семье	602
16.3	Ангелы в группе беженцев	605
16.4	Лестница Иакова в группе	609
17.1	Где дирижерская палочка?	618
17.2	Обретение «дома» с незнакомыми людьми	632
18.1	Пациенты — это те, кто выздоравливает и уходит	648

Список таблиц

0.1	Элементарные принципы группаналитической теории	58
1.1	Важные уроки, извлеченные из личного опыта: Ганс	84
1.2	Основные принципы группаналитической психотерапии	93
1.3	Категории потребностей людей, посещающих интенсивные группы	97
1.4	Определение и классификация типов вмешательств ведущего	109
2.1	Трехчастное деление психоаналитических взаимодействий, согласно Холмсу	125
2.2	Характер зависимости в группах. Фон Фраунгофер	127
3.1	Критерии включения в книгу современных группаналитических публикаций по развитию в ракурсе основных элементов клинической теории	161
3.2	Задачи развития, основные проблемы и фокус работы	171
5.1	Формы переживания тишины	235
5.2	Речь и молчание в групповой психотерапии	236
6.1	Фазы развития группового процесса и содержания по Дик	263
6.2	Восемь аспектов жизненных ситуаций	264
6.3	Уровень удовлетворенности/неудовлетворенности по восьми аспектам, оцениваемым пациентом/терапевтом	265
6.4	Изменение уровня удовлетворенности за время работы группы по всей выборке	266
6.5	Блоковая групповая терапия. Посещаемость	292
6.6	Блоковая групповая терапия. Профессиональный состав участников	293

6.7	Категории потребностей людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю	296
6.8	Основные демографические и клинические данные людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю	297
6.9	Основные клинические данные людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю. Пятибалльная шкала (пп. 14–15)	298
6.10	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Род занятий пациентов	299
6.11	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Семейная ситуация	300
6.12	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Лицо, направившее в группу	300
6.13	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Предъявляемая проблема	301
6.14	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Диагноз при поступлении	302
6.15	Групповая терапия с частотой два раза в неделю. Причина окончания групповой работы	303
8.1	Видимые элементы динамической жизни группы	357
8.2	Невидимые элементы и проявление модели трех измерений	357
9.1	Основные принципы организации групповой психотерапии	361
9.2	Двенадцать принципов и способов динамического администрирования. Бер и Херст	364
9.3	Принципы формирования состава группы	368
10.1a	Первоначальный список специфических для группы факторов Фукса	379
10.1b	Пересмотренный список специфических для группы факторов Фукса и Энтони	380
10.2	Новый рабочий список динамик процесса для терапии в малых группах	381
10.3	Резонанс: простой, сложный, наблюдаемый, бессознательный	402
10.4	Семь форм отзеркаливания и вытекающие из них групповые динамики	406
11.1	Четыре вопроса, относящиеся к невербальной коммуникации	420
11.2	Работа с содержанием. Пять терапевтических вызовов ведущему	421

12.1	Советы начинающим групповым аналитикам: семь предостережений	447
12.2	Циклические фазы группового развития. Преобладающая идентичность и обязанности ведущего	460
12.3	Принципы лидерства в применении к терапии малых и средних групп	463
12.4	Принципы лидерства для больших групп	464
12.5	Требования к терапевтической компетентности в применении к группаналитической психотерапии	465
12.6	Вмешательства ведущего по ходу работы	466
12.7	Краткое изложение терапевтических принципов группаналитической психотерапии. Лидерство, анализ и интерпретация	468
12.8	Сопоставление терапевтических ролей ведущего с тремя измерениями группы и четырьмя ее доменами (см. рисунок II.1)	469
13.1	Четыре уровня коммуникации в группе по Фуксу. Оригинальное и современное прочтение	494
13.2	Четыре «региона» группы, ныне называемые доменами, и области ответственности ведущего в применении к его ролям	496
13.3	Развитие тем и фигураций в «плачущей группе»	512
13.4	Частота появления фигураций в жизни группы	514
14.1	Ситуация переноса в психоанализе и групповом анализе по Фуксу и Энтони	524
14.2	Различные формы переноса: простой, сложный, вертикальный, горизонтальный	530
14.3	Иллюстрации переноса и контрпереноса в книге	538
15.1	Четыре формы игры в сфере отношений и авторы, которые их описали	567
16.1	Три стадии роста и развития по Брауну. Саморазвитие посредством взаимодействия субъектов	596
16.2	Диалектика самопознания по Болласу	601
17.1	Двенадцать особенностей групповой психотерапии, вытекающих из принципа перевода по Фуксу и Энтони	624
17.2	Интерпретация в группах по Фуксу: кто интерпретирует, что интерпретирует и зачем?	627
17.3	Десять основных принципов интерпретации ведущего в группаналитической психотерапии	628
17.4	Формы интерпретации, которых следует избегать в группаналитической психотерапии	629

Список рисунков

2.1	Три измерения психотерапии	123
3.1	Пятиугольник группового развития и основные проблемы	172
4.1	Формы речи в группе и соответствующие формы психологии	195
7.1	Простая классификация групповых методов	312
7.2	Элементы тэвистокской группы	320
7.3	Элементы интерперсональной группы	323
7.4	Элементы группаналитической группы	325
7.5	Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях по Рутану, Стоуну и Шею	331
7.6a	Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях. Критерии 1–3 — роль терапевта	332
7.6b	Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях. Критерии 4–9 — фокус внимания терапевта	333
II.1	Карта ведущего — структура, процесс и содержание	343
8.1	Определение группаналитической модели	349
9.1	Структурная динамика в работе	373
10.1	Динамики процесса в терапии в малых группах	382
11.1	Шесть вопросов о языке группы	419
11.2	Анализ содержания и модальности времени и места	436
11.3	Развитие группового дискурса в сторону изменения и разрешения	437
12.1	Три ролевые функции ведущего	449

12.2	Ведущий как организатор и встроенные ролевые функции терапевта и участника группы	452
12.3	Ведущий как терапевт и встроенные ролевые функции организатора и участника группы	455
12.4	Ведущий как участник группы и встроенные ролевые функции организатора и терапевта	458
13.1	Четыре уровня коммуникации в группе, представленные в виде доменов: текущий, связанный с переносом, проективный, первичный	500
13.2	Четыре домена длительной аналитической группы	500
14.1	Перенос и проективные уровни опыта в группе	527
14.2	Циркулярное и взаимосвязанное движение между различными слоями группового опыта	528
17.1	Три принципа терапевтического вмешательства в группах: локализация, перевод, интерпретация	621

Предисловие

Важность группы как арены для психодинамического понимания и работы была признана уже почти 100 лет назад, по крайней мере, с момента публикации Фрейдом работы «Психология масс и анализ Я», где он замечает: «В психической жизни одного человека другой всегда учитывается как образец, как объект, как помощник и как противник, а потому индивидуальная психология с самого начала является одновременно и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном понимании»* (Freud, 1921, р. 69). Однако, несмотря на это одобрение создателя психоанализа, групповая терапия стала значительной силой в психотерапии только после Второй мировой войны, и только тогда группанализ начал развиваться как организованный корпус теории и практики. Можно сказать или, по крайней мере, я могу утверждать, что, хотя групповой анализ процветал как систематическая практика, которая, кажется, обладает огромной силой и целостностью, с точки зрения теории он не продвинулся достаточно далеко. Выдающаяся книга Фукса** и Энтони «Групповая психотерапия — психоаналитичес-

* Фрейд З. Психология масс и анализ Я // З. Фрейд. Вопросы общества. Происхождение религии / Пер. с нем. А. М. Боковинова. М.: Фирма «СТД», 2008. С. 65. — *Здесь и далее в постраничных сносках прим. пер.*

** З. Х. Фукс (Siegmund Heinrich Fuchs) родился в Германии, после эмиграции в 1933 году в Великобритании сменил имя на S. H. Foulkes. Английская «Википедия» предлагает прочтение его фамилии как [foks], что соответствует принятому в России произношению «Фукс».

кий подход» остается ведущей публикацией в этой области, и, несмотря на довольно значительную издательскую активность, можно утверждать, что потенциал этой работы еще предстоит реализовать (Foulkes, Anthony, 1957, 1984). Поскольку многое из того, что предлагается в клинических и других учреждениях, является групповой работой, маловероятно, что нет необходимости в групповой психотерапии. И это не потому, что методы, процедуры и концепции, используемые в групповом анализе, в чем-то очевидны или банальны. На самом деле, они многогранны и требуют больших затрат сил, а навыки, необходимые для работы с группами (или для их «ведения»), очень тонкие и сложные. Возможно, в силу того, что группаналитики не были уверены в своей способности конкурировать с коллегами-психоаналитиками в создании новых концепций, или, может быть, дело просто в том, что в ходе напряженной психотерапевтической практики, не укоренившейся в университетах, очень трудно найти время, чтобы сделать шаг назад, разобраться в сути вещей и двигаться дальше.

Именно в этом контексте новая книга Джона Шлапоберски имеет большое значение. Во-первых, он пишет с позиции огромного авторитета в этой области, искусно опирается на свой обширный опыт, особенно ярко проявленный в превосходных материалах виньеток, и придерживается этических позиций, которые будут по достоинству оценены как студентами, так и практиками. В самом деле, эту книгу лучше всего воспринимать как продукт профессиональной деятельности ведущего британского группаналитика, человека, обучившего многие поколения других группаналитиков, человека, полностью погруженного в жизненную реальность группового анализа как практики, а также приверженного делу его концептуализации и продвижению в этой области посредством тщательного наблюдения, новой теории и, где возможно, оценочного исследования. У Джона большие устремления: собственно, написать книгу, которая объединила бы воедино то, что можно рассматривать как унаследованную мудрость группового анализа со времен Фукса, а также сделать группанализ доступным, чтобы он сохранялся и развивался как профессия, и каждый, кто работает с группами, к какой бы «школе» он ни относился и каким бы уровнем опыта ни обладал, мог получить пользу. Это большой вызов для автора, особенно для такого, который занят преподавательской и клинической работой, и потребовалось довольно много времени, чтобы воплотить его

в жизнь, но вот эта книга, и это очень важный вклад в эту область науки.

Джон написал книгу «От кушетки к кругу» как человек, который очень хорошо понимает идеи группового анализа, а также более широкий контекст, в котором они имеют значение. Этот контекст связан не только с психотерапией, но и с отношениями между людьми и обществами в целом. Джон обладает антропологическим складом ума, но его ум также имеет политическое и культурное измерения, под этим я просто подразумеваю то, что он понимает важность рамок и контекстов, различий и сходств, связей и несовпадений всех видов. Благодаря этому сочетанию он является прекрасным проводником в отношении того, что имеет значение в групповой работе, и он умеет описывать и оценивать ключевые концепции и как будто «изнутри», в смысле понимания того, как они работают, и как будто «извне», когда он отходит на достаточное расстояние, чтобы оценить их. Вследствие этого книга представляет собой кладезь информации о группаналитических идеях и о том, как их использовать, представленной в доступной форме, но при этом с серьезным пониманием их сложности. Я уверен, что каждый студент, изучающий групповую психотерапию, найдет изложение теоретического материала Джоном убедительным и поучительным.

Однако, на мой взгляд, абсолютная сила этой книги заключается в том, как клинические материалы, сопровождаемые удивительно увлекательными и волнующими примерами и острыми, неизменно поучительными комментариями, используются для продвижения вперед. Раскрывая с помощью виньеток концепции, которые он использует, чтобы понять клинический материал, не умаляя его человеческого (и гуманного) воздействия и постоянно возвращаясь к ним, чтобы наполнить содержанием теоретические концепции, Джон демонстрирует свою тонкую клиническую чувствительность, а также свои достоинства как учителя. Это становится потрясающим способом для того, чтобы создать исчерпывающее описание этого психотерапевтического подхода, наполнить идеи жизнью и превратить то, что могло бы стать очень занудным и техническим чтением, в нечто доступное и увлекательное.

Когда я читал книгу, меня привлекал каждый раздел, и я чувствовал, что нахожусь рядом с Джоном как своего рода ко-терапевт или, возможно, один из участников его групп, который делится сво-

им опытом, и в то же время у меня была возможность смотреть на это со стороны и размышлять о них, подобно тому как сам Джон прекрасно делает на протяжении всей книги. Я также понял, что вижу результат работы человека, который является не только прекрасным учителем, что я знаю из своего непосредственного опыта совместной работы на группаналитическом тренинге, который мы много лет проводили как магистры в Институте группового анализа в Лондоне и Биркбеке, но и ученым, сочетающим клинический опыт и теоретическую мудрость группанализа. Он делится этим по-разному: своим вкладом в группы, участником которых он является, супервизиями клинической работы и исследований в области группового анализа, свидетельством чего, к примеру, являются магистерские диссертации, написанные под его научным руководством, некоторые из них цитируются в этой книге. Но также он делится этим посредством своей манеры позиционировать все в контексте системных и динамически отношенческих принципов, или, проще говоря, он имеет ясное представление о том, какой смысл имеют групповые отношения и чему мы можем через них научиться. Я вижу, что это мощный «психосоциальный» элемент его работы, который тесно связывает его с подходом, который мы с коллегами использовали для того, чтобы в университетской среде развивались психосоциальные исследования.

Мы все должны быть благодарны за эту книгу. Она необходима группаналитикам. Тем, кто только начинает свою работу, она поможет понять историю, контекст и содержание идей группового анализа и подскажет, как использовать эти идеи на практике. Более опытные специалисты смогут расширить свое понимание и поразмышлять о том, какие идеи жизнеспособны и как различные варианты работы могут углубить их или бросить им вызов. Для читателей, относящихся к более широким психотерапевтическим кругам, книга представляет собой очень веский аргумент в пользу рассмотрения группового анализа как предпочтительного метода, а также формулирует, как теория групп может подпитывать, бросать вызовы и обогащать другие подходы. И наконец, для читателей, которые не являются психотерапевтами, но интересуются межличностными и социальными отношениями, эта книга показывает инструменты самоисследования и саморефлексии и создает представление о том, что, несомненно, будет во второй книге — о способах, которыми можно расширить применение группового анализа в клиничес-

ких условиях с тем, чтобы глубже понимать сложную жизнь групп, где бы они ни находились.

Стивен Фрош,
доктор философии, профессор психологии
и заместитель директора, Биркбек,
Лондонский университет

Литература

- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach. London: Karnac.
- Freud S. (1921). Group Psychology and the Analysis of the Ego // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Volume XVIII (1920–1922): Beyond the Pleasure Principle, Group Psychology and Other Works. P. 65–144.

Дань уважения

«Удиви меня!» — сказал Серж Дягилев Жану Кокто, когда заказал ему новый балет. Что ж, меня поражает монументальный текст Джона Шлапоберски — произведение, одновременно художественное и научное. Из его 35-летнего опыта работы в чрезвычайно широкой области групповой психотерапии — в группах группаналитической терапии и учебных группах, на группаналитических семинарах, в области судебной психотерапии, с жертвами пыток и на конференциях — из всего этого опыта он собрал богатый урожай, засвидетельствованный протоколами сессий, из которых мы узнаем, насколько умело он применяет теорию и технику группового анализа.

Это повествовательное искусство. Наука — это таблицы, тщательная категоризация диагнозов и результатов лечения и поясняющие диаграммы. У Джона есть литературные способности, и он излагает широкий спектр теории таким образом, чтобы стимулировать и поддерживать интерес посредством новизны и вызовов, что продемонстрировано в приведенных диаграммах и таблицах. Он написал учебник, который будет интересным и бесценным источником информации как для читателей, которые только начинают знакомиться с предметом, так и для зрелых практиков, которые хотят пересмотреть свой опыт и идеи.

На протяжении нескольких лет я следил за написанием этой книги, восхищаясь устремлениями автора и упорством, с которым он двигался к своей цели. В наши дни нам редко доводится читать монографию, написанную таким именитым специалистом, авто-

ритет которого основан на богатом практическом и преподавательском опыте и который получает удовольствие от работы своих учеников и так щедро цитирует ее результаты.

Одна из ярких особенностей книги состоит в том, что на передний план Джон выдвигает движение между монологом, беседой, диалогом и дискурсом, что так хорошо видно во многих клинических иллюстрациях.

Я особенно приветствую то пристальное внимание, которое он уделяет «ур-тексту» Фукса и Энтони по групповому анализу и последующим отдельным сочинениям Фукса и Энтони, которые стали такой благодатной почвой для собственного развития мысли и практики Джона.

«Последнее слово» — восхитительный способ завершить эту книгу. Письма некоторых бывших пациентов являются окончательным подтверждением его авторитета.

Малькольм Пайнс,
учредитель Института группового анализа, Лондон,
в прошлом консультант-психотерапевт в больнице
Святого Георгия, в больнице Модсли, в клинике Тэвисток

Исторический обзор

Я очень рад, что меня попросили написать предисловие к новому пособию Джона Шлапоберски, которое наверняка найдет свое место по обе стороны Атлантики. Оно будет ценным вкладом в сферу групповой терапии, и в знак уважения к автору я расскажу здесь кое-что о книге «Групповая психотерапия: психоаналитический подход», которую мы с Фуксом опубликовали в 1957 году. Это даст мне возможность рассказать о моих корнях в групповом анализе (особенно о моих отношениях с Майклом Фуксом), с которым американские читатели могут быть не знакомы, и рассказать об американских достижениях в детской и подростковой психиатрии, с которыми могут быть не знакомы читатели в Европе.

Устойчивость

Наше исходное обращение к устойчивости как к области исследования с относящимися к ней концепциями уязвимости и защитных факторов, основанными на эмпирических исследованиях, привело к новому пониманию взаимосвязи между конституцией и окружающей средой. Возникновение науки о развитии берет свое начало в нашей ранней работе в Сент-Луисе, штат Миссури, где я получил должность профессора. Более ранние корни — в моих отношениях с Фуксом, потому что он был человеком, чья собственная устойчивость помогла мне обрести свою. Отрадно видеть, что в этой новой книге уделяется внимание двум различным направлениям — лич-

ности и индивидуальности группового аналитика и эмпирическим исследованиям в области группового анализа. Оба они очень важны для будущего.

В знак признания нашей работы в Сент-Луисе в 2009 году Американская академия детской и подростковой психиатрии (ААСАР) удостоила меня награды за выдающиеся достижения. Награда занимает почетное место в моем офисе и представляет собой коллаж с фотографиями трех наставников — Анны Фрейд, Жана Пиаже и Эрика Эриксона, каждый из которых лично повлиял на мое развитие. В 2011 году Группаналитическое общество, организация, которую я помог основать в 1953 году, оценив мой вклад в групповой анализ, удостоило меня памятного диплома за выдающиеся достижения. Он написан красивым шрифтом и также занимает почетное место в моем офисе.

Мой собственный опыт: поиск «маленьких людей»

«В поисках маленьких людей» — так я назвал свою благодарственную речь в ААСАР. Название «Маленькие люди» связано с тем, что Йейтс писал о гоблинах Ирландии. Я влюбился в это выражение, потому что оно отражает мой опыт того, что значит быть «маленьким человеком», и я влюбился в самих маленьких людей во всем их разнообразии (Yeats, 1998). Я родился в Индии, и в возрасте пяти лет мои родители отправили меня в школу-интернат в горной деревне в Гималаях. Наше детское сообщество было миром «маленьких людей», и наша школа выходила на гору Канченджанга, третью по высоте вершину в мире. Гора возвышалась над всем моим детством и заставила нас осознать, что мы были очень, очень маленькими людьми в огромном мире. Моя мать работала медсестрой в операционной и решила, что я должен стать нейрохирургом, и поэтому после окончания средней школы меня отправили в медицинский институт в Лондоне, что стало первым шагом в карьере, которая заставила меня работать с «маленькими людьми» в качестве психиатра.

Вторая мировая война

Мое прибытие в Лондон совпало с решением Гитлера бомбить Британию, и нам каждую ночь приходилось бороться с ракетным смерчем. Одна из задач новых студентов-медиков, таких, как я, заключалась в том, чтобы в конце дня эвакуировать пациентов из открытых

палат больницы Св. Томаса в подземные убежища. После элементарных консультаций о том, как с ними общаться, я научился хорошо помогать больным и напуганным детям, и этот опыт со временем подтолкнул меня стать детским психиатром.

Когда я получил квалификацию врача и прошел ускоренную подготовку, меня направили в 9-й Эссекский батальон в качестве главного врача, и, по самой удивительной случайности, разместили в палатке вместе с доктором Джоном Рикманом, британским психоаналитиком, который работал в Тэвистокской клинике и очень интересовался группами. В течение трех недель мы могли говорить только друг с другом, и это был необычайный образовательный опыт. По вероисповеданию он был квакером и очень добрым человеком, который рассказал мне о Фрейде, психоаналитической теории и группах, он предложил мне записаться и поехать в Нортфилд. Прошло два года, в течение которых я читал лекции солдатам моего батальона о том, как справляться со страхом и тревогой, и я был с ними, когда мы пересекали Ла-Манш и столкнулись с немецкой армией. Я многократно имел дело с жертвами войны, прежде чем вернуться на более безопасные берега Англии и занять позицию в Нортфилде, недалеко от Бирмингема, в военном госпитале для контуженных солдат, где я встретился с психиатрами, психологами и психоаналитиками, в том числе с Майклом Фуксом. Тогда я не знал, насколько важным человеком для меня он станет, и лучше всего мне запомнилось, как хорошо он играл в теннис. Он был самым быстрым игроком на корте в Бирмингеме.

Когда планировалось нападение на Японию, чтобы добраться до страны, опустошенной первыми атомными взрывами, я плыл на военном корабле. Я был назначен главным врачом по всей Юго-Восточной Азии, и мне было поручено открывать ясли и детские сады для японских детей, переживших бомбардировку Хиросимы. Мы использовали групповой подход, чтобы позаботиться об этих напуганных детях, которые, в отличие от своих родителей, избежали этого взрыва. Позже я видел других детей, которые были свидетелями того, как взрослых японцев заставляли тащить гонконгские автобусы, по восемь человек на каждый автобус. Моя обеспокоенность судьбами детей, вынужденных смотреть на это унижение, подтвердила мое решение посвятить свою жизнь психиатрической помощи детям.

Когда война закончилась, я был уверен только в двух вещах: я хочу стать психиатром-психоаналитиком и я хочу работать с детьми.

В этот момент жизнь решила связать меня с Фуксом. Он был моим аналитиком в тренинговом анализе, я делил с ним офис, я был его учеником в отношении групповой динамики и групповой психотерапии, ко-терапевтом в аналитически ориентированной группе, коллегой-консультантом в больнице Модсли, соавтором книги по групповой терапии с психоаналитической точки зрения, и, наконец, мы оба были приглашенными профессорами Университета Северной Каролины (Anthony, 1978, p. 9).

Больница Модсли

После войны я вернулся в Великобританию, чтобы пройти стажировку в больнице Модсли, главном центре психиатрии в Великобритании. То, что я получил за время работы в Модсли, позволило мне позже занять должность первого в мире профессора детской психиатрии в Вашингтонской больнице в Сент-Луисе. Помимо преимуществ, которые я получил, выполнив формальности, связанные с обучением, я также познакомился с четырьмя необычными людьми. Первым был сэр Обри Льюис, основавший Институт психиатрии. Он провел собеседование и принял меня на тренинг, а позже также отправил меня работать и учиться у Жана Пиаже в Женеву, для чего он сам собрал средства. Вторым был Фукс, заведующий отделением психотерапии Модсли, где я работал. Я почувствовал, что он меня вдохновляет и понимает, выбрал его своим тренинг-аналитиком для вступления в Британское психоаналитическое общество и начал долгий анализ. Третьей была Анна Фрейд, которую Обри Льюис пригласил, несмотря на его собственную приверженность органической психиатрии, для проведения психоаналитических семинаров в Модсли. Она стала моим наставником и позже пригласила меня поработать с ней в детском саду Хэмпстед. Эта связь заложила основы рабочих отношений и дружбы, которые продлились до конца ее жизни. И четвертым был Малкольм Пайнс, тогдашний младший регистратор, который стал моим другом на всю жизнь. Он также проходил анализ у Фукса, и теперь мы остались последними, кто принадлежит этому поколению. В качестве одного из членов Группаналитического общества он вместе с Фуксом и другими группаналитиками основал учебный институт — Институт группового анализа в Лондоне. В настоящее время институты группового анализа существуют во многих частях мира, а также есть координирующий и регулирующий орган — Европейская сеть группана-

литических учебных организаций (EGATIN). Малкольм без устали способствовал развитию группового анализа, развивая эти учебные ресурсы различными способами.

3. Х. Фукс

Когда Фукс предложил мне написать вместе с ним книгу «Групповая психотерапия: психоаналитический подход», я был польщен, но чувствовал себя неловко, потому что он был моим тренинг-аналитиком. Однако мы вместе занялись продуктивной работой по написанию книги. Я работал в его психотерапевтическом отделении в больнице Модсли, где я также был участником одной из его групп, я продолжал вести группы вместе с ним, и, таким образом, мы привыкли работать вместе. Мы писали разные главы книги по отдельности, а затем обсуждали каждую из них друг с другом и стали соратниками в этой общей работе благодаря дружбе, которая продлилась до конца его жизни. Хотя мы и верили в эту книгу, мы не могли представить, что она будет неоднократно переиздаваться начиная с 1957 года в течение следующих 58 лет. Примечательно, что второе издание, опубликованное в 1965 году и переизданное издательством «Karnac» в 1984 году, до сих пор остается бестселлером в области групповой психотерапии. В своей фуксовской лекции, прочитанной в 1978 году, я рассказал следующее.

Первый и самый важный урок в связи с работой с группами, который я усвоил от Фукса... что, хотя точка зрения ведущего бифокальна (сосредоточена на группе и отдельном индивиде), его интерпретации неизменно направлены на группу как целое.

(Anthony, 1978, p. 9)

И во-вторых,

Его теория сети... оказала большое влияние на мои собственные исследования. То, как пациент представляет себя нам (это верно и в отношении ребенка), является симптомом нарушения, которое затрагивает целую сеть обстоятельств и людей. Как выразился Фукс, «именно эта сеть взаимодействующих обстоятельств и людей является реальным операционным полем для эффективной и радикальной терапии».

(ibid., p. 15)

Тогда же перед нами встала проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня: «Как терапевтически проследить сеть во всех ее ответвлениях» (*ibid.*, p. 15). Эти принципы направляли нас в нашей работе в Вашингтонском университете, когда я прибыл в Сент-Луис в 1958 году. Основанное мной отделение детской психиатрии уделяло большое внимание лечению и исследованиям, и в тесном сотрудничестве с другими специалистами мы начали разработку ряда полученных данных для определения устойчивости и выделения тех факторов, которые защищали детей от невзгод, и тех, которые делали их более уязвимыми. Сегодня исследованиям устойчивости посвящено множество работ, имеющих отношение к групповой терапии. Здесь я укажу только на наши исходные данные. Изучая три поколения семей с рецидивирующими психотическими заболеваниями, мы обнаружили, что можно с уверенностью говорить о психической устойчивости детей, если в течение первых трех лет жизни у них был один хороший год, если в контексте нестабильности или невзгод у них были одни хорошие отношения и если в рамках их круга проблем и ограничений у них была одна компетенция, которую они могли бы рассматривать как свою собственную.

Фукс был тем человеком, чья устойчивость помогла мне обрести свою. Многое, что было у него, он потерял во время Холокоста, он переехал в Великобританию и начал профессиональную жизнь на чужом языке, в военное время он основал службу, которая со временем позволила ему обрести новый способ понимания людей и взаимоотношений, и он создал терапевтический подход, который открыл для нас совершенно новое поле деятельности, которое «постепенно формировалось... путем проб и ошибок при использовании группы в качестве лабораторной ситуации, в которой его развивающиеся идеи постоянно подвергались проверке путем наблюдения, переформулирования и пересмотра» (*ibid.*, p. 8). Делая все это, он пережил Мировую войну в стране, которая его приняла и в которой говорили на чужом для него языке, прошел через развод с первой женой и пережил безвременную смерть от рака своей любимой второй жены Килмени. Во время одного из моих визитов в Лондон он рассказал мне о новом развивающемся симптоме, который его беспокоил, и я посоветовал ему немедленно исследовать его, так как под его кожей прощупывалось новообразование. Оказалось, что это опухоль, но он умер от сердечного приступа в своем кабинете на ранних этапах лечения.

Эта новая книга

Книга Джона берет на вооружение многие ключевые концепции нашей оригинальной книги. Эта книга развивает теорию и практику и приводит их в соответствие с современными разработками в теории привязанности и отношений, а также в нейропсихологии. Джон подробно рассматривает широкий спектр инновационных вариантов применения групповой работы: с беженцами, с парами, в частной практике, в психиатрических и судебно-медицинских учреждениях, раз в неделю, дважды в неделю и блоковую групповую терапию. Он касается вопросов, связанных с ролью и концепцией ведущего и матрицы и оригинальным образом исследует тему переноса — с большой буквы и маленькой буквы. И он берет то, что мы называем специфическими для группы факторами в феноменологии группы, и переопределяет их здесь как динамики процесса. Его рассуждения заинтересуют групповых аналитиков и всех, кто работает с отношенческой парадигмой. Когда я впервые прочитал его рукопись, я был впечатлен широким диапазоном сеттингов, в которых он работал с группами, широтой использованных им вариантов применения подхода, глубиной его работы и той легкостью, с которой он это все описывает. Его собственный выдающийся вклад в эту область начинается со статьи под названием «Язык группы», которую в 1990-е годы он написал для сборника под редакцией Брауна и Зинкина «Психика и социальный мир». В этой книге она переиздана в качестве главы 4. Его исследование человеческого общения посредством монолога, диалога и дискурса проходит путеводной нитью через это пособие. В этой книге также привлекается внимание к работам других авторов, которые последовали за Джоном в изучении терапевтического языка, тишины и музыки группы. В своей фуксовской лекции я сказал следующее.

В истории терапевтических наук время от времени внезапно появляются определенные ключевые слова, освещающие интеллектуальный ландшафт. Два таких слова, которые имеют большое значение и стали основой метапсихологии, — это процесс и структура... Вместе [они] генерируют содержание, которое можно описать как истории, которые пациенты рассказывают в индивидуальной и групповой ситуации, или невербальные сообщения, которые они передают.

(Anthony, 1978, p. 11)

Я рад видеть, что Джон использовал эти термины — «структура», «процесс» и «содержание» — как более глубокие измерения группы. Каждому из них была отведена отдельная глава, которая послужит терапевтическим руководством к действию как для новых, так и для опытных групповых терапевтов. В 1978 году я сказал следующее.

У нас есть насущная потребность в развитии нашей собственной метапсихологии и в подкреплении ее хорошей теорией. Далее нам необходимо взглянуть на группу с точки зрения развития, наблюдая, как разворачивается ее история и очерчиваются этапы... Мы с Фуксом говорили об историке группы, участнике, который хранил архивы группы и напоминал нам о годовщинах, более ранних событиях, изменениях и травматических событиях. Группаналитик, как и психоаналитик, должен нести в себе историю своих пациентов, и время от времени ему может быть необходимо реконструировать ранний групповой опыт участников — первичные семейные группы, латентные группы, гетеросексуальные группы, гомосексуальные группы, подростковые группы и т. д. В психоанализе говорят о реструктуризации. В какой степени тот же термин может применяться к групповому анализу? Мы видим реструктуризацию отдельных участников как индивидов или мы видим реструктуризацию их группового поведения или поведения группы?

Эти важные вопросы рассматриваются в этой новой книге, и в ее основе лежат подробные описания случаев, приводимые в виньетках, которые показывают, что ее автор — прекрасный рассказчик, а также преданный групповой аналитик. В своей мемориальной лекции я сказал следующее.

Смерть Фукса обнажила для меня, как в свое время для Рильке, уродство, лежащее в основе улыбающегося лика существования. Но скорбь заканчивается по мере того, как жизнь продолжается, по мере того, как групповые институты и общества растут, а молодежь всегда приходит, чтобы взять на себя свою долю бремени. Смерть лидера — время печали, переосмысления, реорганизации, но не катастрофы. Как сказал Фрейд, «когда траур закончится, обнаружится, что наше высокое мнение о богатствах цивилизации не пострадало из-за обнаружения их хрупкости. Мы будем строить снова и на более крепкой основе, чем раньше».

(Anthony, 1978, p. 18; Freud, 1915)

Майкл Фукс передал бы это послание своим преемникам, и я считаю, что он был бы в таком же восторге от этой новой книги, как и я.

Э. Джеймс Энтони,
доктор медицины, член Королевской коллегии психиатров,
в соавторстве с З.Х. Фуксом написавший книгу
Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach

Литература

- Anthony E.J. (1978). The Group-Analytic Circle and Its Ambient Network: 2nd Foulkes Lecture // Group Analysis. V. 11 (Supplement 1). P. 1–18; Pines M. (Ed.) (1983). The Evolution of Group Analysis. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. P. 29–53. <http://gaq.sagepub.com/content/11/2/S1>.
- Anthony E.J. (2010). In Search of the Little People. Presentation Address Given on Receipt of His Lifetime's Achievement Award. American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. URL: http://www.aacap.org/aacap/Life_Members/Life_Member_Archives/Inaugural_Life_Members_Wisdom_Clinical_Perspectives.aspx.
- Anthony E.J. (2011). Address Given on Receipt of His Lifetime's Achievement Award, 15th Symposium. Group Analytic Society International. London: Goldsmiths College, University of London.
- Flapan D. (1982). The Ongoing Journey of an Extraordinary Man in the Field of Group Psychotherapy – an Interview with E. James Anthony // Group. V. 6 (3). P. 49–58. <http://link.springer.com/article/10.1007/BF01459280#page-1>.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach. London: Karnac.
- Freud S. (1915). On Transience // Freud's Requiem. New York: Riverhead Books, 2005.
- Schlapobersky J. (1994, 2000). The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). The Psyche and the Social World. London: Routledge. P. 211–231.
- Yeats W. B. (1998). Mythologies. London: Harper Collins.

Благодарности

Личные благодарности

Участие в написании этой книги моего партнера Клаудии Арло для меня было постоянным источником обновления, как вода для бегуна на длинные дистанции. Эта книга — дань уважения ей и выражение моей глубокой благодарности. Моя семья проявила безмерную доброту за эти годы работы над книгой, и я благодарю их за проявленное понимание. Моя дочь Ханна, когда была подростком, сопровождала меня в момент передачи на рассмотрение в издательство моей первой рукописи — «Избранные статьи Робина Скиннера». Сейчас она сама мать и писатель, и я благодарю ее за неизменную добросовестность и терпение, доказательством которых, я надеюсь, является эта книга. Если можно сказать, что у книги есть бабушка и дедушка, то я хочу поблагодарить Филлис Коэн и Уолтера Гольдштейна. Малкольм Пайнс любезно согласился переиздать здесь материалы, которые мы вместе подготовили для других изданий. Я благодарен ему за нечто гораздо большее, чем просто согласие на публикацию. Он был моим первым учителем психотерапии в больнице Модсли в 1976 году и был постоянным наставником и другом. В этой книге повсюду чувствуется его влияние, и я глубоко признателен ему за написанную им «Дань уважения». Джеймс Энтони подружился с этим проектом, находясь за тысячи километров, и в последние годы мы встречались, чтобы сделать наброски его «Исторического обзора». Мы не могли предвидеть, что это будет одним из последних текстов,

которые он напишет. Моя благодарность выражается в том, что я посвятил эту книгу его памяти. Я также благодарен его вдове Вирджинии и его дочери Соне, которые помогали нам в создании чернового варианта. Среди других моих друзей, которые как авторы вдохновляли меня и давали мне ценные наставления, — Роби Фридман, который играл активную и жизненно важную роль, поддерживая меня как текстами, так и лично. Стивен Фрош заинтересовался этой книгой, которая исходит из психосоциальной перспективы, которую он первым разработал в Биркбек-колледже и которую развил, чтобы помочь организовать наше обучение в Институте группового анализа. Он был первым защитником этой книги, остался ее верным другом, и его предисловие я очень ценю. Лизель Херст была одним из моих первых супервизоров и постоянно поддерживала меня в ходе написания книги. Питер Маршалл будет доволен, что мы снова сможем прогуляться по юго-западной части Англии и, возможно, в промежутке между написанием его книг и моей даже походим под парусом. «Дар невзгод», принадлежащий перу Нормана Розенталя, оказался очень глубокой работой. Эрл Есилюрт сдружился с нашим проектом и поддерживал его на протяжении многих лет, и я верю, что для него завершение этой книги станет приглашением к реализации его собственных писательских проектов. Раввин Джонатан Виттенберг был моим духовным наставником, советчиком и другом, с которым мы общались на протяжении многих лет. Его книги помогают создавать новую литературу. На протяжении многих лет Моррис Нитсан своим примером и авторством вдохновлял и учил меня, вселял в меня уверенность в отношении издательства «Routledge».

Благодарности за работу

Мне повезло с моими издателями, которые осознали необходимость такой книги, уверенно работали над ее дизайном и оказали неоценимую поддержку. Я благодарен Кейт Хоуз и Кирстен Бьюкенен из «Routledge» за их превосходное редакторское мастерство, а также Шери Сипка и персоналу «Apex CoVantage» за их превосходное редактирование и набор текста рукописи. Первыми читателями этой книги стали Гвен Эдсхед, Джеймс Энтони, Роби Фридман, Стивен Фрош, Доминик Гранди, Лизель Херст, Сильвия Хатчинсон, Дэвид Кеннард, Молин Лесц, Томас Мис и Малкольм Пайнс, я благодарен им за дополнительные рекомендации. Последними авторами

этой книги стали два литературных секретаря, Луиза Крейн и Дайан Паркер. Первая отвечает за компоновку виньеток и подготовку таблиц и рисунков, а вторая — за сопоставление текстовых разрешений и библиографии. Качество их работы проявляется во всей этой книге и говорит само за себя — я им очень благодарен. Подобная работа началась гораздо раньше, благодаря вкладу Джун Анселл, бывшего административного директора Центра группаналитической практики. Она помогла мне собрать и сопоставить записи о работе моих групп, проводимых два раза в неделю, которые описаны в главе 6, и я хочу отметить ее преданность работе на протяжении многих лет.

Я получил много пользы от совместной работы с коллегами сначала в Центре группаналитической практики, а в настоящее время — в Центре психотерапевтической практики Блумсбери. Я выражаю благодарность своим коллегам из этих организаций, а также тем специалистам из Института группового анализа в Лондоне, с которыми я работал более трех десятилетий. Работа комитетов, отвечающих за профессиональное обучение, может быть незаметной, но ее ценность мы видим в том вкладе, который потом наши выпускники вносят в развитие этой области науки. Их работа отражена на этих страницах, и я хочу особо отметить педагогический вклад Дайан Киндер, Сью Эйнхорн, (покойной) Шейлы Эрнст, Сильвии Хатчинсон, Фрэнсис Гриффитс и Амели Ноак, а также вклады нынешнего Лондонского комитета по курсам, в который входят Стивен Аркари, Энн Бокко, Мария Папанастассиу, Шейла Ричи, Линде Уоттон и Джейл Силасун, ведущая нашей большой группы. Питер Уилсон и Сара Такер теперь отвечают за развитие обучения на уровне всей Великобритании, и эта книга предлагается в качестве ресурса на этом новом этапе.

За долгое время общения с людьми из других стран я научился многому и хочу отдать дань уважения друзьям и коллегам, в число которых входят члены следующих организаций: Международное группаналитическое общество (GSI), Европейская сеть группаналитических учебных организаций (EGATIN), в том числе нынешний председатель ее комитета Зои Воятзакис, Американская ассоциация групповой психотерапии, в частности Анджела Стивенс, директор по профессиональному развитию, группа, ответственная за наши «трансатлантические диалоги», включая Филлис Коэн, Ховарда Кибела, Молина Лесца и Роби Фридмана, Восточное общество групповой психотерапии (Нью-Йорк), включая Клаудию Арло, Доминика

Гранди, Ронни Левина и Яна Ваделла, члены Израильского института группового анализа и Израильского общества групповой психотерапии, которые участвовали в моих клинических семинарах на протяжении многих лет, в том числе Анка Детрой, Офра Фейнман, Роби Фридман, Браха Хадар, Хава Кадош, Марит Иоффе Милштейн, Тамар Эйнат Лахман, Ури Левин, Гила Офер, Брюс Оппенгеймер, Идо Пелег, Пнина Рапапорт и Сюзи Шошани.

Дополнительные благодарности

Я получил поддержку и понимание со стороны множества людей, которые сыграли важную роль в моей работе над этой книгой, включая двух психоаналитиков, которых я посещал в разное время. Книга не была бы написана без вашей поддержки и руководства — я благодарен вам за все.

Введение

Всякая настоящая жизнь есть встреча...

(Martin Buber, 1958; 2000, p. 26)

Ветвь, отсеченная от другой ветви, не может не оказаться отсеченной и от всего ствола. Точно так же и человек, порвавший с одним человеком, отторгает себя от всего общества... Человек сам отдаляется от своего ближнего, возненавидев и чуждаясь его, и не сознает, что тем самым отсекает себя и от всей гражданской общины. В наших силах... вновь сойтись с теми, кто нам близок, и вновь занять свое место в качестве членов целого...

(Marcus Aurelius, 2004, p. 142)

Данное пособие является руководством по групповому анализу, ведущему направлению групповой терапии в Европе. В его основе лежит мой собственный опыт практикующего специалиста, а также рассказы и опыт участников групп, сталкивающихся с ключевыми вызовами психотерапии — пониманием и изменением.

Книга адресована трем группам читателей. Во-первых, она содержит практическое руководство для использования терапевтами, которое включает подробные описания процесса работы групп, рассказы терапевтов об их практическом опыте и проблемах, с которыми они сталкиваются внутри себя и в своих группах, а также таблицы, диаграммы и списки современной литературы. Теорети-

ческий материал иллюстрирован виньетками, собранными в группах разных видов, каждая из которых сопровождается комментарием, в котором обсуждаются динамика и интервенции. Во-вторых, она предназначена для тех, кто обращается за психотерапией, чтобы решить личные проблемы или же найти новые источники смысла в своей жизни. Виньетки предоставят возможность заинтересованному читателю, незнакомому с группанализом, получить представление о группах в процессе работы. И в-третьих, она предназначена для лиц, отвечающих за принятие решений в области законодательства в области психического здоровья, студентов, изучающих различные модели психотерапии и психосоциальную сферу. Обсуждение и сравнение методов и моделей практической работы будут интересны более широким кругам специалистов в области психического здоровья и психотерапии. В книге наряду с группаналитической моделью обсуждаются и сравниваются другие принципиально психодинамические модели групповой терапии: тэвистокская, интерперсональная, психодинамическая, современная аналитическая и системная, которые используются для создания интегрированно-го и последовательного подхода.

Книга состоит из трех частей. В части I изложены основные теоретические положения. Глава 1 сфокусирована на целях и словаре психотерапии; в главе 2 определены отношенческое, рефлексивное и репаративное измерения групповой психотерапии; глава 3 исследует развивающий опыт группы; глава 4 посвящена языкам группы: монологу, диалогу и дискурсу; глава 5 посвящена речи и тишине в группе; глава 6 посредством описания десяти репрезентативных клинических исследований практики в Великобритании определяет условия в отношении частоты, продолжительности и состава групп в данной модели; и глава 7 завершает часть методичным сравнением группанализа с другими важнейшими моделями групповой психотерапии.

В части II с помощью трех основных понятий в клинической теории: структуры, процесса и содержания, которые используются для проведения широкомасштабного исследования в данной области, рассматриваются основы группаналитического подхода. Во-первых, в главе 8 представлен комплексный обзор трех основных концепций, каждая из которых затем рассматривается отдельно; глава 9 фокусируется на структуре; глава 10 посвящена процессу; глава 11 — содержанию. Часть II заканчивается главой 12, посвященной веду-

шему, который рассматривается в трех разных ролях — как человек в группе, как организатор группы и как ее терапевт.

Эти первые две части книги предназначены для всех, кто руководствуется группаналитической моделью в осуществлении поддерживающей или динамической психотерапии, а также для тех, кто использует группы в преподавательской, консультативной или организационной работе. Они будут полезны тем, кто обеспечивает деятельность групп детей, подростков и пожилых людей, тем, кто занимается социальной поддержкой, и тем, кто предоставляет терапию людям, страдающим тяжелыми физическими или психическими заболеваниями и перенесшими травмы.

Часть III выходит за рамки основ, чтобы исследовать динамику изменений в группаналитической психотерапии. В главе 13 основное внимание уделяется четырем доменам смыслового содержания группы: текущему, связанному с переносом, проективному и первичному/архаическому; глава 14 посвящена переносу, и в ней рассматривается, как на протяжении всей книги перенос и контрперенос используются в качестве основных терапевтических принципов наряду с проекцией, идентификацией и проективной идентификацией; в главе 15 посредством изучения холдинга, контейнирования и игры исследуются стремление и принадлежность, а также диалектические отношения между ними в группах; в главе 16 рассматривается язык страдания и его символическое значение, голос символа и взаимосвязь между метафорами в групповой психотерапии и их «продуктами» — метаморфозами; в главе 17 обсуждаются принципы терапевтического метода, лежащие в основе группаналитической модели: комплексное использование локализации, перевода и интерпретации; и в заключительной главе 18 производится обзор всего материала, представленного в данной книге, рассматривается доказательная база для применения модели на практике, обсуждаются вопросы обучения и супервизии специалистов, этики добросовестной практики, а также методологии использования виньеток, в которых бывшие участники групп имеют «последнее слово».

Эвристическое обучение

На страницах книги невозможно отдать должное групповой терапии. Здесь каждую минуту происходит много событий независимо от того, является ли групповая сессия активной или спокойной. Ведущий

должен быть внимательным на разных уровнях и взаимодействовать со многими людьми одновременно. Любой человек, которому случилось испытать волнение при звуках хорового пения, воодушевление от работы в команде и незабываемые эмоции семейной жизни, к лучшему или к худшему, знает, что танец больше, чем простая последовательность шагов. В совместном опыте есть что-то экстраординарное, что невозможно понять и объяснить. Именно для этого в книге приведены многочисленные виньетки, описания которых составляют значительную часть объема книги, и пронизывают ее подобно спинному хребту. За ними следуют комментарии, чтобы привлечь читателя к поиску причины и объяснения разворачивающихся событий в терапевтическом процессе. Иногда виньетки ничего не объясняют и лишь в безмолвном почтении к необычному подводят нас к порогу того, что я называю «точками входа», то есть к тем моментам, которые открывают дверь навстречу невысказанному и невыразимому.

Эта книга о человеческом опыте, и она написана не с целью просто «технического» понимания. Единственный способ получить достаточное понимание групповой психотерапии, чтобы затем практиковать ее, как и в случае других эвристических методов, — это ученичество. Лучший способ узнать о предмете этой книги — не читать ее, а присоединиться к группе, которую проводит умелый аналитик. Однако, если у вас нет доступной группы, то эта книга будет полезна для самостоятельного изучения и некоторых других целей. Значительная часть ее повествования и все ее иллюстрации основаны на том, что люди говорят и делают в процессе групповой терапии. Я опирался на мой собственный опыт: сначала прохождение терапии, обучение и затем 35 лет практики. Я работал с людьми из разных слоев общества, я многому научился у них и продолжаю это делать. Большую часть этого времени я работал преподавателем в учебных заведениях, принимал участие в конференциях и семинарах. Многие главы содержат материалы, предназначенные для преподавания, поэтому я обязан своим студентам тем, что за эти годы они научили меня, каким образом их учить. Еще больше я обязан тем, кто проходил терапию вместе со мной, от кого я узнал многое из того, что мне нужно знать, чтобы делать эту работу. Ежедневная работа в качестве группового аналитика, что является привилегией, иногда может учить смирению или вдохновлять, иногда это трудно или раздражает, но это всегда вызывает непреодолимый и живой интерес.

Эвристические подходы — это основанные на опыте методы обучения, исследования и решения проблем, которые опираются на нашу естественную человеческую склонность к общению и совместной работе в группах. Вооруженные ими, люди могут обогатить и ускорить процесс саморазвития, научившись использовать свои собственные «правила большого пальца»¹. В группах люди обретают уверенность в использовании своих собственных выработанных предположений о том, что может причинять боль или что неправильно в их жизни или в жизни вокруг них. Это может повысить самооценку и, повышая уровень интуитивной проницательности, люди могут научиться использовать свой и других участников группы здравый смысл, чтобы конструктивно справляться с неприятными, а иногда и более темными аспектами жизненных проблем и превращать невзгоды в полезный опыт. Как писал Нитсан, «есть сила в количестве», к ней можно обратиться, чтобы лучше подготовить группу людей к решению невысказанных, а иногда и невыразимых проблем, которые приводят ее участников в терапию, как проиллюстрировано в главах 4—5 (Nitsun, 2001). Атмосфера «самопомощи» культивируется в хорошо скомпонованной группе, состоящей из людей, собравшихся в соответствии с «принципами сходства и различий», описанными в главе 9. Когда терапевт подключает свои ресурсы, чтобы направлять природный смысл *отношений* индивидов, это может вывести их к следующим двум измерениям работы: *рефлексивному* и *репаративному*, и тогда эти три измерения работают вместе ради достижения более глубинного разрешения проблем, исцеления и изменений, как это описано в главе 2. В концепции группы как места для свободной дискуссии, которая может обратить опыт страданий в источник познания, надежда рассматривается как ключ к трансформации (Hopper, 2001; Levine, 2014; Rosenthal, 2013; Wainstein, 2013; Yalom, Leszcz, 2005).

Вайнштейн исследует

близкие отношения в группе как процесс и, используя миф о ящике Пандоры, предлагает семь концептуальных тем: *доверия, знакомства, белого шума, авторитета, конфликта, взаимности и надежды*, которые необходимо проработать, чтобы иметь возможность установить тесные связи... Мы сидим с белым шумом и беспорядком в попытке интегрировать расщепление и конфликт. В совместном выдерживании несправедливости и боли

реальности существует потенциал для взаимных и основанных на любви отношений.

(Wainstein, 2013, p. 63)

Определение групповой психотерапии

Группаналитическая психотерапия — это мощный подход, обеспечивающий положительные результаты и широкий диапазон применения. Когда люди, испытывающие беспокойство, объединяются в группу, можно предположить что их проблемы будут умножаться. Если вы говорите одинокому, подавленному человеку, что он может присоединиться к группе таких же людей, как он, то это может быть воспринято как насмешка. Ребенок, чувствующий себя исключенным из семьи или изгоем среди сверстников, не будет воодушевлен приглашением присоединиться к группе таких же, как он. Знаменитое высказывание Граучо Маркса о том, что он не хотел бы принадлежать ни к одному клубу, членом которого был бы такой же человек, как он, могло бы висеть над входом в каждое помещение, в котором практикуется групповая терапия (Marx, 1994, p. 321). Большинство из нас, столкнувшись с неприятностями, ожидали бы чувствовать себя намного хуже среди людей с подобными проблемами. Психиатрическая палата в больнице не является местом, куда хотелось бы пойти в состоянии отчаяния или в депрессии. Мы знаем, что в тюремных условиях преступники часто усиливают худшие качества друг друга.

Инсайт, аутсайт и парадокс группы

Мы также знаем, что терапевтические группы, даже для заключенных, могут работать в противоположном направлении и вооружать людей способностью приносить друг другу исцеление и изменения. В этой книге исследуется, как и почему это возможно. Использование групповых методов в психотерапии основывается на главном парадоксе. Когда человек видит в опыте других людей, сидящих перед ним, отражение своих собственных проблем, это приводит к непредвиденным и неожиданным изменениям с далеко идущими последствиями. Терапевтическая группа способствует доверительной беседе, обеспечивающей как инсайт, так и аутсайт², и, когда ее ведет вызывающий доверие терапевт, она облегчает боль, устраняет изо-

ляцию, снимает стресс, обеспечивает исцеление и производит глубокие изменения во внутренней жизни и личных отношениях большинства из нас.

Виньетка 0.1

О рае и аде

В книге «Теория и практика групповой психотерапии» Ялом и Лесц рассказывают старую хасидскую историю о раввине, который беседовал с Господом о рае и аде. Ему дали посетить оба места, и он обнаружил в аду, что его обитатели страдали от голода при наличии вкусной еды. Единственной посудой были ложки, слишком длинные, чтобы с их помощью можно было дотянуться до рта, а еда была слишком горячей, чтобы ее можно было взять руками. Для этого места были характерны измученные жесты голодных людей, борющихся с едой, которую они не могли взять в рот. При посещении рая он увидел ту же горячую еду в больших чанах и такие же длинные ложки, но «спасенные» выглядели сытыми и довольными. Ему сказали, что разница «проста, но требует определенного навыка. Люди... здесь научились кормить друг друга».

(Yalom, Leszcz, 2005, p. 13)

Эта притча переворачивает знаменитое изречение Сартра, что «L'enfer, c'est les autres» («Ад — это другие»: Sartre, 2000, p. 223). Обратное утверждение может быть подтверждено реальной историей из опыта Холокоста.

Виньетка 0.2

Выживание и взаимный обмен

В телевизионном документальном фильме мать и дочь, обе прожившие вполне благополучные жизни, рассказали о своем опыте сорокалетней давности, когда они обе умирали от голода в концентрационном лагере перед окончанием Второй мировой войны. У них было немного еды, но они не могли договориться о том, как ее разделить. Мать хотела, чтобы выжила дочь, а дочь хотела, чтобы выжила мать. В конце концов они договорились, что будут кормить друг друга. Они по очереди кормили друг друга, кусочек за кусочком, и таким образом обе выжи-

ли. Когда позднее лагерь был освобожден, они увидели, как другие заключенные собираются убить своих бывших охранников, и обратили на это внимание солдат-освободителей, которые вмешались. Солдаты спросили их, как, после всего, что они пережили, они продолжают беспокоиться об охранниках лагеря? Они ответили, что они выжили, потому что они заботились друг о друге. Их поддерживала не только пища, но и взаимная забота, и взаимность их эмоциональной связи высветила ценность человеческой жизни для обеих.

(Bodenstab, 2004; Weisner, Zeleny, 1979)

Резонанс и взаимность

Ставя на службу групповому анализу подобные ресурсы, мы опираемся на парадокс, который является частью человеческого существования. Исцеление от страдания и разрешение проблем могут быть найдены и среди тех, кто причиняет боль. Группы могут обладать способностью действовать в качестве агентов терапевтических изменений, запуская процесс, который способствует резонансу и взаимности, при этом «предоставление помощи (становится) тем самым процессом, основным и уникальным компонентом группового анализа, посредством которого кто-то может получить помощь и, следовательно, развиваться в направлении здоровья...» (von Fraunhofer, 2008, p. 288). Близкое общение, создаваемое регулярными встречами в небольшой группе, обеспечивает пространство для роста и изменений, которое, при условии того, что группу ведет надежный терапевт в контейнирующем сеттинге, может стимулировать развитие и провоцировать рефлексивные вопросы, то есть самоанализ, с радикальными, восстанавливающими и далеко идущими последствиями для жизней большинства людей. Эта книга отдает должное этим парадоксам и опыту их применения. Одна из наших клиенток, столкнувшаяся в детстве с жестоким обращением и травмами, покидая группу, сказала, что обнаружила здесь, что никогда не поздно иметь счастливое детство. Впоследствии она вышла замуж и благополучно работала. Часть ее истории описана в вignetках 5.2–5.4.

Одно из наиболее ярких определений групповой терапии пришло к нам из группы выживших, которая проводилась в центре для беженцев.

Виньетка 0.3*Мыльные пузырьки в час по чайной ложке*

Мустафа, шиит из Ирана, достаточно сносно говорил по-английски, но из-за его персидского акцента, у него возникали милые забавные недоразумения. Когда он присоединился к группе, он страдал от ярких посттравматических симптомов и исковерканных отношений со своей семьей, часть которой жила с ним в Лондоне, а оставшаяся часть находилась на нелегальном положении дома. После двух лет групповой терапии на заключительных сессиях мы вспоминали время, проведенное вместе, и тогда он сказал следующее: «Эта группа, в которой все происходило в час по чайной ложке, похожа на банду братьев (фильм «Банда братьев» в то время показывали по телевизору), но только мы не воюем. Мы собирались вместе каждую неделю, как эти братья, которые вместе ходили в прачечную, а вы, терапевты, забирались с нами в стиральную машину, добавляли порошок, включали ее и потом болтались там вместе с нами в этих мыльных пузырях в течение полутора часов. Каждую неделю мы выходили очищенными с помощью происходящих по чайной ложке разговоров и слушания, и затем мы могли спокойно возвращаться домой, любить свои семьи и благодарить Бога»³.

**«От глотка воздуха» — к духу «мыльных пузырьков
в час по чайной ложке»**

Есть много историй, которые свидетельствуют о преимуществах групповой терапии в применении ко всему спектру потребностей и опыта. В стихотворении, обращенном к возлюбленной, ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс ответил на вопрос, как у него рождаются стихи. «Из глотка воздуха, — сказал он, — по весу равные великим и их славе / Стихи мои — из воздуха глотка»* (Yeats, 1990, p. 85). Вся эта книга пронизана духом этого открытия. Группа братьев или сестер может вызвать дух благотворной совместной последовательной работы (тех самых «пития по чайной ложке», «мыла» и «пузырей») из глотка воздуха, чтобы рассказав истории о своих утратах и страданиях, вновь обрести счастье.

Сходным образом юмор, звучащий во время группового занятия, делает процесс исцеления более серьезным, и единственный, самый насущный вопрос книги — это акцент на первоочередной задаче ве-

* Пер. с англ. О. А. Соловьева.

душего — научить людей безопасно «играть» с человеческим опытом и делать это в широком диапазоне эмоций. Смысл игры состоит не в том, чтобы свести опыт к игрушкам смысла, а в том, чтобы различить в игре слов и в игре чувств, которые иногда невозможно выразить словами, возможность заново понять, какие дары приносит жизненный опыт людей. Розенталь демонстрирует, что даже несчастье приносит свои дары (Rosenthal, 2013). Группы могут помочь нам найти эти дары в процессе, который является отношенческим, рефлексивным и репаративным. Можно вспомнить песню «Битлз» 1969 года «Come together» и использовать ее как «приглашение на танец», приглашение собраться вместе, чтобы не потерпеть неудачу. Терапевтические группы состоят не только из тех, кто сознательно нуждается в другом, но и из тех, кто опасается травм из-за близости других и зачастую впервые может найти безопасные формы близости.

Оценка групповой терапии – метапсихология против практики

Несмотря на некоторую непринужденность, нельзя ставить под сомнение необходимость надежных доказательств, которые могут быть выражены в цифрах. Сегодня как никогда у нас есть острая необходимость использовать обоснованные и надежные доказательства преимуществ нашей работы. В наше время людям, ответственным за психологические услуги, приходится быть не только клиницистами, но и экономистами. Из-за нехватки доказательной базы, явных преимуществ или структурированных результатов многие бесценные терапевтические ресурсы, включая групповые программы, были утрачены. Когда те, кто отвечает за психотерапевтические программы, которые основаны на других моделях и работа в которых предусматривает структурированные формы терапии, настаивают на том, что групповой анализ — это модель без теории и практика без метода, многие коллеги-группаналитики обнаруживают, что у них нет возможности высказаться по этому поводу. Но вряд ли будет правильным в качестве ответа настаивать на постулатах радикально нового метода, возникшего во время Второй мировой войны и изложенного в работах, написанных между 1948 и 1975 годами. К сожалению, многие современные публикации по групповому анализу обходят молчанием насущные клинические вопросы, касающиеся практики работы. Большая часть современной литературы по групповому анализу уделяет больше внимания метапсихологии и теории в ущерб ключе-

вым практическим вопросам, с которыми наши стажеры сталкиваются в ходе работы. К счастью, существует масса приятных исключений, и мы поговорим о них на страницах нашей книги.

Недавние труды с клиническим фокусом и без него

Работы, сфокусированные на клинической практике

К работам с выраженным клиническим фокусом, относятся труды по судебной психотерапии, на развитие которой группаналитический подход оказал заметное влияние. Также среди публикаций групповых аналитиков, внесших существенный вклад в совершенствование метода, мы найдем работы де Зулуэты и Марка (De Zulueta, Mark, 2000), Фридмана (Friedman, 2004, 2008, 2011, 2013), Гордона (Gordon, 2005, 2009), Кеннарда, Робертса и Уинтера (Kennard, Roberts, Winter, 1993), Лоренцена (Lorentzen, 2014), Молнос (Molnos, 1986), Нитсана (Nitsun, 1996, 2006, 2015), Пайнса (Pines, 1998, 2015), Урлича (Urlic, 2004) и многие диссертации, написанные студентами в ходе обучения, в том числе в лондонском Институте группового анализа. Они многократно цитируются в этой книге. Сочинение Барнса, Эрнст и Хайда является хорошим введением в групповую терапевтическую работу, основанную на стандартной группаналитической модели (Barnes, Ernst, Hyde, 1999). Непреходящее значение для клинической практики группанализа имеет сборник под редакцией Шремера и Пайнса *Ring of Fire* (Schermer, Pines, 1994) и изданный Клейнбергом сборник *The Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy* (Kleinberg, 2011). Также доступны современные, всесторонние, но единичные исследования клинической практики в группаналитической психотерапии на хорватском (Klain, 2008), норвежском (Karterud, 1999) и португальском (Cortês, 1971, 2008) языках.

Работы без фокуса на клинической практике

Теория критически важна для того, каким образом мы практикуем, и среди последних публикаций на английском языке мы найдем исследования наследия Фукса, осуществленные Пайнсом (Pines, 1983), Бледином (Bledin, 2003, 2004), Далалом (Dalal, 2000, 2014), Лави (Lavie, 2005) и Нитцгеном (Nitzgen, 2008); культуры в группах и групп в разных культурах — Вайнбергом (Weinberg, 2003); гендера — Бурман (Burman, 2011a, b); теории сложности — Стейси (Stacey, 2001, 2003); метапсихологии — Ормэем (Ormay, 2012) и Вигманном (Weegmann,

2014) и политических и насильственных расколов в гражданском обществе (Moјović, 2015). Пайнс своей работой сделал больше для формирования группового анализа, чем кто-либо со времен Фукса (Pines, 1998, 2015). В главе 1 прослеживается особая линия теоретического развития, которая основывается на изучении контекста и коммуникации в языке и в музыкальности, что обеспечивает ключевой фокус этой книги. Это направление включает несколько авторов, уже упомянутых в данном введении, а также Томаса (Thomas, 2002); фон Фраунгофер (von Fraunhofer, 2008), Брукс (Brooks, 2009), Уоттон (Wotton, 2011, 2013), Веребес-Байса (Verebes-Weisz, 2011), Левенс (Levens, 2011), Рэйфилд (Rayfield, 2013), Тайерман (Tyerman, 2012), Вайнштейн (Wainstein, 2013) и Пелега (Peleg, 2012). Благодаря вкладу немецких авторов, в особенности Миса (Mies, 2012, 2013) и Шульц-Венрата и Кютемейера (Schultz-Venrath, Kütemeyer, 1984, 2011), восстанавливаются утраченные связи с началами группаналитической теории в основополагающих трудах Бубера, Кассирера, Гольдштейна, Мангейма и Элиаса, которые оказали влияние на то, как дисциплина развивается в рамках современной теории и практики.

Помогает ли групповая терапия клиентам?

Доминирующая линия метапсихологии в групповом анализе имеет своим печальным следствием то, что мы ведем нашу работу так, как если бы доказательная база ее преимуществ в широком контексте еще не была подкреплена комплексом убедительных свидетельств. Это просто не тот случай. Еще в 1970 году Ялом собрал доказательную базу, указывающую на неоспоримые преимущества групповой терапии и описал ее в отрывке, который повторялся в каждом последующем издании «Теории и практики групповой психотерапии». Более подробно это изложено в главе 2.

Помогает ли пациентам групповая терапия? Безусловно. Результаты многих исследований недвусмысленно свидетельствуют о том, что групповая психотерапия — в высшей степени эффективная форма психотерапии... [обладающая] способностью приносить несомненную пользу.

(Yalom, Leszcz, 2005, p. 1)

В нашей профессии существуют странные ограничения, которые заключаются в том, что студенты быстро осваивают одиннадцать

терапевтических факторов Ялома и могут сразу же их перечислить, но немногим известно об основанных на исследованиях эмпирических вопросах, о том, что эти вопросы необходимо прояснить, а эти вопросы были подняты уже в самом первом издании его книги. Эти ограничения в наших институтах и профессиональной культуре затемняют то, что уже есть в наших руках, лишают нас наших собственных ориентиров и заставляют нас работать на разделенном поле. Это все начиналось не так. Вдова Фукса Элизабет описывает, как это было:

Одним из поводов для его (Фукса) постоянного сожаления... была сложность получения средств для серьезных исследований в психотерапии. Он и его коллеги потратили время и усилия на разработку эффективных крупномасштабных исследовательских проектов, [но] без успеха.

(Foulkes, 1990, p. 17)

Национальный институт здравоохранения и качества медицинской помощи и основанная на доказательствах практика в Великобритании, Европе и США

Ближайшим соратником Фукса, обосновавшимся в Соединенных Штатах, был Гротьян, который также ставил в центр своих научных интересов вопросы эмпирической оценки (Grotjahn, 1983). В североамериканской практике групповая терапия выработала крепкую и надежную доказательную базу. Несмотря на ранний интерес Фукса и, возможно, потому что его лучше всего умеющий считать последователь Энтони уехал из Великобритании в Соединенные Штаты, у тех, кто работает в традиции Фукса в Великобритании, есть странное нежелание считать. В главе 6 описаны озадачивающие последствия этого. В результате групповая терапия в Великобритании не имеет статуса в клинических руководствах Национального института здравоохранения и качества медицинской помощи как научно обоснованная практика. Последствия этого плачевны в той же мере, в какой их можно было бы избежать. Сфере нашей деятельности наносится ущерб, когда те, кто обладает компетентностью в методах исследования, выделяют так мало времени на то, чтобы превратить эти цифры в инструмент аудита, которым можно было бы должным образом пользоваться.

Доказательная практика в США

На протяжении нескольких десятилетий после первого издания книги Ялома доказательная база получила дальнейшее развитие. В настоящее время в Северной Америке, Германии и Скандинавии существуют всесторонне разработанные программы оценки и аудита. Сайт Американской ассоциации групповой психотерапии дает исчерпывающую картину семи отдельных областей, в которых групповая терапия имеет доказанную эффективность*.

Это обсуждается в главе 1, а некоторые частности описаны также в главах 6 и 18. Мы с нетерпением ожидаем того момента, когда соответствующая работа будет проведена в Великобритании. Недавняя работа Лоренцена, о которой говорится в главах 3 и 6, имеет жизненно важное значение, но мы продолжаем вести себя так, как будто единственными специалистами, использующими достоверную и надежную доказательную базу, являются терапевты, работающие в других модальностях (Lorentzen, 2014). В то время как знающие практики часто ведут себя так, как если бы мы не умели считать, те, кто обладает компетенциями в области количественной и качественной оценки, игнорируют потребности своих коллег-клиницистов. Сохраняющийся между ними разрыв приводит в замешательство, и поэтому необходимо безотлагательно наладить тесное сотрудничество между этими группами.

От Дик до Лоренцена: 10 клинических исследований в главе 6

В главе 6 описаны десять релевантных исследований, восемь из которых посвящены группам в различных государственных учреждениях, где группаналитическая модель обеспечивает терапию для широкого круга людей. В двух заключительных исследованиях описывается моя собственная частная практика, которая используется для оценки состояния в течение длительного периода времени блоковых групп и групп, проходящих дважды в неделю. Эта книга опирается на виньетки, которые возникли в процессе работы этих групп, поэтому книга в целом иллюстрирует эти два заключительных исследования. Первым из исследований групп в государственных учреждениях является 10-летнее исследование Барбары Дик, посвященное

* URL: <http://www.agpa.org/home/practice-resources/evidence-based-group-practice>.

амбулаторной аналитической групповой психотерапии в NSH (Национальная служба здравоохранения), которое датируется 1975 годом. Она оценила работу 11 терапевтических групп, которые обеспечивали каждому из 93 участников до двух лет амбулаторной групповой психотерапии. Почти 40 лет спустя исследования закрытых групп, предлагающих групповую терапию один раз в неделю для смешанной популяции из 148 типичных пациентов, которые провел Стейнар Лоренцен в норвежской системе здравоохранения, опирались на тот же базис, чтобы интегрировать клинический и исследовательский опыт и оценить значимость продолжительности лечения. В течение тех лет, которые прошли между этими знаковыми исследованиями, были проведены еще шесть исследований, посвященных терапии в малых группах раз в неделю с однородным составом в различных социальных условиях. Аудит моих собственных, проводимых дважды в неделю и блоковых групп в частной практике приносит простой инструмент, который я разработал, чтобы контролировать процесс и результат в этих группах.

Группаналитический подход: социальная теория и клиническая практика

Наша вера в группы укрепляется, потому что в мире существуют такие явления, как жюри присяжных в судах, жюри в конкурсах, парламенты в государствах, кабинеты министров в исполнительной власти, советы директоров в бизнесе и объединения прихожан в рамках церкви. Все важные обряды посвящения, которые знаменуют чье-то рождение, вступление во взрослую жизнь, начало партнерства и смерть, собирают людей в семьи и группы, чтобы задействовать те измерения жизни, посредством которых мы связаны с другими людьми, которые наполняют нашу жизнь смыслом. С помощью участия в терапевтической группе большинству людей можно помочь создать отношенческий контекст, через который можно обновить жизнь независимо от того, был ли у нас удовлетворяющий опыт в наших родительских семьях и обществе или мы были изолированы и травмированы условиями в детстве, плохим состоянием здоровья или какими-то событиями. Такер и Эдсхед описывают групповую терапию как просоциальную терапию (Adshead, 2009; Tucker, 2004).

Для судебной психиатрической работы необходимо понимание не только асоциального в человеке, но и просоциального в нем.

Если мы не сможем использовать психологические элементы просоциального поведения и здоровые групповые процессы среди заключенных, то мы не сможем установить зрелую защиту против антигруппы в местах лишения свободы.

(Adshead, 2009, p. 88–90)

То, что группы обладают силой, подразумевает, что если они могут помочь, то они также могут оказать и негативное действие. Группы могут принести вред, так же как и исцеление. Базовыми условиями успешной групповой терапии являются, с одной стороны, состав группы, а с другой стороны, компетенция ведущего, эти условия влияют на качество работы группы. Главы 9 и 12 посвящены этим вопросам. Но ирония, содержащаяся в юмористическом определении верблюда как лошади, сконструированной комитетом, указывает на признание того, что коллективный процесс может легко вызвать искажения. Лишь немного отделяет группу, которая является конструктивной, от другой, похожей на банду в своей деструктивности. Большая группа людей может выразить себя посредством гражданского согласия, но может легко превратиться в толпу.

Социальная теория и история

Одна из поздних работ Фрейда

Метапсихология групповой терапии — ее ценности, основополагающие допущения и философия — имеет свой исторический контекст. Групповая и семейная терапия возникла по обе стороны Атлантики в сходные моменты истории во время и после Второй мировой войны, во время и как следствие коллективных процессов, которые не имели себе равных в посягательстве на человечность и в нападении на саму жизнь. Парадоксально, что признание терапевтического потенциала группы произошло в то время, когда разрушительные социальные отношения поставили под угрозу весь мир. Эти угрозы сохраняются и по сей день. В своей работе 1930 года «Недовольство культурой» Фрейд говорит о прошлом цивилизации, но делает мрачные предсказания о надвигающемся насилии. Позднее во время сжигания нацистами книг в Берлине в 1933 году Фрейд отметил, что они уничтожали только его книги, а не самого человека. Но «оптимистический» вывод, который он сделал: это был признак прогресса об-

щества по сравнению со Средневековьем, когда его могли бы сжечь самого, был опровергнут судьбой, хотя до этого он и не дожил. Большая часть его семьи столкнулась с Холокостом (Cohen, 2009, р. xiii). События Холокоста нашли бы отражение в его книге. В ней описываются наихудшие формы страданий, которые люди причиняли друг другу, зафиксированные историей до 1930 года, и дается основательное описание того, как разрушительные процессы остаются неизменной чертой нашей социальности.

Истоки группового анализа: Франкфурт – центр просвещения

Основы понимания отношений

Во Франкфурте до 1933 года между различными учебными заведениями процветал обмен теориями и мнениями по поводу клинической практики, который положил начало групповому анализу и стал первопричиной важных достижений в психосоциальной сфере. Эта интеллектуальная матрица стала одной из первых мишеней нацистской власти и вскоре была уничтожена посредством арестов, изгнаний и смертей. Несмотря на это упомянутые ниже исследователи оказали неоценимое влияние на медицину, общественные науки и психосоциальную теорию, которое ощущается на протяжении нескольких поколений ученых. Серьезность их вклада еще ожидает комплексного изучения. Одним из наставников Фукса был невролог Курт Гольдштейн, который создал в городе клинику для солдат с повреждениями мозга во время Первой мировой войны. Он возглавлял эту клинику до своего переезда в Берлин в 1930 году. Вместе с Фуксом учился Фриц Перлз, основатель гештальт-терапии.туда же приходил и философ Эрнст Кассирер, коллега и родственник Гольдштейна, и таким образом возник двухсторонний канал связи между философией и клинической практикой, оказавший большое влияние на Фукса, который тогда был директором городской психоаналитической клиники, расположенной в одном помещении с Институтом социальных исследований Хоркхаймера. Этот институт повлиял на формирование взглядов Адорно, Фромма и многих других, включая Фукса. Фукс также был связан еще с одним кругом визионеров-мыслителей в городском университете Гете. Вертхаймер разработал гештальт-психологию, и под его влиянием Курт Левин разработал принципы групповой динамики, которые он впоследствии

развивал в Национальной учебной лаборатории в штате Мэн, США. Мангейм и Элиас создали социологию познания, а еще раньше Мартин Бубер написал свое «Я и Ты» (Buber, 1923/2000), знаковый текст для теологии и философии, который оказал глубокое влияние на область отношений. Миллард поставила вопрос об актуальности этого труда для клинической практики, об этом рассказано в главе 1, а в работе Мориса Фридмана (Friedman, 2002) прослеживаются линии влияния Бубера и других названных здесь пионеров на социальные науки. Лави (Lavie, 2005), Нитцген (Nitzgen, 2008) и Мис (Mies, 2012, 2013) в своих работах рассматривают их влияние на Фукса. К 1933 году все названные здесь ученые были изгнаны из Германии. Мангейм, Элиас и Фукс поселились в Лондоне, а Адорно, Кассирер, Фромм, Гольдштейн, Левин, Хоркхаймер и Вертхаймер переехали в США. Этих ученых мы смогли перечислить поименно, потому что они жили и вели продуктивную жизнь, хотя для некоторых из них она оказалась короткой. Биографы связывают ранние смерти Мангейма и Левина с изгнанием и переездом в другую страну, а многие погибли во время Холокоста.

Психика и социальный мир:

интерес Фукса к вопросу о локализации психики

Можно проявлять философский интерес или вовсе не проявлять интереса к таким вопросам, как отношения индивидуума и общества, парадоксы, возникающие в групповой терапии в ходе взаимодействия между индивидуумом и группой, психикой и социальным миром, это и его социальной идентичностью, «мыго» (wego), между индивидуальным и общественным бессознательным. Некоторые полагают, что эти проблемы имеют лишь косвенное отношение к клинической практике. Но для нашей практики будут иметь большое значение вопросы о том, являются ли организующие принципы психики принадлежностью индивидуального разума, как иногда считал Фрейд, или человеческий разум никогда не может быть понят индивидуально, а только как один среди других, в контексте наших первичных и вторичных групп, как сегодня считают групповые и семейные терапевты. На протяжении нашей книги мы так или иначе исследуем эти вопросы, и то, как в начале главы 17 Фукс пишет о том, где локализовано беспокойство, сразу же делает очевидной актуальность этих вопросов для читателя, который впервые сталкивается с ними. В своем предисловии Энтони высоко отзывается об интересе Фукса

к локализации психики и говорит о том, как этот интерес повлиял на его собственные исследования способности психики к быстрому восстановлению, предмета, который он начал исследовать первым. Сегодня это широкая область клинических и социальных исследований, и хотя ее франкфуртские истоки неочевидны, о них следует помнить, поскольку модель Фукса широко используется в 10 вариантах клинической работы в Великобритании, о чем подробно говорится в главе 6. На протяжении всей этой книги мы будем неоднократно обращаться к ключевым группаналитическим принципам, описанным в таблице 0.1, которые лежат в основе большинства вариантов клинической работы⁴.

**Пять ключевых принципов группового анализа:
от Бубера до семиотики**

Заключительный принцип в таблице 0.1 берет свое начало в работах Бубера, а также Бахтина и Выготского, двух русских ученых, которые, хотя и были современниками Бубера, но не были с ним связаны по причине Первой мировой войны и русской революции, разделивших Европу. Англоязычным читателям этих русских авторов представил Пайнс, и он же впервые познакомил психоаналитиков и группаналитиков с работой Мида. Актуальность работы Мида хорошо описана Беркиттом (Burkitt, 2008), а Райт использует мысли Мида в психотерапевтической практике в главе 15 (Wright, 2009). Скоро выйдут «Избранные работы» Пайнса, в которых он упоминает этих основоположников, которые оказали решающее влияние на него самого (Pines, 2015). В первой своей книге, долгое время считавшейся утраченной, «К философии поступка» (Bakhtin, 1993), Бахтин описал то, что он назвал «диалогическим подходом» к человеческим отношениям. Он предлагает нам модель психики в трех формах: «я-для-себя», «я-для-другого» и «другой-для-меня», из которых, по его мнению, формируется идентичность личности. В том же духе Бубер понимает радикальное различие между отношениями «Я—Ты» и «Я—Оно», которое он описывает совершенно другим языком, представление о котором можно получить из эпиграфов к вступлению и главе 1 этой книги. Миллард в главе 1 использует философию Бубера, чтобы описать, как работает групповая терапия. Сегодня интерсубъективная теория и трансперсональная психология опираются на эти (часто неявные) основания.

Таблица 0.1

Элементарные принципы группаналитической теории

1. Необходимо, чтобы наше понимание человеческих отношений было отношенческим. Когда мы говорим об анализе и терапии, отношения «между» имеют приоритет перед отношениями «внутри».
2. Описывая целое и его части: города и пригороды, общества и граждан, группы и отдельных людей, — нам нужна картина целого, гештальта и его формы, чтобы понять части. Мы можем сформировать картину целого, только рассматривая части. Психология целого и частей, гештальт-психология, это вызов формы и свойств, личности и контекста.
3. Если мы хотим помочь кому-то расти и меняться, мы скорее достигнем успеха, если поместим его в группу. Эта «множественность взаимозависимости» основана на репаративном потенциале, заложенном в социальных связях людей.
4. Психические процессы всегда подразумевают реальную или воображаемую группу других, даже когда они выглядят так, «как будто» они являются частями одного человека.
5. Язык является одной из первоочередных «валют» для установления социальных связей. Итак, с точки зрения отношений, бессознательное по своей природе является социальным и может быть исследовано посредством языковых форм в межличностном взаимодействии.

Одним из первых психологов развития был Выготский, он внес уникальный вклад в понимание овладения языком с учетом *зоны ближайшего развития*, понятия широко применяемого в образовании, которое перекликается с идеей Фукса об *общей зоне*, рассматриваемой в этой книге (Chaiklin, 2003; Kozulin, Gindis, Ageyev, Miller, 2003). Развитие новой науки семиотики также базируется на этих идеях, непосредственно относящихся к групповому анализу (Beardsworth, 2004; Kristeva, 1995, 2010). Семиотика оказала влияние на мои собственные концепции о трех измерениях психотерапии (глава 2) и трех формах языка группы (глава 4). Эти идеи находятся в процессе активного и творческого развития в Германии, где такие исследователи, как Мис и его коллеги (Mies, 2014), объединяют клиническую практику с теорией, внося крайне необходимые инновации в группаналитическое поле.

Группаналитическая психотерапия

Ранний этап развития

Фукс был единственным специалистом, связанным с различными кругами Франкфуртской школы, который поселился в Великобритании, где он примкнул к социологу Норберту Элиасу. Ранний этап развития группового анализа был связан с сотрудничеством между ними, что продемонстрировано в первой книге Фукса и в первом издании его второй книги, написанной совместно с Энтони, которое содержит оригинальные ссылки на различные формы группового опыта (Foulkes, 1948; Foulkes, Anthony, 1957). Основной толчок идеи Фукса получили во время клинической практики, которая началась в Эксетере и затем переместилась в Нортфилд, в новаторский военный госпиталь под Бирмингемом. Принцип терапевтического сообщества сложился в отделении психиатрии для взрослых в Нортфилде, а затем был развит Майном и Максвеллом Джонсом (Jones, 1953, 1968; Main, 2001). Позднее опыт использования больших групп этими исследователями был расширен де Маре (de Maré, 1991), применен в условиях учреждений, в ходе программ улучшения психического здоровья и обучающих программ (Kreege, 1975; Weinberg, Schneider, 2003). Эти новаторы вместе с Энтони, также некоторое время находившимся в Нортфилде, как сказано в его предисловии к этой книге, были основателями Группаналитического общества, описанного в главах 6 и 18. В 1957 году Энтони стал соавтором Фукса по труду, оказавшему самое глубокое влияние на групповой анализ. Его предисловие к нашей книге, один из последних написанных им текстов, делает очевидным, что он вносил свой вклад в эту область вплоть до самой своей смерти в 1998 году.

Современный этап развития

На рубеже XX–XXI веков появилась литература, посвященная травматическим источникам насилия (De Zulueta, 2006), которая по-новому осветила темные области социального бессознательного в процессе исследований травмы (Hopper, Weinberg, 2010), в понимании расы и этнической принадлежности (Dalal, 2002) и в исследовании повторяющихся навязчивостей, которые могут заставить содрогнуться целые общества или превратить отдельных жертв в преступников. Волкан применил этот тип мышления к широкому кругу по-

литических вопросов (Volkan, 2001). В Великобритании Кокс (Cox, 1978, 1996, 1998), Уэлдон (Weldon, 1992, 2012), Эдсхед и Пфаффлин (Adshead, Pfafflin, 2004), Гордон (Gordon, 2005, 2009) и Вудс (Woods, Williams, 2014) распространили свое собственное понимание расстройств привязанности и группового анализа на практику судебной психотерапии. Их работа привела к созданию Международной ассоциации судебной психотерапии, которая оказала влияние на групповую терапию в клинической практике. В Северной Америке важный вклад внесли Джиллиган (Gilligan, 1997) и Файрстоуны (Firestone L., 1997; Firestone, Firestone, Catlett, 2003; Firestone R., 2011), работы которых характеризуются уникальным синтезом подхода к психопатологии развития и клинической терапии, особенно для терапии насилия и суицидальности. Подход Файрстоунов — «голосовая терапия» — имеет поразительное сходство с групповым анализом, равно как и применение Фрошем психоанализа вне кабинета (Frosh, 2010). Концепция антигруппы Нитсана объединяет подобные взгляды, так что групповая терапия помогает нам распознать деструктивность, присущую всем нашим социальным связям (Nitsun, 1996). Это дает нам требующее усилий, но обнадеживающее осознание того, что даже в разрушительных процессах содержатся возможности для их трансформации, если они честно и открыто обсуждаются в группах, в которых мы находимся. То насилие, которое происходит в наше время: преступления с использованием молодежью холодного оружия на улицах городов в мирное время, зверства террористов, массовые убийства в государствах, охваченных гражданскими конфликтами, — от бывшей Югославии до Сирии и Ирака — это требует от всех, кому небезразличны психосоциальные науки, развивать их таким образом, чтобы они могли отвечать на вызовы нашего времени (Friedman, 2010, 2015; Ofer, 2015; Schlapobersky, 2015).

Достижения недавнего времени в контексте этой книги

В этой книге будут проиллюстрированы варианты применения группанализа в разных областях психотерапии: начиная с традиционной частной психотерапевтической практики и заканчивая работой с группами повышенного риска и маргинализированными группами в специализированных условиях, описанных в этой книге (Greif, Efros, 2010). Сегодня многие психотерапевты используют группы любого рода, чтобы справляться с вызовами и противоречи-

ями современного расколотого общества. Ключевую роль в этом играет психотерапия в малых группах, которую Фукс назвал терапевтическим групповым анализом, обогатившаяся за счет применения в образовательном, консультативном и организационном контекстах. Книга именно об этом. Именно работа в малых группах неизменно вдохновляет нас на творчество, благодаря которому область нашей деятельности становится более разнообразной, получая дальнейшее развитие, и отвечает потребностям людей различных социальных классов и вызовам различных жизненных ситуаций. Групповой анализ успешно применяется в том числе в психиатрических клиниках в больших городах, в отдаленных уголках Европы, среди беженцев, среди пациентов судебно-психиатрического профиля в закрытых учреждениях, в частной практике, в государственных структурах, в корпорациях и учебных заведениях, а также на отделениях психологии в медицинских колледжах и университетах. По сравнению с этими успехами, когда речь идет о работе с детьми, пожилыми людьми и лицами с медицинскими заболеваниями, группаналитический подход отстает от других моделей психотерапии в Северной Америке и континентальной Европе, хотя и существует ряд заметных исключений. К моменту написания этой книги в современной английской научной литературе было мало заслуживающих внимания работ по этим вопросам, поэтому книга поможет выявлению не только сильных сторон, но и пробелов в этой области знаний.

Фукс как личность и практика по Фуксу

Группаналитический «поворот»

Работы Фукса оставляют удивительно много вопросов о терапевтическом методе, о том, как практиковать. В его первой книге, описывающей опыт Нортфилда, показано, как в ходе своей работы он возвращает доверие, получает доступ к наиболее сложным областям жизни людей и ищет решение их проблем. Нитцген обращает наше внимание на оригинальность и радикальную важность его вклада (Nitzgen, 2008), и в главе 14 я назвал это *группаналитическим «поворотом»* Фукса. Однако за исключением текста, написанного в соавторстве с Энтони, его книги трудно рекомендовать современным читателям. Если бы он написал их на немецком языке, как некоторые из его наиболее известных коллег, такие как Гольдштейн и Фромм,

нам было бы проще понять, что он хотел выразить, поскольку его работы намного превосходят труды последних в оригинальности. Однако, если бы он сделал это, возможно, групповой анализ в Великобритании, не процветал бы так, как сейчас.

Личная и устная преемственность

Как же мы, все остальные, не являясь З. Х. Фуксом, и не имея прямого доступа к нему, можем работать в этой модели? Многие из первопроходцев, будучи его пациентами, супервизантами или коллегами, извлекли большую пользу из своих личных отношений с ним, а некоторые прошли эти этапы и пришли к самостоятельной новаторской работе. Но как нам сохранить и продолжать развивать личную и устную преемственность, когда собственные работы Фукса так далеки от того, чтобы передать его модель, и когда последнего из тех, кто лично знал Фукса, больше нет с нами? В своих работах Нитсан (Nitsun, 1996), Далал (Dalal, 2000), Левенс (Levens, 2011) и другие рассмотрели некоторые недостатки и вытекающие из этого проблемы, которые обсуждаются в главах 14 и 17. Вигманн полагает, что эта неполнота является одной из сильных сторон, которая делает подход человечным и защищенным от упрощающей, как бы предназначенной для учебника терминологии (Weegmann, 2011). Однако для нас остается открытым вопрос о том, как мы получаем результаты в подходе Фукса, если мы не являемся самим Фуксом.

Опора на себя: Сократ и психотерапия

Таким образом, мы опираемся на работы его последователей, и затем нам необходимо опираться на самих себя, к чему призывают нас Скиннер и Вигманн в своих работах, процитированных ниже. Скиннер предполагает, что в этом и заключалось невысказанное стремление Фукса — побудить людей опираться на самих себя. С этой целью, обратившись к доступным работам Фукса и Энтони и получив великодушную поддержку моих собственных наставников, таких как Пайнс и Херст, я выстроил эту книгу так, чтобы она содержала те положения из их работ, которые опираются на наработанную практику. Десять лет назад Скиннер высказал провидческое наблюдение.

У всех великих людей есть свои слабости, и Фукс не был исключением. Он гордился своей способностью к концептуализации, ко-

торая не была его сильной стороной, не только по моему мнению, но и судя по реакции любой аудитории на его лекции и доклады, на которых я присутствовал. Теперь, когда его нет с нами, об этом можно сказать, и, думаю, это должно быть сказано хотя бы ради будущего его собственного наследия.

(Skynner, 1983/1987, p. 235)

В рассказах тех, кто знал и любил его, описана парадоксальная харизма. Пайнс и Херст пишут, что его отличала скромность и глубина личности, что он привлекал к себе людей своей способностью вести сократический диалог, убежденностью, что те, кто был рядом с ним, найдут ответы вместе с ним. Как свидетельствует история Нортфилда, это дало результаты, которых другие не смогли достичь. Его очень любили, он вызывал доверие среди коллег и пациентов и сочетал эту скромную манеру с уверенностью в себе и открытостью для самонаблюдения, что обезоруживало многих. Он вызывал доверие и доброжелательное отношение к себе, создав вокруг себя то, что Энтони впоследствии назвал «живой средой» и наглядно описал в своем предисловии к этой книге. В своей лекции о Фуксе Скиннер рассказывает:

...Главное в идеях и методах Фукса, что подталкивало меня к поиску контакта с ним... [это то, что] у него, казалось, была такая открытая, пытливая, вопрошающая позиция, как будто, он всегда делал шаг назад, чтобы исследовать почву, на которой он сам только что стоял. Занимаясь постоянным поиском истины в своей легкой, забавной и приятной манере, он, казалось, совершенно автоматически вызывал у других, такое же живое, энергичное и пытливое отношение. И это было здорово, как в игре. Вы должны были поймать мяч и отбить его или сделать бросок. Когда он преподавал, он ожидал от своих студентов и подталкивал их к тому, чтобы ему давали понять, что было не так с тем, что он говорил. Таким образом, должен был происходить стимулирующий процесс взаимного обучения, общий поиск новых знаний, к которому все могли присоединиться, все могли вносить свой вклад и все, включая самого Фукса, могли добиться каких-то результатов. Этот простой принцип стал самым важным, чему он меня научил... И я понял, что это, по сути, является основой процесса, который мы называем групповым анализом.

(Skynner, 1984/1989, p. 193)

От работы в клинике Модсли до всемирного признания

С 1950 по 1963 год Фукс отвечал за отделение групповой психотерапии в клинике Модсли при Институте психиатрии, главном центре постдипломного образования в области психического здоровья в Великобритании. Под его руководством младшие психиатры оказывали пациентам услуги групповой психотерапии, в то время как Анна Фрейд, его близкая коллега, отвечала за супервизию индивидуальных психотерапевтов. Получить доступ к участию в этих программах было большой честью. Через них в своем профессиональном развитии прошли многие терапевты, включая Энтони, Кларка, Джексона, Фордхэма, Пайнса, Вольфа и Скиннера, которые затем стали преподавателями группового и психоанализа. Позднее Скиннер написал о личности Фукса следующим образом.

Его влияние на тех, кто пришел работать с ним, уже стало легендой и остается загадкой... Все, кто работал с Фуксом, до сих пор ломают голову над природой того, что именно они получили от него, так как они уверены, что то, что они получили, оказалось исключительной ценностью в их жизни. Очевидно, что это не передавалось интеллектуальными и концептуальными средствами. Даже его речь часто выглядела сумбурной, бессвязной, с отступлениями... такой, что можно было потеряться задолго до конца предложения... но он был добродушен, полон веселья, и вам нравилось разговаривать с ним отчасти и потому, что он заставлял вас почувствовать, что говорить с вами ему нравится. Помимо всего этого, он проявлял непостижимую любознательность и неизменно живой исследовательский интерес и заражал ими окружающих. Он верил, что если использовать творческую силу группы, то группа всегда знает больше или может выяснить больше, чем любой отдельный человек. И он полагал, что для лидера лучший способ раскрыть этот творческий потенциал группы состоит в том, чтобы создать возможности для обсуждения любых вопросов, внимательно выслушивать всех участников и исходить из того, что решению проблемы могут способствовать все точки зрения... В этом духе он обычно и руководил, вбрасывая свои идеи в круг, как и все остальные. Он вызывал у участников группы воодушевление и желание учиться, так как каждый из них обнаруживал, что может внести что-то свое в общую работу.

(Sknner: Bethlem and Maudsley Gazette, 1982, p. 14–16)

Эта картина одновременно вдохновляет и очаровывает. В лекции, прочитанной несколькими годами ранее, Скиннер рассказал, что его «привлекло то, каким был Фукс, а не только его идеи» (Skynner, 1983/1987, р. 235), и описал «глубокие перемены, которые часто происходили в каждом, кто лично контактировал с ним даже непродолжительное время» (Skynner, 1983/1989, р. 235). Но он также отметил, что по тем же причинам «его труды не обеспечили ему той степени признания, которой он заслуживал» (ibid., 236), хотя он был «живым воплощением целостности, о которой мы говорим. И конечно же, способность быть и делать является целью терапии, для которой теории и методы являются лишь случайными» (ibid.). В главе 17 подробно рассказывается о том, что Фукс придавал особое значение «предписанному» использованию интерпретации в строго определенных случаях. Эти предписания, подкрепленные работами Пайнса и других авторов, которые расширили модель, характерны для тех, кто прошел обучение по Фуксу. Тем не менее, в основном обучение наших студентов происходит, когда они усваивают модель посредством их собственной группаналитической терапии и с помощью клинических супервизий их практики. Количество литературы, с помощью которой можно было бы получить представление о методе и его правилах, ограничено, а собственные работы Фукса вряд ли можно рекомендовать. Это сбивает с толку и расстраивает уже несколько поколений наших учеников. Далее Скиннер указывает на это, что помогает нам понять, почему модель не «переехала», например, в Северную Америку, как пишет Бион. Но также в главе 6 будет показано, как термины и определения Фукса стандартным образом используются по всему миру. Они присутствуют во всех моделях групповой терапии. Он создал терминологию, широко применяющуюся в нашей области работы. Мы активно используем такие термины как «открытые», «закрытые», «ограниченные по времени», «медленно открытые», «смешанные» и «гомогенные» группы, а также «комбинированные» и «совместные» варианты терапии. Скиннер поднял еще ряд критически важных вопросов, касающихся этой темы. Он писал следующее.

Для наших учеников, которые... склонны ощущать недостаток ясности в отношении группового функционирования и способов терапевтического вмешательства, огромным бременем является ощущение, что это обусловлено каким-то недостатком в них самих. Часто это не так. Это связано с тем, что в дополнение

к отсутствию четкой и всеобъемлющей теории, способной помочь их обучению, мы ведем себя так, как будто она у нас есть... Мы все почему-то считали, что существовала адекватная теория групповой психотерапии, даже если мы сами никогда не могли ее четко понять. Если кто-то думает, что кладовая переполнена, то нет смысла ходить по магазинам, и поэтому у нас не было мотивации, чтобы заново взглянуть на все это и попытаться исправить недостаток.

(Skynner, 1983/1987, p. 233–234)

Как пользоваться этой книгой. Руководство для читателя

Виньетки вместе с комментариями можно читать независимо от чтения глав, которые они иллюстрируют, что дает читателю четкое представление о происходящем в группах. Вероятно, для любого незнакомого с литературой новичка в этой области глава 5 о речи и тишине в психотерапии будет подходящим началом, доступным для понимания. Психотерапевты и другие практики, для которых группаналитическая модель в новинку, скорее всего, могут начать с главы 12, посвященной роли ведущего. Широкому кругу практикующих психотерапевтов и студентам психосоциальных дисциплин будут интересны вводные главы части I. В них описано поступательное развитие психотерапевтического процесса, затем жизни группы, ее языка и взаимодействия между речью и тишиной. Кроме того, в этих главах даны определения и описаны условия использования основных вариантов применения модели, а также групповой анализ сравнивается с другими широко используемыми моделями. Эти главы можно читать последовательно или выборочно. В части II предлагается системное изложение основ группаналитической модели и обсуждается роль и личность ведущего. Эти части представляют собой последовательное повествование и будут интересны групповым анализам и другим терапевтам, обучающимся групповой работе. Главы, составляющие часть III, посвящены вопросам, выходящим за рамки основной теории, а именно динамике изменений и более сложным вызовам, с которыми сталкиваются ведущие. Группу можно условно описать как *голограмму*, состоящую из четырех доменов: текущей и трансферентной динамики и проективной и первичной динамики. В рамках этих динамик может проявиться последовательное взаимодействие между стремлением и принадлежностью, если веду-

щий может умело удерживать эти домены открытыми друг для друга. При условии того, что ведущий разумно использует локализацию, перевод и интерпретацию в качестве терапевтических принципов, работа группы может переходить от монолога к диалогу и дискурсу и развиваться от отношенческого через рефлексивный к репаративному опыту. Эти главы будут интересны опытным групповым аналитикам и терапевтам, а также тем, кто преподает психотерапию или кому интересно сравнить этот подход с другими терапевтическими моделями. В заключительной главе приводится общий обзор книги и рассматривается ряд ключевых профессиональных тем. Он предназначен для того, чтобы сделать книгу актуальной для лиц, определяющих политику в области психического здоровья и государственного здравоохранения. В заключение под заголовком «Последнее слово» мы дали возможность высказаться бывшим участникам аналитических групп, которые, когда мы попросили их дать согласие на публикацию виньеток, в которых они могли бы узнать себя, взяли на себя смелость рассказать о своем прошлом опыте. Они участвовали в группах в разное время: кто-то один или два года назад, а кто-то 20 лет назад.

Групповая психотерапия является полнокровной, разнообразной и развивающейся областью, широко представленной на конференциях, с богатой литературой, количество которой возрастает с каждым годом, и значительным числом студентов, посещающих курсы и программы обучения во многих странах, несмотря на трудности нашего времени. «От кушетки к кругу» понравится всем, кто интересуется группами и терапией, теорией дискурса и коммуникации, складывающейся на наших глазах отношенческой парадигмой психоанализа, тем, кто работает в психодраме, и тем, кто занимается системной семейной терапией. Книга была написана в период моего пребывания в должности научного сотрудника на факультете психосоциальных исследований Биркбек-колледжа Лондонского университета, условия научной работы в котором задали контекст для создания книги такого масштаба. Благодарю профессора Стивена Фроша за гостеприимство.

Примечания

1. Фраза «правило большого пальца» имеет древнее происхождение и широко используется во многих языках. Она обозначает

- широко применяемый принцип, который не должен быть строго точным или надежным в любой ситуации, но который легко усваивается и применяется для принятия решений.
2. «Аутсайт» — это один из терминов группового анализа, с которым читатели могут быть не знакомы. Хотя он определен нечетко, для групп он используется в качестве эквивалента инсайта в психоанализе, и мы в этой книге стремимся продемонстрировать, в каких случаях он используется. По ходу повествования мы говорим об аутсайте как о ключе к динамике изменений в группах. Это понятие упоминается во введении, определяется в главе 2, проиллюстрировано в виньетках 8.1–8.2, 9.1 и 10.2, связывается с отзеркаливанием в главе 10 и в виньетке 10.2, связывается со стремлением и принадлежностью в виньетке 15.2.
 3. Я хотел бы отдать должное моему коллеге Полу Бернсу за ценный вклад в описанную здесь работу. С ним вместе как котерапевты мы более двух лет вели «Мужскую группу для выживших» сначала в «Медицинском фонде помощи жертвам пыток», а затем в «Клинике травматического стресса» при университетском госпитале в Лондоне. Далее такие группы описываются в главе 10 (в исследовании 6) и в виньетках 10.8, 16.1 и 16.3. Эта работа является данью памяти покойной Хелен Бамбер, основательницы нескольких фондов, работающих с беженцами. Эта книга посвящается ей. В 1986 году она была моим первым котерапевтом в первой группе такого типа, которую мы создали.
 4. Я признателен Томасу Мису за его помощь в написании отрывка об определяющем влиянии франкфуртской школы на групповой анализ, а также в составлении таблицы 0.2.

Литература

- Adorno T. (1950, reissued 1994). *The Authoritarian Personality: Studies in Prejudice*. New York: Norton.
- Adshead G. (2009). Book review // J. Gordon, G. Kirtchuk (Eds). *Psychic Assaults and Frightened Clinicians: Countertransference in Forensic Settings*. Forensic Psychotherapy Monograph Series. London: Karnac. Reviewed: *Group Analysis*. V. 42 (1). P. 88–90.
- Adshead G. (2011). *Killing Time: A Day in the Life of a Group Analyst in a Secure Psychiatric Hospital*. Keynote Address to the Symposium of the Group Analytic Society International. London.

- Adshead G., Pfafflin F. (2004). *A Matter of Security: The Application of Attachment Theory to Forensic Psychiatry and Psychotherapy*. London: Jessica Kingsley.
- Aurelius M. (2004). *Meditations*. Book 11. P. 8. London: Penguin Classics. P. 142.
- Bakhtin M. (1981). *The Dialogic Imagination: Four Essays* / Ed. by M. Holquist; transl. by C. Emerson, M. Holquist. Austin—London: University of Texas Press.
- Bakhtin M. (1993). *Towards a Philosophy of the Act* // M. M. Bakhtin / Eds V. Liapunov, M. Holquist; transl. by V. Liapunov. Austin: University of Texas Press.
- Barnes B., Ernst S., Hyde K. (1999). *An Introduction to Groupwork: A Group-Analytic Perspective*. London: Macmillan.
- Beardsworth S. (2004). *Julia Kristeva, Psychoanalysis and Modernity*. New York: SUNY Press.
- Bledin K. (2003). Migration, identity and group analysis // *Group Analysis*. V. 36 (1). P. 97–110.
- Bledin K. (2004). What's in a Name? Foulkes, Identity and the Social Unconscious // *Group Analysis*. V. 37 (4). P. 490–491.
- Bodenstab J. (2004). *Under Siege: A Mother–Daughter Relationship Survives the Holocaust* // *Psychoanalytic Inquiry*. V. 24 (5). P. 731–751.
- Brooks F. (2009). *The Othering of Silence in Groups*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Buber M. (1958, reissued 2000). *I and Thou* / Transl. by R. G. Smith. New York: Scribner Classics, Simon & Schuster.
- Burkitt I. (2008). *Social Selves: Theories of Self and Society*. London: Sage.
- Burman E. (2011a). *Psychology, Women and Political Practice in Britain* // A. Rutherford, R. Capdevila, V. Undurti, I. Palmay (Eds). *Handbook of International Feminisms. Perspectives in Psychology, Women, Culture and Rights*. New York: Springer. P. 219–246.
- Burman E. (2011b). *Taking Women's Voices, or the Psychological Politics of Feminisation* // N. Bozatsis, T. Dragona (Eds). *The Discursive Turn in Social Psychology*. Athens: Metaxio. P. 259–290.
- Cassirer E. (1955, 1965). *The Philosophy of Symbolic Forms*. New Haven: Yale University Press.
- Chaiklin S. (2003). The zone of proximal development in Vygotsky's analysis of learning and instruction // A. Kozulin, B. Gindis, V. Ageyev, S. Miller (Eds). *Vygotsky's Educational Theory and Practice in Cultural Context*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 39–64.
- Cohen D. (2009). *The Escape of Sigmund Freud*. London: JR Books.

- Cordess C., Cox M. (1996). *Forensic Psychotherapy: Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. London: Jessica Kingsley.
- Cortês E. L. (1971). On Interpretation in Group Analysis: Keynote Paper, First European Symposium in Group Analysis, Estoril, Portugal 1971 // *Group Analysis*. V. 4. P. 39–53.
- Cortês E. L. (2008). *Grupanálise, teoria e técnica*. Lisboa: Sociedade Portuguesa de Grupanálise.
- Cox M. (1978, reissued 1995). *Structuring the Therapeutic Process: Compromise with Chaos – the Therapist's Response to the Individual and the Group*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M. (1998). *Remorse and Reparation*. London: Jessica Kingsley.
- Dalal F. (2000). *Taking the Group Seriously: Towards a Post-Foulksian Group-Analytic Theory*. London: Jessica Kingsley.
- Dalal F. (2002). *Race, Color and the Processes of Racialization: New Perspectives from Group Analysis, Psychoanalysis and Sociology*. London: Routledge.
- Dalal F. (2014). A Rumination on Intimacy and Its Defences in the Consulting Room: A Response to Elizabeth Rohr's 38th Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 47. P. 392–407.
- De Maré P. (1991). *Koinonia: From Hate through Dialogue to Culture in the Large Group*. London: Karnac.
- De Zulueta F. (2006). *From Pain to Violence: The Traumatic Roots of Destructiveness*. 2nd ed. Cambridge: Wiley-Blackwell.
- De Zulueta F., Mark P. (2000). Attachment and Contained Splitting: A Combined Approach of Group and Individual Therapy to the Treatment of Patients Suffering from Borderline Personality Disorder // *Group Analysis*. V. 33 (4). P. 486–500.
- Dick B. M. (1975, reissued 1983). A Ten-year Study of Out-patient Analytic Group Therapy // *British Journal of Psychiatry*. V. 127 (4). P. 365–375. Reissued: Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge.
- Erikson E. (1968, 1995). *Identity Youth and Crisis*. Austin Riggs Monograph 7. New York: Norton.
- Firestone L. (2011). Understanding and Assessing Violence. URL: <http://www.psychalive.org/2011/09/psychalive-ce-webinar-series>.
- Firestone R. W. (1997). *Suicide and the Inner Voice: Risk Assessment, Treatment and Case Management*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Firestone R., Firestone L., Catlett J. (2003). *The Wisdom of Psychotherapy: Creating a Life of Meaning and Compassion*. Washington, DC: American Psychological Association.

- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1990). *Selected Papers: Psychoanalysis and Group Analysis* / Ed. by E. Foulkes. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Freud S. (1930). *Civilization and Its Discontents* // S. E. 21. London: Hogarth Press.
- Friedman M. S. (2002). *Martin Buber: The Life of Dialogue*. London—New York: Routledge.
- Friedman R. (2004). Dreamtelling as a request for containment: Reconsidering the group-analytic approach to work with dreams // *Group Analysis*. V. 37 (4). P. 508—524.
- Friedman R. (2006). Thoughts about therapy in wartime — why is the group still coming? // *Contexts*. November.
- Friedman R. (2008). Dream-telling as a request for containment: three uses of dreams in groups // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 53 (3). P. 327—344.
- Friedman R. (2010). The group and the individual in conflict and war // *Group Analysis*. V. 43 (3). P. 281—300.
- Friedman R. (2011). Dreams and dreamtelling: A group approach // J. Kleinberg (Ed.). *Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley. P. 479—497.
- Friedman R. (2013). Individual or Group Therapy? Indications for Optimal Therapy // *Group Analysis*. V. 46 (2). P. 164—170.
- Friedman R. (2014). Group Analysis Today — Developments in Intersubjectivity // *Group Analysis*. V. 47 (3). P. 194—200.
- Friedman R. (2015). Enemies, love story: Reconciliation in the presence of foes // G. Ofer (Ed.). *Bridge over Troubled Waters: Conflict and Reconciliation in Groups and Society*. London: Karnac.
- Fromm E. (1941, reissued 2001). *Escape from Freedom (Fear of Freedom)*. New York: Farrar & Reinhardt. Reissued: London: Routledge Classics.
- Frosh S. (2010). *Psychoanalysis Outside the Clinic: Interventions in Psychosocial Studies*. London: Palgrave MacMillan.
- Gilligan J. (1997, reissued 2000). *Violence: Reflections on a National Epidemic*. London: Jessica Kingsley.
- Goldstein K. (1939, 1995). *The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived from Pathological Data in Man*. New York: Zone Books.

- Gordon J. et al. (2005). X-treme Group Analysis: On the Countertransference Edge in Inpatient Work with Forensic Patients // *Group Analysis*. V. 38 (3). P. 409–426.
- Gordon J., Kirtchuk G. (Eds) (2009). *Psychic Assaults and Frightened Clinicians: Countertransference in Forensic Settings*. Forensic Psychotherapy.
- Greif G. L., Efros H. L. (2010). *Group Work with Populations at Risk*. Oxford: Oxford University Press.
- Grotjahn M. (1993). *The Art and Technique of Analytic Group Therapy*. Northvale, N.J.: Jason Aaronson Inc.
- Grotjahn M. et al. (1983). *Handbook of Group Therapy*. New York: Van Nostrand Reinhold & Co.
- Hopper E. (2001). On the Nature of Hope in Psychoanalysis and Group Analysis // *British Journal of Psychotherapy*. V. 18 (2). P. 205–226.
- Hopper E., Weinberg C. (Eds) (2010). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. London: Routledge.
- Jones M. (1953). *The Therapeutic Community: A New Treatment Method in Psychiatry*. New York: Basic Books.
- Jones M. (1968). *Beyond the Therapeutic Community: Social Learning and Social Psychiatry*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Karterud S. (1999). *Gruppeanalyse og psykodynamisk gruppepsykoterapi*. Oslo: Pax Forlag.
- Kennard D., Roberts J., Winter D. (1993). *A Workbook of Group-Analytic Interventions*. London: Routledge.
- Klain E. (2008). *Grupna analiza – analitička grupna psihoterapija*. Zagreb: Medicinska naklada.
- Kleinberg J. (Ed.) (2011). *The Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley.
- Kozulin A., Gindis B., Ageyev V., Miller S. (Eds) (2003). *Vygotsky's Educational Theory and Practice in Cultural Context*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kreege L. (Ed.) (1975). *The Large Group*. London: Karnac.
- Kreege L. (1992). Envy Pre-emption in Small and Large Groups. 16th S. H. Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 25. P. 391.
- Kristeva J. (1995). *New Maladies of the Soul*. New York: Columbia University Press.
- Kristeva J. (2010). *Hatred and Forgiveness*. New York: Columbia University Press.
- Lavie J. (2005). The Lost Roots of the Theory of Group Analysis: 'Taking Inter-relational Individuals Seriously'! // *Group Analysis*. V. 38 (4). P. 519–535.

- Levens M. (2011). Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Levine R. (2014). Progressing while regressing in relationships // R. Grossmark, F. Wright (Eds). *The One and the Many: Relational Approaches in Group Psychotherapy*. New York: Routledge.
- Lewin K. (1977). *Resolving Social Conflicts* (1948) and *Field Theory in Social Science* (1951): Joint Edition 1977. Washington, DC: American Psychological Association.
- Lorentzen S. (2014). *Group Analytic Psychotherapy: Working with Affective, Anxiety and Personality Disorders*. London: Routledge.
- Main T. (2001). *The Ailment and Other Psychoanalytic Essays* / Ed. by J. Johns. London: Routledge Classics.
- Marx G. (1994; reissued 2002). *Groucho and Me: The Autobiography of Groucho Marx*. New York: Da Capo Press.
- McWilliams N. (1999). *Psychoanalytic Case Formulation*. New York: The Guilford Press.
- Mies T. (2012). Die Gruppenanalyse im interdisziplinären Dialog. Anmerkungen zur Gesschichte und Aktualität des Matrixbegriffs // *Gruppenanalyse*. V. 22. S. 4–25.
- Mies T. (2013). Die Symboltheorie von Norbert Elias – Ein Paradigma für die Theorie der Gruppenanalyse? // *Psychosozial*. V. 36 (131). S. 63–84.
- Mies T. (2014). Dialog und Vielstimmigkeit: Martin Buber und Michail Bachtin. Teil 1 // *Gruppenpsychotherapie und Gruppendynamik*. V. 50. S. 30–70.
- Mojović M. (2015). The Matrix Disrupted. Challenges and changes // *Group Analysis*. V. 48 (4). P. 540–556.
- Molnos A. (1986). Anger That Destroys and Anger That Heals: Handling Hostility in Group Analysis and in Dynamic Brief Psychotherapy // *Group Analysis*. 1986. P. 207–221.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2001). Strength in Numbers. *The Guardian*. Republished: 2011. URL: http://www.fitzgap.com/strength_in_numbers.html.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2015). *Beyond the Anti-group: Survival and Transformation*. London: Routledge.
- Nitzgen D. (2008). The Group Analytic Movement Sixty Years on: Revisiting Foulkes' Introduction to Group Analytic Psychotherapy // *Group Analysis*. V. 41 (4). P. 325–346.

- Ofer G. (2015). Forgiving and not forgiving in group analysis: The importance of witnessing in the process of forgiveness // G. Ofer (Ed.). *Bridge over Troubled Waters: Conflict and Reconciliation in Groups and Society*. London: Karnac.
- Ormay T. (2012). *The Social Nature of Persons: One Person Is No Person*. London: Karnac.
- Peleg I. (2012). Oppression, Freedom and Recognition in an Analytic Therapy Group: Group and Therapist Interactions from Relational and Group Analytic Perspectives // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 62 (3). P. 436–458.
- Pines M. (1983). The contribution of S. H. Foulkes to group therapy // M. Pines (Ed.). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley Press, 2000. P. 265–285.
- Pines M. (1998). *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley Press.
- Pines M. (2015). *Collected Papers*. London: Routledge.
- Rayfield E. (2013). *Weathering, Shifting Perspectives and the Space in Between. What Happens in Groups to Change Our Experiences of Each Other and Ourselves?* MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Rosenthal N. E. (2013). *The Gift of Adversity: The Unexpected Benefits of Life's Difficulties, Setbacks, and Imperfections*. New York: Tarcher Penguin.
- Sartre J. P. (2000). *Huis Clos and Other Plays*. London: Penguin.
- Schlapobersky J. (1986; reissued 1990). Editor's introduction and author's biography // *Explorations with Families: Group Analysis and Family Therapy: Selected Clinical Papers of Robin Skynner*. London: Routledge. P. xvii–xxviii.
- Schlapobersky J. (1994, 2000). The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: Jessica Kingsley Press. P. 211–231.
- Schlapobersky J. (2015). *Group Analysis on War and Peace* // G. Ofer (Ed.). *Bridge over Troubled Waters: Conflict and Reconciliation in Groups and Society*. London: Karnac.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). *Group Methods in Adult Psychiatry* // M. Gelder et al. (Eds). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1368.
- Schneider S., Weinberg H. (2003). *The Large Group Revisited*. London: Jessica Kingsley Press.

- Schultz-Venrath U. (2011). Das Gehirn in der Gruppe oder die Gruppe im Gehirn – Zur Neurobiologie des Mentalisierens in Gruppenpsychotherapien // *Gruppenpsychother. Gruppendynamik*. V. 47. S. 111–140.
- Schultz-Venrath U., Küttemeyer M. (1984). Kurt Goldstein (1878–1965): Begründer einer psychosomatischen Neurologie? // C. Pross, R. Winau (Hrsg.). *Nicht mißhandeln. Das Krankenhaus Moabit. 1920–1933 ein Zentrum jüdischer Ärzte in Berlin. 1933–1945 Verfolgung Widerstand Zerstörung*. Berlin: Edition Hentrich. P. 133–139.
- Skygger A. C. R. (1982). Reflections // *The Bethlem and Maudsley Gazette*. V. 30 (2). P. 14–16.
- Skygger A. C. R. (1983, 1987). Group analysis and family therapy // M. Pines (Ed.). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge. Reissued: Schlapobersky J. (Ed.) (1986, 1990). *Explorations With Families: Group Analysis and Family Therapy*. London: Routledge. P. 231–235.
- Skygger A. C. R. (1984; 1989). Institutes and How to Survive Them: 8th S. H. Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 15. 11/2. Reissued: Schlapobersky J. (Ed.) (1989). *Institutes and How to Survive Them: Mental Health Training and Consultation – Selected Papers of Robin Skygger*. London: Methuen. Reissued: Routledge, 1993. P. 189–211.
- Stacey R. (2001). Complexity and the Group Matrix // *Group Analysis*. V. 34. P. 221–239.
- Stacey R. (2003). *Complexity and Group Processes: A Radically Social Understanding of Individuals*. London: Routledge.
- Thomas A. (2002). *Kind of Blue: The Role of the Group in Developing an Unconscious Communication Into a Musical Icon*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Tucker S. (2004). *From Group Norms to the ‘Group Super-Ego’: The Therapeutic Efficacy of the Ethical and Political in Foulkes*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Tyerman S. (2012). *Watching the Body in the Group*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Urlić I. (2004). Trauma and reparation, mourning and forgiveness: The healing potential of the group // *Group Analysis*. V. 37 (4). P. 453–471.
- Verebes-Weisz J. (2011). *Capacity to Be in a Group: Small Group Psychotherapy in a Forensic Therapeutic Community for People with Dangerous and Severe Personality Disorder*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.

- Volkan V. (2001). Transgenerational transmissions and chosen trauma: An aspect of large group identity // *Group Analysis*. V. 34. P. 79–97.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in it for me? The development from immature to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Wainstein S. (2013). An Exploration of Intimacy in Group Analytic Psychotherapy. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Weegmann M. (2011). Working Intersubjectively: What Does It Mean for Theory and Therapy? // E. Hopper, H. Weinberg (Eds). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. Vol. 1: Mainley Theory. London: Karnac. P. 133–154.
- Weegmann M. (2014). *The World within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Weinberg H. (2003). The Culture of the Group and Groups from Different Cultures // *Group Analysis*. V. 36 (2). P. 255–267.
- Weinberg H., Schneider S. (2003). *The Large Group Re-Visited: The Herd, Primal Horde, Crowds and Masses*. London: Jessica Kingsley.
- Weisner R., Zeleny J. (1979). Holocaust Testimony (HVT-34). Holocaust Survivors Film Project Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies, T-34, T-220, T-972. Yale University Library.
- Welldon E. (1992). *Mother, Madonna, Whore: The Idealization and Denigration of Motherhood*. London: Karnac.
- Welldon E. (2012). *Playing with Dynamite: A Personal Approach to the Psychoanalytic Understanding of Perversions, Violence and Criminality*. London: Karnac.
- Woods J., Williams A. (2014). *Forensic Group Psychotherapy: The Portman Clinic Approach*. London: Karnac.
- Wotton L. (2011). Expecting the Unexpected: A Source of Change in Analytic Groups // *Group Analysis*. V. 44 (3). P. 315–327.
- Wotton L. (2012). Between the Notes: A Musical Understanding of Change in Group Analysis // *Group Analysis*. V. 46 (1). P. 48–60.
- Wright K. (2009). *Mirroring and Attunement: Self-Realizations in Psychoanalysis and Art*. London–New York: Routledge.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. 5th Ed. New York: Basic Books.
- Yeats W. B. (1990). He thinks of those who have Spoken Evil of his Beloved // *The Poems*. London: Everyman, J. M. Dent & Sons. P. 85.

Часть I

ОСНОВЫ

Обзор части

Семь глав этой части являются основой книги. Они будут интересны широкому кругу читателей, а также новичкам в этой области и не требуют предварительной подготовки или технических знаний.

В главе 1, чтобы познакомить читателя с психотерапевтической терминологией, языком, тишиной и музыкой групп в процессе работы, используется серия виньеток. Здесь обсуждаются цели психотерапии, базовые принципы терапевтической практики и основы техники. Опираясь на особенный интерес к роли произнесенного слова, к природе, возможно, невыразимого опыта, к порядку слов, которые функционируют как жесты, и к «синтаксису» невербальной коммуникации, в этой главе определяется, а в следующих частях раскрывается предмет этой книги. Глава начинается с обзора основных принципов и взглядов основоположников метода, включая Фрейда и пионеров группового анализа Фукса, Энтони и Пайнса, а затем переходит к эмпирическому обзору потребностей тех, кто сегодня обращается за групповой терапией.

В главе 2 вводится понятие трех основных измерений терапевтического опыта: отношенческого, рефлексивного и репаративного. В процессе групповой работы они могут проявляться по отдельности или все вместе в определенной последовательности. В процессе развития группы ведущий помогает ей превратить отношенческий опыт в рефлексивный, а затем рефлексивный — в репаративный.

В главе 3 изложена общая теория группового развития в форме «путевых заметок», основанных как на публикациях прошлых лет,

так и на недавних работах. В ней подчеркивается взаимозависимость между личным и групповым развитием и исследуется, как этапы пути индивида в контексте группы или пути группы во времени определяются личными целями индивида, участием в группе, ведущим и средой. Также обсуждается ответственность ведущего за работу с тупиковыми ситуациями, регрессией и сопротивлением на ключевых этапах развития в групповом контексте.

Глава 4 посвящена свободно текущей дискуссии, первому терапевтическому принципу Фукса. Здесь вводятся три основные формы речи, возникающие в группе: монолог, диалог и дискурс, которые образуют ее семантическое поле. Эти языковые формы локализованы в поле групповых смыслов и соотносятся с соответствующей прогрессией от психологии индивида до психологии диады и триады, образующих поле отношений группы. Задача развития, с которой сталкивается ведущий, заключается в том, чтобы помочь группе превратить монолог в диалог, а диалог в дискурс.

Глава 5 исследует речь и тишину в групповой психотерапии. Опираясь на идеи Винникотта о невысказанном и невыразимом, мы рассуждаем о реальности, о конструктах и репрезентациях. В групповой жизни невербальный опыт возникает в молчании до, после и в промежутках между словами, а также в «музыке» группы. Невербальное общение обеспечивает доступ к глубоким слоям психической жизни, которые обычно скрыты и могут проявиться во время молчаливых пауз в группах, которые оказываются красноречивее, чем слова.

В главе 6 рассматриваются определения и научные работы, обосновывающие различные варианты применения группаналитической модели. Для каждого варианта указывается продолжительность работы, частота встреч групп, особенности сеттинга. Во всем этом просматривается далеко идущее влияние оригинальных терминов и идей Фукса.

В главе 7 обсуждаются методы, модели и варианты применения групповой психотерапии с точки зрения структуры, процесса и содержания, а также диаграмма, приведенная в работе Стоуна, Шея и Скотта Рутана, иллюстрирующая сравнительные различия между шестью упоминаемыми здесь психодинамическими моделями работы: тэвистокской, группаналитической, интерперсональной, психодинамической, современной аналитической и системной.

Цели и словарь психотерапии

Я чувствую себя полным знаний и уверенным в своих навыках по отношению к моей работе с группой незнакомых друг с другом людей, хотя я все еще ощущаю полное бессилие, когда пытаюсь сформулировать, как я это делаю... Теория и практика, необходимые для действительно эффективной терапии в группе незнакомых друг с другом людей... является наиболее сложной частью. Этот вид терапии связан со значительно большим количеством проблем и возможностей, чем у других методов... Психотерапия для групп незнакомых друг с другом людей потенциально обладает гораздо большей силой и возможностями, чем формы терапии, которые мы уже рассматривали, и поэтому неудивительно, что мы должны воспринимать ее как нечто гораздо более трудное для постижения.

(Robin Skynner, 1983/1987, p. 231, 235)

Человеческое общение основывается на нашей врожденной музыкальности... Мы сразу же делимся своими намерениями и эмоциями с другими посредством языка тела и тона голоса. Сама идея интерсубъективности зависит от способности человека развить чувство интерсубъективного времени, в течение которого можно выстроить совместный смысл... Только путем взаимного согласования себя с другим — во времени и в тональности... мы можем осмыслить то, что Мид называет

разговором жестов и откликов. Социальная природа... опыта, по сути, является музыкальной.

(Linde Wotton, 2012, p. 49)

Мы являемся погодой друг для друга...

(Emma Rayfield, 2013)

В группаналитическом подходе лицо, ответственное за группу, называется ведущим. Первое, что он должен сделать, — это собрать вместе людей, опираясь на их перекликающиеся потребности и совместную способность вносить вклад в общий ресурс, группу, из участия в которой каждый может извлечь пользу. Во-вторых, ведущий собирает это «сообщество» в помещении, где группа как целое становится терапевтическим агентом. И в-третьих, в контексте группы ведущий ничего не делает для участников из того, что они сами могут сделать для себя и друг для друга. Хорошо подобранная группа с опытным ведущим поможет участникам открыть в себе естественные источники обновления и жизнестойкости, способные принести огромную пользу. Эта книга о том, как заставить группу работать, почему это работает, для кого она работает и кем выполняется эта работа. Мы исследуем язык, тишину и музыку групп, используемые для коммуникации на вербальном, невербальном и довербальном уровнях. Таким образом, групповая терапия оказывается в тесной связи с устной традицией рассказывания историй. Следовательно, мы можем продуктивно работать со взрослыми, детьми и подростками, находящимися на ранних стадиях развития, включая регрессивные и скрытые формы инфантильных состояний, что долгое время считалось невозможным в рамках психотерапии (Nitsun, 1988; Usandivaras, 1989).

На этом этапе, начиная новую книгу, я чувствую что-то похожее на то, о чем писал Скиннер в 1976 году в уже процитированном отрывке: «Я все еще ощущаю полное бессилие, когда пытаюсь сформулировать, как именно работает групповая психотерапия». Когда пионеры нашего метода создавали свои основные труды, они, как и мы сейчас, имели дело с очень сложным предметом. К тому же они работали в эпоху, когда в их распоряжении еще не было достаточно литературы и накопленного опыта, в то время как мы обладаем огромными преимуществами, так как пользуемся плодами их новаторских

трудов. Однако до недавнего времени с точки зрения практики групп-аналитическая психотерапия оставалась более продвинутой дисциплиной, чем с точки зрения ее понимания. Сегодня появляется все больше и больше работ по группанализу, на некоторые из них мы ссылаемся в начале этой главы. Изучая практическую модель в этой книге, мы также вносим вклад в эту работу. И перед нами возникает дополнительный вызов — отказаться от привычного разделения между «теорией» и «практикой». Эта книга является исследованием клинической теории в действии, в процессе работы в группе или же группаналитической практики, основанной на теории.

В путешествии от кушетки к кругу центральное место занимает пересказывание историй. Некоторые из этих историй перечислены в списке виньеток. Моя статья «Язык группы» посвящена идеям Фукса о свободно текущей дискуссии. Она была опубликована в 1995 году и включена в эту книгу в качестве главы 4. Существуют и другие труды, посвященные этой теме, в том числе работа Войцеховской, с которой началось изучение языка, используемого в наших группах (Wojciechowska, 1993). В нашей книге обсуждаются такие формы речи, как монолог, диалог и дискурс, но в группанализе многие исследователи, такие как фон Фраунгофер (von Fraunhofer, 2008), Брукс (Brooks, 2009), Уоттон (Wotton, 2011, 2012), Веребес-Вайс (Verebes-Weisz, 2011), Левенс (Levens, 2011), Рэйфилд (Rayfield, 2013), Тайерман (Tyerman, 2012), Вайнштейн (Wainstein, 2013) и Пелег (Peleg, 2012) занимались и более широкими областями научных изысканий. И только некоторые из работ этих авторов были опубликованы. В дальнейшем тема языка в группаналитической психотерапии развивается в главе 4 книги Далала «Серьезное отношение к группе» (Dalal, 2000), в трех оригинальных трудах Нитсана (Nitsun, 1996, 2006, 2015) и во многих оригинальных публикациях Вигманна (Weegmann, 2001, 2015). Мы уже опираемся на новаторские труды Пайнса, которые помогли заложить основы группанализа (Pines, 2015). Кроме того, нам предстоит провести более широкие исследования в области теории поля, языка и метафоры в психотерапии, отталкиваясь от оригинальных работ Болласа (Bollas, 1987, 1990) и Райта (Wright, 2009), а также работы Монтаны Кац и ее коллег в изданном в 2013 году сборнике, который также содержит статью Моделла, опирающегося на воззрения Винникотта, которая имеет прямое отношение к тому, что происходит в группах (Modell, 2013).

Таблица 1.1

Важные уроки, извлеченные из личного опыта:
Ганс (Gans, 2010, р. XVIII)

1. Ядром личности терапевта становятся важные уроки, извлеченные из персонального опыта
2. Негибкое соблюдение важных принципов, усвоенных в процессе обучения, ограничивает терапевтическую эффективность
3. Важно противостоять тенденции (и, как следствие, нейтрализовать ее)... фокусироваться на сложностях и проблемах в ущерб признанию успехов и сильных сторон наших пациентов и нас самих

Иллюстрации монолога, диалога и дискурса: три виньетки и комментарии

Мы начнем раскрывать предмет этой книги с помощью серии виньеток, которые иллюстрируют наше пристальное внимание к языку. Затем следует изучение языка группы в главе 4 и обсуждение управления речью и молчанием в главе 5. Чтобы сделать книгу более доступной для широкого читателя, с помощью следующих виньеток мы перекинем мостик между жизнью терапевта как частного лица за пределами кабинета и терапевтической практикой в помещении, где идет терапевтическая работа.

Монолог и диалог

Виньетка 1.1

Что мы видим в зеркале, когда смотримся в него

За пределами кабинета: Одна моя близкая знакомая пребывала в остром горе и связанном с ним психическом расщеплении, но ей удалось выкарабкаться из этого состояния. Она рассказала мне, что когда она начала поправляться, она посмотрела в зеркало и снова увидела себя. «Я увидела, что я вернулась сюда», — сказала она. Во время этой беседы казалось, что ее облегчение можно ощутить физически, настолько оно было очевидным. Когда смотрящийся в зеркало вновь встречается взглядом с собой, заново обретенное чувство себя дает толчок к обновлению. Это может произойти в молчании, в ходе неслышного никому внутреннего монолога, обращенного к самому себе. Обретение себя высвобождает естественную способность восстанавливать утраченные душевные силы, особенно когда это происходит в процессе диалога с другим человеком. Наши беседы о ее тяжелой утрате

возродили мою прошлую печаль, и поделившись с ней тем, как я переживал утрату и восстанавливался после нее, я отразил ее переживания. Наш диалог изменил внутреннюю направленность ее монолога.

Комментарий

Этот вид обретения себя намного старше глубинной психологии. Сокровенные разговоры, запускающие движение от монолога к диалогу и обратно, лежат в основе любых динамических процессов в психотерапии и так или иначе обуславливают их. С тех пор как мы научились говорить, петь, плакать и праздновать, именно эти процессы управляли обществом. Самораскрытие такого рода выходит за рамки психотерапии, но в группаналитической модели личность терапевта является жизненно важным ресурсом. Фукс описал группаналитическую модель как «форму психотерапии в группе и посредством группы, включая ведущего» (Foulkes, 1975, p. 3). Уточнение «включая ведущего» относится к субъективности последнего, о которой мы все время рассуждаем на этих страницах. Однако при этом ведущий должен уметь прибегать к помощи своей субъективности, не сообщая об этом группе. Романист М. Горький советует: «Чтобы приготовить суп, повар не должен залезать в кастрюлю» (Gorky, 1953, p. 446). Наша книга сфокусирована на проблемах, которые поднимает перед ведущим дилемма присутствия (то есть доступности и открытости группе) без прозрачности. Они обсуждаются на протяжении всего этого текста. Используя труды из разных областей знаний, касающиеся этих фундаментальных проблем, мы будем обогащать группаналитическую модель. В работе Ганса «Трудные темы в групповой психотерапии», написанной в рамках североамериканской психодинамической модели практики, личность терапевта выносится на передний план исследования (Gans, 2010). Три ведущих комплекса идей, которым подчинена его работа, задают отправные точки для нашей книги.

Диалог и дискурс

Виньетка 1.2

Эмпатическое отзеркаливание¹

В кабинете для групповой терапевтической работы: Мужчина рассказывает о недавнем визите своих двоих детей, которые теперь жи-

вут с его бывшей женой, их матерью. Он очень любит их, но, будучи одиноким отцом, находится в состоянии растерянности в результате враждебной критики со стороны бывшей жены. Особенно сложным для него оказалось то, что первая менструация у его двенадцатилетней дочери случилась, когда она была у него в доме. Он позаботился о ее физических и эмоциональных потребностях и теперь хотел бы поделиться этим опытом с нами. Люди в группе внимательно слушают, и одна из женщин настолько поглощена рассказом, что не может сказать ни слова, хотя и не сводит с него глаз. Когда ведущий просит ее выступить, она делится ассоциациями, которые приводят ее к воспоминанию о том факте, что в тот момент, когда у нее начались менструации, ее собственный отец перестал приставать к ней. Со стыдом она рассказывает о фактах сексуальных домогательств с его стороны по отношению к ней и ее старшей сестре. Ничто из сказанного не является новостью для группы, но в ее рассказе в процессе отзеркаливания слов мужчины, сидящего перед ней, появляется какая-то новая нота. Женщина говорит группе, что его дочь действительно доверяет ему, и это так необычно! С болью мы слушаем эти слова, и мужчина начинает плакать. Когда я спрашиваю о причине его слез, он говорит группе, глядя на свою собеседницу, насколько невыносимой ему кажется картина ее поруганного детства. Она плачет в ответ. Облегчение, которое ей удается выразить словами, состоит в том, что в нем она нашла нравственного и ответственного человека, который беспокоится не только о себе. Он не похож на ее отца, и в ходе групповой работы мы видим, что, обнаружив в нем человека, чья уязвимость не лишает его силы, она получает доступ к своему давно утраченному ощущению доверия. Позже мы увидим, что в свою очередь она дает возможность ему получить доступ к его ощущению собственной добродетельности, которое было утрачено вследствие разрыва с женой. Эта добродетельность является тем, что он сейчас предлагает участнице группы.

Комментарий

Все семь участников группы, включая меня, становятся свидетелями этого *исцеляющего диалога*, основанного на эмпатическом отзеркаливании. И когда участники группы чувствуют внутри себя *резонанс* как на травмирующие, так и на исцеляющие ощущения, этот диалог превращается в *дискурс* в общем кругу. Эти подробные диалоги между участниками группы начинаются с рефлексии и, проходя через этапы

психотерапии, описанные в главе 2, приводят к исцелению. Продвижение зависит от атмосферы в группе и качеств ее матрицы, которые обсуждаются ниже, а также в главе 9. Динамика этого процесса обсуждается в главе 10. Глубина ассоциативного языка рассматривается в главе 11; глава 12 посвящена личности и ресурсам ведущего; различные уровни или домены коммуникации группы, которые позволяют обращаться с одной и той же темой абсолютно разными способами, рассматриваются в главе 13; в главе 14, в частности, обсуждается перенос; в главе 15 речь идет о движении от стремления к принадлежности (и мы видим на примере этой виньетки, как люди становятся частью группы). Вопрос о том, является ли отец достаточно безопасным для дочери в период ее пробуждающейся сексуальности, становится центральной метафорой ощущения безопасности в группе, что впоследствии обсуждается в главе 16; беспокойство, порождаемое в процессе перенесения материала из мира вне группы в группу и в обратном направлении, описывается в главе 17, основной темой которой является локализация.

Монолог, диалог и дискурс

Виньетка 1.3

Почему мы говорим о сосисках?

В терапевтической группе для пар, переживающих трудные времена:

Участница группы в длинном монологе выражает свое беспокойство по поводу того, что ее муж, обладающий избыточным весом, съел еще одну порцию сосисок. Она описывает его недавний полночный набег на холодильник и последовавшую за ним жарку сосисок. В группе, особенно по сравнению со своим огромным мужем, она выглядит миниатюрной. Однако, когда ее *монолог* заканчивается, она вырастает в превосходящую ее мужа фигуру упрека, а он сжимается от смущения рядом с ней. Так как нет особой необходимости для вмешательства со стороны пары терапевтов, разговор приобретает вид обмена репликами между всеми десятью участниками группы, четырьмя парами и парой терапевтов, о том, насколько опасными могут быть сосиски. В конце концов участница, о которой идет речь, продолжает настаивать на том, что кровяное давление ее мужа уже слишком высокое. В процессе этого *дискурса* некоторые мужчины обвиняют партнерш в своих проблемах с весом, что вызывает возмущенный протест жен-

щин, которые говорят, что мужчины сами ответственны за то, что они едят. Мы с котерапевтом молчим на протяжении большей части сессии, но в один момент она обращается ко мне и с улыбкой спрашивает: «Джон, как ты думаешь, почему мы говорим о сосисках?». Далее «юморист», человек, который часто веселится на встречах группы, со смехом говорит: «Почему бы не сосиски? И почему бы и не бананы тоже!». Смех усиливается, и по мере того, как участники сравнивают сосиски с бананами, группа продолжает с воодушевлением играть с сексуальными символами и двусмысленным юмором, но ближе упоминания этих фаллических аллюзий никак не подбирается к этой теме.

Мы не получаем ответа на вопрос, почему мы говорим о сосисках, мы смеемся и играем вместе. В порождаемой этой игрой *сплоченности* группы дискурс участников фокусируется на том, что лежит в глубине, в коллективном бессознательном «невидимой» группы. В какие-то моменты, когда ко-терапевты спрашивают участников, они приходят к согласию, что мы на самом деле говорим о холестерине. Один участник говорит, что это известный яд. Некоторые мужчины жалуются на то, что их партнерши травят их всякий раз, когда кормят их сосисками, что вызывает активное сопротивление со стороны женщин. После терапевтической интервенции мы завершаем обсуждение, с осторожностью предположив, что люди сбивают с толку друг друга с помощью «ядовитых» проекций. На следующих сессиях мы вернемся к этому новому качеству понимания. В течение следующих нескольких недель тревожный монолог о весе и здоровье, полный противостояния *диалог* между мужчинами и женщинами, а затем свободно текущая дискуссия подвели нас к сути самоповреждения и связанных с ним тайных сговоров. С этим вновь обретенным пониманием группа переходит от *сплоченности* к *согласованности* (Pines, 1998, p. 211–223). В данном случае *зеркалом* становится сама группа, поскольку она отражает для каждого участника болезненную правду о вреде, который люди причиняют себе, и о том, что их партнеры либо вовлечены в сговор, либо вынуждены протестовать. Ведущие, моя коллега и я, одновременно находятся и в группе, и вне ее².

Комментарий

Каждый из этих примеров, то есть движение от монолога через диалог к дискурсу и обратно, отражает присущие последним особые фор-

мы языка. По мере того как группа прогрессирует от отношенческого к рефлексивному измерению психотерапии, связанное с коммуникацией движение между этими формами языка становится частью того, что значит быть человеком. Терапевт должен уделять этим измерениям пристальное внимание, чтобы поставить их на службу следующему, то есть репаративному, измерению, которое позволяет расти и меняться к лучшему. Переход от одной языковой формы к другой также возвращает участников к более ранним речевым формам, поскольку дискурс приводит к диалогу, а затем к монологу, но уже на новых, иных уровнях, поскольку группа растет по спирали эмоционального развития. В этих виньетках мы можем увидеть, как в работе применяется большинство терапевтических принципов, перечисленных Яломом и Лесцем, в частности, принцип вселения надежды.

Основные принципы группаналитической психотерапии

Цель этой книги — показать эту динамику в работе. Термины «монолог», «диалог» и «дискурс» были использованы выше, как говорящие сами за себя. Мы уже познакомились и с другими более «техническими» терминами, такими как «эмпатическое отражение», «резонанс», «восстановление», «сплоченность» и «согласованность», и их значение станет более понятным по ходу изложения. Еще один термин, который будет использоваться неоднократно, — это «фигурация», введенный в группанализ Фуксом благодаря его связям с Элиасом в ранний период развития данной области знаний. Этот термин описывает темы и процессы в жизни группы в сочетании с порождающей их динамикой (личностной, межличностной и трансперсональной). Ради ясности в этой книге мы используем этот термин, не вводя родственный ему термин «конфигурация». Мы занимаемся основным предметом этой книги — группаналитической психотерапией — с опорой на два аспекта: во-первых, открыто обсуждая групповую работу, а во-вторых, уделяя особое внимание положению и ответственности ведущего. «Ведущий» — это термин, описанный в главе 12, который подразумевает роли организатора, терапевта и участника группы. Каждая из трех ролей ведущего одновременно содержит в себе две другие, чтобы он мог пережить поток чувств и взаимный обмен ими, согласующийся опыт участников группы и их разногласия. Ресурсы ведущего в каждой из трех ролей имеют решающее зна-

чение для превращения групповой работы в целенаправленное исследование, которое, будучи основанным на заботе о благополучии участников, переводит работу из отношенческого через рефлексивное к репаративному измерению.

Метафора, музыка и переосмысление

Свободно текущая дискуссия является группаналитическим эквивалентом свободной ассоциации. Формы ее выражения и возникающие в ходе нее отношения являются произвольными и спонтанными, как импровизация в музыке или драматическом искусстве. В процессе групповой терапии формируются нарративы и разыгрываются роли, позволяющие уловить момент, когда создается нечто новое. Изменения можно понять через метафоры, которые порождает этот процесс, что проиллюстрировано в виньетках, где метафоры работают как моменты новизны в музыке или театре³. Метафоры возникают из архаического домена жизни группы, который часто скрыт и недоступен, но иногда замечен очень сильно. Эти метафоры могут проявиться через сны, игру слов или соприкосновение в переносе, которые создают связь между участниками группы в *общей зоне* разделяемого опыта, высвечивают значимые моменты и превращают стремление в принадлежность. «Общая зона» — это термин, который часто используется в этом тексте. Фукс определил его в своей третьей книге (Foulkes, 1964, p. 111–112; 214), в нашей книге его значение исследуется в главе 4. Кроме того, он обсуждается в первой книге Фукса (Foulkes, 1948, p. 133–146), в совместной работе Фукса и Энтони (Foulkes, Anthony, 1957; 1984, p. 243–250) и в последней книге Фукса (Foulkes, 1975, p. 107–117).

Фукс ссылался на моменты новизны, в том числе общий смех или острые негативные переживания, которые выходят за рамки привычного опыта как *сгущение*, которое обсуждается в главе 10. Это часть спонтанной жизни группы, которую невозможно прогнозировать. Иногда такое случается и способствует изменению паттернов, которые могут быть контрпродуктивными в труднопреодолимых условиях. Кокс призывал ведущего реагировать на тупиковые моменты в терапии, которые он называл нарративной неудачей, с помощью мутативных метафор (Cox, Thielgaard, 1987, 1994). Слова, запускающие импровизацию, подобно вариациям в музыкальном ритме, интонации или тональности, могут привести людей к новым

поразительным открытиям (Wotton, 2012). Эта динамика подробно исследуется в пяти главах части III, но мы начнем с самого начала, с некоторых элементарных группаналитических принципов, изложенных в таблице 1.2.

Помимо терапевтических принципов, описанных Яломом и Лесцем, существует еще двенадцать принципов, которые основываются на группаналитической модели. Эти основные принципы группаналитической психотерапии изложены в таблице 1.2, и они кратко описывают предмет этой книги. Расширение этих принципов отражено в таблицах 8.1–8.2, открывающих часть II. Мы можем применить первый принцип из таблицы 1.2 к группам, описанным в виньетках 1.2–1.3, которые, как и все группы, постоянно развиваются. Поступательное движение, в котором они находятся, влечет за собой развитие их участников и обеспечивается этим развитием. Рост, как и другие формы изменений, работает в обоих направлениях. То, что группа может сделать для индивидуума, связано с тем, что он делает в группе и для нее. Термин «путевые заметки» в главе 3 определяет работы такого рода о групповом и личном развитии. Второй принцип в таблице определяет три измерения группы – структуру, процесс и содержание, – которые ввели в обиход Фукс и Энтони (Foulkes, Anthony, 1957). Это является фокусом для всей части II. Третий принцип касается ведущего, который, как описано в главе 12, является участником группы, ее терапевтом и ее организатором, ответственным за динамическое управление, как пишут в своей работе Бер и Херст (Behr, Hearst, 2005). Четвертый принцип определяет методы терапевтической роли ведущего, которую Кокс описывает в терминах времени, глубины и взаимности (Сох, 1976). Пятый принцип определяет динамику процесса, управляемого резонансом, что проиллюстрировано в виньетках 1.2–1.3. В главе 10 приводится сделанное Фуксом и Энтони описание специфических для группы факторов, включая резонанс, вводится и обосновывается новый термин, который теперь описывает эти факторы как «динамики процесса». Шестой принцип описывает язык группы, то есть содержание групповой работы, когда он в процессе свободной дискуссии переключается от монолога к диалогу и дискурсу. Словам и языку в работе группы уделено особое внимание в виньетке 1.3. В седьмом принципе группа выступает в качестве арены для свидетельств, что является очевидной особенностью виньеток 1.2–1.3. Эта тема рассматривается в главе 2 с опорой на работы ряда ключевых исследователей,

в том числе Барвика (Barwick, 2004), Бергера (Berger, 2014), Бермана (Berman, 2014), Клейно (Kleinot, 2011), Нитсана (Nitsun, 2006, p. 194–204) и Офер (Ofer, 2014). Восьмой принцип определяет общую зону группы, впервые описанную Фуксом и обсуждаемую в главе 4 (Foulkes, 1964). Эта общая зона, которая рассматривается в главе 13, состоит из всех участников группы, которые связаны через различные домены коммуникации (текущий, связанный с переносом, проективный и архаический), впервые описанные Фуксом и Энтони (Foulkes, Anthony, 1957). Перенос и связанные с ним концепции, а именно контрперенос, проекция и идентификация, обсуждаются в главе 14. Там же воспроизводится таблица Фукса и Энтони (таблица 14.1), которую можно назвать розеттским камнем группанализа и классического психоанализа, позволяющим сопоставить эти подходы. Девятый принцип гласит, что группы работают как вспомогательное Эго для каждого из участников, что продемонстрировано в виньетках 1.2–1.3. Этому вопросу уделяется внимание на протяжении всей нашей книги, и в главе 17 Такер показывает, как возникающее вспомогательное Эго группы изменяет ее нормативный контекст. В виньетке 2.4 и в комментарии к ней содержатся детали, относящиеся к особой ответственности ведущего за содействие «микропроцессам», посредством которых происходит это изменение (Neeld, 1999; Tucker, 2004). Десятый принцип фокусируется на игре, как ключевом факторе в жизни группы, который стимулирует аффект в отношениях в поле группы, обеспечивает сплоченность и, культивируя смысл в семантическом поле, приводит к возникновению согласованности, что особенно заметно в виньетке 1.3. Пайнс познакомил нас с различиями между сплоченностью и согласованностью (Pines, 1998), а в главе 4, наиболее ранней по написанию и первой, опубликованной в 1995 году, проводится дифференциация между отношенческим и семантическим полями группы. В главе 15–16 исследуется *игра*, метафоры, порождаемые игрой слов, и метаморфозы. Также речь в этих главах идет о том, как взаимодействие между участниками группы превращается в межличностную валидацию, о чем говорится в одиннадцатом принципе этой таблицы (Brown, 1995; Pines, 1998). В двенадцатом принципе описывается межличностная валидация, пронизывающая три измерения терапии (отношенческое, рефлексивное и репаративное). Глава 2 посвящена тому, как ведущий помогает группе превратить отношенческие моменты в рефлексивные, а рефлексивные моменты — в репаративные.

Таблица 1.2

Основные принципы группаналитической психотерапии

1. Любой, кто присоединяется к группе, отправляется в путь. В «путевых заметках», то есть работах о групповом и личностном развитии, мы обнаруживаем, что то, что группа может сделать для человека, связано с тем, что человек делает в группе и для нее. Рост и изменение работают в обоих направлениях (Schlapobersky, 2015)
2. Три основных измерения группы — это ее <i>структура, процесс и содержание</i> (Foulkes, Anthony, 1957)
3. Ведущий руководит группой по трем направлениям. Он является участником группы, а также ее <i>организатором и терапевтом</i> . Организационная роль подразумевает <i>динамическое администрирование</i> (использование структурных принципов), а роль участника позволяет активно использовать <i>контрперенос</i> , что дает ведущему возможность работать одновременно как с позиции внутри, так и вне группы (Behr, Hearst, 2005)
4. Ведущий как терапевт опирается на продуманное использование <i>времени, глубины и взаимности</i> (Сох, 1976)
5. К <i>динамике процесса</i> (специфическим для групп факторам) относятся резонанс, взаимность, отзеркаливание, валентность, сгущение и усиление, которые порождают инсайт и аутсайт (Foulkes, Anthony, 1957/1965; de Maré, 1972; Pines, 1998; Schlapobersky, 2015)
6. Язык группы, то есть <i>содержание</i> групповой работы, в процессе свободно текущей дискуссии переключается от монолога к диалогу и дискурсу, вызывая различные виды взаимодействия (Schlapobersky, 1995). Существует также «метаязык» речи, молчания и невербальной коммуникации, который производит подстройку и выравнивание (Wotton, 2012). Работа ведущего состоит в том, чтобы принимать монолог и помогать превратить его в диалог, а также принимать диалог и помогать превратить его в дискурс
7. Группа является ареной для <i>свидетельств</i> , порождаемых динамикой процесса (Barwick, 2004; Berger, 2014; Berman, 2014; Foulkes, 1964; von Fraunhofer, 2004; Kleinot, 2011; Nitsun, 2006; Ofer, 2015)
8. В <i>общей зоне</i> группы все является коммуникацией (Foulkes, 1964). Из этого вырастают домены смыслов группы. Эти возникающие домены (текущий, связанный с переносом, проективный и архаический) подобны голограммам, поэтому вы можете смотреть через один из них, а в других обнаруживать новые и разные грани самих себя и окружающих вас людей (Foulkes, Anthony, 1957/1965; Schlapobersky, 2015)
9. В ходе взаимодействия между людьми группа (группа как целое) становится <i>вспомогательным Эго</i> для каждого участника (Neeld, 1995). В этом вспомогательном Эго возникает новый нормативный контекст (Tucker, 2004), который способствует <i>эго-тренингу в действии</i> , осуществляемому посредством <i>игры</i> (Brown, 1995; Foulkes, 1964)
10. Игра возникает в поле отношений, стимулируя аффект и порождая <i>сплоченность</i> . Она возникает в семантическом поле, то есть в поле смыслов, и порождает <i>согласованность</i> . Сплоченность и согласованность предполагают взаимодействие между людьми (Brown, 1995; Pines, 1998)

Продолжение таблицы 1.2

11. Взаимодействие между людьми постепенно становится межличностной валидацией (Brown, 1995)
12. Межличностная валидация проходит через три измерения групповой терапии. Она начинается с отношенческого измерения и развивается в рефлексивное измерение, из которого возникает репаративное измерение. Ведущий помогает группе превратить отношенческие моменты в рефлексивные, а рефлексивные моменты — в репаративные (Schlapobersky, 2015)

Индивид в группе и группа в индивиде

Работа терапевтической группы больше напоминает «нормальное» человеческое общение, чем многие другие формы терапии. Открытые беседы, из которых состоит групповая терапия, повторяют тот тип общения, который происходит между людьми за обеденным столом, на собрании или у домашнего очага. Групповая терапия «позаимствовала» это у обычных групп, но за кажущейся простотой разговора в группе скрывается нечто более сложное. Необходимо переключать внимание группы с того, что вызывает беспокойство во внешнем мире (о чем говорят дома или на работе), на то, что вызывает беспокойство относительно мира группы и человека в группе. По мере того как группа растет и развивается по спирали, выявляя скрытую, но активную, работающую группу внутри каждого участника, именно здесь можно найти решения. Одолеваемые проблемами участники группы внутренне оказываются «наполненными», и терапия приносит свои плоды, поскольку проблемная группа внутри каждого участника разыгрывается другими участниками. Ресурсы группы — ее повествование, драма и анализ — превращают опыт рассказывания историй сначала во взаимодействие в текущем моменте, а затем приводят к рефлексии и репарации.

В группе участники разговаривают друг с другом в присутствии ведущего, который в ролях организатора, терапевта и участника группы способствует укреплению доверия в сеттинге, создает условия для близости, культивирует взаимность и обмен, становится доступным для проекций переноса, прибегает к помощи контрпереноса для определения основных проблем, обращает внимание на развивающуюся в моменте динамику и использует принципы локализации, перевода и интерпретации, чтобы помочь сформировать новое понимание проблем, лежащих в основе беспокойства группы.

Таким образом, групповой процесс движется вперед, чтобы метафоры сделать мутативными, чтобы новизну можно было использовать в интересах роста и изменений. Эти проблемы находятся в центре внимания в главах 13–17.

Фрейд о любви и работе

Язык символичен, для носителя он является своего рода отличительным знаком. История одного из самых известных символов такого рода берет начало с Фрейда, который, как известно, сказал, что психическое здоровье заключается в способности индивидуума как к любви, так и к работе. В этом утверждении зафиксирована первоначальная цель его *лечения разговором*: сделать так, чтобы человек, с одной стороны, наслаждался любовными отношениями, а с другой, проявлял созидательность, с помощью которой он выражает себя в работе, рождении ребенка или творчестве (Jafee, 2014). Фраза «любовь и работа» в работах Фрейда встречается нечасто. Например, он пишет, как «совместная жизнь людей имела, таким образом, два основания: принуждение к труду, возникшее из внешней нужды, и сила любви» (Freud, 1930, p. 101). В Интернете можно найти много ссылок на фразу, которая сегодня служит основой для широкого спектра различных способов описания психологического благополучия. Хотя сейчас эта фраза-символ используется самыми различными способами, она оказывается подходящей для отправления в наше путешествие от кушетки к кругу.

Существуют и другие путеводные изречения. Оден в стихотворении «Памяти Зигмунда Фрейда» отдает дань уважения Фрейду, ушедшему из жизни в 1939 году: «Теперь уже он даже и не личность — для нас теперь он целый мир воззрений, в котором жизни мы различные ведем...» (Auden, 1940/1986)*. Мир меняется, но даже в условиях нынешней сосредоточенности психотерапии на поведении и когнициях, аудите и оценке, мотивы, которые Оден приписывает Фрейду, имеют непреходящее значение. Оден видел в подходе Фрейда надежду на то, что психоанализ может дать нам возможность жить в соответствии с нашей сексуальностью, обрести свободу от детских травм и примириться с детством, которое сохраняется в каждом взрослом. Это помогает нам примириться с тем, что поэт называл «нервным

* Оден У. Памяти З. Фрейда / Пер. с англ. А. Ситницкого. URL: <https://alsit25.livejournal.com/78249.html>.

и ночным», принять, что «быть свободным — это часто значит быть одиноким», и принять одиночество разумом и без иллюзий. В пост-модернистскую эпоху мы с особой осторожностью относимся к грандиозным системам и заявлениям, выходящим за пределы возможного, поэтому у нас вызывают подозрение всеобъемлющие ответы на сложнейшие жизненные вопросы, которые иногда сформулированы в религиозных терминах, а иногда, как у Фрейда, в светских терминах. Если ожидание от психотерапии, что она поможет человеку найти любовь и работу (если принять эти термины в качестве фигуры речи для чего-то гораздо большего, чем сами эти слова) является чрезмерным, то было бы более реалистичным утверждать, что психотерапия помогает человеку освободиться от крайностей этих фундаментальных состояний сознания. Психотерапия предлагает свободу от ненависти и беспомощности. У ненависти, направленной против себя или других, есть много сопутствующих, связанных эмоций, таких как стыд, злоба, зависть и презрение⁴. У беспомощности также существует много подобных проблемных «родственников», в том числе бессилие, пассивность, подчинение, ненависть к себе и уныние.

Эмпирический подход.

Категории потребностей в групповой психотерапии

Категории потребностей, выявленные в ходе клинической практики в Лондоне

Более эмпирический подход к определению целей групповой психотерапии становится возможным при изучении групп и их потребностей, которые они обслуживают. Я просмотрел свои записи за нескольких лет и, используя клинические принципы, изложенные Мак-Вильямс, связал проблемы и потребности людей с оценками, сделанными мной и терапевтами, направляющими пациентов в группы (McWilliams, 1999). Весь спектр первоначальных клиентских запросов, прошедших последующую терапевтическую оценку, разделен на семь основных категорий в таблице 1.3. Эта таблица станет верхней строкой для более полного обзора работы, который будет представлен позднее в таблице 6.7 в главе 6. Там эта работа обсуждается подробно. В таблице 1.3 цели групповой психотерапии представлены в категориях потребностей, выявленных у людей, посеща-

Таблица 1.3
Категории потребностей людей, посещающих
интенсивные группы (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1365)

1. Потребности, связанные с высокой зависимостью	2. Проблемы характера	3. Хронические и неадекватные реакции на травмирующие жизненные события	4. Серьезные проблемы в отношениях	5. Отдельные проблемы пограничного уровня	6. Обучение специалистов в области психического здоровья	7. Личностное развитие
--	-----------------------	---	------------------------------------	---	--	------------------------

ющих интенсивные группы в частной практике. Категории в таблице были эмпирически сформированы путем систематического изучения описаний случаев примерно 40 человек, которые участвовали в двух моих группах, работавших два раза в неделю в течение приблизительно шестнадцати лет. Эти категории не являются взаимоисключающими, и отдельные участники могут работать в группах ради удовлетворения более чем одной потребности, указанной в таблице. В таблице 6.8 приведены основные демографические и клинические данные этих участников групп, а в таблице 6.9 приведены результаты оценки процесса и эффекта от групповой терапии с помощью простого, разработанного мной инструмента.

Практические рекомендации Американской ассоциации групповой психотерапии

Тем, кто ищет доказательства эффективности групповой психотерапии, достаточно заглянуть на сайт Американской ассоциации групповой психотерапии*. Там документально подтверждается доказанная эффективность применения групповой психотерапии в семи отдельных областях: работа с зависимостями и злоупотреблением психоактивными веществами, работа с онкобольными, работа с ВИЧ-инфицированными, работа с расстройствами характера, депрессией и гореванием, работа с расстройствами пищевого поведения и насилием в среде молодежи. Мы будем часто ссылаться на проводимую там работу на протяжении всего изложения.

Показания и противопоказания к групповой психотерапии

Результат групповой работы коренным образом зависит от состава группы, и вопрос состава является первоочередным и наиболее долгосрочным вкладом ведущего. Эта проблема обсуждается в главе 9, где в качестве ориентиров используются принципы сходства и различия. Мы не будем рассматривать показания и противопоказания к групповой терапии подробно в других частях этой книги, поскольку они тесно связаны с категориями людей, которым предлагается терапия, и условиями, в которых организуется группа. Десять исследований, обсуждаемых в главе 6, дают представление о широком вы-

* URL: <http://www.agpa.org/home/practiceresources/evidence-based-group-practice>.

боре областей применения модели, многие из которых имеют свои собственные критерии отбора. Следует надеяться, что в будущем мы сможем рассмотреть критерии отбора для каждого из этих вариантов применения в сравнении друг с другом. Сейчас можно предложить только некоторые общие принципы.

Смешанные группы, амбулаторная психотерапия и психиатрия

Поскольку большинство людей, обращающихся за психотерапией, могут быть приняты при условии наличия подходящей группы, для смешанных групп, а также для амбулаторной психиатрии и психотерапии мы с Пайнсом рекомендуем, чтобы критерии отбора были эксклюзивными, а не инклюзивными (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1362). Уже после того как вышли эти рекомендации, Фридман опубликовал исследование показаний для оптимальной терапии, в котором он поднимает следующие вопросы: «Какое расстройство необходимо лечить? Каково оптимальное терапевтическое пространство и когда следует рекомендовать конкретное оптимальное пространство?» (Friedman, 2013, p. 165). Он ищет «более четкие показания для использования различных пространств в лечении (индивидуальная терапия, группы, парная терапия и семейная терапия)... чтобы помочь определить уникальный вклад малых и средних групп» (ibid., p. 164), и вовлекает нас в исследование, которое перекидывает мостик к путешествию, описанному во введении. Он движется от изолированного симптома или представляющей его проблемы к проблеме локализационного свойства и ищет категории расстройства, которые имеют отношенческое значение. Основываясь на классификации дисфункций, разработанной Агазарян, в своей работе он предполагает, пока предварительно, что существует четыре вида расстройств отношений: дефицит, отвержение, проблемные отношения с собой и изоляция. Он утверждает, что «по многим причинам расстройства отношений, характеризующиеся дисфункциональными паттернами, необходимо лечить там, где они возникли» (ibid., p. 168), и для всех, кроме первого из этих паттернов, он предлагает групповую терапию в качестве предпочтительной.

Процесс отбора должен учитывать как потребности отдельного индивидуума, так и состав группы, и в идеале должен предусматри-

ваться выбор из групп, в которые можно было бы помещать участников в соответствии как с их потребностями и характеристиками, так и с потребностями конкретной группы. Целью критериев отбора является оптимизация соответствия между потребностями и ресурсами как человека, так и группы. Поскольку существует множество исключений, списки, подобные приведенным ниже, могут служить лишь приблизительным ориентиром. Мы с Пайнсом, опираясь на имеющуюся литературу, составили список критериев не включения в группу и предлагаем с осторожностью рекомендовать групповую терапию, если кандидат соответствует четырем или более следующих критериев.

Критерии не включения в группу

Острый кризис; предшествующая нерегулярная посещаемость терапии; значительные проблемы с самораскрытием; значительные проблемы с тестированием реальности, такие, как параноидальные проекции или психоз; патологический нарциссизм; трудности с близостью, перерастающие в недоверие к окружающим; выраженные психологические защиты, такие, как отрицание и диссоциация; эмоциональная недоступность; склонность к вербальной недоступности или отстранению; склонность к враждебности и агрессивности в вербальной или иной форме.

Критерии включения в группу

Если кандидат соответствует четырем или более следующим критериям, то можно уверенно рекомендовать групповую психотерапию.

Мотивация для решения личностных проблем; желание попробовать и поучаствовать в групповой работе; опыт успешных отношений в детстве или в настоящее время; определенный интерес к самопознанию и пониманию себя; способность говорить, слушать и общаться; интерес к другим людям; ощущение, что пребывание в обществе других людей может быть полезным; способность сочувствовать или сопереживать потребностям и проблемам других людей; и подтверждение того, что участник будет регулярно посещать группу в будущем.

Однородные группы и особые потребности

Когда речь идет об однородных группах и особых категориях пациентов, круг потенциальных кандидатов намного шире. Например,

Херст описывает работу с крайне социально неблагополучными матерями, которые соответствуют критериям из вышеприведенного списка невключения в группу (Hearst, 1998). Это же относится ко всем однородным группам клиентов, которые описаны в главе 6, где обсуждаются десять клинических исследований, обеспечивающих репрезентативную картину современной группаналитической практики в Великобритании. В шести из этих исследований описывается работа, проводимая с группами, полностью состоящими из людей, которые в динамической психотерапии ранее считались неизлечимыми. Исследования 3–5 описывают модель работы, используемую в судебной психотерапии в различных условиях; исследования 6–7 описывают модель, используемую для работы с пациентами, выжившими после тяжелых травм; исследование 8 описывает модель, используемую в работе с физически больными пациентами.

Подготовка к групповой терапии

Подготовка кандидатов к групповой терапии, состоящая в проведении нескольких индивидуальных сессий или расширенной программы индивидуальной работы, дает возможность обеим сторонам, пациенту и терапевту, оценить перспективы терапии. В результате пациент перед тем, как присоединиться к группе, уже вступает в добрые взаимоотношения, которые становятся основой терапевтического альянса. Когда мы с Пайнсом разрабатывали эти рекомендации (2009), эмпирическая работа, опирающаяся на исследования Сальвенди о подборе и подготовке пациентов для групп, еще не была завершена (Salvendy, 1993). С тех пор был проведен ряд исследований, подтверждающих ценность тщательной индивидуальной подготовки, и лучшие рекомендации даны в работе Лесца и Кобоса (Leszcz, Kobos, 2008). Их выводы могут быть применены ко всем практическим руководствам, обсуждаемым в этой книге.

Фукс и Энтони: индивид, группа и общество

Фукс и Энтони представили первое издание своей книги как отчет о том, как «пациенты и студенты объединяются в общем поиске решения психических и эмоциональных проблем». Они описывают групповую терапию как:

...новый метод психологического лечения нервных и психических расстройств, который вполне может оказаться самым важным достижением... с момента появления психоанализа... практический подход к ключевой проблеме нашего времени — напряженным отношениям между человеком и обществом.

(Foulkes, Anthony, 1957, p. 1, 9)⁵

Эти слова выражают суть отношенческой парадигмы, возникающей в психотерапии. Историю этой парадигмы можно проследить с этого момента и до недавних работ Митчелла, развивавшего клиническую теорию и писавшего об отношенческом психоанализе (Greenberg, Mitchell, 1983; Mitchell, 1988), а также в работах Джиллигана (Gilligan, 2000), Файрстоунов, которые предложили «полноценную и всеобъемлющую теорию невроза и развития человека» (Firestone, Firestone, Catlett, 2003), в публикации американского исследователя Биллоу и британского ученого Холмса, который оформил свое понимание теории привязанности в качестве интересубъектной психотерапии (Billow, 2010; Holmes, 2010). За ними последовала недавняя публикация Харвуда, Стоуна и Пайнса (Harwood, Stone, Pines, 2012). Далеко не все эти авторы считают себя групповыми аналитиками, но для групповых терапевтов они стали первопроходцами в новом теоретическом направлении, заложившем основу для последующих работ.

Видение и клинический метод. Вневременное и зафиксированное во времени

Групповая психотерапия создает пространство, где в кругу обмена проявляется бессознательное и открываются многие качества, которые «надежно» скрыты от сознания под маскировкой повседневной жизни. Происходящее взаимодействие, рассказываемые истории, возникающие метафоры и складывающийся идиоматический язык, являясь уникальными для каждой группы и ее ведущего, путем культивирования сначала сплоченности, а затем согласованности (эту последовательность ввел в обиход Пайнс (Pines, 1998, p. 211–233) с помощью ресурсов сообщества помогают группе достичь качественного понимания, которое позволяет участникам иметь дело с тяжелыми по своей сути переживаниями, когда последние проявляются в группе.

Основным инструментом психоанализа является свободное ассоциирование, то есть готовность индивида говорить на сессии как можно более свободно обо всем, что приходит в голову. Вместе с тем, что психоанализ и производные от него методы лечения проходили разные фазы своей эволюции, методические вопросы, связанные с тем, как аналитику обращаться со свободными ассоциациями, претерпевали изменения. К таким методам относится и группаналитическая психотерапия. Поскольку в данном случае работа выполняется малой группой людей, а не парой, состоящей из пациента и аналитика, мы можем говорить о радикальном изменении подходов. Свободные ассоциации в группе, которые Фукс назвал свободно текущей дискуссией, создают более широкую отношенческую матрицу для взаимодействия рефлексивного и репаративного измерений психотерапии. В главе 2 будет описано, как эти измерения могут быть задействованы синхронно. Участники смешанной или однородной группы на регулярной основе встречаются с терапевтом, ответственным за набор группы. Предполагается, что участники добровольно приняли решение работать в группе и подтверждают свое намерение регулярным посещением этих предварительных встреч. Существует множество вариантов принципов отбора, организации, периодичности и структурирования встреч, но некоторые принципы, общие для всех групп, изложены ниже.

«Вневременное»

После того как группа набрана, ее участники не получают никаких инструкций за исключением того, что терапевт поощряет их говорить как можно более свободно обо всем, что приходит в голову. Результатом этого становится свободно текущая дискуссия, то есть групповой эквивалент свободных ассоциаций. Терапия рождается в процессе происходящего между участниками группы свободного обмена репликами с использованием повседневного языка. Она разворачивается в культурной области общего для всех опыта беседы, в которой люди бьются над смыслом (в общественной жизни, на исповеди, в театре, прозе или поэзии), и обращается к принципам, посредством которых

...мы достигаем глубин разума и прикасаемся к ним с помощью простых слов, которые посредством образов и метафор говорят

универсальным, неподвластным времени языком... который трогает сердце, древнее вместилище эмоций; это проникает в душу.

(Pines, Preface to Cox, Thielgaard, 1987, p. xxiv)

С незапамятных времен существуют свидетельства того, как люди, оказавшиеся на самом дне существования, в процессе рассказа о своем горьком опыте обнаруживали источник обновления и возвращались к жизни в обычном обществе или делали выбор в пользу уединения. Эти истории одновременно обычны и исключительны. Из библейских текстов мы знаем о пророческих снах Иосифа в тюрьме и опыте Ионы в чреве кита. «Эдип» Софокла, «Отверженные» Виктора Гюго и «На дне» Максима Горького — вот лишь три литературных примера из множества возможных.

«Зафиксированное во времени»

Мы используем клинические принципы, определяющие сеттинг, работу терапевта, терапевтический метод, матрицу группы и ее язык, для того чтобы взять нечто, одновременно обычное и исключительное, и превратить это в работающую программу, открывающую нормальную жизнь для многих людей, которые в противном случае до самой смерти оставались бы на обочине. Для этого мы переходим от «вневременного» к «зафиксированному во времени», от универсального культурного опыта к строгому методу, названному Коксом структурированным использованием времени, глубины и взаимности (Cox, 1978/1995). Метод берет начало с Фрейда, который

...сделал возможным для терапевтов и пациентов включаться в... формы трансформационного диалога, которых раньше не существовало. Он показал терапевтам, как с помощью слов помогать пациентам радикально пересматривать зафиксированные ранее, управляемые бессознательным конструкции, связанные как с субъективным опытом, так и с образом действия вообще... Клинический диалог Фрейда коренным образом меняет для анализанда сознательно рассказанное представление о себе и своей жизни посредством дестабилизации, деконструкции и отстранения.

(Schaffer, 1992, p. 156)

От кушетки к кругу

Эти трансформирующие принципы представлены в групповом контексте, то есть вместо применения их в работе, построенной на обмене между одним терапевтом и одним пациентом, они применяются группой как целым. Они действуют с использованием любой из трех различных форм речи, возникающих в матрице каждой группы. Во-первых, они относятся к монологу отдельных участников группы, как выше описывает Шаффер. Во-вторых, они становятся частью диалога между индивидами в группе или между подгруппами, представляющими поляризованные аспекты жизни группы. Мы начинаем видеть некоторый обмен между этими противоположностями. В-третьих, в наиболее продвинутой форме они становятся частью дискурса группы, в который каждый участник вносит свой вклад. Здесь не существует единой или исключительной повествовательной линии, и исследование, проводимое группой, является открытым, рассеянным и ненаправленным, цепной реакцией связанных событий, которые могут быть словами, образами, чувствами, смехом или слезами. Чтобы понять группу, работающую таким образом, нам следовало бы рассматривать структуру дискурса, а не текст повествования. Мы должны были бы обратить внимание на контекст: на содержание, фон, фигуру и групповую атмосферу, а также на динамику отдельных индивидуумов.

Обычно развитие происходит следующим образом: все начинается с монолога, когда человек встречается с самим собой, что часто заявляет о себе на языке симптома, который «будучи формой коммуникации, является при этом аутичным. Тайно бормочет, надеясь быть услышанным» (Foulkes, Anthony, 1957; 1984, p. 259–260). Далее, когда обнаруживается присутствие другого, происходит переход к диалогу, а затем к дискурсу, когда множественные внутренние объекты каждого индивидуума экстернализируются и встречаются в группе. Группаналитический подход отличается от других групповых методов тем, что в нем не игнорируется ни одна из двух ранних речевых форм. Напротив, и монолог, и диалог включаются в группаналитический опыт в качестве неотъемлемых частей. В процессе свободно текущей дискуссии становится возможным свободное изменение характера общения в диапазоне между этими различными речевыми формами, и...

...посредством этого движения, от монолога к диалогу и дискурсу и обратно, группаналитический метод берет свое, создавая арену,

на которой диалектическое взаимодействие между психикой и социальным миром приводит их к взаимному преобразованию.

(Schlapobersky, 1994, p. 61 и глава 3)

В последующих главах этой книги описан переход от конструктивного опыта в отношенческом измерении к деконструктивному опыту в рефлексивном измерении и, наконец, реконструктивному опыту в репаративном измерении. Каждое из этих измерений создает возможность для изменения на другом, более фундаментальном уровне. Ведущий помогает превратить отношенческий опыт в рефлексивный, а рефлексивный — в репаративный. Для этого ему необходимо уметь делать интервенции, чтобы сообщать о локализации основных проблем и тревог группы и помогать с переводом этих проблем с бессознательного языка симптомов и поведения на язык, описывающий общие и открыто понимаемые процессы. Это позволяет перейти от отношенческого к рефлексивному и затем репаративному опыту.

Ведущий должен обладать способностью направить внимание группы на локализацию ее беспокойства, а не вынуждать группу отвечать на вопросы ведущего о ее развитии. Работа группы заключается в переводе беспокойства на обычный язык разделяемого опыта и, по мере необходимости, интерпретации иррациональной и контрпродуктивной динамики, которая препятствует росту и исцелению. В хорошо функционирующей терапевтической группе задействованы все три вида деятельности — конструктивный, деконструктивный и реконструктивный — и группа перемещается между ними так же, как и между различными формами речи. Монолог чаще всего является защитной позицией, а дискурс обычно терапевтически продуктивен. Таким образом, если руководящие намерения ведущего состоят в том, чтобы помочь превратить монолог в диалог, а диалог в дискурс, это позволяет перейти от отношенческого к рефлексивному и репаративному измерениям. Прогресс развивается по спирали при активном, но зачастую молчаливом участии ведущего, который опирается на принципы локализации, перевода и интерпретации. Когда попытки найти смысл, обрести вневременное, получают оформленную, хорошо структурированную клиническую рамку, язык может порождать мутативные метафоры, которые, рождаясь мгновенно, могут сохранять свое значение на протяжении всей жизни. В такие моменты, как описывают Кокс и Тильга-

ард, «чувство тайны, удивления и уникальности... превосходит любые технические описания» (Cox, Thielgaard, 1987, p. 17). Эти «точки входа» могут открываться в ходе монолога, диалога или дискурса, в которых терапевтическая трансформация приближается к своим более вневременным культурным формам. Монолог подобен разговору с самим собой, диалог в разрешении противоречий подобен диалогу Платона, а дискурс подобен работе древнегреческого хора.

Терапевтическая техника или принципы работы

Переведенное на ряд языков учебное пособие Кеннарда, Робертса и Уинтера остается одной из немногих публикаций, непосредственно посвященных клинической практике (Kennard, Roberts, Winter, 1993). Ответ на нее является задачей нашей книги. Что такое «группаналитическое вмешательство»? Попытки описания «стандартизированных» реакций на сложные ситуации рискуют быть восприняты как кулинарная книга или руководство по светской беседе викторианских времен. Проблемы, стоящие перед групповыми аналитиками, и перед теми из нас, кто пытается описать нашу работу, — грандиозны. В сложившейся ситуации, когда мы призываем начинающих коллег в процессе работы «просто быть собой», мы посылаем им «двойное послание». Но, если вы призываете специалиста по психическому здоровью тихо сидеть в комнате, полной людей с психологическими проблемами, оставаться рядом с ними, выдерживать возникающие у них конфликты с самими собой, друг с другом и с вами и лишь изредка вмешиваться, этот выбор становится мудрым, здравым и приносящим облегчение на фоне того, что вы «остаетесь самим собой», хотя это и воспринимается как нечто невозможное. Раньше я думал, что поскольку то, как мы относимся к группе и ведем себя в ней, очень зависит от личности ведущего, то учебное пособие не поможет разобраться в этом. Рекомендации Фукса, подробно изложенные в главе 17, заключались в том, что ведущие должны поощрять спонтанность группы. Единственным естественным способом сделать это является использование нашей собственной спонтанности, но Фукс очень мало говорит об этом.

Как мы можем сделать это с помощью учебного пособия? Кеннард, Робертс и Уинтер классифицируют восемь основных форм вмешательств ведущего и присваивают им «типологию», приведенную в таблице 1.4. Они определяют «элемент группы, на который

направлено вмешательство», то есть одного или нескольких участников, группу в целом, подгруппы или самого ведущего (Kennard, Roberts, Winter, 1993, p. 18). Они конструируют восемь сценариев, описывающих групповые ситуации в клинической практике, которые представляют собой «возможные важнейшие или поворотные точки в жизни группы», и предлагают читателю обдумать их собственное вмешательство, а затем «изучить вмешательства, выбранные рядом опытных терапевтов, прокомментированные авторами книги» (ibid., 24). Эта книга сыграла важную роль в моем профессиональном развитии, и я видел, что она прекрасно использовалась практиками и наставниками, в том числе Лоренцем. Наша книга опирается на научные разработки, и я использовал это пособие для описания виньеток и последующих комментариев.

Данная классификация вмешательств приведена в таблице 1.4 в той же отредактированной форме, которую использовал Лоренц, что описано в главе 6 нашей книги. Эта классификация задает разделение на главы нашей книги⁶. Читатели увидят, что *вмешательства, связанные с поддержанием структуры*, обсуждаются в главе 9, а *направленная фасилитация* относится к главе 10, посвященной процессу, *интерпретация* описывается в части III, в главах 13–17; в главе 5, посвященной тишине, говорится об *отсутствии непосредственного отклика*; а в главе 12, которая посвящена ведущему, рассматриваются *действие, самораскрытие и моделирование*. Работа Лоренца, в которой он систематизирует терапевтические вмешательства с целью их изучения, сравнения и исследования, опирается на учебное пособие Кеннарда, Робертса и Уинтера и упоминается здесь в главах 3 и 6.

Группа как средство, а не как пункт назначения

Группа является терапевтическим средством, но не терапией самой по себе. Автомобиль является транспортным средством, предназначенным для поездок, и в этом случае маловероятна путаница между транспортным средством и самой поездкой. Обычно мы садимся в машину, чтобы поехать куда-нибудь. Почему нам трудно отличить терапию от группы, которая делает терапию возможной? Хотя автомобиль — это механический объект, а группа — это человеческая, динамичная сущность, они оба являются транспортными средствами. В автомобиле совершается путешествие в пространстве и во времени, а в группе путешествие происходит посредством межличностных

Таблица 1.4

Определение и классификация типов вмешательств ведущего
(Kennard et al., 1993)

	Вмешательство	Описание и динамическая цель
1	Поддержание структуры	Вся деятельность, направленная на определение ограничений, в том числе места, времени, состава, задач и правил. Применимо в отношении группы, отдельных ее участников, терапевта
2	Открытая фасилитация	Открытые вмешательства, направленные на продвижение группы вперед, не связанные с динамическими формулировками или гипотезами
3	Направленная фасилитация	Комментарии, раскрывающие гипотезу терапевта или базовое понимание динамики
4	Интерпретация	Вербальное вмешательство, которое облекает в слова чувства или смыслы, которые скрыты в высказываниях отдельных участников или группы в целом. Для описания этого также часто используется слово «перевод»
5	Отсутствие непосредственного отклика	Чаще всего терапевтом используется молчаливое участие в группе
6	Действие	Любая физическая деятельность ведущего в группе. Например, вставание со стула, чтобы открыть окно, прикосновение к другому участнику группы
7	Моделирование	Любое поведение терапевта, осуществляемое с неявным намерением, чтобы оно было воспринято и стало частью репертуара группы или ее участников. Примером могут быть совладание со стрессовыми событиями или моделирование аналитического, исследовательского и сострадательного отношения
8	Самораскрытие	Любое высказывание терапевта, которое не вписывается ни в одну из вышеуказанных категорий, касающееся содержания его собственного внутреннего мира, мыслей, чувств или внешнего мира

процессов, связанных с ростом и исцелением. Ключом для понимания этой путаницы является тот факт, что в машине человека перевозит некий внешний агент, и обычно подразумевается пункт назначения. Зато группа является самостоятельно созданным средством, продуктом нескольких я и их взаимодействия друг с другом. Даже ведущего группы нельзя сравнить с водителем автомобиля, который

точно знает, куда он едет. Еще одним отличием групповых методов от индивидуальной психотерапии является тот факт, что участие в группе приносит вам пользу не только, когда вы что-то получаете сами, но и когда вы добавляете что-то к опыту других участников. В групповой терапии вас везет транспортное средство, которое вы же сами и помогаете создать.

Фукс и Энтони высказались следующим образом.

Групповая психотерапия использует группу и ее силу в терапевтических целях... но не для лечения группы ради группы, чтобы повысить эффективность ее работы, в том смысле, как... можно было бы лечить команду. Группу лечат ради ее отдельных участников, и ни по какой другой причине. Любая психотерапия, в конце концов, является лечением индивида.

(Foulkes, Anthony, 1957; 1984, p. 32–33)

Группа работает как терапевтический «агент», приводящий в движение процесс возвращения взаимности, в которой «оказание помощи становится тем самым процессом, посредством которого можно получить помощь и, следовательно, двигаться в направлении [психического] здоровья» (von Fraunhofer, 2008, p. 288). Чтобы устранить путаницу между средством или матрицей терапии, то есть группой, и преимуществами путешествия, которое делает возможным группа, я взял три измерения группы, описанных в части II — ее структуру, процесс и содержание — и провел их различие от других, более фундаментальных измерений терапии в путешествии, описанном в главе 2. Все психодинамические школы психотерапии независимо от того, какие методы они применяют (индивидуальные, семейные, парные или групповые), используют общую трехмерную структуру, которая начинается с опыта *отношений*, прогрессирует до *рефлексии* и переходит к *репаративному* опыту. Мы рассматриваем здесь *отношенческое*, *рефлексивное* и *репаративное* измерения терапии для того, чтобы охватить все, что может предложить психотерапия. Эта книга является исследованием того, как эти измерения можно возвращать в группу.

Матрица: группа как метеорологическая система или ТАРДИС

Энтони говорил, что Фукс рассматривал понятие *матрицы* как свой самый важный вклад в теорию группанализа (Anthony, 1978). Чита-

тели наверняка заметят, что в этой книге термин «матрица» используется нечасто, потому что для тех, кто знакомится с групповым анализом впервые, этот термин может вызывать ассоциации с чем-то инопланетным и делать очевидное загадочным. Пайнс обнаружил, что этот термин восходит к оригинальным работам немецкого философа Дильтея, которые читал Фукс во время обучения (Pines, 2015). Робертс применял его уже на ранних этапах клинической работы (Roberts, 1982), и его публикация вызвала обмен мнениями в широких научных кругах, в том числе в работах Ахлина и других (Ahlin, 1985). Стейси расширил наше понимание за счет использования теории сложности (Stacy, 2003), а Уоттон расширила наши представления, опираясь на теорию музыкальности (Wotton, 2012). Термин «матрица» существует уже давно и остается наиболее употребимым в группаналитической литературе. Из многих доступных определений наиболее полезным, на мой взгляд, является определение Вигманна. Он описывает матрицу как

...гипотетическую сеть общения и отношений, [в которой Фукс] различал «динамическую матрицу», наблюдаемую в ходе активной жизни терапевтической группы, и «фундаментальную матрицу» общих смыслов, культурных образов и других аспектов человеческой жизни и эмоциональности.

(Weegmann, 2014, p. 168)

В главе 4, опираясь на термины, предложенные Пайнсом, чтобы углубить наше понимание матрицы, я провожу еще одно различие — между отношенческой матрицей, то есть аффективным миром группы, характеризующимся сплоченностью, и семантической матрицей, то есть миром смысла группы, который характеризуется согласованностью. Но зачем нам вообще нужно понятие матрицы? Что ж, если взглянуть на иллюстрации на обложках книг о групповой терапии, то можно увидеть круг из стульев или фотографию людей, сидящих в круге или полукруге. Подобные иллюстрации можно встретить на сайтах многих организаций, занимающихся групповой терапией. Мне они кажутся непривлекательными и не предвещающими ничего хорошего. Как же можно убедительно изобразить общий внутренний мир группы?

На многие вопросы дает ответ рассуждение о матрице Херст и Бера, в котором исследуется, что представляет собой матрица — про-

цесс или структуры (Behr, Hearst, 2005, p. 270). Недавняя публикация Рэйфилд описывает ее как что-то вроде погоды. Она пишет, что, «решая общие задачи реконструкции стихийных явлений»,

...группа как целое, состоящее из индивидуумов, подвержена влиянию сил группового процесса, обусловленного интересубъективностью, которая нас моделирует, вытачивает, обнажает и со временем оставляет на нас отпечаток, как если бы это происходило под влиянием природных стихий. Это приводит к получению нами нового опыта и, в конечном счете, изменению нас самих и наших групп. В этой картине группы мы являемся погодой друг для друга, каждый человек и зависит от других, и влияет на них.

(Rayfield, 2013, p. 5)

Вклад этой исследовательницы имеет отношение к идее климата группы, которая впервые была представлена в работе Джонсон с соавт. (Johnson et al., 2005). Также мы можем рассматривать группу как структуру, которую можно сравнить с транспортным средством ТАРДИС (TARDIS – Time And Relative Dimension In Space) из британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто» и которая может служить метафорой для группы. Это название является английской аббревиатурой для выражения: «Временные и относительные измерения пространства». С этим транспортным средством произошло нечто неожиданное: внутри оно оказалось намного больше, чем снаружи. Это свойство является чертой, общей для всех групп, которые мы проводим. ТАРДИС выглядит как синяя полицейская будка на углу улицы в Англии, но внутри него вас ожидает совсем другой мир – необыкновенный набор пространств, объектов и технологий, которые могут перемещаться во времени и пространстве⁷. В нашем случае эквивалентом полицейской будки становится круг из стульев, изображенный на обложке книги. Оказавшись внутри группы, мы обнаруживаем вместительное пространство общего опыта, матрицу которого можно описать двумя различными способами. Одно описание будет состоять в различении ее основы и динамических свойств, другое – в различении ее отношенческого и семантического полей, а вместе они порождают три измерения психотерапии. Сама группа имеет три измерения: структуру, процесс и содержание. Существуют разные способы обозначить ее развитие, и можно отметить как минимум пять фаз групповой жизни. Четыре домена смыслов группы (текущий, связанный с переносом, проективный и ар-

хаический) могут быть описаны как голограммы: можно смотреть через один и видеть другие. Все участники группы могут использовать три разные языковые формы: монолог, диалог и дискурс. Пилот называется ведущим, и наше транспортное средство обладает редкой способностью путешествовать во времени и пространстве. Это транспортное средство не состоит из чего-то таинственного или научно-фантастического. Это ткань, сотканная из коллективного жизненного опыта, в ходе которого люди взаимно исцеляют друг друга от проблем (Friedman, 2010). Это может происходить в ходе процессов, похожих на переменчивые погодные явления, и для этого участникам, возможно, придется проделывать долгий путь. Я надеюсь, что читатели оценят это путешествие.

Примечания

1. Мы снова обратимся к рассказанной в этой виньетке истории в главе 4 в виньетке 4.2, чтобы рассмотреть динамику, происходящую по разные стороны одного и того же отражающего зеркала.
2. Я выражаю свою признательность моему ко-терапевту Джилл Натан за нашу совместную групповую работу с парами, которая продолжалась на протяжении двенадцати лет сначала в отделении психиатрии Лондонского госпиталя, а затем в частной практике.
3. Я выражаю признательность за эти идеи моим коллегам Марит Иоффе Милштейн, Идо Пелегу и Линде Уоттон, выступившим с совместным докладом на симпозиуме GASI (Международного группаналитического общества) в Лиссабоне в 2014 году. Наш семинар назывался «Четыре М в группаналитической психотерапии: метафора, музыка и переосмысление».
4. Многие из виньеток, приведенных в этой книге, являются иллюстрациями того, как эти проблемы проявляются в процессе группаналитической психотерапии. В разных главах мы найдем винюетки, относящиеся к разным типам трудностей. Также стоит упомянуть другие работы, которые обращают наше внимание на некоторые из этих проблем: Pines (1986/1988), Hearst (1998), Graham (2003), Scott (2004), Clews (2011), Verebes-Weisz (2011), Tyerman (2012), Wainstein (2012), Hayes (2014), Brown (2015), Czech (2015), Sharp (2015).

5. Два издания этой книги (1957, 1965), вышедшие в издательстве «Penguin», существенно отличаются друг от друга. Недавнее издание, осуществленное «Кагнас» (1984), воспроизводит издание 1965 года. В нашей книге все ссылки будут относиться к первому или второму изданиям.
6. Таблица, приведенная здесь, соответствует варианту таблицы, представленному Лоренценом, и согласована с его текстом. Это упрощение оригинальной таблицы, приведенной в параграфе 1.4 на странице 19 оригинального учебного пособия Кеннарда с соавт. (1993), которое мы всячески рекомендуем читателю.
7. Я выражаю признательность Либби Виттенберг за ее пояснения о том, как устроена ТАРДИС.

Литература

- Adshead G. (2009). Book review: Gordon J., Kirtchuk G. (Eds). *Psychic Assaults and Frightened Clinicians: Countertransference in Forensic Settings*. Forensic Psychotherapy Monograph Series. London: Karnac. Reviewed in: *Group Analysis*. V. 42 (1). P. 88–90.
- Adshead G., Pfafflin F. (2004). *A Matter of Security: The Application of Attachment Theory to Forensic Psychiatry and Psychotherapy*. London: Jessica Kingsley.
- Agazarian Y. (1994). The phases of group development and the systems-centred group // V. L. Schermer, M. Pines (Eds). *Ring of Fire: Primitive Affects and Object Relations in Group Psychotherapy*. London: Routledge. P. 36–38.
- Ahlin G. (1985). Commentary on Thinking About the Matrix. *Group Analysis*. 18 (2). P. 111–119.
- Anthony E. J. (1978). The Group-Analytic Circle and Its Ambient Network: 2nd Foulkes Lecture. *Group Analysis*. 11 (Supplement 1). P. 1–18. Reissued in: Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. P. 29–33. URL: <http://gaq.sagepub.com/content/11/2/S1>.
- Auden W. H. (1940; reissued 1986). *In Memory of Sigmund Freud // Selected Poems*. London: Faber.
- Barwick N. (2004). Bearing witness: Group analysis as witness training in action // *Group Analysis*. V. 37 (1). P. 121–136.
- Behr H., Hearst L. (2005). *Group Analytic Psychotherapy: A Meeting of Minds*. London: Whurr.

- Berger M. (2014). The vocabulary of vengefulness: its function in the analytic group and beyond // *Group Analysis*. V. 47 (3). P. 227–241.
- Berman A. (2014). Post-traumatic victimhood and group analytic therapy: Intersubjectivity, empathic witnessing and otherness // *Group Analysis*. V. 47 (3). P. 242–256.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.
- Bollas C. (1990). Creativity and Psychoanalysis // C. Bollas. *The Mystery of Things*. London: Taylor & Francis. P. 167–180.
- Brooks F. (2009). *The Othering of Silence in Groups*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Brown D. (1994). 'Ego Training in Action' – Self Development Through Subjective Interaction // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley. P. 80–98.
- Brown, D. (2000; reissued 2006). *Self Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley. P. 107–123. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge.
- Brown S. (2015). *Relatedness and Belonging: Altering Identity In The Analytic Group*. Dissertation for the Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis.
- Clews M. (2011). *The Dynamics of Absence – Re-Embodied Shame in Group Analysis*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Cox M. (1978, reissued 1995). *Structuring the Therapeutic Process: Compromise with Chaos – the Therapist's Response to the Individual and the Group*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Thielgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Thielgaard A. (1994). *Shakespeare as Prompter: The Amending Imagination and the Therapeutic Process*. London: Jessica Kingsley.
- Czech D. (2015). *The Group and its Discontents: Contempt*. Dissertation for the Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis.
- Dalal F. (2000). *Taking the Group Seriously: Towards a Post-Foulksian Group-Analytic Theory*. London: Jessica Kingsley.
- Firestone R., Firestone L., Catlett J. (2003). *The Wisdom of Psychotherapy: Creating a Life of Meaning and Compassion*. Washington, DC: American Psychological Association.

- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles*. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Freud S. (1930). *Civilization and Its Discontents* // S. E. V. 21. London: Hogarth Press.
- Friedman R. (2010). The group and the individual in conflict and in war // *Group Analysis*. V. 43 (3). P. 281–300.
- Friedman R. (2013). Individual or Group Therapy? Indications for Optimal Therapy // *Group Analysis*. V. 46. P. 164–170.
- Gans J. (2010). *Difficult Topics in Group Psychotherapy: My Journey From Shame to Courage*. London: Karnac.
- Gilligan J. (1997, reissued 2000). *Violence: Reflections on a National Epidemic*. London: Jessica Kingsley.
- Gorky M. (1953). *Autobiography of Maxim Gorky: My Childhood: In the World: My Universities*. London: Elek Books.
- Graham R. (2003). *Mind the Gap: A Group-Analytic Perspective on Envy*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Greenberg J., Mitchell S. (1983). *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Harwood I., Stone W., Pines M. (Eds) (2012). *Self-Experiences in Group Revisited: Affective Attachments, Intersubjective Regulations and Human Understanding*. New York–London: Taylor & Francis.
- Hayes C. (2004). *The Language of the Symptom and The Velveteen Rabbit*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Hearst L. (1998). The Restoration of the Impaired Self in Psychoanalytic Treatment // N. Slovinska-Holy (Ed.). *Borderline and Narcissistic Patients in Treatment*. New York: International University Press. P. 123–142.
- Holmes J. (2010). *Explorations in Security: Towards an Attachment Informed Psychoanalytic Psychotherapy*. London: Karnac.
- Jaffe L. (2014). *How Talking Cures: Revealing Freud's Contributions to All Psychotherapies*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Johnson J. E., Burlingame G. M., Olsen J. A., Davies D. R., Gleave R. L. (2005). *Group Climate, Cohesion, Alliance and Empathy in Group*

- Psychotherapy: Multi-Level Structural-Equation Models // *Journal of Counselling Psychology*. V. 52 (3). P. 310–321.
- Kennard D., Roberts J., Winter D. et al. (1993, reissued 2001). *A Workbook of Group-Analytic Interventions*. London: Jessica Kingsley.
- Kleinot P. (2011). Transgenerational Trauma and Forgiveness: Looking at the Israeli–Palestinian Families Forum through a Group Analytic Lens // *Group Analysis*. V. 44 (1). P. 97–111.
- Leszcz M., Kobos J. C. (2008). Evidence-Based Group Psychotherapy: Using AGPA's Practice Guidelines to Enhance Clinical Effectiveness // *Journal of Clinical Psychology*. V. 64 (11). P. 1238–1260.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Maratos (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Selected Papers by Dennis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Mitchell S. (1988). *Relational Concepts in Psychoanalysis*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Modell A. (2011, 2013). Metaphor, Meaning and the Mind // S. Montana Katz (Ed.). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge. P. 59–66.
- Montana Katz S. (Ed.) (2013). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge.
- Neeld R. (1999). *The Group as Auxiliary Ego. Theory Paper for Qualification*. London: Institute of Group Analysis.
- Nitsun M. (1988). Early Development: Linking the Individual and the Group // *Group Analysis*. V. 22. P. 249.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Nitsun M. (1998). The organizational mirror: A group-analytic approach to organizational consultancy // *Group Analysis*. V. 31 (3). P. 245–267.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2015). *Beyond the Anti-group: Survival and Transformation*. London: Routledge.
- Ofer G. (2015). Forgiving and Not Forgiving in Group Analysis: The Importance of Witnessing in the Process of Forgiveness // G. Ofer (Ed.). *Bridge Over Troubled Waters: Conflict and Reconciliation in Groups and Society*. London: Karnac.

- Peleg I. (2012). Oppression, Freedom and Recognition in an Analytic Therapy Group: Group and Therapist Interactions from Relational and Group Analytic Perspectives // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 62 (3). P. 436–458.
- Pines M. (1986, 1988). Coherency and Disruption in the Sense of Self. *British Journal of Psychotherapy*. V. 2–3. P. 180–185. Reprinted: Pines M. *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley, 1988. P. 211–223.
- Pines M. (1987, 1998). Introduction // M. Cox, A. Thielgaard. *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Æolian Mode*. London: Tavistock. Reissued: Jessica Kingsley. P. xxiii–xv.
- Pines M. (1998). *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley.
- Pines M. (2015). *Collected Papers*. London: Routledge.
- Rayfield E. (2013). *Weathering, Shifting Perspectives and the Space in Between*. MSc dissertation. London: Birkbeck College, University of London, Institute of Group Analysis.
- Roberts J. (1982). Foulkes' Concept of the Matrix // *Group Analysis*. V. 15 (2). P. 111–126.
- Salvendy J. T. (1993). Selection and Preparation of Patients and Organization of the Group // H. I. Kaplan, B. J. Sadock (Eds). *Comprehensive Group Psychotherapy*. 3rd Ed. Baltimore, MD: Williams & Wilkins. P. 72–84.
- Schaffer R. (1992). *Retelling a Life: Narration and Dialogue in Psychoanalysis*. New York: Basic Books.
- Schlapobersky J. (1994, 2000). The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: Jessica Kingsley Press. P. 211–231.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). Group Methods in Adult Psychiatry // M. Gelder et al. (Eds). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1368.
- Scott S. (2004). *Uncovering Shame in Groups*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Sharp M. (2015). *A Call to Arms: Envy and Gender in the Small Group-Analytic Group*. Dissertation for the Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis.
- Skygger A. C. R. (1983, 1987). Group Analysis and Family Therapy // J. Schlapobersky (Ed.). *Explorations with Families: Group Analysis and Family Therapy*. London: Routledge. P. 231–235.

- Stacy R. (2003). *Complexity and Group Processes*. Abingdon: Routledge.
- Tucker S. (2004). *From Group Norms to the 'Group Super-Ego': The Therapeutic Efficacy of the Ethical and Political in Foulkes*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Tyerman S. (2012). *Watching the Body in the Group*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Usandivaras R. (1989). Therapeutic use of regression in Group analysis // *Group Analysis*. V. 22 (2). P. 171–175.
- Verebes-Weisz J. (2011). *Capacity To Be in a Group: Small Group Psychotherapy in a Forensic Therapeutic Community for People with Dangerous and Severe Personality Disorder*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in it for me? The development from immaturity to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Wainstein S. (2013). *An Exploration of Intimacy in Group Analytic Psychotherapy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Weegmann M. (2001). Working Intersubjectively: What Does It Mean for Theory and Therapy? // *Group Analysis*. V. 34. P. 515–530. Reissued: E. Hopper, H. Weinberg (Eds). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. Vol. 1: Mainly Theory. London: Karnac. P. 133–154.
- Weegmann M. (2014). *The World Within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Weegmann M. (2015). *Social Unconsciousness: Verb, Movement and Field of Identity* // E. Hopper, H. Weinberg (Eds). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. V. 2. London: Karnac.
- Wojciechowska E. (1993). *The Group as Transformational Object: Fusion, Transition, Transformation*. Theory Paper. London: Institute of Group Analysis.
- Wotton L. (2011). Expecting the Unexpected: A Source of Change in Analytic Groups // *Group Analysis*. V. 44 (3). P. 315–327.
- Wotton L. (2012). *Between the Notes: A Musical Understanding of Change in Group Analysis*. *Group Analysis*. V. 46 (1). P. 48–60.
- Wright K. (2009). *Mirroring and Attunement: Self-Realizations in Psychoanalysis and Art*. London–New York: Routledge.

Глава 2

Три измерения психотерапии: отношенческое, рефлексивное и репаративное

Ритм, мелодия и гармония могут двигаться с разной скоростью... Музыка неизменно вбирает в себя отклик одного голоса на другой и способна переносить дерзкий аккомпанемент как необходимую антитезу ведущим голосам. В музыке постоянно сосуществуют конфликт, отрицание и приверженность.

(Daniel Barenboim, 2009, p. 14–15, 20)

...Двойственно также и Я человека.

Ибо Я основного слова «Я–Ты» отлично от Я основного слова «Я–Оно».

Основные слова не выражают нечто такое, что могло бы быть вне их, но, будучи сказанными, они полагают существование. Ты встречает меня.

Но это я вступаю в непосредственное отношение с ним.

Таким образом, отношение — это и выбирать, и быть избранным, страдание и действие. ...

Основное слово «Я–Ты» может быть сказано только всем существом...

я становлюсь Я, соотнося себя с Ты; становясь Я, я говорю Ты.

(Martin Buber, 1958; 2000, p. 19, 26)

Чтобы помочь индивиду развить рефлексивное понимание себя и других, благодаря которому репарация может способствовать исцелению, росту и изменениям, психотерапия предлагает те-

терапевтические отношения¹. Это простое описание целей приводит нас к трем основным измерениям психотерапии, с которыми согласуется описанная в нашей книге практика. Группаналитическая психотерапия интегрирует, объединяет социальное с психодинамикой. Отношенческие, рефлексивные и репаративные измерения задают «три R»^{*} в данной модели и обеспечивают концептуальную структуру, своего рода треногу, которая поддерживает этот текст. Название этой главы связано с работой Биллоу, чья книга описывает три разных R (Billow, 2010) и которому мы выражаем признательность². Также мы опирались на опыт исследователей, работающих в группаналитической модели над тем, чтобы понять и развить новую отношенческую парадигму в психотерапии. Их работы цитируются в этой главе³.

Различия этих измерений можно использовать для упорядочивания запутанных процессов, которые происходят в терапевтических группах, для оптимизации их динамики. Эти измерения часто представляют собой разные способы взглянуть на один и тот же базовый опыт, но, если мы дифференцируем их как «измерения», характеристики каждого из них станут более ясными. Часто в терапевтическом опыте группы одно из этих измерений проявлено более отчетливо, но даже когда в определенный момент присутствуют все три измерения, их использование позволяет нам деконструировать момент и понять его компоненты. В группаналитической литературе содержится много неявных ссылок на вопросы, относящиеся к *направлению движения терапии*. Бер и Херст пишут, что «аналитические группы защищены тщательным вниманием к составу, сеттингу и границам группы, а также пониманием ведущим того, в каком направлении движется терапия» (Behr, Hearst, 2005, p. 150). Они поясняют:

«Искусство группового анализа» состоит в способности ведущего найти баланс между двумя рисками: с одной стороны, невозможностью задать направление терапии, позволяя контртерапевтическому процессу идти своим чередом, и, с другой стороны — с проведением необоснованных вмешательств, которые препятствуют терапевтическому процессу, возможно, уже идущему полным ходом.

(Behr, Hearst, 2005, p. 106)

* В оригинале — relational, reflective and reparative.

Ведущий сталкивается с проблемой задания терапии курса, который мог бы дать возможность группе возвращать из отношенческих моментов рефлексивные и из рефлексивных — репаративные. В нашей книге это показано с помощью ряда теоретических построений. Сначала я буду иллюстрировать различные терапевтические моменты, возникающие в каждом из трех измерений. Отношенческое измерение является первым и фундаментальным. В нем случаются такие *отношенческие моменты*, в течение которых в группе через привязанность и разногласия возникают связи и конфликты. Они составляют питательную среду для опыта группы и закладывают основу для двух других измерений. Следующим уровнем, вытекающим из отношенческой работы группы, является рефлексивное измерение, генерирующее *рефлексивные моменты*, которые могут быть определены любым из двух способов. Первый подразумевает самоосознание, критическое исследование, то, что называется словом «рефлексивность», а второй — раскрытие символического значения. Из отношенческого и рефлексивного измерений возникает репаративное измерение группы. *Репаративными* могут становиться моменты, сильно заряженные катарсическим опытом, или же спокойные моменты подлинного разрешения напряжения. Мы можем понимать их по-разному, и я остановлюсь здесь на двух вариантах. Первый подразумевает печаль и раскаяние, в том числе возникновение чувства вины и развитие способности возмещать ущерб как себе, так и другим (Klein, Riviere, 1964). Второй состоит в корректирующем повторном проживании опыта жизни в родительской семье (Alexander, French, 1946, p. 79; Yalom, Leszcz, 2005).

Для тех, кто хотел бы понять терапевтический опыт, но сам его не имеет, на рисунке 2.1 показано, как работает эта модель трех измерений. В верхней части рисунка помещено отношенческое измерение. Внешний круг стрелок описывает движение терапии от отношенческого измерения через рефлексивное к репаративному. Терапевтический опыт всегда цикличен, и терапия, которая становится репаративной, еще больше обогащается за счет своей отношенческой значимости. Внутренний круг стрелок обозначает динамические взаимоотношения трех измерений.

На любом из этих этапов могут быть произведены изменения, но глубина вовлеченности развивается последовательно. Каждое измерение опирается на предшествующее, и по мере их развития они приводят к инсайту, аутсайту, более точному тестированию реаль-

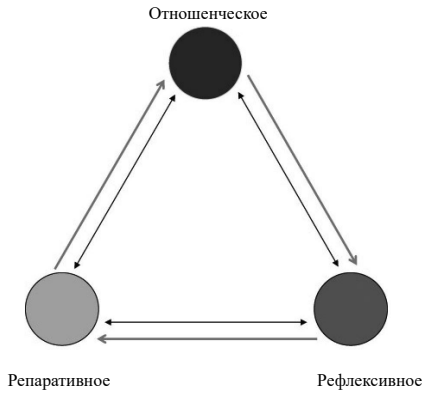


Рис. 2.1. Три измерения психотерапии

ности и самопознанию, которые выводят процесс изменений на более глубокие уровни. Термин *аутсайт*, который впервые был использован де Маре (de Maré, 1972, p. 159), а позднее Пайнсом (Pines, 1982/1998, p. 31), определяет, каким образом то, что индивидум видит или распознает вне самого себя и обнаруживает в других людях, обеспечивает доступ к тому, что иначе не могло бы быть обнаружено внутри самого себя⁴. Аутсайт, который является ключевой частью процесса отзеркаливания в групповой терапии, обсуждается в главе 10. Разграничение между измерениями, описанными в этой главе, является скорее условным, чем фундаментальным, и здесь оно введено для того, чтобы заложить основу понимания группового процесса. Отношенческие моменты становятся исцеляющими, когда они превращаются в рефлексивные; рефлексивные моменты часто, но не всегда носят отношенческий характер; и репаративные моменты содержат в себе моменты, относящиеся либо к одному, либо к обоим оставшимся измерениям. Ресурс группового терапевта заключается в способности превращать отношенческие моменты в рефлексивный опыт, а рефлексивные моменты — в репаративный опыт. Различия, обозначенные в этой главе, предвосхищают описываемые в главе 4 различия между отношенческим и семантическими полями терапевтической группы и обсуждаемые в главе 5 различия между реальностью, конструктами и репрезентациями в групповой терапии.

Данное описание трех измерений предназначено для практического использования, поскольку оно относится к тому, что большинство групповых аналитиков в любом случае делают в своих груп-

пах. Это то, что обеспечивает последовательное и поступательное движение вперед. Практики обращаются к отношенческому измерению как к способу высветить изменения в отношениях участников группы в те моменты, когда они устанавливают связь, обнаруживают ее или происходит конфликт. Они используют рефлексивное измерение для углубления самоанализа, исследования символических значений, особенно когда психика откликается на образный язык и метафоры. И они обращаются к репаративному измерению, чтобы обогатить извечный аспект человеческого опыта, состоящий в том, что признание неприятных истин способно освободить людей и придать новый импульс развитию. Ситуация первоначальной травмы или болезненного открытия почти никогда не сопровождается репарацией, то есть действием по возмещению ущерба, исправлению ситуации. В групповой терапии репарация становится доступна для тех, кто образует круг. Ниже в этой главе мы расскажем о том, как это описывает Арло: в ее представлении это выглядит как *предоплата*. Так как в любой действительно терапевтической группе все эти измерения присутствуют одновременно, они выступают в качестве синхронно проявляющихся характерных черт терапевтического опыта.

Трехчастное разделение психоаналитических взаимодействий, согласно Холмсу

Эти синхронно проявляющиеся измерения также характерны для практики индивидуальной и парной психоаналитической психотерапии, обсуждение которой выходит за рамки этой книги. Также применимость этой модели в индивидуальной практике исследуется в контексте «трехчастного разделения психоаналитических взаимодействий» по Холмсу, который описывает «три компонента психоаналитической психотерапии, основанной на привязанности». Во-первых, это терапевтические отношения, во-вторых, создание смыслов и, наконец, стимулирование изменений. Работа Холмса сфокусирована на динамике взаимоотношений психотерапевта с клиентом, но ее практическая ценность и ее значимость для группового анализа требуют, чтобы мы процитировали ее здесь, что и сделано в таблице 2.1 (Holmes, 2010, p. 8).

Я ссылаюсь на различные более ранние концепции групповой терапии не для того, чтобы разработать новую схему, основанную

Таблица 2.1

Трехчастное деление психоаналитических взаимодействий,
согласно Холмсу (Holmes, 2010, p. 8)

Определение	Основные динамические характеристики
Терапевтические отношения	Интенсивность Обуславливающие обстоятельства Безопасность Эмоциональная связь Самомониторинг и восстановление Использование свободных ассоциаций Исследование сновидений
Формирование смыслов	Исследование языка Исследование самих терапевтических отношений с точки зрения переноса и контрпереноса Изучение истории формирования личности клиента Развитие способности клиента думать о своих и чужих чувствах и действиях
Терапевтическое действие	Помощь клиенту в реинтеграции подавленных, отщепленных или проективных аффектов или частей себя Замена ригидных или основанных на переносе повторений на более творческий, гибкий и связанный с межличностными отношениями нарратив

на поэтапном развитии групповой жизни, так как это достаточно хорошо описано в литературе и обсуждается в главе 3. Я рассуждаю здесь о некоторых характеристиках, представленных в изложении Холмса в таблице 2.1, о *теории фокальных конфликтов* (Stock Whitaker) и о *трех способах групповой работы со сновидениями* по Фридману, которые также подробно описаны в главе 3. Необходимыми характеристиками терапевтической группы являются эти три основных, ключевых измерения идентичности, и именно на них опирается работа любой такой группы. Они должны разворачиваться постепенно и осмысленно, что в первую очередь обеспечивается варьированием вклада ведущего в процесс по мере его развития. Невозможно сделать так, чтобы терапевтическая группа сразу же успешно и активно начинала работу с рефлексивного и репаративного измерений. Первый этап работы терапевтической группы неизбежно проходит в отношенческом измерении, которое возникает и работает само по себе. Рефлексивное и репаративное измерения могут развиваться в группе, которую ведущий успешно сформировал и хорошо

ведет. Идея этих трех активных и одновременно существующих измерений предлагается в качестве надежного способа для упорядочивания и выстраивания иерархии терапевтических факторов, описанных Яломом и Лесцем.

Характер зависимости по фон Фраунгофер и три основные движущие силы группы по Миллард

Идея трех измерений восходит к работам Биона, Шутца, Бенни-са и Шеперда, а также Дюркин. Все эти работы обсуждаются в главе 3. Этой идее предстоит получить подтверждение в концепциях, которые были представлены Миллард и фон Фраунгофер и ожидают своего дальнейшего развития. Миллард пишет о трех ключевых движущих силах терапевтических групп: *принадлежности, близости и содействии* (Millard, 2002). Фон Фраунгофер отмечает, что отношения индивида в группе начинаются со *слияния*, проходят этап *присоединения* и, наконец, достигают стадии *принадлежности*. Миллард предвосхищает дальнейшее развитие экзистенциальных идей, которые Ялом и Лесц внесли в свой список «терапевтических» факторов и исследовали в своих работах по экзистенциальной психотерапии (Yalom, 1980). Миллард обращается к ряду концепций Бубера, в частности к концепции отношений «Я—Ты», которая в силу своей intersубъективности допускает возникновение как близости, так и содействия, а также к существенно отличающейся от нее концепции отношений «Я—Оно», которая также играет важную роль. Если терапевт выстраивает суждение об одном либо нескольких участниках группы или интерпретацию, в которой другие объективируются, это превращает коммуникацию в нечто инструментальное с контртерапевтическими последствиями. Вопрос актуальности такой точки зрения для создания рамок групповых вмешательств неоднократно поднимается в этой книге, и в главах 12—17 ему уделяется пристальное внимание.

Фон Фраунгофер использует концепции Фэйрберна, чтобы построить свою собственную трехфазную модель развития индивида в группе: от регрессии или незрелой зависимости через фазу экспериментов до состояния зрелой зависимости, включающей способность к взаимному обмену. В контексте нашего понимания группового развития фазы, которые она описывает (*слияние, присоединение и принадлежность*), являются оригинальными, действительно по-

Таблица 2.2

Характер зависимости в группах. Фон Фраунгофер
(von Fraunhofer, 2008, p. 278–290)

Характер зависимости	Незрелая зависимость	Переходная фаза/частичная независимость	Зрелая зависимость/взаимозависимость
Отношение к обмену	Невзаимный	Попытки экспериментировать с обменом	Способность к <i>взаимному обмену</i>
Характер отношений с группой	Слияние (нарциссическое/самопожертвование)	Присоединение	Принадлежность
Характер коммуникаций	Монолог	Формирующий диалог	Дискурс

лезными терминами, которые могут быть конструктивно сопоставлены с отношенческим, рефлексивным и репаративным измерениями группы с помощью таблицы 2.2 и более подробно обсуждаются в главах 8 и 11 (von Fraunhofer, 2008, p. 288).

Терапевтические факторы Ялома

Ялом сформулировал свои одиннадцать терапевтических факторов, оказавших важное влияние на нашу область знаний, ради ответа на ключевые вопросы, поставленные им в 1970 году. В этой книге я возвращаюсь не столько к ответам — одиннадцати факторам — сколько к исходным вопросам Ялома.

Помогает ли пациентам групповая терапия? Безусловно. Результаты многих исследований недвусмысленно свидетельствуют о том, что групповая психотерапия — в высшей степени эффективная форма психотерапии и что по своей способности приносить несомненную пользу она как минимум не уступает индивидуальной психотерапии.

Как групповая психотерапия помогает пациентам?.. Если мы сможем ответить на этот вопрос достаточно точно и определенно, в нашем распоряжении окажется главный организующий принцип, с которым можно подойти к самым обсуждаемым и противоречивым проблемам психотерапии. Будучи описанными, принципиальные аспекты процесса изменений сформируют

рациональную базу, опираясь на которую психотерапевты смогут... осуществить моделирование группового опыта с целью оптимизации его эффективности...

...Терапевтическое изменение — чрезвычайно сложный процесс, протекающий в результате замысловатого переплетения человеческих опытов, которые в дальнейшем я буду называть «терапевтические лечебные факторы».

(Yalom, Leszcz, 2005, p. 1)

Причиной для возвращения к обозначенным вопросам послужило пришедшее в процессе написания этой книги осознание того, что уровень противоречий в нашей области знаний и во многих ее разделах связан с непонятным смещением группы и ее атрибутов, с одной стороны, и терапии, которую может предоставить группа, с другой. Структура, процесс и содержание являются атрибутами самой группы. Они описывают транспортное средство, но не путешествие само по себе или пункт назначения.

В этой книге мы не оставим без внимания первоначальные ответы Ялома на поставленные им вопросы, то есть формулировки его одиннадцати терапевтических факторов. Его «естественные линии разлома» выдержали испытание временем, и наша область знаний сформировалась с учетом этих разграничений. Спустя сорок лет три измерения, обсуждаемые в этой главе, помогают нам реорганизовать и по-новому оценить эти факторы. Блох и Крауч, работающие в рамках интерперсональной модели, внесли особенно ценный вклад в понимание терапевтических факторов в групповой психотерапии (Bloch, Crouch, 1985). Если теперь мы сможем разработать клиническую и концептуальную основу для переоценки этих факторов, то, возможно, мы сможем начать понимать, как можно интегрировать межличностные и различные психодинамические модели. *Отношенческое измерение* включает в себя семь из одиннадцати терапевтических факторов Ялома: универсальность переживаний, предоставление информации, альтруизм, развитие навыков социализации, имитационное поведение, межличностное научение и сплоченность группы. *Рефлексивное измерение* включает вселение надежды и катарсис, а экзистенциальные факторы находятся где-то между рефлексивным и репаративным измерениями. *Репаративное измерение* полностью охватывает корректирующую рекапитуляцию первичной семейной группы. Как подчеркивают Ялом и Лесц, границы

между этими факторами размыты и элементы этих факторов относятся ко всем трем измерениям, представленным здесь. Поскольку это трехмерное построение может быть понято, принято и интегрировано с тремя другими измерениями: структурой, процессом и содержанием, описанными в разделе II, — мы можем в какой-то мере надеяться на их интеграцию.

Определения трех измерений

Отношенческое измерение

Это измерение задает основу для межличностных отношений в группе. *Отношенческие моменты*, связанные с изменениями в межличностных отношениях участников, возникают, когда создание или обнаружение привязанности или конфликта становится положительной связью или источником проблем, которые высвечивают нечто важное. Когда возникают отношенческие моменты, они отражают сдвиг в связанной с привязанностью основе отношенческой матрицы группы и начинают формировать динамику изменений отношений между людьми. В такие моменты возникающие связи и конфликты делают возможными изменения в обоих последующих измерениях.

Рефлексивное измерение

Это измерение возникает, когда люди анализируют способы выражения своей вовлеченности и обнаруживают смысл в том, чтобы спрашивать других. Это связано с тем явлением, которое Винникотт назвал промежуточным миром (Winnicott, 1953, p. 230). *Рефлексивные моменты* в группе можно понять любым из двух следующих способов. Во-первых, это моменты изучения себя, которые подразумевают рефлексивные вопросы, процесс осознания или самоосознания. И во-вторых, это моменты, когда происходит раскрытие символического значения, и особенно моменты, когда язык и метафоры захватывают психику. Рефлексивные моменты относятся к миру репрезентаций, в котором мы можем услышать голос символа (Grotjahn, 1971), и они похожи на то, к чему мы стремимся в искусстве, музыке и литературе. К этой области относятся как священное и сакральное, так и фетиш, навязчивый ритуал и многие другие аспекты аддиктивного поведения, которые имеют символическую форму. Эти

моменты по своей сути являются символическими и метафорическими, а не отношенческими. Боллас описал эстетический императив, относящийся к этим моментам (Bollas, 1987), а Кокс к этому измерению добавил понятие мутативных метафор в психотерапии (Cox, Theilgaard, 1987). Рефлексивное измерение опирается на метафору, которая переносит нас из одного мира в другой. Движение происходит через системы символов, которые обычно генерируются самой группой. Каждая группа создает свои собственные метафоры, которые становятся проводниками перемен. Они работают так же, как литературные или религиозные символы, сначала для создания общего символического языка, языка принадлежности, а затем, по мере того, как они обеспечивают более глубокие изменения, становятся мутативными и задействуют стремление, и приводят к репаративным моментам, что описано в главе 15.

Репаративное измерение

Это измерение содержит в себе одно или оба предыдущих измерений и может быть понято двумя способами.

Репарация, вытекающая из чувства вины или раскаяния и приводящая к заботе о другом

В первую очередь репарация подразумевает способность заботиться о другом, чувство вины, угрызания совести и желание творить добро. Начиная с работы Кляйн «Любовь, ненависть и репарация», кляйнианский вклад в психоанализ становится прочной базой для индивидуальной практики (Klein, Riviere, 1964). Идея о том, что признание неприятных истин дает нам свободу, является центральным психоаналитическим принципом, согласно которому инсайт, то есть понимание, приводит к катарсису. *Репаративные моменты* больше всего похожи на достижение депрессивной позиции в отношенческом контексте, поэтому благодарность может перерасти в щедрость.

Репарация, которая превращает благодарность в щедрость по отношению к другим: корректирующее повторное краткое проживание (рекапитуляция)

Во-вторых, репарация не ограничена рамками работы с людьми или даже небольшими группами. Как одна из основных эмоциональных реакций репарация возникает, когда люди пытаются преодолеть последствия травмы. Она заложена в основу всех действий, связан-

ных с искуплением вины, и широко применяется в судопроизводстве и программах восстановительного правосудия (Sachs, 2011). Этот второй аспект репарации, который превращает благодарность в щедрость по отношению к другим, можно проиллюстрировать историей Жана Вальжана, героя романа Гюго «Отверженные». Его превращение из уголовника в благотворителя начинается, когда епископ своей душевной щедростью спасает его из отчаянной ситуации. Когда ему самому улыбается удача, и он обращает ее на пользу другим людям, все его дальнейшие действия наполняются чувством признательности. Психоаналитик Александер использовал роман Гюго, чтобы сформулировать концепцию корректирующего эмоционального опыта, которую он положил в основу психотерапии в процессе работы в Чикаго в 1940-х годах (Alexander, French, 1946). В практику индивидуальной психотерапии в Великобритании его идеи были включены Винникоттом, который в то время использовал их, чтобы изменить понимание переноса и развить отношенческую перспективу, что предвосхищало недавнюю работу Доннела Б. Стерна (Stern, 1997, 2010; Winnicott, 1963, p. 258). Ялом применил эти идеи в практике групповой психотерапии, когда он включил *корректирующую рекапитуляцию* в свои одиннадцать терапевтических факторов (Yalom, Leszcz, 2005, p. 27–31).

Вальжан неожиданно для себя сталкивается с проявлением щедрости по отношению к нему, что уменьшает сдерживаемый им гнев, вызванный глубокой несправедливостью. Процесс его исправления начинается с его собственного опыта восприятия щедрости со стороны другого человека по отношению к нему, на что он реагирует с искренней благодарностью. Затем, когда его жизнь входит в благополучное русло, эта благодарность распространяется на других людей, и он, в свою очередь, становится щедрым человеком. Он живет в постоянной борьбе со своими импульсами оскорбленного человека, с угрозой разоблачения своей замаскированной личности и является свидетелем величайшей несправедливости в отношении людей. Его пожизненная преданность Козетте, девочке-сироте, которую он спасает, удочеряет и обучает, представляет собой прекрасный образец художественной прозы.

Концепция «предоплаты любовью» Арло

Чтобы исследовать истории, случавшиеся в процессе групповой терапии, когда благодарность превращается в щедрость, Арло выдвигает многообещающую идею *предоплаты любовью*, которую она по-

черпнула из кино и литературы. В ярком рассказе о восстановлении отношений между сиблингами, один из которых проходит групповую терапию, она описывает, как сама группа становится аренной репарации, на которой «Вы не расплачиваетесь любовью. Вы вносите предоплату любовью», и эта любовь распространяется на окружающих вас в группе людей, которые помогли вам подняться на новый уровень развития (Arlo, 2014, p. 349–351). В групповой терапии живой опыт изменений возникает, когда люди ищут ответ на вопрос, что значит быть отзывчивым и принимать отзывчивость другого; когда благодарность побеждает обиду; когда борьба происходит в присутствии других людей, которые обходятся с аналогичными проблемами аналогичным образом; когда людям приходится бороться со своим или чужим сопротивлением; когда метафоры становятся мутативными, открывая доступ к самому глубинному травматическому опыту и самым большим перспективам репарации и когда устойчивый процесс разрешения проблем во всех его порой болезненных деталях наиболее приближен к тому, что Фрейд называл «проработкой» (Freud, 1914, p. 147).

Иллюстрации трех измерений

С помощью приведенных ниже виньеток мы проиллюстрируем три измерения и подчеркнем их различия. То, как работает конструкция, когда все три измерения возникают синхронно, будет проиллюстрировано позднее.

Отношенческое измерение

Виньетка 2.1

Брат мой, что они с тобой сделали?

Некоторые отношенческие моменты

Первая встреча группы из восьми человек с двумя терапевтами. Им предстоит пройти двухлетнюю программу, состоящую из приблизительно семидесяти сессий. Участники прибыли из стран, в которых распространены пытки, и все они получили серьезные ранения. Никто из них не знает друг друга и предварительно не связан как-либо друг с другом, но все они знакомы с кем-либо из двух терапевтов. Некоторые из них из стран Северо-Восточной Африки, в частности христи-

ане-эфиопы и мусульмане-сомалийцы. К представителям Центральной Африки относятся один конголезец и мужчина по имени Джонас, руандийский тутси, переживший геноцид, они оба были воспитаны как христиане. Четверо других участников — это два иракца (мусульмане-сунниты), два иранца (шииты), одного из которых зовут Мустафа. Мы приводим данные о религии, национальности и этнической принадлежности участников группы, чтобы подчеркнуть их различия. Общим для всех является опыт травматической утраты и насилия в тех странах, откуда они прибыли. Все они беженцы. Мы встречаемся в клинике, созданной для предоставления этой группе населения психологической помощи. Все участники группы уже прошли длительные программы реабилитационной помощи, за ними последовала подготовительная психотерапия с кем-либо из двух ко-терапевтов.

Мы начинаем с того, что с трудом пробираемся через этап знакомства, процесс идет неровно. Участники обращаются с вопросами к терапевтам, ожидая ответов от них. Терапевты готовы к своей работе и ведут себя приветливо, но мы настойчиво возвращаем фокус внимания к группе. Затем наступает тишина, за которой следует несколько коротких рассказов, участников об их происхождении и о том, как они стали беженцами. Мы оказываем им максимально возможную поддержку, но острая тревога участников тормозит процесс. Все новые группы сходным образом начинаются с формы *последовательного монолога*. Проходят тридцать минут такого неровного общения, прерываемого, на первый взгляд, непродуктивными паузами, во время которых участники часто смотрят на терапевтов, и один из мужчин, Мустафа из Ирана, спрашивает, где находится туалет. Один из терапевтов направляет его, и все видят, как Мустафа берет свои костыли, лежавшие под стулом, и, хромая, идет через комнату к двери. Перед началом сессии, когда собирались другие участники, он уже сидел на стуле, так что к настоящему моменту только терапевты знали, насколько серьезны его увечья. В этой заряженной тишине мы наблюдаем за каждым его движением. Все продолжают молчать, пока Мустафа не возвращается. Через несколько минут дверь открывается, и все наблюдают за тем, как он, потев от усилий, с трудом пробирается по комнате обратно на свое место, спотыкаясь о стул. Наконец он возвращает костыли на место.

У Джонаса из Руанды на лице и шее заметны крупные рубцы, и он говорит с сильным французским акцентом. Он смотрит на Мустафу через комнату и, наклонившись к нему, говорит: «Брат мой, что они с тобой сделали?». Наступает долгая пауза, и затем с ответом Муста-

фы комната наполняется облегчением, и начинается настоящий эмоциональный обмен. Мустафа рассказывает на ломаном, неуверенном английском языке о том, как дома солдаты сломали ему спину прикладами и ботинками и как ему повезло, что он остался жив. Далее он рассказывает о том, как семья спасла его, как он сбежал из Ирана с женой, и о том, что сейчас они ждут ребенка. Это действительно отношенческий момент, который продвигает нас от *монолога* к *диалогу*. Диалог между этими двумя мужчинами приводит, в свою очередь, к ненаправленному и случайному обмену репликами между всеми участниками группы, из которого складывается *дискурс* и который показывает нам, что группа оживает. На протяжении последующих месяцев терапии группа будет много раз колебаться, отступать и сомневаться. Но в этот первый отношенческий момент мы все превратились в свидетелей, и в процессе *свидетельствования* начинается групповая терапия.

Комментарий

Вопрос — это не только вопрос, но и заявление об отождествлении, и подарок группе и ее терапевтам. Ничто не могло подготовить нас к этому, это было невозможно предвидеть или отрепетировать заранее. При правильных условиях в групповой терапии подобные события происходят постоянно. Это описанные в главе 1 Коксом и Тильгаард *точки входа*, в которых «чувство тайны, удивления и уникальности... превосходит любые технические описания» (Сох, Theilgaard, 1987, p. 17). Момент, когда Джонас задает свой вопрос Мустафе, можно рассматривать, используя базовые допущения тэвистокской школы. В сдвиге, вызванном вопросом, мы могли видеть переход от зависимости к образованию пары. Но проанализировать этот шаг просто в соответствии с базовыми допущениями — значит пренебрегать богатством терапевтического взаимодействия. Лучше описать это как переход от монолога к диалогу, который помогает начать доверительную беседу. Такой вопрос также является коммуникацией и ответом на ряд других, не высказанных ранее вопросов: «Кто ты? Как всем нам удалось выжить? Как мы можем противостоять такому уровню человеческой жестокости? Что мы вместе можем сделать с травмами, которые оставили следы на наших телах и лицах?».

В вопросе также присутствует ответ на еще один несформулированный вопрос. Джонас говорит: «Я буду твоим братом. А ты будешь мо-

им?». В тот момент, когда он задает этот вопрос, он начинает создавать между нами братские отношения. В такие моменты происходит нечто общее для всей групповой психотерапии. Эти люди потеряли почти все: своих родственников, здоровье, дом и родину и свое ощущение целостности. Хотя они были всецело поглощены своими утратами, они смогли из сострадания друг к другу вновь обрести достоинство. Оказалось, что они не утратили щедрости, и благодаря этому открытию каждый из них восстановит свой мир. Этой «группе братьев», которую мы во введении описали как «группу в час по чайной ложке», предстояли два года продуктивной работы, в ходе которой участники смогли обустроить свою жизнь в чужой стране. Чтобы принять реальность, им пришлось пройти через процесс горевания, в ходе которого они как перемещенные лица были лишены возможности использовать обычные для них ритуалы скорби. Вместо этого им пришлось полагаться на группу. И наконец, они вместе начали создавать реальные ожидания от будущего.

В ситуации, описанной в виньетке 2.2, в малой группе для выздоравливающих от острых психических заболеваний пациентов, которые встречаются в кабинете недалеко от психиатрической больницы, в которой они когда-то находились в стационаре, участники говорили на несколько ином, но очень схожем по смыслам языке. Сейчас они видятся только раз в неделю, и в эти групповые встречи уже заложена та же самая последовательная динамика, которая описана в виньетке 2.1.

Виньетка 2.2

«Нормальные» в нашей «космической капсуле»

На первой сессии мы обсуждали, что такое «нормальный» мир, и у группы возникли образы мужчины, подстригающего газон на другой стороне улицы, пешеходов, переходящих дорогу, и передвижения людей за пределами больницы. Это обсуждение, прерываемое взрывами смеха, привело участников к решению, что внешний мир населяют инопланетяне, и только мы живем в «космической капсуле» под названием «Нормальные». Когда кто-то начал напевать: «We all live in a yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine»*, — смех стал приносить почти безумное облегчение. По мере того как люди медленно возвра-

* «Мы живем на желтой подводной лодке, желтой подводной лодке, желтой подводной лодке», — строки из песни группы «Битлз».

щались к обычной жизни, этот смех стал для них прибежищем и свя-
тилищем.

Комментарий

Терапевты, которые работают с различными группами травмированных или стигматизированных людей часто описывают моменты такого рода. Подобные моменты возникают и в группах тех, кто находится в процессе лечения смертельных заболеваний; тех, кто переживает безысходность, связанную со старостью; тех, кто заключен в тюрьму и вынужден признать факт собственных насильственных действий; в группах беженцев, столкнувшихся с насилием; и в группах пар, пытающихся принять утрату ребенка. Моменты, когда создание или обнаружение связи также является источником озарения, благодаря которому группа становится *вспомогательным Эго*, мы будем называть *отношенческими моментами*.

Отношенческие моменты по своей сути не всегда только позитивны или благотворны. Довольно часто наиболее глубокими отношенческими моментами, возникающими в терапевтических группах, становятся конфликты, враждебность или злокачественное отзеркаливание. Ялом и Лесц обращаются к таким моментам (Yalom, Leszcz, 2005, р. 138–140, 363–374), а Нитсан в своей работе «Антигруппа» описывает, как кажущийся негативным опыт, когда его можно исследовать, приносит явную пользу (Nitsun, 1996). В нашей книге много виньеток, которые описывают терапевтическую работу с конфликтами и другим негативным опытом, а именно виньетки 4.3–4.4, 8.2, 10.4, 10.9, 13.2, 14.3, 15.4, 16.3 и 17.2.

Отношенческие моменты в повседневной жизни

Виньетка 2.3

Майонез на подбородке

Стоя на углу улицы, я наблюдаю, как из только что припаркованной машины выходит пара. В процессе поездки они явно что-то ели. Она, наклонившись над капотом, смотрит на него через ветровое стекло и говорит ему: «У тебя тут майонез», дотрагиваясь до кончика своего подбородка. Он достает из кармана салфетку, аккуратно приклады-

вает ее и одним движением очищает подбородок, сопровождая это отрывистым «спасибо». Ему не нужно смотреть в зеркало, потому что он увидел себя в ее жесте.

Комментарий

Здесь мы наблюдаем тонкости обыденного языка, которым люди пользуются в ходе групповой терапии. Во взаимодействии этой пары мы видим отношенческий момент. Как этот момент связан с групповой терапией? Группы не будут по-настоящему терапевтическими без таких ключевых элементов. Но на следующем шаге расшифровки иллюстрации мы видим, что обычная деталь обыденного языка является важным отношенческим моментом. Женщина *локализовала* испачканное место на подбородке мужчины, сказав о нем и коснувшись своего подбородка. В свою очередь, мужчина заметил беспорядок на своем подбородке и *перевел* проявленную женщиной заботу, заключающуюся в жесте, который она применила к себе, в набор действий по ликвидации последствий загрязнения. Они оба опирались на *отзеркаливание*, с помощью которого общение жестами позволило превратить указание на локализацию загрязнения в *набор корректирующих действий*.

Групповая терапия опирается на коммуникацию с помощью жестов, отзеркаливание, очищение, локализацию, перевод, корректирующие и репаративные действия. Отзеркаливание обсуждается в главе 10, а перевод и локализация — в главе 17. Когда Джонас спрашивает Мустафу: «Брат мой, что они с тобой сделали?» — он говорит от имени всех находящихся в комнате. И когда Мустафа слышит это проявление солидарности, то же самое слышат и все остальные. В групповой терапии один говорит от имени многих индивидов, а то, что адресовано одному человеку, сообщается также и всем остальным. Когда Джонас задает свой вопрос, он тем самым указывает на свои шрамы и шрамы других участников группы и солидаризируется с другими участниками против тех, кто нанес им жестокие увечья. Под процессом «очищения» мы понимаем последующее развитие терапевтической работы группы и невысказанный призыв к образованию нового «братства», которое потребуется для их выздоровления. И начало этому братству положено в акте речи Джонаса. В том, как он обращается к другим участникам, проявляется вся глубина его собственных

страданий. Гнев, который ему еще предстоит почувствовать, высвобождение которого является условием для по-настоящему эффективной терапии, близок, но еще не выражен. В последующие месяцы мы увидим агрессивные реакции, которые, не имея возможности быть направленными против преступников, будут иногда направлены против него самого, иногда против терапевтов, иногда против негостеприимного государства, даже если оно предоставило им убежище, но очень редко против других участников группы.

Связь, которая высвечивает нечто важное для всей группы, возникает в ходе создания моста через пропасть между двумя неизвестными людьми в чужой стране. Их разделяет происхождение из разных географических регионов, разный цвет кожи и разные религии, которые порождают недоверие и подозрение. Какие же условия необходимо создать в группе, чтобы через эту пропасть мог возникнуть альянс такого рода? Главы 8–12 посвящены общим принципам группанализа, а виньетки 10.8, 16.1 и 16.3 описывают дальнейшую работу с этой группой.

Рефлексивное измерение

Некоторые рефлексивные моменты

Виньетка 2.4 составлена на основе материалов нескольких месяцев групповой терапии и посвящена важнейшим проблемам преследования и самосаботажа, которые можно обозначить как «внутренний враг» или «враг среди нас». Благодаря совместному переживанию в течение длительного времени как развивающего так и регрессивного опыта между участниками возникла сплоченность. В группе три женщины — Ирен, Соня и Ли Энн, и три мужчины — Мел, Кен и Джулиус. Заявленные участниками причины присоединения к группе различны, но все они связаны с психоневротическими проблемами разной степени тяжести и в одном случае сопровождаются алкогольной зависимостью.

Виньетка 2.4

Преследователь и гремящие ключи

Ирен успешно работает в сфере торговли предметами искусства. Ей уже за тридцать, но ей удастся находить себе только избегающих, отстраненных и недоступных мужчин, таких, как ее отец, который умер

много лет назад, но который до сих пор как будто разделяет ее и мать. Она говорит нам, что в остальных случаях мужчины для нее бесполезны. После расставания с последним партнером она впала в серьезную депрессию и уже была почти готова вернуться к нему, как она уже делала несколько раз раньше. Однако теперь она принимает лекарства и опирается на поддержку хорошего психиатра и группы. Она говорит, что близка с матерью, как ни с кем другим, а затем рассказывает группе о недавнем ужасном инциденте.

Соня опаздывает на встречу группы. Она — менеджер по социальной работе в больнице, где она энергично и немного резковато руководит командой специалистов. У нее есть проблемы с алкоголем. Она весело и с юмором может говорить обо всех, кроме ее умершей матери, которая издевалась над ней, и мужа, о котором не может сказать ничего хорошего. Она харизматична, интересна и любит поспорить, особенно со своими детьми-подростками, которые находятся в состоянии напряженного и открытого бунта. Однако она также склонна к отвлечению и избеганию. Когда она с опозданием входит в комнату, где уже собралась группа, она держит в руках цепочку с гремящими ключами от машины и офиса.

Ирен ругает ее: «Снова опаздываешь и снова гремишь своими чертовыми ключами! Я не могу в это поверить, Соня!».

Соня извиняется, быстро убирает ключи с преувеличенным выражением согласия и деланной вины, что в другой ситуации могло бы показаться смешным.

Мел обращается к Ирен: «Я знаю, она напоминает тебе твою мать, но почему ты должна ругать ее? Ты ничем не лучше меня!». Он успешный бизнесмен, но сейчас его предприятие столкнулось с трудностями. Он был в тяжелой депрессии, но в течение последнего года благодаря группе ему удалось предпринять шаги по спасению компании. В группу он пришел под давлением жены, которая настояла, чтобы он посещал парную терапию после того, как в порывах раздражения он начал нападать на нее. Они добились определенных успехов, но их терапевт, посчитав его поведение по отношению к жене граничащим с насилием и убедил его встретиться со мной и обсудить возможность участия в групповой терапии. С нами он уже полтора года.

Участники группы спрашивают Мела: «Так что же ты сделал сейчас?». Одни участники относятся к нему с симпатией, но другие опасаются его грубой и взрывоопасной энергии. Он смотрит в пол и признает, что использовал те же нецензурные слова в отношении своей жены.

Ирен говорит: «Опять ты за свое». Она поворачивается, чтобы извиниться перед Соней за использование бранного слова, а затем обращается к Мелу и спрашивает, что происходило, когда он использовал эти выражения по отношению к жене.

Мел снова опускает глаза в пол, и нам понятен ответ на этот вопрос.

Кен говорит: «Знаешь что, будь я твоей женой, я бы и дня с тобой не прожил, но, по крайней мере, ты не угрожал выбросить ее из окна».

В группе Мел работает над целым рядом болезненных проблем, сформировавшихся у него в результате воспитания в социально неблагополучной среде, где насилие было обычным явлением. Он рассказал нам, что в период спада он успешно поддерживал свой бизнес, посещая со своим братом должников и угрожая выбросить их в окно, если они не погасят долги. Он сказал, что это было хорошо для бизнеса, но плохо для его души, и поэтому он пришел в группу. Когда Кен напоминает нам о прошлых драмах Мела, группа смеется.

Мел поворачивается к Кену и говорит: «С учетом того, как ты запугивал Ирен на прошлой неделе, тебе вообще следует помалкивать».

Джулиус отвечает на это: «Не думаю, что то, что сказал ей Кен, было запугиванием. Ирен хотела внимания и получила больше, чем просила».

Они подразумевают тот жаркий день, когда Ирен пришла на встречу группы в чересчур смелом наряде, что заставляло сделать предположение о восстановлении ее сексуальности после депрессии, вызванной расставанием. Тогда Кен разозлился на нее за то, что испытал возбуждение.

Слово дается **Кену**, и он рассказывает нам о сексуальной фрустрации в семье, потому что его жена, несмотря на их хорошие отношения, ограничивает возможности для проявления близости. Он стыдится того, что тратит много времени на порнографию, но не отдает себе отчета в том, что его гневные нападки на Ирен неуместны.

Соня своим опозданием вызвала негодование Кена и Мела, одного — вследствие агрессии против его жены, а другого — вследствие его агрессии в группе, направленной на Ирен, которая, возможно, действительно хотела быть желанной для него. Соня действительно вызывает неудовольствие окружающих.

Группа как целое. Все вовлекаются в завязавшуюся перепалку. Мел и Кен предъявляют встречные претензии Соне, которая не остается в долгу. Джулиус, Ли Энн и Ирен пытаются разрядить обстановку.

Терапевт обращается к Соне и говорит: «Вы снова гремите ключами, провоцируя двух мужчин из группы на оскорбление. Все, что вы говорите о них, вероятно, правдиво и точно, но то, что вы делаете в группе, для вас является еще одним эмоциональным джакузи (эмоциональными выбросами, которые отвлекают и захватывают вас), это та же самая провокация, которая заставила вашего мужа, государственного служащего, чью сдержанность вы находите такой фрустрирующей, обругать вас, что и произошло недавно». Терапевт продолжает: «Все, что вы сказали Мелу и Кену, — правда, но вы назвали нас гремите ключами, как когда-то это делала ваша мать. Это отравляет ваши отношения с другими людьми так же, как вас отравляет алкоголь. Ваши дети говорят вам, что ваше поведение их пугает, и вы довели их до состояния открытого бунта. Можем ли мы обсудить это сейчас?».

Комментарий

Свободно текущая дискуссия «всецело зависит от спонтанного настроения группы и ее участников, а ведущий и группа принимают то, что происходит в любой момент любой сессии» (Foulkes, 1975, p. 56). Свободно текущая дискуссия более полно обсуждается в главе 4, а рекомендации Фукса по ее использованию в целях локализации, перевода и интерпретации рассматриваются в главе 17 и обобщаются в таблицах 17.1–17.3. В виньетке 2.4 свободно текущая дискуссия приводит к тому, что Соня нарушает чужие границы. Ирен первая протестует против этого, а затем двое мужчин начинают нечто вроде буллинга, что заводит группу в тупик. Ответственностью ведущего является вмешательство в граничные события такого рода⁵. Он предлагает интерпретацию в соответствии с подходом Фукса, состоящим в том, что «интерпретация необходима, когда возникает блокировка коммуникации... связанная с сопротивлением» (Foulkes, 1975, p. 125, как показано в таблице 17.3). Чтобы быть мутативными, «интерпретации должны основываться на доступном переживании момента и быть как можно ближе к тому эмоциональному уровню, который кажется наиболее активным» (ibid., 123). Когда терапевт пользуется языком группы, он взывает к Соне, используя «огонь переживаемых [участниками] эмоций» (ibid., 124). Данный подход обобщается в таблице 17.3.

Виньетка 2.4 (продолжение)

Наступает долгое молчание, и Соня начинает всхлипывать.

Соня говорит: «Я просто бессмысленная эктоплазма, все время гремющая ключами», — и горько плачет.

Ирен испытывает сострадание к участнице группы, которая старше ее по возрасту. Она наклоняется к ней и говорит: «Мне так жаль». Затем она говорит нам, что шесть месяцев назад в больнице у нее были похожие мысли, когда ей казалось, что у нее нет кожи. Она была госпитализирована в связи с тяжелым депрессивным эпизодом. По ее словам, когда внутри очень больно, кажется, что и снаружи очень больно. Затем она рассказывает нам о некоторых странных ассоциациях. Недавно, переходя через дорогу, она представила, что может зайти в поток движущихся машин и умереть. А потом она представила, что ее мать предстанет перед судом в качестве обвиняемой, а мы, то есть группа, будем судьей и присяжными.

Терапевт предлагает группе отреагировать на фантазии Ирен. Ассоциации участников создают дополнительные образы, что дает возможность ведущему использовать язык группы для создания интерпретации. Он говорит Ирен и группе, что ее фантазии сообщают нам о том, что она чувствовала себя в ловушке, когда жила с матерью, с которой у нее было только два варианта действий: сбежать из ситуации с помощью причинения себе вреда или предать мать нашему суду. Он полагает, что группа может предоставить ей третий вариант, который более реалистичен и который также доступен для всех остальных участников: на собственных условиях и с учетом собственных прав стать наконец самой собой. Ирен чувствует облегчение и благодарность.

Ли Энн, которая сидит рядом с Соней, тихо говорит ей: «Я представляю, как тебе было обидно, когда ты была маленькой девочкой, и мать „гремела“ на тебя. Но теперь я вижу, что Джон „гремит“ на тебя». Обращаясь к психотерапевту, она говорит: «Я думаю, что вы поддерживаете Ирен и несправедливо относитесь к Соне».

Джулиус по своему обыкновению защищает психотерапевта и говорит, что никто другой не сказал бы Соне правды, и хорошо, что Джон сказал это. Он поворачивается к Ли Энн, с которой чувствует тесную связь, и говорит: «Ты тоже уделяешь ему (Джону) гораздо больше внимания, чем остальным. Но, в конце концов, хорошо, что ты высказалась. Ведь в течение нескольких месяцев ты ничего не говорила нам».

Комментарий

Сначала один участник группы, а затем ведущий упоминают о гремющих ключах, которое становится — образным выражением, которое фиксирует нюансы отношенческого смысла. Они становятся символом межличностных отношений, фиксируя паттерн, в котором агрессия последовательно разъединяет людей, ломает их отношения. Это *атаки группы на связь* (Bion, 1959). Агрессия отражается и в других образах: выбрасывание кого-либо из окна, критика сексуальности, оценка себя как «бессмысленной эктоплазмы» и яркая картина самоповреждения. Образ группы как судьи и присяжных, которые будут выступать на стороне одной из участниц против ее зловредной матери, свидетельствуют о том, что группа работает в качестве вспомогательного Эго, выступая в качестве свидетеля для одной из ее участниц, в соответствии с принципами, изложенными в таблице 1.2. Когда Соня плачет, описывая себя как «бессмысленную эктоплазму» (это ее язык и ее восприятие себя), Ирен и Ли Энн дают ей эмоциональную поддержку, как будто заключая ее в объятия. По мере того как в особенно пронзительные моменты эти качества рефлексивного опыта достигают пика силы и смысла, рефлексивное измерение превращается в репаративное, и теперь, как и в течение последующих сессий, когда участница, ставшая выразителем атак на связи, в которых вообще-то участвуют все, чувствует проявленное по отношению к ней сострадание, атмосфера в группе оздоравливается. К тому, что впоследствии будет происходить с Мелом, мы вернемся в виньетке 3.1. Репаративные моменты будут проиллюстрированы в виньетке 2.5, где описана работа другой группы.

Репаративное измерение

Репаративные моменты

В качестве иллюстрации в виньетке 2.5 мы используем материалы плодотворной работы группы, проходившей дважды в неделю в течение многих лет. По своему составу данная группа значительно отличается от описанной ранее. Центральная фигура этой винюетки, которую зовут Элеонора, также вновь появится в винюетке 15.3, события в которой будут разворачиваться спустя два года.

Виньетка 2.5*Разделение матери и ребенка:**страдальческое мычание коровы и теленка*

Участники группы разговаривают, борются с собой, останавливаются, а затем снова начинают говорить. Одна из участниц сегодня в отчаянии. Элеонора успевает сказать нам, что плакала, и снова начинает всхлипывать. Недавно она попрощалась с учениками и сотрудниками школы, в которой она преподавала. Оба ее младших брата получили образование, квалификацию, сделали карьеру и создали семьи. Одна из ее невесток ждет первого ребенка. Элеонора была «маминой дочкой» и «партнером» матери в воспитании младших братьев. Она хотела бы иметь семью и детей, но ей уже за сорок и она по-прежнему одинока, и сейчас она взяла на себя заботу о стареющей больной матери, которая переезжает в дом престарелых. Ее отец умер, когда она была подростком. Она не занималась карьерой, когда могла бы это делать, и сейчас, в более зрелом возрасте, получает педагогическое образование. В юности она страдала от биполярного аффективного расстройства, которое недавно снова начало беспокоить ее. Она принимает антидепрессанты и нормотимик, назначенные ей психиатром, который направил ее на психотерапию. В течение нескольких месяцев она проходила индивидуальную терапию со мной, и когда ее состояние стабилизировалось, было принято решение о присоединении ее к этой группе. В течение некоторого времени она была лабильна и все еще переживает маниакальные «подъемы» и депрессивные «спады», как в описываемый момент. Однако спустя девять месяцев групповой терапии резкие перепады настроения почти прекратились, и мы в группе ошибочно недооценивали их разрушительное воздействие на нее.

Ее мать плакала, когда речь заходила о безрадостной перспективе расстаться с домом в связи с переездом, и Элеонора делала все возможное, чтобы утешить и обратить ее внимание на преимущества дома престарелых. Но, как она позже говорила нам, она не выдерживала и тоже начинала плакать, и они подолгу сидели обнявшись в слезах. Мать не знает, в каком состоянии находится Элеонора. Та скрывает это от нее и обсуждает это только с нами. Она присоединилась к группе позднее остальных, и за описанные девять месяцев она изо всех сил старалась освоиться. Сегодня вечером другие участники группы выведены из равновесия интенсивностью ее страданий.

Она снова начинает горько плакать. Кто-то передает ей салфетки, а кто-то напоминает о ее рассказе на последней сессии, когда она

описывала свою мать как поверхностную, недоступную и занятую собой женщину. Участники говорят, что, похоже, она сейчас ожидает материнской заботы от кого-то, кто почти никогда не давал ей ее. Она вспоминает это обсуждение, и ее спрашивают, что она об этом думает, но она говорит нам, что уже по дороге домой после прошлой сессии это потеряло для нее смысл, и с тех пор она об этом не думала. Другая участница, Кэролайн, описывает этот ответ как мягкую, но очевидную агрессию. Похоже, Элеонора отвергает инсайты, которые произошли у нее на прошлой неделе. Кэролайн говорит, что слезы Элеоноры больше связаны с гневом, чем с болью. Элеонора гневно поворачивается к ней, но не знает, что сказать, потому что она близка к срыву. Кэролайн пытается объяснить с ней, но в ее словах звучит больше сухого анализа, чем эмпатии. Кэролайн снова высказывает предположение, что Элеонора на самом деле очень сердится на мать. Она не находит слов. Она жаждет успокоения, которое она почувствовала в группе на прошлой неделе, но сегодня ей в этом отказывают. Она хочет, чтобы дома у нее был собеседник, она хочет, чтобы у нее был дом. Она не чувствует связи ни с кем, говорит она со слезами. Кто-то из участников спрашивает, чувствует ли она свою принадлежность к группе. Ну, да, в прошлый раз чувствовала, говорит она. Она чувствовала тепло и безопасность, но сейчас этих чувств нет, говорит она. Мик, спокойный, практичный человек, рассказывает, что он вырос на ферме, у них было молочное стадо, и, когда приходило время забирать молодых телят от матерей, чтобы их можно было доить, раздававшиеся из хлева крики были ужасными — кричали и телята, и коровы. Мик говорит, что Элеонора плачем буквально истязает себе душу. Она словно не слышит этого и продолжает, рыдая, рассказывать нам о сложности своей ситуации с жильем. Какой-то другой участник группы напоминает ей о насильственно разделенных матерях и детях, и, когда она понимает, что это о ней, она поражена, и немного успокаивается. «Да, — говорит она, — именно на это и похоже. Все именно так и есть».

Я полагаю, что то, что она приносит на группу, то есть отчаяние от переживания своей бесприютности, является переживанием жизни без ощущения безопасности, которое дает присутствие матери. Когда она думает таким образом, ничто не приносит облегчения, и она отталкивает тех, с кем могла бы поддерживать отношения, и тех, кто мог бы помочь, как ее братья. В этой картине, где мать и теленок оторваны друг от друга и непрерывно зовут друг друга, она одновременно ответственна за этот разрыв и больше всех страдает от этого.

Комментарий

Для этой беседы, в которой доминировало то, что мы в группе называли неутолимим страданием Элеоноры, был характерен собственный язык. Мы могли бы назвать это языком безутешного одиночества. Что это значит? Откуда он берется? И куда уходит? Это то, что Фукс назвал симптомом, который «тайно бормочет, надеясь быть услышанным» (Foulkes, Anthony, 1984, p. 259–260). Каким образом его можно слышать и как Элеонора становится доступной для контакта? Мы вступаем на территорию безответного стремления, которое, по ее словам, возникает у нее из-за того, что она не чувствует свою принадлежность к чему-то или кому-то. Такие состояния будут описаны в виньетке 15.3, в которой мы снова будем говорить об Элеоноре спустя год ее терапии.

Виньетка 2.5 (продолжение)

После того, как в группе заходит речь о материнском молоке, Кэролайн смягчается и наконец замечает, что она вела себя неуклюже по отношению к страдающей Элеоноре. Это действительно так, и ее готовность признать это обнадеживает. Она признает, что в ее собственном опыте довольно много такого, что может вызвать злость. Но у нее был неудачный день, и она принесла с собой на встречу группы груз проблем, связанных с работой. Она говорит об этом и плачет, и мы понимаем, что она сама в беде. Мы понимаем, что тот аналитический язык, который она использовала в разговоре с Элеонорой, был формой самозащиты. Когда у нее пропадает потребность защищаться и она выражает гнев, скрывающийся за ее слезами, атмосфера меняется. И теперь, когда Элеонора заверяет Кэролайн, что она ценит то, что та пыталась достучаться до нее, в группе восстанавливается привычный доброжелательный стиль общения. Элеонора говорит, что действительно благодарна Кэролайн, и ее благодарность трогает всех участников группы.

Комментарий

Также в этой виньетке присутствует паттерн из виньетки 2.4, описывающий отношенческий момент. Все слышат то, что сказано одному человеку. В *сплоченной* группе, подобной этой, люди близки друг с другом и рефлексивные моменты, присутствующие в их коммуникации, превращают сплоченность в *согласованность*, порождая символичес-

кие отсылки, которые обеспечивают новые источники смыслов. Согласованность выражается в том, что группа своей заботой удовлетворяет неутоленные потребности участников, предоставляет бесприютному индивиду пространство безопасных связей, находит объяснения для повторяющихся и фиксированных паттернов, омрачающих жизнь людей и, таким образом, создает основу для перемен.

Мутативные метафоры: от рефлексии к репарации

Конструкция в рефлексивном измерении

Обеспечивая Элеоноре контейнирование, сострадание и понимание, мы боролись с ее болью в отношенческом измерении. Но, когда оказалось, что она восприняла лишь малую часть наших усилий, мы со временем нашли конструкцию на рефлексивном уровне, которая позволила ей увидеть, как в ней зарождалась боль и как она поддерживала ее. Образ насильно разделенных коровы и теленка, в отчаянии зовущих друг друга, стал метафорой, приводящей к рефлексивному моменту глубокого понимания. Контейнирование и понимание стали конструктивным ответом на ее серьезные затруднения в ряде важных отношенческих моментов. И затем в последующие рефлексивные моменты этот образ становится для Элеоноры и других участников группы центральной метафорой для понимания себя, что позволяет бросить вызов ее постоянно повторяющимся навязчивостям. Рефлексивные моменты полезны для достижения целей такого уровня. В основу нового смысла, связанного с заложенным в метафору вызовом, могла бы быть положена задача внутренней деконструкции, которая будет стоять перед Элеонорой в предстоящие месяцы. Поскольку она медленно сходилась с другими людьми в группе, это будет происходить одновременно с процессом репарации. Благодарность, которую она выразила, была первым признаком репарации, что стало опорой для восстановления в последующие месяцы.

Деконструкция и реконструкция в репаративном измерении

Вероятно, на следующей встрече Элеонора перестала обращать внимание на некоторые ключевые детали этой беседы или даже забыла

о них, но соответствующие идиоматические детали обеспечили доступ в область бессознательного конфликта и пробудили в ней решимость. Фрейд писал: «Безразличное слово не пробуждает спящего, если же его назвать по имени, он просыпается...» (Freud, 1900, p. 53). Здесь мы ищем не имена, а обладающие символическим значением слова, которые освободили бы индивида от сопротивления, не позволяющего ему отказаться от бесплодной жизненной позиции. Таким образом, у человека появляется возможность выбраться из тяжелой ситуации и начать заново выстраивать свою жизнь. В данном случае, групповая динамика запустила процесс, который позволил Элеоноре перейти от слез к признанию вызывающего их гнева. Это голос протеста, выражающий неутолимое страдание, посредством которого Элеонора завладевает вниманием группы на некоторое время. Она периодически позволяет проявиться этому гневу, но, надо сказать, не очень часто. Только позже она сможет оценить, каково это — почувствовать на себе заботу со стороны других людей, которые находят метафорические аналоги для ее страдания. Метафора разделенных коровы и теленка, родившаяся в процессе групповой рефлексии позволяет взглянуть на эти аналоги со стороны. Во время сессии чувство гневного протеста утихает и сменяется благодарностью, которая становится первым проявлением заботы Элеоноры об остальных участниках группы. Когда благодарность и забота находят свое выражение, из рефлексивного измерения вырастает репаративное. Для группы это становится основой развития, которое задает вектор этой книги, оно описано в таблице 1.2 и суть его состоит в движении от опыта свидетельствования к развитию взаимности и превращению группы из вспомогательного Эго для каждого из участников в просоциальную матрицу, которая обеспечивает эго-тренинг посредством разыгрываний.

Примечания

1. Некоторые части этой работы были представлены на ежегодном собрании восточной группы Общества психотерапии в Нью-Йорке в ноябре 2010 года, на семинарах Израильского общества групповой психотерапии в Хайфе в декабре 2010 и 2011 годов и на собрании Датского общества психоаналитической психотерапии в апреле 2013 года. Я выражаю признательность Клаудии Арло, Барбаре Фельд и Питеру Тейлору из Нью-

- Йорка, Роби Фридману из Израиля и Туве Матизен из Дании, а также всем тем, чьи отклики существенно повлияли на эту работу.
2. Billow R. (2010) *Resistance, Refusal and Rebellion in Groups: The Three R's*. Karnac, London. Я с признательностью рекомендую эту новую работу о трех R.
 3. Я выражаю признательность Моррису Нитсану за его своевременную помощь в формулировании терминов для трех R и Сильвии Хатчинсон, чей язык обогатил мой собственный.
 4. «Из-за возможностей *отзеркаливания* в групповой работе может быть меньше *инсайта* (чем в психоанализе), но зато в ней больше обеспечиваемого групповым сеттингом *аутсайта*, которым можно делиться и обмениваться» (De Maré, 1972, p. 159).
 5. Определение *границных событий* приводится Фуksom в его последней работе «Группаналитическая психотерапия: метод и принципы» (1975, p. 134). В нашей книге граничные события рассматриваются в главах 4, 7–10 и 12, где обсуждается ответственность ведущего за управление ими.

Литература

- Adshead G., Pfafflin F. (2004). *A Matter of Security: The Application of Attachment Theory to Forensic Psychiatry and Psychotherapy*. London: Jessica Kingsley.
- Alexander F., French T. M. (1946). *Psychoanalytic Therapy*. New York: Ronald Press.
- Arlo C. (2014). 'Pay it forward' – about siblings and psychotherapy // *Group*. V. 38 (4). P. 349–351.
- Barenboim D. (2008). *Everything Is Connected: The Power of Music*. London: Orion Books.
- Behr H., Hearst L. (2005). *Group Analytic Psychotherapy: A Meeting of Minds*. London: Whurr.
- Bennis W. G., Shepard H. A. (1956). *A Theory of Group Development* // *Human Relations*. V. 9. P. 415–437.
- Billow R. (2010). *Resistance, Refusal and Rebellion in Groups: The Three R's*. London: Karnac.
- Bion W. (1959). *Attacks on Linking* // *Int. J. Psycho-Anal.* V. 40. P. 308–315. Reissued: *Psychoanalytic Quarterly*. V. 82 (2). P. 285–300.
- Bion W. (1961, reissued 2000). *Experiences in Groups*. London: Routledge.

- Bloch S., Crouch E. (1985). *Therapeutic Factors in Group Psychotherapy*. Oxford: Oxford University Press.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.
- Brown D. (1994, 2000). *Self-Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. Routledge, London. Reissued 2000, London: Jessica Kingsley. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Buber M. (1958, reissued 2000). *I and Thou*. Transl. Ronald Gregor Smith. New York: Scribner Classics, Simon and Schuster.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- De Maré P. (1972). *Perspectives in Group Psychotherapy: A Theoretical Background*. London: George, Allen and Unwin.
- Durkin H. (1964). *The Group in Depth*. New York: International Universities Press.
- Ezriel H. (1950). *A Psychoanalytic Approach to Group Treatment* // *British Journal of Medical Psychology*. V. 23. P. 56–74.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Friedman R. (2008). *Dreamtelling as a Request for Containment: Three Uses of Dreams in Groups* // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 53 (3). P. 327–344.
- Friedman R. (2011). *Dreams and dreamtelling: a group approach* // J. Kleinberg (Ed.). *Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley. P. 479–497.
- Freud S. (1900). *The Interpretation of Dreams* // S. E. 4–5. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1914). *Remembering, Repeating and Working-Through (Further Recommendations on the Technique of Psycho-Analysis, II)* // S. E. X. 12. London: Hogarth Press. P. 147–156.
- Grotjahn M. (1971). *The Voice of the Symbol*. Los Angeles: Mara Books.
- Harwood I., Stone W., Pines M. (Eds) (2012). *Self-Experiences in Group Revisited: Affective Attachments, Intersubjective Regulations and Human Understanding*. New York–London: Taylor & Francis.
- Holmes J. (2010). *Explorations in Security: Towards an Attachment Informed Psychoanalytic Psychotherapy*. London: Karnac.
- Klein M., Riviere J. (1964). *Love, Hate and Reparation*. New York: Norton.

- Levine R. (2014). Progressing while regressing in relationships // R. Grossmark, F. Wright (Eds). *The One and the Many: Relational Approaches in Group Psychotherapy*. New York: Routledge. P. 112–127.
- Millard P. (2002). *Belonging, Intimacy and Agency in Group-Analytic Psychotherapy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Mitchell S. (1988). *Relational Concepts in Psychoanalysis*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Neeld R. (1999). *The Group as Auxiliary Ego*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Pines M. (1982, 1998). Reflections on Mirroring: Sixth Annual Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 15 (Supplement); Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis. London: Jessica Kingsley. P. 17–39.
- Roseneil S. (2013). Beyond ‘the Relationship Between the Individual and Society’: Broadening and Deepening Relational Thinking in Group Analysis // *Group Analysis*. V. 46 (2). P. 197–210.
- Sachs A. (2011). *Transforming Negativity Into Positivity: The Truth and Reconciliation Commission in South Africa*. Inaugural Address for the 2011 Symposium Cultures, Conflict and Creativity. A Man Called Henri: Truth, Reconciliation and Justice // *The Strange Alchemy of Life and Law*. Oxford: Oxford University Press. P. 63–94.
- Skygger A. C. R. (1986; reissued 1994). *Group Analysis and Family Therapy* // J. Schlapobersky (Ed.). *Explorations With Families: Group Analysis and Family Therapy*. London: Routledge. P. 231–235.
- Stern D. B. (1997). *Unformulated Experience: From Dissociation to Imagination in Psychoanalysis*. Hillsdale, N.J.: The Analytic Press.
- Stern D. B. (2010). *Partners in Thought: Working with Unformulated Experience, Dissociation and Enactment*. New York: Routledge.
- von Fraunhofer N. (2008). What’s in it for me? The development from immature to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Whitaker D. S. (1985). *Using Groups to Help People*. London: Routledge.
- Whitaker D. S., Lieberman M. A. (1964). *Psychotherapy Through the Group Process*. London: Tavistock.

- Winnicott D. W. (1953). Transitional Objects and Transitional Phenomena // International Journal of Psycho-Analysis. V. 34; D. W. Winnicott. Through Pædiatrics to Psycho-Analysis. London: Hogarth Press, 1978. P. 229–242. Reissued in: Winnicott D. W. Playing and Reality. London: Routledge, 1991. P. 1–34.
- Winnicott D. W. (1963). Dependence in infant-care, in child-care and in the psycho-analytic setting // International Journal of Psycho-Analysis. V. 44. P. 339–344; D. W. Winnicott. The Maturation Process and the Facilitating Environment. London: Hogarth Press, 1985. P. 249–259.
- Yalom I. (1980). Existential Psychotherapy. New York: Basic Books.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). The Theory and Practice of Group Psychotherapy. 5th Ed. New York: Basic Books.

Индивидуальное и групповое развитие

Развивающий диалог дает нам возможность смотреть не только назад, но и вперед и в процессе терапии привносить в опыт пациента движение, а не окаменение.

(Malcolm Pines, 1996, p. 11)

Фукс... открыл преобразующую силу общения, рассматривающуюся в теории в качестве раскрытия, расширения и углубления «групповой» матрицы как горизонтальной перспективы, соединенной с более традиционной вертикальной перспективой индивидуального психоанализа.

(Martin Weegmann, 2014, p. 11)

Любой, кто присоединяется к группе для терапии или для личного развития, отправляется в путь. Хотя путешествие можно описать по-разному, различные подходы к «путевым заметкам» основаны на одном и том же принципе. То, что группа делает для индивидуума, связано с тем, что он делает в группе и для нее. Процессы роста и изменений работают, только если они происходят в обоих направлениях. В этой главе кратко описаны основные формы взаимосвязи между индивидуальным и групповым развитием с тем, чтобы обсудить, как развитие индивида в группе и путешествие группы во времени определяются созидательными целями группы, индивидуальным составом группы, ведущим, сеттингом и средой.

Этот путь можно описать метафорически, отражая общий дух открытий, например, как дорогу из желтого кирпича в «Волшебнике из страны Оз» или как желтую подводную лодку из песни «Битлз», упомянутую в виньетке 2.2. Кто-то воспринимает это как паломничество, такое как «Путешествие пилигрима» Джона Баньяна, или встречу с тревожными голосами либо пустыми пространствами, или столкновение с тишиной и истинами, открывающимися в самопознании, что иногда приносит боль, а иногда облегчение. Атмосфера в группах, принадлежащих разным культурам, может отличаться так же сильно, как медитация от циркового представления. Некоторые практикующие терапевты не задают сколько-нибудь определенного назначения движению и вместо этого описывают процесс саморазвития как путешествие в поисках подлинности или настоящего я. Если участники групп для тяжелобольных или переживающих утрату людей будут остро осознавать время как сокровище, то участники групп, организованных в местах лишения свободы, будут определенно воспринимать время как наказание. Некоторые терапевты, напротив, задают этому путешествию определенную цель или назначение, например, избавление от симптома или проблемных отношений, постепенное восстановление после мучительной утраты, этапы которого определяются по ходу работы. Некоторые видят во взаимодействии между личным и групповым развитием шанс освободиться от неблагоприятного прошлого или от причиняющих беспокойство внутренних переживаний. А другие видят в этом путешествии поиск жизнеспособных и творческих форм близости, что особенно актуально для людей, чьи межличностные отношения в семейной жизни или на работе отравлены повторяющимися конфликтами или разочарованием.

Участница одной из групп, женщина, чье детство было омрачено травмами и абюзом, провела в группе много времени и, покидая ее, сказала, что группа помогла ей обнаружить, что никогда не поздно иметь счастливое детство. Некоторые моменты пройденного ею пути описаны в виньетках 5.2–5.4. Среди тех, кто впервые в жизни с помощью групповой терапии учится играть, есть и взрослые, и дети. В еженедельной группе для беженцев, описанной в виньетке 0.3, участники называли свои встречи «питием по чайной ложке» и «посещением прачечной самообслуживания», где они «очищались», чтобы впоследствии иметь возможность спокойно возвращаться домой,

любить свои семьи и благодарить бога. В комментарии к главе 10 приведено описание Фуком того, как люди, оказавшиеся в успешно работающих группах, раскрываются, подобно японским сухоцветам, помещенным в воду. Некоторые описывают жизнь группы как путешествие, открывающее «одинаковость» других и «инаковость» тех, кого ошибочно считают одинаковыми. Групповое и личностное развитие может опираться на коллективный дух и формировать чувство товарищества между коллегами или соперниками. Эта книга называется «От кушетки к кругу». Ганс дает своему недавно вышедшему сборнику статей о своей клинической работе подзаголовок «Мое путешествие от стыда к храбрости» (Gans, 2010). Существует обширная литература о групповом развитии, и в этой главе будет дано представление о нем в рамках группаналитического подхода. Также она отсылает к работам о значимых процессах в группе в рамках других психотерапевтических моделей. Эта глава является связующим звеном между схемами развития, которые я разработал для использования в своей деятельности, тремя измерениями психотерапии, описанными в главе 2, и тремя формами языка группы, обсуждаемыми в главе 4.

В этой главе предлагается краткий обзор более ранних работ по групповому развитию и обращается внимание на спор между последователями «индуктивного» и «дедуктивного» подходов, который вновь и вновь возникает в области нашей деятельности. В этом споре одну сторону представляют индуктивисты, такие как Хорвиц в США и Фукс, Пайнс и другие европейские группаналитики, которые выводят свои практические принципы из критериев, являющихся результатом наблюдений. Противоположную сторону представляют такие исследователи, как Эриксон, Бьон и в некоторой степени Хоппер и даже Нитсан, которые организуют свои наблюдения вокруг заранее сформулированных принципов, таких, как *базовые допущения* или концепция *антигруппы*. Далее в главе исследуется основополагающая пятифазная модель развития, разработанная теоретиками социальной психологии, — формирование, шторм, нормирование, работа над задачей и завершение. Она выдержала испытание временем, несмотря на ее ограничения. Указанная модель фокусируется на фазах группы в ущерб вниманию к фазам развития индивида, пренебрегая таким образом процессом личного развития участников группы и их субъективным опытом.

Итак, опираясь на работы ряда современных групповых аналитиков, объединенных общим пониманием вертикальной и горизонтальной глубины работы группы, описанной, в частности, Вигманом, я выделил девять различных, но связанных между собой схем, которые помогут практикам содействовать групповому и *индивидуальному* развитию. И как только мы достигаем баланса посредством двойного фокуса — на человеке и на группе, — мы вновь начинаем говорить о пятифазной модели, обогащая наше понимание заложенных в ней задач развития. Прогрессивную и регрессивную динамику, которые способствуют и препятствуют развитию группы, теперь можно рассматривать как специфические для каждой фазы. Разным фазам присуща различная динамика, поэтому продвижение, тупики, сопротивление, бунт и регрессия возникают в разное время, по разным причинам и проявляются разными способами. Это более индуктивный способ рассматривать групповое и индивидуальное развитие, который ставит под вопрос избыточную опору на концепцию *антигруппы*, когда она используется в качестве дедуктивного конструкта (что никогда, по собственному признанию Нитсана, не входило в его намерения). Его вклад в эту область уникален своей оригинальностью. В этой главе есть специальный раздел, посвященный концепции *антигруппы* и истории ее формирования, который завершается серией клинических виньеток, описывающих, как работают эти конструкты.

Краткий обзор ранних работ по теории группового развития

Существуют два источника теоретических работ по развитию группы. Одним из них является социальная психология, представители которой, включая Левина, Бенниса, Шепарда и Такмана, разработали схемы, отталкиваясь от опыта работы с ограниченными по времени экспериенциальными и исследовательскими группами, книги этих авторов остаются надежными ориентирами для нас. Другим источником является групповая психотерапия, в процессе которой терапевты разрабатывали свои собственные клинические схемы или развивали схемы, выработанные коллегами¹. Сначала в данной главе кратко прослеживается история развития этих схем, а затем основное внимание уделяется современным подходам.

Дедуктивный метод Эзриэла и индуктивный метод Хорвица: начало дискуссии

Одним из первых систематизированный отчет о развитии групп, с которыми проходила работа в тэвистокской клинике в Лондоне, опубликовал Эзриэл. Используя свою теорию *общего группового напряжения* (Ezriel, 1950), которая, в свою очередь, была основана на работах Биона, он предложил трехфазную последовательность развития групп. Хотя в то время Бюн уже был уважаемой и влиятельной фигурой в тэвистокской клинике и был основоположником дедуктивного метода, его теория базовых допущений ждала публикации еще одиннадцать лет (Gordon Lawrence, 1985)². Эзриэл полагал, что все терапевтические группы спасаются от напряжения, присущего их динамике, путем вхождения в *требуемое* состояние, которое защищает от *избегаемого* состояния из страха, что это *избегаемое* состояние неминуемо приведет к *ужасному* или катастрофическому состоянию. Например, участники в группе могут избегать состояния, в котором они стали бы говорить о чем-то, вызывающем грусть, из-за неосознанного страха, что разговор о грусти приведет к более ужасному состоянию — провалу в депрессию. Группа может невольно превратиться в бессознательную защитную структуру — *требуемое состояние*, чтобы не допускать грусти. В данном случае *требуемым* состоянием может быть длительный период маниакальной веселости, который предотвращает *избегаемое* состояние, то есть грусть, и это, в свою очередь, защищает участников от *ужасного* состояния — провала в депрессию. Эта групповая защита не затрагивает и не снимает основополагающего страха перед катастрофой, который будет возникать вновь и вновь, пока не будет устранен, а защита продолжит накладывать бессознательные ограничения на жизнь группы. При таком подходе интервенции терапевта ограничиваются групповыми интерпретациями с целью помочь участникам осознать базовые катастрофические страхи и снизить потребность в защитной организации. Этот подход оказывает влияние на развитие идей Биона о *базовых допущениях*, и, хотя он применялся на ранних этапах развития клинической теории, он сохраняет свою актуальность. На этот же тип мышления опирается концепция антигруппы Нитсана. Подходы Эзриэла и Нитсана схожи по глубине, оригинальности и полезности. Для них также общими являются дедуктивные предположения, которые могут применяться в клинической практике с некоторыми ограничениями, поскольку не всякий негатив-

ный или связанный с сопротивлением групповой опыт укладывается в концепцию антигруппы.

Критика Хорвицем теории общего группового напряжения запустила дискуссию, которая с тех пор продолжается в нашей области знаний. В своей классической работе «Центрированный на группе подход к групповой психотерапии», впервые опубликованной в 1977 году и недавно переизданной в сборнике статей Хорвица (Horwitz, 2014), он назвал подход Эзриэла «дедуктивным», имея в виду, что, как и Бирон, Эзриел делает предположения на основе зафиксированных представлений ведущего об общем групповом напряжении. Хорвиц продемонстрировал клинические ограничения этого подхода и, опираясь на опыт работы в клинике Меннингера, выдвинул свой *индуктивный* метод, который, по его мнению, был ближе к методу Фукса. Индуктивное понимание Хорвица опирается на наблюдаемый опыт, а не на фиксированные предположения, и влияет не только на его понимание происходящего, но и на главные условия вовлеченности других участников в групповой процесс и их вклад в него. Он предлагает терапевту обращаться к участникам группы как к отдельным индивидам до того момента, пока не будет выявлено общее групповое напряжение. Индивидуализированные *терапевтические альянсы*, выстроенные с каждым из участников, затем объединяются в группе и порождают слаженное и подлинное понимание того, что тайно тревожит участников, без привязывания дедуктивной логики к динамике группы. Как и большинство группаналитиков, в своей практике я поддерживаю такой подход. Для Американской ассоциации групповой психотерапии труд Хорвица является одним из основных ресурсов, оказавших большое влияние на практику. Только после индивидуальной работы с пациентами в группе и при содействии других участников терапевт вносит свое понимание общей связующей темы. Таким образом, как и в группаналитической модели, терапевт работает с опорой на принцип фигуры/фона, когда индивидуальный вклад участников оценивается и исследуется сам по себе, прежде чем он будет увязан с контекстом жизни группы как целого.

Формирование, шторм, нормирование, работа над задачей и завершение: от Бенниса и Шепарда до Ялома и Лесца

Беннис и Шепард предложили четырехфазную последовательность развития группы (Bennis, Shephard, 1956), которая позже была ис-

пользована и адаптирована Такманом, который выделяет пять фаз развития: *формирование, шторм, нормирование, работа над задачей и завершение* (Tuckman, 1965). Эта схема сначала была адаптирована к клинической практике Яломом в ранних изданиях его книги, а затем Маккензи (MacKenzie, 1997) и оказала значительное влияние на клиническую практику, а затем вновь была использована в публикациях Агазарян и Гантт (Agazarian, Gantt, 2003), а также Вилан, Дэвидсон и Тиллин (Wheelan, Davidson, Tillin, 2003), которые придерживаются более критической точки зрения. Данные фазы хорошо описаны в последнем издании Ялома и Лесца (Yalom, Leszcz, 2005, р. 309) и активно используются группаналитическими психотерапевтами в Европе, начиная с Дик (Dick, 1975/1983) и заканчивая Лоренценом (Lorentzen, 2014). Приводимое здесь описание — это сводный обзор, в котором я стараюсь учесть различия в работах разных практикующих специалистов. Первой стадией развития является начальная стадия *заинтересованности* или *ориентации*, которая характеризуется поиском структуры, целей или смыслов, зависимостью от лидера и заботой о границах. На второй стадии в группе возникают *конфликты* по ряду вопросов, в частности, авторитета и контроля, и происходит *дифференциация*. На третьей стадии устанавливаются групповые нормы, регулирующие некоторые из основных процессов, что позволяет начать *межличностную работу*. Четвертая стадия предполагает высокий уровень групповой *сплоченности*, которая позволяет проводить межличностные и внутриличностные *исследования*. И на пятой, *завершающей* стадии происходит рефлексия на темы сепарации, утраты и изменений. Многие авторы признают, что границы между фазами не являются очевидными и что группа никогда не завершает окончательно ни одну фазу.

Бион, Дюркин и Скиннер

За схемой Эзриэла, опиравшейся на практический опыт Биона, последовала собственная публикация последнего, который предлагал трехфазную ротацию, чтобы описать постоянное чередование базовых допущений, когда зависимость сменяется борьбой/бегством или образованием пары (Bion, 1961). Эта формулировка оказала глубокое влияние на группанализ, и получила дальнейшее развитие в работе Хоппера и коллег (Hopper, 1997). Так как эта работа

более подробно обсуждается в главе 7, здесь мы ее лишь упоминаем. Дюркин предложила еще одну трехфазную модель (Durkin, 1964), затем Скиннер в соответствии с принципами развития разработал свою собственную трехчастную модель не столько для описания динамики группы, сколько для исследования ее практического применения и использования в литературе (Skynner, 1986/1994). Он высказал предположение, что психоанализ можно рассматривать как осуществление материнских функций, поведенческие методы — как осуществление отцовских функций, а групповую и семейную терапию — как совместное осуществление обеих родительских функций, из которого вырастает терапия отношений. В то время отношенческие концепции еще не были хорошо развиты и зародились благодаря значительному влиянию его работы в качестве семейного терапевта. Как сказано в главах 1–2, в нашей области знаний отношенческое понимание развивалось весьма интенсивно и сегодня дает новый импульс развитию метапсихологии.

Группаналитическая критика линейных моделей развития

Ныне группаналитики регулярно обращаются к схеме, включающей фазы *формирования, шторма, нормирования, работы над задачей и завершения*, или к ее вариантам. Продолжавшееся десять лет исследование Дик, посвященное результатам психотерапии, опирается на четырехфазную схему Такмана, а работа Лоренцена по групповой терапии в Норвегии основывается на пятифазной схеме Маккензи. Обе эти работы обсуждаются в главе 6 (Dick, 1975/1983; Lorentzen, 2014). Какой бы точной ни была модель описания развития групп с помощью однолинейных фаз, она не отражает всей сложности развития индивида. Фазы, описываемые как дискретные и последовательные, не соответствуют превратностям и неопределенности того, как развивается реальная группа в процессе терапии. Теоретики социальных наук, разработавшие эти фазы, преподносят их как свойства группы, но делают это за счет внимания к внутренней жизни ее участников и к отношениям между ними. Таким образом, нам необходимо расширить понимание этих фаз. Я использовал ряд схем, опираясь на клиническую практику группаналитиков так, чтобы выразить баланс между индивидуальным и групповым развитием и обеспечить понимание взаимности между индивидом и группой, что обогащает развитие обоих.

Современная группаналитическая литература, посвященная теориям группового развития

Я полагаю, что мы привели здесь весьма представительный список различных схем развития, почерпнутых в литературе по группанализу. Хотя эти схемы имеют разных авторов и хотя их конструкции разные, между ними есть поразительное созвучие. Основания для их рассмотрения приведены в таблице 3.1.

Таблица 3.1

Критерии включения в книгу
современных группаналитических публикаций по развитию
в ракурсе основных элементов клинической теории

Эти теории:

- 1) формируются индуктивным путем на основе наблюдения за поведением на группаналитических занятиях;
- 2) описывают последовательную динамику жизни группы на протяжении некоторого времени;
- 3) описывают фазы развития группы и динамику, характерную для каждой фазы;
- 4) уделяют внимание процессу развития отдельных участников группы;
- 5) признают существование и учитывают как «горизонтальную», так и «вертикальную» глубину работы группы и предлагают разные способы концептуализации этих важнейших проблем;
- 6) предоставляют рабочие «инструменты» для ведущих и других практиков, которые можно использовать различными способами

Теория фокальных конфликтов

Понятия силовых полей и противоположно направленных векторов, сформулированные в работах Левина, первыми стали использовать Витакер и Либерман, с их помощью они пытались описать конфликтующие элементы групповой жизни (Lewin, 1977; Whitaker, Lieberman, 1964). Их работа стала классической и сохраняет непреходящее значение. Они описывают, как группа бессознательно предлагает *ограничительные решения* для противодействия *скрытой тревоге*, лежащей в основе ее поведения. Фокусируя внимание на ключевых конфликтах такого рода, терапевт помогает участникам группы получить доступ к бессознательным тревогам, ослабив которые, они смогут найти более благоприятные решения общих групповых дилемм.

**Три «Р» в группаналитической психотерапии:
реляционное (отношенческое), рефлексивное и репаративное**

В главе 2 мы обсуждали три одновременно возникающих в процессе работы измерения группаналитической психотерапии. *Отношенческое измерение* является основой для совместного использования всех трех измерений. *Рефлексивное измерение* гнездится внутри него и, в свою очередь, обеспечивает «гнездо» для *репаративного измерения*. Задача ведущего состоит в том, чтобы помочь группе сначала добиться терапевтических успехов в личных отношениях между участниками, затем превратить их отношения в рефлексивный опыт, а затем преобразовать рефлексивный опыт в репаративный.

Язык группы: монолог, диалог и дискурс

Глава 4 изначально была статьей, в которой я описал язык группы и проблемы, с которыми сталкивается ведущий в процессе продвижения дискурса. Она опирается на идеи Фукса о свободно текущей дискуссии, которая может быть представлена как постепенный процесс перехода от монолога к диалогу и дискурсу. Это изменение формы языка группы связано с постепенными изменениями в ее отношенческой матрице от психологии индивида к психологии диады и затем триады. Задача ведущего состоит в том, чтобы принять текущую языковую форму группы как выбранную ею добровольно, а затем рефлексивно работать над продвижением в направлении дискурса с помощью интервенций, которые превращают монолог в диалог, а диалог в дискурс. Варианты интервенций ведущего, которые могли бы способствовать развитию группы и преодолению тупиков и сопротивления, обсуждаются как в данной главе, так и на протяжении всей книги. Подробное обсуждение этих вмешательств можно найти в главе 12, посвященной роли ведущего.

Близость, агентность и принадлежность

Миллард подчеркивает, что чувство принадлежности играет жизненно важную роль в формировании групповой сплоченности (Millard, 2002). В групповой терапии природа принадлежности подразумевает комплексность и спонтанный, связанный с взаимодействием процесс, в первую очередь работающий на достижение близости, а затем, благодаря ощущению агентности в группе, возникает чувство принадлежности, что, в свою очередь, выводит участников на более

высокий уровень близости. Изначальное стремление к изменениям с помощью взаимодействия, контакта и обмена, превращает группу в стартовую площадку для активизации творчества участников и привлечения в их жизни новаций и перемен. Мы говорим об этом, опираясь на точку зрения Элиаса на социальное (Elias, 2009), теорию сложности отношений Стейси (Stacy, 2003), работы Пайнса о сплоченности и согласованности (Pines, 1998b) и на экзистенциальную философию Бубера, который подчеркивает близость и интересубъективность в отношениях «Я—Ты» (Buber, 1958, 2000), и Сартра, который делает акцент на выборе и свободе воли в достижении аутентичности (Sartre, 2007).

**Слияние через присоединение к группе и принадлежность:
взаимность и зрелая зависимость**

Фон Фраунгофер указывает на то, что тревога, связанная с присоединением к группе, неизбежно вызывает защитную регрессию (von Fraunhofer, 2008). Обмен или взаимность в группе, воспринимаемые как угрожающие, избегаются посредством одной из двух защит, искажающих отношения с другими: *бескорыстным слиянием* или *нарциссическим слиянием*. Проблема разрешается при переходе от *слияния* к *присоединению*, а затем к *принадлежности*, где взаимный обмен выражается через дискурс. Автор ссылается на три теоретических источника: идеи Фукса об обмене, изложенные в данной книге как принципы взаимности (см. главу 10), идеи Шлапоберски о переходе от монолога через диалог к дискурсу (см. главу 4) и концепцию психологического здоровья Фэйрберна, описывающую развитие от незрелой зависимости к зрелой взаимозависимости между дифференцированным я и взаимосвязанным другим (Fairbairn, 1941, 2002).

**Три способа использования снов в группах:
информативный, формирующий и трансформирующий**

В работе о трех видах *использования снов* в группах Фридман описывает рассказывание снов в групповом сеттинге как запрос на контейнирование (Friedman, 2008, 2011). Он предлагает ведущему трехэтапную схему того, как направлять реакции группы в русло *информативного подхода*, позволяющего групповое исследование бессознательного сновидца, а затем к *формирующему подходу*, допускающему неинтерпретативное понимание сновидца и «наращивание» мыслительных способностей группы. «Рассказывание сновидения „в при-

сутствии“ других участников (становится) первым коммуникационным действием... тестирующим... насколько безопасным будет пространство в группе» (Friedman, 2011, р. 490). А затем он переходит к *трансформирующему подходу*, посредством которого бессознательное желание рассказчика сновидений может быть понято как проявление того, что это сновидение помещено в контекст группы. Посредством *рассказывания снов* группа может «затем „увидеть сон“, резонируя с ним и отражая его. (Группа) обрабатывает непереваренные части, повторяя их бессознательные эмоциональные аспекты и выступая в качестве „контейнера по запросу“» (Friedman, 2011, р. 492).

Треугольник и глаз внутри круга: динамика диады и триады в группе

Мартин указывает, что люди сначала вступают в отношения в диаде, впервые встречаясь с группаналитиком, после чего их вхождение в группу из шести—восьми человек может восприниматься как психологический скачок через пропасть (Marteen, 2014). Переход от диады к группе сопоставим с достижением способности поддерживать отношения в рамках триады. Основным соображением является превращение преимущественно линейных отношений и мышления в стабильные триангулярные конфигурации, подразумевающие «отношения в тройке» и «способность быть третьим». Такое развитие триангулярного пространства представляет собой рефлексивное мышление и способность наблюдать и быть наблюдаемым. Все описанное описывается на *модель трех* Фукса, обсуждаемую в главах 4 и 9. Мы упоминаем модель трех с тем, чтобы понять основополагающую структуру группы как триады, включающей связи между каждым участником, ведущим и группой в целом, что проиллюстрировано на рисунках 7.4 и 9.1. Деструктивные процессы, противостоящие потенциалу триады, вызывают нестабильность и угрожают разрушением триангулярных конфигураций с регрессом к двухмерным групповым образованиям. Основная роль треугольника заключается в функции «третьего глаза», который концептуализируется в терминах стабильной родительской пары и обеспечивает участникам группы корректирующий опыт. Символ треугольника, заключенного в круг, используется для обозначения сочетания мужского и женского элементов, обеспечивающих участникам группы совместный холдинг, развивающий и одновременно контейнирующий, то есть выполняющий функции «родительских отношений».

Развитие культуры и идентичности в группе

В настоящий момент уже существует определенное понимание того, как складываются отношения индивида и его места среди других людей, где культура группы рассматривается как пространство, в котором идентификация, то есть продукт внутриспсихического поля, превращается в идентичность как продукт психосоциального поля. Руши дает наиболее убедительное описание «групп принадлежности». Он отмечает их первостепенное воздействие, заключающееся в способности создавать в переходном пространстве условия для переработки и изменения психической реальности (Rouchy, 1995). Впоследствии в нашей области знаний эти идеи продвигались и другими авторами, которые применяли их к вопросам миграции, идентичности и социального бессознательного (Bledin, 2003, 2004), культуры группы и групп, принадлежащих разным культурам (Weinberg, 2003), группы как объекта желания (Nitsun, 2006) и связанности и принадлежности, помогающими изменить идентичность с помощью аналитической группы (Brown, 2015). Мы уделяем особое внимание этим концепциям в главе 15, где мы исследуем переходное пространство группы через стремление и принадлежность.

Антигруппа

Концепция антигруппы Нитсана представляет собой исследование остановки, тупика и сопротивления в процессе развития в рамках групп и в обществе. Важность всеобъемлющего вклада этого исследователя обсуждается в специальном разделе ниже. Здесь же мы кратко упоминаем антигруппу, чтобы подчеркнуть, что ее концепция находится в русле идей других ученых и не является внешней или отделенной от естественной жизни группы. Как будет описано ниже, мы получим максимальную отдачу от его идей, если будем рассматривать каждый переломный опыт в жизни группы во всей совокупности его качеств с позиции «за» и «против», то есть с точки зрения того, работает ли этот опыт на группу или против нее.

Резюме и интеграция

Итак, девять различных схем, изложенных выше, обеспечивают нам вертикальную и горизонтальную глубину для пяти исходных фаз развития группы. Любая из этих девяти схематических конструкций применима для пяти фаз развития. Мы говорим здесь об этих схе-

мах для того, чтобы привлечь внимание к напряжению между прогрессом и регрессом, которое связано с каждой из задач развития, определенных ниже. Каждой из этих динамических фаз соответствует ядро динамических проблем, сформировавшихся вокруг нее. В группе существуют специфические для каждой стадии фокальные конфликты, такие как начало и конец, движение в сторону близости и от нее или же усиление и ослабление дифференциации. Все они находятся под влиянием явного или неявного и невысказанного напряжения, которое сдвигает динамику в том или ином направлении.

Теория фокальных конфликтов предлагает нам три способа понимания скрытой тревоги, которая приводит к ограничительным решениям, в ответ на которые ведущий может направить работу группы таким образом, чтобы та нашла более эффективные решения. К этой схеме можно обращаться на любой из пяти фаз развития группы.

Три измерения психотерапии позволяют нам увидеть, что каждая из пяти стадий группы будет в большей или меньшей степени делать успехи в продвижении от отношенческого опыта через рефлексивный к репаративному. Рефлексивные и репаративные измерения вряд ли возникнут в жизни группы ранее, чем, по крайней мере, на ее третьей стадии, когда ключевыми вопросами станут близость и дифференциация. Большинству групп, работающих с изначально незнакомыми пациентами, потребуется много времени, чтобы достичь третьей и четвертой стадии. Но, как мы видим в виньетке 13.7, малая группа, собранная из участников конференции и работающая ограниченное время, может подвести своих участников к этим ключевым вопросам всего за четыре сессии.

Язык группы дает нам возможность задуматься о том, как любая из трех языковых форм группы — монолог, диалог или дискурс — обеспечивает ее опыт рабочим словарным запасом. Задача ведущего состоит в том, чтобы принять эти три формы коммуникации в качестве легитимных, а затем задать терапевтическое направление, которое поможет постепенно превратить монолог в диалог, а диалог в дискурс.

Близость, содействие и принадлежность позволяют нам увидеть, как близость приводит к содействию, благодаря которому на втором, третьем, четвертом или пятом этапе развития группы достигается чувство принадлежности и создается обстановка, которая делает возможными рефлексии и безопасную репарацию.

Развитие *от слияния через присоединение к группе до принадлежности к ней* позволяет нам понять, как защитная регрессия на этапе

заинтересованности может привести к нарциссическому или бескорыстному слиянию, которое может быть достигнуто только на одной из более поздних фаз, характеризующихся дискурсом и взаимностью.

Три способа использования снов в группах позволяют в ходе работы принимать во внимание как мечты и фантазии, так и сновидения, о которых участники сообщали в ходе свободно текущей дискуссии. Эта схема обеспечивает возможность для информативного исследования содержания фантазий и сновидений, формирующего поддержания хрупких ассоциаций и трансформирующего использования проективной идентификации для связи рассказчика сновидений со слушателем (слушателями).

Переход от динамики диады к динамике триады в группе ставит задачу наблюдения за развитием треугольного пространства в процессе созревания группы, что делает возможным рефлексивное мышление и способность наблюдать и быть наблюдаемым. Эта схема близка к предложенной Фуком *модели трех*, которая обсуждается в главах 8–9 для исследования отношений между индивидом, ведущим и группой как целым. Если в группе происходит превращение преимущественно «линейных» отношений и мышления в стабильные треугольные конфигурации, подразумевающие «отношения в тройке» и «способность быть третьим», группа может перерасти свои ранние ограничительные решения для фокальных конфликтов. При наличии подходящих более эффективных решений группа может с помощью дискурса генерировать репаративный опыт. И это возвращает нас к первой и второй схемам в списке, приведенном выше.

Антигруппа – вклад Нитсана

Существенное влияние на групповой анализ оказали некоторые ученые, которые в процессе обучения написали квалификационные работы. Самыми известными среди них являются публикации Гарленд «Принимайте всерьез не проблему» (Garland, 1982) и «Концепция матрицы Фукса» Робертса (Roberts, 1982). Работа Нитсана «Антигруппа» (Nitsun, 1991, 1996) тоже планировалась первоначально в этом жанре, но затем ее осуществление пошло по необычному пути. Многие из нас во время обучения столкнулись с трудностями и проблемами в первых группах, которые мы проводили. Взяв на себя задачу исследования конфликтов, разобщенности и негативных терапевтических реакций в группах, Нитсан превратил это исследование

дование в сборник материалов, который на протяжении 20 лет был руководством для практиков, что стало уникальным достижением. Исследование антигруппы стало предметом его теоретической квалификационной работы в лондонском Обществе группового анализа, где она получила мемориальный приз имени Фернандо Аррояве и была опубликована в журнале *Group Analysis* в 1991 году. После публикации в 1995 году она стала ключевым ресурсом для групп-аналитиков, и в честь двадцатилетия в 2015 году должно выйти ее второе издание. Это только одна из множества его работ, ставших важным вкладом в науку. Его вторая книга «Группа как объект желания» (Nitsun, 2006), цитируемая в других главах, вызвала широкий интерес. Скоро выходит в свет его третья книга «По ту сторону антигруппы: выживание и трансформация» (Nitsun, 2015), а британский Королевский колледж психиатров воздал должное его вкладу в групповую психотерапию, присудив ему награду за заслуги в области психического здоровья.

Следующий комментарий относится к его «Антигруппе». Признание многими практиками силы и достоинств этой важной для групповых терапевтов работы не ослабляет моего собственного интереса. Я признателен моему коллеге за его концепции и использую их все время. Я привожу здесь свои соображения, потому что «Антигруппа» является важнейшим исследованием останковки, тупика и сопротивления в развитии группы.

В первую очередь обсудим значительность этой работы. Нитсан определяет антигруппу следующим образом.

Антигруппа — это конструкт, с помощью которого я описываю и понимаю деструктивные процессы, которые угрожают функционированию группы... [что,] по-видимому, имеет несколько источников. Одним из них является глубинный страх, беспокойство и недоверие к групповому процессу... вторым источником является фрустрация нарциссических потребностей, таким образом... группа воспринимается как пренебрегающая, депривирующая и подрывающая самооценку... третьим источником является активация агрессии между участниками...

(Nitsun, 1996, p. 2)

Недавняя диссертация Папанастасиу описывает четвертый источник деструктивного процесса, который угрожает функционирова-

нию группы (Papanastassiou, 2011). В ней исследуется негативное отношение самого ведущего к группе и его амбивалентное отношение к работе с группой, в котором он часто не признается даже сам себе. Автор хорошо использует фундамент, заложенный Нитсаном, и расширяет развитое им понимание. Нитсан в своем исследовании и Папанастассиу, развивая его идеи, ставят перед собой следующую цель:

...дать возможность фасилитатору и участникам группы... контейнировать и ограничивать деструктивный потенциал группы, укрощать возникающую агрессию и способствовать превращению группы в терапевтический субъект... проводя различие между агрессией, которая поддерживает развитие группы... и агрессией, которая является разрушительной.

(Nitsun, 1996, p. 2)

В книге перерабатываются некоторые основные положения, впервые выдвинутых Молнос (Molnos, 1986), и Нитсан делает это в расширительном ключе, в академическом стиле и с глубокой увлеченностью предметом, что несомненно полезно для всех практикующих специалистов и заслуживает уважения.

Что касается ограничений его исследования антигруппы, я не мог сформулировать возражений, которые будут изложены ниже, пока я сам не написал главу, посвященную этим же вопросам. Нитсан обнаруживает источники сопротивления работе группы только в первичных и глубоко бессознательных тревогах, которым он придает «вневременные» и универсальные качества. Затем он переходит к *дедуктивной* позиции в отношении динамики группы так, что наблюдение следует за теоретическим принципом. В *индуктивном* подходе, подобном описанной выше работе Хорвица, принцип следует за наблюдением, а сам принцип выводится путем аналитического рассмотрения феноменов, наблюдаемых в каждом конкретном случае. Описанные выше девять схем обеспечивают богатую и многогранную систему взглядов, с помощью которой можно рассмотреть пять основных задач в жизни группы. Процессы развития группы и ее ведущего определяют, в каком направлении будет развиваться напряжение в группе — творческом или деструктивном, будет ли она двигаться в сторону прогресса или уходить от него и как будет соблюдаться баланс между прогрессом, тупиком и регрессом. Антигруппа не является чем-то, находящимся вне естественной жизни

группы, чем-то «отдельным» и «ждущим своего часа, чтобы поставить в тупик» группу и ее участников. Мы можем рассматривать ее только в связи с какой-либо одной из проблем группы, и на каждом этапе, через которые она проходит, будет существовать целый ряд различных видов антигрупповой динамики. В дальнейшем в нашей книге те, кому интересна концепция антигруппы Нитсана, смогут увидеть, как добавление дифференцированной динамики развития улучшает применение ее понимания. Мы можем сделать это, если будем рассматривать каждый переломный опыт в жизни группы во всей совокупности его качеств с позиции «за» и «против», то есть с точки зрения того, работает ли этот опыт на группу или против нее. Таким образом, антигруппа рассматривается как нечто развивающееся, а не застывшее навечно. Для тех, кто критически относится к таким манихейским конструкциям, как «за» и «против», «жизнь» и «смерть», «любовь» и «ненависть» на следующих страницах будет представлен более дифференцированный подход.

Задачи и логика развития, круговое и спиральное движение

Теперь, чтобы переопределить пять первоначальных задач развития, мы обратимся к описанным выше схемам и будем использовать глубинную психологию, а не социологию. Мы можем применить эти задачи к вопросам развитию как группы, так и ее отдельных участников. Основные проблемы группы могут варьироваться между близостью и привязанностью, доминированием и контролем, личной и групповой историей, конфликтами и изменениями. Эти проблемы понятны, с ними борются и к ним неоднократно возвращаются на разных витках спирали все более *последовательного* изучения. Развитие интеграции группы означает, что группа на новом, более высоком уровне согласованности возвращается к тем же проблемам развития, двигаясь по спирали. Если мы будем рассматривать группу с помощью этих терминов, то увидим, что группа пытается решить *задачи развития*, а не пройти определенные фазы. В ходе этой работы участники, а не только группа в целом получают результаты от роста, исцеления, интеграции, дифференциации и прогрессивных изменений (Brown, 1994/2000; Pines, 1998a, p. 211).

В таблице 3.2 в обобщенном виде приведено описание задач развития в пятиэтапной логической последовательности. Проблемы не всегда возникают последовательно. Задачи можно понимать

Таблица 3.2

Задачи развития, основные проблемы и фокус работы
(Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1360)

Этап	Задача развития	Основная проблема	Фокус работы
1	Вовлечение в работу	Вовлеченность/невовлеченность	Приверженность, проблемы с границами, конфиденциальность, контейнирование, безопасность, защищенность
2	Вопросы авторитета	Доминирование/подчинение	Конкуренция, конфликт, зависть, уверенное использование процесса, уровень самопознания, способность поддерживать отношения с окружающими
3	Близость	Сближение/дистанцирование	Доверие, самораскрытие, присоединение, привязанность, исключение и оппозиция, аффект и враждебность, уровень вовлеченности, уровень эмпатии и взаимности
4	Изменение	Сходства/различия	Рост, разрешение, интеграция, индивидуация, дифференциация, репарация
5	Завершение	Слитность/согласованность; тонуть/выплывать; двигаться/падать	Насколько высок уровень понимания у индивида или группы? И какой уровень понимания они получают в свой адрес? Удалось ли им «подрости» или измениться в ходе группового процесса? Возможно ли интернализировать и поддерживать достижения, сделанные в ходе групповой работы? Будут ли изменения устойчивыми и можно ли распространить их на жизнь вне группы?

и в качестве цели на уровне группы как целого, и на уровне индивида, развивающегося через его продвижение в группе.

Эти же задачи отображены в круговой форме на рисунке 3.1 (см. с. 172). Графическое изображение является иллюстрацией продвижения индивида в группе или продвижения группы как целого.

Внешний пятиугольник: прогрессивная и регрессивная динамика индивида и группы

Мы можем использовать это графическое изображение несколькими способами. Сначала мы обратим внимание на внешний пятиугольник, чтобы связать основные задачи развития новой группы, которая

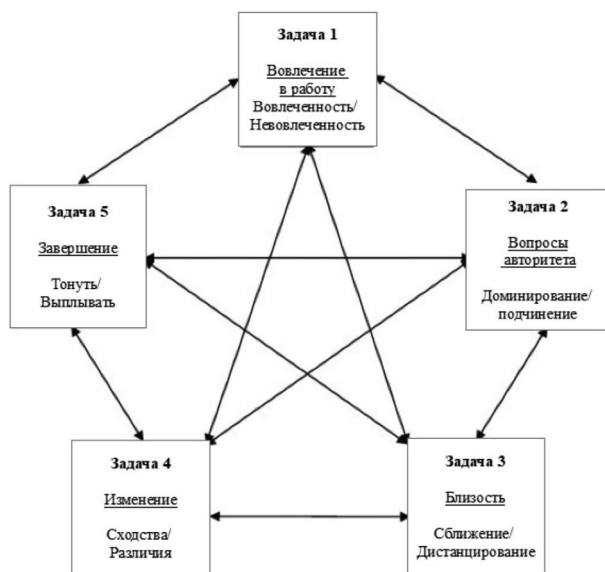


Рис. 3.1. Пятиугольник группового развития и основные проблемы (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1360)

демонстрирует первичное движение по часовой стрелке в указанной последовательности своих задач развития, начиная со стадии вовлечения в работу. Группа переходит от вовлечения в работу к вопросам авторитета, а затем через проблемы близости к этапу изменений, что затрагивает процессы индивидуации и дифференциации и достигает вопросов завершения. Каждый шаг в направлении согласованности является продвижением вперед, но мы не можем говорить о психотерапии столь прямолинейно. Группа неизбежно столкнется с перекрестными потоками опыта, подводными течениями и необходимостью плыть против течения, с динамикой антигруппы, что заставит ее искать обходные пути, сопровождаемые длительным обсуждением. Участники или группа как целое могут сталкиваться на любом из этих этапов скорее с регрессивным, чем с прогрессивным опытом. На различных этапах работы группы могут также присутствовать мощные динамические факторы, которые ведут группу назад. Но в той или иной форме неизменно будут возникать пять задач развития, и каждая из них должна быть разрешена, чтобы создать условия, для обращения к следующей задаче и ее разрешению.

Это графическое изображение является некоторым приближением, которое, вероятно, будет наиболее полезным для психотерапевтов, находящихся в процессе обучения.

Задачи развития в том виде, в каком мы сейчас их описываем, отличаются от их исходной формы в двух важных аспектах. Во-первых, теперь мы рассматриваем логику развития, а не стадии, а во-вторых, мы описываем их в терминах, связанных с движением по кругу. Таким образом, каждая задача развития не только находится в динамических отношениях с предыдущей и последующей, но и с остальными задачами. Например, группа может сталкиваться с проблемами близости, и это влияет на то, насколько ее участники открываются друг другу, на то, до какой степени они сближаются друг с другом, и на многие другие соображения, которые относятся к этому этапу. Эти проблемы будут динамически связаны не только с соответствующими предыдущему этапу вопросами авторитета в группе либо с возникающими на следующем этапе вопросами дифференциации. Они также будут динамически связаны с первоначальными проблемами вовлечения в работу и с проблемами завершения и ухода из группы, с которыми еще только предстоит столкнуться, но которые уже вырисовываются на горизонте.

Взгляд на продвижение и регресс индивида в контексте пяти проблем развития группы

От вовлечения в работу к вопросам авторитета и обратно

Стрелки обозначают направление движения по часовой стрелке и против нее. Например, за проблемами вовлеченности, которые удалось решить на первом этапе, возникают проблемы авторитета и контроля, относящиеся ко второй задаче, от которых можно снова вернуться к задаче вовлеченности, и эта задача сначала может выглядеть как сложная комбинация вопросов о том, почему участники вообще присоединились к группе, что они надеются получить от нее, будут ли они регулярно посещать групповые встречи, будут ли они проявлять активность в работе и смогут ли они доверять друг другу. После многих сессий, когда группа осваивается, у нее развивается способность управляться с опаздывающими и необщительными участниками или участниками, которые тем или иным образом демонстрируют амбивалентность. Могут возникнуть вопросы авторитета ведущего. Сначала его мастерство и опыт подвергаются сомне-

нию, а затем явно подтверждаются характером и качеством внимания, которое он уделяет определенным граничным событиям. К таким событиям относятся пропуск сессий участниками, открытое общение между участниками перед началом группы с последующим молчанием в присутствии ведущего. Превращая проблемные моменты в темы для обсуждения, ведущий демонстрирует живой интерес ко всему происходящему в группе и относится к негативному фактору, то есть антигруппе, не с критикой и осуждением, а как к предмету заинтересованного и рефлексивного исследования. В атмосфере развивающегося доверия это приводит к тому, что в первую очередь внимание участников возвращается к ранее задаваемому ими основному вопросу о том, почему они включились в группу. Кто-то из участников может почувствовать облегчение, если обнаружит, что его амбивалентность замечена и понята, и после того, как беспокойство, связанное с вопросами авторитета будет проработано, возникает возможность для большей вовлеченности.

От вопросов авторитета к близости и обратно

Подобное движение может проявиться в процессе перехода от вопросов авторитета к развитию отношений связей, когда участники начинают формировать привязанности или обнаруживают себя во враждебной оппозиции, сталкиваясь с проблемами самораскрытия и близости. Тревога по поводу самораскрытия, возникающая из-за опасений участников того, что некоторые из окружающих могут «использовать» против рассказчика вызывающие неловкость детали его истории, может привести к тому, что они будут поднимать вопросы конфиденциальности и границ и возвращать группу от проработки задач близости к задачам авторитета, контроля и вовлеченности. Участники будут восприниматься как те, кого можно любить, ценить, не любить, бояться или избегать. По мере того как будет проявляться индивидуальность каждого из них, они начнут сближаться и чувствовать принадлежность к одной группе или противодействовать и чувствовать недоверие и обиду. Например, одна из участниц может неоднократно обращаться к другой участнице за поддержкой в проблемных и иногда токсичных вопросах, с которыми они обе сталкиваются в отношениях со своими матерями. Та, от которой постоянно ожидается эта поддержка, никогда не дает ее и, в свою очередь, ищет «особую» связь с женщиной-терапевтом, которая кажется единственным человеком, способным дать

ей ощущение безопасности. По мере того как участники исследуют, обсуждают и пытаются разрешить эти проблемы близости, ведущая «локализует» это регулярно возникающее и предсказуемое напряжение в группе в фигурации семейного переноса, где отказывающаяся в поддержке участница, по-видимому, заново проживает ситуацию, в которой она выросла — она была старшей сестрой, от которой требовали уделять особое внимание младшему брату, которого она терпеть не могла. Авторитет ведущей становится очевидным благодаря использованию принципов локализации, перевода и интерпретации, обсуждаемых в главе 17, и создает атмосферу контейнирования, в результате чего отказывающаяся в поддержке участница, становится менее требовательной в переносе по отношению к ведущей и более доступной для других участников группы. Таким образом, группа переходит от вопросов авторитета к близости и от близости к вопросам авторитета.

От близости к дифференциации и изменениям и обратно

Изменения происходят даже в самом начале общения в группе, когда проявляются самые очевидные различия в том, как люди говорят и общаются друг с другом. Мы можем оглянуться назад и обратить внимание на концепцию трех измерений психотерапии, обсуждаемую в главе 2, и применить ее для понимания изменений в ходе возникновения отношенческого измерения в группе и развития группы в направлении рефлексивного, а затем репаративного измерений. Или мы можем заглянуть в главу 4, посвященную трем языковым формам вербального общения в группе, и увидеть, как монолог превращается в диалог или даже в дискурс. Первой формой общения группы, как правило, является последовательный монолог, поскольку незнакомые друг с другом люди делают первые неуверенные шаги в сторону самораскрытия, не имея представления о том, к чему это может привести. Резонанс и взаимность дают толчок диалогу, возвращаемому ведущим, и тогда диалог вызревает в дискурс. Мы переходим от третьей к четвертой из пяти задач развития группы — задаче изменений. Но в любом таком процессе есть взлеты и падения. По мере того как группа будет возвращаться к более ранним расколам и конфликтам, мы столкнемся с групповыми и индивидуальными защитами, которые неизбежно приведут участников к спаду. Достигнутые изменения не будут постоянно поддерживаться, и люди будут возвращаться к более ранним нерешенным вопросам, каса-

ующимся близости, авторитета и даже базовой вовлеченности и невовлеченности.

От изменений к завершению и обратно к вовлеченности

На заключительных этапах жизни группы или на заключительных этапах пребывания участника в постоянной группе эмоции будут усиливаться, время станет драгоценным, надвигающееся чувство утраты воскресит память о других, более ранних и более серьезных потерях и, можно надеяться, для многих это станет беспрецедентным опытом. Завершение будет ожидаемой утратой, и по мере того, как как будет идти этот процесс, о нем можно будет говорить и перерабатывать происходящее. Хотя может оказаться, что это первая потеря, о которой удастся поговорить, порождаемый ею процесс горевания может высвободить воспоминания о более серьезных утратах в прошлом. Если на этапе завершения удастся извлечь воспоминания об утратах и забытые эпизоды горевания, тогда групповая атмосфера позволит сосредоточиться на работе горя, и ограниченное оставшееся время растягивается. В этот ограниченный по времени период нахождения решения можно «втиснуть» большую часть заключительной работы, как показано в виньетке 3.1. Этому вопросу посвящена работа Зальцбергер-Виттенберг «Опыт завершений и начал», которая является лучшим сборником материалов по этой теме и высоко ценится нашими студентами (Salzberger-Wittenberg, 2013).

Четыре внутренних связи

Мы можем выбрать любую из этих ключевых задач развития и посмотреть, как она внутренне соотносится с другими задачами в пятиугольнике. Связи между ними определяются не только фазами. Задачи не развиваются по единой линии от предшествующей к последующей или наоборот. Например, если мы возьмем задачу *близости* и посмотрим на рисунок, то увидим, как она связана с *проблемами авторитета*, которым она предшествует, и проблемами *изменения и дифференциации*, к которым она ведет. Также мы можем взглянуть на противоположный край пятиугольника, чтобы увидеть, как ранее оставленные без внимания вопросы неспособности обещать *вовлеченность* или угрозы близости для одного или нескольких участников группы (то есть основные соображения, приведшие их в терапию, в первую очередь из-за неудачных отношений) становятся все

более и более неотложными по мере приближения к *завершению* работы. Таким образом, здесь мы видим развивающийся динамический треугольник между близостью, включением в работу и завершением. Столкнувшись с фактом неизбежного окончания групповой терапии, участники начинают задаваться вопросом, какой объем работы они проделали или не смогли проделать вместе для разрешения своих основных проблем. Таким образом, близость связана с другими четырьмя задачами развития. Каждая из пяти задач развития имеет динамическую связь с остальными четырьмя. Группа — это не последовательность, а круг, и для группы как целого мы можем выбрать любую из этих основных задач развития и выделить соответствующий кластер динамических фигураций, посредством которых она связана со всеми остальными задачами.

Прохождение личности через пять задач развития

До сих пор круговое графическое изображение использовалось для обсуждения пяти ключевых задач развития, стоящих перед любой группаналитической группой и относящихся к группе как целому. Мы также можем использовать этот рисунок, чтобы оценить развитие человека в медленно открытой группе. В этом случае каждая из задач развития может быть обозначена как совокупность динамик, которые определяют этапы развития отношений индивида к группе как целому, к ее различным участникам и к ее целям и задачам. К примеру, Бронвин открыта, доступна для общения и, присоединившись к группе, включается в ее работу. Она сразу же вовлекается в работу на уровне отношений и вскоре становится полноценным участником группы. Так что вопрос включения в работу для нее не является главной проблемой. Далее в ходе ее участия в работе группы проявляются другие стороны ее динамики, что демонстрирует ее многогранность и ее внутренние конфликты, в частности, связанные со скрытностью, особенно в вопросах близости. В то же время другой участник группы, Кевин, присоединившийся чуть позже, очень сдержанный, испытывает напряжение и беспокойство в связи с самораскрытием в группе и с подозрением относится к мотивам других участников. Процесс отношенческого вовлечения в работу группы не давал ему покоя в течение многих месяцев. Он вообще не знал, как обсуждать такие вопросы, и даже не подозревал о степени своих внутренних конфликтов по поводу любого рода связей между людьми. Эти различные стили включенности Бронвин и Кевина будут влиять на то, какой путь

каждый из них проделает в группе. И понадобится еще много времени, чтобы такой участник, поначалу испытывающий амбивалентные чувства и вошедший в группу на неопределенных условиях, вызвался поприветствовать кого-то, недавно присоединившегося к группе и сталкивающегося с проблемами вовлеченности, и тем самым показал своим товарищам по группе, что его прохождение через этапы авторитета, конфликтов и обсуждения близости глубоко изменило его. Но в полной мере произошедшие с Кевином изменения проявятся, только когда он вызовется облегчить вхождение этого нового человека, который присоединяется к группе с такими же противоречивыми чувствами по поводу вовлеченности в работу, как и у него. Теперь Кевин может говорить с ним от лица группы, к которой он принадлежит, и приглашать его присоединиться к работе. Пять задач развития здесь можно рассматривать как часть аналитической рамки. Мы вновь будем обращаться к ним на протяжении всей книги, демонстрируя, как участники развиваются в терапии.

Заключение: иллюстрация ключевых этапов развития задач группы

Эта виньетка скомпонована на основе многолетнего опыта групповой работы с разными людьми и содержит запоминающиеся детали, иллюстрирующие каждую из пяти ключевых задач, описанных выше. В этих целях участники объединены в условную группу.

Виньетка 3.1

Ключевые этапы развития индивида в группе

а. Вовлечение в работу

Как только Стелла пришла в группу, сразу же проявились ее проблемы. Она была застенчивой и подавленной, но говорила взахлеб и не могла остановиться. Она была художником и преподавателем. Она рассказала, что уже два месяца как она вернулась домой, в свою квартиру и обустраивалась заново. Она возобновила преподавание в художественном колледже и даже вернулась к занятиям живописью в своей мастерской. Во время своих первых занятий она не отвечала на вопросы о том, где она до этого находилась. На пятой встрече она нашла способ говорить, не перегружая себя, и могла спокойно сидеть и слушать без особого волнения.

Мы узнали, что несколько месяцев назад она рассталась с парнем и как ни в чем не бывало продолжала рисовать в своей мастерской, пока не заметила, что картины разговаривают с ней, и не осознала, что она «на полпути от того, чтобы сойти с ума». Она сказала, что ее психиатр посоветовал ей лечь в больницу, где она провела несколько месяцев, посещая группы и все время разговаривая. У нее бывали сильные перепады настроения. Сейчас она выкарабкалась, и хотя она все еще принимает лекарства, после выписки психиатр рекомендовал ей присоединиться к этой группе, и вот она здесь. На следующих сессиях мы услышали историю того, как, по выражению самой Стеллы, она «меняла мужчин как перчатки», пока наконец ее не нашел тот мужчина, которого она полюбила. Он показал ей, что значит любить и быть любимым, а потом ушел от нее. Рой, который присоединился к группе несколько лет назад в отчаянии от неразделенной любви, по его выражению, поставившей его на колени, сказал ей: «Если бы он действительно знал, что значит любить и быть любимым, он не ушел бы от тебя», — и Стелла начала плакать. Группа деликатно не стала привлекать внимания к ее слезам, чтобы не расстраивать ее еще больше, и на следующей сессии Стелла сама вернулась к этим вопросам. Рассказанная ею история идеализации, страстной влюбленности, разочарования и последующего отвержения наглядно показала группе, как стремление к кому-то или чему-то так и не переросло в принадлежность. Мы еще раз вернемся к этому в главе 16.

Рой говорил со Стеллой исходя из вновь открывшегося ему опыта, из состояния принадлежности, благодаря которому он «укоренился» в группе и чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы дать Стелле зрелый совет, который продемонстрировал нам, каких успехов он добился за последнее время. Изменения в его собственной позиции стали очевидны, когда по мере того как Стелла медленно осваивалась в группе и разбиралась в себе, он стал «заменой» хорошего мужчины, которого она так и не смогла найти. Их включение в работу создало между ними ощущение родства, которое продлится до тех пор, пока некоторое время спустя он не уйдет, а она не подарит ему одну из своих картин, чтобы украсить квартиру, которую он снимет после того, как найдет новую любовь.

в. Авторитет

В течение первого года в группе Брайан, о котором позже пойдет речь в виньетке 13.1, одновременно проявлял высокий уровень мотивации

и низкую способность соблюдать правила группы. Эта амбивалентность была характерна для него во всем. Он хотел иметь возможность участвовать в работе группы, но только тогда, когда ему это было удобно и когда он не находился в слишком сильном напряжении, связанном с его журналистской деятельностью. Он не обращал внимания на то, как его опоздания влияли на других участников. Он вызывал у них смешанные чувства. Когда участница по имени Коллин рассказала в группе историю о пропущенных платежах, он стал первым, кто затронул проблему неумелого управления финансами, и тогда ведущий написал ему письмо с просьбой обратить внимание на собственные пропущенные платежи, иначе придется поднять этот вопрос в группе. Следующую сессию он пропустил, а когда наконец пришел, он не рассчитался по своей задолженности и не ответил ни во время групповой сессии, ни каким-либо другим образом на письмо ведущего. К тому времени Коллин погасила свою задолженность, и ведущий спросил ее, что она сказала бы кому-то, кто указал ей на ее проблему, но сам допустил нарушение. Ей понадобилось некоторое время, чтобы обдумать это, а затем она обратилась к Брайану: «Значит, ты тоже не платил? Понимают ли люди, что ты лицемер?». Он был как будто ужален ее словами и, с некоторой тревогой глядя на ведущего, признал, что морочил ему голову с деньгами. Группа дала ему понять, что он заморочил голову всем, и в этот момент ведущий напомнил ему об условиях, которые обговаривались в момент его присоединения к группе: регулярное посещение, участие в работе группы и оплата. Он же вел себя так, как если бы, соблюдая только одно условие — участие в работе, он получал бы выгоду от всех условий, и так продолжаться не могло.

Проблема авторитета возникла спустя год после того, как он начал прорабатывать разочарование в своем отце. С помощью группы он увидел, что использовал нарушение границ как протест против пренебрежения, с которым он столкнулся в детстве. В последующие месяцы мы увидели, как радикально он изменил свою позицию: он ежемесячно оплачивал свое пребывание в группе и постепенно перестроил свое рабочее расписание так, чтобы успевать посещать наши встречи.

с. Близость

Генри, о котором пойдет речь в виньетке 5.6, снова говорил о депрессии, одиночестве и внутренних страданиях. Его мы уже знали хорошо. Другой участник сказал, что его настроение меняется только от плохого до отчаянно плохого и что группа воспринимает его как ослика Иа из кни-

ги про Винни-Пуха, который всегда был печален и жаловался, что у него нет друзей. Рядом с Генри сидела Марта, которая присоединилась к группе одновременно с ним. И они вели себя как союзники. Она сказала, что сердилась на группу из-за отношения к нему. И приходилось несладко, и не было толку его стыдить. Генри стал козлом отпущения для группы, и Марта очень злилась на ведущего за то, что он позволил этому случиться. Она поняла, насколько сильно она сердилась, только за день до этого, когда поздно вечером вернулась в свой полный тепла и суматохи дом, к своей семье и задумалась о том, как должно быть сейчас одиноко Генри. Она работала допоздна и домой возвращалась на ночном автобусе. Она оказалась единственным пассажиром, и водитель, крепкая женщина с афро-карибскими корнями, спросила ее, нравится ли ей пение, и она, конечно, ответила «да», совершенно, не догадываясь, что будет дальше. Водитель начала петь «Улицы Лондона», и Марта расплакалась от звуков ее сильного и красивого голоса. Она продолжала петь, и Марте не хотелось выходить из автобуса и прощаться.

Она думала о Генри, когда шла от автобусной остановки домой. Он был социальным работником, и она знала, что он работал с такими же бедными людьми, как те, о которых пелось в песне. Это были старик на рынке, распикивающий ногами выброшенные вчерашние газеты, другой старик, в одиночестве пьющий чай и бредущий домой, и старушка в лохмотьях. А потом Марта обратилась к Генри и, цитируя припев песни, сказала: «Так как ты можешь говорить мне, что ты одинок / И говорить, что солнце не светит? / Позволь мне взять тебя за руку / И провести по улицам Лондона / Я покажу тебе кое-что, чтобы ты передумал». Она сказала: «Ну же, Генри, жизнь щедра к тебе, пойми же это! Дай мне возможность помочь тебе изменить твоё отношение к происходящему». В этот момент знакомство превратилось в близость. Генри пережил глубокий момент познания отношений, который он запомнил навсегда, момент познания его другим, познания его группой и познания самого себя. Последовавшая за этим работа группы превратила эти отношенческие моменты в рефлексивные, а со временем — в репаративные. Все это происходило в ходе мучительно медленной дифференциации, которая чередовалась с регулярными отступлениями на закреплённые ранее позиции мазохистского протеста Генри.

d. Дифференциация

Эбби и Надин уже некоторое время успешно работали в группе. Одной было за тридцать, а другой за сорок. Обе они были «вторым по-

колением» еврейских беженцев, обе родились в Лондоне. Мать Эбби еще ребенком приехала в Лондон из Берлина в конце 1930-х годов как беженка. Родители Надин скрывались от преследования в Будапеште отдельно друг от друга и встретились после Второй мировой войны в лагере для перемещенных лиц. Психоневротические проблемы, от которых страдали Эбби и Надин, были разными, но они были подготовлены к тому, чтобы бороться с ними, так как их истории, которые раскрылись в ассоциациях в ходе работы группы, позволяли взаимную идентификацию. У обеих было хорошее образование, и обе построили успешную карьеру, но отношения в их родительских семьях были трудными и полными конфликтов, и теперь они сами сталкивались с проблемами в личных отношениях. Надин поступила на обучающий курс по консультированию в сфере проблем в отношениях, что, как она знала, было во многом связано с ее попытками, по ее словам, безнадежными, починить брак своих родителей. Она должна была приступить к обучению в ближайшее время, но была полна тревоги, и за несколько недель до начала обучения рассказала группе свой сон. Пришли нацисты, рассказала она, ей надо было спрятаться, поэтому она залезла в платяной шкаф своей матери, где висела одежда, и стала плоской, как платье. «Вы знаете, как это происходит в мультфильмах, — сказала она, — и повисла сама на одной из вешалок в шкафу, чтобы меня не нашли». Когда кто-то из участников группы ее спросил ее, как она себя чувствовала, когда проснулась, она сказала, что у нее колотилось сердце, она испугалась, что нацисты найдут ее, и она надеялась, что надежно спряталась. Мы работали со сном до тех пор, пока, как выразились другие участники, ее решение наконец-то начать многообещающее обучение стало подобно тому, чтобы выйти из шкафа, сойти с вешалки и выбраться из того места, где все эти годы она пряталась ото всех. В какой-то момент во время обсуждения сна Эбби сказала ей: «Ты должна сказать: „Идите к черту, гребаные нацисты“. Они не доберутся до тебя!» Эта идея сослужила ей хорошую службу, дала еще один импульс для движения к переменам и позволила начать обучение на хорошей ноте. Со временем наладилась ее личная жизнь, обучение прошло успешно, и она стала высококотирующимся семейным терапевтом.

Что касалось Эбби, в ее семье были серьезные проблемы со здоровьем. Молодой студенткой она помогала ухаживать за умирающим от неизлечимой болезни отцом. Ее мать несла тяготы вынужденного переселения и страдала от постоянного ощущения опасности. После

смерти отца Эбби, лишенная поддержки со стороны матери, не смогла самостоятельно заняться собственной карьерой и утратила направление собственной жизни. Иногда проблемы со здоровьем были почти невыносимыми, и время от времени она проходила медицинские обследования. Через несколько месяцев после того, как Надин рассказала свой сон, Эбби поделилась с группой похожим сном. Она была в концентрационном лагере, где казнили людей. Когда подошла ее очередь, кто-то подошел к ней с документом — ордером на ее казнь — и попросил ее подписать его. Она рассказывала нам об этом диалоге, как будто он только что произошел в реальности, и в тот момент в кабинете в ее манере поведения появилось нечто тихое, угрюмое, но содержащее открытый вызов угрозе. «Нет, — сказала она, — я не собираюсь подписывать это!» Ее окончательный отказ заставил их отступить, и она проснулась в бешенстве от того, что у них была возможность принудить ее к соучастию в ее собственной смерти. Группа подробно разобрала ее сон, так же, как и сон Надин. Как и Надин, она увидела, что в рассказанном сне ее ярость была направлена не только против тех, кто уничтожал ее народ, но и против нее самой и ее негативного мышления. Она находилась в процессе внутреннего роста. Этот сон и его понимание означали ее несогласие подписать отказ от своей жизни. Со временем она стала ощущать себя более уверенной и дееспособной. Ее тревога о здоровье уменьшилась, она создала благополучные любовные отношения, продолжала развиваться по карьерной линии и стала уважаемым помогающим специалистом. Позже, даже когда возникали реальные проблемы со здоровьем, ее жизнестойкость была достаточно сильной, чтобы справляться с ними.

е. Завершение

Про Мела на более раннем этапе его жизни мы рассказывали в виньетке 2.4. Он прошел через несколько этапов личностного роста, и теперь впервые за долгое время его жена и дети могли на него положиться. Хотя часть его энергии теперь тратилась, как он сказал, на жизнь, а не только на работу, он был успешнее, чем когда-либо, и ему больше не было нужно угрожать своим должникам, чтобы получить деньги. В группе он был искренним, открытым и щедрым. Группа готовилась к переносу места встреч из дома ведущего, где в течение многих лет ей был обеспечен стабильный сеттинг. Несколько месяцев назад им сообщили о том, что ведущий переезжает, и с приближением летних каникул оставалось все меньше сессий, которые должны были

проводиться в привычной обстановке. Участники группы говорили о том, как сильно они будут скучать по старому кабинету, и размышляли относительно того, что их ждет в новом.

На заключительной сессии в процессе обсуждения ассоциаций группы, связанных с завершением работы, Мел вспомнил о последних часах жизни своего отца. Он напомнил нам, что, когда его отец умер, он был еще подростком и только что закончил школу. Мы знали о преданности, которую он по-прежнему проявлял по отношению к своей стареющей матери, все еще продолжавшей жить в том же доме, в котором тридцать пять лет назад умер его отец, но мы мало что слышали о его отце. Мел присоединился к группе, обладая ограниченным эмоциональным диапазоном и мощной энергией, которую участники считали пугающей, а иногда и привлекательной. Теперь он рассказал группе о сердечной недостаточности отца, о его последних часах, а затем и о его смерти. На тот момент происходившее казалось обыденностью, чем-то заурядным. Когда спустя некоторое время он осознал, что же на самом деле произошло, его отца уже давно не было в живых, его мать как будто была «уже не здесь», а братья налаживали самостоятельную жизнь. «Куда он ушел?» — произнес он, и мы стали свидетелями эмоций, которые он никогда раньше не показывал. «Куда ушел мой папа?» Один из участников группы сказал о ведущем: «Он всего лишь находится в пути. Он не собирается уходить далеко. Это переезд, а не смерть». Мел не обратил на эти слова внимания, потому что хотел рассказать группе о дне смерти своего отца. Он подчеркнул, что никогда не делился этим ни с кем, даже с самим собой. Мы внимательно слушали, и он погрузился в давнее горе, которое переполняло его. У кого-то из участников группы появились слезы на глазах. Далее мы узнали о том, где был похоронен его отец и как Мел посещал семейное захоронение на кладбище, чтобы почтить его память.

Участник группы, который ранее сказал, что это не смерть, спросил, хотел бы Мел когда-нибудь снова приехать на эту улицу. Это был замечательный вопрос о связи, и впервые Мел осознал связь между утратой в прошлом и тем, что должно было произойти сейчас. Это наглядно выявило связь скорби по отцу, которого никогда не оплакивали, и скорби по поводу текущей утраты. В результате первичная утрата, ранее забытая, стала доступна для сознательного понимания. В ходе следующих сессий мы обнаружили, что по мере того, как вспоминается забытое, как сказал Мел, приходят воспоминания, которых у него не было, он накапливает ресурсы. Вокруг Мела как будто сконцентри-

ровались опасения группы о том, что она навсегда потеряет ведущего. То, что они смогли удостовериться, что с ведущим все в порядке и что у них есть возможность продолжать встречи в новой обстановке, создало почву для дальнейшей проработки более ранних утрат. Мел смягчился, и иногда участники группы с добротой и любовью обыгрывали связь его имени со словом *mellow*, «смягчаться, зреть». Участница, которая ранее, когда он только начал работу в группе, воспринимала его как пугающего, теперь, когда работа продвигалась успешно, иногда поддразнивала его песенкой *Yellow Mellow*^{*}, на что он отвечал взаимностью, поддерживая ее в проблемах, над которыми она работала.

Комментарий

Одна из многих необычных особенностей медленно открытых групп состоит в том, что на каждом из пяти углов пятиугольника развития участники занимают разные узловые точки. В одной и той же группе они будут работать над различными проблемами роста, поэтому задачи, возникающие в каждой точке, будут пересекаться с работой, прорабатываемой во всех остальных, поскольку участники делают возможными взаимные изменения. Другим полезным для участников свойством таких групп является интуитивное понимание друг друга на горизонтальном уровне. Рой присоединяется к Стелле и помогает ей обустроиться в группе; Коллин бросает вызов Брайану и помогает ему принять границы группы; Марта проявляет понимание по отношению к Генри, а затем призывает его впервые в жизни поговорить на глубоко личные темы; Эбби понимает Надин и помогает ей освободиться от преследующих ее интроектов, а затем рассказывает на групповой встрече сон, в котором отказывается от своего паттерна самоуничтожения; и наконец, все участники группы ощущают свою связь с горем Мела, выраженным в рассказе об утрате отца и одновременно связанным с утратой группой кабинета и его обстановки, что так остро почувствовал Мел.

В главе 7 мы будем обсуждать идеи Коэн о том, как:

Группы могут воспринимать скрытые ассоциации с давно прошедшими календарными датами, такими как травмирующие

* Песня шотландского исполнителя Донована, популярная в 1960-е годы.

дни рождения и дни смерти, праздники и эмоционально насыщенные реакции, которые пациенты сознательно не вспоминают или не отваживаются высказать. Эта повышенная чувствительность к позабытым памятным событиям может быть результатом группового интерактивного процесса. Таким образом, терапевтическая группа помогает в обнаружении тайных призраков гораздо быстрее, чем этого могла бы достичь индивидуальная терапия...

(Cohen, 2007, p. 153)

Опыт работы с утратой — которая утрачена для памяти — становится ключевым элементом неожиданных фигураций. Возьмем случай Джульетты, описанный в виньетках 5.2–5.4. Шаг за шагом группа извлекает из пропасти ее собственной, как будто отсутствующей истории, картину ее лишений, связанную с утратами, которые были утрачены для ее памяти. В ее случае динамика работает в тех же направлениях, что и в ситуации с Мелом в приведенной выше виньетке. Эта работа стала возможна благодаря восстанавливающим фигурациям, присущим динамике группы, которая может освободить участников от того, чтобы платить высокую цену за ошибочные решения, построенные на диссоциации, которую в начале работы они зачастую совершенно не осознают. Позже в главе 13 будут описаны четыре домена (текущий, связанный с переносом, проективный и архаический), которые придают коммуникативной матрице группы глубину, а в главе 16 будут рассмотрены образные детали метафор, которые в этих доменах работают на то, чтобы позволить группе выйти из инкапсулированного мира архаического восприятия деталей скрытых утрат, с которыми затем можно начать работать на текущем уровне.

Примечания

1. Список исследователей, внесших вклад в разработку схем развития, очень длинный и включает следующих авторов: Агазарян, Бюн, Эзриэл, Доран, Дюркин, Фридман, Хорвиц, Лесц, Лоренцен, Маккензи, Мартин, Шлапоберски, Скиннер, фон Фраунгофер и Ялом.
2. Данное исследование основывается на работе Эзриэла (описано в главе 7), где целый раздел посвящен работе Биона.

Литература

- Agazarian Y., Gantt S. (2003). Phases of Group Development: Systems-Centered Hypotheses and Their Implications for Research and Practice // *Group Dynamics: Theory Research and Practice*. V. 7. P. 238–252.
- Bennis W. G., Shepard H. A. (1956). A Theory of Group Development // *Human Relations*. V. 9. P. 415–437.
- Bion W. (1961, reissued 2000). *Experiences in Groups*. London: Routledge.
- Bledin K. (2003). Migration, Identity and Group Analysis // *Group Analysis*. V. 36. P. 97–110.
- Bledin K. (2004). What's in a Name? Foulkes, Identity and the Social Unconscious // *Group Analysis*. V. 37. P. 477–489.
- Brown D. (1994, 2000). *Self Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Brown S. (2015). *Relatedness and Belonging: Altering Identity In the Analytic Group*. Dissertation for the Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis.
- Buber M. (1958, reissued 2000). *I and Thou*. Transl. Ronald Gregor Smith. New York: Scribner Classics, Simon and Schuster.
- Cohen P. (2007). “Past Time”: Anniversary reactions that can confound the group analyst // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 57 (2). P. 153–166.
- Dick B. M. (1975; reissued 1983). A Ten-year Study of Out-patient Analytic Group Therapy // *British Journal of Psychiatry*. V. 127 (4). P. 365–375. Reissued: Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge.
- Durkin H. (1964). *The Group in Depth*. New York: International Universities Press.
- Elias N. (2009). *Figurations in Collected Works of Norbert Elias*. Vol. 16. Dublin: University College Dublin Press.
- Ezriel H. (1950). A Psychoanalytic Approach to Group Treatment // *British Journal of Medical Psychology*. V. 23. P. 56–74.
- Fairbairn W. R. D. (1941). A Revised Psychopathology of the Psychoses and Psychoneuroses // *International Journal of Psycho-Analysis*. V. XXII, Pts 3–4. Reissued: Fairbairn W. D. R. (2002). *Psychoanalytic Studies*

- of the Personality / Eds D. E. Scharff, E. Fairbairn Birtles. London: Routledge. P. 28–58.
- Friedman R. (2008). Dreamtelling as a Request for Containment: Three Uses of Dreams in Groups // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 53 (3). P. 327–344.
- Friedman R. (2011). Dreams and Dreamtelling: A Group Approach // J. Kleinberg (Ed.). *Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley. P. 479–497.
- Gans J. (2010). *Difficult Topics in Group Psychotherapy: My Journey From Shame to Courage*. London: Karnac.
- Garland C. (1982). Taking the Non-Problem Seriously // *Group Analysis*. V. 15. P. 4–14.
- Gordon Lawrence W. (1985). Beyond The Frames // M. Pines (Ed.). *Bion and Group Psychotherapy*. London: Routledge. P. 306–329.
- Hopper E. (1997). Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups: A Fourth Basic Assumption. 21st S. H. Foulkes Annual Lecture // *Group Analysis*. V. 30 (4). P. 439–470. Reissued in: E. Hopper (2003). *Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups*. London: Jessica Kingsley. P. 66–90.
- Horwitz L. (1977, reissued 2014). An Inductive Group-Centred Approach to Group Psychotherapy // *International Journal Group Psychotherapy*. V. 27. P. 423–439. Reissued: *Listening with the Fourth Ear: Collected Papers*. London: Karnac, 2014. P. 83–98.
- Horwitz L. (2014). *Listening With the Fourth Ear: Collected Papers*. London: Karnac.
- Lewin K. (1977). *Resolving Social Conflicts (1948) and Field Theory in Social Science (1951): Joint Edition 1977*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Lorentzen S. (2014). *Group Analytic Psychotherapy: Working With Affective, Anxiety and Personality Disorders*. London: Routledge.
- MacKenzie K. (1997). Clinical Applications of Group Development Ideas // *Group Dynamics: Theory Research and Practice*. V. 1. P. 275–287.
- Marteen L. (2014). The triangle and the eye inside the circle: Dyadic and triadic dynamics in the group // *Group Analysis*. V. 47 (1). P. 42–61.
- Millard P. (2002). *Belonging, Intimacy and Agency in Group-Analytic Psychotherapy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.

- Molnos A. (1986). Anger That Destroys and Anger That Heals: Handling Hostility in Group Analysis and in Dynamic Brief Psychotherapy // Group Analysis. 1986. P. 207–221.
- Nitsun M. (1988). Early development: Linking the individual and the group // Group Analysis. V. 22. P. 249.
- Nitsun M. (1991). The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Therapeutic Potential // Group Analysis. V. 24 (1). P. 7–20.
- Nitsun M. (1996). The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential. London: Routledge.
- Nitsun M. (1998). The Organizational Mirror: A Group-Analytic Approach to Organizational Consultancy // Group Analysis. V. 31 (3). P. 245–267.
- Nitsun M. (2001). Strength in Numbers. The Guardian. Republished: 2011. URL: http://www.fitzgap.com/strength_in_numbers.html.
- Nitsun M. (2006). The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy. London: Routledge.
- Nitsun M. (2009). Authority and Revolt: The Challenges of Group Leadership. 33rd Foulkes Lecture // Group Analysis. V. 42 (4). P. 325–348.
- Nitsun M. (2015). Beyond the Anti-group: Survival and Transformation. London: Routledge.
- Papanastassiou M. (2011). The Group Conductor's Subjectivity and Identity as a Group Member in the Co-Creation of the Anti-Group. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Pines M. (1996). Interpretation, Dialogue, Response: Changing Perspectives in Psychoanalytic Theory and Technique. Unpublished talk.
- Pines M. (1998a). Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis. London: Jessica Kingsley.
- Pines M. (1998b). Coherency and Disruption in the Sense of Self // Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis. London: Jessica Kingsley. P. 211–223.
- Roberts J. P. (1982). Foulkes's Concept of The Matrix // Group Analysis. V. 15 (2). P. 111–126.
- Rouchy J. C. (1995). Identification and groups of belonging // Group Analysis. V. 28 (2). P. 129–141.
- Salzberger-Wittenberg I. (2013). Experiencing Endings and Beginnings. London: Karnac.
- Sartre J. P. (2007). Existentialism and Humanism. London: Methuen.

- Schlapobersky J., Pines M. (2009). *Group Methods in Adult Psychiatry*. 2nd Ed. // M. Gelder et al. (Eds) (2012). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1368.
- Skygger A. C. R. (1986; reissued 1994). *Group Analysis and Family Therapy* // J. Schlapobersky (Ed.). *Explorations With Families: Group Analysis and Family Therapy*. London: Routledge. P. 231–235.
- Tuckman B. (1965). Developmental Sequence in Small Groups // *Psychological Bulletin*. V. 63 (6). P. 384–399.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in it for me? The development from immature to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Weegmann M. (2014). *The World within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Weinberg H. (2003). The Culture of the Group and Groups From Different Cultures // *Group Analysis*. V. 36 (2). P. 255–267.
- Wheelan S., Davidson B., Tilin F. (2003). Group Development Across Time: Reality or Illusion? // *Small Group Research*. V. 34. P. 223–245.
- Whitaker D. S. (2001). *Using Groups to Help People*. London: Routledge.
- Whitaker D. S., Lieberman M. A. (1964). *Psychotherapy Through the Group Process*. London: Tavistock.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. 5th Ed. New York: Basic Books.

Глава 4

Язык группы. Монолог, диалог и дискурс в группанализе

Человек движется в пространстве, кто-то смотрит на него, и этого уже достаточно, чтобы возникло театральное действие*.

(Brook, 1990, p. xi)

Безразличное слово не пробуждает спящего, если же его называть по имени, он просыпается.

(Freud, 1900, p. 53)

Гипотеза Фрейда... [состояла в том], что процесс превращения в сознательное тесно связан с катексисом вербальных репрезентаций или в значительной мере характеризуется им.

(Foulkes, 1964, p. 116)

В замене «свободных ассоциаций» на «групповые ассоциации» нам принадлежит заслуга, что мы сделали это первыми, таким образом мы совершили решительный шаг в развитии как метода, так и теории.

(Foulkes, Anthony, 1984, p. 29)

Свободно текущая дискуссия является группаналитическим эквивалентом *свободной ассоциации*¹. Этот термин берет начало в работах Фукса и входит в набор ключевых клинических концепций

* Брук П. Пустое пространство / Пер. с англ. Ю. С. Родман, И. С. Цимбал. М.: Прогресс, 1976. С. 35.

терапевтической практики, характерных для группаналитического подхода. В этом подходе использование ассоциаций отличается от их применения в индивидуальной аналитической практике (Kris, 1990) и от техник, используемых практиками в рамках других групповых методов (Yalom, Leszcz, 2005). В этой главе мы будем рассматривать эти клинические концепции и теорию, на которую они опираются. Основное внимание будет уделено языку группы как средству свободно текущей дискуссии.

Я предлагаю различать три основные формы речи, которые возникают в матрице любой группы. На самом базовом уровне — *монолог*, когда говорит один человек (с аудиторией или без нее), и это форма индивидуального самовыражения. На следующем уровне — *диалог*, то есть разговор между двумя людьми, и это форма коммуникации, которая характеризует общение двух индивидов. И на третьем уровне — *дискурс*, речевая модель общения трех или более людей, которая позволяет вести свободное взаимодействие всех участников в гибком и сложном обмене мнениями, которым характеризуется общение в группе (Moffet, 1968). Эти речевые паттерны являются универсальными культурными формами, возникающими в ходе любого общения и присутствующими в жизни каждой группы, хотя и не в заданном порядке. Монолог можно понимать как разговор с самим собой, диалог как разрешение противоречий или поиск близости, а дискурс — как многоголосие, подобное хору. Развитие группы и ее участников начинается с монолога на первой встрече индивида с самим собой. Затем происходит переход к диалогу в момент обнаружения другого, а затем к дискурсу, когда многочисленные внутренние объекты индивида экстернализуются и встречаются в группе. Как уже было сказано, эта последовательность является логической, а не описательной, так как сам групповой процесс не обязательно следует этому шаблону.

Группаналитический подход отличается от других групповых методов тем, что ни одна из двух более ранних речевых форм не игнорируется. Напротив, и монолог, и диалог включены в группаналитический опыт и являются его неотъемлемой частью. Истинный дискурс остается определяющим атрибутом групповой коммуникации, так как комплексность общения между двумя людьми, когда включение в общение третьего превращает их в группу, радикальным и глубоким образом меняет природу первоначальных отношений. Использование свободно текущей дискуссии позволяет паттерну общения

свободно принимать эти различные речевые формы, каждая из которых представляет собой особый тип коммуникации. Именно с помощью этого движения, от монолога к диалогу и дискурсу и обратно, группаналитический метод вступает в свои права, создавая арену, на которой диалектическое взаимодействие между психикой и социальным миром помогает преобразовать их.

Глава продолжается разделом, в котором мы, опираясь на теорию отношений, проводим различие между *психологией одного человека, двух человек и трех человек*. Затем мы применяем к этим видам психологии подходы из теории языка, чтобы рассмотреть речевые формы, которые допускает каждый вид. Далее следует ряд клинических примеров с описаниями и комментариями, которые иллюстрируют подход к этим речевым формам по мере того, как последние возникают в разных терапевтических группах. Затем исследуется эволюция использования языка в клинической теории от монолога к дискурсу, от кушетки к кругу. Далее прослеживаются события от первоначальной идеи лечения разговором в работах Фрейда до первого упоминания термина «свободно текущая дискуссия» в публикациях Фукса и их последующее развитие. В заключительной части главы мы обсудим теорию дискурса, которая позволит нам разобраться, как

...психотерапевты вновь открывают для себя понимание того, что... до глубин сознания можно добраться и прикоснуться к ним с помощью простых слов, говорящих образами и метафорами... универсального, неподвластного времени языка, предвосхитившего современные идеи... языка, берущего за душу и сердце, древнейшее вместилище эмоций...

(Pines, цит. по: Cox, Theilgaard 1987, p. xxiv)

Психологические формы и отношенческое поле

«Сегодня (в 1950 году!) мы становимся свидетелями разделения... психологии на категории в соответствии с количеством людей, минимально необходимых для изучения каждой отрасли этого предмета» (Rickman, 1950, p. 218). *Психология одного человека* относится к тому, что происходит внутри человека, *психология двух человек* имеет дело со взаимоотношениями и *психология трех человек* занимается отношенческим полем базовой семейной констелляции с социальными ролями и социальными отношениями, вытекающими из нее. Пер-

вый вид психологии изучает характер внутреннего опыта и перво-степенное значение придает разуму, который находится в теле. К его психологическим функциям относятся ощущения, восприятие, познание, настроение, память, воображение, фантазия и психосоматическая связь. Второй вид психологии в качестве поля своего исследования использует мир межличностных отношений — области, находящейся за пределами индивида, но включающей этого индивида, и к психологическим функциям этого вида относятся бондинг и привязанность, обмен, аффект и межличностная связь. Третий вид психологии исследует социальные отношения, помещая в центр коллективный мир — область, находящуюся за пределами личности и парной связи, но включающую в себя их, — его психосоциальными функциями являются социальное взаимодействие, социальная роль и социальный смысл.

Обращаясь к тому, как Рикман дифференцирует психологические формы, которые имеют почти «вневременное» качество, я буду исходить из сделанного здесь предположения о том, что в действительности групповая психология включает в себя все три вида психологии: одного человека, двух человек и трех человек — и что эти три вида психологии выступают как адекватный диапазон дифференцированных категорий, позволяющих охватить весь человеческий опыт. Группа представляет собой матрицу взаимодействий, отношенческое поле, которое возникает между ее участниками и во взаимодействии этих трех разных видов психологии. Теория поля — это дисциплина, которая связывает эти разные психологические уровни. Она предоставляет групповому анализу интегративную рамку, с помощью которой функции более высокого уровня в психологии трех человек связаны с более фундаментальными функциями в психологии одного человека (Agazarian, Peters, 1981). Скиннер, применяя теорию поля для групповой и семейной терапии, описывает изоморфные отношения между опытом на разных уровнях. Таким образом, в группе изменения в любом из компонентов психологии обязательно повлекут за собой изменения и в других компонентах (Skynner, 1986/1994).

Речевые формы и семантическое поле

Слово «дискурс», согласно одному из общепринятых значений, описывает передачу мысли речью, обмен информацией между говорящим, тем, кто слушает, и тем, что слушают. Он описывает отноше-

ния между рассказчиком, слушателем и рассказом (Moffet, 1968). Структура дискурса — это совокупность отношений между первым, вторым и третьим лицами. Когда говорящий, слушатель и субъект различны (или потенциально различны) как личности, то есть когда два человека разговаривают друг с другом в присутствии третьего лица, мы имеем дело с зачатками группы. В данной главе я использую термин *дискурс*, чтобы описать только такой тип группового общения. Если речь идет о ситуации с участием двух человек, когда присутствуют только говорящий и слушающий, у нас есть диалог. И когда говорящий и слушающий является одним и тем же человеком, то это — монолог. На рисунке 4.1 показано, каким образом три психологические формы в отношенческом поле соответствуют формам речи в семантическом поле.

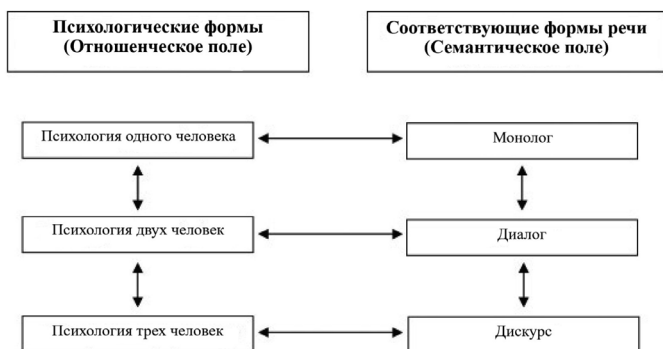


Рис. 4.1. Формы речи в группе и соответствующие формы психологии

В одном из своих обиходных значений — например, в работах де Марэ и Бахтина — термин «диалог» не относится к обмену между двумя участниками (de Maré, 1991). Он используется в более широком, общеупотребительном значении, чтобы охватить весь творческий словесный обмен. Однако для целей нашей книги я использую этот термин в более ограниченном смысле по отношению к определенным речевым формам, в которых взаимодействуют не более двух ключевых участников, представленных отдельными лицами, командами или, например, гендерными группами. Таким образом, термин «диалог» служит для определения того, что является специфическим для речевой формы, основанной на симметрии противоположностей, взаимности или двойственности, ключевым свойством для ко-

торых является диалектика обмена. Для того, чтобы определить общение, происходящие между тремя или более участниками и его более размытые свойства, мы будем использовать термин «дискурс».

Применяя теорию языка к групповой психотерапии, мы можем видеть, как на первом этапе развивающееся воздействие группового процесса начинается в одиночестве, в личных встречах индивида с самим собой, которые происходят в присутствии и с разрешения группы. На втором этапе через диалог, через конфликты по поводу разноречивых форм или уровней близости, необходимых для того же группового процесса, когда другие участники обретают психическую реальность, это приводит к большей готовности к изменениям. Когда один и тот же опыт имеет разное значение для разных участников, это выявляет их различные внутренние конфликты и со временем помогает разрешить их. И это приводит нас к третьему этапу — дискурсу, когда спонтанность публичного обмена выражает первичный процесс индивидов, позволяющий проявиться архаическим тревогам и их репаративному разрешению. Такой опыт с точки зрения изменений индивида имеет далеко идущие последствия. Наиболее показательным для этого вида дискурса является то, каким образом в зрелой группе можно обсудить сон участника. Как мы видим в последнем в этой главе клиническом примере, участники группы совместно включаются в обсуждение сна посредством разнообразных ассоциаций. В этом обсуждении, с помощью которого здесь и сейчас исследуются содержание сновидения и ассоциации к нему, мы видим свободную игру слов в работе общего бессознательного. По мере того как резонанс связывает единицу и множество в группе как целом, происходит сгущение смысла и в момент внезапной разрядки глубокого и примитивного материала происходят события, значение которых распространяется на всю жизнь. Фридман, описывая процесс рассказывания сновидений в групповой терапии, дает убедительное объяснение этому процессу. Как обсуждалось в главе 3, группа переходит от информативного процесса к формирующему и, наконец, к трансформирующему, который в момент «разрядки» работает с помощью сгущения, чтобы произвести глубокие и длительные изменения (Friedman, 2008, 2011).

Любая из этих речевых форм может возникать в группе в повествовательной форме в ходе обсуждения и воссоздания каких-либо событий и в драматической форме в процессе реального восприятия участниками друг друга здесь и сейчас. Групповой процесс харак-

теризуется переменчивым взаимодействием между повествованием и драмой, между историями, которые рассказывают участники, и попутным драматическим взаимодействием их ролей. Процесс развития проявляется в переходе от речевых паттернов, на начальном этапе преимущественно повествовательных и описательных, к более зрелым формам, таким как рефлексивный диалог и дискурс, а затем к способности абстрагироваться и обобщать этот опыт на происходящее как в группе, так и вне ее. В этой последовательности мы можем видеть повторение основного паттерна развития ребенка, заключающегося в движении вовне, по направлению от центра *я*. *Я* в группе расширяется, «вбирая в себя» матрицу групповых отношений, и в то же время оно само становится частью этой матрицы и адаптируется к ней. Парадокс этой тенденции заключается в том, что, по мере того как интерсубъективная область углубляется и обогащается, участники, двигаясь по направлению от самих себя, становятся в большей степени самими собой.

Процесс символизации начинается с самого примитивного ощущения *я* в репрезентативной схеме младенца, когда он впервые проводит различие между *я* и другим. По мере того как репрезентативный мир младенца расширяется и экстернализуется, процесс символизации кодифицируется на языке, семантическое поле которого заполнено формами смыслов, тесно связанными с вызвавшими их индивидами и переживаниями. В работах Эллиотт, Джеймса и Нитсана из сборника «Психика и социальный мир» (Brown, Zinkin, 2000) все внимание уделяется этому раннему формирующему опыту. То, как ребенок разговаривает сам с собой, обращается к матери, взаимодействует с другом, разговаривает с куклой или встает для выступления в школьном классе, в каждом случае может быть различным. Все эти речевые формы могут возникать даже в диалоге между двумя людьми, поскольку, как сказал Уильям Джеймс, отношения являются разными степенями близости — просто быть рядом с другим — это вселенная дискурса (James, 1902). Однако, в то время как диалог может генерировать почти безграничный диапазон смыслов, условия психологии двух человек действуют как ограничение. В группе дискурс выходит далеко за рамки этого с помощью отношенческого поля, которое почти столь же богато и неопределенно, как и семантическое поле.

Через групповое взаимодействие отношенческое и семантическое поля, то есть матрица взаимодействий и матрица смыслов, начи-

нают создавать игру посредством друг друга, придавая новый смысл раннему символическому и репрезентативному опыту. Таким образом, язык является формой поведения в группе, способом обращения к опыту в группе и вне ее и способом преобразования опыта в группе.

Клинические иллюстрации. Монолог, диалог и дискурс

Свободно текущая дискуссия происходит через взаимодействие между повествованием и драмой, историей и обменом, реконструкцией и встречей. В группе реконструкция (отдельным индивидом или подгруппой) какого-либо события, травмы или другой истории может быть защитой от тревоги, связанной с тем, что участники сталкиваются лицом к лицу друг с другом. И наоборот, драма, связанная с непосредственной встречей, может стать защитой от болезненных историй, описывающих прошлый или недавний опыт.

Примеры, приведенные ниже, иллюстрируют преимущества понимания клинической картины с помощью простой практики, состоящей в том, чтобы задавать себе четыре вопроса: «Кто говорит? С кем он говорит? О чем он говорит, то есть о чем идет речь? И о чем он не говорит, то есть чего избегает, что скрывает или отрицает?»²

По мере того как одна речевая форма в ее повествовательной или драматической форме очевидным образом приобретает характер защиты, терапевт или другой участник группы исследует защиту, чтобы расширить то, что Фукс назвал *общей зоной*, и это переводит исследование в другую речевую форму, посредством которой оно может быть осуществлено.

Монолог

Виньетка 4.1

С кем ты говоришь?

На групповой сессии мужчина рассказывает об обстоятельствах, которые привели его в терапию. С нами он уже три сессии и начинает обретать голос. Но по мере того, как он говорит, внимание других участников ослабевает. Он не смотрит ни на кого конкретно; сначала он как будто обращается куда-то в пол, вниз, а затем на потолок; он прикладывает отчаянные усилия, но погружается в себя, и резонанс группы направлен против его погружения в себя, а не против его уси-

лий. Чувствуется, что он испытывает страдание, рассказывая о суицидальных попытках его жены, утрате любви и беспокойстве о детях. Несмотря на это, группа изначально сочувствующих слушателей проявляет все больше недовольства.

Сначала участники стремились задавать ему вопросы и отзывались на его рассказ восклицаниями и другими реакциями. Но говорящий выглядит равнодушным по отношению к своей аудитории, чья главная ценность, по-видимому, заключается в том, чтобы предоставить ему пространство для разговора с самим собой. Он еще не узнал близко других участников. Они служат ему прежде всего в качестве нарциссических контейнеров. Какое-то время они позволяют ему это, но через десять минут один из участников группы, кажется, задремал, другой смотрит в окно, третий смотрит на ведущего. Поскольку его монолог продолжается, два участника улыбаются друг другу и отводят взгляды. Через пятнадцать минут ведущий спрашивает говорящего, с кем он разговаривает. Пораженный словами ведущего и с некоторым ужасом, он смотрит на него и, запинаясь, отвечает, ну, в общем, с группой.

Комментарий

Это выглядит так, как будто этот участник оказался один на сцене без зрителей. Конфликт между содержанием его повествования и ограничениями его роли запустил процесс движения от центра самости вовне. Он признает невовлеченность, за которую он ответствен, но пока ему не хватает ресурсов для эмпатического общения. Проблема, с которой он сталкивается во внешнем мире, стала проявляться и в группе. Большую часть своей взрослой жизни он не жил для себя, тратил все свои ресурсы на заботу о других людях и часто стремился «договориться» с ними, когда, несмотря на все его усилия, эти люди пренебрегали им или не замечали его. Теперь он хотел бы, чтобы все было по-другому, но поскольку он поглощен настойчивой потребностью в эмоциональном тепле, которую он всю жизнь отрицал, у него теперь нет ресурсов, чтобы вступать в отношения, основанные на взаимности.

Чтобы найти слова, с помощью которых он смог бы достучаться до других, ему придется найти себя, и группа сначала предоставля-

ет ему пространство для этого и позволяет обнаружить его психологическую боль. Если терапия будет успешной, мы можем ожидать, что через несколько месяцев после ее начала, произойдут изменения в паттернах его общения в группе. В результате он сможет распространить эти изменения на отношения с семьей и людьми, входящими в круг его общения. *Группа — это арена, на которой проявляются первые отличия между психикой и социальным миром. Именно здесь может быть найден баланс между ними, чтобы изменить социальные отношения, что и составляет основной терапевтический запрос этого участника.*

В будущем, в ситуациях, когда он будет говорить, из подсказок группы он узнает, как устанавливать зрительный контакт, как стать менее замкнутым и как начать вовлекать людей в повествование, что сделает возможной эмпатию, то есть эмоциональную отзывчивость. *Чтобы его слушали, когда он рассказывает свою историю, ему нужно освоить другую роль.* Ему будет нужно оставлять для других участников время на то, чтобы они могли отреагировать, проявить свою заинтересованность по отношению к нему и его истории и дать ему возможность почувствовать, что они сотрудничают в пространстве общих интересов. Конечно, он не научится всему этому сразу, и в будущем будет много случаев, когда группа будет отвергать его монолог. Он снова будет использовать других участников в качестве нарциссических контейнеров, предоставляющих ему пространство, в котором он будет пытаться найти себя. Для него этот процесс самопознания будет идти рука об руку с открытием «непохожести» окружающих его людей. Опираясь на реплики ведущего, другие участники группы будут поддерживать вовлеченность данного участника в интегративный процесс, и тогда, ради возможности поделиться переживаниями, он сможет выдерживать кратковременный дискомфорт и чувство стыда, связанное с тем, что другим участникам придется его прерывать и конфронтировать с ним.

Виньетка 4.1 (продолжение)

Два года спустя тот же участник на групповой сессии много рассказывает о своих внутренних конфликтах и о своих проблемах во внешнем мире. В отличие от своей былой фиксированности на самом себе, теперь для вступления в беседу он выбирает подходящий момент, го-

ворит более короткими фразами, использует характерный для группы язык, связывает то, что он говорит, с тем, что, как ему известно, интересно другим участникам, и допускает паузы для ответа, чтобы его кто-то мог перебить.

Комментарий

Очевидно, что теперь он может использовать групповой процесс для своей внутренней работы. В ходе продвижения от монолога на раннем этапе к участию в групповом дискурсе этот участник учится преодолевать свою изоляцию в группе и неуклонно вырабатывает в себе способность делать это и во внешнем мире. Те новые способы взаимодействия, которым он учится в группе, вооружают его для жизни в большом мире, а не на его обочине. В настоящее время, несмотря на то, что характер и манера его самопрезентации в связи с вопросами контроля и его дистанцированности от группы продолжают вызывать недовольство других участников, он вполне вовлечен в работу группы на социальном уровне, и его внутренние конфликты и тревоги уже являются неотъемлемой частью общего процесса и таким образом открыты для понимания и разрешения.

Диалог

Именно этот переход от состояния частной отчужденности индивида к открыто признаваемому и общему социальному процессу и лежит в основе группового анализа. Фукс и Энтони назвали это состояние отчужденности индивида «языком симптома», который, «будучи формой общения, является аутичным», поскольку «тайно бормочет, надеясь быть услышанным» (Foulkes, Anthony, 1984, p. 259–260). Характерная речевая форма, возникающая в ходе диалога на втором уровне, проиллюстрирована обменом репликами в двух разных группах, в обоих случаях происходящим между двумя участниками. В первом случае описываются понятия *валентности* (введенное Бионом) и *отзеркаливания* (введенное Фуксом), которые определены и обсуждаются в главе 10, а во втором — понятия *проекции* и *проективной идентификации*, которые определены и обсуждаются в главе 14.

Валентность и отзеркаливание**Виньетка 4.2***Хороший отец и отец-насильник³*

Мужчина приблизительно сорока лет, который с помощью группы пытался оправиться от последствий развода, ближе к концу сессии поделился с нами пронзительным моментом отношений с дочерью-подростком, которая навестила его в выходные. Он рассказывает о том, как она начала говорить с ним о ее первой менструации. Он сообщает группе, что она сказала об этом и каким образом она это сделала. Участники говорят о том, как трогательны ее открытость с ним и доверие между ними. Он отвечает нам, что у его дочери были смешанные чувства: она была довольна, но также испытывала неловкость и смущение. Ее мать, то есть его бывшая жена, поддерживала ее в практическом смысле и эмоционально, и, рассказывая об этом группе, он тоже с готовностью это признает. Напротив него сидит женщина лет тридцати, которая, как и он, уже несколько лет в группе. Она единственная из семи участников группы, кто вообще ничего не говорит. По мере того как разворачивается его повествование и разные участники группы взаимодействуют с ним на разных уровнях и разным образом, она не сводит с него глаз. Она смотрит на него и внимательно слушает, у нее наворачиваются слезы, но дальше в своей реакции она не идет. Через неделю на следующей сессии она начинает общее обсуждение, рассказав нам, что не может выбросить из головы образ этого мужчины и его дочери.

Она очень хотела бы, чтобы у нее был такой отец, как он. Она не верила в возможность того, что молодая девушка может так сильно доверять своему отцу и обсуждать с ним развитие своей сексуальности. Она хотела бы побольше узнать об их отношениях, и, когда он отвечает ей, она подробно рассказывает свою, давно известную группе, но никогда не исследовавшуюся под таким углом историю об отношениях с отцом, который подвергал ее физическому и сексуальному насилию.

Комментарий

В ходе этого диалога мужчина, сидящий напротив, становится для нее объектом переноса — как хороший отец, о котором она всегда мечтала и которого у нее никогда не было. Она же, в свою очередь, дает ему

возможность восстановить в рамках группы утраченный аспект его я, состоящий в том, что он может быть доброжелательным и нежным по отношению к женщинам. Доброжелательность и щедрость, которые все более и более проявляются в нем как в хорошем отце, резко контрастируют с тем деструктивным человеком, которого мы узнали из его рассказов об отношениях с женой. Объектом интереса группы становится эмоциональный заряд, или валентность, между этими двумя участниками. В частности, еще одна женщина, чья история связана с неразрешенным эдиповым конфликтом, испытывает волнение и воодушевление, когда видит происходящее с этой парой. Она предлагает им себя в качестве фасилитатора и, когда они общаются друг с другом в группе, помогает им преодолеть тупики, которые возникают в ходе их дискуссии.

Разумеется, каждый из них разговаривает с группой как целым, но они проделывают это, обращаясь друг к другу. Они генерируют эмоции в группе как целом, но делают это под влиянием эмоций, вызванных их взаимодействием. Каждый в этой паре находит в другом отражение утраченного идеала соответствующих родительских интроектов. Они выбирают друг друга для общения, которое на некоторое время вызывает более сильные эмоции, чем взаимодействие между другими участниками группы, и благодаря этому каждый из них обеспечивает репаративное зеркало для утраченного аспекта другого. Однако в обоих случаях чувство, вызываемое у одного участника другим участником, является производным от принципиальных отношений первого участника с самим собой. Женщина воспринимает мужчину как своего идеализированного отца, и он сходным образом относится к ней как к зеркальному отражению женщин, слишком хорошо знакомых ему по жизненному опыту.

Для каждого из этих людей «непохожесть» проистекает из бессознательной первичной озабоченности своими внутренними объектами. Прежде чем они смогут относиться к другому человеку противоположного пола как к по-настоящему «другому» человеку, а не как к отражению их собственных внутренних образов, им предстоит проделать определенную работу. В следующем примере описывается взаимодействие, связанное с конфликтом между двумя участниками из-за несходства их позиций по поводу уровня близости в группе. Это происходит в тот момент, когда давние внутренние конфликты в некоторой мере разрешаются.

Виньетка 4.3

Как ты смеешь делать так, чтобы тебе снилось, что я убиваю твоего отца! Проекция и проективная идентификация

В группе между двумя участниками возникает тесная связь за счет взаимодополняющих ролей в их внешней жизни. Женщина поглощена отношениями с сыном, напоминающим второго участника. А мужчина воспринимает ее как свою мать, резкую и навязчивую. Возникающая валентность подразумевает антагонистическое напряжение между ними. Во время групповой встречи он рассказывает о своем сне, в котором она, ясно узнаваемая, душит его отца. По мере того как разворачивается эта история, женщина начинает гневаться и нервничать. Она в ярости из-за роли, которую исполняет в его сне, как если бы она была в нем описана, и считает, что мужчина выбрал содержание этого сна для сознательного нападения на нее и поэтому несет за это ответственность. Ее поведение в группе подтверждает роль чрезвычайно опасной фигуры, которую она занимала в его подсознании. Она нападает на него, и, защищаясь, он сам становится более агрессивным. Впоследствии терапевт содействует примирению с помощью небольшого наблюдения, которое по-настоящему поражает ее. «Это его сон и, если хотите, вы можете сделать из него выводы, но в конечном счете это его сон». В результате в дискурсе, в который включилась вся группа, исследуется враждебный диалог, последовавший за рассказом о сне, а женщина борется с осознанием того, что она пытается контролировать содержание психической жизни мужчины. С помощью проекций она удерживала в сознании образ этого человека, как будто он был ее сыном, и, когда в конце концов она это понимает и возвращает себе эти проекции, она плачет.

Комментарий

Враждебный катексис, возникающий между этими двумя участниками, — то, что Зинкин называет злокачественным отзеркаливанием, — пропадает. Это помогает избавить мужчину от тревоги, что женщина нанесет ему своими проекциями вред, так же как его мать причиняла ущерб его отцу. И это помогает ей справиться с сепарационной тревогой, связанной с потерей отношений с сыном. Зинкин исполь-

зует термин «злокачественное отзеркаливание», чтобы одновременно обозначить ситуацию, когда две разные проективные идентификации связаны симметричными отношениями друг с другом (Zinkin, 1983). Мы видим здесь, что именно в диалоге обнаруживается связь между опытом двух участников и устраняется негативная валентность между ними. Сон показывает, как мужчина жил со страхом того, что ему могут причинить физический ущерб, — с боязнью того, что проекции женщины могут сделать с ним, — и отождествлялся с этим страхом. Основой валентности этих участников стала проективная идентификация, и в данном случае злокачественное отзеркаливание явилось враждебным катексисом. В главах 10 и 14 представлены исследования этой динамики, а в таблице 10.4 представлено злокачественное отзеркаливание в контексте другой отзеркаливающей динамики.

В момент этой конфронтации она впервые воспринимает его как по-настоящему «другого» человека и освобождается через это осознание, хотя в течение некоторого времени она остается шокированной этим. Он также проходит через сходные переживания. Эти события позволяют ей перенести ее опыт в группе на жизнь во внешнем мире, в частности, на отношения с сыном, которого она удерживала рядом с собой своими проекциями на протяжении большей части его жизни и которого боится потерять.

Когда она начинает все это понимать, приходит в замешательство и в течение нескольких недель пребывает в группе в депрессивном состоянии. В свою очередь, когда мужчина становится свидетелем ее переживаний по поводу того, как она переносила на него свои отношения с сыном, у него возникает сострадание, и он впервые воспринимает ее как по-настоящему «другого» человека, а не как спроецированного представителя его разрушительной матери. Когда он начинает воспринимать ее как совершенно другого человека, у него появляется способность конструктивно относиться к ее потребностям, и это, в свою очередь, помогает ей понять, что она может получить, а не потерять, отказавшись от контроля над своим сыном. Репаративное качество этого взаимодействия оказывает глубокое влияние на обоих участников и, благодаря усилению резонансом, описанному в главах 1–2 и 10, репарация распространяется на всю группу в целом.

Дискурс

Приведенные выше примеры являются иллюстрацией свободно текущего характера групповой дискуссии по мере того, как она перемещается между всеми тремя речевыми формами, и при этом ведущий задает ей направление в минимальной мере. Вместо того, чтобы пытаться подтолкнуть общение в группе к тому или иному шаблону, ведущий рассматривает речевую форму, используемую группой как источник информации о происходящем в матрице. В приведенном ниже примере дискурс инициируется информацией, принесенной одним из участников группы, но при этом не возникает ни монолог, ни диалог. Дискурс подразумевает, что группа как целое поддерживает дискуссию и что индивидуалистические концепции имеют лишь ограниченную ценность в нашей попытке проанализировать ее.

Виньетка 4.4

Зависть по отношению к достижениям в группе

В группе, которая работает много лет два раза в неделю, мы все чаще становимся свидетелями развития и дифференциации участников. Однажды вечером один из участников, который пытался справиться с завистью его родителей к его молодости и их нападками на его индивидуацию, рассказывает, что наконец он достиг значимой финансовой цели в бизнесе, который он основал. Цифры поразительны и неожиданны, но на данный момент его достижение не получает того признания в группе, которого оно заслуживает.

Один из участников, столкнувшийся с серьезными финансовыми проблемами в собственной компании, замкнут и никак не реагирует, другой, выстроивший успешную карьеру, конструктивно исследует проблему, но в течение некоторого времени в ответах группы ощущается вялость, и, из-за их нежелания подтверждать успехи первого участника, они ведут себя как его родители, которые возмущаются тем фактом, что он стал успешным самостоятельно. Обсуждение перемещается в сторону одной из участниц, которая ждет ребенка. Она говорит о том, что ей трудно защитить свое положение в группе.

Больше всего поражает реакция двух других участниц на новости о беременности. Мы знаем, что первая участница изо всех сил пыталась зачать ребенка и, наконец, была вознаграждена здоровой беременностью. После этого одна из двух других участниц неожиданно поки-

нула группу, а третья женщина, мать маленького ребенка, теперь дает непропорционально большое количество советов, ссылаясь на внематочную беременность и другие несчастья.

Комментарий

За данным нарративом скрывается проблема зависти⁴. Все семь участников группы включаются в него по-разному, и в атмосфере чувствуется напряжение между аффирмацией, с одной стороны, и тревогой и антагонизмом, с другой. Участники годами совместно решали свои проблемы и действительно очень сблизились, они хотят подтвердить успехи друг друга. Несмотря на позитивные устремления, они переживают серьезные проблемы с завистью. В середине групповой сессии, через 45 минут после ее начала, ведущий предлагает интерпретацию напряженности как обеспокоенности участников их завистью к успехам друг друга и, возможно, стыда за собственную зависть к успехам других. Качество общения меняется, облегчение позволяет участникам раскрыться, и вторая половина групповой сессии посвящена глубокому исследованию зависти, ревности и стыда в близких отношениях.

Обсуждение таких переживаний в этой группе не является чем-то новым, участники привыкли исследовать вместе и менее приемлемые аспекты своих личностей. Предметом обсуждения могут быть разные вещи, начиная с зависти мужчин к творческому потенциалу женщин в связи с перспективой рождения ребенка у участницы группы вплоть до зависти женщин к потенции мужчин или к их пенисам, проявляющейся в реакции на финансовые и карьерные успехи. Ни одна из этих форм зависти не является исключительной для какого-то одного пола, что признается и обсуждается, как и осознаваемая некоторыми участниками острая обеспокоенность угрозой завистливых нападков со стороны окружающих их во внешнем мире людей, которые могут возникнуть по мере того, как участники развиваются в ходе терапии.

Групповое исследование является открытым и диффузным: нет единой повествовательной линии и нет единственного автора. Чтобы понять группу, мы должны рассматривать не просто текст ее нарратива, но и текстуру ее дискурса. На этом этапе в зрелой группе мы видим, что «ведущий стремится расширить и углубить выразительный диапазон всех участников, одновременно увеличивая их понимание более глубоких, бессознательных уровней» (Foulkes, 1964, p. 112).

В текстуре дискурса мы обнаруживаем то, что Фукс назвал *общей зоной*, которая более подробно обсуждается в главе 1:

Общая зона — это зона, в которой все участники могут участвовать в работе группы и учиться понимать друг друга. *Зона общения* должна включать в себя опыт каждого участника таким образом, чтобы его могли разделять и понимать другие участники, на каком бы уровне ни происходила его передача.

(Foulkes, 1964, p. 112; курсив мой. — Дж. Ш.)

Комментарий

Зона общения в этой группе теперь содержит разделяемый всеми страх перед завистью других и разделяемое чувство стыда от признания своей собственной зависти. Это приводит к признанию того, что поддержка развития и некоторые другие формы невроза, обсуждаемые в группе, являются попытками упреждения зависти (Kreege, 1992). Здесь нас интересует то, каким образом приходят к этому пониманию. Один участник рассказал о своих успехах на работе, что через групповые ассоциации побудило участницу упомянуть свою беременность. Первый ввел предмет — двойственное отношение к продвижению, связанное с внутренним конфликтом и страхом перед внешней атакой, — другая почувствовала отклик на это. Эта тема была усилена резонансом в группе как целом, что позволило расширить исследование. С момента введения этой темы, пока осуществлялись ее усиление, исследование, анализ и разрешение, имела место всего одна сфокусированная, но краткая интерпретация ведущего, которая отделила его от других участников, но в остальном за продвижение в группе был ответствен дискурс. Вклад в дискурс участника, который начал разговор, был не больше, чем любого другого, но он все время оставался рядом. Тема, которая задала групповой фокальный конфликт (Whitaker, Lieberman, 1964) на этой сессии, имела в своей основе тревогу относительно того, может ли группа относиться к своим участникам как порождающий, а не как завистливый родитель и признавать их достижения. Для того чтобы группа как целое воспринималась в таких позитивных терминах, каждому из ее участников необходимо было обнаружить свой собственный вклад в разрушительную зависть, которой они ждали от других.

Мы не смогли бы воспользоваться реальными преимуществами группового анализа, если бы сосредоточили свое внимание только на содержательном анализе текста. Попытка охарактеризовать подобную дискуссию требует концепций, которые описывают не только текст, но и контекст, не только форму, но и текстуру, не только фигуру, но и фон, не только динамику личности, но и групповую атмосферу. К сожалению, из-за трудностей, с которыми мы продолжаем сталкиваться, описывая сложность групповых взаимодействий, теория группанализа до сих пор так и не научилась характеризовать групповой процесс подобным образом (Skynner, 1986/1994). «Наши концепции и технические термины, — считает Балинт, — были придуманы, исходя из физиологических установок и, как следствие, в высшей степени индивидуалистичны, они не выходят за пределы индивидуального сознания» (Balint, 1950/1985, p. 228). Теория дискурса должна помочь прояснить, «как «внутренняя (ментальная)» и «внешняя» реальность сливаются в общей матрице межличностной социальной реальности, из которой они изначально выделились» (Foulkes, 1964, p. 98). Предложенное в этой работе различие между отношенческим и семантическим полями теперь может помочь нам концептуализировать изменения.

Изучая их взаимодействие,

...становится легче понять наше утверждение о том, что группа ассоциирует, отвечает и реагирует как целое. Группа как бы пользуется сначала одним оратором, затем другим, *но все это время сенсibilизируется, высказывается или отвечает межличностная сеть. В этом смысле мы можем постулировать существование группового «сознания»* так же, как мы постулируем существование индивидуального сознания.

(Foulkes, 1964, p. 118)

Групповое «сознание» теперь можно понимать как совокупность его семантических и отношенческих элементов.

От кушетки к кругу. Эволюция техники

Лечение разговором Фрейда и первое основное правило психоанализа

В статье Брауна подробно описывается, как в метапсихологию психоанализа под влиянием теории объектных отношений были внесены изменения (Brown, 1994). Я обеспокоен последствиями, которыми эти изменения обернутся для клинической теории. Еще в начале своей карьеры, сотрудничая с Брейером, Фрейд обнаружил, что важнейшим компонентом лечения истерии был не гипноз, а словесные свободные ассоциации, то, что одна из его пациенток назвала «лечением разговором». Его первоначальная идея, «что нужно рассказывать все, что приходит в голову» (Freud, 1911–1915, p. 107), была позднее выдвинута как «основное правило психоаналитической техники» (там же).

Правило, которое структурирует аналитическую ситуацию: анализанда просят говорить то, что он думает и чувствует, ничего не выбирая и ничего не опуская из того, что ему приходит в голову, даже если ему кажется, что говорить это неприятно, смешно, неинтересно или неуместно.

(Laplanche, Pontalis, 1983, p. 179)

Аналитические отношения, предписанные этим правилом, подчеркивают его лингвистическое содержание, устанавливают нейтральность аналитика и способствуют регрессии пациента. У этого правила есть еще одно следствие, которое, как и использование кушетки, осталось от метода гипноза, из которого психоанализ развился, — работа в рамках метода ограничивается монологом пациента.

Парадигмой Фрейда была психология внутриспсихических драйвов, построения которой относились к психологии одного человека, занимавшейся изолированным индивидом. Чтобы оградить себя от неудобных взаимодействий с пациентами и не находиться у них на виду, он продолжал использовать кушетку, что также было полезно для лечения, поскольку позволяло минимизировать загрязнение свободных ассоциаций диалогом (Freud, 1911–1915, p. 134).

Критика классической теории оспаривает именно эти ограничения. Балинт «за отсутствием лучшего термина», что имело важные последствия для языка, вводит понятия «*объект или объектные от-*

ношения» и делает на них упор на том основании, что «все наши понятия и технические термины», кроме этих двух, «были придуманы, исходя из физиологических установок и... очень индивидуалистичны, они не выходят за пределы индивидуального сознания» (Balint, 1950/1985, p. 226, 228). Сегодня концепция контрпереноса преобразована в ценный клинический инструмент. Субъективность аналитика вынесена на терапевтическую арену в качестве важного ресурса, а не как нечто вторгающееся и причиняющее беспокойство, по мнению Фрейда, и свободные ассоциации, избавленные от ненужной теории драйвов, переосмыслены в контексте психологии двух человек, ориентированной на диалог между пациентом и аналитиком (Lewis, 1990b), на «взаимосвязь между двумя индивидами... постоянно меняющееся и развивающееся объектное отношение», на «ситуацию с двумя индивидами» (Balint, 1950/1985, p. 231).

Развитие Фуксом концепции свободно текущей дискуссии

В этом же направлении Фукс идет еще дальше, предлагая клинический метод, который позволяет участвовать в ассоциативном процессе трем психологическим объектам. Свободно плавающая дискуссия опирается на то, что он назвал своей «моделью трех». Хотя максимальное количество участников того, что будет правильным назвать группой, не ограничено и спорно, минимальное число участников в ней равно трем. Между диадическим опытом пары и групповым опытом триады лежит такая же глубокая пропасть, как между одним человеком и двумя. Каким бы ни был размер малой терапевтической группы, модель трех задает основную эмоциональную структуру. Количество участников в группе не ограничено, и в ней может быть более одного ведущего. Но есть только три категории психологических объектов — *индивид, ведущий и группа как целое*. В ограниченном этими тремя объектами пространстве мы обнаруживаем психологию трех человек в действии.

Как и Фрейд до него, Фукс сначала разработал свой метод, а затем назвал его — «своего рода групповой ассоциативный метод». Фукс описывает опыт его применения намного раньше, чем приходит к самому термину. Впоследствии он часто возвращается к нему, вносит уточнения и изменения, вспоминая, что изначально относился к ассоциациям участников группы как к индивидуальным. Только позже он стал «осознавать, что то, что продуцирует группа, мож-

но рассматривать как эквивалент свободных ассоциаций индивида, но *со стороны группы как целого*» (Foulkes, 1964, p. 117).

Если человек позволяет «плавающему вниманию», как его назвал Фрейд, автоматически регистрировать свои наблюдения, он начинает со временем реагировать на перепады «давления» и «температуры» с такой же чувствительностью, как любой барометр или термометр, рисуя нечто похожее на внутренний график изменений на «записывающем устройстве» в мозгу терапевта.

(Foulkes, Anthony, 1984, p. 142)

Групповая матрица является «функциональной основой всех взаимоотношений и коммуникаций» (Foulkes, 1964, p. 118). У нее есть отношенческое и семантическое поля. Благодаря взаимодействию этих двух полей свободно текущая дискуссия позволяет «создать постоянно расширяющуюся зону взаимопонимания внутри группы» (ibid., p. 116), в которой Фукс видит ее явное содержание. Понятно, что это соотносится со скрытым значением, «как явное содержание сна связано со скрытым содержанием» (ibid., p. 118).

В ходе группового обсуждения симптомы (явное содержание) переводятся в их значение (скрытое содержание), и это:

...«превращает движущие силы, которые таились за ними, в [новые] эмоции... участники учатся новому языку, на котором раньше они говорили только неосознанно», в ходе чего «они [становятся] активными участниками своего собственного процесса исцеления» и претерпевают изменения на разных уровнях.

(Foulkes, 1964, p. 176)

Группаналитик работает в качестве ведущего, терапевта и участника группы, осуществляя динамическое администрирование группы и инициирование свободно текущей дискуссии. В новой группе он принимает на себя более активную роль и допускает «*decrescendo*» своей роли по мере того, как влияние группы на процесс нарастает. Он отвечает за выявление нарушений в групповом процессе — то, что Фукс называет локализацией, — и за обеспечение баланса между аналитическими (нарушающими равновесие) и интегративными силами по мере того, как явное содержание переводится на язык, описывающий бессознательное. Перенос важен, но работа ведется в динамическом настоящем. То, как сам Фукс описывает ведущего за работой, дает нам яркое представление о клинической роли послед-

него, которая резко контрастирует с тем, что Фрейд говорил о работе психоаналитика, сидящего позади кушетки (Freud, 1911–1915, p. 134).

Он относится к участникам группы как к взрослым, находящимся на одном с ним уровне, и является примером для них. Вместо того чтобы проповедовать, он дает образец желаемого поведения... делает акцент на «здесь-и-сейчас» и способствует терпимости и пониманию индивидуальных различий... [Он] олицетворяет и поощряет контакт с реальностью, здравый смысл, терпимость, понимание, инсайт, катарсис, независимость, откровенность и открытость новому опыту. Это происходит посредством живого корректирующего эмоционального опыта.

(Foulkes, 1964, p. 57)

В разрез с фрейдовским фундаментальным правилом индивидуальной практики, описанном выше, групповой аналитик не только анализирует, но и поддерживает, лингвистическое же содержание терапевтических отношений не играет такой значимой роли. Регрессия может возникнуть, но она уравнивается развивающей ролью, которую участники начинают играть в процессе своего исцеления и взаимного развития. Наконец, группаналитик не является ни нейтральным, ни отстраненным. Качество его включенности очевидно, так же как его готовность сохранять свою человеческую позицию, которая будет служить образцом для участников группы. Клинические рекомендации Фукса ведущему можно обобщить как ответственность за развитие дискурса (Foulkes, 1964, p. 57).

Заключение. На пути к теории дискурса

Виньетка 4.5

*Пустой дом без сексуальности. Желание может привести к катастрофе**

Группа, встречи которой проходят дважды в неделю, впервые собирается после рождественских каникул. У ее участников есть схожие трудности в завязывании или поддержании отношений. Джоан сообщает, что каникулы она провела ужасно. Это была просто катастрофа

* В оригинале используется ряд идиом: empty house — «пустой дом», bring the roof down — «обрушить крышу», roof caved in — «обрушившаяся крыша».

фа. Сьюзен говорит, что ей тоже было довольно дерьмово. Адам говорит, что его каникулы прошли фантастически. Он совсем не общался со своей новой девушкой. Вместо этого он уехал в заграничную командировку с другой девушкой, старой знакомой, которая для него не так важна и с которой у него не было близких отношений. Он больше не считает свою девушку привлекательной, и, хотя они разговаривают по телефону каждый день, он был рад, что ему не пришлось проводить каникулы с ней. В то время как за границей с новой девушкой между ними быстро разгорелась страсть. Энн подхватывает в одном случае образ огня страсти, а в другом — катастрофы. Она отмечает параллели между ними, остальные соглашаются с ней. Группа подводит Адама к идее, что теперь он обращается со своей девушкой точно так же, как одна из его предыдущих партнерш обращалась с ним. На место симпатии, о которой он когда-то говорил нам, теперь пришло отвращение. Одна мысль о том, чтобы находиться рядом с ней, для него была невыносима. Он много рассуждает о влечении и отвращении. Сьюзен говорит, что слишком хорошо понимает, что он имеет в виду, когда говорит про потерю сексуального желания, и, когда она сама чувствует что-то подобное, ее муж ничего не может с этим поделать. Им просто нужно подождать, пока ее сексуальность не вернется.

На последней встрече перед Рождеством Джоан рассказала нам, насколько сильно она себя чувствует любимой своим партнером. Пока он был в командировке, он прислал ей цветы и прелестную записку. Но как только они воссоединились на Рождество, случилась катастрофа. Он был рядом, но как будто далеко. Участники группы хорошо ее знают и задаются вопросом, не была ли она тем, кто «сбежал первым». Как только в группе поднимается тема влечения и отвращения, близости и отстраненности, обсуждение проникается новым духом принятия и признания. Адам готов признать, что ему сложно почувствовать влечение к кому-нибудь, если в их отношениях есть хоть какая-то искренность. Если объект его желания находит его привлекательным, отвечая взаимностью, он немедленно перестает чувствовать влечение. Его собственное желание становится ему отвратительным. Он не может вынести отношений двух искренних людей. Если им слишком хорошо вместе, то огонь страсти оборачивается катастрофой.

get on like a house on fire — «наслаждаться обществом друг друга», vacate the house — «освободить дом», whole heart — «от всего сердца», the house on fire brings the roof down — «в объёме пламенем доме рушится крыша» — все они связаны с образами дома, крыши и огня.

Комментарий

Группа не занимается ни маниакальной склонностью Адама убежать от отношений, ни депрессией Джоан, ни расстройством сексуальности Сьюзен, ни реакцией группы как целого на недавние рождественские каникулы. Не касается и общих проблем с отношениями, которые участники отзеркаливают друг другу. Она занимается всем этим одновременно, и, поскольку отношенческая матрица создает семантическое поле, это, в свою очередь, помогает трансформировать отношения как в группе, так и за ее пределами. В этом семантическом поле происходит сгущение смыслового содержания с помощью ряда ключевых образов, возникающих в процессе игры слов. Расстройство сексуального влечения — это пустой дом, страсть приводит к катастрофе, желание может обратиться своей противоположностью, два горячих сердца могут потушить любую страсть. Групповой процесс — это не просто серия статичных изображений, как мы это здесь описываем. Ощущение глубины нарастает по мере того, как ход дискурса — теперь уже цепной реакции связанных друг с другом образов — развивает символический язык, который позволяет вывести на поверхность сложные отношения между надеждой и страхом и со временем их разрешить.

Виньетка 4.6

Мы обсуждаем кошмар или «кошмар»?

В группе пар, состоящей из трех пар и двух терапевтов, на протяжении нескольких недель в центре обсуждения находилась одна пара. До того как присоединиться к группе, они разошлись и несколько раз сходились, казалось, в каком-то непостижимом паттерне ссор и примирений. Сессия, которая приводится здесь, знаменует собой поворотный момент в их конфликте. Некоторое время назад мужчина решил, что им следует расстаться, и теперь он хочет, чтобы женщина съехала из дома.

На групповой сессии он рассказывает сон, в котором вместе с ней плывет на роскошном океанском лайнере. Он оставляет ее в каюте и поднимается по трапу, который выглядит так, как будто куда-то ведет, но ведет он за борт. Он падает в море, и лайнер уплывает прочь. Поблизости есть небольшая лодка, к которой он и плывет. Барахтаясь в воде, он замечает красный флаг, плавающий рядом. Он пытается

ся дотянуться и до красного флага, и до лодки, но течение мешает ему. Он понимает, что погнавшись за обоими, он потерял все, и теперь ему суждено утонуть. Один из мужчин предлагает сновидцу поделиться своими ассоциациями к сновидению. Когда тот начинает это делать, третий мужчина включается в дискуссию, предлагая свои ассоциации, основанные на другой системе образов. Затем в дискуссию вступают три женщины. Женщина, которая боится быть брошенной, почти не интересуется сном. Ее гораздо больше заботит, где она будет жить, если мужчина настоит на том, чтобы она ушла. Две другие женщины занимают ее сторону. Между мужчинами и женщинами разворачивается диалог о том, в какую сторону должна пойти дискуссия: мужчины хотят разобрать образы из сна, а женщины хотят обсудить собственно конфликт в отношениях.

После долгой и напряженной перепалки, в которую был внесен и материал двух других пар, первый мужчина напоминает, что сын сновидца недавно прислал этой паре несколько красных роз в знак надежды на их примирение. Группа с удивлением узнает в этих розах красный предупреждающий флаг. Дискурс оживляется, и к концу групповой встречи ведущий предлагает интерпретацию, которая расширяет это понимание. Он предполагает, что сновидец, как и другие участники группы, глубоко привязан к своей жене и во сне обнаруживает, что, если он заставит ее пройти по доске*, то сам окажется за бортом. Мужчина с облегчением смеется от того, что его понимают, а женщина не знает, смеяться ей или плакать, и переводит взгляд с него на терапевта, говоря: «Да, да, да». В благоприятной и шутиливой атмосфере обсуждение продолжается до конца сессии. В последующие недели эти образы всплывают снова и снова, по мере того как пара освобождается от своих проблем, и их вновь обретенные чувства становятся подспорьем для других пар в разрешении их конфликтов.

Комментарий

Обсуждение переходит из монолога в диалог, в дискурс и обратно. Поскольку мы двигаемся между регистрами непосредственного и описанного опыта, в каждой из этих речевых форм находится место и драма-

* Идиома *walk the plank* — «пройти по доске» означает «быть сброшенным в море» и восходит к способу казни, используемому пиратами.

тическому, и повествовательному началам. Работа языка порождает мутативные метафоры, которые возникают мгновенно, но могут сохранять свое значение на протяжении всей последующей жизни.

В такой момент происходит следующее.

Чувство таинственности, удивления и уникальности... превосходит описательные способности любых методик... Нам краешком глаза удастся заглянуть в терапевтическое пространство. Это подчеркивает извечное притяжение архаического. Это неотъемлемая часть психотерапевтического процесса: пациент приближается к своим истинным чувствам настолько, насколько осмеливается... Метафора дает возможность обратиться к тем архаическими темам, к которым тяготеет весь наш опыт.

(Cox, Theilgaard, 1987, 17, p. 9)

Изначально в этой группе сновидение предстает как разговор с самим собой, способ поразмышлять вслух о жизнеспособности отношений и страхе сепарации. Затем оно становится предметом диалога, сначала между мужчиной и его женой, а затем между мужчинами и женщинами в группе, поскольку все они заняты критическим переосмыслением своих отношений. На протяжении всей сессии сновидение является предметом дискурса, приводя к моментам истины, когда группа работает как хор в античной драме, публичностью бросая вызов лукавству отдельного человека и поддерживая осознание чего-то важного индивидом посредством публичного признания. Свободно текущая дискуссия содержит все три речевые формы, но делает нечто большее, чем просто предоставляет прямой доступ к первичному процессу. Она также является средством, с помощью которого анализируются и исследуются ассоциативные паттерны, создаются новые формы смысла и из набирающего обороты цикла групповой общности возникает новое чувство индивидуальности.

Примечания

1. Данная глава была впервые опубликована под таким же названием в сборнике: *The Psyche and the Social World* / Eds D. Brown, L. Zinkin. London: Routledge, 1994. Сборник был переиздан в 2000 году издательством «Jessica Kingsley Press», которому я вы-

- ражаю признательность за разрешение на переиздание. Этот текст также готовится к публикации в сборнике под редакцией Маратоса (2015).
2. Эти вопросы задают рамку для изучения содержания того, что обсуждалось в группах. В главе 11, они переработаны в шесть ключевых вопросов, используемых для того, чтобы прийти к соприкосновению с чем-то важным в повествовании.
 3. Эта виньетка возвращается к истории, впервые рассказанной в виньетке 1.2, что позволяет взглянуть на зеркальную динамику с разных сторон.
 4. Есть две диссертации, посвященные группаналитической работе с завистью: *Graham R.* Mind the Gap: A Group-Analytic Perspective on Envy. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London, 2003; и *Sharp M.* A Call to Arms: Envy and Gender in the Small Group-Analytic Group. Dissertation for Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis, 2015.

Литература

- Agazarian Y., Peters R. (1981). The Visible and Invisible Group. London: Routledge.
- Aveline M., Dryden W. (Eds). (1988). Group Therapy in Britain. Milton Keynes: Open University Press.
- Balint M. (1950). Changing Therapeutical Aims and Techniques in Psychoanalysis // International Journal of Psycho-analysis. V. 31. P. 117–24. Reissued in: Primary Love and Psychoanalytic Technique. London: Hogarth Press. Reprinted: London: Maresfield Library, 1985. P. 221–235.
- Barnes B., Ernst S., Hyde K. (1999). An Introduction to Groupwork: A Group-Analytic Perspective. London: Macmillan.
- Bateman A., Brown D., Pedder J. (2010). Introduction to Psychotherapy: An Outline of Psychodynamic Principles and Practice. 4th Ed. London: Routledge.
- Behr H., Hearst L. (2005). Group Analytic Psychotherapy: A Meeting of Minds. London: Whurr.
- Bion W. (1988). Attacks on Linking // E. B. Spillius. Melanie Klein Today. Vol. 1. London: Routledge. P. 87–101.
- Bion W. (1961, reissued 2000). Experiences in Groups. London: Routledge.
- Brook P. (1990). The Empty Space. London: Penguin.

- Brown D. (1994, 2000). *Self-Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Brown D., Zinkin L. (Eds) (2000). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Æolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- De Maré P. (1991). *Koinonia: From Hate Through Dialogue to Culture in the Large Group*. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles*. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Friedman R. (2008). Dreamtelling as a request for containment: Three uses of dreams in groups // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 53 (3). P. 327–344.
- Friedman R. (2011). Dreams and dreamtelling: a group approach // J. Kleinberg (Ed.). *Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Wiley: Chichester. P. 479–497.
- Freud S. (1900). *The Interpretation of Dreams* // S. E. IV–V. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1911–1915). *Papers on Technique* // S. E. XII. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1912). *The Dynamics of Transference* // S. E. XII. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1913). *On Beginning the Treatment: Further Recommendations on the Technique of Psychoanalysis* // SE XII. London: Hogarth Press.
- Gay P. (1989). *Sigmund Freud: A Life for Our Time*. London–New York: Macmillan.
- Graham R. (2003). *Mind the Gap: A Group-Analytic Perspective on Envy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis–Birkbeck College, University of London.
- James W. (1902, reissued 2010). *Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901–1902. New York: Library of America Classics.

- Kohon G. (Ed.) (1986). *The British School of Psychoanalysis: The Independent Tradition*. London: Free Association Books.
- Korzybski A. (2002). *General Semantics Seminar 1937*. 3rd ed. Brooklyn, New York: Institute of General Semantics.
- Kreege L. (Ed.) (1975). *The Large Group*. London: Constable.
- Kreege L. (1992). Envy Pre-emption in Small and Large Groups. 16th S. H. Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 25. P. 391.
- Kris A. O. (1990). The Analyst's stance and the Method of Free Association: Sigmund Freud Birthday Lecture of the Anna Freud Centre, 1989 // *Psychoanalytic Study of the Child*. V. 45. P. 25–41.
- Laplanche J., Pontalis J.-B. (1983). *The Language of Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press.
- Lewis A. (1990a). Free Association and Changing Models of Mind // *Journal of the American Academy of Psychoanalysis*. V. 18 (3). P. 439–459.
- Lewis A. (1990b). One Person and Two Person Psychologies and the Method of Psychoanalysis // *Journal of Psychoanalytic Psychology*. V. 7 (4). P. 475–485.
- Maratos J. (Ed.) (2015). *Group Analysis for the 21st Century: Foundations*. London: Karnac.
- Moffet J. (1968). *Teaching the Universe of Discourse*. Boston: Houghton Mifflin.
- Pines M. (1982, 1998). Reflections on Mirroring: Sixth Annual Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 15. Supplement; Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis. London: Jessica Kingsley. P. 17–39.
- Pines M. (1987). Introduction // M. Cox, A. Theilgaard. *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Æolian Mode*. London: Jessica Kingsley. P. xxiii–xxv.
- Rickman J. (1950). The Factor of Number in Individual and Group Dynamics // J. Rickman (1957). *Selected Contributions to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 165–169.
- Rycroft C. (1985). *Psycho-Analysis and Beyond*. London: Hogarth Press.
- Sandler J. (Ed.) (1988). *Projection, Identification, Projective Identification*. London: Karnac.
- Scharff D. and J. (1991). *Object Relations Couple Therapy*. Northvale, N.J.: Jason Aaronson.
- Sharp M. (2015). *A Call to Arms: Envy and Gender in the Small Group-Analytic Group*. Dissertation for Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis London.

- Skygger A. C. R. (1986, reissued 1994). Group Analysis and Family Therapy // J. Schlapobersky (Ed.). Explorations With Families: Group Analysis and Family Therapy. London: Routledge. P. 231–235.
- Whitaker D. S. (2001). Using Groups to Help People. London: Routledge.
- Whitaker D. S., Lieberman M. A. (1964). Psychotherapy Through the Group Process. London: Tavistock.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). The Theory and Practice of Group Psychotherapy. 5th Ed. New York: Basic Books.
- Zinkin L. (1983). Malignant mirroring // Group Analysis. V. 16 (2). P. 113.

Глава 5

Речь и тишина в психотерапии

*Нужны лишь клевер и пчела**

Нужны лишь клевер и пчела
Чтоб прерия цвела,
Лишь клевер и пчела,
И чтоб мечта была.
Мечты достаточно причем,
Коль мало пчел.

(Emily Dickinson, 1959, p. 204)

*Звуки тишины***

Здравствуй, тьма, мой старый друг.
Я снова пришел с тобой поговорить,
Потому что видение тихо
Прокралось в мой разум, пока я спал.
Оно засело там и проросло, оставаясь,
В звуках тишины.
И в ярком свете я увидел
Десять тысяч человек, а может и больше.
Люди, что говорят без слов,
Люди, что слышат, не слушая,

* Дикинсон Э. Нужны лишь клевер и пчела... // А. Л. Величанский. Охота на эхо. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 116.

** Подстрочный перевод.

Люди, что пишут песни, которые никогда никто не поет.
Никто не смел
Нарушить звуки тишины.

(Paul Simon, 1965)

Звуки тишины

На первый взгляд может показаться, что тишина в психотерапии — это забавный парадокс¹. Много ли можно сказать о чем-то столь незначительном? Но тишина — это совсем не мелочь, особенно когда дело касается групп. Брукс делает интересное замечание:

Молчание — обычное дело в групповом анализе. В свободно текущей дискуссии участники высказываются примерно по очереди, и в любой отдельно взятый момент времени всегда будет больше участников, которые молчат, чем тех, которые говорят. К сожалению, этому очевидному аспекту группанализа уделяется недостаточное внимание. Как в рамках группанализа нам лучше понять и использовать тишину?

(Brooks, 2009, p. 5)

В этой главе мы попытаемся ответить на этот вопрос Брукс. Когда тишина — это отступление, когда это нападение, а когда не более чем время без слов? Когда речь приводит к открытиям, когда слова только отвлекают, а когда истина скрывается за самими словами, которыми она выражается? Изучая эти вопросы, я расширю приведенный ниже в этой главе обзор Хэддока, добавив к нему еще несколько видов молчания. Это молчание темы, которую не обсуждают, эмоции, которую не осознают, проблемы, которую не видят, достижения в терапии или вне ее, которое не получает признания. И за всем этим — молчание наших пациентов или клиентов, их явная инаковость и все то в их жизнях, о чем мы ничего не знаем. Чтобы лучше понять, о чем идет речь, обратимся к аналогиям из других сфер жизни. Издатель, который распределяет слова по книжному листу, или музыкант, который считывает символы с листа, чтобы обратить их в звуки, имеют дело с пространством и структурой. Текст и музыка обозначаются символами в пространстве во времени. Эти соображения являются ключевыми для психотерапии, так же как и для изучения других форм коммуникации. Рассмотрим структуру колеса,

обычного велосипедного колеса. Большую его часть, как и большую часть атома, занимает пустота. Его твердые составляющие – это лишь втулка в центре, обод по периферии и тонкие спицы, которые их соединяют. Большая часть объема, которое колесо занимает, отведено пустоте. В групповой психотерапии пространства тишины во внутренних и межличностных мирах, «пространствах внутри» и «пространствах между», обозначенные пустотой, связываются непрочной на вид структурой слов.

Иллич полагает:

Многозначительные паузы между звуками и между высказываниями становятся светящимися точками в невероятной пустоте: как электроны в атоме, как планеты в солнечной системе. Язык подобен веревке тишины со звуками-узлами... в которых говорит пустота. Таким образом, чтобы понять другого человека, нам нужно слушать не столько его слова, сколько его молчание. Не столько наши звуки передают смысл, сколько мы даем себя понять через паузы. Изучение языка – это изучение его тишины в намного большей степени, чем его звуков.

(Illich, 1971, p. 46)

Хэддок пишет:

Чтобы понять тишину в группах, необходимо рассматривать ее с разных точек зрения. Есть молчание диады в индивидуальной психотерапии, молчание отдельного индивида в группе и молчание целой группы. Есть также молчание терапевта или ведущего, молчание в больших группах и, если отвлечься от терапевтической тематики, существуют социокультурные и религиозные воззрения на молчание.

(Haddock, 1992, p. 2)

Виньетка 5.1

Кто сказал, что это не работает?

Дуглас присоединился к группе, встречающейся два раза в неделю, после восемнадцати месяцев подготовительной индивидуальной психотерапии. На протяжении двух лет он вел себя как преданный участник, прежде чем поделился одной из важнейших причин, по которой

он присоединился к группе. Он был геем и до терапии его опыт отношений был только неудачным. Они не приносили ему ни удовольствия, ни комфорта, ни близости, ни товарищества. Во время его индивидуальной терапии мы тщательно исследовали эти вопросы, но в группе, чтобы соблюсти его границы, я не поднимал эту тему, и в течение двух лет мы молчали о его секрете. Поначалу он вел себя очень тихо, держался в стороне. То немногое, что он рассказывал о себе, было связано с его злоупотреблением веществами, включая алкогольную и кокаиновую зависимость, с финансовой империей, которой он управлял из своего офиса, с его любовью к спорту и скорости, с его страстью к горным лыжам. Его признание в гомосексуальности было с удивлением встречено остальными участниками группы, особенно женщинами, которые считали его привлекательным. К тому времени он стал увереннее и решительнее, чем и заработал себе репутацию «мужчины-громкоговорителя». Тонем, не допускающим возражений, он вносил в группу инсайты, которыми бросал вызов всем, включая меня. Нисколько не церемонясь, он ставил под сомнение, может ли этот процесс ему помочь. По мере того как в группе он смягчался, он стал способен на близость и эмоциональный обмен и нашел связи, которые могли его поддерживать. Мы узнали, что он регулярно посещал тренажерный зал, чтобы надолго погружаться в темноту и безмолвие камеры сенсорной депривации.

Комментарий

Здесь мы смотрим с другой стороны на то, что люди находят в различных видах молчания, к которым обращаются, ища покоя. Кто-то предпочитает тишину подводного плавания, кто-то говорит о тишине прыжка с парашютом или полета на дельтаплане, когда ты вишишь в тысячах футов над землей, третьи ищут тишину, плавая на парусных лодках или глассерах. Живопись — это безмолвное искусство. Посещение библиотеки, чтение в одиночестве, бег на длинные дистанции или другие формы тренировок в большинстве случаев проходят в тишине. Кто-то ищет тишины в медитации и йоге, а кто-то находит ее в молитвах и религиозных практиках. Все это различные формы добровольного ухода в себя, которые делают возможными индивидуацию, рост, а для некоторых также и духовное развитие.

После пяти с половиной лет терапии, почти через семь лет после того, как он впервые пришел ко мне, Дуглас наконец покинул группу. Он освободился от своих зависимостей и стал совершенно иначе относиться к себе и к другим участникам группы. Он перестал держаться особняком, кончились его яростные нападки на других и провокационные вопросы об эффективности терапии, регулярность которых делала их просто невыносимыми. К тому времени, когда он покинул группу, он уже был важным участником того узкого кружка, в котором мы работали над детскими травмами, боролись с чувством одиночества и брошенности, в том числе ощущением угрозы, которую участники чувствовали со стороны собственных родителей. Дуглас нашел и поделился с нами пониманием своей детской травмы, что принесло ему большое облегчение. Его острый ум стал достоянием всей группы. Но мы все еще знали очень мало о его текущих близких отношениях.

И здесь мы сталкиваемся с тишиной другого рода, тишиной связанной с незнанием о том, что происходит в жизни наших бывших пациентов после терапии.

Через два года после того, как Дуглас покинул группу, я получил от него открытку, которая была адресована группе и мне лично. Она была отправлена с горнолыжного курорта в Австрии и представляла собой фотографию двух лыжников, пойманных в головокружительном прыжке. Сверкающая на солнце полоска снега протянулась от обеих пар лыж. Эта картина оставляла впечатление идеальной гармонии. На обороте было всего семь коротких слов: «Кто сказал, что это не работает?». А затем «Спасибо» и подпись. Это всё, что я от него получил, больше я о нем ничего не слышал. Да и нужно ли что-то еще? Безмолвие фотографии является прекрасным симметричным ответом на его вопрос.

Когда слов не хватает

Такие эмоции, которые приносят облегчение, как в случае Дугласа, трудно описать. В нашей работе они становятся возможными, поскольку происходят благодаря вовлеченности и изменениям на глубинных уровнях. Многие из тех, кто обращается к нам, испытывают боль, в которой есть много «потерянных» элементов. Многие имели большой опыт психотерапии, но получили от этого мало реальной пользы. Какую роль в этих процессах играет тишина? Генриху Гей-

не мы обязаны знаменитым изречением: «Там, где кончаются слова, начинается музыка». Хотя оно часто цитируется, его первоисточник удастся найти только в переписке между Чайковским и Надеждой фон Мекк от 17 февраля/1 марта 1878 года (Tchaikovsky, 1878). Оно тем более актуально, что многие из тех, кто обращается к нам за терапией, настолько потеряны для слов, что не верят в их силу. Кокс и Тильгаард (Сох, Theilgaard, 1994), говоря о нарративной неудаче, предлагают прекрасную метафору психотерапевтической работы. Согласно их представлениям, ключевая функция терапевта заключается в том, чтобы быть готовым к переломным моментам повествования пациентов, когда они не могут подобрать слова, когда слова их подводят. В такие моменты они предлагают нам играть роль, подобную роли суфлера, который следит за актерами на сцене, и, если они теряются, вполголоса подсказывает им текст. В их представлении психотерапевт наследует Шекспиру, который помещал своих персонажей в ситуации невероятного драматизма и заставлял их беспомощно барахтаться в словах. Затем, как суфлер, он помогал им подобрать нужные слова, благодаря которым они приходили к новым озарениям. Не всякий психотерапевт видит себя идущим по стопам Шекспира, но когда в драме групповой работы на этапе вовлечения мы становимся свидетелями нарративной неудачи, принципиально важно, чтобы мы помогли участникам взять инициативу в свои руки и *стать суфлерами друг для друга*. В этой главе мы попытаемся понять взаимосвязь между молчанием и словом именно в такие моменты.

Сначала следует рассмотреть молчание, которое привлекает внимание к словам в таких формах тишины, которые делают вербальный язык возможным. Эту область молчания я предлагаю называть *невысказанным*. Это та тишина, с которой в психотерапии нам следует примириться, которую следует культивировать, терпеть и исследовать. Затем мы перейдем к рассмотрению слов, вербальной коммуникации, которые выводят нас за пределы самих себя в тишину, которая связана с источниками боли и страдания, скрывающимися в тайных уголках *я*, слов, которые делают возможными любые формы облегчения. Такого рода облегчение по своей сути парадоксально, поскольку и требует слов, и выходит за их рамки. Предлагаю называть эту область молчания *невыразимым*. Я вижу одну из ключевых задач психотерапии в том, чтобы бросить вызов невыразимому и найти его суть. Я вместил большую и сложную тему в две простые фразы, которые для наглядности построены зеркально, но мы

увидим, как со временем эта симметрия нарушится. Этим различием я обязан Кейн, с чьей книгой «Язык молчания: о невысказанном и невыразимом в современной драме» меня познакомил Кокс (Kane, 1984).

Невысказанное

Обратимся сначала к невысказанному, к молчанию, которое порождает слова. В контексте вопросов, которые встают перед нами, молчание рассматривается не столько как финальная точка или решение, сколько как динамика процесса, повторяющийся этап нашего взаимодействия, который помогает нам продвинуться дальше. Вопросы, которые мы будем рассматривать, связаны с тем, как молчание на протяжении жизни группы может приводить к ослаблению бессознательных защит и, таким образом, позволять выражать глубокие и нередко скрытые эмоции, разрешая серьезные проблемы посредством слов. Однако нам также следует иметь в виду и более трудные аспекты такого рода молчания: оно может быть нагружено ощущением тщетности и тяжестью отчаяния, неумением общаться, ненавистью к самому присутствию других людей, а иногда и к самой жизни. Все это содержится в намного более сложных и болезненных формах молчания, с которыми нам приходится иметь дело. Это лишь некоторые из множества различных форм *изолированного* или *фрагментированного* молчания, при работе с которыми основная задача терапевта — это помочь людям найти слова, которые способны принести понимание.

Невыразимое

Коммуникативное молчание

С другой стороны, если мы теперь обратимся к словам, которые вызывают молчание, к области невыразимого, то мы увидим, что это молчание можно сравнить с состоянием облегчения, какое приходит после рыданий, или открытием, дорога к которому была долгой и тяжелой. Однако оно далеко не всегда настолько умиротворяюще и нередко связано с болью и печалью. Молчание здесь является скорее конечной точкой, чем динамикой процесса, это цель или телос, состояние, к которому мы надеемся придти в ходе терапии. Вопросы, которые мы будем рассматривать, касаются того, каким обра-

зом в группах слова приводят нас в точку, в которой становятся более не нужны. Как слова приводят нас к состоянию, в котором они сами становятся излишними, в котором понимание расширяется через невербальные формы коммуникации — глубокие, приносящие облегчение и со временем исцеляющие? Мы можем наблюдать, как это происходит в наших группах, когда участники ловят единую эмоциональную волну, которую никто не хочет сбить, и им больше не требуется говорить. Это разные виды того, что мы назовем *коммуникативным молчанием*. Они могут быть связаны с обретением спокойствия, переживанием любви, чувством, что ты понимаешь кого-то или кто-то понимает тебя, восстановлением хороших отношений, некоторым новым чувством освобождения или другими необыкновенными и исцеляющими эмоциям.

Изолирующая тишина

Невыразимое — это не только коммуникативное молчание. Это также может быть изолирующее молчание горевания, признания суровой и неподатливой реальности, страданий того, кого не понимают или на кого не обращают внимания, того, с кем плохо обращаются или кем злоупотребляют, переживаний печали или ужаса, которые не выразить словами.

Группа как вспомогательное Эго и расщепление в индивиде и в группе

Следующая виньетка иллюстрирует использование двух понятий: *вспомогательное Эго* и *расщепление*. Первое понятие ввел Морено в 1937 году, а Нилд в 1999 году применила его к групповому анализу. Второе понятие, расщепление, Анна Фрейд описала как защитный механизм, который позволяет сознанию защищаться от переживания невыносимой боли, разводя источники конфликта в различные части психики, где они не могут вступить в опасное противостояние (Freud, 1937). Главная проблема, с которой связан этот защитный механизм, заключается в том, что «отщепленные» аспекты *я* не могут вступить друг с другом в диалог, способный привести к разрешению конфликта. Нилд пишет следующее.

«Поддержка группы играет роль вспомогательного Эго, к которому можно прибегнуть во время стресса или когда индивид захвачен слишком сильными чувствами» (Agazarian, Peters, 1981). Каждый участник может найти здесь помощь, утешение

и сочувствие, когда они ему требуются, как если бы мать брала на руки ребенка, поранившегося, исследуя мир. Агазарян и Петерс используют здесь термин «вспомогательное Эго». Мне хочется подчеркнуть, что там, где есть Эго, есть и всегда было вспомогательное Эго.

(Neeld, 1999, p. 15)

В виньетке 5.2 группа стремится дать одной из своих участниц ощущение вспомогательного Эго, которое поможет ей контейнировать переживание, способное в противном случае поглотить ее целиком. Тем самым группа помогает Джульетте уменьшить потребность в защитном расщеплении.

Виньетка 5.2

Люби меня или отвали

Джульетта уже около семи лет была участницей группы, которая собиралась два раза в неделю, и наконец, предупредив о своем выходе из группы, попрощалась с нами. Она сообщила нам о своем намерении покинуть группу еще много месяцев назад. С карьерой у нее всегда все было хорошо, но теперь она была счастлива с мужчиной, которого любила и который, она знала, отвечал ей взаимностью. Они планировали купить дом и завести детей. В детстве она пережила множество мучительных конфликтов между родителями, затем их болезненный развод и в довершение ко всему серьезное психическое заболевание матери, сделавшее ее опасной для окружающих. В семнадцать лет Джульетта сбежала из дома, покинула страну, закончила несколько учебных заведений и, наконец, получила должность бизнес-консультанта за границей, где она встретила этого мужчину, который вскоре должен был стать ее третьим мужем. Они вернулись в Англию и начали жить вместе. В своей жизни ей пришлось преодолеть немало невзгод, и группа давала ей пространство, в котором она могла собраться с силами и понять себя. Группа стала для нее *вспомогательным Эго*.

Джульетта знала, что неудачи ее предыдущих браков были следствием ее прошлого, которое все еще жило внутри нее. Это понимание привело ее в долговременную группу. В первые годы в группе она проявила свой ум и особое умение обращаться со словами, но также демонстрировала и напряженное защитное отрицание своих основных конфликтов. Когда мы подошли к ним вплотную, мы столкнулись

с гневом, отвержением и отстраненностью. Описывая ее, участники использовали прилагательное «каменная», говорили, что она «твердая, как камень». Несмотря на то, что она начинала все больше говорить о ранних травмах, мы почти ни разу не видели, чтобы она плакала. Она несколько раз покидала группу и возвращалась через несколько встреч, а один раз и через несколько месяцев отсутствия. В этом поведении проявлялись те же самые проблемные паттерны, что и в отношениях с ее нынешним партнером и с предыдущими мужьями. Мы стали рассматривать ее бурные конфликты с партнером как свидетельство своего рода расщепления, связанного с инкапсуляцией ее ранних травм. Мы поняли, что то, как она обращалась с нами в группе, было отражением того паттерна, который, по ее словам, воспроизводился у нее и с партнером. Казалось, что всем людям, в особенности своему партнеру, но также и участникам группы, она предлагала выбор лишь из двух вариантов «люби меня или отвали!» Участники описали ее модель общения в группе как своего рода светофор, у которого есть всего два сигнала: один означал безусловную любовь, а другой — отторжение. Кто не мог дать ей первое, получал второе.

Комментарий

Влияние расщепления, которое управляло влечением и отторжением, имело разрушительные последствия для предыдущих любовных отношений Джульетты, но на этот раз поддержка группы и ее участников позволила постепенно интегрировать эти разные психические силы. Чуть позже, когда Джульетта собралась выходить из группы, у одной из участниц умер отец, и многие в группе горевали по своим умершим родителям.

Виньетка 5.3

Ты плачешь о том, что потерял, а я о том, чего у меня никогда не было

На фоне общего горевания группы Джульетта тоже начала горько плакать, однако никак не могла объяснить рыдания, которые захлестывали ее во время сессий. Итак, вот еще одно измерение тишины — тишина невысказанного, которая проявляется только в слезах. Участники хорошо знали Джульетту и через многое прошли вместе с ней. Она

стала эмоциональной, теплой и надежной. Группа дала ей своего рода эмоциональное равновесие и стойкость, которые помогут справиться со многими кризисами в будущем. Большая часть проблем, связанных как с защитной инкапсуляцией, так и с расщеплением, была решена. Но теперь, когда она уже собралась уходить, обнаружилось, что на озабоченные расспросы других участников ей нечего ответить, и в этот период молчания невысказанного, нам пришлось привыкнуть к тяжести ее огромного горя. В итоге через слезы она сама нашла слова, чтобы положить конец молчанию, в котором она жила, сама того не подозревая. Однажды она неожиданно произнесла: «Вы плачете о том, что потеряли».

Это было правдой. Двое участников оплакивали потерю любимых отцов. Другая участница плакала из-за недавней смерти отца, с которым она только начинала восстанавливать отношения.

Но Джульетта сказала: «Я плачу о том, чего у меня никогда не было. Это другое». И все мы поняли, что именно она имела в виду — это была ее область невыразимого. Затем она продолжила: «И поэтому теперь потерять вас всех очень страшно. Вы единственная семья, какая у меня была, где я могла любить, не боясь». И она посмотрела на меня очень пристально, с особым значением, которое сохранилось в нашем общении на протяжении заключительных сессий, а также и впоследствии, когда в ее жизни снова возникла в этом потребность, и мы иногда встречались.

Комментарий

Здесь мы коснулись невыразимой травмы, относящейся к ее детству и оставившей ее с чувством обособленности и инаковости. Лишь отрицая страх, стыд и откровенное безумие своего прошлого, ей удавалось вести нормальную жизнь. Впоследствии я регулярно получал весточки от Джульетты. Она держала нас в курсе того, как обстоят ее дела в браке, и время от времени продолжает приходить на поддерживающие сессии вместе с мужем. Сейчас они счастливо живут вместе, у них двое детей. Иногда она присылает мне их фотографии. Покидая нас, она поделилась пронзительным наблюдением о том, что тогда считала главным вкладом группы в свою жизнь. Она сказала, что с нами поняла, что никогда не поздно иметь счастливое детство. Несмотря на то, что за двадцать пять лет состав группы менялся уже не раз, эта

фраза продолжает жить. Молчание невыразимого касалось аспекта ее истории, непонимание которого она не осознавала до тех пор, пока не нашла слов. Эти слова относились к слезам, пролитым из-за ее обездоленности. Никто не мог дать ей этих слов, пока она сама не нашла их, научившись «играть» с нами. Инкапсулированные травмы требовали отрицания, чтобы создать иллюзию того, что все нормально, но за это ей пришлось расплачиваться жесткостью и расщеплением, которые сделали невозможной обычную семейную жизнь с ее неопределенностью и многозначностью. В группе она обнаружила, что, вспомнив свое прошлое, проникнув в суть его ран, достучавшись до «каменного сердца», и, наконец, примирившись с этим прошлым во всей его нетипичности, она может оставить его позади. Прежнее молчание разрозненной истории, в котором она жила и которое делало невозможным то, чего она больше всего желала — счастливую семейную жизнь — ушло, когда она сформулировала новые правила и научилась «играть» со своим и чужим опытом. Это принесло ей покой и наконец позволило ее близким узнать ее с другой стороны.

Человеческие страдания: пережитые в детском или взрослом возрасте тяжелые лишения, серьезные невзгоды, травмы, абьюз, болезни и инвалидности — все это создает области тишины. В тени этих травм скрываются онемение, чувство, что тебя предали, и постоянное ощущение отчужденности. Чем более ранней и серьезной является травма, тем сильнее инкапсуляция или диссоциация. Задача психотерапии состоит в том, чтобы пробраться к этим скрытым областям безмолвного страдания и дать людям обрести собственный голос. Это лишь некоторые области скрытого опыта. Они часто бывают обусловлены детскими травмами, хотя встречаются и в связи со взрослыми травмами, о которых Пол Саймон поет в своей знаменитой песне «The Sound of Silence» (1965):

Люди, что говорят без слов,
 Люди, что слышат, не слушая,
 Люди, что пишут песни, которые никогда никто не споет.
 Никто не смел
 Нарушить звуки тишины.

После того, как слова проделывают свою работу и проливают свет на эти области тишины, они становятся уже излишними. В одной из работ я писал:

Существует соответствие между формой, которую принимает защитное поведение в группе, характерологической защитой в личностной структуре индивида и тем, как защита проявляется в виде проблем в его отношениях (вне группы). Эта защита, патология, которую она вызывает во внешнем мире, и поведение, за которое она ответственна в группе, рассматриваются как аналоги друг друга. Они изоморфны, и, следовательно, изменение на любом уровне приведет к изменению на всех остальных уровнях.

(Schlapobersky, 1996, p. 240)

Тогда болезненные воспоминания, которые нередко продолжают жить глубоко внутри *я*, удастся вытащить на свет, а после и избавиться от них. Когда кто-то становится наконец способен примириться с самим собой, принять себя, свои родительские фигуры, своих детей, партнеров, любовников, разобраться с проблемами, которые его преследовали, или амбициями, которые завели его слишком далеко, справиться со страхами и тревогами или найти любовь и доверие, которые ускользали от него годами, тогда благотворные изменения говорят сами за себя, без слов. Когда люди, проходящие психотерапию, находят решение глубинных экзистенциальных вопросов, которые на протяжении большей части их взрослой жизни были скрыты и не проговаривались, то чувство покоя, которое возникает, становится заметно невооруженным глазом, и о нем не требуется даже упоминать. Оно само говорит за себя. Молча.

Виньетка 5.4

Девушка, которая жила в сердце камня

В незаслуженно малоизвестном фильме «Камилла Клодель» рассказывается о жизни этой выдающейся французской женщины-скульптора и о ее трагических отношениях со своим учителем, наставником и любовником Огюстом Роденом. Ее работы во многом превосходили его, однако после их расставания она впала в тяжелую депрессию и по инициативе своего знаменитого брата была помещена в психиатрическую лечебницу, где и провела остаток жизни. Действие фильма происходит до ее помещения в лечебницу. Она разрывает отношения с Роденом, чтобы творить самостоятельно. Она работает в убогом сарае в бедном квартале Парижа, как вдруг на нее сваливаются нежиз-

данные деньги от продажи работ, и она решает заказать кусок мрамора. Нам показывают, как его доставляют на телеге, запряженной лошадыми (на дворе начало двадцатого века), как уличные мальчишки сбегаются со всей округи и глядят на него круглыми от удивления глазами. Она закрывает перед ними двери мастерской и приступает к работе, а спустя несколько месяцев выходит, чтобы показать изящную фигуру обольстительной и хрупкой молодой девушки. Камилла созывает уличных мальчишек как своих первых зрителей, и, когда они с любопытством обступают скульптуру, один из них произносит: «Откуда вы знали, что эта девушка жила там, внутри камня?»

(«Camille Claudel», 1988, Directed by Bruno Nuytten)

Таблица 5.1

Формы переживания тишины (Haddock, 1992, p. 2)

1. Паузы необходимы для коммуникации. Без пространства между словами, произнесенными или написанными, их было бы невозможно разобрать.
2. В молчании происходит коммуникация.
3. Молчание может быть основной формой коммуникации.
4. Часто молчание является попыткой заблокировать коммуникацию.
5. Умело используемая тишина может вызывать сильные чувства.
6. Молчание имеет символическую функцию во многих культурах и религиях.
7. Молчание может быть произвольным и непроизвольным.
8. Молчание в присутствии другого человека всегда предполагает взаимодействие и неизбежно вызывает реакцию этого другого.
9. По-видимому, тишина может означать что угодно.
10. Молчание групп по сути не отличается от молчания диад.

Наша задача как психотерапевтов состоит в том, чтобы достучаться до «каменного сердца», хранящего секреты скрытых травм, и чтобы сделать это, нам необходимо научиться различать форму в тишине. Хэддок в своей работе «обобщает человеческий опыт молчания» и, цитируя Сьюзен Зонтаг, говорит о том, что молчание и речь не могут существовать друг без друга: «Молчание неизбежно остается формой речи» (Haddock, 1992). В таблице 5.1 приводятся формы переживания тишины в контексте их отношения к психотерапевтической практике.

В следующих разделах мы рассмотрим то, какую роль молчание играет в трех сферах жизни группы, обозначенных в таблице 5.2. Первая — это сфера свободных ассоциаций, свободно текущей дискуссии, которая обсуждалась в предыдущей главе. Прежде всего это приводит нас к вопросу о том, как мы обращаемся со словами в нашем взаимодействии с клиентами и пациентами: используем слова или воздерживаемся от них. «Говорить или не говорить?» — вот в чем первый вопрос терапевта. Вторая сфера связана с формальным анализом речевых моделей и изучением различных форм дискурса и коммуникации. Здесь мы можем применить дискурс-анализ, чтобы понять формальную структуру коммуникации и разобрать множество различных видов молчания с точки зрения их формы, содержания и функции. Третья сфера обращается к языку внутреннего мира — языку символических объектов, поэзии и молитвы, который Винникотт ввел в психотерапию в качестве промежуточной территории или переходного пространства. Это пространство не находится ни внутри индивида, ни в межличностном пространстве, поскольку оно одновременно принадлежит как внутреннему, так и внешнему миру (Winnicott, 1951). Позднее Боллас выдвинул идею, что более подходящим будет рассматривать эту область как трансформационное пространство, которое насыщено смыслом, в котором зарождается творчество и в котором каждый может предьявлять, выражать и обретать свою индивидуальность (Bollas, 1987). Молчание особенно важно на этом уровне, где оно подпитывает, помогает осмыслить или избежать состояний мечтания и творческого обновления. Стихотворение Эмили Дикинсон о мечтании, приведенное в начале этой главы, подчеркивает значение воображаемого внутреннего мира и указывает на внутренние ресурсы, которые психотерапия стремится развивать.

Таблица 5.2

Речь и молчание в групповой психотерапии

- | |
|--|
| <ol style="list-style-type: none"> 1. Свободно текущая дискуссия:
управление словесной и безмолвной коммуникацией 2. Дискурс: анализ формы, содержания и функций молчания 3. Символический порядок: интерпретация молчания, фантазий
и воображаемого мира |
|--|

**Свободно текущая дискуссия:
управление словесной и безмолвной коммуникацией**

Как мы используем слова или воздерживаемся от них в работе с нашими пациентами? Как мы прочитываем молчание в групповом процессе с учетом наших знаний по психотерапии и семиотике, как в этом молчании мы распознаем голос символа и что нам с этим делать (Grotjahn, 1971; Kristeva, 1995, 2010)? Это первые вопросы, которые возникают у практикующего специалиста. Хэддок пишет:

...для начинающего группаналитика нет ничего более сложного и обескураживающего, чем столкнуться с молчащей группой. И нет ничего более неизбежного.

(Haddock, 1992, p. 2)

В новых, молодых или просто хрупких группах участникам необходимо помогать говорить. Особенно важна связующая коммуникация, равно как и прямые вопросы, которые будучи продуманными и доброжелательными, задают модель общения, которую терапевт надеется взрастить в группе. Эта модель также подразумевает, что участники готовы бросать ей вызов и переосмысливать ее. В таких обстоятельствах тишина сможет занять свое особое место, а участники станут более уверенными, так как увидят, что ведущий доброжелателен и говорит только тогда, когда это необходимо, и в основном для того, чтобы описать опыт, для которого другие, возможно, еще не могут подобрать слов.

С другой стороны, терапевт, который слишком много говорит в уже устоявшейся группе, сам не способен выносить тишину. Он упреждает молчаливую борьбу, которую участники ведут с собственными переживаниями, прерывает и предотвращает свободно текущую дискуссию. Метод группового анализа требует, чтобы в зрелой и устойчивой группе ведущий сбалансированно использовал все двенадцать принципов лидерства и анализа, перечисленных в разделе А таблицы 12.7. По мере того, как группа становится более зрелой, активное лидерство будет иметь все меньшее значение, а рефлексивная и интерпретирующая позиция, которая опирается на терапевтические принципы, описанные в разделе В таблицы 12.7, — все большее. На этом этапе почти всегда молчание — «золото». Прерывать его можно только в очень редких случаях, а по возможности следует изучать, используя принципы локализации и интерпретации, которые изложены в разделе В таблицы 12.7, и подробнее будут обсуждаться в главе 17.

Дискурс: работа с формой, содержанием и функциями молчания

Используя язык дискурс-анализа, мы можем рассмотреть формальную структуру коммуникативной активности участников. Вопросы второй группы позволяют нам исследовать множество различных видов молчания с точки зрения их формы, содержания и функции. Молчание, возникающее между людьми, которых ничего не объединяет и которым не о чем говорить, радикально отличается от того, которое возникает между близко знакомыми людьми. Молчание, которое неизбежно возникает в новой группе среди участников, которые еще не научились не только общаться друг с другом, но и относиться друг к другу, требует от ведущего играть более активную роль, принципы которой изложены в разделе, посвященном руководству и анализу в таблице 12.7. Фукс и Энтони утверждают, что «ведущий, понимая значение тишины в каждом отдельном случае, должен чувствовать себя в ней как дома. Спокойно принимая молчание, ведущий избавляет его от тревожного напряжения» (Foulkes, Anthony, 1984, p. 156).

С другой стороны, в давно существующей группе со стабильным составом молчание чаще требует от ведущего работы на интерпретативном уровне понимания и включенности, описанных в таблице 12.7. Каждый вид молчания принимает характерную форму, как и любой другой речевой паттерн. В каждом конкретном случае молчание обладает уникальным содержанием и контекстом и выполняет определенные функции. Вейсман в своей работе 1955 года описывает тишину в индивидуальной психотерапии и предлагает способы наблюдения за тишиной, которые применимы и к группам. Он обращает внимание на начало, периодичность, частоту, продолжительность, провоцирующие факторы, прекращение, сопровождающие явления, реакции на вопросы или комментарии ведущего и сознательное отношение пациентов к тишине. В главе 4 я рекомендую ведущему для того, чтобы лучше понять смысл происходящего в группе, в любой момент времени задавать простой вопрос «Кто, с кем и о чем говорит?». В главе 11 подобные вопросы преобразуются в набор рабочих принципов. Во время молчания можно задать аналогичный вопрос, хотя озвучивать его следует только в группе, достаточно зрелой, чтобы его выдержать: «Кто, с кем не говорит и о чем они не говорят?».

В группах, которыми правят чувства отчужденности и отчаяния, состав участников которых либо слишком нестабильный, либо слишком новый для того, чтобы заниматься исследованием себя подобным образом, в группах, где преобладает то, что Хоппер называет защитой агрегации или массивификации, терапевту следует стараться выводить группу из пустого оцепенения с помощью прямых вопросов, личных наблюдений или связующей коммуникации. С другой стороны, если в группе уже появилась способность к общению, беседе и рефлексии, то даже тяжелое и болезненное молчание становится возможным «обжить» и исследовать. Разные ведущие прибегают для этого к разным стратегиям.

Виньетка 5.5

«Мужчина-громкоговоритель» молчит в знак протеста против новичка

После продолжительного, обескураживающего или неожиданного молчания мне нравится просить участников группы прокомментировать, какую тишину мы пережили. Я могу спросить: «Какой была эта тишина?» «Злой, — может ответить мне кто-нибудь, а затем сердито бросить, — разве вы сами этого не чувствуете?» Еще какое-то время мы сидим в тишине. Чей-то стул скрипит, кто-то откашливается, и, наконец, кто-нибудь произносит: «Зачем вы привели его в нашу группу?». Десятью сессиями ранее к группе присоединился новый участник, но сегодня его не было: он уехал на каникулы со своими детьми. Это первая встреча без новичка, и участники, которые были в группе до его прихода, вошли в состояние коллективного отчуждения, обернувшееся враждебным молчанием, которым они как бы наказывают ведущего за то, что он навязал им кого-то, с кем так трудно иметь дело. Новичок много говорит, задает агрессивные вопросы, ему трудно слушать, и у него не развита способность к рефлексии. Участники группы работают вместе уже давно, и, чтобы достичь того уровня понимания, на котором они находятся, им пришлось приложить немало усилий. Им кажется, что новичок сильно отбросил их назад, и вот они прерывают враждебное молчание, чтобы высказать это ведущему.

Лишь значительно позже, ближе к концу сессии, ведущий предлагает им посмотреть на происходящее с той точки зрения, что в новом участнике они могут увидеть доказательство своего прогресса. В настоящий момент им трудно заметить, не говоря уже о том, чтобы

признать, то, что этот новичок ведет себя точно так же, как они сами, когда только присоединились к группе. Среди участников, которые долго и гневно молчат, есть мужчина, который в прошлом, будучи новичком, заслужил себе красивый титул «мужчина-громкоговоритель». Я уже писал о нем выше. Теперь, когда он лишился этой роли, он занял более сдержанную позицию, иногда заметно, насколько он поражается тому, как нынешний новичок отзеркаливает ему те же качества, которыми он когда-то заслужил враждебность других участников. В группе каждый, кто поддерживает молчание, находится в равных и симметричных отношениях со всеми остальными. Вообще такого рода молчание очень сильно объединяет. И хотя оно может казаться разделяющим и разобщающим, оно связывает участников чувством близости и сообщничества. Много недель спустя участники говорят тому, кого раньше называли «мужчина-громкоговоритель», что они почувствовали, что он действительно стал одним из них, когда молчал вместе с ними, протестуя против кого-то, кто был еще большим «громкоговорителем», чем он сам. Раздается смех, и участники обращаются к новому «громкоговорителю», интересуясь с легкой насмешкой: может быть, через годик и он присоединится к ним, и будет так же дуться на ведущего из-за другого новичка, и сможет ли он просидеть пять минут в тишине?

Символический порядок: мечтание, воображаемый мир и место интерпретации

Винникотт описывает следующее.

Переходные феномены становятся менее четкими и распределяются по всему переходному пространству между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, как его совместно воспринимают два человека», другими словами, распространяются на всю культурную сферу.

«Культурная сфера» охватывает те области психической жизни, в которых отношения, мир и его объекты, вера и чувство идентичности, то есть символические репрезентации субъектности,

...расширяются, обращаясь к темам игры, художественного творчества и понимания искусства, религиозности и сновидений,

а также фетишизма, лжи, воровства, зарождения и утраты любовных чувств, пристрастия к наркотикам, талисманов, навязчивых ритуалов и многого другого.

(Winnicott, 1951/1978, p. 233)

Этот вопрос более подробно рассматривается в главе 16. Существует большое количество психоаналитических работ, посвященных теме молчания, особенно стоит отметить работу Хана (Khan, 1963). Он рассматривает молчание как форму коммуникации переноса с основной функцией— сообщать о проблемах, связанных с травмами раннего детства, для описания которых не получается найти слова. Подробно разбирая примеры из практики, он демонстрирует, как сам активно использует контрперенос для декодирования сложных аффектов, содержащихся в этих архаических объектных отношениях. Во время такого молчания в психоаналитической психотерапии пациент помещает аналитика в ситуации, которые сам когда-то пережил, в надежде, что на этот раз с ними можно будет разобраться иначе. Таким образом, даже длительные периоды, казалось бы, пустого и бесплодного молчания могут содержать элементы, которые при условии, что терапевт рассудительно воздержится от слишком активной интерпретации, позволят индивиду нащупать свои самые глубокие травмы и поведать о них. В группах, которые мы ведем, мы можем развивать это качество понимания.

Большой вклад в обсуждение темы молчания в групповой терапии внесли работы Славсона, Ялома и Лесца, а также Витакер (Slavson, 1966; Whitaker, 1985; Yalom, Leszcz, 2005). Наиболее исчерпывающей является работа Льюиса, который концентрируется на общем групповом молчании (Lewis, 1977). Отталкиваясь от причин возникновения такого молчания, он различает несколько его видов. К ним относятся: молчание на ранних стадиях жизни группы, связанное с началом работы и динамическим администрированием; переходное молчание, с которым мы сталкиваемся при движении от мира внешнего к миру внутреннему; молчание, возникающее как ответ на откровение, часто сопровождающееся шоком; изолирующее молчание фрагментации и неудачной коммуникации; удерживающее молчание, обусловленное пассивной агрессией, пассивной зависимостью или сговором. Во всех этих случаях «молчание не является отсутствием коммуникации, — пишет он, — скорее, это изысканный способ сообщить о своем состоянии» (ibid., p. 110). Хоскинс рассматривает

молчание, связанное с предполагаемой болезнью ведущего, которое не позволяет участникам затрагивать тему болезней в своих историях (Hoskins, 2003). В своей работе она описывает ведущего как «раненого целителя». И если он решится прервать это молчание, принимая во внимание способность группы выдерживать интерпретации переноса, то он может создать условия для целительного разрешения внутренних конфликтов в том пространстве, которое Фукс назвал «общей зоной» — ареной тревог и озабоченности группы, что обсуждалось в главе 4. Перовшек Солинц в 2002 году опубликовала важное исследование, посвященное расщеплению между разговорчивыми и молчаливыми участниками группы. Она показывает, насколько важно в таких ситуациях, чтобы ведущий использовал свой контрперенос, чтобы говорить за тех, кто как будто потерялся в тишине. Если научиться понимать, когда молчание необходимо выдерживать, а когда — стоит начать говорить, то более молчаливые участники группы получают возможность, используя голос ведущего, найти свой собственный, и из этого может родиться плодотворный дискурс.

Заключение

Эта глава завершается виньеткой, описывающей эпизод работы многолетней группы. В ходе этого эпизода генерируются метафоры, связанные с образом ловушки, что помогает вывести понимание каждого участника на новый уровень. Это особенно важно для двух участников, которые находятся на стадии завершения своей работы в группе. Работа, сделанная группой, представляет собой мощный источник изменений. Она является «фоном». «Фигура» же — это изменяющая (мутативная) сила метафоры. Вопросы того, как и почему метафоры получают такую силу, рассматриваются в части III нашей книги. Глава 16 посвящена мутативным метафорам, а глава 17 — использованию метафор ведущим сначала для локализации проблем, а затем для перевода и интерпретации.

Виньетка 5.6

Обезвредить ловушку

Два участника группы готовятся к тому, чтобы покинуть ее, и прорабатывают этот вопрос уже несколько месяцев. Начало истории Генри описано в виньетке 3.1с. Мы возвращаемся к нему несколько лет спустя.

Генри был участником группы уже долгое время и, наконец занял должность исполнительного директора в одной благотворительной организации. Он стал хорошим адвокатом и в группе вел себя соответственно. В детстве он страдал от депрессии, получал симптоматическое лечение антидепрессантами. Поступил в медицинский институт, который чуть не бросил. Затем он впал в депрессию и едва не провалил защиту, но его «вытащил» университетский консультант. Генри продолжил учиться на социального работника, и к тому времени, когда его направили на групповую терапию, отлично справлялся с клинической работой. Однако в личной жизни у него было пусто и безрадостно. Когда он присоединился к нам после шести месяцев предварительных индивидуальных сессий со мной, он был раздражительным, беспокойным, скрытным и недоверчивым. Все усилия, которые я прикладывал, чтобы найти с ним общий язык, заканчивались спорами, и его перенос на меня вызывал много сложностей. Конфликтов с другими участниками группы у него возникало немногим меньше, и поэтому первые годы у него ушли на активное исследование его интернализованных плохих отношений. Он испытывал гнев по отношению к холодному, преследующему отцу и недоступной матери, переживал страхи, связанные с желанием мести, и страдал от собственной депрессивности, которая ранее приводила к саморазрушительному поведению.

В течение времени, проведенного в группе, он поднимался все выше и выше по карьерной лестнице и в конечном итоге стал исполнительным директором, а мы столкнулись с многослойностью структуры его личности, раздираемой хроническими конфликтами между развитием и мотивацией, с одной стороны, и депрессивными провалами, с другой. За последние два года на его текущей работе все радикально изменилось, больше всего удовлетворения ему приносила супервизия его работы человеком, который стал для него внешним «хорошим отцом» (которого у него никогда не было), внутреннего «хорошего отца» он нашел во мне. В группе он наконец смог идентифицироваться со мной и установить теплую эмоциональную связь. Став более зрелым, он начал выступать от лица всей группы или же мог принять на себя роль дополнительного ведущего, нередко оказывая другим участникам неоценимую помощь. Мы были свидетелями того, как он преуспевает в карьере, но его отношения по-прежнему ограничивались краткосрочными связями, которые не приносили ни удовлетворения, ни близости. Однако в группе он оставался дольше, чем какой-либо другой участник, и наконец решил, что пора уходить.

Карен пробыла с нами почти четыре года и теперь собиралась уезжать, так как неожиданно получила предложение работы в университете на другом конце страны. Неподалеку от нового места работы она собирается купить ферму. Это предложение позволило ей наконец осознать, насколько успешную академическую карьеру она сделала за этот короткий срок, теперь она могла переехать в деревню и жить со своими кошками, разводить пчел, выращивать овощи и наслаждаться жизнью, о которой всегда мечтала, но которой была лишена. Ей было за сорок, но физически интимных отношений у нее никогда не было. Она все еще надеялась встретить мужчину, с которым могла бы разделить эту мечту. В группе мы наблюдали, как она превратилась из угловатой замкнутой старой девы в теплую и ласковую женщину, которая училась говорить о своей подавленной сексуальности, что до этого было для нее невероятно сложно.

Помимо этих двух участников в группе еще пять человек, и все мы очень активны. Генри покидает группу через две недели, а Карен уезжает через три месяца после этого. Мы живо обсуждаем планы этих двоих на будущее, и наше внимание сосредоточено в текущем домене смыслов группы. Другие участники группы получают свою долю внимания: одна рассказывает о школе, в которой преподает, другая — о своих курсах, третий — о компьютерных системах, за которые он отвечает на работе, четвертый — о докторантуре, а пятая — о напряженных отношениях в офисе.

Комментарий

Это и есть групповой дискурс, конструктивное общение, в которое втягиваются все участники, дающее поддержку для Эго и нацеленное на решение проблем. Зачем вмешиваться? На текущем уровне общая зона группы состоит из беспокойства участников по поводу их профессиональной деятельности и служит для избегания скрытой тревоги, связанной с тем, что их потребность в близости не удовлетворяется. Об этом не говорят, это остается нераскрытым, и двое участников скоро уйдут.

Виньетка 5.6 (продолжение)

Карен рассказывает о ферме, которую она присмотрела. На южном побережье, куда она переезжает, у нее есть друг, который спросил ее,

не хочет ли она, чтобы он ее познакомил с какими-нибудь мужчинами! Она усмехается, издает несколько восклицаний, и одна из женщин в группе говорит: «Ну?». Она снова хихикает, а затем замолкает. «Ну же, — продолжает та же женщина, — ты будешь жить на ферме, у тебя есть работа, и, может быть, скоро ты найдешь мужчину, с которым сможешь все это разделить!» Карен отстраняется, впервые за сегодняшнюю встречу перестает говорить и погружается в привычное состояние. Когда она в нем, к ней практически невозможно подступиться. Конечно, она этого хочет, но когда гипотетическая мечта становится реальной, она обращается в бегство.

И с Карен, и с Генри произошли важные изменения, без которых было бы невозможно разрешить следующий вопрос, который перед ними стоит: что делать с отношениями?

Я говорю Карен, что мы видим, что она, как и Генри, остается в ловушке действующих внутри нее сил, по вине которых происходит так, что как только она приближается к своей мечте, цель, к которой она стремилась, от нее ускользает. Она одновременно жаждет сексуальной близости и боится ее. Она признает, что, когда ее подталкивают к тому, чтобы взглянуть на «этих мужчин», силы оставляют ее, и ей снова кажется, что ее преследуют. Она мгновенно побледнела — мы уже видели такую перемену раньше. В этот момент я понимаю, что обращаюсь к прошлому и настоящему в группе и за ее пределами, пытаюсь сформулировать наблюдение: в группе нашей целью является обезвредить эту ловушку. Тогда участники смогут свободно наслаждаться тем, чего они больше всего жаждут.

Комментарий

Все это происходит последовательно в разговорной форме, и мое вмешательство почти не отличается от того, что мог бы сказать кто-то другой. Однако оно заставляет группу остановиться, и мы вдруг оказываемся в долгой тишине.

Виньетка 5.6 (продолжение)

Минут через пять я спрашиваю: какая у нас сейчас тишина? Пять участников (за исключением Карен и Генри) по очереди говорят о том, что это время было наполнено размышлениями. Они не используют

само слово «ловушка», но именно упоминание ловушек стимулировало их мечтание. Они говорят, что думали о ямах, которые они сами себе вырыли — ловушках, которые они создали и в которые сами же попали.

Комментарий

По мере того как каждый рассказывает о своих мечтаниях, становится ясно, что долгое молчание имело двойной эффект. Оно одновременно объединило нас и отделило каждого от остальных. Это было коммуникативное молчание, какое возникает только между близкими людьми.

Виньетка 5.6 (продолжение)

Пока остальные участники рассказывают о своих невзгодах, Генри начинает подрагивать, а Карен плачет. Она признает, что еще не готова закончить терапию, но переезд важнее для ее будущего, чем группа, и она надеется, что там ей удастся найти нового терапевта, с которым она сможет продолжить работу. Ей нужен кто-то, кто сможет «обезвредить ловушку». Генри заявляет, что он тоже не закончил, но пора идти. «Я знаю, — говорит он, — я смогу вернуться, если мне это будет необходимо. Сейчас мне нужно попробовать справляться самому. Если мне понадобится ваша помощь, когда наступит время заняться отношениями, я приду к вам».

Это неожиданное молчание открыло нам, что каждый участник сталкивается со своими отдельными потребностями. Метафора ловушки надолго погрузила нас в состояние мечтания. Вынырнув из тишины, мы обратились к этим образам и вербально соотнесли их со скрытой общей зоной неудовлетворенности, с одной стороны, и с индивидуальным опытом фрустрации участников — с другой. Поэтический образ «обезвреживания ловушки» сам по себе представляет яркий пример работы воображения. Другой пример этого мы можем увидеть в стихотворении Эмили Дикинсон «Чтоб прерия цвела», которое открывает эту главу гимном мечтанию. Психотерапия может сделать мечтания возможными и продуктивными, однако назвать их продуктивными — значит придать им функциональность, которая разрушает их тонкость, субъективность и внутренний смысл. Речь

здесь идет о трансформирующих образах, которые возникают благодаря эмоциональному росту и, в свою очередь, способствуют ему. Чтобы нечто подобное происходило в группах, нам нужно изобрести слова, которые породят тишину. Мы подробнее рассмотрим эту динамику в главах 15–16.

В звуках природы в саду, в горах, на берегу моря или у реки мы слышим лишь шум ветра, далекий зов моря или журчание спокойного потока, тихий голос, голос подлинной тишины. Мэтью Арнольд в своем стихотворении «Дуврский берег», так описывает шум волн, которые бьются о галечный берег (Arnold, 2004):

Мерный рокот волн и дробь*
Тяжелой гальки, поднятой прибоем
И выброшенной на уступы скал,
Ее откат, чуть пауза, и вновь
Дрожащими аккордами, вплетая
мотив извечной грусти.

И далее:

Софокл в былые дни
Внимал ему с эгейских круч, гадая
О горестных приливах и отливах
Людской судьбы.

В главе 15 мы вернемся к этому стихотворению и будем обсуждать слова из его последующих строф. На данный момент можно заключить, что, если мы научимся прислушиваться к «горестным приливам и отливам людской судьбы» в происходящем на наших группах, то обнаружим тишину, которая находится в их ядре. Она несет в себе тот же исцеляющий потенциал, что и звуки природы. Если мы будем рядом с нашими пациентами во время их мечтаний и мимолетных передышек, то станем свидетелями искупительных переживаний, которые закладывают фундамент для обновления.

Примечания

1. Впервые эта глава в более ранней редакции была опубликована в качестве доклада «Тишина, которая порождает слова, и слова,

* Арнольд М. Дуврский берег / Пер. с англ. А. Цветкова. URL: <https://aptsvet.livejournal.com/572885.html>.

которые порождают тишину» на конференции, организованной Университетской психиатрической больницей Любляны, Словения, в октябре 2003 года. В этой связи я хочу выразить благодарности Марджете Блинк и Фрэнку Петернелу. Позже глава была представлена в форме, близкой к нынешней, на семинаре Израильского института группового анализа, Тель-Авив, 2012 год. За это я благодарю Роби Фридмана, Пнину Рапопорт и Марит Иоффе Милштейн.

Литература

- Arnold M. (2004). *The Collected Poems of Matthew Arnold*. London: Kessinger.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.
- Brooks F. (2009). *The Othering of Silence in Groups*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Cox M. (1978). *Structuring the Therapeutic Process: Compromise with Chaos*. Oxford: Pergamon. Reissued: London: Jessica Kingsley Press, 1993.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Æolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Theilgaard A. (1994). *Shakespeare as Prompter: The Amending Imagination and the Therapeutic Process*. London: Jessica Kingsley Publishers.
- Dickinson E. (1959). *Selected Poems and Letters*. New York: Anchor.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Freud A. (1937, reissued 1993). *The Ego and the Mechanisms of Defense*. The International Psycho-analytical Library. № 30. London: Hogarth Press. Reissued: London: Karnac.
- Grotjahn M. (1971). *The Voice of the Symbol*. Los Angeles: Mara Books.
- Grotjahn M. (1993). *The Art and Technique of Analytic Group Therapy*. New Jersey: Jason Aaronson Inc.
- Grotjahn M. et al. (1983). *Handbook of Group Therapy*. New York: Van Nostrand Reinhold & Co.
- Haddock R. (1992). *Silence in the Matrix in Group Psychotherapy. Theory Paper for Qualification*. London: Institute of Group Analysis.
- Hopper E. (2003). *Traumatic Experiences in the Unconscious Life of Organisations*. London: Jessica Kingsley.

- Hoskins J. (2003). When Reality Intrudes Into Therapeutic Space: An Exploration of Therapist Illness – Its Effect on the Group, Its Membership and the Therapeutic Process. MSc dissertation, Institute of Group Analysis, London/Birkbeck College University of London.
- Illich I. (1971, 2001). The Eloquence of Silence. In I. Illich, *Celebration of Awareness: A Call for Institutional Reform*. London, Calder and Boyars.
- Kane L. (1984). *The Language of Silence: On the Unspoken and the Un-speakable in Modern Drama*. London: Associated Universities Press.
- Khan M. (1963). *Silence as Communication* // M. Khan. *Privacy of the Self*. London: Hogarth Press.
- Kristeva J. (1995). *New Maladies of the Soul*. New York: Columbia University Press.
- Kristeva J. (2010). *Hatred and Forgiveness*. New York: Columbia University Press.
- Lewis A. (1990a). Free Association and Changing Models of Mind // *Journal of the American Academy of Psychoanalysis*. V. 18 (3). P. 439–459.
- Lewis A. (1990b). One-person and two-person psychologies and the method of psychoanalysis // *Journal of Psychoanalytic Psychology*. V. 7 (4). P. 475–485.
- Lewis B. F. (1977). Group silences // *Small Group Behavior*. V. 8 (1). P. 109–120.
- Neeld R. (1999). *The Group as Auxiliary Ego*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Nuytten B. (Writer/Director) (1988). *Camille Claudel* [Motion picture]. USA.
- Perovšek Solinc N. (2002). *The Difficult Patient in the Group*. Clinical paper for the Ljubljana Diploma Course in Group Analysis and the Overseas Diploma of the Institute of Group Analysis. London.
- Schlapobersky J. (1996). Forensic Psychotherapy: A Group-Analytic Perspective – From the Speech of Hands to the Language of Words // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. London: Jessica Kingsley Press. P. 227–243.
- Simo P. (1965). *The Sound of Silence from Wednesday Morning at 3:00 AM*. Studio Album. New York: Columbia Records.
- Slavson S. (1940). *Group Psychotherapy* // *Mental Hygiene*. V. 24. P. 36–49; *Analytic Group Psychotherapy*. New York: Columbia University Press, 1953.
- Slavson S. R. (1966). The phenomenology and dynamics of silence in psychotherapy groups // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 16. P. 395–404.

- Tchaikovsky P. I. (1878). Letter to Nadezhda von Meck of 17 February/ 1 March 1878 about his Fourth Symphony: http://wiki.tchaikovsky-research.net/wiki/Symphony_No._4#ref38.
- Urlić I. (2010). The phenomenon of silence. A group-analytic exploration of meanings in psychotherapy and everyday life // *Group Analysis*. V. 43 (3). P. 337–353.
- Weisman A. D. (1955). Silence and Psychotherapy // *Psychiatry*. V. 18. P. 241–260.
- Whitaker D. S. (1985). *Using Groups to Help People*. London: Routledge.
- Winnicott D. W. (1951, 1978). Transitional Objects and Transitional Phenomena // *International Journal of Psycho-Analysis*. V. 34; Winnicott D. W. *Through Pædiatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 229–242. Reissued: Winnicott D. W. *Playing and Reality*. London: Routledge, 1991. P. 1–34.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. 5th Ed. New York: Basic Books.

Глава 6

Варианты применения метода в десяти исследованиях

Длительность, частота, сеттинг

Исследование 4 представлено Гвен Эдсхед

Что касается группы, то каждый отдельный ее участник непосредственно сталкивается с тем, что для наших целей я назвал первой основной проблемой социальной жизни, — с вопросом о его отношении к другим людям и к группе как целому. Он вынужден активно решать эту проблему.

(Foulkes, 1964, p. 58)

Группаналитическая психотерапия может не иметь объявленной даты окончания, быть ограниченной по времени или краткосрочной. Ее базовые различия обеспечивают широкий диапазон вариантов применения. Группы бывают открытые и закрытые (открытые группы могут быть быстрыми или медленными), смешанные и гомогенные, групповые встречи могут проходить один, два раза в неделю или чаще. Группы могут быть комбинированные, совмещенные и блоковые. Терапия может проходить в форме блоков из нескольких сессий, которые повторяются с некоторой периодичностью, или же на постоянной основе. Постоянные группы могут собираться раз в две недели, еженедельно или чаще, два или даже три раза в неделю. Групповая терапия может быть организована в частной практике или в государственных медицинских учреждениях, в амбулаторных или стационарных условиях, где она является важным ресурсом для терапевтических сообществ. Группы могут быть созданы для людей одного пола, возраста (например, дети, подростки или пожилые люди) или для людей со сходными проб-

лемами (например, для страдающих от расстройств пищевого поведения, наркомании, рака, для травмированных беженцев или людей, у которых проблемы с законом). Такие гомогенные группы позволяют предложить психотерапию более широким, чем считалось ранее, группам населения, жизнь некоторых из них находится далеко за пределами нормального социального опыта, и поэтому они требуют особого подхода. Также однородные группы используются службами психологической поддержки университетов и в блоковой форме применяются для обучения психотерапевтов.

Часть виньеток, приводимых в этой книге в качестве иллюстраций, основана на случаях из моей практики, другая часть почерпнута из работы моих коллег и супервизантов с их согласия. Я работал с группами в стационарных и амбулаторных психиатрических учреждениях Национальной службы здравоохранения (NHS), в волонтерских организациях по работе с людьми с особыми потребностями, в частной практике, в программах обучения психотерапии и на конференциях. Там, где сеттинг или контекст значимы, я сообщаю об этом в самом начале виньетки. Большинство виньеток представлены безотносительно к сеттингу, чтобы сосредоточиться на модели и подчеркнуть ее более широкую применимость. Я хотел бы сделать эту книгу широко применимой и в этом следую за Витакер, которая поясняет, что при написании ее книги «Группы как инструмент психологической помощи» ей «было необходимо разработать структуру, которая могла бы охватить значительное разнообразие групп пациентов и клиентов, широкий диапазон вариантов сеттинга и различный уровень профессиональной подготовки» (Whitaker, 1985, р. ix–x). В этой книге не будет рассматриваться организационный сеттинг, особые потребности определенных групп населения или контекст. Исследование этих важных аспектов практики будет предметом другой книги.

В этой главе будут обсуждаться десять случаев клинического применения группанализа, которые я считаю показательными. Фукс настоятельно рекомендовал проводить групповую терапию в смешанных группах, когда это возможно. Поскольку таким группам всегда свойственна некоторая гетеродоксия, они объединяют людей разных поколений и разных судеб, даже если есть конкретная проблема, которая прорабатывается в группе, например, психичес-

кие заболевания. Терапия в этом случае основывается на той первой проблеме, с которой встречаются ее участники: как обходиться с различиями. Когда участники видят, что другие люди в других жизненных обстоятельствах сталкиваются с такими же проблемами, что и они сами, то испытывают облегчение, которое нередко становится для них первым проблеском надежды. Это то, что Ялом называет универсальностью переживаний. Тема надежды обсуждается во введении к нашей книге. Фукс приглашает нас в «группаналитическую ситуацию», подчеркивая ее «специфику». В ней участвуют «индивиды, которые по отдельности сталкиваются со сложностями в отношениях с другими людьми» и которые при встрече «не имеют никакой другой цели, кроме как справиться со своими собственными проблемами» (Foulkes, 1964, p. 54). Он подчеркивает то, что он называет *первой основной проблемой социальной жизни* — как людям выстроить отношения друг с другом и с группой как целым. Каждый индивид в группе «вынужден активно решать эту проблему» (ibid., p. 58). Структура, устройство и состав группы продиктованы практическими соображениями, которые призваны обеспечить способность группы решить эту первую основную проблему в ходе процесса, который будет выглядеть следующим образом.

Группа поначалу черпает силу из авторитета лидера и стремится интегрироваться с его помощью. Эта предварительная интеграция исходит из незрелых... оснований... которые противодействуют зрелой интеграции... центрированной на группе... Как ведущий, терапевт непосредственно поддерживает эту центрированную на группе интеграцию... По мере того как группа сама набирает силу и становится способна интегрироваться, ее потребность в том, чтобы заимствовать силу, уменьшается. По мере того как авторитет лидера ослабевает, поддержку получает позитивная интеграция группы.

(Foulkes, 1964, p. 63)

Вигманн обобщил основные принципы, которые присутствуют во всем многообразии вариантов применения метода (Weegmann, 2014, p. 11). Они заключаются в одновременном наличии вертикальной и горизонтальной глубины, что позволяет группе «заменить авторитет лидера» своим собственным, поскольку ведущий проходит путь от «лидера группы к лидеру в группе» (ibid.). Эта модель гиб-

кая: значительные изменения могут произойти в группе пациентов всего за 20 или 30 сессий, а в виньетках 11.3 и 13.7 демонстрируется, как в группе, состоящей из участников конференции медицинских работников, происходят значительные изменения всего за четыре сессии.

Десять исследований

В этой главе мы приводим десять исследований, чтобы на их примере рассмотреть разнообразие, диапазон и историю метода, и постараемся описать подходы к его применению. Мы будем наблюдать их эволюцию и увидим, как они устроены на практике. Мы рассмотрим краткосрочные гомогенные группы с частотой встреч один раз в неделю; медленно открытые группы, проводимые на постоянной основе с частотой один или два раза в неделю и блоковые группы, проводимые в рамках учебных программ или предлагаемые в качестве «отдельной» терапии. Мы будем обсуждать литературу, относящуюся к этим подходам, доказательную базу, где она присутствует, и способы оценки эффективности работы. Восемь исследований проведены в рамках системы общественного здравоохранения, а два относятся к работе в частной практике. Предметом первых двух исследований, относящихся к работе в общественном здравоохранении, являются смешанные группы в амбулаторных психиатрических службах. Одно из них было проведено в Великобритании в 1975 году, а другое — в Норвегии в 2012 году. На протяжении почти сорокалетнего периода, который их разделяет, были проведены еще шесть исследований, в которых изучаются гомогенные группы для индивидов с особыми потребностями в условиях определенного сеттинга. Три таких исследования проведены в рамках судебной психотерапии: в больнице Хендерсон, в больнице Бродмур и в клинике Портман. Предметом других трех исследований гомогенных групп являются группа для мужчин-беженцев, группа для женщин, в детстве переживших сексуальное насилие, и группа для людей с тяжелыми психосоматическими заболеваниями, находящихся на амбулаторном лечении. Два оставшихся исследования посвящены смешанным группам в моей частной практике. В одном рассматривается блоковая групповая терапия, в том числе ее применение для обучения психотерапевтов. В другом изучаются медленно открытые группы с частотой два раза в неделю.

**Сопоставление двух подходов:
медленно открытые и ограниченные по времени группы**

Сравним две основные формы группаналитической психотерапии, чтобы понять, как их структурные различия влияют на другие измерения группы: процесс и содержание. Период жизни медленно открытой группы может измеряться десятилетиями, а состав может меняться: участники приходят и уходят, задерживаясь в группе столько, сколько им необходимо. Закрытая ограниченная по времени группа начинает свою работу с определенным составом участников, предполагается, что все ее участники завершат работу в ней одновременно. Если кто-то выбывает из такой группы, то пустые места остаются незанятыми на протяжении всего срока существования этой группы. В медленно открытых группах развитие будет зависеть от участников, которые приходят в группу и выходят из нее, и общих переживаний привязанности, роста, дифференциации и утраты, с которыми этот процесс сопряжен. На любом этапе развития группы, за исключением начала, участники будут находиться на разных стадиях терапевтического процесса и, работая вместе, они создают ресурс, который воспринимается как семья или психологический «дом», где есть «старшие» и «младшие», которые разделяют одно и то же пространство. Глубина и близость связей, которые возникают в группе, могут быть настолько трансформирующими, что участники начинают смотреть на свою жизнь по-новому и существующие проблемы отходят на второй план. День, когда уходит давний участник или приходит новичок, — это всегда событие. Это верно и для частной практики, и для медленно открытых смешанных групп мужчин и женщин, встречающихся еженедельно, как в клинике Портман, или три раза в неделю, как в Грендоне или больнице Хендерсон в Суррее, где они стали ядром терапевтических сообществ.

Все группы с самого начала обретают идентичность как единое целое. Даже в закрытой ограниченной по времени группе среди участников неизбежно произойдет дифференциация, и они начнут отличаться по уровню своего прогресса. В ограниченной по времени группе все участники находятся в одинаковом положении по отношению как к моменту начала группы, так и к ее надвигающемуся концу. Со всеми проблемами, возникающими на протяжении работы, начиная от вовлечения в работу группы и вплоть до заверше-

ния, участники сталкиваются совместно. Напротив, в сформировавшейся медленно открытой группе проблемы, связанные с началом и окончанием работы, влияют на каждого индивида в отдельности, так как участники приходят в группу и покидают ее каждый в свое время. Исходя из этих структурных различий, является ли неизбежным то, что динамика и содержание процессов в двух таких группах также будут различны? Будет ли матрица, которую генерирует структура медленно открытой группы, отличаться от матрицы закрытой ограниченной по времени группы, в которой процесс развития протекает более единообразно, поскольку участники начинают и должны заканчивать работу вместе? Эти вопросы мы обсудим в части II, в которой рассмотрим взаимосвязь между структурой, процессом и содержанием. Моя цель в данной главе — дать определения различных форм группаналитической психотерапии и сравнить их друг с другом.

Исходные термины, определения и литература

Определения: открытые, закрытые, медленно открытые, смешанные, однородные, блоковые, комбинированные и совмещенные группы

Открытые, закрытые, медленно открытые группы

Терминология и литература восходят к работам Фукса. Он определил открытую группу как:

...группу, состав которой меняется, в то время как группа как целое продолжает существовать. Новые участники время от времени приходят в нее, другие покидают группу по своим личным соображениям.

(Foulkes, 1948, p. 41)

Закрытая группа остается в том же составе, в котором она была сформирована, и предполагается, что все участники завершают работу вместе. *Медленно открытая группа* — это группа, в которой две трети состава в долгосрочной перспективе постоянны «с медленными изменениями по периферии».

(ibid.)

Комбинированные и совмещенные группы

Комбинированные группы могут быть открытыми или закрытыми, смешанными или однородными. Регулярные групповые сессии проводятся в сочетании с регулярными индивидуальными сессиями у того же терапевта для каждого участника. В Европе эта комбинированная модель вышла из употребления, однако ее подхватил Ормонт, коллега Фукса, работавший в Нью-Йорке. Он взял у Фукса термин *комбинированный* и дополнил его термином *совмещенный*, чтобы провести различие между случаем, когда ведущий одновременно является терапевтом, который проводит индивидуальные сессии для участников группы, и случаем, когда все участники встречаются для параллельных индивидуальных сессий со сторонним терапевтом (Ormont, 1992, 2001).

Смешанные (гетерогенные) и однородные (гомогенные) группы: первая книга Фукса

Фукс разработал технику использования смешанных медленно открытых групп, работая сначала в Эксетере в первые годы Второй мировой войны, а затем сразу после войны в госпитале Святого Варфоломея в Лондоне. В промежутке между этими событиями он организовал закрытые однородные группы для военнослужащих, уволенных с действительной службы из-за психологических проблем, и стал руководителем второго эксперимента в военном госпитале Нортфилда, где с марта 1943 года по декабрь 1946 года групповая терапия впервые была использована в рамках стационарного лечения. Его первая книга, описывающая эти годы, была опубликована в 1948 году (Foulkes, 1948, p. 42–54; Harrison, 2000).

Медленно открытые группы: последующие работы Фукса и их влияние

После войны Фукс возглавил департамент психотерапии больницы Модсли, а с 1950 года работал в частной практике в Лондоне. В это время его модель медленно открытых групп окончательно оформилась (Roberts, Pines, 1991, p. 32–54). Его вторая книга, написанная вместе с Энтони, была опубликована в 1957 году и описывает дальнейшее развитие теории и практики. Свои усилия по ведению еженедельных медленно открытых групп он объединил с рядом коллег в рамках созданной в 1963 году организации под названием «Групп-

аналитическая практика». Там он продолжал работать до самой своей смерти в 1976 году. За это время в рамках группаналитического метода стали использоваться медленно открытые смешанные группы с частотой сессий один и два раза в неделю, разные медленно открытые однородные группы с частотой встреч один раз в неделю и группы пар, проводимые двумя ко-терапевтами вместе. В 1964 и 1975 годах Фукс опубликовал еще две книги. Тогда же были созданы Институт группового анализа и Институт семейной терапии, под эгидой которых был организован целый ряд учебных программ. Это было время совместной работы. Заметный вклад в развитие метода внесли другие группаналитики, некоторые из них стали основателями Института группового анализа. Чуть позже Скиннер создал Институт семейной терапии. Он основывался на тех же идеях, но привлек других коллег. Также работа Фукса оказала большое влияние на практикующих терапевтов в Северной Америке. Среди них такие разные фигуры, как Гротьян в Калифорнии (Grotjahn, 1993, p. ix; Grotjahn et al., 1983, p. 4, 13, 221) и Шейдлингер в Нью-Йорке (Scheidlinger, 1982, p. 67, 76, 100, 111, 190, 217, 247), Агазарян с ее системным подходом (Agazarian, Peters, 1981, p. 20) и Ормонт с его психоаналитическим подходом (Ormont, 1992, 2001; Ormont, Furgeri, 2001, p. 355–371).

Современное разнообразие практик

Разностороннее развитие группаналитической практики привело к тому, что длительные группы стали работать более интенсивно. Группы в терапевтических сообществах и на базе больниц теперь идут с интенсивностью более чем один раз в неделю. Некоторые из них, исходя из приведенных выше определений, следует называть *быстро открытыми* из-за сильной текучести их состава. Сессии некоторых групп в стационарных отделениях проводятся дважды или трижды в неделю, а иногда и ежедневно. К сожалению, количество персонала, помогающего людям, которые испытывают в этом острую и хроническую потребность, уменьшается, что ставит под угрозу возможность такой интенсивной работы. С другой стороны, в частной практике продолжают процветать более интенсивные медленно открытые группы, которые впервые были применены в Центре группаналитической практики в Лондоне в середине 1960-х годов, как описано выше. Эти *медленно открытые группы*

с частотой два раза в неделю стали самым популярным подходом для работы с широким кругом проблем, и ниже мы рассмотрим их подробно.

Еженедельные группы в системе общественного здравоохранения: смешанные и однородные, медленно открытые и закрытые

Мы отобрали восемь знаковых исследований, чтобы показать, что на всем протяжении своего развития с 1975 года по настоящее время групповая психотерапия остается важным ресурсом для общественного здравоохранения. Эти исследования репрезентативны, но не претендуют на то, чтобы быть исчерпывающими. Первое исследование, которое провела Дик в Великобритании в 1975 году, посвящено еженедельным смешанным группам в амбулаторных психиатрических службах. Второе исследование было выполнено Лоренцем спустя примерно сорок лет, он рассматривает подобные службы в Норвегии. Остальные шесть исследований осуществлены в этот сорокалетний временной промежуток. В них изучаются группы, состоящие из людей, сталкивающихся с такими проблемами, которые помещают их далеко за пределами нормального социального опыта, что и обуславливает использование гомогенных групп. В главе 1 показаны и противопоставлены для групповой психотерапии предложены в качестве критериев включения и невключения участников в группы разных видов. Также подчеркивается, что в клинической практике контрольные списки и категории могут использоваться лишь ситуативно. Там же упоминаются исследования работы в группах, собранных из людей, которых по всем критериям не следовало бы включать. Когда речь идет об однородных группах для особых категорий пациентов, то диапазон потенциальных кандидатов в группы намного шире. Шесть из десяти клинических исследований, приведенных в этой главе, дают ясное представление о том, как сегодня в Великобритании обстоят дела с группаналитической работой с однородными группами. За пределами Великобритании в этом направлении сделано еще больше. В качестве примера приведем публикации Урлича и его коллег, описывающих групповую работу с военными травмами в Хорватии (Urlić, Tocilj-Šimunković, 2009). Только из-за ограниченности объема этой книги мы не будем их здесь подробно обсуждать. Эти шесть британских исследований описывают

работу с группами, полностью состоящими из людей, ранее считавшихся безнадежными для динамической психотерапии. Исследования 3–5 описывают модель, используемую в судебной-медицинской работе в различных условиях; исследования 6–7 — модель, применяемую в работе с людьми, пережившими тяжелые травмы; а исследование 8 демонстрирует модель, разработанную для работы с физически больными людьми.

В рамках судебной системы групповая терапия имеет целью помочь пациентам взамен действий находить слова, которые могли бы выразить их импульсы и навязчивые влечения. Некоторым это позволяет реорганизовать и скорректировать свое поведение в будущем, другим — смириться с тем, что они натворили в прошлом. Так, в исследовании 4, подготовленном Эдсхед, речь идет о тяжких преступлениях. Основная часть работы группы состоит в том, чтобы предоставить психическое пространство, в котором участники могут обдумывать, обсуждать, признавать, принимать и вербализовывать страдания, которые они пережили сами, или причинили другим. По мере того как внутренние преследующие и полные мстительности монологи выливаются в диалог и дискурс, становится возможным поделиться прошлым и настоящим с другими.

Групповая работа с людьми, пережившими травматические события, — довольно новая область современной клинической практики. Однако еще Фукс, работая в Нортфилде с травматическими последствиями боевых действий, признавал ее актуальность. Его основополагающая работа описывается во введении к этой книге. В этой области, которая сегодня приобретает особое значение, активно применяется работа в однородных группах. В исследовании 7 описаны группы для людей, ставших жертвами сексуального насилия, а в исследовании 6 идет речь о группах для переживших пытки и другие формы организованного насилия. Здесь групповая психотерапия призвана помочь справиться с тяжелыми психическими и физическими травмами, с проблемами принудительной миграции и изгнания, а также межкультурными проблемами. В главе 7 будут описаны различные типы групп, в том числе деятельностные, направленные на решение проблем и психодинамические группы. Это разнообразие гарантирует, что каждому может быть предоставлена среда, в которой он сможет реализовать свой потенциал к самовосстановлению. Успешные программы противодействуют чувствам безнадежности и отчаяния, основываясь на приверженнос-

ти правам человека, принципам позитивного вмешательства и командной работе, которая помогает справиться с проблемами контрпереноса.

Смешанные группы с частотой один раз в неделю в амбулаторных психиатрических службах

В исследованиях 1–2 описаны группы для индивидов, которые получают психиатрическое лечение. Диагностические категории для участников из исследования Дик приведены ниже. В виньетках 2.2, 2.5, 10.9, 12.1, 13.5, 15.3, 16.3, 19.1 и 20.1 описаны участники смешанных групп, страдающие от психиатрических проблем.

Исследование 1. Дик. Амбулаторная аналитическая групповая психотерапия. Десятилетнее исследование результатов терапии

Это одно из самых ранних исследований аналитической групповой психотерапии в рамках Национальной службы здравоохранения. Оно проводилось на протяжении десяти лет и было опубликовано сначала в Британском журнале психиатрии (Dick, 1975), а затем в сборнике под редакцией Пайнса «Эволюция группового анализа» (Pines, 1983). Дик оценивала работу одиннадцати терапевтических групп, которые она вела. В общей сложности в них было девяносто три участника, каждый из которых провел в амбулаторной групповой психотерапии до двух лет. Она опиралась на работу Фукса и Энтони, которую называла своей «настойной книгой» (Dick, 1975, p. 54, 62). Групповая терапия рассматривалась как «конец терапевтического пути» и теми, кто направлял пациентов в группу, и самими пациентами. Большинство из них имело долгую историю предыдущих терапевтических неудач. Чтобы обеспечить оптимальный потенциал для изменений, Дик установила самые скромные критерии для включения участников в терапевтические группы, а именно: текущую занятость (в качестве домохозяйки или вне дома), постоянное проживание поблизости и возраст не более сорока пяти лет. Процедура отбора предусматривала минимум пять предварительных индивидуальных сессий, сфокусированных на симптомах, которые были как причиной, так и следствием долгого пребывания участников в зависимой роли пациента. Они были направлены на то, чтобы заключить терапевтический альянс с пациентом, его семьей, врачом общей практики и уже задействованными помогающими организациями. Терапев-

тический «контракт» требовал регулярного посещения в течение, как минимум, восемнадцати месяцев, соблюдения конфиденциальности участников группы, готовности принести в группу болезненные материалы (чувства и события жизни), отсутствие контактов и общения между участниками вне сессий и прекращение индивидуальных контактов с ведущим.

Групповая работа предоставляла участникам «возможность сменить свой статус хронического пациента на статус человека, который справляется со своими проблемами сам». Цели исследования заключались в том, чтобы: 1) проверить предположение о том, что закрытая аналитическая терапевтическая группа может выступать в качестве агента позитивных изменений, помогая своим участникам перейти от статуса хронического пациента к статусу человека, который справляется со своими проблемами сам и не зависит от психиатрических служб, 2а) сформулировать факторы, определяющие пригодность пациентов для аналитической групповой терапии, 2б) определить, группы какой структуры лучше подходят для пациентов, привыкших к терапевтическим неудачам, 3) сформулировать, как меняются состояние и установки участников группы, а также пронаблюдать за тем, сохраняется ли этот результат после завершения работы группы.

Пациенты страдали от всех симптомов, перечисленных в шкале оценки тревожности Гамильтона. Симптом, на котором пациент делал наибольший акцент, принимался как основной. В порядке убывания частоты эти симптомы были следующими: депрессия (40), тревога (10), фобическая тревога (9), сексуальные проблемы (9), психосоматические проблемы (8), обсессивно-компульсивное проблемы (6), психоз (5), агрессивное антисоциальное поведение (4) и алкоголизм (2). Наиболее серьезными из этих проблем были симптомы обсессивно-компульсивного расстройства, трудности и отклонения в сексуальной сфере, психоз, неконтролируемое антисоциальное или агрессивное поведение и алкоголизм. Тринадцать пациентов страдали пограничными синдромами, включая параноидальные идеи, бред, зрительные или слуховые галлюцинации. Описывая групповую динамику в контексте фаз развития группы Дик, опиралась на модель Такмана, хотя и внесла в нее некоторые важные изменения, что отражено в таблице 6.1 (Tuckman, 1965).

Метод Дик для оценки изменений в результате групповой терапии. Для оценки этих групп она применяет простую, но изобре-

Таблица 6.1

Фазы развития группового процесса и содержания по Дик
(Dick, 1975, переиздание: 1983, р. 62)

Фаза	Название фазы	Преобладающая динамика
1	Магическое начало	Идеализация ведущего и группы как «долгожданного» решения
2	Гнев и бунт	Когда идеализация сменяется разочарованием и происходит столкновение с реальностью обстоятельств
3	Депрессия и безнадежность	Общее отчаяние, увеличение числа жалоб на группу и на то, что происходит дома, усиление суицидальных размышлений и угроз
4	Открытое сиблинговое соперничество	Конфликт внутри группы, соперничество и взаимные обиды
5	Индивидуация	Отказ от проекций, постоянная индивидуация, я как нечто отдельное, отношение к другому как к личности
6	Размышления о времени	Обращение взгляда в прошлое и в будущее, благодарность терапевту как личности, новое понимание реальности
7	Горевание и надежда	Горевание в связи с расставанием, которое приводит к гореванию по поводу прошлого и надежде на будущее

тательную конструкцию, которая служит примером того, какими инструментами может пользоваться терапевт и каких результатов может достичь. Если бы я был лучше знаком с инструментом Дик в то время, когда начинал исследовательскую работу в своих группах, идущих с частотой два раза в неделю (они будут описаны ниже), я бы и сам им воспользовался. В пяти первичных интервью, которые уже упоминались, она определяла конкретные области беспокойства и то, как они соотносятся с восемью аспектами жизненных ситуаций. Эти аспекты перечислены в таблице 6.2.

Первые три аспекта опираются на фрейдовское описание результата успешной терапии: «Быть способным любить и работать». Его мы обсуждали во введении к этой книге. Физическое здоровье тесно связано с этими аспектами. Досуг, противопоставленный выживанию, относится к самоактуализации (Goldstein, 1939). До начала терапии искажения и конфликты были наиболее заметны в областях

Таблица 6.2
Восемь аспектов жизненных ситуаций
 (Dick, 1975, переиздание: 1983, р. 64)

1	Брак
2	Работа
3	Сексуальные отношения
4	Физическое здоровье
5	Досуг
6	Представление о себе
7	Понимание себя
8	Симптомы

отношений, представления о себе и понимания себя. Подразумевается, что по итогам эффективной терапии пациент станет способен воспринимать себя и других надлежащим образом здесь и сейчас и без искажений, вызванных переживанием переноса. Аспект симптомов был добавлен специально для того, чтобы дать пациентам возможность оценить свою зависимость от психиатрического лечения.

В ходе пяти индивидуальных сессий, проведенных перед стартом групп, терапевт вместе с пациентом оценивала уровни удовлетворенности по восьми аспектам. Постгрупповая оценка была проведена на завершающем собеседовании с пациентом с учетом его ответов на вопросы анкеты. Изменения как правило носили глобальный характер. Оказалось, что каждый аспект влияет на все остальные. Поэтому уровни удовлетворенности по всем аспектам были примерно равными. Перед началом работы группы для всех девятиста трех пациентов была сделана оценка приемлемости этих восьми аспектов в их жизни. Пятьдесят человек (53,7%) получили оценку С (все аспекты были неприемлемы); только шестнадцать (17%) имели оценку выше В2. Ни один из пациентов не был оценен выше В4 (четыре приемлемых аспекта).

Уровни удовлетворенности после завершения работы групп. После завершения работы групп семьдесят пациентов (75%) прошли оценку. Шестьдесят четыре из них принимали участие в работе групп с начала до конца, а шесть других, посетив не менее 30 сессий, покинули группы досрочно по соглашению с группой и тера-

Таблица 6.3

Уровень удовлетворенности/неудовлетворенности по восьми аспектам, оцениваемым пациентом/терапевтом (Dick, 1975, переиздание: 1983, р. 64–65)

Уровень	Описание
A	Все восемь жизненных аспектов, приведенных выше, приемлемы для пациента
B7	Семь жизненных аспектов приемлемы для пациента
B6	Шесть жизненных аспектов приемлемы для пациента
B5	Пять жизненных аспектов приемлемы для пациента
B4	Четыре жизненных аспекта приемлемы для пациента
B3	Три жизненных аспекта приемлемы для пациента
B2	Два жизненных аспекта приемлемы для пациента
B1	Один жизненный аспект приемлем для пациента
C	Все жизненные аспекты неприемлемы для пациента

певтом. Таблица 6.4 показывает уровни этих семидесяти пациентов после завершения групповой терапии. Шестьдесят семь (90%) имели уровень выше B2 по сравнению с 17% имевших уровень выше B2 до терапии. Из таблицы 6.4 видно, что у 61 пациента (87%) наблюдались положительные изменения, а у одного пациента — отрицательные. Восемь не показали изменений. Изменение регистрировалось, если уровень менялся на три или более балла — например, с B2 на B5 или с B4 на B1.

Несмотря на то, что Дик использовала эти инструменты довольно давно, а потом они были незаслуженно забыты, их дальнейшее применение имеет огромное значение. Теперь возвращаясь к вопросам, которые она задает в начале исследования, можно сказать, что закрытая аналитическая терапевтическая группа в качестве агента позитивных изменений обладает потенциалом для изменения статуса хронического пациента на статус человека, который справляется со своими проблемами сам и не зависит от служб психиатрической помощи. В ее исследовании определяются факторы, значимые для применимости для данных пациентов аналитической групповой терапии. В нем определяются структуры групп, подходящие для пациентов, ожидающих терапевтической неудачи, и формулируется то,

Таблица 6.4

Изменение уровня удовлетворенности за время работы группы по всей выборке (Dick, 1975, переиздание: 1983, р. 66)

	A	B7	B6	B5	B4	B3	B2	B1	C	Всего
<i>Уровень удовлетворенности до начала работы группы по всей выборке</i>										
Количество пациентов	—	—	—	—	6	10	15	12	50	93
<i>Уровень удовлетворенности после завершения работы группы по 70 участникам (75%), которые завершили групповую терапию</i>										
Количество пациентов	4	21	18	13	5	6	1	—	2	70
<i>Изменение* уровня после завершения работы в группе</i>										
	Позитивные изменения			Отсутствие изменений			Негативные изменения			Всего
Количество пациентов	61			8			1			70

Примечание: * Изменением мы считаем перемену уровня на 3 пункта в любом направлении. Например, C—B3 или B4—B1.

как меняется состояние и отношение пациентов в результате терапии. Вопрос о том, сохраняются ли эти изменения после завершения работы, не рассматривается.

Источник: Dick (1975; reissued: 1983)

Исследование 2. Лоренцен. Исследование SALT-GAP в Норвегии

Это исследование было проведено в общественных психиатрических службах Норвегии спустя почти сорок лет после работы Дик. Каждый из девяти опытных ведущих, прошедших группаналитическое обучение, вел по одной краткосрочной и одной долгосрочной группе из восьми пациентов. Для оценки того, насколько значима продолжительность лечения, в этом исследовании объединены клинический и исследовательский опыт. Оно «опровергает ошибочное представление о том, что в нашей области знания ощущается недостаток эмпирических данных» (Leszcz, 2014, р. viii). Лоренцен в своем рандомизированном контролируемом исследовании краткосрочной и долгосрочной групповой аналитической психотерапии (short-term and long-term group-analytic psychotherapy — SALT-GAP) сравнивает эти два вида терапии. Сто сорок восемь пациентов, страдающих от де-

прессии, тревожности, легких или умеренных расстройств личности, были направлены общественными центрами психического здоровья, частными психиатрами и психологами для объединения в смешанные закрытые группы, работающие с периодичностью один раз в неделю. Этим пациентов можно назвать типичными, представляющими репрезентативную выборку. Они были случайным образом распределены между краткосрочными группами продолжительностью 20 сессий и долгосрочными группами продолжительностью 80 сессий. В ходе исследования проходило наблюдение за процессом и оценивались результаты работы восемнадцати групп. За ведущими наблюдали, их супервизировали, а после терапии аудиозаписи сессий оценивались с точки зрения того, насколько компетентно проводилась терапия и соблюдались ли рекомендации по лечению. Другой целью исследования было «с помощью теоретически оправданных, стандартизованных показателей попытаться высветить центральные аспекты клинических феноменов и связать их с результатами лечения» (Lorentzen, 2014a: xvi). Предлагая «краткий обзор центральных аспектов и концептуальную рамку для основополагающих элементов клинической работы [в]... групповой психотерапии», Лоренцен обосновывает то, что он называет «руководящими принципами лечения» (ibid.).

В нашей книге мы воспроизводим описание Лоренцем этих центральных аспектов. «Реальный инструмент лечения — это группа, — пишет он, — а задача ведущего состоит в том, чтобы вовлечь группу в этот процесс... исследовательской терапии», — который ориентирован на то, чтобы оптимизировать взаимодействие между участниками группы, повысить их внимательность к групповой динамике и к внутренним конфликтам участников, и в конечном итоге способствует коррективке иррациональных форм поведения и проблемных паттернов в группе и вне ее (Lorentzen, 2014, p. 3). Методология фокусируется на структуре, процессе и содержании, о которых в нашей книге мы поговорим в части II. Описывая общие и специфические групповые факторы, Лоренцен использует некоторые концепции, рассматриваемые в главе 10. Он предлагает перечень вариантов вмешательств ведущего, заимствованный у Робертса и Кеннарда. В главе 1 в таблице 1.4 этот перечень приводится в переработанном Лоренцем виде.

Этот набор инструментов ведущего, наряду с другими терапевтическими приемами учитывался при подготовке терапевтов, участ-

вовавших в исследовании. Два наблюдателя вслепую и независимо друг от друга прослушали и оценили записи 40 групповых сессий, случайно выбранных из 54 репрезентативных для всех ведущих. Были поставлены следующие вопросы:

1. Является ли терапия группаналитической (психодинамической)?
2. Можно ли достоверно отличить краткосрочный формат терапии от долгосрочного?
3. Проводится ли терапия квалифицированно, есть ли разница в качестве между краткосрочной и долгосрочной терапией?

Основываясь на трех показателях, оценщики пришли к выводу, что в обоих случаях терапия была группаналитической. Во-первых, поскольку прорабатывался перенос и сопротивление и на групповом, и на индивидуальном уровнях; во-вторых, поскольку группы были ориентированы на процесс; в-третьих, поскольку ведущий и участники группы работали с межличностными проблемами. Краткосрочные и долгосрочные группы различить оказалось возможно, поскольку пациенты в первых больше занималась очерченным кругом проблем и в большей степени работали «здесь-и-сейчас», как это и предписывается в руководствах по терапии. Уровни активности ведущих в обеих группах оказались равными. Показатель компетентности ведущего оценивался по специально разработанной восьмибальной шкале. Компетентность в обоих форматах оказалась равной — от средней до высокой.

Клинически значимые факты. Полученные данные сгруппированы по трем направлениям: результаты терапии, факторы процесса и механизмы изменений.

1. *Результаты.* Было обнаружено, что «в течение трехлетнего периода исследования у типичного пациента группы наблюдались значительные изменения в симптоматике и психосоциальном функционировании, но разницы в изменениях между краткосрочными и долгосрочными группами для среднего пациента не наблюдалось» (Lorentzen, 2014, p. 85). Однако, когда сравнили результаты каждого из двух типов групп для пациентов с расстройствами личности и без них, картина изменилась. В течение первых шести месяцев индивиды с расстройствами личности менялись одинаково в группах обоих типов. Однако впоследствии изменения для лиц с расстройствами личности в длительных

группах были гораздо более значительными, чем у таких же пациентов в краткосрочных группах. Индивидам с расстройствами личности лучше подходит долгосрочная терапия, в то время как для тех, у кого нет личностных расстройств, принципиальной разницы между двумя типами терапии нет.

2. *Групповой процесс.* Лоренцен опирался на работу Джонсон и ее коллег (Johnson et al., 2005), они обнаружили, что четыре критерия, которые часто используются для оценки групповых отношений (эмпатия, терапевтический альянс, сплоченность и групповая атмосфера) позволяют идентифицировать сплоченность в группах, которая является следствием как структурных, так и отношенческих, или качественных, факторов. Структурными компонентами (как горизонтальными, так и вертикальными) являются отношения «участник—участник», «участник—ведущий» и «участник—группа». Исследование Лоренцена показало, что альянс «участник—ведущий» наиболее важен на ранних этапах терапии, в то время как альянс «участник—участник» становится важным на поздних этапах. Исследователи обнаружили, что отношенческие, или качественные, факторы в группах были следствием трех независимых факторов: позитивных эмоциональных связей, хороших рабочих отношений и негативно-го фактора, состоящего в желании избегать конфликтов.
3. *Механизмы изменений.* Пока представлены только предварительные результаты исследования, но и они представляют интерес. Исследуя *негативный атрибутивный стиль*, Лоренцен предпринял попытку измерить склонность пациентов к самокритике, самообвинению и пессимистическому взгляду на будущие отношения и перспективы. Было обнаружено, что у пациентов из длительной двухлетней группы эта склонность снизилась значительно сильнее, что, по мнению авторов, указывает на «изменение негативного атрибутивного стиля» как на вероятный механизм изменений. Исследователи осторожно относятся к своим выводам, однако мы можем увидеть в них многое из того, с чем встречаемся на практике, еще раз оправдывая цели, которые мы ставим себе в этом пособии. Их дальнейшие выводы, когда они будут опубликованы, станут важным вкладом в нашу область.

Источники: Bakali, Baldwin, Lorentzen (2009); Lorentzen (2000, 2014a); Lorentzen et al. (2002, 2013, 2015)

Однородные группы.**Шесть специализированных исследований**

Шесть следующих исследований относятся к продолжительному периоду, разделяющему работы Дик и Лоренцена. Существует много других исследований, которые можно было бы обсудить. Отобранные здесь подтверждают релевантность группаналитической терапии в малых группах для пациентов, потребности которых выходят за рамки нормального социального опыта и которым в наибольшей степени помогает подход, учитывающий особенности их категории, в специальных условиях однородной группы.

Исследование 3. Малые группы в терапевтических сообществах.

Больница Хендерсон и ее последователи: Грендон, Мэйн Хаус и Уэбб Хаус. Развитие, упадок и наследие

Максвелл Джонс был первым директором больницы Хендерсон, созданной в 1947 году как реабилитационный центр для ветеранов Второй мировой войны. Эволюции применявшейся там модели терапевтической реабилитации посвящена известная книга Рапопорта «Сообщество как врач» (Rapoport, 1960). В ней описывается *терапия средой* для людей с тяжелыми расстройствами личности, сочетающимися с сопутствующими расстройствами, такими как психические заболевания и зависимости. Среда «не только находится в фокусе внимания Центра [но и] тотальна... Каждый аспект жизни в больнице рассматривается как важный и потенциально терапевтический... Термин «терапевтическое сообщество» используется для того, чтобы обозначить, что больница [Центр] участвует в деле лечения целиком» (ibid., p. 270). «Четыре основные темы, [на которых] зиждется идеология Центра», вошли в историю как символы такого подхода — «реабилитация через столкновение с реальностью, демократизация, терпимость и коммунизм» (ibid.). И эти темы, широко известные в наше время, а также воздействие среды тесно связаны с группами. За более чем шестьдесят лет в больнице Хендерсон, расположенной в Саттоне, в юго-западной части Лондона, работало не одно поколение преданных своему делу врачей, многие из которых прошли обучение групповому анализу либо до своего поступления туда, либо уже во время работы. Они добивались успехов в работе даже с самыми трудными категориями пациентов, «проводили и публиковали исследования расстройств личности и связанных с ними вопросов, [а так-

же] внесли свой вклад в обучение специалистов, проводя занятия, еженедельно принимая посетителей и... организовывая конференции по проблемам, связанным с самоповреждением» (Warren, Dolan, 2001, p. 1). Уайтли, второй директор больницы, пишет, что «различные исследования, проведенные в больнице Хендерсон... выявили группу людей... которых нельзя вполне назвать ни преступниками, ни психически больными и с которыми, однако, не могут справиться ни пенитенциарные, ни медицинские службы. Оказалось, что эти люди хорошо реагируют на сочетание социотерапии и психотерапии, к которому мы пришли» (Whitely, 1980/2001, p. 7).

Однако социальная политика постоянно угрожала самому существованию этой службы. Уайтли пишет с горькой иронией о том, что:

...как раз, когда вышел первый выпуск Международного журнала терапевтических сообществ, прославивший больницу Хендерсон... как первое терапевтическое сообщество и оценивший по достоинству его работу и значение для мировой психиатрии, больница снова оказалась под угрозой закрытия.

(*ibid.*)

Тогда, в 1980 году, она устояла и развивалась еще какое-то время. В 1993 году британские правительственные эксперты, отмечая нехватку услуг для данных категорий населения, призвали создать «больше специализированных отделений, подобных больнице Хендерсон», в которой к тому времени уже была создана служба поддержки населения (Warren, Dolan, 2001, p. 1). Были даны рекомендации «воспроизвести эту модель лечения в Мидлендсе и на северо-западе Англии. В 2000 году открылись новые терапевтические сообщества Мэйн Хаус и Уэбб Хаус и связанные с ними службы поддержки населения» (*ibid.*, 2). Всего семь лет спустя больница Хендерсон была закрыта. Мэйн Хаус и Уэбб-хаус закрылись в 2010 году.

Хотя было заявлено, что основанием для закрытия были финансовые проблемы, причины остаются непонятными, так как потребность в таких услугах осталась высокой. Даже в этом кратком обзоре просматривается двойственное отношение общества к групповому подходу, эффективному для работы с этой категорией населения. Модель больницы Хендерсон, с одной стороны, хорошо зарекомендовала себя как терапия для «самых сложных случаев», с другой стороны, позволяла удовлетворить более широкий круг

запросов: организовывались «непрестанные... однодневные визиты... и тренинги... которые являются свидетельством сохраняющейся потребности в обучении специалистов, работающих с этой категорией клиентов» (ibid., p. 1). Адлам и его коллеги описывают терапевтическую среду, подвергающуюся критике по причинам, не имеющим рационального или объективного основания (Adlam et al., 2012). Пытаясь понять причины разрушения этих институтов, мы должны искать более глубокие и скрытые объяснения, нежели финансовые проблемы, и нам придется сделать вывод, что эти потаенные причины являются порождением более широкого институционального и политического контекста. В цитате из книги «Анти-группа», открывающей главу 7, Нитсан указывает нам на некоторые из этих проблем.

Во время Второй мировой войны в Нортфилде Мэйн применил термин «терапевтическое сообщество» к терапевтической реабилитации военнослужащих. В больнице Хендерсон его «концепция «культуры исследования» получила импульс к дальнейшему развитию» (Norton, 1992a/2001, p. 43). Нортон, последний директор этой больницы, пишет о том, что «культура и структура описываются в их взаимодействии и в их совокупном воздействии на терапевтические изменения» (ibid.). Он считает, что «всю программу лечения можно представить как одну аналитическую сессию с персоналом, вовлеченным в непрерывную ситуацию переноса и контрпереноса» (ibid., p. 47). Культура исследования поддерживается с помощью четко структурированной программы, в которой, по словам Нортон, «воспитание вовлеченности» является «первостепенной задачей» (ibid., p. 31), и указывает на важнейшее значение психотерапии в малых группах. Малые группы были частью четко структурированной программы для резидентов, включающей ежедневное собрание сообщества в форме динамической большой группы, за ней три раза в неделю следовали малые группы. Послеобеденное время посвящалось арт-терапии, психодраме, садоводству и выполнению бытовых обязанностей. В те два дня в неделю, когда не было психотерапии в малых группах, во второй половине дня проводились сессии однородных по полу групп.

Странно, что так мало написано об этих малых группах. Объяснение этому можно найти в ранней статье Уайтли и Коллис, в которой они использовали метод Блоха для оценки «самого важного события» в терапии (Whitely, Collis, 1987). Самыми важными терапевти-

ческими факторами были обучение межличностному взаимодействию, принятие и понимание себя. Однако половина из этих событий происходила за пределами групп «формальной терапии», но в рамках сообщества, что подчеркивает важность круглосуточной социотерапии. По конкретным аспектам группового и терапевтического процесса наиболее многообещающими являются статьи, написанные Коллис о женских группах (Collis, 1987) и Нортоном о присоединении к группе и уходе из нее (Norton, 1998).

Работа в тюрьме Грендон, в отделении Миллфилдс и более широкое поле применения. Вклад, который внесла психотерапия в малых группах в более широкую программу терапевтических сообществ, наилучшим образом представлен в работе других учреждений. В их числе Грендон, тюрьма среднего уровня безопасности, работа в которой опирается на принципы, применяемые в больнице Хендерсон. В этой тюрьме было пять, а иногда и шесть отдельных терапевтических сообществ, в каждое из которых было включено около сорока заключенных. Недавно там было открыто отделение для людей с ограниченными возможностями обучения, которые ранее были лишены терапии. В этом судебно-медицинском учреждении, как почти нигде больше в мире, проводится большое количество исследований, установлены стандарты хороших отношений между персоналом и резидентами, а также низок уровень насилия и самоповреждения. Одним из ключевых ресурсов является психотерапия в малых группах в группаналитическом подходе, и исследования показывают более низкий уровень повторного совершения правонарушений среди тех, кто провел в условиях ограничения свободы больше полутора лет (Tucker, Wylie, 2006). В новых судебно-медицинских центрах, таких как отделение Миллфилдс в Центре Джона Ховарда, также ведется новаторская работа. В 2004 году ими была начата программа по работе с опасными и тяжелыми расстройствами личности, которая предполагает диагностику и лечение лиц с таким диагнозом, имеющих высокий риск серьезных правонарушений (категория пациентов, которые ранее считались неизлечимыми), для которых группаналитическая психотерапия является ключевым ресурсом (Verebes-Weisz, 2011).

Источники: Campling, Haigh (1998/2002), Collis (1987),
Haigh (1998/2002) в: Campling, Haigh (1998/2002, p. 246–257),
Jones (2004), Kennard, Haigh (2009), Norton (1998),
Parker (2006), Tucker, Wylie (2006), Verebes-Weisz (2011)

Исследование 4. Психотерапия в малых группах для людей, совершивших убийства. Параграф написан Гвен Эдсхед и посвящен ее работе в больнице Бродмур (строгий режим)¹

В 2003 году централизованная служба групповой работы больницы Бродмур организовала работу групп психодинамической терапии для людей, которые убили кого-то из близких в момент, когда они (преступники) были психически нездоровы. Работа в этих группах опиралась на новаторский опыт Мюррея Кокса, который предложил использовать психодинамические группы в больнице Бродмур, а также Марка Хиллбранда и Джона Янга из Йельского университета, которые создали терапевтическую группу для людей, убивших одного из родителей. Терапевтическая группа для людей, совершивших убийство, была задумана как дополнение к когнитивно-поведенческой части программ снижения риска и рассматривалась в качестве части программы реабилитации и восстановления, предлагаемой всем пациентам. Вторая группа была сформирована в 2010 году и состояла из пациентов, которые убили кого-то незнакомого в момент, когда были психически больны.

Работая в рамках традиционного формата динамической групповой терапии, терапевты недвусмысленно заявляли о важности личной «истории» каждого участника, связанной с их преступлением. Терапевты подчеркивали, что, если участник (все пациенты были мужчинами) позволит себе больше думать о своем преступлении и о том, как оно повлияло на него и окружающих, то эта «история» может со временем измениться. Терапевты имели в виду концепцию «истории для прикрытия» (Adshead, 2011), которая могла меняться по ходу терапии, так что «история» того, что произошло, становилась глубже и включала все больше подробностей и нюансов.

Ключевым аспектом любой терапии для правонарушителей является сдвиг нарратива в сторону принятия на себя ответственности за свои действия. Обычно участники группы начинают с того, что перекладывают ответственность за свое насилие на свою болезнь или какую-либо другую внешнюю «силу», но затем они начинают осознавать себя как субъекта действий, ответственного за свои действия, какими бы ошибочными они ни были. Терапевтов также интересует переход от *непоследовательного* повествования («меня заставили это сделать голоса») к более связному повествованию, которое не только отражает признание ответственности, но и выра-

жает более широкое понимание последствий убийства, чем собственная точка зрения.

Эта группа отличалась высоким уровнем посещаемости и небольшим количеством выбывших. Большинство мужчин оставались в группе до момента выписки из больницы. Как и во многих психодинамических группах, в силу отсутствия единого дискретного результата, к которому можно было бы стремиться, и индивидуального характера продвижения в терапии было сложно дать оценку. Участники положительно отзывались о своем опыте в группе, особенно о том, как группа снижает их чувство социальной изоляции. В исследовании Феррито с соавт. отмечается, что участники группы говорили о возможностях искупления после убийства и о своем желании «исправить положение» в будущем (Ferrito, Vetere, Adshead, Moore, 2012). В недавнем обзоре мы исследовали, в какой степени участники группы могут показать, что они «смирились со своим преступлением», это является важной частью процесса восстановления (Adshead, Ferrito, Bose, 2015). Мы обнаружили, что эти группы становятся местом, где участники могут безопасным и просоциальным образом исследовать свою идентичность как людей, которые совершили убийство, и где они в диалоге могут попытаться понять, как жить тому, кто совершил что-то ужасное.

В своей фуксовской лекции 1990 года Мюррей Кокс описал процесс, посредством которого участники психотерапевтических групп «погружаются» на глубокие уровни сознательного и бессознательного. В ходе этого они задают себе самые важные вопросы: «Кто я такой? Куда я иду? Что я ишу?». Он сослался на концепцию «конечного смысла» Пауля Тиллиха и подчеркнул, насколько это актуально для правонарушителей, также указав, что этот процесс открытия конечного смысла будет болезненным для пациентов этого профиля. Цитируя пьесу У. Шекспира «Макбет», Кокс напоминает терапевтам, которые работают с правонарушителями, что у таких людей есть «нагая бренность, страдающая без одежд»*, эта «бренность» должна быть «скрыта» (или незаметно контейнироваться и поддерживаться группой) до того, как начнется любой процесс «рассмотрения кровавого этого случая».

Работая терапевтами в группах для тех, кто совершил убийство, мы часто слышали, как люди задаются вопросами конечного смысла:

* *Шекспир У. Макбет / Пер. М. Лозинского.*

«Буду ли я прощен?», «Есть ли жизнь после смерти?» и «Чувствую ли я раскаяние?». Нас часто спрашивают, что мы чувствуем, когда слышим такие вопросы, и как мы реагируем на них. Хотя поначалу терапевты были обескуражены осознанием того, что они сидят рядом с убийцами, скоро стало понятно, что это были люди, которые обратились к терапии после *катастрофы, в которой они оказались*. То, что они совершили убийство, не только лишило кого-то жизни, но и разрушило их собственную жизнь, уничтожив их идентичность как обычных людей. В группах ощущается не только страх и угроза, но и глубокая печаль, сожаление и мрачное осознание того, насколько труден путь, который предстоит пройти. Как терапевты мы заметили, насколько трудно найти ответы на вопросы конечного смысла и насколько важно быть искренними и честными в отношении наших ограничений и заблуждений. В конце концов все, что мы можем сделать, — это быть рядом с этими людьми в их странствии по пути страданий и надеяться, что они отыщут в этом мире способ существования, который будет в равной степени наполнен надеждой и сожалением.

Источники: Adshead (2011), Adshead, Ferrito, Bose (2015), Ferrito, Vetere, Adshead, Moore (2012), Hillbrand, Young (2004)

**Исследование 5. Групповая психотерапия
для людей с девиантной или антисоциальной сексуальностью
в рамках судебно-пенитенциарной системы.
Работа в клинике Портман, Лондон**

Судебная психотерапия — это «порождение психоаналитической психотерапии и судебной психиатрии» (Welldon, 2012, p. 39). В Великобритании ее развитие во многом обязано новаторской работе Кокса в больнице Бродмур и Уэлдон в клинике Портман. С момента своего создания в 1931 году клиника Портман, «амбулаторное учреждение под эгидой фонда Tavistock & Portman NHS Foundation Trust... предоставляет психодинамическое лечение людям всех возрастов, которые испытывают трудности, связанные с их преступным, агрессивным или сексуально девиантным поведением» (Woods, Williams, 2014, p. xix). Терапевты описывают свою работу как «комплексную терапию... которая должна учитывать не только индивидуальные потребности пациента, но и влияние поведения пациента на других» (ibid., p. xx). В 1970-е годы Уэлдон начала использовать в этой клини-

ке группаналитическую психотерапию, которую позже в своей знаменательной статье она описала как «зачастую лучшую форму лечения не только для тяжело нарушенных перверсивных пациентов и тех, кто совершил сексуальное насилие, но и для пациентов, которые стали жертвами сексуального насилия» (Welldon, 1996, p. 63). К моменту публикации недавней книги Вудса и Уильямса, рассказывающей об их работе, групповая терапия в клинике Портман стала «эффективной формой психотерапии не для всех, но, возможно, для большинства наших пациентов» (Woods, 2014, p. 3). На момент публикации этой книги Вудс приводил следующие данные: всего проходят лечение 122 пациента, 54 (44,3%) из которых находятся в индивидуальной работе, 66 (54,1%) работают в группах и 2 (1,6%) находятся в терапии пар (личное сообщение).

Вудс и Уильямс пишут, что «присоединение к группе незнакомых людей может показаться сложной задачей», но они отмечают, что «готовность пациентов преодолеть свой стыд и страх перед разоблачением и взять на себя ответственность часто вызывает удивление» (Woods, Williams, 2014, p. xv–xvi). Группа, состоящая из людей со схожими проблемами, стремящихся к выздоровлению, «может выглядеть менее опасной, чем индивидуальная терапия», и

...часто присутствует надежда, что группа создаст новую реальность, хотя процесс развенчания иллюзий может гарантировать... что каждый человек будет лучше понимать свою личную историю и начнет создавать... новый нарратив о своем вредоносном и раненом я.

(*ibid.*, p. xvi)

Они описывают взаимодействие между внутренней и внешней реальностью, в котором «группа предоставляет каждому участнику возможность выработки новых норм, новых границ и ожиданий» (*ibid.*). Эта работа опирается на понимание того, о чем они говорят.

Нарушение нормативных социальных границ... затрагивает как личность, так и общество. Если говорить об индивиде, то ущерб, который он причинил, неизбежно существует на фоне ущерба от травмы, пренебрежения или фактического насилия, которое когда-то было совершено в отношении этого человека. Если говорить об обществе, то оно несет ответственность за то, что допус-

тило это. Винникотт в концепции «антисоциальных тенденций» показывает, что травмированный человек пытается привлечь внимание к перенесенному им страданию в надежде (возможно, часто тщетной) на какую-то компенсацию (Winnicott, 1956). Социальная форма лечения символизирует эту драму длиною в жизнь и позволяет индивиду преодолеть конфликт с другими людьми.

(Woods, Williams, 2014, p. xv)

Дальнейшее обсуждение сфокусировано на внимании к целям терапии, целям группы, ее судебно-психиатрической направленности, роли терапевта, деятельности группы, устранению того, что мешает ментализации, как следствие, уменьшению внутреннего давления, подталкивающего к действию, и созданию символических смыслов в культуре группы. Вудс подчеркивает, что работа начинается «с пользы... получаемой от обмена опытом» с другими людьми, сталкивающимися с аналогичными проблемами. «Сразу же уменьшаются стыд и чувство изолированности, которые довели (над ними), во многих случаях в течение многих лет» (Woods, 2014, p. 12). Групповые терапевты, как правило, не ставят перед собой цели «вылечить» пациентов, а скорее держат в уме идею постепенных изменений «в собственном темпе, [что] ставит индивида в более автономное положение» (ibid., p. 11–12). Они полагаются на мнение Гарленд, рекомендовавшей «принимать всерьез то, что кажется непроблемой» (Garland, 1982). Такой подход позволяет группе выйти за рамки представленной проблемы, «которая отходит на второй план, поскольку на первый план выходят аспекты личности и поведения, которые оказывают влияние на других участников группы», посредством этого «индивид освобождается от своего привычного саморазрушающего способа бытия» (Woods, 2014, p. 12). Судебно-психиатрический фокус поддерживается осведомленностью членов группы о том, что каждый из ее участников нарушал закон или социальные границы и несет ответственность за страдания других людей. Таким образом, участники группы не только сталкиваются с противоречиями внутри себя, но и переживают конфликт с внешним миром в результате нарушения закона. Помогая участникам встретиться с этими реалиями, групповой психотерапевт «ратует за действительность и истину в противовес иллюзиям и лжи перверсии» (ibid., p. 14) и обеспечивает функцию моделирования, «с готовностью демонстрируя способы,

при помощи которых участник может взаимодействовать с другими и реагировать на коммуникацию с ними» (ibid., p. 15) здесь-и-сейчас в группе. Вудс пишет, что их «цель — способствовать включению в работу, которой часто препятствуют интерпретации...», и формировать взаимное *признание*, чувство *принадлежности* и *эмоциональную поддержку* (ibid.).

В ходе работы группы понимание терапевтом *ядерных комплексов* ее участников и, как следствие, соответствующая терапевтическая культура позволит исследовать аддиктивную природу сексуальных навязчивых влечений, которые вызваны неэффективными попытками разрешения ранних травм. В этой области понимание *ядерного комплекса* имеет такое же значение для терапевтической работы, как и для всей психотерапевтической практики в целом. Это понятие впервые появилось в ранних работах Глассера, который был одним из первых директоров клиники Портман, и сейчас оно широко используется в психотерапевтической практике (Glasser, 1964). Сексуализация социальных отношений, садизм и мазохизм, присущие пациентам судебно-психиатрического профиля и некоторых других групп, «используются в той или иной степени... для поддержания иллюзии власти, победы над страхом потери и защиты от него. Мы вновь и вновь наблюдаем у наших пациентов эту закономерность, вызывающую нарушения в их повседневных отношениях, которая со всей очевидностью проявится в группе», которую они посещают (Woods, 2014, p. 20).

Вудс описывает терапевтический процесс, позволяющий своим участникам создать границы, которые они могут интернализировать и признать, с помощью которых они затем могут прийти к пониманию своих чувств и научиться думать о себе и других без совершения импульсивных действий. На следующем этапе «наградой» за эту работу станет появление символических смыслов, посредством которых «недостижимый объект может быть репрезентирован и интернализирован вместо того, чтобы оставаться преследователем в связи с его отсутствием», и, наконец, возникает возможность встретиться лицом к лицу с «ужасами прошлого», включая ранние травмы (ibid., p. 24). В этой книге Вудса и Уильямса наиболее полезной для тех, кто начинает знакомиться с практикой судебной групповой психотерапии, является глава, написанная Уильямсом и Захари и посвященная практической работе в учреждениях, холдингу, контейнированию и основным

институциональным структурам, которые делают возможной эту работу.

Источники: Garland (1982), Glasser (1964) в: Rosen (1998), Schlapobersky (1996), Woods, Williams (2014), Woods (2014), Williams, Zachary (2014), Welldon (1996), Welldon (2012), Winnicott (1956/1958), Winnicott (1958), Yakeley (2010)

Исследование 6. Психотерапия в малых группах с людьми, пережившими организованное насилие. Джон Шлапоберски

Массивная психическая травма среди беженцев. Медицинский фонд для жертв пыток, известный в настоящее время как «Свобода от пыток», был создан в 1985—1986 годах как волонтерская организация для обеспечения терапевтической реабилитации жертв *организованного насилия*. Его первым психотерапевтом-консультантом был назначен групповой аналитик, и я с самого начала создавал группы для взрослых пациентов. Когда было создано детское отделение, возможность посещать групповую терапию появилась у детей и подростков. Для беженцев из многих проблемных стран групповая работа может быть предпочтительным видом терапии или проводится параллельно с другими вмешательствами в качестве дополнения. Ведется успешная работа в группах со взрослыми и детьми, мужчинами и женщинами, теми, кто владеет английским, и теми, кто говорит только на своем родном языке, теми, кто может говорить, и теми, кто не будет говорить, теми, кто способен на осознание, и теми, у кого оно не наступает, с жертвами сексуального насилия и физически больными, отдельно с жертвами, а также с теми, кто сам был преступником, с теми, кто сейчас находится в кризисе, и с теми, кто страдает от последствий травмы. Всеобъемлющая программа гарантирует, что людям с различными потребностями может быть предложена подходящая терапевтическая среда, она проводится по трем широким категориям групповой работы, каждая из которых опирается на различные аспекты группового анализа: активность/ориентацию, решение проблем/поддержку и психодинамику.

Программа руководствуется следующими принципами. Групповая работа обеспечивает терапию: 1) массивных психических и физических травм, 2) проблем, связанных эмиграцией и изгнанием, и 3) транскультурных проблем, которые часто требуют привлечения специалистов. Используемая группаналитическая модель обес-

печивает целостную клиническую структуру за счет: а) признания потребностей индивида, б) фокусирования на отношениях внутри и за пределами групп, в) поиска пути к изменениям через обычный язык, используемый в этих группах, и свободное общение участников. Хотя групповая работа не является дешевым ресурсом, она по определению эффективна в плане времени и затрат, а для специалистов, работающих с людьми, переживающими переломные моменты жизни, ее принципы будут иметь важное практическое значение. Работа подобного рода теперь ведется и в других волонтерских центрах, таких как Фонд Хелен Бамбер, а также в центрах системы национального здравоохранения, таких как Клиника травматического стресса при Университетском колледже в Лондоне, служба Greater Glasgow & Clyde для лиц, запрашивающих убежище, и беженцев, называемая Compass Team (Douglas 2010a, b).

Основные вопросы, на которые стоит обратить внимание. Впервые я описал эти принципы в статье, написанной для Фонда вместе с его основательницей Хелен Бамбер. Они вырабатывались в течение примерно трех десятилетий, и теперь их используют во многих других центрах, занимающихся подобной работой. Иллюстрацией к этой работе могут служить виньетки 0.3, 2.1 и 10.8 и соответствующие комментарии.

Свидетельствование. Малая группа, состоящая из страдающих людей, может оказаться полезной для каждого из них. Участники, которые, возможно, потеряли практически всё — близких, родственников, здоровье, дом и страну, — обнаруживают, что им есть что дать друг другу. Щедрость — ключ к успеху. Хотя они озабочены собственными потерями, через отождествление и сострадание они заново обретают достоинство, обнаруживая, что такие же проблемы присутствуют в жизни других людей. Щедрость проявляется как качество, которое они не утратили, и благодаря этому открытию они начинают восстанавливать свой мир. То, о чем они рассказывают в процессе свидетельствования, является проявлением ответственности по отношению к их прошлому, и это позволит им обнаружить новые ключи к тому, как жить в будущем. В основе жизни группы лежит подробный пересказ историй участников об их потерях и о том, как им удалось выжить. Групповая психотерапия превращается в свидетельское показание со своим доказательным содержанием в повествовании, что придает группе роль, подобную роли историка-рассказчика.

Обретение голоса. Когда люди открывают для себя голос, которым можно говорить от своего имени, у них появляется возможность оправиться от последствий пыток, ощутить свое право продолжать жить, то, чего их пытались лишить. Люди, пережившие опыт, находящийся за гранью нормального человеческого восприятия, становятся друг для друга свидетелями своих историй, и это позволяет им восстановить свою человеческую природу. Понятие «излечение» здесь неуместно. Последствия травмы — это не только болезненные состояния, но и в гораздо большей степени формы закабаления, посредством которого преступники продолжают удерживать своих жертв в плену страданий, вызванных их нападением. Таким образом, целью реабилитации является освобождение выживших, а не их «лечение».

Тяжесть травмы. Групповая работа в этой модели может проводиться и с теми, кто переживает очень сильные страдания. В нашей группе были люди с физическими увечьями, несколько человек лишились близких, другие стали свидетелями ужасных смертей, а некоторые были единственными выжившими в общинах, где произошли массовые убийства. В группу входили те, кто стал жертвой нарушений прав человека, в том числе тяжких преступлений, те, кто продолжал страдать от серьезных физических и психических последствий травм, и те, чьи жизни были осложнены болезнями или инвалидностью. Все они со всей очевидностью нуждались в психологической помощи и были способны извлечь из нее пользу.

Принцип позитивного вмешательства. Во многих отношениях этим людям был причинен очень серьезный ущерб, но, как почти всегда в таких случаях, можно было сделать что-то конструктивное. Этот принцип помогал оказывать участникам самую разнообразную медицинскую помощь и поддержку в случае утраты близких в родной стране. Через невзгоды и потрясения терапевтические группы становятся местом, где пострадавшие еженедельно испытывают сплоченность с другими людьми, точкой отсчета и форумом, где можно почувствовать облегчение и получить понимание. В виньетке 0.3 один из участников сравнил группу со стиральной машиной, с той лишь разницей, что стирка, чистка и сушка обновляли его сознание, как он выразился, и обеспечивали его надеждой и равновесием на неделю.

Убежище от страха. По мере того как ходатайства участников группы о предоставлении убежища двигались по бюрократичес-

ким инстанциям (в некоторых случаях процесс завершался успехом, а в иных — неудачей), эти группы обретали силу как то место, где участники могли «обкатать» взаимодействие с постоянными источниками страха и тревоги, не опасаясь ответных репрессий.

Устойчивость к невзгодам. В обычных социальных отношениях проявляется способность найти в себе силы для перемен, которые, если их задействовать, могут высвободить скрытые ресурсы для самовосстановления. В группах создается среда, в которой участники могут реализовать этот потенциал. Устойчивость к невзгодам — это не только стратегия преодоления, но и творческий вызов. К факторам, определяющим реакции выживших после массивной травмы, относятся их истории детского развития, когнитивные установки, стиль привязанности и эмоциональность, сеть взаимоотношений, предыдущий опыт совладания с проблемами, уверенность в себе и способность к адаптации. Мы считаем важным использовать в группе формы приспособления, применявшиеся участниками ранее, и активировать внутренние адаптивные стратегии для дальнейшего улучшения состояния.

Источники: Baraitser, Melzak (2014), Blackwell (2005),
Callaghan (1993, 1996), Douglas (2010a, b),
Schlapobersky (1993, 2005), Schlapobersky, Bamber (1988),
Tucker (2004, 2011), Tucker, Price (2007), Woodcock (1977)

Исследование 7. Психотерапия в малых группах для женщин, переживших сексуальное насилие в детстве. Моника Доран

Длительное время одним из наиболее важных применений групповой психотерапии была терапия для взрослых, переживших в детстве сексуальное насилие. Работу такого рода описала Холл, а в Центре женской терапии в Лондоне, где влияние группанализа всегда было существенным, такие группы проводятся с 1976 года (Hall, 1992; Hall, King, 1997). Как и следовало ожидать, учитывая высокую распространенность этой проблемы в обществе, женщины, подвергавшиеся сексуальному насилию в детстве, широко представлены и в обычных психотерапевтических группах. Распространенность этих случаев подтверждается обоими приведенными ниже исследованиями. Работа с подобными проблемами в смешанных группах описана на протяжении всей этой книги в виньетках 1.2, 4.2, 13.4, 14.1 и 15.2. Сложившаяся практика говорит в пользу использования од-

народных групп на начальных этапах терапии с последующей более длительной работой в смешанных группах, если это необходимо.

Ниже приводится краткое описание клинического исследования Доран в 2001 году, основанного на работе в психотерапевтических службах системы национального здравоохранения. Работа Тайерман, цитируемая ниже, иллюстрирует аналогичный краткосрочный групповой проект в условиях системы национального здравоохранения с более разнообразными категориями пациентов. Доран организовала краткосрочную (30 сессий) группу для женщин, подвергшихся в детстве сексуальному насилию со стороны членов семьи или персонала во время их пребывания в учреждении интернатного типа. Доран описывает первую встречу со всей своей группой (все участницы проходили с ней индивидуальную подготовительную терапию) и отмечает удивление, страх, печаль и решимость «исследовать, как группаналитический опыт способствует процессу исцеления» (Doran, 2001, p. 1).

На начальной стадии работа в группе шла с трудом: были сложности с посещаемостью, которая была нерегулярной и ненадежной, затем возникли трудности с включенностью и тем, как участницы относились друг к другу, так как они недостаточно хорошо понимали себя. Доран пишет: «У меня была группа людей, которые сидели и смотрели друг на друга, разговаривали, но не делились друг с другом, говорили и не слышали, присутствовали, но не чувствовали поддержки, слышали, но не отвечали» (ibid., p. 2). На этапе формирования группы создание условий для эффективной терапии (в главе 2 это называется отношенческим измерением терапии) наталкивалось на то, что у участников отсутствовал опыт привязанности и заботы в детстве. Тогда они вряд ли могли создавать отношения друг с другом. По ходу развития ситуации, когда «им удалось наконец выразить эмоции, появилась возможность быть услышанными и выдерживать боль других, и матрица начала приобретать эти важные материнские качества». Доран продолжает:

Через привязанность и чувство принадлежности, которые испытывают все участницы... матрица берет на себя материнскую роль, благодаря которой (они) могут начать процесс индивидуации и обрести осознание себя как людей, личности которых определяются не только пережитым в детстве насилием.

(ibid., p. 4)

В историях того, как участницы группы росли и развивались, сквозила бесприютность. Мы раз за разом слышали, что у них не было ни дома, ни привязанности, а то, что они повсеместно сталкивались с пренебрежением, привело к переоцененности идеализированных материнских фигур и скрывающимся за этим гневом против реальных матерей, жизнь с которыми приносила им страдания. Общеизвестные последствия сексуального насилия, пережитого в детстве (тесная связь между любовью, болью, стыдом и унижением), во взрослом возрасте приводили к возникновению хрупкой диссоциативной защиты, чрезмерной зависимости в отношениях с неподходящими партнерами и проявлению дихотомии «проститутка-монахиня» в их сексуальном облике, выражающейся либо в навязчивом промискуитете, либо в полном отказе от сексуальности.

В ходе диалога в группах возникали истории, которые приводили к образованию у участниц самости. Доран пишет следующее:

Выражая возмущение и беспокойство за других участниц группы, женщины... начинают более объективно воспринимать собственный опыт и, освобождаясь от оков вины и стыда, перекладывать ответственность за произошедшее на преступников... Это отзеркаливание... является основным ингредиентом... потому что участницы получают и возвращают другим чувство собственной ценности и достоинства, которые становятся очевидны и отражаются в других. Участницы обмениваются друг с другом этим невыразимо тяжелым опытом, находят отклик и обретают способность выразить то, что до сих пор проявлялось только в симптомах... На наших глазах происходит тестирование реальности, и участницы могут исследовать разницу между психическими и социальными фактами.

(*ibid.*, p. 18)

Доран изучала динамику своей группы, используя профиль развития, инструмент, разработанный в ходе терапии этой группы, «который описывает стадии группового развития, направленного на то, чтобы в конечном итоге цели группы были достигнуты и работа была выполнена» (*ibid.*, p. 23). Она описывает фазы инициации (сессии 1–9), горевания (сессии 7–11), толерантности (сессии 10–24) и индивидуации (сессии 14–30) как нечто приблизительное, а не как устойчивую схему. На каждом этапе, включая заключительную сессию, группа могла вернуться с более зрелой фазы к более ранней, и тогда

пришлось бы снова заниматься вопросами взросления. Благодаря способности участниц чувствовать и выражать боль и грусть, свою и друг друга, и, наконец, относиться к себе и друг к другу как к цельным личностям, а не как к частичным объектам, идет поэтапное развитие группы.

В виньетке 14.2 описано, как это проявляется в переносе и контрпереносе. Доран описывает, какие последствия имели для участниц их истории: «В детстве они были пустыми сосудами, предназначенными только для того, чтобы насильник мог заполнить их и усугубить чувство никчемности и создать идентичность, основанную на стыде и ненависти к себе» (Doran, 2001, p. 46). В ходе группаналитического процесса «создается питающее и наполненное заботой пространство, в котором можно переживать чувства и выражать их, тем самым давая возможность возродиться подавленным частям психики» (ibid.). Группа представляет собой микрокосм общества, «породившего в них стыд, и понимание этого становится целительным для этих женщин. Таким образом, облегчается процесс отделения: я от других, я от насильника и я от общества» (ibid.).

Источники: Doran (2001), Ganzarain, Buchele (1989), Hall (1992), Hall, King (1997), Trowell, Kolvin (1999a, b), Tyerman (2012)

**Исследование 8. Психотерапия в малых группах
для пациентов с тяжелыми психосоматическими заболеваниями.
Дэннис Браун и Кэтрин Хейс**

Группаналитический вклад в терапию людей с психосоматическими заболеваниями всегда был значительным. В основном работа ведется в смешанных группах, что проиллюстрировано в виньетках 0.3, 13.5 и 20.1. В описанном выше исследовании Дик психосоматические проявления у пациентов были третьими по частоте, и стойкая ремиссия этих симптомов в ее группах была обнадеживающей. Наиболее информативный и устойчивый результат в области групповой терапии психосоматических состояний принесла работа, недавно сделанная Брауном. Этот опыт хорошо описан в первых трех главах сборника его избранных статей, цитируемого ниже. Далее следует описание исследования, основанного на работе Брауна, в котором Хейс использует специальную группу для тех, кто страдает психосоматическими заболеваниями, в качестве средства, обеспечивающего прохождение стадий развития, пропущенных или искаженных в младенчестве. Она проводила эту группу в психо-

терапевтической службе Национальной системы здравоохранения. Группа состояла из мужчин и женщин с хроническими и тяжелыми психосоматическими состояниями. Хейс не намеревалась отбирать для своей группы пациентов из этой категории, но ей пришлось это сделать, так как в листе ожидания были люди, находившиеся в отчаянии из-за хронических трудностей. К тому моменту эти пациенты на протяжении длительного времени, от пяти до сорока лет, зависели от вторичных психиатрических служб, которые направили их в группу. Все они прошли по крайней мере одну из программ КПТ, а большинство также имели опыт терапии в группах других направлений. Для всех них это был первый опыт группаналитической психотерапии. Опираясь на работу по переосмыслению идей Винникотта в терминах группанализа, сделанную Брауном, Хейс сосредоточивается на том, как пространство между людьми в группе становится переходной площадкой, позволяющей участникам переработать ранние травмы и искажения. Важным аспектом детского развития являются переходные феномены — конкретные предметы, слова и игровые фигуры, которые являются репрезентацией формирующихся внутренних структур, позволяющих ребенку использовать фантазию и выражать чувства словами. У людей с тяжелыми психосоматическими состояниями в ранние годы наблюдаются нарушения в развитии, из-за которых ограничивается доступ к фантазиям и словесному выражению чувств, и поэтому тело остается основным местом или регистратором эмоций.

Проблемы развития, которые поддерживают психосоматизацию в качестве основного регистратора эмоций во взрослой жизни, приводят к другим последствиям. Участники этой группы испытывали трудности с субъектностью и межличностными отношениями, демонстрировали конкретное мышление, неспособность к рефлексии, неспособность сомневаться и настрой, который казался разумным, но, по описанию Хейс, часто был «агрессивно разумным». Страдание выражалось в физических симптомах, включая такие серьезные состояния, как паралич. В этом довербальном языке симптомы функционировали как бессознательные символы или знаки. У каждого из участников группы был как минимум один из трех типов психосоматических заболеваний, описанных Брауном: «истинные» психосоматические расстройства с патогистологическими изменениями, видимыми под микроскопом, такие как экзема, колит или гипертония; нарушения автономно контролируемых функций

организма, такие как мигрень или синдром раздраженного кишечника; и конверсионные симптомы, посредством которых Эго защищается от внутренних конфликтов.

Вначале участники группы демонстрировали высокий уровень диссоциативности, выразившейся в поверхностных разговорах, которые казались лишенными глубины и ни к чему не приводили. Первоначальной задачей было развитие доверия между каждым пациентом и ведущим, а также в отношениях участников друг с другом, чтобы «можно было мириться с тревогой, болью, беспомощностью и гневом» (Hayes, 2014, p. 21). Хейс цитирует комментарий Брауна о материнских объектах, которые препятствовали возникновению истинного я, потому что были либо дистантными, либо вторгающимися. Как только участники привыкли друг к другу и к группе, всплыли эти истории, и группа стала переходным пространством для контейнирования и интеграции переживания переноса и облегчения перехода от изоляции к эмпатической сонастройке в том темпе, которым они могли управлять, чтобы можно было исследовать уровни физического и психического функционирования.

Частью групповой работы было создание смыслов и символизация чувств для людей, которые соматизировали дистресс таким же образом, как они это делали в раннем детстве. Хейс пишет о том, что источник конверсионных паттернов находится в стыде и сомнениях, которые испытывают маленькие дети, у которых отсутствует базовое доверие между матерью и ребенком, необходимое для здорового развития. Хейс обнаружила, что конверсионные симптомы обеспечивали адаптивное избегание, создавая маску из других симптомов, чтобы помочь скрыть настоящий стыд и сомнения, которые были невыносимы в прошлом и остаются невыносимыми в настоящем. И когда участникам удастся идентифицировать и исследовать свои чувства, возникающие в ситуациях в группе и за ее пределами, Хейс фиксирует устойчивое продвижение в терапии. Она опирается на психоаналитическую теорию развития, чтобы помочь участникам понять, что им трудно находиться в одиночестве из-за страха потерять идентичность и трудно быть вместе из-за страха вторжения. Таким образом, они создают «ощущение пустоты, которая может привести к аддиктивным способам поиска «преходящих объектов» вместо «переходных объектов», которые позволили бы им репрезентировать себя и коммуницировать символически и посредством игры» (ibid., p. 2).

Хейс выделяет основные задачи, с которыми приходилось сталкиваться участникам группы. Во-первых, чтобы вынести разочарование, связанное с формированием внутренней структуры, которая позволила бы участникам сепарироваться без того, чтобы автоматически закрываться, им нужно было найти безопасное пространство с достаточной поддержкой, научиться сдерживать агрессию, научиться сомневаться в себе и достаточно хорошо интегрировать свои первичные частичные объекты, чтобы они могли соотноситься с тем, что еще сохраняется в них от первоначальной матери, которая может быть репрезентирована либо ведущим, либо другим участником группы. Им было необходимо понять, что их отчаянная потребность в привязанности не эквивалентна любви. Группа как целое создавалась словами, посредством которых люди говорили, обсуждали, спорили, соглашались и не соглашались друг с другом, словами, смысл которых со временем менялся, и опыт каждого участника был уникальным. Группа как целое стала репрезентацией скорее не матери, а переходного объекта, символа материнской любви, за который можно держаться как за опору в процессе внешней сепарации и внутренней интеграции. В тех случаях, когда у людей не было переходного опыта в детстве, эта любовь может быть извращенной, агрессивной или пугающей, и группа является подходящим местом для того, чтобы проработать эти чувства.

Вторая задача, с которой им пришлось столкнуться, заключалась в том, чтобы избавиться от фантазий всемогущества, которые связывали их с «идеализированной хорошей грудью». Им нужно было посмотреть на себя с точки зрения других участников группы и подвергнуть сомнению свои до сих пор зафиксированные убеждения. Сомнение позволило им пересмотреть свои позиции и привести их в соответствие с действительностью вместо того, чтобы поддерживать искаженную версию реальности в соответствии с глубоко укоренившимися убеждениями. По мере того как они продвигались и хотя и с опозданием проходили первые два этапа развития — формирование внутренней концепции матери, соответствующей их жизненному опыту, связанному с ней, и способность выдерживать разочаровывающую реальность, — примитивные защиты постепенно отбрасывались. Хорошее функционирование психики зависит от этих первых шагов, которые так убедительно описаны в исследовании Хейс.

Источники: Archer (2005), Brown (2006a, b), Erikson (1950), Foulkes, Anthony (1957), Garland (1982), Hayes (2014), McDougal (1974, 1989), Nitsun (1996), Scott (2011), Winnicott (1953)

Блочные группы и группы, встречающиеся два раза в неделю в частной практике

Блочные группы как учебный ресурс.

Разработка программы

После того как в Лондоне были организованы группы с частотой два раза в неделю, предназначенные для обучения групповых аналитиков, и было успешно выпущено нескольких поколений терапевтов, эти выпускники объединились со своими бывшими наставниками для разработки программ блочного обучения в континентальной Европе. Со временем в связи с запросом практикующих специалистов были реализованы аналогичные инициативы в Дании, Германии, Ирландии, Израиле, Норвегии, России, Сербии, Словении и Южной Африке. На сходной основе были созданы региональные программы обучения в Великобритании в Бристоле, Эксетере, Манчестере, Терви и Глазго. В рамках одной из этих программ обучения (Group Analysis South West в Бристоле и Эксетере) был представлен еще один вариант, который объединяет лучшее из двух моделей: терапию, проводимую в группах два раза в неделю, и супервизию и обучение в блочном формате.

В рамках блочных программ для обеспечения терапии тех, кто находится в обучении, были созданы малые группы, что позволило небольшой команде аналитиков обучающих групп приезжать в место проведения мероприятия на выходные и проводить интенсивную блочную групповую терапию в сочетании с супервизией, обучающими семинарами и работой с большими группами. Блочные группы со временем превратились в стандартный учебный ресурс во всей Европе, а также в региональные центры в Великобритании. В других программах на европейском континенте развитие локального обучения позволило сотрудникам из Осло, например, организовать обучение в Вильнюсе (Литва), а сотрудником из Германии — организовать обучение в Киеве (Украина). В этой главе рассматривается только терапевтический компонент этих поистине исторических изменений. Блочные группы также стали самостоятельным видом терапии для клиентов, обращающихся за помощью к частнопрактикующим специалистам. Об этом мы будем говорить позднее.

Блочные группы в обучении. Терапевтический процесс и содержание

Блочные группы проводятся в рамках обучающих программ уже почти тридцать лет. Их ведущие — аналитики учебных групп, а участники — психотерапевты, проходящие обучение. Работа этих групп и их преимущества представляют собой поле для исследований, но мне неизвестны какие-либо публикации о терапевтической пользе, достоинствах, сильных или слабых сторонах этих групп. Возможно, существуют публикации на датском, немецком или норвежском языках, о которых я не знаю. В лондонском Институте группового анализа работают стажеры, которые становятся членами этой организации либо после прохождения терапии в формате блоковой группы в Глазго, Манчестере или Терви, либо после прохождения терапии с частотой два раза в неделю в Лондоне. Анализируя работу обеих групп выпускников, наши сотрудники сообщают, что их письменные выпускные работы сопоставимы по всем параметрам. Верно ли то же самое в отношении уровня их индивидуальной адаптации или в отношении глубины и качества клинической работы, которую они выполняют, мы пока не знаем. Эти вопросы остаются открытыми для исследований, которые давно назрели.

Исследование 9. Блочные группы в частной психотерапевтической практике. Терапевтический процесс и содержание в смешанных, медленно открытых группах. Джон Шлапоберски

В течение последних двадцати лет групповые аналитики время от времени предлагали блочные группы в качестве основной формы терапии в частной практике. Недавно я организовал блоковую программу в клинике Блумсбери, которая сейчас набирает участников для своего шестого годового цикла. Группа состоит из шести или семи человек, у каждого из них свои причины присоединиться к групповой работе. Некоторые из тех лондонских пациентов, кто нуждается в надежной психотерапии, так сильно заняты работой, что не имеют возможности регулярно посещать занятия в течение недели; некоторые живут слишком далеко от Лондона, чтобы посещать сессии на регулярной основе; а некоторые, в том числе проходящие обучение психотерапевты, приезжают из других стран в стремлении к дальнейшему профессиональному развитию с желанием узнать больше о модели группового анализа, испробовав ее

на себе. Уже год в Йорке существует похожая программа блоковых групп, которая работает подобным образом и обслуживает аналогичные категории участников.

Расписание встреч, совмещение с индивидуальной психотерапией и аудит. В течение выходных группа собирается на шесть обычных 90-минутных сессий. Такие встречи по выходным проходят с интервалом от шести до восьми недель и проводятся шесть раз в течение года. После завершения годового цикла участники могут свободно записаться в группу повторно, и тем, кто прошел годовой цикл совместно, предоставляется преимущественное право занять место в следующей группе. Таким образом, блоковые группы проводятся на тех же принципах, что и медленно открытые непрерывные еженедельные группы, то есть новые участники приходят, чтобы заполнить места, освобожденные уходящими. В блоковых группах такого типа допускается комбинированный подход, поэтому пациенты, которые желают продолжать работу или все еще нуждаются в ней, могут между блоками посещать индивидуальную психотерапию с ведущим группы.

В таблицах 6.5–6.6 представлена статистика посещаемости участниками групповых встреч, включая продолжительность терапии, количество посещений и род деятельности участников. Ниже приводятся статистика и причины ухода из группы тех участников, которые покинули ее до завершения годового цикла. Четверо из десяти участников покинули группу по следующим причинам: в одном случае участница обнаружила, что этот подход не работает для нее, и перешла на более активную форму терапии; в другом случае участник понял, что ему нужна супружеская терапия, а не групповая терапия для себя; в третьем участница получила от группы то, что ей было необходимо, а именно подтверждение своей стойкости в решении проблемы со здоровьем, и покинула группу, чтобы выйти замуж; а в четвертом случае участник обнаружил, что «заблудился» в про-

Таблица 6.5
Блоковая групповая терапия. Посещаемость

Продолжительность посещения	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	Всего, мужчины	Всего, женщины
Количество посещающих	4	2	1	1	2	4	6

Таблица 6.6
Блоковая групповая терапия.
Профессиональный состав участников

Профессии участников блоковых групп	Количество участников
Реклама	1
Банковское дело	1
Юриспруденция	4
Медицина	1
Психотерапия	3

межутках между блоками, но поскольку он не мог позволить себе дополнить их индивидуальными сеансами, он был переведен в мою группу, работающую с частотой дважды в неделю.

Исследование 10. Групповая психотерапия с частотой два раза в неделю. Смешанные медленно открытые группы в частной практике. Джон Шлапоберски

Долгосрочные медленно открытые группы позволяют участникам развиваться в своем темпе и двигаться дальше по мере готовности. Новых участников принимают на освободившиеся места с учетом вдумчивого рассмотрения того, как будут сочетаться характеры и потребности новичков с текущим статусом группы. Хотя участники приходят и уходят, сама группа и ее ведущий иногда работают десятилетиями. Принцип медленного открытия позволяет группе рассматривать процессы связи и привязанности — сепарации и утраты — как повторяющееся, циклическое измерение терапии каждого участника. То, что встречи проводятся два раза в неделю, интенсифицирует этот процесс и позволяет ему развиваться в терапию, которая обеспечивает групповой эквивалент более интенсивных форм индивидуальной психотерапии.

При наличии у участников мотивации, некоторой способности к самоисследованию и установлению связей с другими людьми, группы, которые проходят два раза в неделю, хорошо подходят для решения более серьезных психологических проблем. Они создают благоприятную среду для личностного роста и развития и являются предпочтительным методом тренингового анализа для группо-

вых терапевтов. С 1973 года, когда был основан Институт группового анализа, участие в групповой терапии с частотой два раза в неделю было обязательным требованием для обучения. Все его члены, прошедшие лондонский тренинг (172 из 391) в течение многих лет посещали группы с групповым тренинг-аналитиком два раза в неделю. Эти группы, проводимые с частотой два раза в неделю, отличаются от групп, предлагаемых в блоковых обучающих программах, так как они определены как группы «пациентов» и в основном состоят из людей, которые обращаются за профессиональной помощью для решения личных проблем. Группы состоят как из тех, кто присоединяется, исходя из заявленной потребности, так и из тех, кто выполняет требования психотерапевтического тренинга. Такое сочетание приносит огромную пользу обеим сторонам.

Как возникла идея проведения групп дважды в неделю. Существует несколько версий, описывающих первенство в создании групп с частотой два раза в неделю. Я считаю, что наиболее вероятной является та, которая принадлежит Скиннеру. Он описывает, как в 1962 году он присоединился к группе Фукса, которая проводилась с частотой один раз в неделю, и посещал ее, когда сам начал вести группу с частотой два раза в неделю. «Итак, я был в этой группе Фукса и отметил тот неприятный факт, что группа (с частотой два раза в неделю), которую я проводил (с пациентами в больнице Модсли), продвигала меня вперед быстрее, чем это могло быть переработано в терапевтической группе Фукса» (Roberts, Pines, 1991, p. 41). Он описывает, как до этого Фукс сочетал групповую терапию с нерегулярными индивидуальными сессиями, но

...я сказал ему, что у меня ничего не получится, если у меня не будет больше терапии, чем раньше, и если группа не станет проходить два раза в неделю, мне придется уйти. По сути, я заставил его проводить встречи дважды в неделю. То, что после такой революции в наших отношениях я мог оставаться у него в терапии, было проявлением высокой степени [его] гибкости и открытости...

(ibid.)

Литература, посвященная группам с частотой два раза в неделю. Единственное расширенное исследование групп с частотой два раза в неделю как таковых принадлежит Робертсу и Пайнсу и приводится в публикации о работе Центра группаналитической практики

(Roberts, Pines, 1991). По общему мнению центр считался средоточием передового опыта и привлекал большое количество пациентов для индивидуальной, групповой и парной терапии. Авторы сборника под редакцией Робертса приводят разные данные о количестве групп, проводимых дважды в неделю на базе центра за год. Робертс пишет о 23 группах, встречающихся дважды в неделю, Кридж пишет о 17, а Миттвоч говорит о 22 (*ibid.*, p. 13, 73, 83). Неважно, какое указание правильное, ведь все авторы работали с такими группами, но очевидно, что регулярную групповую терапию с частотой два раза в неделю проходило много клиентов. Хотелось бы получить исчерпывающее представление о результатах этой работы. Но, к сожалению, его нет ни в этой книге, ни в каких-либо других источниках. Миттвоч категорично выражает свое мнение:

...насколько мне известно, никто из нас в нашем центре не вел статистику результатов лечения. Со своей стороны я бы предпочла не анкетировать своих пациентов в начале и в конце лечения и, что еще хуже, после завершения терапии. Я всегда считала такие вопросы, ответы и выводы подозрительными.

(Roberts, Pines, 1991, p. 93)

Оценка эффективности групп с частотой два раза в неделю: демографические и клинические данные. Похоже, что Миттвоч ставит себе в заслугу то, что сегодня можно было бы рассматривать как серьезное препятствие: для работы центра даже в самых простых терминах не существует доказательной базы. Чтобы попытаться в общих чертах выполнить это требование, я собрал демографические и клинические данные за многие годы для двух моих групп, работающих два раза в неделю, включая период, когда они встречались в стенах упомянутого центра. Для того, чтобы провести оценку, приведенную в таблице 6.8 в пунктах 13–14, были использованы исходные медицинские записи для тех, кто покидает группы, а затем было проведено сопоставление первоначально заявленной и диагностированной потребности с результатами работы в группе на основе самовосприятия пациентов, моей оценки их состояния и на основе восприятия других участников группы. Представленный ниже материал был подготовлен для нескольких конференций, проводимых Американской ассоциацией групповой психотерапии, и публикуется здесь впервые. В названиях презентаций для конференций делается акцент на ка-

Таблица 6.7

Категории потребностей людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю
(Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1365)

1. Потребности, связанные с высокой зависимостью, в том числе:	2. Проблемы характера, в том числе:	3. Хронические и неадекватные реакции на травмирующие жизненные события, в том числе:	4. Серьезные проблемы в отношениях, в том числе:	5. Отдельные проблемы пограничного уровня, в том числе:	6. Обучение специалистов в области психического здоровья, в том числе:	7. Личностное развитие, в том числе:
— излечение от ментальной или физической болезни; — освобождение от зависимости или злоупотребления веществами	— незрелость или проблемы развития; — хаос повседневной жизни; — проблемы идентичности и смысла; — проблемы с занятиями;	— утрата, бесплодие, расстройство, болезнь; — последствия жестокого обращения в детстве; — массивная психическая травма	— избегание близости; — повторяющиеся разрывы отношений; — трудноразрешимый конфликт	Для чувствительных людей, которые одновременно нуждаются в контейнировании и могут выдерживать сильные эмоции окружающих	Психотерапевтов, психиатров, психологов, социальных работников, служителей церкви	Те, кто стремится к личностному росту, но до этого не имели опыта психоанализа

Таблица 6.8

Основные демографические и клинические данные людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю

Группа		А	В
1	Начало	Май 1989	Апрель 1994
2	Возраст группы	16 лет и 2 месяца	11 лет и 3 месяца
3	Текущий состав	4 женщины и 3 мужчины	3 женщины и 3 мужчины
4	Общий состав (прошлый и текущий)	25	28
5	Общий состав по полу	11 женщин и 14 мужчин	16 женщин и 12 мужчин
6	Средний возраст по общему составу	41	40
7	Средняя длительность терапии по всем участникам в каждой группе	4 года и 6 месяцев	3 года и 8 месяцев
8	Род занятий	см. таблицу 6.10	см. таблицу 6.10
9	Семейная ситуация	см. таблицу 6.11	см. таблицу 6.11
10	Лицо, направившее в группу	см. таблицу 6.12	см. таблицу 6.12
11	Предъявляемая проблема	см. таблицу 6.13	см. таблицу 6.13
12	Диагноз	см. таблицу 6.14	см. таблицу 6.14
13	Причина окончания групповой работы	см. таблицу 6.15	см. таблицу 6.15
14	Оценка процесса. Средняя	3,3	3,23
15	Оценка результата. Средняя	2,94	3,23

Примечание: Группа А с частотой два раза в неделю работает с мая 1989 года по июль 2005 года, длительность — 16 лет и 2 месяца; группа В с частотой два раза в неделю работает с апреля 1994 года по июль 2005 года, длительность — 11 лет и 3 месяца.

честве экспертной оценки, от чего этот материал только выигрывает. Это были следующие презентации: «Американские клиницисты изучают европейский групповой анализ» (2006), «Не лучше ли делать это дважды в неделю: преимущества группы с частотой встреч два раза в неделю» (2007), «Ты говоришь „Tomaydoes“, и я говорю

Таблица 6.9

Основные клинические данные людей, посещающих группы с частотой два раза в неделю. Пятибалльная шкала (пп. 14–15)

Балл	Оценка процесса п. 14 (мнение терапевта)	Оценка результата п. 15 (мнение пациента)
0	Неизменно негативные переживания в связи с нахождением в группе	На момент окончания работы в группе нет ощущения разрешения проблем в какой-либо значимой области жизни
1	Минимальные успехи в плане понимания себя и/или личностного роста	Минимальные успехи в продвижении к заявленной цели, которые пациент или другие участники связывают с работой в группе
2	Средние успехи в плане понимания себя и/или личностного роста	Средние успехи в продвижении к заявленной цели, которые пациент или другие участники связывают с работой в группе
3	Заметные успехи в плане понимания себя и/или личностного роста	Заметные успехи в продвижении к заявленной цели, которые пациент или другие участники связывают с работой в группе
4	Глубокая вовлеченность в групповую работу с последующими инсайтами и изменениями	Значительные успехи в продвижении к заявленной цели, которые пациент или другие участники связывают с работой в группе

„Томаhtoес“. Сравнение методов североамериканской и европейской групповой терапии» (2009) и «Интенсивная психотерапия в малых группах» (2010). Программа действует уже десятый год и продолжает работать. Я хочу выразить свою признательность коллегам, участвующим в этих трансатлантических диалогах на ежегодных встречах AGPA, в том числе Филлис Коэн, Сью Эйнхорн, Шейле Эрнст, Роби Фридману, Молину Лесцу и Говарду Кибелу.

С 1989 года в частной практике я веду две группы с частотой два раза в неделю. «Старшей» группе, которой сейчас 25 лет, было четыре года, когда я перевел ее в Центр группаналитической практики. «Младшая», которой сейчас 20 лет, была создана на базе центра годом позже. Когда я в 2009 году расстался с центром, я перевел обе группы в новую психотерапевтическую клинику Блумсбери. Большинство виньеток, иллюстрирующих эту книгу, создано из эпизодов работы с этими группами на протяжении их существования. Табли-

Таблица 6.10

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
Род занятий пациентов

Группа	А (25)	В (28)
Здравоохранение	8	8
– медицина	1	2
– уход за больными	0	1
– психотерапия/консультирование	3	4
– психология	2	0
– уход за больными	0	1
– социальная работа	2	0
Управление/менеджмент	6	7
Образование	1	4
– школьное	0	2
– университетское	1	2
IT-сектор	3	3
Юриспруденция	0	2
Банковское дело	1	2
Медиа	1	1
Актерство	0	1
Служение церкви	1	0
Дизайн	1	0
Инженерное дело	1	0
Сотрудник тюрьмы	1	0
Домохозяйка	1	0

ца 6.7 содержит клиническое описание категорий потребностей людей, посещавших эти группы с частотой два раза в неделю, большая часть которых основана на превосходно ведущихся в центре в тот пе-

Таблица 6.11

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
Семейная ситуация

Группа	А (25)	В (28)
Холост/не замужем	10	15
В браке	8	4
Проживает раздельно	2	5
Разведен(а)	1	3
Проживает с партнером	4	1
Общее количество детей	11	18

Таблица 6.12

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
Лицо, направившее в группу

Группа	А (25)	В (28)
Самостоятельное обращение	7	17
Психиатр	2	9
Психотерапевт	16	1
Брачное агентство	0	1

риод записях*. Люди, обращающиеся в наш центр, проходили оценку специалиста, который в большинстве случаев был подготовленным групповым аналитиком, психиатром или психологом. Данные, приведенные ниже, включают диагностический и описательный материал. Во многих случаях пациенты, описанные в таблице 6.7, принадлежат более чем к одной категории.

Собственно в нашей книге мы в основном и пишем о структуре, процессе и содержании работы этих групп. Далее следует анализ состояния групп на протяжении определенного периода времени

* Я выражаю признательность Джун Анселл, в прошлом административному директору центра, за ее кропотливую работу, которая позволила сформировать нижеприведенные таблицы. — *Прим. авт.*

Таблица 6.13

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
Предъявляемая проблема

Группа	А (25)	В (28)
Проблемы отношений	15	21
— острые/безотлагательные/кризис	7	13
— хроническая неудовлетворенность	8	8
Растерянность/чувство небезопасности, проблемы идентичности и экзистенциальные проблемы	11	4
Депрессия	5	4
Проблемы/кризис, связанные с трудоустройством	6	1
Сексуальные проблемы	3	1
Передозировка ПАВ/самоповреждение	1	1
Насилие над другими	0	1
Злоупотребление ПАВ	1	2
Расстройство пищевого поведения	0	1

и демонстрация их эффективности на основе показателей, отражающих персонализированные процессы и их результаты. Чтобы понять, что стоит за этими цифрами, нужно обратиться к виньеткам, описывающим работу этих групп, за годы которой я многое узнал и многому научился. Теперь с некоторыми выпускниками этих групп, которые являются членами IGA и аналитиками обучающих групп в Лондоне, я встречаюсь как с коллегами. Они ведут свои собственные группы и обеспечивают обучение и супервизию последующих поколений студентов. Других участников, которые когда-то присоединились к этим группам по необходимости, я тоже иногда случайно встречаю, порой вместе с их партнерами и детьми. Усилия, которые они прилагали в терапии, стали для нас примером того, что такое истинные «дары невзгод» (Rosenthal, 2013). Благодаря разрешению личных проблем и трансформации своей жизни они преодолели ту боль, с которой они начинали работу в группе, и многое сделали, чтобы обрести счастье и полноту бытия. В знак признательности мы посвящаем им эту книгу.

Таблица 6.14

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
 Диагноз при поступлении

Группа	А (25)	В (28)
Расстройство характера	12	13
Расстройство личности	9	5
– пограничное	6	5
– шизоидное	2	0
– истерическое	1	0
Расстройство настроения	3	7
– монополярная депрессия	2	6
– биполярное	1	1
Тревожное состояние. Хроническое/острое	1	5
Проблемы развития	6	0
Другие проблемы идентичности	11	4
Злоупотребление веществами	1	2
Спутанность гендерной идентичности	1	0
Прием психотропных препаратов	5	8
– временно в остром состоянии	2	6
– продолжительно/хронически	3	2

Примечания

1. Этот отчет о групповой терапии для людей, которые совершили убийство, был специально написан для этой книги Гвен Эдсхед, которой я выражаю свою признательность.

Литература

Adlam J., Aiyegbusi A., Kleinot P., Motz A., Scanlon C. (2012). The Therapeutic Milieu Under Fire: Security and Insecurity in Forensic Mental Health. London: Jessica Kingsley.

Таблица 6.15

Групповая терапия с частотой два раза в неделю.
Причина окончания групповой работы

Группа	А (25)	В (28)
Конкретные достижения: новая работа/отношения/ жилье/страна	10	12
Неспецифичные достижения: терапии было достаточно	4	4
Переход в индивидуальную психотерапию	2	2
Слабая вовлеченность	0	2
Уход	1	1
Катастрофическая реакция на терапию	1	1
Продолжают терапию	7	6
14. Оценка процесса. Средняя	3,3	3,23
15. Оценка результата. Средняя	2,94	3,23

- Adshead G. (2011). The life sentence: Using a narrative approach in group psychotherapy with offenders // *Group Analysis*. V. 44 (2). P. 175–195.
- Adshead G., Ferrito M., Bose S. (2015). Recovery after homicide: Narrative shifts in therapy with homicide perpetrators // *Criminal Justice and Behavior*. V. 42 (1). P. 70–81.
- Agazarian Y., Peters R. (1981). *The Visible and Invisible Group*. London: Routledge.
- Archer S. (2005). Shame, Doubt and the Shameless Object // *Journal of the British Association of Psychotherapists*. V. 43 (99). P. 93–107.
- Bakali J. V., Baldwin S. A., Lorentzen S. (2009). Modelling group process constructs at three stages in group psychotherapy // *Psychotherapy Research*. V. 19 (3). P. 332–343.
- Baraitser M., Melzak S. (2014). *Reading and Expressive Writing with Children, Young Refugees and Asylum Seekers: Unpack My Heart with Words*. London: Jessica Kingsley Press.
- Blackwell D. (2005). *Counselling and Psychotherapy with Refugees*. London: Jessica Kingsley Press.
- Brown D. (2006a). Fair shares and mutual concern: The role of sibling relationships // J. Maratos (Ed.). *Resonance and Reciprocity: Selected Papers by Dennis Brown*. London: Routledge. P. 124–130.

- Brown D. (2006b). Psychosomatics: Introductory comments – Chapters 1–3 // J. Maratos (Ed.). *Resonance and Reciprocity: Selected Papers by Dennis Brown*. London: Routledge. P. 1–34.
- Callaghan K. (1993). Movement Psychotherapy with Adult Survivors of Political Torture // *The Arts in Psychotherapy*. V. 20. P. 411–421.
- Callaghan K. (1996). Torture – the Body in Conflict: The Role of Movement Psychotherapy // M. Liebmann (Ed.). *Arts Approaches to Conflict*. London: Jessica Kingsley.
- Campling P., Haigh R. (Eds) (1998, reissued 2002). *Therapeutic Communities: Past Present and Future*. London: Jessica Kingsley Press.
- Collis M. (1987). Women's Groups in the Therapeutic Community: The Henderson Experience // *International Journal of Therapeutic Communities*. V. 8 (1). P. 175–184.
- Cordess C., Cox M. (Eds) (1996). *Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. London: Jessica Kingsley Press. P. 227–243.
- Dick B. M. (1975; reissued 1983). A Ten-year Study of Out-patient Analytic Group Therapy // *British Journal of Psychiatry*. V. 127 (4). P. 365–375. Reissued: Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge.
- Doran M. (2001). *A Clinical Study of a 30-week Homogeneous Group for Women Who Have Been Sexually Abused as Children*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Douglas A. R. (2010a). Identities in transition: Living as an asylum seeker // *Advances in Psychiatric Treatment*. V. 16. P. 238–244.
- Douglas A. R. (2010b). Working With Bereaved Asylum Seekers and Refugees // *Bereavement Care*. V. 29. P. 5–9.
- Erikson E. H. (1950). *Childhood and Society*. New York: Norton.
- Ferrito M., Vetere A., Adshead G., Moore E. (2012). Life After Homicide: Accounts of Recovery and Redemption of Offender Patients in a High Security Hospital – a Qualitative Study // *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. V. 23 (3). P. 327–344.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Ganzarain R., Buchele B. (1989). *Fugitives of Incest: A Perspective From Psychoanalysis and Groups*. New York: International Universities Press.

- Garland C. (1982). Taking the Non-Problem Seriously // *Group Analysis*. V. 15. P. 4–14.
- Glasser M. (1964). Aggression and Sadism in the Perversions // I. Rosen (Ed.) (1998). *Sexual Deviation*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. P. 279–300.
- Goldstein K. (1939, 1995). *The Organism: A Holistic Approach to Biology Derived From Pathological Data in Man*. London–New York: Zone Books.
- Grotjahn M. (1993). *The Art and Technique of Analytic Group Therapy*. Northvale, N.J.: Jason Aaronson Inc.
- Grotjahn M. et al. (1983). *Handbook of Group Therapy*. New York: Van Nostrand Reinhold & Co.
- Haigh R. (1998, reissued 2002). The Quintessence of a Therapeutic Environment: Five Universal Qualities // P. Campling, R. Haigh (Eds). *Therapeutic Communities: Past, Present and Future*. London: Jessica Kingsley Press. P. 246–257.
- Hall Z. (1992). Group Therapy for Women Survivors of Childhood Sexual Abuse // *Group Analysis*. V. 25. P. 463–475.
- Hall Z., King E. (1997). Group Therapy within the NHS: Patients' Views on the Benefits of Group Therapy for Women Survivors of Child Sexual Abuse // *Group Analysis*. V. 30. P. 409–427.
- Harrison T. (2000). *Bion, Rickman, Foulkes and the Northfield Experiment: Advancing on a Different Front*. London: Jessica Kingsley.
- Hayes C. (2014). *The Language of the Symptom and The Velveteen Rabbit*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Hillbrand M., Young J. L. (2004). Group psychotherapy for parricides: The Genesis Group // *Forensische Psychiatrie und Psychotherapie Werkstatsschriften*. V. 11. S. 89–97.
- Hopper E. (1997). Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups: A Fourth Basic Assumption 21st S. H. Foulkes Annual Lecture // *Group Analysis*. V. 30 (4). P. 439–470.
- Johnson J. E., Burlingame G. M., Olsen J. A., Davies D. R., Gleave R. L. (2005). Group Climate, Cohesion, Alliance and Empathy in Group Psychotherapy: Multi-Level Structural-Equation Models // *Journal of Counselling Psychology*. V. 52 (3). P. 310–321.
- Jones D. (Ed.) (2004). *Working with Dangerous People: The Psychotherapy of Violence*. Abingdon, UK: Radcliffe Publishing.
- Kennard D., Haigh R. (2009). *Therapeutic Communities* // M. Gelder et al. (Eds) (2012). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1391–1398.

- Leszcz M. (2014). Introduction // S. Lorentzen (2014). *Group Analytic Psychotherapy: Working with Affective, Anxiety and Personality Disorders*. London: Routledge.
- Lorentzen S. (2000). Assessment of Change after Long-Term Psychoanalytic Group Treatment // *Group Analysis*. V. 33. P. 373–396.
- Lorentzen S. (2014). *Group Analytic Psychotherapy. Working with Affective, Anxiety and Personality Disorders*. London: Routledge.
- Lorentzen S., Bøgwald K. P., Høglend P. (2002). Change during and after Long-Term Analytic Group Psychotherapy // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 52. P. 419–429.
- Lorentzen S., Ruud T., Fjeldstad A., Høglend P. (2013). Comparison of Short- and Long-Term Dynamic Group Psychotherapy: Randomised Clinical Trial // *British Journal of Psychiatry*. V. 203. P. 280–287.
- Lorentzen S., Ruud T., Fjeldstad A., Høglend P. (2015). Personality Disorder Moderates Outcome in Short- and Long-Term Group Analytic Psychotherapy: A Randomized Clinical Trial // *British Journal of Clinical Psychology*. V. 54 (2). P. 129–146.
- McDougal J. (1974). The Psychosoma and the Psychoanalytic Process // *International Review of Psychoanalysis*. V. 1. P. 437–459.
- MacKenzie K. R. (1997). *Time-Managed Group Psychotherapy: Effective Clinical Applications*. Washington, DC: American Psychiatric Association.
- Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge.
- McDougal J. (1989). *Theatres of the Body*. London: Free Association Books.
- Mistry T., Brown A. (Eds). *Race and Groupwork*. London: Whiting & Birch.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Norton K. (1992a). A culture of enquiry: its preservation or loss // *International Journal of Therapeutic Communities*. V. 13 (1). P. 3–25. Reissued: Warren F., Dolan B. (Eds) (2001). *Perspectives on the Henderson Hospital*. Sutton: Henderson Hospital Publishers. P. 43–62.
- Norton K. (1992b). Personality Disordered Individuals: The Henderson Hospital Model of Treatment // *Criminal Behaviour and Mental Health*. V. 2 (2). P. 80–191. Reissued: Warren F., Dolan B. (Eds) (2001). *Perspectives on the Henderson Hospital*. Sutton: Henderson Hospital Publishers. P. 28–42.
- Norton K. (1998). Joining and leaving: Processing separation, loss and re-attachment // R. Haigh, P. Campling (Eds). *Therapeutic Communities: Past, Present and Future*. London: Jessica Kingsley.

- Ormont L. (1992). *The Group Therapy Experience: From Theory to Practice*. New York: St Martin's Press.
- Ormont L. (2001). *The Technique of Group Treatment*. New York: Psychosocial Press.
- Ormont L., Furgeri L. B. (2001). *The Technique of Group Treatment: The Collected Papers of Louis Ormont*. New York: Psychosocial Press.
- Parker M. (Ed.) (2006). *Dynamic Security: The Democratic Therapeutic Community in Prison*. London: Jessica Kingsley.
- Pines M. (1983). *The Contribution of S. H. Foulkes to Group Analysis* // M. Pines (Ed.). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge.
- Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge.
- Rapoport N. R. (1960). *Community as Doctor: New Perspectives on a Therapeutic Community*. London: Tavistock.
- Roberts J., Pines M. (Eds) (1991). *The Practice of Group Analysis*. London: Routledge.
- Rosen I. (Ed.) (1998). *Sexual Deviation*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Rosenthal N. E. (2013). *The Gift of Adversity: The Unexpected Benefits of Life's Difficulties, Setbacks and Imperfections*. New York: Tarcher Penguin.
- Scheidlinger S. (1982). *Focus on Group Psychotherapy: Clinical Essays*. New York: International Universities Press.
- Schlapobersky J. (1993). *The reclamation of space and time: Psychotherapy with survivors of torture and organised violence* // *Proceedings of the Medical Foundation*.
- Schlapobersky J. (1996). *Forensic Psychotherapy: A Group-Analytic Perspective – From the Speech of Hands to the Language of Words* // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. London: Jessica Kingsley Press. P. 227–243.
- Schlapobersky J. (2005). *A group work approach with refugees and other traumatised populations* // R. Tribe (Ed.). *Department of Health Textbook on Health Care of Refugees* (Unpublished).
- Schlapobersky J., Bamber H. (1988). *Rehabilitation With Victims of Torture* // D. Miserez (Ed.). *Refugees – The Trauma of Exile*. The Hague: Nijhoff. P. 206–222.
- Scott S. (2011). *Uncovering Shame in Groups: An Exploration of Unconscious Shame Manifest as a Disturbance in Communication in the Early Stages of an Analytic Group*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.

- Trowell J., Kolvin I. (1999a). Lessons from a psychotherapy outcome study with sexually abused girls // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. V. 4 (1). P. 79–89.
- Trowell J., Kolvin I. (1999b). Psychotherapy for child sexual abuse – individual and group // *The Mental Health Foundation Updates*. V. 1 (1).
- Tucker S. (2004). *From Group Norms to The Group Superego: The Therapeutic Efficacy of The Ethical and Political in Foulkes*. Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Tucker S. (2011). Psychotherapy groups for traumatised refugees and asylum seekers // *Group Analysis*. V. 44 (1).
- Tucker S., Price D. (2007). Find a home: Group psychotherapy for traumatized refugees and asylum seekers // *European Journal of Psychotherapy and Counselling*. V. 9 (3).
- Tucker S., Wylie B. (2006). Working with trauma in a prison therapeutic community: An essentially social and integrative approach // *International Journal of Therapeutic Communities*. V. 27 (3).
- Tuckman B. (1965). Developmental sequence in small groups // *Psychological Bulletin*. V. 63 (6). P. 384–399.
- Tyerman S. (2012). *Watching the Body in the Group*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Urlić I., Tocilj-Šimunković G. (2009). Working Through Shame in Groups for Victims of Trauma and War // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 59 (2). P. 165–178.
- Verebes-Weisz J. (2011). *Capacity to Be in a Group: Small Group Psychotherapy in a Forensic Therapeutic Community for People with Dangerous and Severe Personality Disorder*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Wainstein S. (2013). *An Exploration of Intimacy in Group Analytic Psychotherapy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Warren F., Dolan B. (Eds) (2001). *Perspectives on the Henderson Hospital*. Sutton: Henderson Hospital Publishers.
- Weegmann M. (2014). *The World within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Welldon E. (1996). Group Analytic Psychotherapy in an Out-patient Setting // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Forensic Psychotherapy*. London: Jessica Kingsley Press. P. 63–82.

- Weldon E. (2012). *Playing with Dynamite: A Personal Approach to the Psychoanalytic Understanding of Perversions, Violence and Criminality*. London: Karnac.
- Whitaker D. S. (1985). *Using Groups to Help People*. London: Routledge.
- Whitely J. S. (1980). The Henderson Hospital: A Community Study // *International Journal of Therapeutic Communities*. V. 1 (1). P. 38–58. Reissued: Warren F., Dolan B. (Eds) (2001). *Perspectives on the Henderson Hospital*. Sutton: Henderson Hospital Publishers. P. 6–27.
- Whitely J. S., Collis M. (1987). Therapeutic Factors Applied to Group Psychotherapy in a Therapeutic Community // *International Journal of Therapeutic Communities*. V. 8 (1). P. 21–31.
- Williams A., Zachary A. (2014). On the Containing Structures Required by Forensic Group Psychotherapy // J. Woods, A. Williams (Eds). *Forensic Group Psychotherapy*. London: Karnac. P. 33–51.
- Winnicott D. W. (1953). Transitional Objects and Transitional Phenomena // *International Journal of Psycho-Analysis*. V. 34; Winnicott D. W. *Through Pædiatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press, 1978. P. 229–242.
- Winnicott D. (1956/1958). The Antisocial Tendency // D. W. Winnicott. *Through Pædiatrics to Psychoanalysis*. London: Hogarth Press. P. 306–315.
- Winnicott D. (1958). Psycho-Analysis and the Sense of Guilt // J. Sutherland (Ed.). *Psycho-Analysis and Contemporary Thought*. London: Hogarth Press. Reissued in: *The Maturational Processes and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press. P. 15–28.
- Woodcock J. (1997). Groupwork with refugees and asylum seekers // T. Mistry, A. Brown (Eds). *Race and Groupwork*. London: Whiting and Birch. P. 254–277.
- Woods J. (2014). Principles of Forensic Group Therapy // J. Woods, A. Williams (Eds). *Forensic Group Psychotherapy*. London: Karnac. P. 3–31.
- Woods J., Williams A. (Eds) (2014). *Forensic Group Psychotherapy: The Portman Clinic Approach*. London: Karnac.
- Yakeley J. (2010). *Working with Violence: A Contemporary Psychoanalytic Approach*. London: Palgrave Macmillan.

Применение разнообразных моделей метода

Группаналитическая модель и другие современные модели

(Глава создана на основе более ранней работы,
написанной совместно с Малкольмом Пайнсом)

К групповой терапии, ее конкретным характеристикам и потребностям зачастую проявляется отношение, которое преуменьшает ее значение и даже обесценивает ее, что я рассматриваю как часть амбивалентного по своей сути взгляда на группы... Отсутствие теоретической связности в групповой психотерапии требует дальнейших пояснений. Чем объясняется это отсутствие?... Возможно, нам необходимо исследование самой группы как единого целого и того, как ее основные характеристики отражаются в сложном клубке концептуальных и технических систем.

(Morris Nitsun, 1996, p. 4–5)

В этой главе разрабатывается концептуальная основа для дифференциации методов, моделей и практических приложений групповой терапии¹. Чтобы задать контекст для более подробного изучения группаналитической модели, которое последует в части II, приводится классификация различных методов и приложений, а затем дается краткое описание семи основных психодинамических моделей групповой терапии: группаналитической и тэвистокской в Европе, интерперсональной, современной аналитической, психодинамической, отношенческой и системной в Северной Америке.

Групповая терапия как метод. Основные варианты ее применения

Чтобы задать простую классификацию различных приложений метода, на рисунке, приводимом ниже, мы с Пайнсом решили использовать два простых фактора: терапевтические цели и групповое лидерство.

Терапевтические цели

Группы могут иметь более или менее конкретные терапевтические цели. К группам с конкретными целями здесь мы будем относить те, в которых идет работа с однородными категориями пациентов, как правило, с какой-то определенной проблемой, запрос на решение которой создает предпосылки для их присоединения к группе. Например, такой целью может быть преодоление алкогольной или наркотической зависимости. Группы, в которых проводится психоаналитическая психотерапия в соответствии с тэвистокской или группаналитической моделями в Европе или интерперсональной или современной аналитической моделями в Северной Америке, мы будем классифицировать здесь как группы с неспецифическими целями. Существует большое количество промежуточных вариаций внутри каждой психодинамической модели.

Лидерство

Чем больше лидер направляет группу, тем более он выделяется в качестве «модельного объекта» для группы. Чем меньше лидер направляет группу, тем больше возникает возможностей для проявления бессознательной динамики, внимания к переносу и контрпереносу с учетом того, что терапия прогрессирует через развитие отношений. Чем выше относительный уровень лидерской активности, тем больше вероятность того, что участникам в рамках группы будет предложена новая техника или какой-либо навык. Чем ниже этот уровень, тем сильнее будет выражено связанное с отношениями содержание терапии, а основные навыки терапевта, построенные на налаживании отношений, вооружат группу для глубокой и развивающей работы как над скрытыми, так и над очевидными проблемами, с которыми сталкиваются участники. Это контрастирует с более директивными методами, когда действия лидера могут восприниматься как «навязывание» метода участникам группы. Основные обсуждае-

мые здесь психодинамические методы разделяют философию неди-
рективности и характеризуются тонкими, но существенными разли-
чиями между своими практическими моделями. Используя эти два
основных показателя — специфичность целей и уровень лидерской
активности, — мы легко можем поместить различные формы груп-
повой терапии в четыре квадранта (см. рисунок 7.1).

1	ВЫСОКО СПЕЦИФИЧНЫЕ	терапевтические цели	2
	Структурированные группы в центрах для нарко- и алкозависимых Деятельностные группы, включая трудотерапию	Направленные на решение проблем и психообразовательные группы для гомогенных категорий пациентов	
	ВЫСОКИЙ	НИЗКИЙ	
	уровень лидерской активности	уровень лидерской активности	
	Психодрама, драма-терапия, музыкальная терапия Краткосрочные динамические группы Системно-центрированные группы	Группы поддержки Арт-терапевтические группы Интерперсональные, тэвистокские, группаналитические терапевтические группы	
3	НЕСПЕЦИФИЧНЫЕ	терапевтические цели	4

Рис. 7.1. Простая классификация групповых методов (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1356)

Целенаправленная терапия с высоким уровнем лидерской активности. Квадрант 1

Во многих форматах работы с наркотической и алкогольной зависи-
мостью в рамках структурированной программы участники должны
выполнять обязательства, связанные с каждым этапом лечения. Они
продвигаются вперед, когда выполняются конкретные обязательства,
соответствующие очередному этапу. По мере продвижения новичка
он, в свою очередь, становится тренером для других новичков, а тера-
певт (или терапевты) активно руководит процессом. Эта философия
«наставничества» в групповой культуре также возвращается в тера-
певтических сообществах, малые группы которых в остальном при-

надлежат квадранту 4. В когнитивной терапии, которая проводится в групповом сеттинге, группа используется как собрание людей, которое обучается у эксперта и обсуждает с ним какие-либо вопросы. Обучению способствуют зависимость от общего лидера, пользующегося уважением, и внимание к групповой динамике, которые формируют некоторую групповую сплоченность, но это не является основным направлением терапии.

Целенаправленная терапия с низким уровнем лидерской активности. Квадрант 2

К этой категории могут быть отнесены группы, которые, прежде всего, работают в русле аналитического подхода, целью которых является решение проблем или психообразование для однородных категорий пациентов, например, группы, предназначенные для лечения расстройств пищевого поведения или работы с правонарушителями. В Нортфилде самые первые группы работали именно в этом направлении. Несмотря на то, что существуют четко сформулированные цели, активность лидера ограничивается фасилитацией, построением связей или созданием условий для них и последующими анализом и интерпретацией. Групповое обсуждение и сплоченность усиливают эмоциональный опыт и способствуют обучению.

Терапия с неспецифическими целями и высоким уровнем активности лидера. Квадрант 3

В психодраматических группах лидерство явно принадлежит директору психодрамы. Потребности и цели участников группы часто расплывчаты и разнообразны, и в психиатрической практике они связаны с облегчением душевных страданий. Директор психодрамы использует множество техник. Эмоциональное возбуждение бывает высоким, поэтому способность разделить эмоции в ходе обсуждения, а также симпатия и эмпатия, возникающие между участниками группы, становятся мощными терапевтическими инструментами. Мощная активация конфликта и его последующее разрешение имеют такое же терапевтическое действие. Также высокий уровень лидерской активности в группах, у которых нет конкретных целей, обеспечивается в рамках системно-центрированной терапии, разработанной Агазарян. Нередко работа краткосрочных (10–20 сессий) динамических групп не имеет специфических целей,

но их лидеры поддерживают высокий уровень вовлеченности и руководят процессом, а в зависимости от этапа развития группы степень активности меняется.

Терапия с неспецифическими целями и низким уровнем активности лидера. Квадрант 4

Цели группаналитической или психоаналитической групповой терапии чаще всего бывают размытыми и неспецифическими, включая облегчение симптомов и других форм страдания, личностный рост и психологические изменения. В этой главе рассматриваются шесть основных школ. Две европейские: тэвистокская (по Биону или подход к группе как целому) и группаналитическая — и четыре североамериканские: интерперсональная (Ялом и др.), психоаналитическая, современная аналитическая и системная, хотя последняя, как уже говорилось, в действительности относится к квадранту 3. Отношенческая модель частично обсуждалась в главе 2, и ее влияние на модель группового анализа изучается на протяжении всей нашей книги, но самые последние публикации еще не нашли отражения в этой главе. У всех этих видов терапии неспецифические цели и низкий уровень лидерской активности, но они отличаются друг от друга пониманием роли и функций лидера. Все эти модели исходят из важности бессознательной индивидуальной и групповой динамики и используют трансформационный потенциал группы. Их различия состоят в том, как понимать перенос и контрперенос и как с ними работать. В этой главе дается сравнительная оценка этих моделей.

Основные варианты применения групповой терапии

Для наиболее подробного обзора текущей ситуации в данной области обратим внимание на то, как групповая терапия применяется в качестве метода для разных категорий клиентов в разных контекстах и условиях. Существует пять основных способов применения групповой терапии: деятельность группы, поддерживающие группы, группы, направленные на решение проблем, психообразовательные группы и психодинамические группы. Первые три варианта ориентированы на конкретные цели, что следует из их названий, четвертый — менее конкретен, а пятый — это недирективная аналитическая психотерапия. В зависимости от подхода в поддерживающих группах и в группах, направленных на решение проблем, лидерст-

во терапевта может иметь разную степень директивности. Деятельностные и психообразовательные группы неизбежно имеют высокий уровень директивного лидерства, в то время как психодинамические группы отличаются более низким уровнем. Все пять вариантов применения опираются на одни и те же основные процедуры. Это отбор и объединение в группы людей, нуждающихся в помощи, а затем регулярные групповые встречи с одним или несколькими хорошо подготовленными терапевтами.

Деятельностные группы

Терапевтические группы, определяемые деятельностью, предлагаются наиболее уязвимым и неустойчивым пациентам. Эта деятельность (например, физические упражнения или приготовление пищи) выполняет функцию объединения и помогает создать условия для развития целого ряда производных функций, способствующих установлению связей, развитию социальных навыков, работе с невысказанными тревогами и выражению мучительных эмоций. Специалисты по трудотерапии и медсестры, использующие работу с материалами для творчества или другую социально приемлемую деятельность, такую как садоводство или парикмахерское дело, уже давно разработали широкий спектр групповых программ как для неотложной, так и для реабилитационной психиатрии (Creek, 1997). Существует большое количество других вариантов применения этого подхода в разных условиях, в том числе в медицинской реабилитации, в реабилитации беженцев, в социальной работе и в программах опеки и усыновления. Группы, в основе работы которых лежит определенная деятельность (например, использующие работу с материалами для творчества), необходимо отличать от тех, которые используют такие материалы для наведения аналитического фокуса в психологической работе. К последней категории относятся разные виды арт-терапии. Они имеют неспецифические терапевтические цели и могут, как в случае с музыкальной терапией, обладать высоким уровнем лидерской активности или в случае изотерапии низким уровнем лидерской активности (Skaife, Huet, 1998).

Поддерживающие группы

Поддерживающие группы функционируют как форма социальной поддержки, обеспечивающая контейнирование, улучшение соци-

альных навыков и повышение способности участников к социальной адаптации. Их цель — уменьшить пагубные последствия социальной изоляции, вывести участников из состояния замкнутости в социальный контекст и дать им возможность поделиться своими проблемами с другими. В этих группах идет работа с пациентами, которые давно страдают от личностных расстройств с труднопознаваемой этиологией, пациентами с хроническими психическими и физическими заболеваниями (Stone, 1996; Ulrich, 2012), индивидами с физическими недостатками и нарушениями обучаемости, а также с лицами, осуществляющими уход за пациентами любой из вышеперечисленных категорий. В таких группах допускается определенное психообразование, с помощью которого ведущий влияет на мировоззрение участников группы. Например, в случае когда группа состоит из молодых сексуально активных взрослых с нарушением обучаемости, им можно дать рекомендации по контрацепции.

Группы, направленные на решение проблем

Этот вид групповой терапии предназначен для пациентов, направленных к специалистам для решения определенной проблемы. Вот лишь некоторые примеры: «Анонимные алкоголики», «Ал-Анон», «Анонимные игроки», группы для людей с низким контролем импульсов, с расстройствами пищевого поведения или проблемными привычками, такими как курение (Golden et al., 1993). По функциям эти группы во многом схожи с долгосрочными поддерживающими группами, в частности в том, что они предлагают ресурсы, поддерживающие Эго и способствующие адаптации. В таких группах пациенты находятся под наблюдением со стороны других участников или помогающих специалистов не только в ходе сессий, но и иногда за их рамками. При этом участники не берут на себя обязательств включаться в более глубокую и радикальную аналитическую работу, связанную с групповой психодинамикой. Во многих случаях сам факт фокусирования на решении проблем задает основу для вовлечения участников в психодинамическую работу, что становится заметным, когда проявляются глубокие изменения, в которых очевиден психообразовательный компонент, описываемый ниже. Довольно часто именно так работает судебная групповая психотерапия, что проиллюстрировано исследованиями 3–5 в главе 6. Многие группы, которые проводят специалисты первичной больничной

помощи (трудотерапевты, медсестры, врачи и психологи), работают в таком формате. Еще одним таким примером является Программа групповой работы в лондонском Медицинском фонде для жертв пыток, описываемая в исследовании 6 в главе 6.

Психообразовательные группы

В упомянутых группах в Нортфилде для военнослужащих с боевым неврозом участникам отводилась роль тех, кто изучает свои расстройства, но не считается «больным». Этот сдвиг ценностных ориентиров придал новое направление развитию терапевтических сообществ, которые сегодня работают с «резидентами», а не с «пациентами». Благодаря такому пересмотру идентичности люди становятся более открытыми для новой информации и легче отучаются от неадаптивного отношения к природе своих проблем. Более когнитивный подход применяется в однородных группах, направленных на решение проблем, где информация предоставляется посредством лекций, дискуссий и соответствующих материалов для чтения. Существуют разные способы снизить тревожность и выявить неадаптивное и неадекватное отношение к таким проблемам, как тревожные состояния, фобии, навязчивые идеи и психосоматические расстройства. В таком формате довольно часто работают группы для тех, кто страдает от серьезных физических заболеваний. Кроме того, в работе поддерживающих групп часто присутствует важный психообразовательный компонент. Например, тем, кто страдает от хронических психических заболеваний, можно помочь понять смысл бреда, галлюцинаций, осознать стигму болезни и справиться с этим (Kanas, 1999).

Психодинамические группы

В работе всех психодинамических групп присутствуют компоненты поддержки, решения проблем и психообразования, но слово «психодинамические» мы оставляем за теми, для кого заявленной целью является устойчивое изменение личности посредством недирективной и опирающейся на свободные ассоциации терапии. Диапазон различных групповых контекстов настолько разнообразен, что на первый взгляд может показаться, что у них мало сходства. Но существуют общие принципы, на которые мы опираемся, когда предлагаем терапию разным категориям клиентов. Это могут быть те, кто пре-

бывает в стационарном отделении, восстанавливается после психотических эпизодов и встречается в группе трижды в неделю, те, кто совершил насильственные преступления, находится в отделении с повышенными мерами безопасности и участвует в групповой работе один раз в неделю, и те, кто посещает группы в частной практике один или два раза в неделю, включая проходящих обучение в области психического здоровья. Эти различные варианты применения группанализа были описаны в главе 6 и будут подробнее обсуждаться в части II.

Шесть основных моделей психодинамической групповой терапии

Далее мы проведем анализ и систематическое сравнение шести основных моделей психодинамической групповой терапии. Чтобы лучше понять отличия тэвистокской, интерперсональной и групп-аналитической моделей, в этих трех случаях мы будем использовать рисунки.

Бион и тэвистокский подход

Этот подход восходит к работе Биона, который оказал большое влияние на Эзриэла и его коллег из тэвистокской клиники (Bion, 1961). Так же как для группового анализа, для тэвистокского подхода характерен интерес к динамике, которая лежит в основе объектных отношений в группах, но под влиянием Биона, а затем Эзриэла терапевт почти всегда сосредотачивается на том, что Эзриэл называл общим групповым напряжением, а Блон — базовыми допущениями. Публикация Эзриэла опередила Биона примерно на одиннадцать лет (Ezriel, 1950). Учитывая то, что Блон был создателем этой модели, а работа Эзриэла, рассматриваемая в главе 3, как и работа Биона, является ясным, информативным описанием клинического использования модели, до сих пор остается загадкой, почему возникло такое отставание. Научная дискуссия продолжилась, когда спустя годы Блон опубликовал свою монографию. Книга «Переживания в группе» была его единственной публикацией о группах, и, хотя она опиралась на скудные теоретические основы и знаменовала окончание его интереса к группам, она, как и остальные его работы, оказала уникальное влияние на нашу область знаний (Bion,

1961/2000). В двухтомном сборнике под редакцией Липгара и Пайнса «Основываясь на Бионе: корни и ветви» рассматриваются истоки и контекст того вклада, который Блон внес в теорию и практику, а также обсуждается современное развитие и применение его работ (Lipgar, Pines, 2003). Исследование эффективности тэвистокского подхода, проведенное Маланом, подняло серьезные вопросы о возможности его применения в качестве первичной психотерапии в связи с тем, что в этом подходе не уделяется внимания индивидуальности участников группы, что может вызвать беспокойство тех, чьи переживания в группе воспроизводят их ранние травмы, обусловленные пренебрежением и непониманием со стороны заботящихся взрослых (Malan, 1976). В самой недавней публикации, посвященной этой модели, сборнике под редакцией Гарленд «Книга групп», демонстрируется другая позиция, которая, в связи с тем, что сама Гарленд получила образование как группаналитик, ближе к группаналитической модели (Garland, 2010). Эта книга представляет собой необходимый обзор практики и учебное пособие, полезное для клинической работы. Особенно сильное влияние тэвистокский подход оказал на сферу подготовки персонала и консультантов, что свидетельствует о широком отклике на теорию базовых допущений в профессиональной среде.

Как показано на рисунке 7.2, это «психология диады», которая налагает ряд клинических ограничений, снижающих сложность группового взаимодействия до двустороннего обмена между терапевтом, с одной стороны, и группой как целым — с другой. Внутригрупповая динамика рассматривается только как нечто цельное, дающее возможность понять бессознательное состояние группы как целого и указывающее на характер отношений группы и терапевта. Терапевт остается вне группы и занимает позицию, которая предполагает не только нейтральность и беспристрастность, но и непрозрачность и сдержанность в своих проявлениях. Как Эзриэл, так и Блон находятся в дедуктивной позиции, которая подразумевает применение к области исследования заранее сформулированных принципов, все понимание и анализ выводятся из предположений о рассматриваемой динамике.

Несмотря на эти ограничения, идеи Блона и его последователей обладают значительной объяснительной силой и простотой применения, что свидетельствует об их полезности. В своих работах, посвященных базовым допущениям, он полагает, что группа независимо

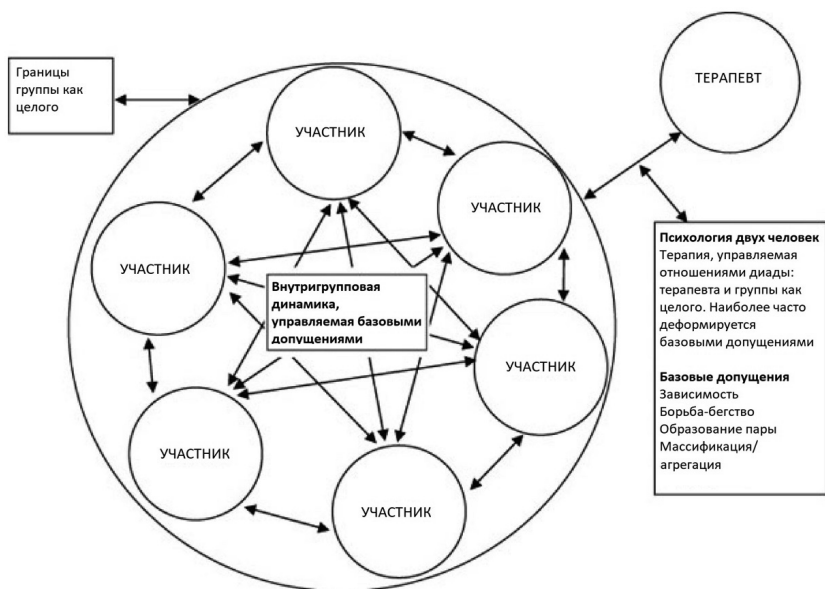


Рис. 7.2. Элементы тэвистокской группы (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1356)

от культуры и атмосферы в ней в любой момент своего существования управляется примитивными бессознательными тревогами, которые ослабляют ее способность к рациональной работе, в ходе которой личность или репрезентация лидера играют решающую роль. Связанные с этим тревоги можно отнести к одной из трех категорий, называемых *базовыми допущениями* — это зависимость, борьба/бегство и образование пары. Они влияют на группу как целое, и считается, что в любой момент времени действует только одно базовое допущение. Бюн считал, что базовые допущения препятствуют деятельности «рабочей группы», то есть более рациональному, высокоуровневому функционированию группы и ее участников. Ключевая задача терапевта заключается в понимании действующего базового допущения и его интерпретации для всей группы. Понимание этой общности вбирает в себя отдельные смыслы личных переживаний индивидов. Этот подход ориентирован на терапевта, перенос рассматривается только как направленный на терапевта, который является фигурой власти. В состоянии *зависимости* группа пытается добиться защиты через пассивное или зависимое по-

ведение. В состоянии *борьбы/бегства* группа нападает на терапевта или какую-либо проблему или же отступает и обращается в бегство. И в состоянии *образования пары* группу охватывает общая иллюзия того, что в безвыходных ситуациях, возникающих в групповой жизни, эмоционально заряженное парное взаимодействие участников приведет к некому магическому спасению.

Браун в своих комментариях к теории базовых допущений сначала в размышлениях самого Бюна, а затем в трудах Тюрке и Лоуренса, клиницистов и авторов, следующих в русле тэвистокской традиции, прослеживает развитие идеи о четвертом и пятом базовых допущениях (Brown, 2003/2006). Тюрке описал четвертое базовое допущение — *единство*, когда участники группы стремятся объединиться в союзе со всемогущей силой, психическая капитуляция перед которой помогает обрести ощущение благополучия (Turquet, 1975). Лоуренс разработал пятое базовое допущение в виде дополнительной концепции «отдельности», когда *я* становится объектом самого себя, *я* изолировано, чтобы предотвратить поглощение (Lawrence, Bain, Gould, 1996). Четвертое допущение — единство — представляет собой подчинение индивида группе, а пятое заключается в предотвращении любых групповых связей с целью «защиты» индивида. Хоппер использовал идеи Тюрке и Лоуренса о четвертом и пятом базовых допущениях и разработал свое четвертое базовое допущение, которое он называет *массификацией/агрегацией*, когда предполагается, что защитные структуры групп или обществ, особенно переживающих кризис, толкают участников на жесткое слияние идентичностей, исключающее индивидуальность, или радикальный уход в изоляцию, предотвращающий взаимную зависимость (Норрег, 1997/2003).

Интерперсональная модель

Салливан и Фрэнк оказали влияние на интерперсональный подход Ялома (Frank, 1961, 1993; Sullivan, 1953, 1997). Его книга «Теория и практика групповой психотерапии», пятое издание которой подготовлено совместно с Лесцем, была первым систематическим описанием групповой терапии, которое опиралось на исследования, и остается одной из самых авторитетных работ в этой области (Yalom, Leszcz, 2005). Более поздняя публикация* Ялома о группо-

* По сравнению с первым изданием 1970 года.

вой психотерапии в стационаре (1983) систематизировала групповую работу в этих условиях.

В этой модели основное внимание уделяется межличностному обучению как главному механизму изменений. С помощью обратной связи, получаемой от других участников, и проведения экспериментов с более здоровым поведением сначала внутри группы, а затем за ее пределами группа становится противоядием от дезадаптивных межличностных убеждений и неэффективного поведения. Совместное исследование реакций внутри группы позволяет участникам заметить процессы, которые имеют историческое происхождение, «там-и-тогда», или «динамическое прошлое», на процессы, более соответствующие «здесь-и-сейчас», или «динамическому настоящему». Данный подход делает акцент на образовательных возможностях работы в группе здесь и сейчас. Терапевт берет на себя ответственность вести группу к осознанию этой межличностной динамики и ее проявлений. Здесь терапевт более открыт, чем в других психодинамических подходах. Это проявляется, когда он моделирует желаемое поведение, напрямую делится реакциями на события в группе и открыт для обратной связи со стороны других участников группы.

Как показано на рисунке 7.3, в центре внимания терапевта находится межличностная динамика. Это задает паттерн, когда содержание дискуссии и процесс взаимодействия участников определяют вектор развития группы. Интерперсональный подход делает терапевта одним из участников группы, не наделяя его отличительной структурной идентичностью и не обозначая формальных границ группы как целого. Ялом описал модель, сведя в таблицу одиннадцать терапевтических факторов. Опираясь на взгляды терапевтов и рассказы пациентов и сопоставив ряд терапевтических переменных с результатами лечения пациентов, он выделил основные категории, которые закрепились в научной литературе. В пятом издании этой книги его соавтор Лесц возвращается к вопросам эмпирического обоснования подхода и подтверждает валидность этих одиннадцати факторов прошлым и нынешним опытом участников групп (Yalom, Leszcz, 2005). Мы применили новый подход, который состоит в использовании трех измерений психотерапии (отношенческого, рефлексивного и репаративного), он изложен в главе 2. Говоря об этих факторах, будет некорректно использовать изначально применявшийся Яломом термин «лечение» с теми, кто видит цели терапии иначе. Он приложил много усилий для решения этой проблемы,

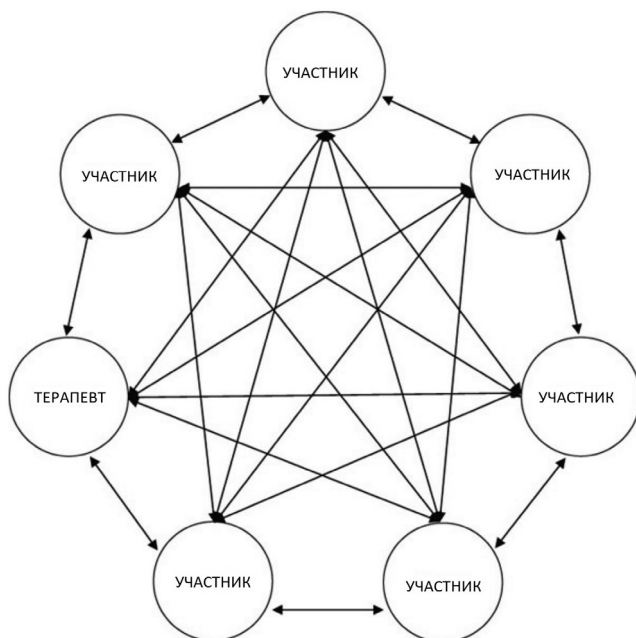


Рис. 7.3. Элементы интерперсональной группы (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1355)

пересмотрел в третьем издании своей книги терапевтические факторы и выделил часть из них в отдельную группу — экзистенциальные вопросы. Этим вопросам он полностью посвятил другую широко известную книгу «Экзистенциальная психотерапия» (May, Yalom, 1989).

Группаналитическая модель

О группаналитической модели и влиянии Фукса и Энтони на ее развитие мы часто говорим в нашей книге. Однако название этой модели групповой терапии дали не они. «Групповой анализ» — это термин, придуманный гораздо раньше американским психоаналитиком Тригантом Барроу, чья жизнь описана в недавно изданной прекрасной биографической книге Э. Пертегато и Дж. Пертегато (Pertegato, Pertegato, 2013). Также стоит отметить, насколько сегодня разнообразны контекст и способы применения этой модели, что показано во всех десяти клинических исследованиях, описанных в главе 6. Также мы проследим здесь историческое влияние Фукса на разви-

тие других моделей, практикуемых в Северной Америке, в частности психоаналитической и современной аналитической.

Данный подход интегрирует важные аспекты двух предыдущих моделей и добавляет ряд новых элементов. Группой руководит ведущий, который иногда является организатором группы, иногда одним из ее участников и всегда остается ее терапевтом. Предполагается, что он имеет дело и с отдельными индивидами, и с целой группой и принимает во внимание как более сознательную и индивидуальную динамику, так и бессознательную и потенциально деструктивную динамику группы как целого. Подход опирается на интегрированный набор концепций, связывающих структуру, процесс и содержание друг с другом, при этом работа ведущего заключается в том, чтобы создавать и развивать повседневный язык опыта совместных бесед. Время от времени он будет выполнять функции организатора, заниматься динамическим администрированием и следить за соблюдением границ и правил группы. Эта часть ответственности не может быть делегирована или устранена. А в других случаях ведущий будет говорить от себя лично как один из участников группы. Ведущий, помимо роли организатора и роли эмоционально доступного участника группы, который переживает такие же чувства, как и другие, принимает на себя роль терапевта, которая управляет двумя другими его ролями и обуславливает их. На начальных этапах работы групп уровень активности лидера относительно высок (*crescendo*), затем он постепенно снижается (*decrecendo*) параллельно со снижением уровня ответственности, поскольку группа сама становится терапевтом, а функция лидерства — собственно терапевтическое вмешательство — передается ее участникам, которые превращаются в активных ко-терапевтов и помогают в лечении друг друга. Наиболее последовательно этот подход изложен в работе Пайнса, Херста и Бера (Pines, Hearst, Behr, 1982). Как показано на рисунке 7.4, ведущий находится вне группы как ее организатор, но внутри как один из ее участников. Структурные элементы группы позволяют понять важные связи между каждым участником, ведущим и группой как целым. Вместе они образуют матрицу, под которой понимается взаимосвязанная решетка отношений, включающая всех участников группы и ведущего.

Для каждого участника группы треугольник, стороны которого связывают психологические «объекты» группы друг с другом, иллюстрирует один из соответствующих каждому участнику паттернов свя-

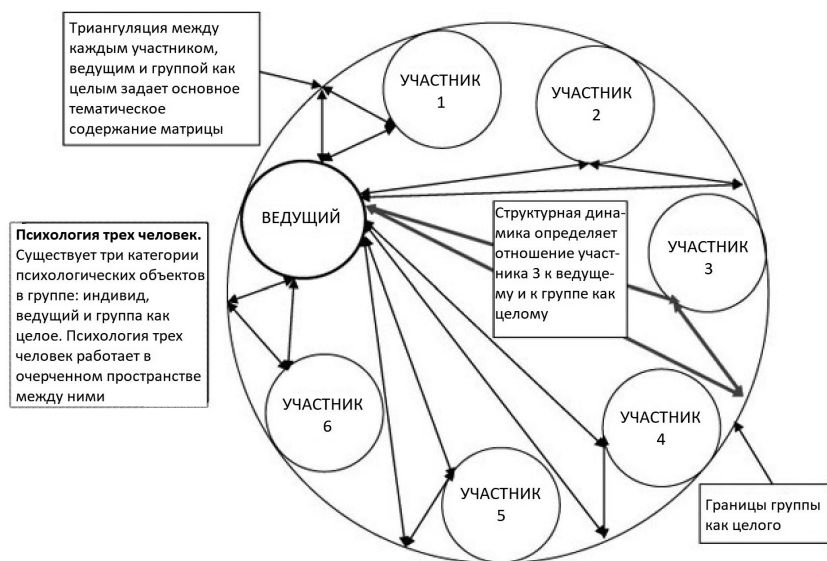


Рис. 7.4. Элементы группаналитической группы (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1358)

зи. Если мы воспроизведем для каждого участника этот треугольник, то на рисунке увидим *матрицу* отношенческих паттернов, сложное отношенческое поле, которое будет меняться по мере возникновения, изменения, распадов и расколов союзов и подгрупп. Эта концепция матрицы позволяет нам признать, что в группе все события становятся частью сети, которую называют разным образом: межличностная, интерсубъективная или трансперсональная. В базовых работах, которые посвящены матрице, проводится различие между ее фундаментальными характеристиками и ее динамическими свойствами, что обсуждается в главе 1. В главе 4 мы предложили различать отношенческое и семантическое поля группы; первое из них управляет аффектом и сплоченностью, а второе определяет смыслы и согласованность. В матрице общего опыта группа генерирует способность принимать, контейнировать и в конечном итоге преобразовывать вклад отдельных индивидов и способствовать интеграции на индивидуальном уровне, как это происходит в группе как целом. Джеймс представил набор теоретических построений, определяющих ключевые аспекты групповой жизни через холдинг и контей-

нирование (понятия разработанные Винникоттом и Бионом), каждое из которых по-своему акцентирует то, как группа «принимает» своих участников (James, 1994, 2000, p. 60–79).

Психоаналитическая модель в США

В Северной Америке одним из первых, кто начал практиковать психоаналитическую групповую терапию, был Славсон. Он работал с группами для родителей детей, которые испытывали разнообразные трудности, и уделял особое внимание динамике проекций в группах, что имеет для нас непреходящее значение. Он способствовал созданию Американской ассоциации групповой психотерапии. В конце 1930-х годов психоаналитические идеи в групповой психотерапии начал применять Шварц, к которому позже присоединился Вольф. Их клиенты проходили индивидуальную психотерапию в условиях группы параллельно с другими пациентами, при этом внимание было сосредоточено на отношениях переноса между каждым участником и терапевтом. Тогда Фукс критиковал этот подход, так как в нем отвергалось систематическое использование специфических для группы процессов, и в отличие от такой «психотерапии в группе» Фукс предлагал в качестве практической альтернативы групповой анализ и описывал его как «психотерапию группой». Обсуждение этого вопроса можно найти в работе Шлапоберски и Пайнса, и мы не будем здесь останавливаться на этом (Schlapobersky, Pines, 2009).

На сегодняшний день преемственность поколений обеспечили работы Шайдлингера (Нью-Йорк) и Гротьяна (Калифорния). Они оба оказали огромное влияние на развитие американской психоаналитической групповой терапии. Первый проявлял интерес к целостным объектным отношениям в домене переноса группы. Его отношение к группе как матери (или отцу) и к терапевту как к индивиду, находящемуся в позиции другого родителя, имеют глубокое и непреходящее значение (Scheidlinger, 1982). Гротьян занимался динамикой процессов, которая управляет работой, он описал и в тесном сотрудничестве с Фуксом доработал понимание переноса в группах. Доминантой в его подходе является личность и индивидуальность терапевта, а динамика процесса организована вокруг него. С точки зрения группового анализа эта картина вызывает смущение, поскольку похоже, что он работает без использования структурных принципов, и поэтому возникают странные проблемы с граница-

ми, недоступные для регулирования принципами динамического администрирования, которые являются ключевыми для группаналитического подхода и описаны в главе 9. Его последующие работы, посвященные «голосу символа», стали оригинальным и ярким вкладом в изучение вопросов, к которым мы обращаемся в нашей книге и которые особенно актуальны для главы 11 (Grotjahn, 1993; Grotjahn et al., 1983).

Современный психоанализ в США

Основы современного психоанализа были разработаны в 1950-х и 1960-х годах нью-йоркским исследователем Спотницем. В своей клинической практике и публикациях он сосредоточивался на терапевтическом использовании переноса, работе с сопротивлением и уделял особое внимание значению контрпереноса, особенно при анализе нарциссических защит. Ормонт, который в 1989 году основал Центр групповых исследований, был ведущей фигурой в своем кругу. К пяти «столпам теории и метода» он относит наблюдающее Эго, барьер изоляции, принципы генеративной коммуникации, непосредственности и группы как агента взросления. Эти идеи имеют непосредственное отношение к модели группового анализа, и в своей книге «Избранные статьи» Ормонт показывает, как сильно они связаны с представлениями Фукса, который был старше его на целое поколение (Ormont, Furgeri, 2001). Они могли встречаться на международных конференциях, существуют записи интервью Ормонта, в которых он рассказывает о влиянии Фукса. Выпускники CGS называют себя групповыми аналитиками, что вызывает в Европе некоторую полемику. Однако в любом случае термин «групповой анализ» возник в Северной Америке. Мы не знаем, какую из моделей, современную аналитическую или европейскую, одобрил бы создатель термина Барроу. Современная аналитическая модель вносит большой вклад в развитие группового анализа. Эта модель активно развивается, что отражается в значительном количестве хорошо проработанных публикаций, четко ориентированных на клиническую практику. Ключевые отличия от европейской модели заключаются в том, что североамериканская модель в большей степени ориентирована на лидера. Последователи этой модели говорят о терапевте как о «лидере», а не как о «ведущем», и вслед за Ормонтом их работа часто является строго направленной, для чего они активно исполь-

зуют принцип наведения мостов. На сегодняшний день единственные систематические сравнения европейской и современной аналитической форм группового анализа представлены в презентациях на конференциях, описанных ниже. К числу недавних публикаций, которые наиболее тесно связаны с групповым анализом в Европе, относится работа Эпштейна и Файнера, которые выпустили под своей редакцией сборник, посвященный контрпереносу и исследовали, как его можно использовать в группах (Epstein, Feiner, 1979). В свою очередь, Левин в своей недавней статье сосредотачивается на ключевом вопросе эмоциональной коммуникации и подчеркивает важность такого взаимодействия в аналитическом пространстве, когда интерпретации не являются доминирующими.

Многие современные психоаналитические подходы... подчеркивают теоретическую важность эмоциональной коммуникации между пациентами и терапевтами и практическую необходимость разработки вмешательств, выходящих за рамки интерпретаций... Ключ к работе с регрессивным опытом лежит в терапевтических отношениях, в том числе в несформулированных и довербальных взаимодействиях... Регрессия является возможностью для диалога. Поскольку общение обогащается осознанием и способностью переносить чувства, разрядка и манипуляции сменяются рефлексией... Это осознание себя и других на новом уровне [может] приводить к взаимно исцеляющему эмоциональному общению... Терапевтическая группа предоставляет возможности для понимания этих переживаний... [и] дает эмоциональные «нутриенты», способствующие взрослению... необходимые для развития устойчивости, дифференциации и новых способов взаимоотношений и совладания с проблемами.

(Levine, 2015, p. 112, 118–119)

К теме непосредственности в своих публикациях много раз обращался Зейсел. В одной из своих последних работ об использовании лидером своего *я* он останавливается на том, как в определенный момент можно уловить динамику переноса и контрпереноса и вывести на поверхность давно скрытые и глубоко вытесненные тревоги (Zeisel, 2012). В свою очередь, Коэн опираясь на работы Эпштейна и Файнера, расширяет использование идеи непосредственности

и исследует «эффект годовщины», связанный с утратами. Она подчеркивает эффективность групповой терапии «для выявления скрытых реакций на памятные события, часто блокирующих процесс терапии». Подробная выдержка из ее работы приводится в главе 3 (Cohen, 2007, p. 153).

Системно-центрированная терапия для групп (SCT)

Теория живых человеческих систем была разработана Агазарян, на идеях которой строится системно-центрированная терапия для групп (Agazarian, 1997). Для понимания отдельного индивида, индивида как участника малой группы, а затем и индивида, и малой группы, к которой он принадлежит, как участников большой группы и общества в целом она применяет различные конструкты. Она показывает, что во всех живых системах, в которых эти конструкты возникают, они изоморфны. Она разработала понятие функционального подгруппинга, которое может применяться ко всем практикам, нацеленным на изменения, будь то психотерапия, организационное развитие или, например, политическое посредничество. Мы в этой книге используем принцип функционального подгруппинга, предложенный Агазарян, чтобы понять неизбежные разделения, которые возникают в ходе психотерапии в малых группах и проявляются в расколах и образовании альянсов, в идентификации, оппозиции и противопоставлении. Изменения, происходящие на одном уровне живой системы, неизбежно вызывают изменения на других уровнях, и концепция Агазарян — это верный путь понять, что именно мы делаем как групповые терапевты и почему мы делаем это в группах. Агазарян воспринимает индивида как живую человеческую систему и обладает удивительной способностью в ходе работы с подгруппой определять, является ли она функциональной и имеет ли исцеляющий потенциал. Благодаря такому подходу эта модель стала широко применяться на практике в Северной Америке и подогрела интерес во всем мире к мастер-классам, которые проводит сама Агазарян. Ее теоретические идеи и их практическое применение были новаторскими. В своих публикациях она всячески подчеркивала системную природу вещей. Ее работы стали источником вдохновения для Робина Скиннера в последние годы его жизни, поскольку он впервые увидел, что системные принципы, разработанные им для семейной терапии, успешно применяются в малых группах.

Помимо того, что Агазарян была пионером в разработке теоретических положений и их практическом применении, способствовала распространению подхода на смежные области, она с присущей ей дальновидностью наблюдала за достижениями других исследователей в этой области. Задолго до того, как ее теория живых систем приобрела окончательные очертания и была по достоинству оценена коллегами, Агазарян первой среди американских практиков осознала важность интереса Фукса к резонансу. Ее собственное понимание и подход к использованию резонанса легли в основу системно-центрированной терапии. В главе 10, посвященной процессу группового анализа, мы неоднократно цитируем работы Агазарян, так как она раньше многих признала важность резонанса.

Сравнение места терапевта в различных моделях

В своей книге, посвященной психодинамической модели, Скотт Рутан, Стоун и Шей приводят рисунок, который помогает определить природу деятельности лидера (см. рисунок 7.5). Этот рисунок обладает отличной практической ценностью, так как позволяет с легкостью сопоставить позиции терапевта по ряду ключевых параметров. Сравнивая группаналитическую, интерперсональную и тэвистокскую модели, мы можем понять, какой теоретической позиции придерживаются приверженцы каждой из этих моделей. Начнем с роли терапевта. Мы можем видеть, что в тэвистокской модели терапевт занимает крайнее положение справа для всех трех описанных континуумов: он малоактивен, закрыт и рассматривает фрустрацию в группе как часть того, что подразумевается самой моделью. В группаналитической модели терапевт также проявляет мало активности (но уже не так мало, как в случае тэвистокского подхода) и сохраняет свободу действий для принятия активной позиции в стрессовые или переходные моменты жизни группы. Сходным образом можно описать позицию интерперсонального терапевта в этих континуумах. Когда этого требует динамика ситуации, интерперсональный терапевт может прибегнуть к самораскрытию ради прогресса группы, часто занимая позицию участника группы. Теперь обратимся к фокусу внимания терапевта. В тэвистокской модели терапевт не обязан занимать определенную позицию в модальности времени, но должен находиться на крайней левой позиции по второму параметру, обращаться только к группе как целому и никогда не заниматься

межличностными коммуникациями или отдельными индивидами. В интерперсональной модели сохраняется активный фокус на межличностной сфере, а в модели группового анализа допускается свобода выбора фокуса между индивидуумом, межличностной коммуникацией или группой как целым в соответствии с тематическим содержанием этого треугольника.

Чтобы обеспечить рамки для систематического сравнения роли лидера и фокуса его внимания в разных моделях, с согласия авторов мы использовали рисунок 7.5. Мы послали его ряду ведущих групповых терапевтов, которых можно рассматривать как «представителей» моделей, с которыми они работают. Их вклад состоял в том, чтобы отметить на рисунке свою позицию в роли терапевта и позицию, соответствующую фокусу внимания. Эти ответы показаны на рисунках 7.6а и 7.6b, соответственно. Ключ на рисунке 7.6а показывает нумерацию моделей от одного до семи, принятую для идентификации ответов, показанных на обоих рисунках. Если мы посмотрим на ряды прямоугольников на обоих рисунках, то увидим, что в ряду 1, соответствующему модели группового анализа, было три респондента.

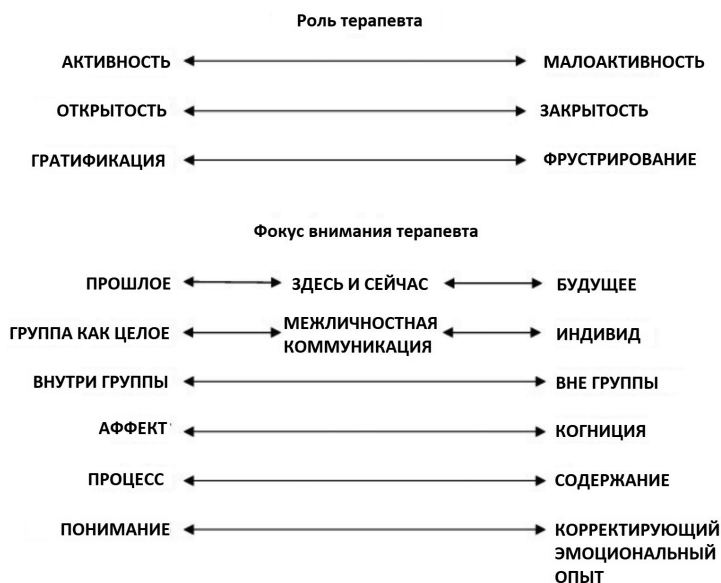


Рис. 7.5. Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях по Рутану, Стоуну и Шею

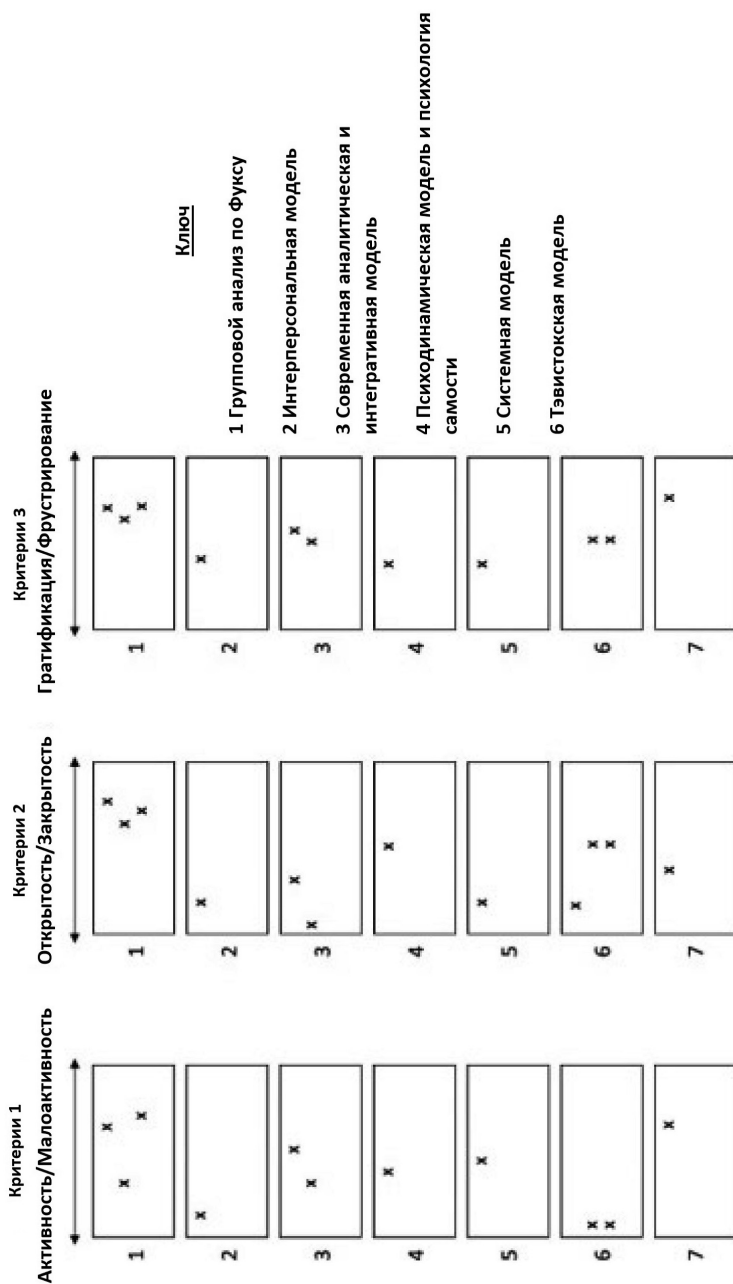


Рис. 7.6а. Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях. Критерии 1–3 — роль терапевта

Критерии 4 Прошлое/Здесь и сейчас/ Будущее	Критерии 5 Группа/ Межличн./ Индивид	Критерии 6 Внутри группы/ Вне группы	Критерии 7 Аффект/Когниция	Критерии 8 Процесс/ Содержание	Критерии 9 Понимание/ Коррект. эмоциональный опыт
1 x x x	1 x x x	1 x x x	1 x x x	1 x x x	1 x x x
2 x	2 x	2 x	2 x	2 x	2 x
3 x x	3 x x	3 x x	3 x	3 x x	3 x x
4 x	4 x	4 x	4 x	4	4
5	5	5 x	5 x	5 x	5 x
6 x x x	6 x x	6 x x	6 x x x	6 x x x	6 x x x
7 x	7 x	7 x	7 x	7 x	7 x

Рис. 7.6b. Инструменты, используемые для сравнения роли и фокуса внимания лидера в разных моделях. Критерии 4–9 – фокус внимания терапевта

В ряду 2, соответствующему интерперсональной модели, был один респондент и так далее по порядку.

На рисунке 7.6а каждый из респондентов обозначил свою позицию в отношении роли терапевта, определяемую тремя группами критериев: активность/малоактивность; открытость/закрытость; и гратификация/фрустрирование. На рисунке 7.6б фокус внимания терапевта определяется шестью группами критериев: прошлое/здесь и сейчас/будущее; группа/межличностная коммуникация/индивид; внутри группы/вне группы; аффект/когниция; процесс/содержание и понимание/корректирующий эмоциональный опыт. Если мы посмотрим на эти две таблицы, то обнаружим удивительный факт, что ответы этих терапевтов не соответствуют моделям, которых они придерживаются. Роль и фокус внимания терапевтов отражают личный стиль и индивидуальный подход независимо от моделей, которых они придерживаются. Это небольшая выборка, и сделанные выводы не могут считаться валидными или надежными для всей данной области, но их можно воспринимать в качестве скромного сравнительного упражнения, прежде чем мы перейдем к более тщательному исследованию группаналитической модели в части II.

Примечания

1. Эта глава является адаптацией и расширением более ранней работы, написанной совместно с Малкольмом Пайнсом и опубликованной под названием *Group Methods in Adult Psychiatry* в сборнике *The New Oxford Textbook of Psychiatry* / M. Gelder et al. (Eds). Oxford University Press, 2009, p. 1350–1368. Выражаю признательность издательству Oxford University Press за любезное разрешение на адаптацию и переиздание этого материала и моему соавтору Малькольму Пайнсу за согласие на повторное использование материалов в настоящем издании.

Литература

- Agazarian Y. (1997). *Systems-Centered Therapy for Groups*. New York: Guilford.
- Agazarian Y. (1999). Phases of development in the systems-centered group // *Small Group Research*. V. 30 (1). P. 2–107.

- Agazarian Y. (2001). *Systems-centered Therapy for Inpatients*. London: Jessica Kingsley.
- Agazarian Y., Gantt S. (2000). *Autobiography of a Theory*. London: Jessica Kingsley.
- Agazarian Y., Peters R. (1981). *The Visible and Invisible Group*. London: Routledge.
- Agazarian Y. M. (1994). The Phases of Development and the Systems-centered Group // M. Pines, V. Schermer (Eds). *Ring of Fire: Primitive Object Relations and Affect in Group Psychotherapy*. London: Routledge—Chapman & Hall. P. 36—85.
- Agazarian Y. M., Janoff S. (1993). *Systems Theory and Small Groups* // I. Kaplan, B. Sadock (Eds). *Comprehensive Textbook of Group Psychotherapy*. 3rd Ed. Baltimore: Williams & Wilkins.
- Ahlin G. (1988). Reaching for the Matrix in Group Analysis. *Group Analysis*. 21. P. 11—226.
- Bion W. (1961, reissued 2000). *Experiences in Groups*. London: Routledge.
- Brown D. (2003). Pairing Bion and Foulkes: Towards a Metapsychology // R. M. Lipgar, M. Pines (Eds). *Building on Bion: Roots*. London: Jessica Kingsley Press. P. 153—180.
- Cohen P. (2007). 'Past Time': Anniversary Reactions That Can Confound the Group Analyst // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 57 (2). P. 153—166.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Creek J. (Ed.) (1997). *Occupational Therapy and Mental Health*. Edinburgh, Churchill Livingstone.
- Dick B. M. (1975, reissued 1983). A Ten-year Study of Out-patient Analytic Group Therapy // *British Journal of Psychiatry*. V. 127 (4). P. 65—375. Reissued in: Pines M. (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge. P. 54—75.
- Epstein L., Feiner A. H. (1979). *Countertransference*. New York: Jason Aaronson.
- Ezriel H. (1950). A Psychoanalytic Approach to Group Treatment // *British Journal of Medical Psychology*. V. 23. P. 56—74.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.

- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Frank J. D., Frank J. B. (1961, 1993). *Persuasion and Healing*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Friedman R. (2008). Dreamtelling as a Request for Containment: Three Uses of Dreams in Groups // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 53 (3). P. 27–344.
- Garland C. (2010). *The Groups Book*. London: Karnac.
- Golden S. et al. (1993). Dynamic Group Therapy for Substance Abuse Patients // A. Alonso, H. I. Swiller (Eds). *Group Therapy in Clinical Practice*. Washington, DC: American Psychiatric Press. P. 271–287.
- Grotjahn M. (1993). *The Art and Technique of Analytic Group Therapy*. Northvale, NJ: Jason Aaronson Inc.
- Grotjahn M. et al. (1983). *Handbook of Group Therapy*. New York: Van Nostrand Reinhold & Co.
- Guys J. (1983). Foulkes's Concept of the Matrix. *Group Analysis*. 15. P. 11.
- Hopper E. (1997; 2003). Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups: A Fourth Basic Assumption. 21st S. H. Foulkes Annual Lecture // *Group Analysis*. V. 30 (4). P. 39–470. Reissued: Hopper E. (2003). *Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups*. London: Jessica Kingsley. P. 66–90.
- Horwitz L. (1977, reissued 2014). A Group-Centred Approach to Group Psychotherapy // *International Journal Group Psychotherapy*. V. 27. P. 423–439. Reissued: Horwitz L. (2014). *Listening with the Fourth Ear: Collected Papers*. London: Karnac. P. 83–98.
- James C. (1994, 2000). 'Holding' and 'Containing' in the Group and Society // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: Jessica Kingsley Press. P. 60–79.
- Kanas N. (1999). Group Therapy with Schizophrenic and Bipolar Patients // V. Schermer, M. Pines (Eds). *Group Psychotherapy of the Psychoses*. London: Jessica Kingsley. P. 129–147.
- Lawrence G. W., Bain A., Gould L. J. (1996). The Fifth Basic Assumption // *Free Associations*. V. 6 (37). P. 28–55.
- Levine R. (2015). Progressing While Regressing in Relationships // R. Grossmark, F. Wright (Eds). *The One and the Many: Relational Approaches in Group Psychotherapy*. London–New York: Routledge. P. 112–127.
- Lipgar R., Pines M. (2003). *Building On Bion: Vol. 1: Roots; Vol. 2: Branches*. London: Jessica Kingsley.

- Lorentzen S. (2000). An assessment of change after long-term psychoanalytic group treatment // *Group Analysis*. V. 33. P. 373–396.
- Malan D. (1976). A Follow-up Study of Group Psychotherapy // *Archives of General Psychiatry*. V. 33. P. 1303–1315.
- Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Dennis Brown*. London: Routledge.
- May R., Yalom I. D. (1989). *Existential Psychotherapy* // R. Corsini, D. Wedding (Eds). *Current Psychotherapies*. Itasca, IL: F. E. Peacock. P. 363–402.
- Neri C., Pines M., Friedman R. (2002). *Dreams in Group Psychotherapy*. London: Jessica Kingsley.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Ormont L. (1992). *The Group Therapy Experience: From Theory to Practice*. London: Vintage; New York: St Martin's Press.
- Ormont L., Furgeri L. B. (2001). *The Technique of Group Treatment: The Collected Papers of Louis Ormont*. New York: Psychosocial Press.
- Pertegato E., Pertegato G. (2013). *From Psychoanalysis to the Group: The Pioneering Work of Trigant Burrow*. London: Karnac.
- Pines M. (1982, 1998). *Reflections on Mirroring: Sixth Annual Foulkes Lecture* // *Group Analysis*. V. 15. Supplement; *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley. P. 17–39.
- Pines M., Hearst L. (1993). *Group Analysis* // I. Kaplan, J. Sadock (Eds). *Comprehensive Group Psychotherapy*. Baltimore: Williams & Wilkins.
- Pines M., Hearst L., Behr H. (1982). *Group Analysis (Group Analytic Psychotherapy)* // G. Gazda (Ed.). *Basic Approaches to Group Psychotherapy and Group Counselling*. Springfield, IL: Charles C. Thomas. P. 132–178.
- Rutan J. S., Stone W., Shay J. (2014). *Psychodynamic Group Therapy*. 5th Ed. New York: Guilford Press.
- Scheidlinger S. (1982). *Focus on Group Psychotherapy: Clinical Essays*. New York: International Universities Press.
- Schlapobersky J. (1986, reissued 1990). *Editor's Introduction and Author's Biography* // A. C. R. Skynner (1986, 1990). *Explorations with Families: Group Analysis and Family Therapy: Selected Clinical Papers of Robin Skynner*. London: Routledge. P. xvii–xxviii.

- Schlapobersky J. (1994, 2000). The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). The Psyche and the Social World. London: Routledge. Reissued: Jessica Kingsley Press. P. 211–231.
- Schlapobersky J. (1996). Forensic Psychotherapy: A Group-Analytic Perspective – From the Speech of Hands to the Language of Words // C. Cordess, M. Cox (Eds). Crime, Psychodynamics and the Offender Patient. London: Jessica Kingsley Press. P. 227–243.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). Group Methods in Adult Psychiatry // M. Gelder et al. (Eds). The New Oxford Textbook of Psychiatry. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1368.
- Sigrell B. (1992). The Long-term Effects of Group Psychotherapy. A Thirteen Year Follow-Up Study // Group Analysis. V. 25. P. 333–352.
- Skaife S., Huet V. (Eds) (1998). Art Psychotherapy Groups. London: Routledge.
- Spotnitz H. (1961, reissued 2012). The Couch and the Circle: A Story of Group Psychotherapy. New York: Alfred A. Knopf.
- Stone W. (1996). Group Psychotherapy for People With Chronic Mental Illness. New York: Guilford.
- Sullivan H. S. (1953, 1997). The Interpersonal Theory of Psychiatry. New York: William Alanson White Psychiatric Foundation. Reissued: New York: Norton.
- Turquet P. M. (1975). Threats to identity in the large group // L. Kreeger (Ed.). The Large Group. London: Constable. P. 87–144.
- Urlich I. (2012). Group Psychotherapy for Patients with Psychosis: A Psychodynamic (Group-Analytic) Approach // J. Kleinberg (Ed.). The Wiley-Blackwell Handbook of Group Psychotherapy. Chichester, UK: John Wiley and Sons. P. 547–569.
- Whitaker D. S., Lieberman M. A. (1964). Psychotherapy Through the Group Process. London: Tavistock.
- Yalom I. (1983). In-Patient Group Psychotherapy. New York: Basic Books.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). The Theory and Practice of Group Psychotherapy. 5th Ed. New York: Basic Books.
- Zeisel E. (2012). The leader's use of self: A modern analytic approach to working in the intra-psycho and interpersonal realm // Modern Psychoanalysis. V. 37. 2. P. 43–58.

Часть II

ГРУППАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Обзор части

В пяти главах этой части подробно рассматривается модель группового анализа. Глава 8 знакомит с тремя измерениями группы: структурой, процессом и содержанием. В ней дается обзор их значимости для работы ведущего. Затем каждое из этих измерений подробно анализируется отдельно в главах 9, 10 и 11, соответственно. К этим различным измерениям относятся и другие ключевые концепты группового анализа. Динамическое администрирование относится к структуре группы и обсуждается в главе 9. Специфические для группы факторы, называемые динамиками процесса, изучаются в главе 10. Язык группы, образы и тематическое развитие относятся к ее содержанию и обсуждаются в главе 11. В главе 12 три измерения сводятся воедино, чтобы в контексте работы ведущего исследовать вопросы терапевтического лидерства. Ведущий обеспечивает структуру посредством динамического администрирования, участники группы предоставляют содержание посредством свободно текущей дискуссии, и вместе они встречаются в динамике процесса группы. Интеграция этих измерений для работы в синхронном режиме зависит от ведущего, который в любой группе одновременно играет три роли: организатора, терапевта и участника группы. В главе 12 эти различные ролевые функции сначала изучаются отдельно, а затем сводятся воедино.

Представим себе ситуацию, когда через три месяца после присоединения к группе новый участник спрашивает, действительно ли эта терапия работает. Он не уверен и не может понять, как присутст-

вие, слушание и даже беседа — то, что ему предстоит делать, — могут повлиять на трудности в его жизни. Ведущий дает любопытный ответ. По его словам, все, что нужно делать, — это обеспечить три вещи: стабильно посещать группу, участвовать в ее работе и вносить плату. Если вы выполняете эти три условия, группа неизбежно увидит, что вы изменились. И тут несколько человек высказывают недовольство тем, что он без конца подбадривает их этой «дежурной фразой». Они улыбаются и говорят: «Даже если это так, не нужно без конца повторять это». А год спустя бывший новичок уверяет в том же самом кого-то, кто пришел после него. Стабильное посещение соответствует структурному принципу. Внесение платы соответствует контракту ведущего. Участие предполагает процесс и содержание. Структура, процесс, содержание и роль ведущего рассматриваются в следующих пяти главах.

Эта модель не является директивной или программной и не основывается на технических приемах. Ведущий, который использует руководство, может легко потерять из виду собственный путь и принять карту за территорию. Тем не менее карта является полезной даже в путешествии по знакомой территории, а рисунок II.1 дает исчерпывающую картину модели трех измерений группы и ролевых функций ведущего.

Виньетки, которые приводятся в следующих главах, были отобраны потому, что они в каждом случае ярко иллюстрируют динамику этих измерений. «История деревянной ложки», приведенная в главе 9, является иллюстрацией понятия «структура»; «История о четырех соединенных пальцах, символизирующих партнерство», рассказанная в главе 10, является иллюстрацией «процесса»; а «содержание» иллюстрируется «Историей гнева и его монстров» и «Историей младенца, чье рождение спасло мать», приведенными в главе 11. Каждая из этих историй, как и работа всех наших групп, может быть использована для описания любого из трех измерений — это разные способы решения одних и тех же ключевых проблем.

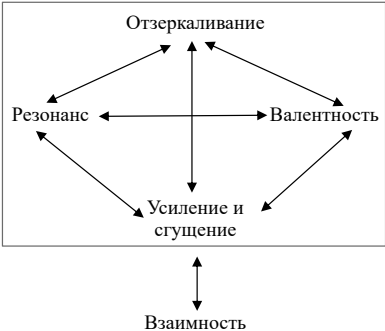
ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ И ИХ ДИНАМИКА	РОЛЬ ВЕДУЩЕГО – ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ
<p style="text-align: center;">А – СТРУКТУРА</p> 	<p style="text-align: center;">А – ОРГАНИЗАТОР – Динамическое администрирование</p> <p>Установить отношенческое измерение в группе посредством</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) отбора участников и состава группы в целях: 2) управления сеттингом, 3) управления границами, составом и таймингом при помощи 4) работы со структурной динамикой
<p style="text-align: center;">В – ПРОЦЕСС</p> 	<p style="text-align: center;">В – ВЕДУЩИЙ (1) КАК ТЕРАПЕВТ</p> <p>Фасилитировать вовлеченность участников группы</p> <p>Способствовать продвижению по направлению к рефлексивному измерению, работая с процессом в целях:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) взращивания свободно текущей дискуссии, 2) формирования дискурса, 3) выявления фокальных конфликтов и тревоги в группе, 4) перевода с языка бессознательных симптомов на язык образов и в осознанное поведение, то есть «эго-тренинг в действии»
<p style="text-align: center;">С – СОДЕРЖАНИЕ</p> <p>Разделяемый опыт групп, анализируемый в 4 доменах:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Текущий 2) Связанный с переносом 3) Проективный 4) Первичный/архаический 	<p style="text-align: center;">С – ВЕДУЩИЙ (2) КАК ТЕРАПЕВТ И УЧАСТНИК ГРУППЫ</p> <p>Работать в качестве терапевта и участника группы, проводить анализ, использовать контрперенос и интерпретации, чтобы содействовать переходу в репаративное измерение в 4 доменах:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) холдинг, контейнирование и рефлексия со стороны терапевта, 2) анализ переносов, 3) интерпретация и использование контрпереноса, 4) мутативное использование метафор

Рис. II. 1. Карта ведущего – структура, процесс и содержание (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1359)

Глава 8

Три измерения группы

Структура, процесс и содержание

В истории терапевтических наук время от времени внезапно появляются определенные ключевые слова, освещающие интеллектуальный ландшафт. Два таких слова, которые имеют большое значение и стали основой метапсихологии, — это «процесс» и «структура»... Вместе [они] генерируют содержание, которое можно описать как истории, которые пациенты рассказывают в индивидуальной и групповой ситуации, или невербальные сообщения, которые они передают.

(Anthony, 1978, p. 11)

Структура, процесс и содержание — три измерения, представленные в этой главе, — являются измерениями группы, а не терапии. Эти фундаментальные понятия закладывают основу для части II этой книги. В следующих главах отдельно рассматривается каждое из этих измерений. Затем в главе 12 они рассматриваются совместно уже в контексте лидерской роли ведущего, работа которого будет наиболее плодотворной, если ведущий будет полностью интегрирован в жизнь группы и его работа будет «бесшовной». Таким образом, необходимо понимать каждое из измерений группы и работать с ним, хотя каждое из них можно понять только во взаимосвязи с другими. На практике, в ходе обучения и супервизии, приоритет отдается вопросам структуры в контексте динамического администрирования. Плодотворное развитие динамических про-

цессов основывается на стабильности и безопасности на структурном уровне. Хотя наиболее живое внимание привлекают вопросы, связанные с содержанием, то есть с тем, что люди говорят друг другу в группе на уровне метафор, символов или аналогий, это измерение зависит от двух других.

Рассмотрим пример больничной группы. Предположим, что учреждение не выполнило свои обязательства и не обеспечило помещение для регулярных встреч группы, и возникла серьезная структурная проблема, из-за которой ведущий столкнулся с давлением за пределами группы. Чтобы защитить группу, ему нужно было договориться с больницей о лучших условиях. Когда это происходило, в содержании ассоциаций участников группы прослеживались опасения по поводу вторжения, переселения и конфликтов из-за пространства, которые проявились в разговоре об общем детском опыте эвакуации во время войны. Ведущий должен был решить, следует ли направить процесс на признание связи между прошлыми и настоящими тревогами. Используя принцип *локализации беспокойства*, обсуждаемый в главе 17, он мог бы выстроить гипотезу о связи между прошлым опытом эвакуации людей и нынешним опытом незащищенности группы. Поступая таким образом, он использовал бы свое понимание свободно текущей дискуссии, чтобы связать *содержание* ассоциаций, *процесс* их формирования и *структурные* проблемы, которые их породили. С другой стороны, хотя такое понимание отражало позицию ведущего, он мудро решил сделать другое вмешательство в форме прямого сообщения группе о том, что он провел необходимые переговоры с больницей и что с этого момента у него будет возможность защитить время и пространство группы и обеспечить ей безопасную среду. Чтобы осуществить структурное вмешательство, которое в данный момент было более подходящим, он использовал динамическое администрирование. Локализация, перевод и интерпретация последовали позже.

В первом издании 1957 года книги Фукса и Энтони структура, процесс и содержание рассматриваются в качестве ключевых аспектов — именно так, как Энтони пишет о них в приведенной выше цитате¹. В данной главе эти измерения рассматриваются совместно, в соответствии с основными принципами, задаваемыми основоположниками следующим образом.

Психотерапевтическая ситуация анализируется с точки зрения структуры, процесса и содержания.

Структура связана с паттернами отношений, которые являются непрерывными и относительно стабильными. Терапевт видит в ней формы и организацию, принимающую форму фигураций. Он также обращает внимание на привычные роли, которые играют участники, которые скорее всего не отличаются от ролей, которые они играют в своей обычной среде. Структурный или фигурационный анализ, как будет показано ниже, особенно важен для выявления стойких проблем в группе.

Процесс — это динамический компонент ситуации, который можно определить как взаимодействие элементов ситуации в их взаимных отношениях и коммуникациях, вербальных и невербальных. Это функционирующий сегмент всего человеческого опыта, и именно с анализом процесса аналитическая ситуация получает свое самое полное и наиболее важное определение.

Структура и процесс — это каналы, по которым передается *содержание*, а анализ содержания — это анализ мировоззрений, идей, ценностей, настроений, чувств... Структура и процесс также определяют, каким образом происходит передача *содержания*.

(Foulkes, Anthony, 1957, p. 31)

Определения трех измерений

Определения Фукса и Энтони имеют общепринятое значение. Я поменял их местами, чтобы привести в соответствие с практикой, описанной в этой книге.

Структура характеризует наиболее устойчивые аспекты строения любой группы, «архитектуру» ее межличностных отношений, концептуализированную сначала в терминах сеттинга и границ, а затем в терминах связей между каждым участником, терапевтом/ами и группой как целым. В главе 10 к этому структурному измерению мы относим важный концепт динамического администрирования. Оно подразумевает роль ведущего как организатора или менеджера и придает динамическое значение компоновке группы, ее составу и управлению сеттингом, границами и продолжительностью, которое осуществляется ведущим.

Процесс представляет собой постоянно меняющиеся динамические колебания эмоций и переживаний в группе, отношения и коммуникацию, изменение общности, реакции участников друг на друга

и на ведущего, а также субъективные переживания ведущего, в том числе перенос и контрперенос. Фукс и Энтони разработали и впервые формально описали в работе 1957 года термин для обозначения этих основных элементов группового опыта. Они назвали их *специфическими для группы факторами* (Foulkes, Anthony, 1965, p. 149–152; Zinkin, 1994/2000). В разных книгах и статьях Фукса они описаны по-разному. С тех пор в литературе по-разному развивались некоторые ключевые концепции. Например, концепция отзеркаливания получила плодотворное развитие в публикациях некоторых наиболее известных преемников Фукса, таких как Пайнс. Известные исследователи, работающие с группами в других традициях, такие как Агазарян и Петерс, отмечали, например, как понимание резонанса, то есть бессознательной передачи аффекта, получило заметное развитие в деятельности Фукса и традиции группового анализа (Agazarian, Peters, 1981, p. 20). В главе 10 обсуждение литературы по динамике процесса всеобъемлющим и последовательным образом организовано вокруг концепций резонанса, валентности, обмена, отзеркаливания, усиления и сгущения. Мы связываем эти ключевые концепции друг с другом и рассматриваем их в действии в виньетках.

Измерения структуры и процесса неразделимы. Ведущий собирает группу, опираясь на структурные принципы формирования состава группы и организации ее сеттинга, а сам состав этой группы подпитывает динамику процесса, описанную выше, с помощью которой группа прогрессирует от отношенческого к рефлексивному, а затем и к репаративному измерению психотерапии, чтобы участники могли прийти к новому пониманию своих страданий, которые до сих пор оставались неразрешенным и глубоко скрытыми.

Содержание является третьим измерением группы. Мы воспользовались хорошо известной идеей Фукса, состоящей в его представлении о четырех уровнях группы — текущем, переносном, проективном и первичном — и исследовали содержание жизни группы на каждом из этих уровней в главах 11 и 13. Измерение содержания можно рассматривать через повествование, которое, с одной стороны, разворачивается в историях о прошлом и настоящем внутри группы и за ее пределами во внешнем мире. А с другой стороны, это можно рассматривать в свете драмы непосредственного взаимодействия людей друг с другом. Таким образом, содержание включает в себя видимые и слышимые события в группе, сюжетные линии и драматическое содержание взаимодействия участников, темы, за-

тронутые в ходе обсуждения, развитие этих тем и степень, в которой определенные важные вопросы исследуются или избегаются. Фукс выдвинул важные идеи об этих четырех уровнях, на которых содержание групповой дискуссии может быть проанализировано в поисках смысла (Foulkes, 1964, p. 114–116). В тэвистокской модели это является единственной задачей терапевта, тогда как в группаналитической модели интерпретативный вклад рассматривается только как один из множества других.

Использование модели трех измерений

В группаналитическом подходе ведущий выдерживает линию, заключающуюся в том, чтобы способствовать общению участников группы и объяснять им динамические связи между структурой, процессом и содержанием обсуждения и формой, в которой оно происходит. Схематично это показано на рисунке 8.1. Терапия развивается через взаимодействие драмы и повествования, через интенсивные эмоции, основанные на взаимодействии в настоящем, интерполированном нарративе тех прошлых и сегодняшних историй, которые продолжают жить в воспоминаниях участников группы. Колебания фокуса вызывают переключение дискурса между разговорами о прошлом, динамикой настоящего и миром вне группы. По мере того как это происходит, участники неизбежно будут модифицировать те старые повторяющиеся паттерны, которые, возможно, омрачили их жизнь, но теперь это разворачивается в безопасной, рефлексивной и благоприятной среде. Частью содержания общения в группе является обычный язык личной беседы, как в плане повествования, так и в драме непосредственного общения. Это свободно текущая дискуссия, групповой эквивалент свободной ассоциации, о котором уже говорилось в главе 4. Через взаимодействие речи и молчания разнообразная динамика повествования и драмы порождает движение от пересказа историй к их повторному проигрыванию. Этот подход требует от ведущего решения специальных задач, к которым относятся *локализация* тревог в группе, *перевод* скрытых проблем на обыкновенный и осознанный язык, *интерпретация* этих тревог для содействия сплоченности и развитие согласованности, общего понимания того, что во время пребывания в группе через свои отношения участники становятся значимыми друг для друга. Задачи локализации, перевода и интерпретации не являются исклю-

чительной прерогативой ведущего. По-настоящему проблемы находят свое решение, когда участники группы присваивают эти задачи на условиях взаимности, поскольку группа способствует регрессивной и прогрессивной динамике, а ее сплоченность перерастает в чувство согласованности. На рисунке 8.1 изображено, какое место занимает ведущий в трех измерениях группы.

Решения о вмешательстве ведущий принимает под влиянием процессов локализации, перевода и интерпретации на условиях, описанных в главе 17. Эти условия зависят от того, какой из четырех доменов группы в любой момент терапии является доминирующим и какой может обеспечить защитную арену для избегания или отрицания. Текущий домен — это то, где «все начинается». Группа начинается и заканчивается, и ее участники приходят и уходят в этом домене. Но такие фундаментальные вопросы, как начало и конец, будут иметь глубокое значение в каждом из других доменов. Если мы не бу-

Группаналитическая психотерапия

- | | |
|--|---|
| 1. Работа группы | Психотерапия в группе, посредством группы, включая ведущего |
| 2. Ведущий группы | Как
1. Организатора
2. Терапевта
3. Участника группы |
| 3. Матрица группы | Обычный язык общего разговорного опыта, с использованием которого участники бьются над поиском смысла |
| 4. Три измерения группы: структура, процесс и содержание | |

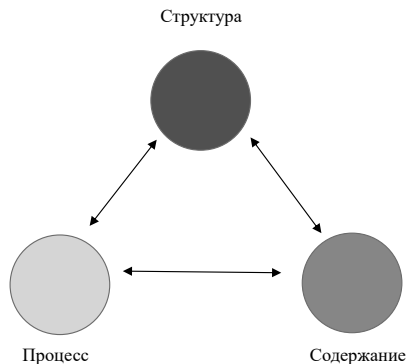


Рис. 8.1. Определение группаналитической модели (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1358)

дем уделять целенаправленного внимания структуре, процессу и содержанию текущего домена, ни в одном из других доменов не будет реализован их терапевтический потенциал. Именно в самом глубоком из этих доменов, первичном или архаическом, который иногда является самым скрытым, а иногда самым прозрачным, бессознательное наиболее ярко проявляется в жизни в кругу общения. Мир репрезентаций, проступающий через сновидения, фантазии и другие продукты воображения, может привести к длительному облегчению, когда разрешающая динамика, включающая репарацию, принимает символическую форму. Кокс называет эти фигуры «мутативными метафорами». Здесь теория дискурса объединяется с глубинной психологией, фокусируясь на критических вопросах, которые характерны для этих четырех доменов: «Кто говорит? Кто слушает? Что это за сообщение? Что не сказано?».

К общему миру, созданному участниками терапевтической группы, на видимом текущем уровне относятся их компульсии, неврозы судьбы и хронические жизненные трудности. В однородных группах, организованных, скажем, для пациентов с зависимостями или антиобщественным поведением, обозначенная проблема будет служить в качестве «пропуска» в группу. Но обозначенная проблема часто оказывается неуловимой, поскольку паттерны избегания и отрицания уводят изыскания группы в сторону от возможного решения. Здесь мастерство ведущего будет заключаться в сохранении баланса между поощрением и конфронтацией, чтобы сдвинуть содержание и динамику процесса в сторону взаимодействия с невысказанным, а затем и с невыразимым. В смешанных группах, организованных для создания гетерогенности, травмы, заложившие основу проблем участников, обычно незаметны в начале работы. На первом этапе группа обеспечивает контейнирование, которое через взаимное принятие, а затем идентификацию приводит к углублению и расширению исследования, а впоследствии развитие приводит нас к источникам проблем каждого участника. Часто они обнаруживаются среди проблем, которые с самого начала казались всем сторонам незаметными, и выявляются в области, которая, на первый взгляд, не была проблемной. По мере того как группа начинает следовать «указателям», предложенным Гарленд в ее известной книге «Принимайте всерьез непроблему» (Garland, 1982), матрица опыта, обуславливающая социальное бессознательное ее травмированных участников, также становится средством исцеления.

Авторитет и смысл как основа для вмешательства

Работа с этими измерениями будет проиллюстрирована в двух следующих виньетках. В виньетке 8.1 описывается серия структурных вмешательств, направленных на то, чтобы разобраться с граничными событиями, разыгрывающимися в новой группе, участники которой своим нестабильным посещением воспроизводят те самые проблемы, которые привели их к обращению за помощью². Ведущий использует свой авторитет организатора для того, чтобы посредством динамического администрирования обеспечить соблюдение границ группы. Напротив, в виньетке 8.2 используется материал группы, продуктивно работавшей в течение многих лет и отличающейся медленной и стабильной сменой участников. Обычно хорошая посещаемость, которая является одним из показателей высокой мотивации и убедительных результатов, в настоящее время испытывает давление динамики. Здесь ведущий использует язык интерпретаций, чтобы выявить и исследовать бессознательный смысл нарушения нормальной работы.

Структурное вмешательство: авторитет

Виньетка 8.1

Вызовы ведущему на нарушенных границах.

Структурные вмешательства, устанавливающие авторитет

В виньетке 3.1b описано, как в относительно новой группе Коллин и Брайан испытывают затруднения с выполнением правил. Ведущий организовал эту группу несколькими месяцами ранее с тем, чтобы работать с пациентами, страдающими от серьезных расстройств настроения и параллельно получающими психиатрическую помощь. Из восьми участников, с которыми он начинал работу группы, двое выбыли, и со временем на эти места были приняты новые участники, но ни один из них не смог примириться с установленными терапевтическими правилами или принять их. Коллин то вносила, то не вносила оплату, иногда приходила на сессии, а иногда пропускала их, иногда участвовала в работе, а иногда не участвовала. Брайан всегда присутствовал, всегда был вовлечен в работу, всегда опаздывал и почти никогда не вносил оплату. У этих двух новых участников явно были проблемы с границами, связанные как с расстройствами настроения, так и с трудностями в отношениях, которые в обоих случаях приняли фор-

мы, соответствующие критериям не включения в группу по Фридману и динамике козлов отпущения, описанным в главе 1. В первые месяцы терапии, пока группа привыкала к ситуации, стабилизировалась и обрела способность удерживать своих участников в сплоченном состоянии, ведущий делал выбор в пользу терпимости по отношению к этим двум участникам. По мере того как в группе у участников нарастало качество понимания себя и других, которое позволяло локализовать беспокойство на нарушенной границе группы, ведущий начал с большей систематичностью сосредотачиваться на двух участниках, которые продолжали нарушать границы, и, чтобы утвердить свой авторитет, попросил прекратить эти нарушения правил.

Комментарий

Как описано в виньетке 3.1b, ведущий сначала обсудил вопрос оплаты с Коллин, в чем ему «помог» Брайан, который начинал рассматривать ее поведение как неприятное собственное отражение. Позже ведущий обратился к Коллин с намерением помочь разобраться со скрытой агрессией, заключающейся в продолжавшихся атаках Брайана на правила. И наконец, ведущий сделал в группе четкое заявление о своем авторитете в рамках ответственности, которую он несет за динамическое администрирование. К тому времени, когда группа перешла в своих исследованиях от сплоченности к согласованности и начала искать скрытый смысл трансгрессивного поведения, проблема была уже в другом.

Вмешательства, направленные на поиск смысла

Виньетка 8.2

Плохая посещаемость и грудной ребенок.

Вмешательства с целью поиска смысла с опорой на процесс

В последнее время в этой группе из семи участников были необычные сложности с посещаемостью. Каждый раз, когда кто-то сообщает о том, что ему нужно пропустить одну или две сессии, этот вопрос обсуждается в группе, но картина остается прежней. Барбара была за границей, чтобы решить вопросы, связанные с семейным имуществом, Ани-

та уехала из города, чтобы помочь своей умирающей бабушке, Джеймс был болен гриппом, Шейла ходила на встречу со школьным учителем своих детей, у Марселя были неотложные рабочие обязательства, Джоанна помогала своей дочери с маленьким внуком, который нуждается в ней, и только Мария откровенно и импульсивно сказала, что не пришла, потому что она была сердита и разочарована.

Не все они отсутствовали одновременно, но практика пропусков была необычайно живучей. Слова Марии, выразившие ее протест, последовали за ее отсутствием. Ведущая следила за ситуацией и ждала момента, чтобы заняться этой фигурацией. Слова «сердита» и «разочарована» дали ей такую возможность. «Выражает ли Мария своими эмоциями — злостью и разочарованием — эмоции всей группы? И если да, может ли это пролить свет на нашу странную посещаемость?» Этот вопрос задается группе как вопрос, а не как вызов. Вызов остальным участникам бросает Джеймс. Он говорит группе, что он разочарован низкой посещаемостью в последнее время. Он в группе много лет, и такого никогда не было. Он обязательно пришел бы на прошлой неделе, если бы не высокая температура. Он реально слег, как тяжело больной человек, но остальная часть группы избегала присутствия, как если бы они были ходячим больными. И все же, говорит он, ваши оправдания, которые мы много раз обсуждали, невозможно опровергнуть. Кто может высказаться против родительского собрания в школе, удовлетворения потребностей внука или больной бабушки? В этом месяце у всех участников группы были веские причины уехать! И, повернувшись к Марии, он с усмешкой говорит: «Может быть, ты единственный среди нас честный человек, который говорит нам, что твое отсутствие связано с тем, что ты была сердита и разочарована».

Барбара спрашивает ее, на что она злится и чем разочарована. «На группу, — отвечает Мария, — я не уверена, что это когда-нибудь мне поможет». Мария — новый участник группы. Марсель говорит: «Но ты же только что к нам присоединилась!». А Анита рассказывает, как в течение первого года в группе она часто теряла всякую надежду или уверенность и несколько раз была близка к тому, чтобы покинуть группу. То, что группа и ее ведущая уделяют так много внимания тревогам по поводу присоединения к группе, оказывается для Марии полезным.

В середине сессии ведущая возвращает их к предыдущему вопросу, спрашивая, что может означать эта недавняя картина посещаемости

и почему в группе все еще проявляется избегание. Ответы вызывают еще больший конфликт между разными участниками и подгруппами, пока Шейла не говорит Джеймсу и Аните: «Хотя вначале Джеймс сильно отругал нас за то, что мы отсутствовали, вы оба сегодня молчали гораздо больше, чем обычно, и я хочу, чтобы вы оба знали, что я могла бы легко перенести встречу в школе на другой день, но я была очень зла и разочарована из-за того, что вы все-таки покидаете группу. Я просто сказала: „К черту!“, когда пришла записка из школы о встрече, которая совпала с групповой сессией, и не стала ничего переносить. Если они могут просто так уйти от нас, зачем мне самой освобождать это время?».

Джеймс и Анита уже давно вошли в группу, и много месяцев назад оба предупредили о том, что покидают нас. Раньше они тоже сообщали, что планируют покинуть группу и отменяли свой уход, но теперь они собираются покинуть группу окончательно до начала летних каникул, которые наступают всего через шесть недель.

Шейла обращается к ним и подчеркивает: «Я очень злюсь и разочарована, что вы покидаете группу». Это становится еще одним высказыванием, вокруг которого организуется группа, и большую часть оставшихся тридцати минут мы проводим, обсуждая предстоящую утрату — утрату группы для тех, кто уходит, и утрату для тех, кто остается. Джеймс известен как человек, который озвучивает то, что иначе не было бы высказано. Участники говорят, что что-то подобное произошло сегодня снова. И они спрашивают и друг друга, и самих себя, что мы будем делать без него? Группа видела, как он разрешал многие личные проблемы и как проходил свой тренинговый анализ, и теперь он является квалифицированным психотерапевтом. Участники группы иногда подтрунивали над ним из-за того, что он взял на себя роль ко-терапевта. Анита оценивает пользу группы с других позиций. С тех пор, как она присоединилась к нам, в ее браке стало больше интимности и удовлетворения, и теперь у нее есть маленький ребенок, которому почти четыре года. Анита присоединилась к группе через год после своей свадьбы. Тогда она стала избегать сексуальных отношений со своим мужем, к которому испытывала трогательную и искреннюю привязанность, но не могла проявить свою сексуальность. После многих месяцев парной терапии, ей порекомендовали присоединиться к группе, чтобы получить терапевтическую помощь для ее расстройства полового влечения. Работа, необходимая для преодоления ее сексуальной диссоциации, заняла большую часть

ее первого периода в группе и привела сначала к счастливой и полноценной сексуальной жизни, а затем к зачатию первого ребенка. Ее ребенок стал первым ребенком в группе, и она приносила дочку в группу с трехмесячного возраста. Эта маленькая девочка покинула группу, когда начала ходить, и теперь Анита подумала, что ей тоже пора уходить.

Джеймс и Анита олицетворяют собой результаты успешной терапии, которые они теперь «забирают» с собой. В медленно открытой группе циклическое движение приходящих и уходящих участников играет ключевую роль в ее развитии. Со временем на освободившиеся места придут новички, и хотя это известный цикл, все согласны, что, несмотря на то, что Джеймс и Анита получили то, за чем они пришли, никто не хочет, чтобы они уходили. Однако до некоторого момента никто не мог об этом сказать.

Хелен говорит Джеймсу, что его сила и доброта как мужчины (качества, которых, как мы знаем, она не видела у своего отца) стали для нее очень важны, и начинает плакать. Без него группа опустеет. Он, в свою очередь, растерян и в слезах уверяет ее, что она не менее важна для него, но ему действительно пора уходить. Он говорит, что однажды и она окажется в таком же положении. Следуют трогательные воспоминания о том, как Анита приходила на группу с маленькой дочкой и иногда кормила ее грудью. Марсель напоминает ей, как он однажды сказал, наблюдая за ней в группе с ребенком у груди, что сначала чувствовал к ней сексуальное влечение. Но когда он увидел и оценил ее материнскую доброту, он понял, что больше всего он жаждал быть ее ребенком, а не любовником. Мы очень хорошо знаем, что это та мать, которой у него никогда не было. Анита чувствует себя валидированной и возвращает ему это чувство в форме признательности за то, что он давал ей на протяжении многих лет, и все присутствующие видят ее слезы благодарности. Со временем Марселию передастся то хорошее отношение к себе, которое ему транслирует Анита, и он лучше поймет хронические конфликты, которые переживал на протяжении многих лет, связанные с тем явлением, которое группа называла «длинной чередой его разочаровывающих женщин». Неожиданно, возможно в силу побочного действия этого разговора, оказывается, что Мария так сильно охвачена эмоциями, что это всех удивляет. В слезах она говорит, что ее жизнь наполнена множеством неоплаканных утрат. Она понимает, что именно поэтому она пришла в группу за помощью.

Комментарий

Ведущая завершает сессию интерпретацией. Она говорит, что думала о том, что разные участники инсценируют так называемую «неизбежность» пропусков, и в результате в группе создается своего рода «утечка», которая снижает в ней давление, позволяющее избежать боли этих слез. И теперь, когда группа наконец начала работать с этой потерей, стало ясно, что каждый соприкоснулся с выраженной печалью, которая проявлялась в кабинете, и со скрытой печалью, которая жила в их историях. Разобравшись с этим, группа могла спокойно отпустить Джеймса и Аниту, освободив место для новичков, которые со временем придут.

Здесь мы видим, как работает группаналитическая модель. Она задает круг вопросов для этой части и ее концептуальную структуру, которая будет видна в основных динамиках, описанных в следующих главах. Эти динамики представлены в таблице 1.2, где приводятся видимые и невидимые элементы динамической жизни группы.

Видимая и невидимая группа

Видимые элементы динамической жизни группы в первую очередь зависят от понимания ведущей измерений структуры, процесса и содержания и тщательной, но раздельной работы с ними. Опираясь на свое понимание этих измерений, ведущая может вооружить группу, определить источники ее беспокойства, а затем перевести бессознательную коммуникацию тревоги на язык, который все могут понять в общей зоне совместного опыта. Это делает невидимые элементы рельефными. Таблицы 8.1–8.2 описывают видимые и невидимые элементы динамической жизни группы, а также использование локализации, перевода и интерпретации для создания трехмерной модели, что позволяет выявить невидимые элементы.

На этой сессии то, что выглядит как простое продвижение, определяется тем, как ведущая использует эти измерения, поскольку каждое из них высвечивает остальные. Она сохраняет роль организатора, поддерживая *структуру* группы, пока группа работает над уходом двух заботливо «выращенных» участников, и она продолжит создавать пространство для прибытия новичков. Динамика *процесса*, уси-

Таблица 8.1
Видимые элементы динамической жизни группы

1	Движение свободно текущей дискуссии между монологом, диалогом и дискурсом
2	Ведущая принимает на себя роль организатора, терапевта и участника группы. Но дает простор для:
3	Осуществления своей роли лидера, назначенной ей участниками группы
4	Усвоение культуры группы недавно присоединившимся участником помогает ему влиться в группу и происходит одновременно с другими элементами, в том числе см. пп. 6–7 данной таблицы
5	Возникающий спонтанно язык группы подхватывается фразами, которые используются для локализации и высвечивания источников беспокойства группы
6	В основе недавней низкой посещаемости лежит обеспокоенность предстоящей утратой в группе
7	Бессознательное групповое поведение принимает видимую форму, которая переводится с описательного языка поведения на психологический язык, который фиксирует то, что скрывает отрицание

Таблица 8.2
Невидимые элементы и проявление модели трех измерений

1	Локализация, перевод и интерпретация — важнейший вклад в жизнь группы, который вносят как ведущая, так и участники
2	Структурные проблемы с плохой посещаемостью, необычные для этой группы, рассматриваются как граничные события, требующие анализа
3	К динамике процесса , выявленной ведущим в результате анализа граничных событий группы, относятся турбулентность и конфликты в группе, что позволяет некоторым участникам взять на себя функцию лидера
4	Проблемная динамика процесса , в ходе которой участники усиливают и разыгрывают скрытые тревоги, оказывается избеганием группой тревоги по поводу предстоящей потери
5	Содержание . Источник тревоги, который теперь определяется как предстоящая утрата, обнаруживается в тематическом содержании дискурса группы, которое используется сначала для локализации беспокойства, а затем для перевода на понятный язык, доступный для интерпретации

ливающая скрытые опасения по поводу утраты, высвечивается *содержанием* группового общения, в частности тем, как язык группы призван выявить то, что в противном случае могло бы быть скрытым процессом. А *содержание* возникающего дискурса сконцентрировано вокруг тех самых проблем, которые его и породили, — вокруг болезненных утрат.

Примечания

1. Термины «структура», «процесс» и «содержание» в таком ракурсе впервые были использованы Фуксом и Энтони в 1957 году. В пересмотренном издании 1965 года они исключили тот раздел своей книги, в котором использовались эти термины. Пробел был восполнен в издании 1984 года. Также в своей книге, опубликованной в 1972 году, эти термины использует де Марэ для описания психотерапии в малых группах. Последующие авторы ошибочно приписали авторство этих терминов де Марэ, который использует их в своей аналогии, сравнивая малую группу с рекой и ее водным потоком и берегами (de Maré 1972, p. 131). Как поясняется в этой главе, эти термины были впервые предложены Фуксом и Энтони.
2. Термин «граничное событие» вводится в главе 2.

Литература

- Agazarian Y., Peters R. (1981). *The Visible and Invisible Group*. London: Routledge.
- Anthony E. J. (1978). *The Group-Analytic Circle and Its Ambient Network: 2nd Foulkes Lecture // Group Analysis*. V. 11 (Supplement 1). P. 1–18. Reissued in: Pines M. (Ed.) (1983, 2000). *The Evolution of Group Analysis*. London: Jessica Kingsley. P. 29–53.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- De Maré P. (1972). *Perspectives in Group Psychotherapy: A Theoretical Background*. London: George, Allen & Unwin.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.

- Garland C. (1982). Taking the Non-Problem Seriously // *Group Analysis*. V. 15 (1). P. 4–14.
- Zinkin L. (1994, reissued 2000). Exchange as a Therapeutic Factor in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds) (2000). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley. P. 99–117.

Структура

Динамическое администрирование, состав группы, отбор участников

Размышляя о количестве, можно сказать следующее.

Один человек одинок.

Двое образуют пару.

Трое в каком-то смысле являются началом групповой ситуации.

Я назвал это моделью трех. Дело в том, что любой из трех может смотреть не только на другого, но и на отношения между двумя другими или между всеми тремя. Начиная с пяти человек, впервые появляется возможность изолироваться или противостоять сплоченному большинству. Также возможно быть в меньшинстве, не будучи изолированным, а именно в комбинации три и два. Более 8, скажем, 9, 12 или даже 15 участников могут быть подходящим числом для целевых групп, у которых уже есть определенная функция, и эти участники рассматриваются как группа с учетом их задач как команды. Все, что больше 15, скажем, 70 или 80 — это большая группа. Все, что больше 100 и до нескольких тысяч, считается «массой».

(Foulkes, 1975/1986, p. 85–86)

В этой главе структура обсуждается с разных позиций. Сначала мы рассмотрим динамическое администрирование, общую ответственность ведущего (а) за построение группы с использованием

архитектуры, опирающейся на принципы состава и отбора, а затем ответственность (б) за управление сеттингом и границами группы. Далее мы обсудим работу ведущего со *структурной динамикой* внутри группы, сфокусированную на отношениях между каждым индивидом, ведущим и группой как целым. Это то, что Фукс назвал «моделью трех», которая в нашей книге впервые представлена в главах 3–4. Групповая матрица строится на этой триангулированной динамике, которая связывает каждого участника, с одной стороны, с ведущим и, с другой, со всеми остальными участниками, то есть с группой как целым. В соответствии с подходами Мартина, описанными в главе 3, мы применим принципы триангуляции к групповой матрице. Мы снова воспользуемся схемой, иллюстрирующей групп-аналитическую модель трех, приведенной на рисунке 7.4. Здесь она несколько видоизменена, чтобы проиллюстрировать новую клиническую ситуацию, описанную в виньетке 9.1 под названием «Исто-

Таблица 9.1

Основные принципы организации групповой психотерапии
(Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1353)

1	Участники отбираются ведущим(и)
2	В свою очередь участники принимают решение присоединиться к группе и участвовать в ее работе
3	От участников ожидается стабильное посещение и участие в работе
4	Работа регулируется психотерапевтическим контрактом
5	Контракт включает определение конфиденциальности и других профессиональных границ
6	Ведущий устанавливает терапевтический альянс с отдельными участниками либо до их присоединения к группе, либо на ранних этапах их работы в группе, и это может принимать форму базового терапевтического соглашения или контракта
7	К согласованным параметрам относятся продолжительность и временные границы группы, а также ее количественный и качественный состав
8	Группы могут быть гомогенными и гетерогенными
9	Работа групп может быть ограничена каким-либо периодом времени или продолжаться в течение многих лет в соответствии с принципом медленной открытости
10	Состав групп может быть стабильным и фиксированным или же меняться, когда свободные места занимают новыми участниками

рия деревянной ложки». В этом случае модель трех используется в качестве ориентира для работы со структурной динамикой, показанной на рисунке 9.1.

В таблице 9.1 представлен обзор принципов организации, используемых в различных группах, которые обсуждаются в этой главе. Таблица основана на работе экспериенциальных и процессуальных групп, являющихся терапевтическими, хотя основные элементы таблицы 9.1 применимы только к терапевтическим группам.

В таблице 9.1 описаны самые общие требования для присоединения к группе. Исходная структура группы должна опираться на терапевтический альянс, который может выражаться в форме контракта, подчеркивающего добровольное присутствие каждого участника, его свободу присоединения к группе или выхода из нее в соответствии с согласованными договоренностями об уведомлении по поводу окончания работы в группе и определяющего обязанности ведущего как терапевта, ответственного в конечном итоге за работу каждого участника. Свобода выбора и согласия имеет наиважнейшее значение для результатов психотерапии. Это также справедливо и для различных вариантов применения групповой терапии, даже если группа встречается в закрытом учреждении или в условиях тюремного заключения.

Терапевтические и экспериенциальные или процессуальные группы

Существуют серьезные различия между терапевтическими группами и экспериенциальными (в североамериканской практике называемыми процессуальными) группами, предлагаемыми в рамках учебных программ, коротких курсов и конференций. Хотя экспериенциальные/процессуальные группы не регулируются одним и тем же индивидуализированным терапевтическим альянсом или терапевтическим контрактом с каждым из отдельных участников, встречающихся в клинических условиях, они по своим целям и природе являются терапевтическими. Между экспериенциальными/процессуальными группами и группами, организованными в рамках клинической или частной практики с определенными терапевтическими целями, есть много общего. Существенная часть из того, что мы будем обсуждать в этой книге, имеет отношение к работе с обоими типами групп. Эти две категории главным образом различаются

центральной ролью индивидуализированного контракта в условиях клиники или частной практики, основанной на терапевтическом альянсе, который также может быть преобразован в контракт, описанный в пунктах 4–6 таблицы 9.1, и это свойство отсутствует в экспериенциальных/процессуальных группах. В этих группах ведущий или организатор мероприятия определяет правила для группы в целом, а не для каждого отдельного индивида. Другое существенное отличие состоит в том, что, исходя из принципов отбора и состава, у ведущего вряд ли будет самый широкий диапазон возможностей в экспериенциальных/процессуальных группах, состоящих из участников, посещающих определенный курс или участвующих в конференции. Для этих групп используются только самые элементарные критерии из числа изложенных ниже, только чтобы убедиться, что соблюдается баланс по возрасту, полу и опыту, и чтобы избежать объединения в одну группу людей, чьи внешние связи могут создавать взаимные проблемы, когда дело касается конфиденциальности и границ.

Построение группы и динамическое администрирование

Принципы и практика динамического администрирования

Термин «динамическое администрирование» принадлежит Фуксу, но не встречается ни в одной из его письменных работ. Самое раннее его использование мы обнаруживаем в записях учебных занятий, проведенных в период между основанием лондонского Института группового анализа в 1973 году и смертью Фукса в 1975 году (Foulkes, 1972). Впервые этот термин в публикации использовали Пайнс, Бер и Херст в сборнике под редакцией Газды, где они определяют ведущего как «динамического администратора» в силу того, что он играет важную роль в обеспечении, создании и поддержании *группового сеттинга* на протяжении всей жизни группы (Gazda, 1982, p. 151). Ведущий следит за соблюдением границ группы и выступает посредником между группой и более широкой социальной средой, уделяя внимание физическим и психологическим границам как внутри группы, так и вокруг нее. Эти идеи, почерпнутые из более поздних текстов Бера и Херст, в которых наиболее ясно описано понятие динамического администрирования, изложены в таблице 9.2 (Behr, Hearst, 2005, p. 42, 54).

Таблица 9.2

Двенадцать принципов и способов динамического администрирования. Бер и Херст (Behr, Hearst, 2005, p. 42–54)

1	Динамическое администрирование — это средство, с помощью которого ведущий создает и поддерживает сеттинг группы
<i>Ведущий:</i>	
2	обеспечивает структуру группы относительно времени и места встреч,
3	является посредником в коммуникации между группой и внешним миром,
4	следит за соблюдением границ группы и временем,
5	определяет граничные события, такие как опоздания или ранний уход с сессии, чтобы они могли быть исследованы в рамках терапии,
6	помогает вплетать все события в ткань динамики группы,
7	несет ответственность за мебель и обстановку в кабинете, в том числе за круг из стульев,
8	обрабатывает сообщения о пропусках и опозданиях и передает группе сообщения от отсутствующих,
9	обеспечивает внегрупповой контакт, с одной стороны, с родственниками и, с другой стороны, с коллегами-профессионалами,
10	поддерживает контакт с другими специалистами, заботящимися о благополучии участников группы,
11	поддерживает в группе память о ее динамической истории и динамической истории ее участников
12	В группах, работающих в рамках частной практики, неотъемлемой частью динамического администрирования являются вопросы оплаты

Общие принципы построения группы и отбора участников

Количественный состав группы

Хотя однородные и смешанные группы будут обсуждаться отдельно, некоторые вопросы, в частности о количественном составе групп, можно обобщить для этих двух типов. Группа будет обладать оптимальным ресурсом для работы, если количество ее участников будет в диапазоне от пяти до девяти человек. В этом диапазоне уровень близости в группе будет увеличиваться по мере того, как ее численность будет уменьшаться, но в то же время будет ослабевать терапевтический импульс, поскольку ее способность усиления снижается по мере уменьшения численности, как описывается в главе 10.

По мере увеличения числа участников терапевтический импульс группы возрастает за счет увеличения способности усиливать экспериенциальную динамику процесса, и, вероятно, это произойдет за счет снижения близости. В зависимости от сеттинга, типа группы и предпочтений ведущего количество участников будет варьироваться от рабочего минимума из пяти человек до максимум девяти. Для работы с группами, состоящими из незнакомых друг с другом людей, я считаю оптимальным размер от шести до восьми человек, что, включая меня, составляет от семи до девяти человек. Что касается групп для пар, я предпочитаю работать с тремя—четырьмя парами пациентов, что в итоге с учетом моего котерапевта составляет восемь или десять человек.

Ощущение оптимального размера определяется количеством людей, к которым можно обратиться в одном высказывании, окинуть их взглядом и сразу вспомнить историю каждого в подробных деталях. По моему опыту, если количество значительно больше десяти человек, то атмосфера становится обезличенной, и это может привести к возникновению чувства анонимности в группе. Если участников меньше пяти, то существует дополнительная вероятность того, что в случае отсутствия участника из-за болезни или опоздания число присутствующих снижается до трех или четырех, что приводит к ощущению истощения в группе и беспокойству о ее жизнеспособности. Неоптимальные группы, число участников которых менее пяти, в хороших условиях тоже могут обеспечить полноценную терапию. Многие ведущие на начальной стадии работают с неоптимальными по количеству участников группами, иногда не более трех или четырех человек, и ожидают присоединения других участников. Низкая и нерегулярная посещаемость часто связана с проблемным составом, особенно если есть большая доля участников с расстройствами характера или пограничными чертами. Внутреннее чувство обездоленности и утраты может привести к тому, что группа будет восприниматься как нечто ненадежное и угрожающее, и этот эффект может усилиться, если у ведущего возникнут видимые затруднения. Ведущие, которым удастся сохранять понимающую позицию и позитивную приверженность будущему группы, обычно обнаруживают, что ситуация меняется и что участники становятся рабочим ядром состава, на которое можно опираться. В литературе о неоптимальных группах предлагается ориентироваться на жизнеспособность, основанную на уверенности ведущего,

а не на чем-то «волшебном», определяющимся количеством участников. Со временем, по мере своего развития неоптимальная группа, придающая уверенность своим участникам, может быть легко расширена за счет набора новых (Zelakowski, 1998).

Принципы сходства и различия в составе группы

Что касается состава группы, то в идеальных условиях схожесть потенциальных участников должна сочетаться с различиями между ними. Активная работа и оживленная практика повышают шансы на то, что ведущему будет доступен большой пул пациентов, которых можно пригласить для успешного набора группы. В группе, организованной в рамках амбулаторной психиатрической службы или в общей практике, будет представлен широкий спектр участников с точки зрения демографических, этнических и культурных факторов, а также заявленных и диагностических проблем. В медленно открытой группе фазы и циклы ее развития будут приводить к тому, что в определенный момент она сможет принять нового участника, который не может быть принят в другой момент. В закрытой группе с фиксированным составом ее состав будет определять ее облик.

Мелник и Вудс полагают, что состав группы должен соответствовать оптимальному балансу между условиями, обеспечивающими поддержание или однородность группы, и условиями, обеспечивающими максимальное межличностное научение или неоднородность (Melnick, Woods, 1976). Группа, у участников которой есть одна общая выраженная диагностическая характеристика, например расстройство пищевого поведения или личное качество, такое как интеллект, может приспособиться к разнообразию заявленных проблем или социального происхождения. С другой стороны, если участники схожи по социальному происхождению, тогда разнообразие может быть внесено за счет какого-либо другого параметра, например, диагноза. Тюгесен обнаружил, что разнородность позволяет участникам группы распознавать различия в психических и эмоциональных установках, жизненных историях, проблемах развития и работать с ними (Thygesen, 1992). Распознавание различий и работа с ними активизируют эмоциональные ресурсы и способствуют развитию гибкости и терпимости к эмоциональному напряжению. Это также побуждает группу двигаться от *сплоченности*, в которой безопасность основана на идентификации, к *согласованности*, в которой отношения

основаны на дифференциации. Также полезно определить участников, которые могут быть изолированы от остальной группы в силу возраста, этнической принадлежности, пола, личности или проблем и истории, которую никто не разделяет, поскольку такие участники могут с большой вероятностью воспринять групповой опыт как опасный. Важно попытаться избежать изоляции в силу идентичности, то есть того, что можно назвать структурной изоляцией.

Простое эмпирическое правило, которое можно применять во многих случаях, состоит в том, чтобы обеспечивать такое положение дел, когда, если фокус проблем схож, скажем, в группе людей, употребляющих алкоголь или в случае других аддиктивных расстройств, то в идеале демография и культура должны быть разными. И если группа организована для людей, принадлежащих к узкому возрастному, демографическому или культурному диапазону, то в ее структуре принципы различия могут быть обеспечены разными заявленными проблемами или диагнозами. Принципы сходства приводят к тому, что участники группы идентифицируют себя друг с другом, облегчая возможность группе стать сплоченной и тем самым создать арену для резонанса. Принципы различия гарантируют, что возникающая согласованность выстраивает пространство для отзеркаливания и аутсайта и поэтому согласованность не превращается в защитное слияние и не предотвращает изменений, к которым может привести индивидуация. Принципы сходства могут сочетаться с принципами различия только в том случае, если есть возможность продуманного отбора участников. По мере того, как проблемы, ради работы с которыми создается группа, становятся все более тяжелыми и сложными (к примеру, группа для женщин, переживших в детстве сексуальное насилие, группа для мужчин, переживших пытки, или для людей, осужденных за сексуальные преступления), становится более важно на начальном этапе терапии иметь возможность предложить пациенту группу, работающую с «чистой» культурой, основанной на сходстве их опыта. Однородные группы, подобные тем, что описаны в исследованиях в главе 6, для строго определенных категорий пациентов, подобных приведенным выше, в том числе группы для людей с психическими расстройствами в условиях клиники или для мужчин с опасными и тяжелыми расстройствами личности в строго охраняемом отделении, все же позволяют разумное и избирательное включение тех, кто, скорее всего, сможет помочь другим. Организация групп путем отбора на основе различий в однородной

популяции все же может порождать противоречия различного рода, что способствует терапевтическому продвижению.

Преимущества этих принципов работы можно увидеть в ряде виньеток. В виньетке 1.3 описана групповая терапия пар, в которой сочетание принципов сходства с принципами различия соблюдается за счет обеспечения того, чтобы там, где наблюдается преобладание участников, объединенных общей картиной симптомов (например, депрессии или анорексии), пары имели бы различный культурный или социальный бэкграунд. В виньетках 2.1 и 10.8 описаны группы беженцев, переживших организованное насилие, и основные проблемы связаны с опытом мужчин с массивной психической травмой и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством, тогда как широкий спектр их национальностей, религий и этнических групп оказывается существенным для продвижения от отношенческого к рефлексивному и затем к репаративному опыту. Как описано в главе 6, для медленно открытых групп подходящий состав может быть подобран путем поиска общих черт, ведущих к сплоченности, опираясь на один набор критериев, например заявленные трудности или диагноз. Вариации, вносящие различия, могут быть основаны на другом наборе критериев — культуре, демографии или возрасте. Наиболее важные принципы сходства и различия проявляются в демографических характеристиках людей, таких как пол и возраст, род занятий и образование, культура, социальный класс и интеллект, а также в диапазоне заявленных трудностей или потребностей. Эти идеи о сочетании принципов сходства с принципами различий в целях оптимизации состава группы не сформулированы в работах Фукса в определенной терминологии. Но они лежат в основе многих его рекомендаций и широко известных принципов группового анализа, кратко изложенных в таблице 9.3.

Таблица 9.3
Принципы формирования состава группы

1	Разработайте принципы сходства, основанные на некоторых критериях отбора группы. Сюда могут входить, например, группы для людей с характерологическими проблемами, для пожилых людей, для молодых людей, для мужчин и/или женщин, которые находятся в абьюзивных отношениях или только что вышли из таких отношений, для людей с психиатрическими симптомами, для подростков из проблемных семей, для женщин, у которых есть опасный для жизни диагноз, например, метастатический рак груди
---	---

Продолжение таблицы 9.3

2	Разработайте принципы различия, основанные на наборе соображений, которые существенно отличаются от п. 1 и которые могут включать существующие проблемы и все факторы из п. 1, а также демографические факторы, такие как возраст и пол, культурные, социальные и этнические факторы, род занятий и социальный класс
3	Постарайтесь добиться того, чтобы в вашу группу входили те, кто подходит по принципам сходства, а также те, кто подходит по принципам различия
4	Постарайтесь добиться того, чтобы принципы различия были равномерно распределены между участниками группы. Ни один участник группы не должен чувствовать себя настолько непохожим на остальных, чтобы быть отделенным от них посредством факторов, которые никогда не позволят ему соединиться с остальными. Группа, состоящая из семи женщин и одного мужчины или шести человек в возрасте от 20 до 60 лет, неизменно будет иметь структурные проблемы, которые повлияют на ее будущее
5	Предполагаемый состав из небольшого пула кандидатов не всегда и не обязательно дает возможность создать оптимальный состав в соответствии с положениями пунктов 1–4. Но медленно открытая группа может быть создана с неоптимальным составом, и с ней можно конструктивно работать, поскольку со временем ее состав расширяется
6	Постарайтесь добиться того, чтобы каждый участник прошел через единообразный процесс присоединения к группе, который будет неизменным все время и для всех участников

Работа со структурной динамикой в группе**Виньетка 9.1***История деревянной ложки*

Однажды Молли, заботливая мать двоих детей, воспользовалась тем, что неожиданно на сессию пришло мало участников, и, отказавшись от своей обычной сдержанности, рассказала о своих опасениях по поводу предстоящего собеседования в рамках ее обучения консультированию. Старшая из двух ее дочерей училась играть на музыкальном инструменте, но, хотя она добилась успехов в технике игры, ей было трудно читать ноты из-за дислексии, от которой страдала и сама Молли. Младшая дочь только начала учиться в школе и, к облегчению родителей, не проявляла никаких признаков трудностей в обучаемости. Участники группы знали, что Молли прилагала много усилий, чтобы

помочь старшей дочери преодолеть трудности, с которыми она сама до сих пор не справилась. Ей приходилось иметь дело с двумя проблемами: специфическими трудностями обучения, которые все еще мешали ей нормально писать, и назойливыми мыслями о матери, которая контролировала ее в детстве. С внешней стороны ее уверенность в себе была подорвана жесткостью матери. А теперь, что более серьезно, она столкнулась с внутренним самоуничтожением, не позволяющим ей выйти в широкий мир и испытать свои возможности. За два года в группе она обрела уверенность и начала учиться консультированию, в чем ее поддерживал муж, но, хотя дислексия не мешала ее работе, ей было непросто.

Поскольку на групповой сессии, помимо Молли и меня, было всего три участника, ее рассказ позволил нам по-новому взглянуть на карательность ее матери, которую дочь теперь проецировала на людей, с которыми ей предстояло общаться на собеседовании в ближайшие недели. История состояла в том, как в первые годы ее учебы в школе мать заставляла ее наизусть повторять таблицу умножения, и, следя за временем, стучала деревянной ложкой по кухонному столу. Когда Молли ошибалась, мать била ее ложкой по рукам. Мы видели, как больно ей рассказывать эту историю, но в группе она получила теплоту и поддержку. Все шло хорошо ровно до того момента, пока Синтия, женщина возраста ее матери, перенесшая подобные, но еще более серьезные детские травмы, не начала возмущаться, защищая Молли. Своим возмущением Синтия «перехватила» у Молли ее историю — мы уже знали, что от Синтии можно этого ожидать, но мы не позволили ей сбить с толку Молли. Внимание группы было приковано к описанию очень тяжелого детства Молли, и с терпением и поддержкой два других участника и я (ведущий) проявили активный интерес к ее сбивчивому рассказу. Синтия была в ярости из-за матери Молли, громогласно осудила ее и спросила, где был отец во время этих ужасных событий. Синтия сказала нам, что хотела это знать, потому что, когда мать била ее, отец был бесполезен. Из пяти присутствовавших я активнее всех помогал Молли рассказать ее историю. Я снова попросил Синтию дать возможность Молли рассказать нам побольше. В течение нескольких минут мы успели узнать, что мать была убеждена, что Молли «тупая». Для Синтии это оказалось чересчур, и ее взрыв в защиту Молли не только не смог защитить Молли, но и вытеснил Молли из ее собственной истории. Своим подавляющим едким юмором и эгоцентричностью Синтия уже много раз вынуждала как меня, так и других участников группы отвлекаться. На этот раз мне удалось сохранить

сдержанный настрой и тихо спросить ее, понимает ли она, что держит сейчас деревянную ложку.

После долгого молчания Синтия спросила меня, понимаю ли я, что я ей сказал. Когда я сказал, что для меня это странный вопрос, потому что я бы не сказал ничего, чего не осознавал бы, она ответила, что если вы считаете, что я бью Молли деревянной ложкой, мне лучше уйти! Сессия скоро заканчивалась, и другие участники убедили ее не уходить. Но в данный момент она не могла принять во внимание чувства Молли, да и вообще ничего, кроме своих задетых чувств. На следующей сессии, когда пришли три отсутствовавших участника, Молли вернулась к своей сдержанности, а Синтия и один из присутствовавших тогда участников рассказали то, что назвали историей деревянной ложки. Мы долго бились над этим. На обсуждение истории деревянной ложки и убеждения Синтии в том, что я вел себя неприемлемо, столкнувшись с этой проблемой, в течение последующих недель ушла большая часть времени и у Синтии, и у группы. В то время Синтия удерживалась от того, чтобы резко покинуть группу, только благодаря тихому, заботливому и отзывчивому присутствию других участников, которые сделали все, чтобы она почувствовала дружелюбную атмосферу и смогла посмотреть на проблему с учетом контекста. И когда спустя несколько недель я смог признать, что в моих отношениях с ней в конечном итоге я использовал деревянную ложку против нее и извинился за то, что причинил ей боль, слезы, в том числе и мои, принесли исцеление всем нам. За этим последовал длительный период, когда все участники эпизода с деревянной ложкой (Молли, Синтия и я) снова и снова возвращались к этой истории, в результате чего установился новый уровень доверия, которое распространилось на группу и сослужило всем нам хорошую службу в последующие годы упорной, а иногда и болезненной терапии. Молли подала заявку, была принята в учебный центр и стала способным и квалифицированным консультантом, научилась стоять на своем сначала в контексте собственной групповой терапии, а затем в своей работе в качестве консультанта.

Со временем Синтия переросла свою манеру доминировать и превращаться в защищающуюся жертву, и в группе снискала уважение, что стало ценным приобретением для всех. Ей было невыносимо видеть, что дома она является фигурой, от которой сбежали ее дети, но поворотный момент произошел, когда она увидела во мне фигуру отца, который стоял между этими двумя травмированными женщинами и их плохими матерями, как я когда-то защищал Молли от нее. В конце концов она позволила мне «стать» хорошим отцом, о котором всегда мечтала.

Комментарий

Здесь ведущий обращается как к отдельному человеку, так и ко всей группе и рассматривает как более сознательную и индивидуальную динамику, так и бессознательную и потенциально деструктивную динамику группы как целого. Этот подход опирается на интегрированный набор концепций, связывающих структуру, процесс и содержание друг с другом, когда ведущий группы работает как терапевт и как участник группы, чтобы развивать повседневный язык опыта совместных бесед. Иногда ведущий занимает позицию организатора, используя принципы динамического администрирования для рассмотрения граничных событий, которые в группе возникают сначала в вопросе доминирования, а затем в вопросе справедливого распределения времени группы. В других случаях он говорит как участник группы, особенно когда сам признает, что в конечном итоге он взял деревянную ложку, и извиняется за это, и группа входит в фазу репарации. На начальном этапе работы группы уровень активности лидера может быть относительно высоким, затем по мере снижения ответственности, поскольку группа сама становится терапевтом, а функция лидера передается ее участникам, которые становятся активными ко-терапевтами, активность ведущего постепенно гибко снижается (*decrescendo*). В один из ключевых моментов в группе ее тема может быть сосредоточена на структурной динамике, которая связывает отдельного участника и с ведущим, и с группой как целым. Переплетение взаимосвязанных динамик между любым отдельным участником и всеми остальными, происходящее в «группе как целом», складывается в матрицу, которая представляет собой взаимосвязанную сеть отношений, включающую всех участников и ведущего.

На рисунке 9.1 воспроизведены элементы группаналитической группы, ранее изображенные на рисунке 7.4. Теперь он адаптирован для исследования новой структурной динамики, описанной в виньетке 9.1.

Матрица группы представлена в виде схематической серии треугольников, которые связывают каждого участника с ведущим, с одной стороны, а с другой — с группой как целым. В изображенной здесь фигурации участники 1 и 2 не названы по имени и соответствующие им круги и треугольники выделены черным цветом, вместе с отсутствующими остальными участниками они являются «фоном»

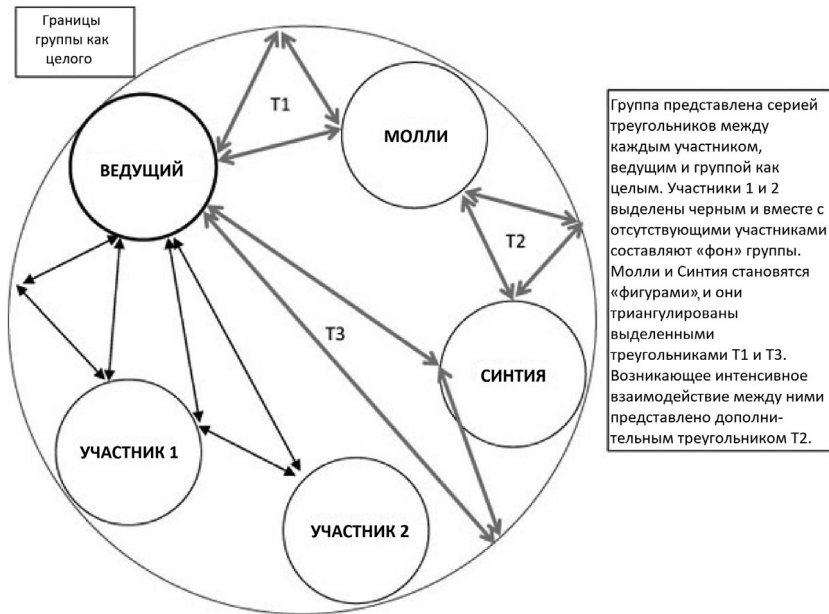


Рис. 9.1. Структурная динамика в работе (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1358)

группы. Молли и Синтия становятся «фигурами», их имена приведены, а их треугольники, T1 и T3, выделены. Молли начинает говорить о тревоге в связи с предстоящим интервью, и в треугольнике T1 ее рассказ описывает работу, которую она делает, чтобы помочь своей дочери. Она связывает это с внутренними конфликтами, которые коренятся в давних проблемах между ней и ее преследующей матерью. Работа здесь ведется в отношенческом измерении группы и носит стабильно конструктивный характер. Ведущий, руководствуясь своим пониманием этой истории (исходя из подготовительной терапии, которая проводилась с Молли до присоединения к группе), помогает сфокусировать групповое исследование на изучении истории и раскрыть ее основные проблемы. Он мог ожидать, но не мог предвидеть, что рассказ Молли вызовет реакцию Синтии, и эта история оживет в кругу этой группы в треугольнике T3. Это беспокойство локализовано в процессе, который становится предметным. Рассказ Молли – невыносимое зеркало истории отношений Синтии с ее матерью. Хотя сознательно она намерена установить союз с Молли, она

ведома своими компульсивными побуждениями «стать» преследующей матерью Молли. Ведущий, как и остальные участники, слишком хорошо знает, насколько невосприимчивой может быть Синтия, и, используя язык группы, то есть рассказ Молли о деревянной ложке матери, он дает возможность Синтии увидеть себя со стороны, что для нее снова оказывается невыносимо. Как и Синтия, он намеревался защитить Молли, но при этом он «превратился» в преследующую мать Синтии в треугольнике ТЗ.

Изменяющиеся отражающие образы создают давление, которое кажется почти невыносимым, и Синтия, неспособная встретиться с возникшим образом, пытается сбежать. Поскольку участники 1 и 2 вместе с Молли, соприкасаясь со страданиями Синтии, становятся фигурами и вместе помогают контейнировать ее и восстановить в группе ощущение безопасности, группа переживает этот деконструктивный цикл. Группа как целое становится хорошей матерью, которой не было как у Синтии, так и у Молли. В таком виде работа продолжается в течение нескольких недель, и пока Синтия восстанавливает свое душевное равновесие, обсуждаются различные проблемы, вносимые другими участниками группы. Когда позже ведущий извиняется перед ней за то, что «причинил ей ущерб» деревянной ложкой (извинения приносятся только тогда, когда атмосфера в группе позволяет исправить ситуацию), группа становится репаративной и работа идет в реконструктивном ключе. К тому времени ведущий превратился в доступного «отца», который вместе с «хорошей матерью», представленной группой, может защитить этих двух проблемных женщин от вредоносных матерей, которые есть у каждой из них внутри. Год спустя, когда в группе происходит что-то еще, имеющее отношение к работе этой фигурации, наступает поистине катарсический момент, когда обе женщины вместе плачут от общего разочарования из-за своих бесплодных попыток навести мосты со своими матерями. К этому моменту в их общей беде каждая из них может стать для другой хорошей матерью, которой у них никогда не было. Эти ссылки на матерей и отцов не являются явной частью процесса проработки, но здесь они призваны предвосхитить дальнейшее исследование переноса и контрпереноса в главе 14.

Литература

Behr H., Hearst L. (2005). *Group Analytic Psychotherapy: A Meeting of Minds*. London: Whurr.

-
- Foulkes S. H. (1972). Group Analytic Psychotherapy: The Group Analyst and His Training. Behavioral Sciences Tape Library, Sigma Information, Inc., Tape 3, side 1.
- Foulkes S. H. (1975; reissued 1986). Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles. London: Karnac.
- Gazda G. (Ed.) (1982). Basic Approaches to Group Psychotherapy and Group Counselling. Springfield, IL: Charles C. Thomas.
- Melnick J., Woods M. (1976). Analysis of group composition: Research and theory for psychotherapeutic and growth-oriented groups // Journal of Applied Behavioral Science. V. 12. P. 493–512.
- Pines M., Hearst L., Behr H. (1982). Group Analysis (Group Analytic Psychotherapy) // G. Gazda (Ed.). Basic Approaches to Group Psychotherapy and Group Counselling. Springfield, IL: Charles C. Thomas. P. 132–178.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). Group Methods in Adult Psychiatry // M. Gelder et al. (Eds). The New Oxford Textbook of Psychiatry. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1369.
- Thygesen B. (1992). Diversity as a Group-Specific Factor // Group Analysis. V. 25. P. 75–86.
- Zelakowski P. (1998). The Sub-Optimal Group // Group Analysis. V. 31. P. 491–504.

Глава 10

Процесс

Концепции и их применение

Все участники говорят на этом языке и понимают его... в соответствии с [их] особым «резонансом»... Ведущий должен знать этот язык... должен выучить его на собственном опыте и... продолжать использовать его [в] бесконечном процессе познания.

(Foulkes, 1975, 1986, p. 132)

Реакции отзеркаливания... проявляются, когда несколько человек встречаются и взаимодействуют. Индивид видит себя или часть себя... отраженную во взаимодействиях других участников группы. Он видит их реакцию, когда они ведут себя, как он, или их поведение контрастирует с его поведением. Также посредством влияния, которое он оказывает на других, и через образ, который у них формируется, он познает себя, что является... фундаментальным процессом в развитии Эго.

(Foulkes, 1964, p. 110)

Чтобы выработать терапевтические принципы, в этой главе мы будем исследовать процесс¹. Группаналитический подход — это недирективная форма терапии, основанная на свободно текущей дискуссии, описанной в главах 1 и 4. Язык группы и невербальное общение можно развивать и исследовать так, что процесс становится центром или осью, вокруг которой вращаются структура и содержание. Ведущий придает форму опыту группы, работая непо-

средственно с тем, что происходит в группе, превращая вопросы структуры и содержания в динамики процесса. Ведущий в своей терапевтической роли подчеркивает процесс, но не стремится доминировать над ним.

Изначально Фукс и Энтони описали эти динамики процесса как *специфические для группы факторы*. В этой главе собраны определения понятий, которые разработаны в публикациях этих пионеров и их непосредственных последователей, таких как Пайнс, Браун и Зинкин. Сегодня мы знаем, что элементы процесса вряд ли могут быть специфичными для группы, поэтому теперь они могут быть переведены на современный язык *динамики процесса*. В этой главе мы обсудим ключевые динамики *резонанса, отзеркаливания, взаимности (обмена), усиления и конденсации*, заимствованные у Фукса и Энтони. Здесь это изложено всеобъемлющим, интегрированным и связанным с современной работой вне области группового анализа образом. Для полноты картины добавлена концепция Биона о межличностной *валентности*.

Отзеркаливание было всесторонне изучено благодаря работе Пайнса (Pines, 1982/1998). Ведущий улавливает эти реакции, чтобы способствовать *саморазвитию посредством субъективного взаимодействия*. Этой формулировкой мы обязаны исследованию резонанса и взаимности, которое проделал Браун (Brown, 2000/2006). В этой главе мы рассмотрим отзеркаливание в контексте другой ключевой динамики процесса. За этим обзором последуют определения каждой динамики процесса, а также их основные иллюстрации. Затем мы перейдем к серии исследований и приложений, проиллюстрированных таблицами и схемами. В таблице 10.4 исследуются терапевтические применения семи наиболее распространенных форм отзеркаливания, встречающихся в групповой психотерапии. Глава завершается расширенной клинической виньеткой, в которой динамики процесса рассматриваются «со всех сторон», после чего следует обсуждение практических моментов обучения ведущих групп.

Какой смысл имеет заверение, состоящее в том, что при присоединении к новой группе вам нужно только *участвовать*, чтобы быть уверенным в «результатах»? Участие — это элементарное условие нашей коммуникабельности, характеристика социальных групп в семьях, школах, клубах, на собраниях и во всех проявлениях социума. Как участие в группе становится терапевтическим? Этот вопрос решался путем удаления из первоначального набора Фукса

двух внешних факторов — социализации и обмена, чтобы показать, как ведущий может работать с пятью внутренними факторами — резонансом, валентностью, отзеркаливанием, усилением и конденсацией, чтобы создать хорошие условия для социализации и обмена, по мере того как терапия переходит от отношенческого через рефлексивный к репаративному опыту.

Некоторые из исследуемых здесь динамик процесса серьезно обсуждались в литературе. Однако развитие было фрагментарным, и по этой и другим причинам оно не привлекло внимания тех, кто работает с теми же проблемами за пределами традиции группового анализа. Я намеревался создать набор рабочих «инструментов», чтобы дать возможность практикующим специалистам, принадлежащим различным направлениям, извлечь пользу из динамик ключевых процессов модели группового анализа. Например, в виньетке 1.3 группа говорит о сосисках. Какое-то время сосиски составляют содержание повествовательного обмена. Вмешательство ведущих, заключающееся в том, что один из них задает другому в присутствии группы, казалось бы, глупый, открытый вопрос: «Джон, почему мы говорим о сосисках?». Похоже, этот вопрос о содержании, то есть о сосисках, но приводит он к чему-то другому. Сам по себе вопрос становится фигурой, а предмет содержания (сосиски) отходит на второй план, поскольку вопрос исследуется посредством игры слов и ассоциаций, оживляющей групповой процесс. Это измерение содержания (сосиски) обсуждается в главе 11. Мы здесь говорим об этом, чтобы подчеркнуть, насколько взаимосвязаны три измерения — структура, процесс и содержание — с процессом, лежащим в их основе. К этой виньетке можно применить шесть ключевых вопросов из главы 11, которые относятся к содержанию, чтобы убедиться, насколько тесно они связаны и с процессом тоже. Во-первых, кто говорит? Во-вторых, кто слушает? В этой группе мужчины и женщины разговаривают друг с другом. В-третьих, о чем они говорят? Хорошо, о сосисках, а потом о бананах. Фаллические отсылки вызывают много смеха. И в-четвертых, о чем не говорится? Используя процесс для исследования этих вопросов, мы обнаруживаем, что на самом деле обсуждается содержание холестерина в сосисках, что является символической ссылкой на ядовитые проекции, которыми, как уже стало понятно, постоянно обмениваются мужчины и женщины. Мы все вместе продолжаем исследовать процесс дальше, и через сознательное и бессознательное сопротивление прихо-

дим к новому пониманию самоповреждения – темы, изначально скрытой от взгляда в групповой игре ассоциаций, но являющейся ключом к разворачивающемуся терапевтическому процессу группы.

Термины, их история и текущее использование

Идея Фукса о специфических для группы факторах легла в основу его утверждения о том, что групповой анализ должен обеспечить в корне новое понимание области межличностных взаимодействий. В своей первой работе 1948 года он не пишет об этих факторах, но позднее, в 1957 году, в первом издании книги, написанной в соавторстве с Энтони, он определяет четыре таких фактора. В его второй монографии, вышедшей в 1964 году, описан другой набор из четырех факторов, который приводится в таблице 10.1a. Во втором издании книги, написанной совместно с Энтони, первоначальный набор из четырех факторов расширен за счет включения резонанса, как описано в таблице 10.1b. Существуют и другие ключевые факторы групп-аналитической психотерапии, которые упоминались в его работах, но они не были интегрированы в эту первоначальную систему координат. В первоначальный набор не вошли свободно текущая дискуссия, усиление и резонанс. Таким образом, этот набор был разработан «по частям» и не был изложен систематически. Очевидно, Фукс придавал резонансу такое большое значение, что посвятил ему свою последнюю статью, написанную незадолго до его смерти и опубликованную в 1977 году. Она цитируется в этой главе в разделе, посвященном резонансу (Foulkes, 1977/1990, p. 298–299).

Во втором издании книги Фукса и Энтони этот список был расширен. В результате частичного объединения отдельных факторов

Таблица 10.1a

Первоначальный список специфических для группы факторов Фукса (Foulkes, 1964, p. 34)

1	Групповая ситуация способствует социальной интеграции и снимает изоляцию
2	«Зеркальная реакция»
3	Активация коллективного бессознательного: феномен сгущения
4	Обмен

Таблица 10.1b

Пересмотренный список специфических для группы факторов
Фукса и Энтони (Foulkes, Anthony, 1965, p. 149–152)

1	Социализация посредством группы
2	Феномен отзеркаливания
3	Феномен сгущения
4	Феномен цепочки, в том числе свободных ассоциаций
5	Резонанс

и вытеснения других возникает следующий, более полный список, но теперь в него не включен обмен.

По словам Пайнса, Фукс назвал это «специфическими для группы факторами», чтобы подчеркнуть, что они не были «концепциями, которые пришли из психоанализа... [а] происходят из наблюдений за малой группой, нового терапевтического контекста, который он предложил» (Pines, 1998, p. 18). В основном их использование ограничивалось небольшим числом клиницистов, практикующих групповой анализ, но, благодаря развитию теорий привязанности и отношений, созрело более ясное понимание этой области, о чем мы говорили в главе 2. Здесь мы обсуждаем эти новаторские идеи ради улучшения нашей клинической практики, и проработка этих ключевых вопросов преследует две четких цели. Во-первых, создать всеобъемлющий и интегрированный свод этих факторов. Групповые аналитики, как правило, не использовали весь набор доступных клинических инструментов, описанных в профессиональной литературе. Вместо этого мы подходим к этим факторам фрагментарно, прикладываем разрозненные усилия, изучая тот или иной фактор, например отзеркаливание или резонанс. Подобные тенденции к фрагментации сохраняются, даже несмотря на признание многими клиницистами, работающими на базе других концепций, того, что фуксианский подход заслуживает высокой оценки. И во-вторых, эта проработка направлена на то, чтобы установить активную взаимосвязь набора факторов группового анализа с другими соответствующими современными разработками и попытаться исправить замкнутую на себе, а иногда и архаичную, систему взглядов, относящихся к нашему полю деятельности. Работа Фукса и Энто-

ни предвосхитила многое из того, что сейчас активно развивается в рамках реляционного психоанализа, нейропсихоанализа и интерсубъективной теории, и мы могли бы гораздо более активно использовать их концепции.

Первый и последний пункты из их первоначального списка — социализация и обмен — имеют универсальное значение для человеческой жизни. Зинкин исследует их взаимосвязь с практикой группового анализа (Zinkin, 1994/2000, р. 99–117), а Ялом включил их в свой список терапевтических факторов. Но социализация и обмен настолько широки и универсальны, что они присутствуют всегда, когда люди встречаются, чтобы общаться, работать или играть вместе. Эти два фактора включают и терапию, но выходят за ее рамки и охватывают все, что влечет за собой социальная жизнь человека. Если социализация и обмен применяются в качестве терапевтических принципов, группа может превратить освобождение от изоляции в социальную интеграцию посредством процесса обмена. Но как группа это делает? Второй и третий факторы из приведенного выше списка — отзеркаливание и феномен сгущения — являются ключевыми элементами того, что необходимо для ответа на этот вопрос. Также не менее важны два других клинических принципа, резонанс и усиление, впервые упоминаемые в различных работах Фукса, но по непонятным причинам не всегда включаемые в исходные списки. Во втором издании книги Фукса и Энтони они уже присутствовали. Более поздняя концепция валентности взята из работ Биона, и новый рабочий список динамик процесса для психотерапии в малых группах представлен в таблице 10.2. На рисунке 10.1, следующем за этой табли-

Таблица 10.2
Новый рабочий список динамик процесса для терапии
в малых группах

1	Резонанс
2	Взаимность
3	Валентность
4	Отзеркаливание
5	Усиление
6	Сгущение

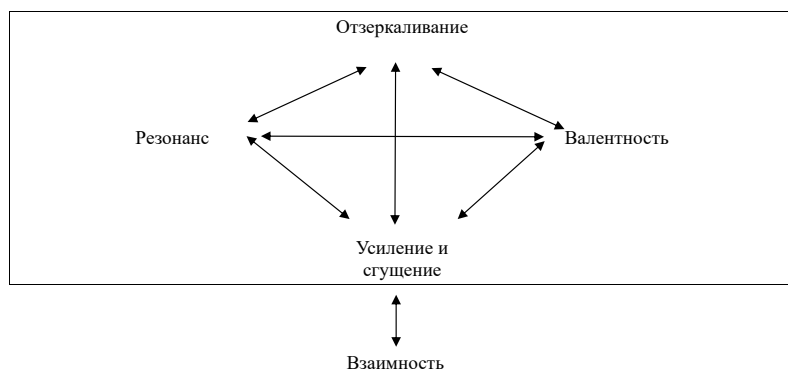


Рис. 10.1. Динамики процесса в терапии в малых группах (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1359)

цей, показано, как мы можем увидеть динамическую взаимосвязь между этими процессами.

Я предлагаю называть это *динамиками процесса* и принять резонанс в качестве важнейшей динамики. Это наиболее фундаментальная из этих динамик, это «носитель» группового процесса, и здесь она понимается и используется вместе с четырьмя другими динамиками, выбранными для изучения.

Такой подход следует направлению, заданному Агазарян, которая ранее признала, что Фукс был первым, кто формально перенес термин «резонанс» из языка акустики в психологию. Она пишет следующее.

Ориентация Фукса и его последователей на резонанс... подтверждает использование ими психоаналитических (и других) концепций для построения своей модели, а также их большую осведомленность и умелое обращение с такими групповыми феноменами среднего уровня, как резонанс и усиление.

(Agazarian, Peters, 1981, p. 20)

Определения: резонанс, валентность, взаимность (обмен), отзеркаливание, усиление, сгущение

В этом разделе предлагаются определения терминов и иллюстрации для пяти концепций, которые описывают динамики процесса.

Резонанс

Как и ряд терминов в этом списке, резонанс перенесен из одной модальности исследований в другую (подобно термину «травма», который здесь не изучается). Это «термины на уровне аналогий, заимствованные из естественных наук» (Foulkes, Anthony, 1957/1965, р. 152), дающие нам концептуальную основу прямой связи со сферой отношений и являющиеся бесценными для всех форм группового анализа.

Определения

Достижения нейропсихоанализа дают нам возможность полагать, что резонанс наряду с его «идейным партнером» — межличностной валентностью — является ключевым для описываемых динамик (Harwood, Stone, Pines, 2012; Lewis, Amini, Lannon, 2000). Лапланш и Понталис пишут, что резонанс стал использоваться в психоанализе как «бессознательная коммуникация аффекта» (Laplanche, Pontalis, 1973, р. 93). Они описывают его как «способ познания, который действует на бессознательном уровне и, возможно, действует вне языка» (ibid.). Однако это понятие не получило исчерпывающего определения ни в их книге, ни в публикациях множества исследователей, использовавших его в клинической практике, пока Фукс не дал его в своей последней статье, опубликованной в 1977 году.

...Каждый отдельный участник выхватывает из общего объема происходящего то, что имеет для него значение... [и] реагирует в соответствии со своим индивидуальным характером... Это бессознательная, весьма специфическая реакция... примерно то, что я и назвал резонансом... Индивид резонирует в той тональности, в которой он настроен и в которой задана его конкретная структура личности... «Стимулирующее» событие может принимать любую мыслимую форму или проявление... «Реакция» — в нашем контексте резонанс — всегда учитывает бессознательное значение и «длину волны» стимулирующего события, добросовестно и правильно... Коммуникация (может) происходить без какого-либо конкретного сообщения... В группе... индивиды глубоко, одновременно и взаимно резонируют не только друг

с другом, но также и с группой как целым, и особенно с ведущим, который, в свою очередь, находится под влиянием собственного резонанса.

(Foulkes, 1977, 1990, p. 298–299)

В 1981 году Агазарян и Петерс дают другое определение:

Мы определяем резонанс в групповой психотерапии как... форму коммуникации между участниками группы, происходящую в основном на бессознательном уровне и являющуюся функцией взаимозависимых аффективных реакций участников на конкретные общие конфликты, стимулированные работой группы.

(Agazarian, Peters, 1981, p. 19)

Они отмечают, что это понятие происходит из психоанализа, ссылаются на Лапланша и Понталиса и объясняют, что «заслуга в распространении этого понятия на работу с группами, вероятно, принадлежит Фуксу» (ibid.).

Резонанс как основной передатчик эмоций

Теперь мы можем расширить эти определения и обозначить резонанс как элемент, лежащий в основе всех эмоций в мире отношений и как одну из их ключевых составляющих, и его лучше всего будет назвать *основным передатчиком эмоций*. Этот основной передатчик регулирует процесс, посредством которого любовь и ненависть, разлад, разочарование и дружба выражаются, принимаются, перемещаются и трансформируются. Процесс передачи опирается на связанную концепцию межличностной валентности, поскольку проводимость резонансной эмоции зависит от валентности тех, кто находится рядом с ней. Таким образом, для понимания и использования в качестве клинического термина резонанс требует валентности, и, как показано на рисунке 10.1, динамики этих процессов являются зеркальными друг для друга. Но, несмотря на всю важность резонанса, о нем мало пишут даже группаналитики. Впервые о нем рассказали Фукс и Энтони; затем ему уделили внимание Агазарян и Петерс, а потом Браун (Agazarian, Peters, 1981, p. 20; Brown, 1994/2006; Foulkes, Anthony, 1965, 1973, p. 152). В дальнейшем резонанс обсуждался нечасто: в студенческих диссертациях квалифика-

ционного курса лондонского IGA, в работе Митчелла, посвященной области отношений, и в прекрасном обзоре Бермана (Berman, 2013, p. 187–196; Levens, 2011; Mitchell, 2000, p. 61).

Акустический резонанс

В физике резонанс — это колебание твердых тел, которое на определенных частотах дает более высокую амплитуду. Совпадающие колебания двух тел создают симпатический резонанс. В современной физике изучаются атомный, планетарный, механический, электрический и магнитный резонанс, в частности, что важно для этой главы, акустический резонанс. Фукс применил его к групповым ситуациям, что отражено в приведенной выше цитате, чтобы по аналогии с музыкой уловить форму паттерна резонирующих чувств или идентичностей людей.

Лимбический резонанс

Эта форма резонанса стала центром внимания в недавно опубликованных работах, среди которых — книга Льюиса, Амини и Лэннона (Lewis, Amini, Lannon, 2000). Они описывают *лимбический резонанс* как биологически заданную способность к сочувствию и невербальной связи, которая лежит в основе всех социальных привязанностей. Коммуникация посредством резонанса влияет на нейрофизиологию человека, охватывает фундаментальные области сознания, минуя другие сенсомоторные рецепторы, проникает через все защиты сознательного разума и получает доступ к бессознательному, иногда необычными способами. Эти идеи получили распространение в психиатрии, где проблемы *эмпатического резонанса* рассматриваются в качестве основы широкого спектра психопатологий (Farrow, Woodruff, 2012). Эти же идеи широко применялись в исследованиях травм, обеспечивая новый взгляд на психонейрологию *флешбэков* и *ретравматизации* тех индивидов, в психологическом формировании которых лимбическая область не подвергается «нормативной» регуляции и легко «затапливается» под влиянием стимулов, кажущимися невинными (Harwood, Stone, Pines, 2012). Такие подходы также применялись в исследованиях менеджмента, где в качестве существенного фактора как надежной работы, так и сбоя в работе организаций рассматривается *заражение эмоциями* или настроением (Barsade, 2002), а Нитсан для этих же вопросов использовал концепцию *организационного зеркала* (Nitsun, 1998). Резо-

нанс также применяется в консультировании и супервизии в сфере психического здоровья, где в настоящее время широко используется концепция *параллельного процесса*, который всецело опирается на эту идею.

Валентность

Бион определил валентность как:

готовность индивида вступать в объединение с группой при становлении базовых допущений и действий под их влиянием; если его способность к объединению велика, я буду говорить о высокой валентности, если мала — о низкой валентности; он может *не иметь* валентности, только если перестанет быть человеком с точки зрения его психического функционирования.

(Bion, 1961, p. 116)

Бион ввел эту концепцию в связи с базовыми допущениями, но нет причин ограничивать ее использование где-либо еще. Принципы интеграции и экономии дают нам все основания связывать понимание валентности Бионом с пониманием резонанса Фуксом, так что эти две концепции являются взаимодополняющими и позволяют нам работать с ними в тандеме. Валентность по отношению к аффектам других людей и резонирующие последствия этой валентности, которые вызывают соответствующие сходные или противоположные эмоции у других людей, можно понимать как исходный набор человеческих качеств. В части III мы увидим, что эти базовые динамики процесса лежат в основе более известных психоаналитических конструкций переноса, проекции и идентификации.

Обмен или взаимность

По непонятным причинам термин «взаимность» трудно найти в группаналитической литературе. Мы знакомимся с этим термином в сборнике статей Брауна, в работе которого «взаимность» наиболее точно соответствует тому, что Фукс и Зинкин описывают как «обмен» (Brown, 1994/2006; Zinkin, 1994, 2000). Совсем недавно эту концепцию использовала фон Фраунгофер (von Fraunhofer, 2008, p. 288). В самом широком смысле взаимность — это практика обмена между людьми ради взаимной выгоды. В зависимости от научных дис-

циплин, в рамках которых она описывается, взаимность приобретает разные формы. В структурной антропологии взаимность — это общий принцип, используемый Леви-Строссом в его основополагающей книге «Элементарные структуры родства» (Lévi-Strauss, 1949), где он утверждает, что взаимность управляет тремя сферами обмена: языком (обмен словами), родством (обмен женщинами и потомством) и экономикой (обмен вещами). В культурной антропологии взаимность относится к нерыночному обмену товарами или рабочей силой, начиная от прямого бартера и заканчивая формами обмена подарками, где в конечном итоге ожидается обратное вознаграждение, например, обмен подарками на день рождения. В социальной психологии взаимность связана с реакцией, которую создает позитивное действие, вызывая в качестве ответа другое полезное и позитивное действие. Позитивная взаимность как социальная конструкция означает, что в ответ на дружелюбные действия люди часто более склонны к сотрудничеству, чем это предсказывается моделью личных интересов. И наоборот, отрицательная взаимность означает, что в ответ на враждебные действия люди часто ведут себя агрессивно.

Отзеркаливание

Теперь «отзеркаливание» можно перевести на более современный язык *динамик процессов*. Его можно определить как сложную форму резонанса, посредством которой аффект, понимание или интуиция, которые индивид видит в других людях или связывает с ними, могут обнаруживать правду о нем самом — то, что он может приветствовать, чему может противодействовать, от чего может убежать или на что может нападать. Непростая задача выявления этих реакций для саморазвития является одной из главных целей групповой терапии и задает контекст отзеркаливания среди других основных динамик процесса. Ниже будут обсуждаться семь наиболее распространенных форм отзеркаливания, встречающихся в терапевтических группах.

Отзеркаливание описано в литературе довольно методично и ясно. Оно было центральным элементом первоначального набора специфических для группы факторов по Фуксу. Его собственное определение отзеркаливания приводится в цитате, открывающей эту главу, где подчеркивается, что индивид познает себя посредством влияния,

которое он оказывает на других, и через образ, который у них формируется (Foulkes, 1964, p. 110). Затем эту концепцию подхватил Пайнс и использовал сначала в своей фуксовской лекции (Pines, 1982, 1998, p. 17–39), а затем в ряде других значимых работ (Pines, 2015).

Зеркальная реакция — это концепция, основанная на психологии «я и другой», когда индивид осознает, что его *я* неполно, и распознает аспекты своего *я*, «в особенности вытесненные части» в других людях. Фукс отметил, что, наблюдая за другими участниками группы, пациенты могли легче понять, как конфликты и проблемы выражаются в невротическом поведении.

(Pines, 1982, 1998, p. 18)

Достаточно полный обзор литературы дает Бергер (Berger, 2012, p. 197–216). Мы же выйдем за рамки привычного использования этой концепции, связывая ее с резонансом и валентностью и вводя термин «аутсайт», чтобы обозначить ее терапевтическое действие. Концепция отзеркаливания находится между резонансом и валентностью, и эта динамика процесса в группе может быть усилена или сгущена, как показано на рисунке 10.1. Эта концепция была разработана как клинический инструмент для широкого применения и является одной из наиболее часто обсуждаемых в литературе тем. Это приводит нас к неизбежному признанию того, что *инсайт* как источник изменений в психоанализе должен быть дополнен понятием *аутсайта*, развиваемым в этой книге. Термин «аутсайт» впервые был использован де Маре, а затем Пайнсом, как описано в главе 2, но ранее не был определен. В нашей книге это понятие используется как концепция, которая, хотя и является новой, но описывает повседневную практику групповой терапии с упором на терапевтическое использование отзеркаливания. Аутсайт описан во введении и в примечании 2 к нему. Его определение приводится в главе 2 и иллюстрируется в виньетках 8.1–8.2, 9.1 и 10.2, а в связи с отзеркаливанием — в главе 10 и в виньетке 10.2, в контексте стремления и принадлежности — в виньетке 15.2.

Сгущение (конденсация)

Фукс заимствовал эту концепцию из психоанализа, Фрейд использовал ее для описания того, как образы сновидений могут содержать широкий диапазон смыслов или ассоциаций и сжато выражать

(сгущать) их в виде одного символа. В нашей книге он используется для описания символического сжатия смыслов в группе, но не ограничивается символами. Фукс и Энтони определяют сгущение следующим образом.

В группе за накоплением связанных идей следует внезапная разрядка глубокого и примитивного материала... Происходит накопительная активация на самых глубоких уровнях... «Коллективное бессознательное» действует как сгуститель, скрыто накапливающий эмоциональные заряды, генерируемые группой, и разряжающий их под воздействием какого-либо общего группового события... групповых снов, страхов или фантазий, [содержащих] элемент неожиданности из-за отсутствия сознательных причинно-следственных связей... Этот феномен имеет некоторое отношение к «проявлению базовых допущений» по Биону и «общему групповому напряжению» по Эзриэлю.

(Foulkes, Anthony, 1965, p. 151)

Усиление

Усиление — это еще один термин, который берет начало в теории музыки. Он широко используется в групповом анализе и психодраме. Впервые на него обратил внимание Юнг для того, чтобы разобраться, как усиливается или подкрепляется эмоция в своем объеме, узнаваемости или интенсивности (или в ее оценке). Я объединил *сгущение* и *усиление*, когда в ходе супервизий студентов обнаружил, что эти термины можно плодотворно применять в паре, чтобы уловить эмоциональный диапазон, задействованный во всех остальных динамиках процесса. Сгущение определяет интенсивность эмоциональной ассоциации, а усиление описывает диапазон распространения. Наиболее полно тему усиления исследовал Хобсон (Hobson, 1971).

Основные иллюстрации. Резонанс, обмен, валентность, отзеркаливание, усиление, сгущение

Приведенные ниже иллюстрации предназначены для того, чтобы помочь понять динамики процесса, возникающие в ходе групповой психотерапии.

Резонанс и валентность

Виньетка 10.1

Резонанс и валентность: изолированный и избегающая

Одна из участниц этой давно работающей группы рассказывает про-
низительную историю о проблемах со своей матерью, с которой у нее
трудные отношения, и под влиянием резонанса на глазах у большинст-
ва участников появляются слезы. Однако двое участников группы
остаются безучастными: Фрэнк самоизолируется, а Марта проявляет
избегание. Фрэнк, сидящий в углу кабинета, не проявляет видимой
реакции из-за его ограниченной реактивной валентности, и это озна-
чает, что большинство эмоций не затрагивает его, и так продолжается
в течение некоторого времени.

В группе он проявлял себя так же, как и в жизни за пределами груп-
пы. Изоляция характеризовала большую часть его эмоциональных со-
стояний. Серьезные лишения, с которыми он столкнулся в детстве, по-
влиали на все аспекты его личности. Его работа в группе помогла ему
освободиться от воздействия наиболее ограничивающих аспектов его
беспорядочной истории развития. Но это произошло через рост пони-
мания, а не через разрешение проблемы аффективной дефицитарнос-
ти. В группе он «вырос» благодаря функционированию левого полуша-
рия и своим рациональным и аналитическим способностям и пришел
к важным инсайтам и аутсайтам, которые высоко оценили другие участ-
ники. Но он не мог сопроводить эти открытия выражением эмоций
в достаточной степени и был слабо настроен на эмоции других участ-
ников. Лишь намного позже, когда он продвинулся в терапии, другие
аспекты жизни группы, в частности отзеркаливание, пробились через
его психологические защиты, что позволило ему увидеть значительное
несоответствие между его ограниченным диапазоном эмоциональных
реакций и «джентльменским набором» (как стала называть это груп-
па) «полноценного спектра» эмоций, присутствующих в жизни других
участников. Со временем работа в группе стала для него просоциаль-
ной терапией, а его социализация произошла благодаря процессу от-
зеркаливания, в ходе которого он проходил обучение, наблюдая жизнь
других участников. Когда после многих лет Фрэнк наконец покинул
группу, в знак своей благодарности он подарил нам известную поп-арт
табличку с надписью «LOVE», что глубоко тронуло всех нас. Эта таб-
личка по сей день находится в кабинете для групповых сессий.

Тем временем на описанной ранее сессии Марта откликнулась лишь на некоторые чувства, возникшие в группе. Марта страдала от диссоциативного расстройства травматического происхождения, так как отношения с матерью принесли ей много боли. Однако это не оказало всеобъемлющего влияния на ее личность. Ее отношения с отцом были наполнены заботой и близостью, и это помогало ей защититься от ранящей матери, которая все еще была у Марты внутри. То, что она занимала позицию в большей мере избегающую, чем изолированную, означало, что когда она испытывала весь спектр эмоций, связанных с матерями (хорошими, плохими или безразличными), от которых ее защищали, резонанс группы странным образом ее не затрагивал. Ее сопротивляющаяся валентности и избегающая диссоциация «нейтрализовала» резонанс.

Комментарий

Итак, два участника, неспособные, несмотря на общегрупповой резонанс, реагировать на эмоции третьего участника, оказались по очень разным причинам недоступными, и ведущему придется принять это во внимание и использовать с клинической точки зрения различные подходы для каждого из этих случаев. Для самоизолирующегося Фрэнка аналитическая работа и интерпретация не имели никакой ценности в группе. Но ему были необходимы холдинг, контейнирование и психобразовательный подход по отношению к его психологическому складу, которые мягко подвели его к рефлексивному пониманию и принятию его «дефицитности». Группе было необходимо, чтобы ведущий задал направление относительно того, как им лучше всего относиться к Фрэнку, затем последовал эмоциональный рост, который позволил последнему выйти из изоляции на работе. Но такой рост должен был стать вызовом на всю жизнь, и время, проведенное Фрэнком в группе, было только началом.

С другой стороны, Марта, склонная к избеганию, выиграла от понимающего интерпретирования ее отвращения и избегания ассоциаций, связанных с отношениями с матерью. Чтобы сохранить ее стабильно конструктивное положение в группе, нам в течение долгого времени приходилось принимать ее контрвалентность резонансу, который возникал у большинства других участников в те моменты, когда ассоциации касались матерей. Вместо этого несколько позже она начала проявлять гнев по отношению к матери и зависть к другим матерям,

о которых рассказывали участники группы. Когда на этом рефлексивном уровне она занялась работой по деконструкции, на которую она уже потратила долгие годы, не месяцы, ее защиты сменились гневом, а затем гореванием и печалью и, наконец, репаративным процессом, в ходе которого печаль привела к исцелению. После того как она перестала, по ее выражению, «выпадать из разговора», когда речь шла о матерях, стало заметно, что ее положение в группе стало понятным. В этой главе предлагается дифференцированный набор терминов, с помощью которых можно обсуждать динамики группового процесса с целью работы с различными клиническими проблемами.

Отзеркаливание

Виньетка 10.2

*Отражение и резонанс: слезы одного
как подношение скрытому горю другого*

Джереми, один из участников длительно работающей группы, на протяжении всей своей карьеры работал с детьми и недавно расстался с женой из-за произошедшего у нее выкидыша. Участники говорили о том, как они оценивают себя как родителей, об отношениях со своими детьми и со своими родителями. Джереми безуспешно пытался выразить свою печаль сначала по поводу утраты ребенка, а затем по поводу утраты любви жены. Участники группы хорошо его знали и пытались компенсировать то, для чего он не мог подобрать слов. Сам Джереми не проявлял никаких признаков печали. Вот только его рассказ взволновал других участников. Джереми был склонен к глубокой диссоциации и именно из-за этой неспособности открыто выразить какое-либо чувство в отношении кого бы то ни было он и присоединился к группе.

Одна из участниц, Гейл, только начинала примиряться с тем фактом, что теперь, когда ей уже было за сорок и она была не замужем, у нее, вероятно, никогда не будет собственных детей.

Она рассказала, что прочитала в газете статью о том, как японцы оплакивают непрожитые жизни эмбрионов, погибших в результате выкидыша или аборта. Несколько лет назад она прервала беременность, и поэтому эта статья привлекла ее внимание. В буддийских храмах есть святилища, куда люди могут приносить подношения в честь умерших.

Она описала ритуалы, с помощью которых скрытые чувства обрели форму. В лондонской жизни Гейл у этих ритуалов не было аналогов. По мере того, как разворачивался рассказ Джереми о потерях и страданиях, Гейл испытывала сильное волнение и горько плакала, оставляя Джереми в замешательстве, которое затем превратилось в тревогу за нее. Третья участница группы по имени Алиса почувствовала страдание Джереми, отразившееся на лице Гейл, и в момент размышлений сказала им обоим незабываемые слова. Слезы Гейл, сказала она, служили подношением ребенку и жене Джереми, которых он утратил. Это звучало не как интерпретация, а как мимолетный комментарий. Ведущий «остановил» групповой процесс, чтобы привлечь внимание к тому, что сказала Алиса, переформулировал ее наблюдение и призвал группу описать суть происходящего между двумя участниками. Такое толкование усилило печаль Гейл, но, похоже, не повлияло на озадаченность Джереми. Когда дело касалось его личных утрат, необходимость заботиться о Гейл не вызывала в нем видимого резонанса.

Позже Гейл описывала, что она воспринимала его сухость и внешнее спокойствие как единственный способ, с помощью которого Джереми умел справляться с горем и своим страхом перед горем жены, которые переполняли его. Хотя интерес Гейл к японским ритуалам возник во время рассказа Джереми из ее собственного опыта, она почувствовала какое-то короткое замыкание, которое заставило ее ужасающе остро осознать его боль, как она выразилась позже. Она чувствовала, что то, что произошло в группе, наделило его правом горевать по поводу утраты ребенка и отношений с женой, и Гейл хотелось бы, чтобы он проявлял хоть какие-то чувства. Казалось, что на тот момент ее чувства совсем не затрагивали Джереми, но постепенно мы стали свидетелями того, как медленно и болезненно, маленькими шажками, в нем неуклонно проявлялись ранее недоступные переживания.

Комментарий

Описанный выше обмен строится на отзеркаливании скрытых нюансов резонирующих эмоций, которые проецируют друг на друга Джереми и Гейл, и которые затем для остальной группы обнаруживает Алиса. Скрытые чувства, которые разъедали Джереми и Гейл, проявились в той форме, которую группа уже была способна уловить и которая поз-

волила обратиться к этим чувствам и исследовать их. Благодаря процессу и содержанию этого обмена и тому, что ведущий выделил этот момент как особенно важный, мы увидели, что Джереми и Гейл становятся более доступными для эмоционального обмена. Гейл почувствовала диссоциированное горе Джереми через отождествление своей истории с его историей. В основе такого рода отзеркаливания лежит проективная идентификация, но мы используем термин «отзеркаливание» чтобы описывать повествование и драму происходящего на понятном группе языке.

Сгущение

Виньетка 10.3

Желание как способ сознательного сгущения доступных эмоций

Двое из семи участников этой группы вели активную сексуальную жизнь, в то время как у остальных сексуальная активность была эпизодической или отсутствовала вообще. Для этой группы обмен, связанный с обсуждением сексуальной неудовлетворенности, носил циклический кумулятивный характер. У некоторых участников были партнеры, а другие были одиноки. Мы работали над тем, что можно сделать, чтобы найти себе партнеров.

У участников данной группы этот цикл пережил резкое сгущение и подвергся рассмотрению, небывалому по своей интенсивности, когда одна из участниц (она уже некоторое время жила одна после прекращения сексуально абьюзивных отношений со своим бывшим партнером) обратилась к одному из участников группы. Он наиболее активно работал с ней в группе, чтобы помочь ей выпутаться из проблемных отношений и научить ее защищать собственные границы. Эта участница прервала разговор на постороннюю тему и прямо сказала ему: «Иногда я представляю себе, что ты у меня дома, и хорошо провожу время, фантазируя о том, что мы могли бы делать вместе». В этот момент сгущения группе было предложено остановить свои ассоциации, поскольку обмен между этими двумя участниками привнес в группу сексуальность, и желание стало реальной и живой силой, которая почувствовалась в группе. Мужчина, к которому обратилась женщина, был явно тронут, он покраснел и, в свою очередь, с нежностью ответил, что воспринимает ее как женщину, по которой мог бы тосковать,

но пока она не дала ему разрешения, он даже не мог об этом помыслить. Она, в свою очередь, была глубоко тронута и позже призналась, что он сыграл очень важную роль в ее исцелении.

Комментарий

Некоторое время спустя эти двое продолжили сексуализированный обмен, и это позволило другим участникам начать говорить на эту тему. С того момента, когда произошло это сгущение, в группе возникло пространство для удовольствия и валидации, за которыми наблюдал ведущий и которые он поощрял. Эти события навсегда изменили атмосферу в группе и создали предпосылки для уверенности в собственных силах, которую позднее приобрели эти два участника — в разное время и по разным причинам, что позволило им завершить свою работу в группе. В последующие годы оба построили удовлетворяющие и сбалансированные отношения с другими спутниками жизни.

Виньетка 10.4

Бессознательное сгущение. Он не гребаный профессор, он мой отец!

Работа этой группы сосредоточена вокруг свободных ассоциаций, связанных с хорошими и «плохими» — недоступными — отцами. Пожилой мужчина по имени Джеральд, который присоединился к нам, чтобы справиться с проблемами, связанными с его выходом на пенсию, изо всех сил старался проявить доброту по отношению к молодому человеку по имени Майкл. Это делалось для того, чтобы компенсировать острое чувство пренебрежения, испытываемое Майклом в детстве в его родительской семье. Между Джеральдом и Майклом существовал дополнительный уровень идентификации, так как оба они были верующими христианами.

У Джеральда были свои собственные проблемы, проявлявшиеся в отношениях с женой и детьми, которым он не уделял должного внимания, хотя они надеялись, что его выход на пенсию может изменить ситуацию к лучшему. Но, как они и опасались, он уже начинал заполнять свое свободное время другими занятиями, которые, казалось, могли стать новыми «законными» формами, позволяющими избегать семейной жизни. Майкл компенсировал неучастие своего име-

никого отца в его воспитании вовлеченностью в религиозную жизнь, где он обрел «всегда присутствующего Отца». Это имело досадный побочный эффект, так как его скрытые обиды на истинного отца превратились в бесконечную череду великодушных уступок тем, кто причинил ему боль, включая предыдущую партнершу. Эти уступки были частью характерного для него паттерна, в соответствии с которым он всегда, и часто неуместно, проявлял услужливость. Они ослабили его характер и, похоже, ограничивали его возможности. На одной из сессий в ходе свободно текущей дискуссии, не сосредотачиваясь в явном виде ни на одной из проблем Джеральда и Майкла, когда третий участник группы рассказал о серии эпизодов, в которых оба его родителя, занятые своими делами, не уделяли ему достаточного внимания и не заботились о нем должным образом, мы вышли на разговор о семейной жизни участников группы. Майкл сказал, что ему предстояло читать проповедь в качестве члена общины без духовного сана во время религиозной службы, на которую был приглашен и его отец. Но отец не пришел, потому что снова был в отъезде за границей, где читал лекцию. Джеральд в своей обычной бесцеремонной и небрежной манере заметил: «Эти профессора всегда куда-то ездят».

В ответ Майкл возмущенно и яростно выкрикнул: «Он никакой тебе не гребанный профессор! Он мой отец, он *мой* отец, слышишь!» — и залился слезами, чего раньше мы никогда не видели. Мы знали его как человека, которому было очень трудно повысить голос на окружающих. Теперь же он продолжал сквозь слезы кричать на Джеральда: «Он должен быть моим отцом! Я хочу, чтобы он был моим отцом, но ему на всех наплевать!». Мы были потрясены этими драматическими событиями, особенно двумя их главными героями. Майкл никогда прежде никому не бросал такого вызова, а Джеральду еще никто никогда не бросал такого вызова. Майкл плакал, группа утешала его, да и Джеральду, потрясенному и утратившему дар речи, потребовалось много салфеток.

Комментарий

Сгущение нельзя спланировать или предсказать. Этот феномен заставляет нас врасплох и, когда это происходит, сгустившиеся эмоции группы как целого отзываются в сердце каждого присутствующего. На сессиях, последовавших за этими событиями, группа работала в репара-

тивном измерении над корректирующим повторным переживанием опыта жизни в родительской семье. Особый заряд пространству сообщали эмоции, возникающие между Джеральдом и Майклом. Остальные, особенно описанный выше третий участник, о котором в детстве не заботились должным образом, и все участницы группы помогали Джеральду и Майклу осознать присутствие эмоционально доступного мужчины в лице ведущего, который воплощал отцовскую фигуру, которой у них никогда не было. Майкл смог проявить свою авторитетность, прежде подавляемую, и приобрел достоинство и влияние. Джеральд постепенно стал осознавать себя как доступную мужскую фигуру для других участников группы, и эта способность со временем распространилась на его семейную жизнь. Когда позднее он обсуждал свой уход из группы, участники говорили о том, что Джеральд «наполнился» эмоционально, подобно сухофрукту, восстанавливающему свою истинную форму, когда его вымачивают в воде. Это описание поразительным образом совпадало с предложенным Фуксом описанием того, как люди, удачно оказавшиеся в продуктивных группах, раскрываются, как японские сушеные цветы, когда их помещают в воду (Foulkes, 1964, p. 100). Участники группы связывали этот рост и достижения с характерами Джеральда и Майкла, и они считали, что процесс восстановления начался, когда во время эмоциональной вспышки Майкла прозвучала ужасная правда. Некоторое время спустя Майкл покинул группу, так успешно решив свои проблемы с застенчивостью и услужливостью, что он смог пройти религиозное обучение, был рукоположен в своей церкви, прекратил несчастливые отношения с предыдущей партнершей и создал семью с другой женщиной.

Усиление

Виньетка 10.5

Усиление и сгущение после обнажения

В ходе дискуссии о гендерных проблемах в смешанной группе из мужчин и женщин, сессии которой проходили по утрам, одна из участниц рассказала о том, что в поезде, на котором она только что ехала, незнакомый мужчина оголился перед другими пассажирами. На следующей станции она вышла и пересела на другой поезд. Но, когда

участники присоединились к ее тревоге, ощущению, что нарушено ее внутреннее пространство, и к ее отвращению, эти чувства *усилились*, но она испытала облегчение. Это оказывало влияние на наше взаимодействие друг с другом в течение нескольких недель. В то время работа группы была сосредоточена на том, чтобы различать хищническое поведение и мужскую сексуальность, и эта тема часто поднималась в разговоре как мужчинами, так и женщинами. *Усиление* этой тревоги, связанной с вопросами гендера, обостряло у мужчин чувство стыда за свою мужественность, а у женщин вызывало защитную тревогу. Так продолжалось до тех пор, пока одна из участниц не рассказала об удовольствии и возбуждении, которые она испытывала в течение нескольких месяцев после наступления беременности, чувствуя эрегированный пенис ее мужа внутри себя. Она с возбуждением и благодарностью говорила о том, что ее ребенок родился благодаря пенису мужа. Эта откровенность и упоминание таких подробностей оказали на группу поразительное влияние, и в этот момент сгущения участники группы совместно поняли, что сексуальность стала темой, приводящей к исцелению, как только ее связали с фертильностью.

Комментарий

Эти открытия заставили нас переключиться с обсуждения эротического опыта на размышления о том, почему мы не говорили об этом в предыдущие месяцы. Мы в основном обсуждали вопросы содержания группового резонанса. Участники задавали острые и забавные вопросы, как, например, почему мы говорили о себе так, как будто ни у кого не было гениталий, пока кто-то не сказал о том, что ждал ребенка!

Исследование и применение

Резонанс и валентность: сигнальный резонанс²

Резонанс и валентность являются ведущими динамиками сигнальных процессов у людей и животных. В малых группах даже простые формы резонанса имеют определяющее значение.

Виньетка 10.6*Сигнальный (простой) резонанс 1**Когда улицы наполнены страхом и возможностями*

Во время съемок в южной части Чикаго, некоторое время мы не знали о том, что там рискованно находиться без специального сопровождения, мы видели уличные банды подростков, которые закидывались наркотиками вместо завтрака. В этом гетто инстинкт выживания определенно обладает отличительными чертами. У этих пацанов нет другого будущего, кроме как лупить парней из другого квартала. Они все время настороженно стреляют глазами по сторонам, и даже их собственная «хата» не является для них безопасным местом. Улицы наполнены для них страхом и возможностями.

(Джош Битти, из личной беседы)

Это описание режиссера основано на единственных данных, которые могут быть им считаны. Визуальная деталь, которая приводит его к выводу о том, что «улицы наполнены страхом и возможностями», *резонирует* с тем, что он видит в бегающих глазах подростков, для которых даже «собственная „хата“ не является безопасным местом».

Виньетка 10.7*Сигнальный резонанс 2**Когда овцы чувствуют себя в безопасности*

Весной в Уэльсе я гулял со своей собакой по склону холма и увидел стадо овец, мирно пасущихся в лучах закатного солнца. Взрослые овцы паслись по всему склону, а ягнята, как дети, играли вместе поблизости. Моя собака находилась рядом со мной и не представляла для них угрозы. Но, когда мы подошли ближе, нас заметили некоторые взрослые овцы, которые начали тревожно блеять. Через секунду все овцы начали звать своих ягнят, которые бросились врассыпную на голоса своих матерей, чтобы оказаться в безопасности рядом со взрослыми. И затем все овцы собрались в плотную группу на дальнем конце склона, сообщая они чувствовали себя в безопасности.

Комментарий

В первой из приведенных выше двух виньеток в городском пейзаже ощущается отсутствие безопасности. Страх, паника и соблазн денег передаются резонансными деталями визуальной информации. Во второй виньетке в описании поведения привязанности у овец ключевой сигнальной системой снова является резонанс. Резонанс тревожного сигнала прекращает игру ягнят, которые бросаются к матерям на звук резонирующего призыва. В сельской местности среди овец тревога и стремление к безопасности передаются резонирующими оттенками голосовых сигналов, и у ягнят возникает ощущение безопасности, когда они находятся рядом со своими матерями, а у матерей — когда они сбиваются в плотную группу. Слово «резонанс» запечатлевает подробности и экспрессивный характер процессов, разворачивающихся в обоих случаях, где они принимают относительно простую форму для включения систем сигнализации.

Резонанс и валентность: сложный резонанс

Мы можем отличить сигнальный или простой резонанс от его более сложной формы, а также отличить наблюдаемый резонанс от бессознательного. В следующей виньетке описывается, как «раны травматического опыта говорят без слов».

Виньетка 10.8

Сложный резонанс. Раны травматического опыта говорят без слов

Во вновь образованной группе беженцев, ограниченной по времени, родные языки участников были разными, но все мы говорили на английском. Однажды речь зашла о языковых трудностях. Участники беспокоились, сможем ли мы понимать друг друга. Один из участников сказал: «С языком проблем нет. Травмированные люди говорят на своем языке. Мы общаемся друг с другом, как глухие, без слов и без слуха. Наши переживания говорят друг с другом. Раны могут говорить. Если ты был ранен, тебе не нужны уши, чтобы слышать. Мы говорим с помощью своих знаков».

Комментарий

Благодаря принципам сходства, которые помогли образовать связи, с помощью которых участники идентифицировались друг с другом, и создать сплоченность, эта группа представляет собой арену для сильного резонанса. Эти паттерны резонанса по форме намного сложнее, чем более простые сигнальные системы, описанные выше. Назовем это *сложным резонансом* и отметим, что он может принимать наблюдаемую, видимую форму. По мере того, как участники будут становиться свидетелями историй друг друга, эти резонансные ассоциации будут способствовать сплочению группы. Но впоследствии резонанс может принять и бессознательную форму по мере того, как в группе *резонансным паттерном* обвинения, отвержения и бегства бессознательно создается «козел отпущения». Сам «козел отпущения» вносит важный, но бессознательный вклад в этот процесс. Значительная часть работы, связанной с переходом от отношенческого через рефлексивный к репаративному опыту, относится к локализации резонансных паттернов, вызывающих бессознательное беспокойство, и их переводу в наблюдаемые формы, которые поддаются сознательному и рефлексивному анализу, как описано ниже.

**Резонанс и валентность:
наблюдаемый и бессознательный резонанс**

Эти термины используются для различения форм резонанса. Некоторые его формы сразу же становятся очевидными, они открыты для наблюдения и поддаются описанию. Есть и другие формы, которые возникают практически мгновенно, но они невидимы и мало предсказуемы, потому что функционируют на глубоко скрытых бессознательных уровнях. Я разработал базовый набор принципов, в соответствии с которыми можно различить простые формы резонанса (сигнальный резонанс) и более сложные, полностью сформированные эмоциональными гештальтами, которые лежат в основе человеческих взаимоотношений. Таблица 10.3 описывает различия между этими двумя видами резонанса. Оба могут возникать сознательно (то есть поддаваться наблюдению и описанию) или бессознательно.

В групповой терапии благодаря контейнированию посредством сеттинга создаются безопасные условия, в которых можно выдерживать регрессию и использовать ее, чтобы придти к приносящим об-

Таблица 10.3

Резонанс: простой, сложный, наблюдаемый, бессознательный

	Наблюдаемый	Бессознательный
Сигнальный, или простой	К наблюдаемым формам простого резонанса относятся прямые сигнальные системы и открытые формы коммуникации на отдельные темы, такие как угроза, тревога и безопасность	К бессознательным формам сигнального, или простого, резонанса относится обсуждение отдельных тем, таких как тревога, безопасность или сексуальность, когда коммуникация не является ни открытой, ни прямой, а, в основном, непосредственной и неожиданной
Сложный	К наблюдаемым формам сложного резонанса относятся эмоциональные гештальты, которые часто полностью сформированы и носят глобальный характер и приводят людей в открытые и очевидные отношения друг с другом и их эмоциями, в том числе симпатии/антипатии, принятие/отторжение, желание/ненависть	К бессознательным формам сложного резонанса относится все, что указано в поле слева, но между людьми резонанс в этих формах проходит по скрытым, завуалированным, неуставленным или невидимым каналам

легчение результатам. В виньетке 10.9 обсуждается ситуация в группе, когда цепь непредвиденных событий, запущенных нарушением предсказуемого контейнирования в ее границах, привела к вызывающему беспокойство и напряжение резонансу, который в описываемый момент вызвал сгущение тревоги. Позднее это было удачно использовано в терапевтических целях. Одна из участниц имела южноафриканские корни, и после того, как группа испытала беспокойство и напряжение, и когда участники делились своими ассоциациями в ходе репаративного обсуждения, она рассказала, как она была потрясена разлукой с родиной и тем, как много ей еще нужно было узнать о своей сокровенной потребности в постоянстве. Ее слова глубоко тронули группу. Она упомянула книгу, изданную на ее родине много лет назад. Название этой книги, «Близость — это королевство утраченного», перекликалось с духом исцеления, в котором продолжала работать группа.

Виньетка 10.9

«Близость — это королевство утраченного».

Женщина, которая обнаружила новичка в своей группе.

Резонанс, сгущение и усиление в ходе терапии

Одна моя коллега рассказала во время супервизии о медленно открытой группе, которую она вела. В этой группе одна участница пришла на сессию с небольшим опозданием и неожиданно для себя обнаружила в группе нового участника. Группа была предупреждена о приходе нового участника, но опоздавшая женщина отсутствовала на предыдущей сессии и не знала об этом. Когда она обнаружила незнакомца, она впала в панику и расстройство и набросилась на ведущую: «Как ты могла так ранить меня?» — и тут же собралась сбежать. Ведущая постаралась успокоить ее и, обратившись к ней по имени, объяснила, что произошло, и заверила ее, что ее место в группе никто не займет. Уровень тревоги в группе снизился и, пока женщина продолжала плакать, ведущая, сидевшая рядом с ней, начала взаимодействовать с остальной частью группы. Группа была контейнирована, контейнирование сообщило некоторую уверенность до этого молчавшему, но столь же встревоженному новичку, и сессия подошла к концу. И только несколько недель спустя участники начали исследовать ряд ассоциаций, связанных с беспомощностью и нарушением границ. Позже супервизантка сообщила мне о том, как в ходе обсуждения участники группы наконец-то подступились к более пристальному рассмотрению этих вопросов. Чтобы обрести утешение и безопасность, они вспомнили сказку «Златовласка и три медведя» и вопрос оттуда «Кто спал в моей кроватке?». Несколько участниц были жертвами сексуального насилия, включая изнасилование и инцест, и, хотя катализатором произошедшего послужило граничное событие, которое на самом деле никогда не случилось бы, вся ситуация была удачно использована в терапевтических целях.

Комментарий

Когда я попросил супервизантку рассказать о том, что позволило ей успешно преодолеть кризис, она сказала, что ей помог только ее собственный материнский инстинкт и воспоминание о том, как она сама много лет назад научилась успокаивать испуганного ребенка. По ее

словам, в тот момент она даже не думала о Винникотте и успешно справилась с ситуацией благодаря простой форме бессознательного резонанса, который возник в ней как в матери семейства.

Опоздавшая участница группы столкнулась с чем-то неожиданным, и визуальная информация послужила для нее сигналом тревоги. Когда ее тревога усилилась, беспокойство и паника передались группе и ведущей. Ведущая отказалась от любых попыток терапевтического дискурса с группой и вступила в терапевтический диалог с паникующей женщиной, обратившись к ней по имени, успокаивая ее, произнося слова, ассоциирующиеся с безопасностью, и тем самым обеспечила ей контейнирование. Только после этого ведущая переориентировалась на то, чтобы возобновить групповой дискурс, включить в него новичка и при этом обеспечивать безопасность для наиболее встревоженной участницы, которая все еще сидела рядом с ней.

Все эти взаимодействия регулировались резонансом как проводником эмоций. Бóльшая часть происходящего здесь резонанса видна и открыта для описания. Мы можем назвать это *наблюдаемым резонансом*. Мы постоянно отмечаем его присутствие в наших группах и видим, как он возникает в ходе вербальной и невербальной коммуникации участников. Но резонанс может принимать и другую форму, не поддающуюся описательному изображению, которую можно назвать *бессознательным резонансом*. Именно это вызвало такую бурную реакцию у опоздавшей участницы — ошеломляющее воздействие чего-то, что пробудило глубокие первобытные эмоции, — и это также помогло ведущей разрешить ситуацию при помощи контейнирования. Бессознательный резонанс также происходит между нами все время, и он может становиться заметным. Процесс превращения невидимой группы в видимую посредством локализации и перевода обсуждается в главе 17. Вне терапевтического сеттинга мы можем увидеть действие бессознательного резонанса, когда в различных групповых ситуациях люди с безошибочной точностью выбирают друг друга с помощью положительной или отрицательной валентности, часто еще до того, как будет сказано что-либо, что могло бы определять их выбор. В нашей книге мы будем использовать понятия «резонанс» и «валентность» как взаимодополняющие, чтобы определить влияние, которое индивиды оказывают друг на друга в межличностных ситуациях.

Отзеркаливание: как это работает?

В таблице 10.4 приводится схематичное описание различных форм отзеркаливания, которое создано на основе современной группаналитической литературы.

В таблице 10.4 представлены семь форм отзеркаливания, с которыми я чаще всего сталкивался в своих группах и с которыми читатели этой книги с большой вероятностью столкнутся в своих группах. Каждой из этих форм соответствует отдельная пронумерованная цифрами от 1 до 7 строка, и в столбце В перечислены их названия: имитационное отзеркаливание, которое у взрослых принимает форму моделирования, а затем эмпатическое, контрастное, конфронтационное, противоположное, проективное и злокачественное отзеркаливание. В столбце С приводятся отличительные *качества*, соответствующие каждой форме отзеркаливания, они варьируются от присоединения до привязанности, затем обеспокоенности, вызова, враждебности, искажения и деструктивности. Каждому качеству отзеркаливания соответствует *отличительное субъективное аффективное состояние отзеркаливающего индивида*. Оно указано в столбце D и варьируется от идеализации и дружелюбия, дезориентации, беспокойства, противодействия, отрицания и до затопления негативными чувствами. Каждой форме отзеркаливания соответствует *характерное восприятие другого индивида*, приведенное в столбце E, которое варьируется от привлекательности до вовлеченности, обескураженности, антипатии, противопоставления, слепоты и ненависти. И наконец, в столбце F приводится набор *вероятных последствий для межличностного процесса*, которые будут характеризовать фигурацию группы в каждый момент времени. В изменчивой динамике группового процесса различные фигурации будут дополнять, фрустрировать или заменять друг друга. Если мы посмотрим на столбец F, то получим представление о том, какой могла бы быть жизнь группы в любой момент времени, когда одна, несколько или все эти формы будут проявляться последовательно или даже одновременно.

Всестороннее рассмотрение работы с динамиками процесса. Заключительная иллюстрация

Этот рассказ о том, как в группе возникает арена для резонанса. Взаимный обмен порождает *общую зону*, о которой говорилось в главе 4.

Таблица 10.4

Семь форм отзеркаливания и вытекающие из них групповые динамики (переработка таблицы 1.2: Pines, 1982, 1998, p. 31)

A	B	C	D	E	F
	Форма отзеркаливания	Качество отзеркаливания	Субъективное состояние индивида, который отзеркаливает	Восприятие другого	Влияние на межличностный процесс и динамики процесса в группе
1	Имитационное или моделирующее	Присоединение (адгезивное)	Идеализация	Привлекательность, конструктивность, валидация	Вовлеченность, близость, симпатия
2	Эмпатическое	Связь/привязанность	Дружественность, обогащение	Приятие, конструктивность, привлекательность	Сонастройка, признание, идентификация
3	Контрастное	Озадачивающее	Дезориентация, озадаченность, сумбур	Обескураживающее различие	Пробуждение любопытства и рефлексии
4	Конфронтационное	Бросающее вызов	Гнев, фрустрация	Антипатия – давление на другого с целью, чтобы он изменился	Дистресс, тревога, мотивация к изменениям, оппозиция или принятие
5	Противоположное	Враждебное	Противостояние	Противоположность	Конфликт
6	Проективное	Искаженное	Отрицание/диссоциация	Неотражаемый (невозможно увидеть)	Объявление козлом отпущения другого, который не принимается и опасно похож на меня
7	Злокачественное	Деструктивное	Заполненность чувствами другого	Ненависть по отношению к тому, что я вижу в другом	Нападение на неприемлемого другого, который отвергается потому что слишком сильно напоминает ненавидимого меня

В ходе свободно текущей дискуссии высказываются спонтанные ассоциации отдельных участников о расхождениях в понимании потребностей в близких отношениях, то есть о том, о чем мы изначально говорили на этой сессии.

Виньетка 10.10

*История о четырех соединенных пальцах,
символизирующих партнерство.*

Всестороннее рассмотрение динамик процесса в ходе терапии

Сэм описывает дилемму в отношениях со своей новой девушкой: он не может понять, это что-то, что происходит между ними, или дело в нем самом. Он проявляет инициативу в отношениях, задает им темп и более внимателен к девушке, чем она к нему. Три дня назад, когда они возвращались из короткого заграничного отпуска, он надеялся, что подружка останется на ночь у него дома. Она знала, что он не может ночевать у нее из-за того, что ему нужно было забрать свою собаку у соседа. Ее решение ночевать у себя дома означало, что по возвращении они будут порознь, и он опасался, что она этого и хочет. Сейчас он был уверен, что она хочет остаться с ним вечером, но даже в этом случае, поскольку она изначально запланировала другие дела, она придет намного позднее, чем было бы удобно для обоих.

Комментарий

Опираясь на то, что участники группы уже знают о Сэме, можно сделать вывод, что он оказался в сложном положении, как бы на месте его предыдущей девушки, а нынешняя девушка — в менее доступной позиции, подобной той, которую он занимал в прошлых отношениях. Используя язык музыковедения, мы можем рассматривать это как главную тему группы или, на языке Элиаса, как нашу фигурацию. Участники группы не только включаются в конструктивное и заинтересованное исследование проблем Сэма, но и обсуждают свои собственные проблемы, имеющие отношение к этой главной теме, а именно *рассогласованности потребностей в близких отношениях, искажающей взаимность*. Так работает резонанс. Сэм присоединился к группе полтора года назад, когда его отношения с бывшей партнершей входили в штопор, и он никак не мог найти правильного решения. Он стал час-

тью группы, но отношения с девушкой в конце концов закончились разрывом. Она осталась одна, а Сэм, потерянный и сбитый с толку, остался в группе. С тех пор он чувствовал, что отдалился от других людей. А недавно у него начали развиваться новые отношения, и участники группы радовались за него.

Главная тема задает соответствующие нарративы другим участникам, и тогда возникают другие, дифференцированные темы: кому сколько требуется близости? кому требуется больше или меньше близости, чем партнеру? каким образом следует договариваться о степени близости? Общая зона охватывает главную тему группы, текущую фигурацию, которая затем разбивается на ряд других связанных тем, каждой из которых соответствуют родственные, но разные истории. Резонанс порождает общую зону, которая в данном случае связана с близостью. Повествования участников развиваются не так, как они здесь описаны — в качестве отдельных выступлений, а накладываются друг на друга. В ходе насыщенного обмена один говорит то, что улавливает другой, а третий затем связывает это с собой или с четвертым участником. Повествование является не линейным, а прерывистым и интерактивным, и в ходе обсуждения возникает арена для резонанса, который создает общую зону.

Виньетка 10.10 (продолжение)

Грейс в свою очередь рассказывает нам о своей настоятельной потребности. Недавно она возвращалась из заграничной командировки и, застряв в промежуточном аэропорту в ожидании стыковочного рейса, она думала о том, как вернется домой к партнеру, который, как она знала, будет в тот момент в подпитии. Работа, которую она проделала в группе, помогла ей бросить пить, и, наконец, она даже отказалась от сигарет, но тут она не смогла удержаться от покупки одной пачки. И, когда несколько часов спустя, она вернулась домой, она уже всю курила.

Триш рассказывает нам, как она поехала к своему парню в Кардифф, познакомилась с его родителями, почувствовав поддержку, заботу и уважение. После того как они вернулись в Лондон, он снова пригласил ее поехать к родителям на следующие выходные, но ей хотелось побыть дома, и она отказалась. Она волновалась о том, что разочаровала его и с тех пор они мало общаются. Она связывает свою озабо-

ченность с ситуацией Сэма и предлагает ему сравнить его потребность с более насущной потребностью его девушки побыть дома одной.

Сэму это отзеркаливание не помогает. Он не обращает внимания на слова Триш и всецело вовлечен в свой рассказ о неудовлетворенных потребностях. Его переполняет страх, что его новые отношения могут разрушиться. Триш начинает плакать и говорит, что ей просто грустно за него.

Гвен говорит ему, что слезы Триш могут быть зеркалом, в котором он сможет увидеть ответ на вопрос, который он задал нам ранее. Дилемма в нем самом или между ними? Гвен говорит, что теперь понятно, что все происходит внутри него. Теперь, когда он наконец-то находится в отношениях с девушкой, которую, в отличие от предыдущих партнеров, он может полюбить и которая достойна его любви, он наконец может заглянуть внутрь себя и понять, чего ему не хватает в самом себе.

Сэм плачет, и это свидетельствует о том, что она близка к истине. Он рассказывает о своей матери с ее бесконечно неудовлетворенными потребностями, которая постоянно требовала эмоциональной поддержки и в то же время делала вид, что она устала поддерживать его. Он называет ее поведение «пропагандой» и понимает, что из-за этого он не признает свою потребность в любви женщины или то, что женщина может нуждаться в нем.

А теперь **Гвен** рассказывает нам, как она на днях гуляла со своими маленькими детьми, дочерью семи лет и сыном пяти лет, и, наблюдая за их игрой, думала о том, как сильно их любит. Она смотрела на них, видела радость и веселость своих детей, которые жили полной жизнью, и она понимала, что они никогда не полюбят ее так, как любила их она. Она боялась, что ее потребность в их любви эгоистична.

В ответ **Джоанна** говорит, что если бы муж Гвен пошел ей навстречу, ей не понадобились бы дети, чтобы заполнить пустоту в ее семье. Джоанна до сих пор молчала, но сейчас откликнулась и сказала, что она беспокоится о том, что если Сэм со своей проблемной потребностью будет преследовать свою девушку сейчас, когда они только знакомятся друг с другом, он ее потеряет. Она очень хорошо помнит, как это было у нее с партнером, который расстался с ней по этой причине. Она предлагает Сэму рассказать группе о своих потребностях и поберечь силы его девушки, и тогда, возможно, их отношения могут наладиться.

Майкл говорит, что все это очень хорошо, но собирается ли она пойти к нему домой и провести с ним те долгие ночи, когда рядом с ним

не будет его девушки? Участники смеются, но, несмотря на всеобщее веселье, мы видим, что Сэм и Триш плачут.

Ведущий спрашивает, о чем эти слезы.

Триш говорит, что ей грустно из-за того, что ей кажется почти неизбежным то, что Сэм снова все испортит.

Сэм говорит, что вспоминает историю, которую ведущий рассказывал несколько недель назад. Эта история касалась публикации одного психотерапевта об интернализации. Автор пишет, что, если мать всецело посвящает себя ребенку и младенец получает от нее заботу и питание, ребенок, который изначально находился в лоне матери, теперь может найти хорошую мать внутри себя. Сэм говорит, что у него внутри нет такой «хорошей матери».

Дальше **Сэм** говорит, что рядом с его требовательной и жалующейся матерью у него никогда не было подобного опыта. Долгие годы его неуверенность в себе либо не позволяла ему сблизиться с потенциальными партнершами, либо сводила его с людьми, гораздо более незащищенными, чем он сам. Сейчас он впервые находится в отношениях с девушкой, в которую он влюблен по уши. Он боится, что он уже «облажался» и что она уйдет от него.

Грейс спрашивает Сэма, сможет ли он сегодня вечером рассказать своей девушке что-нибудь, вообще что-нибудь, о том, как мы в группе работаем над этими проблемами. **Я** хотел бы рассказать ей, отвечает он, но она придет так поздно, что у нас останется время только на то, чтобы лечь в постель, а затем, я надеюсь, мы будем заниматься более важными делами. Группа смеется, и это трогает всех, а у Сэма и Триш на глазах выступают слезы.

Комментарий

В этой фигурации отзеркаливание происходит в отношенческом, а не в рефлексивном измерении. Сэм настолько охвачен тревогой, что не может увидеть потенциал отзеркаливания в истории Триш — он не видит, что Триш благосклонно относится к тому, что ее парень нуждается в ней больше, чем она в нем, и поэтому она может выдерживать чувства Сэма и ободрять его. Несмотря на то, что мы пытались объяснить ему это, он не понимает, что «законная» потребность Триш в «отдыхе» от отношений является отражением возможной доброжелательности его подруги по отношению к нему. Когда Сэм обращается

к процессу одной из предыдущих сессий, его размышления на эту тему возвращают рефлексию группы к его собственной истории, и этот процесс — выявление ранней травмы — становится второй темой или фигурацией группы. В группе сложилась зрелая, крепкая и помогающая культура матрицы. Никто из участников не является исключенным, не ведет себя навязчиво, не тратит зря время других и не истощает ресурсы группы. Группа воспроизводит состояние сбалансированной взаимности, в котором работают и инсайт, и аутсайт. Некоторые участники группы стремятся к этому и в своих отношениях вне группы. Через неделю мы встретимся на следующей сессии.

Виньетка 10.10 (продолжение)

Триш говорит нам, что она думала о Сэме, и спрашивает группу, видели кто-нибудь фильм «Дети тишины»*, в котором говорилось об отношениях между молодой женщиной с нарушением слуха, которая выросла в интернате и сейчас работает там же в качестве уборщицы, и старшего преподавателя. Она говорит, что это напомнило ей о Сэме и его проблемах, а также о ее собственных проблемах. По ее словам, в фильме ни один из главных героев не умел поддерживать баланс взаимности, который возник у нас в группе на прошлой сессии и который необходим для настоящих отношений. Сейчас Триш уже понимает что-то в таких вещах и волнуется о том, что она и ее новый парень попали в ту же самую ловушку, что и Сэм. Но сейчас все участники этих отношений постепенно становятся сильнее, и это, по ее словам, происходит благодаря тому, чему она научилась в группе, и благодаря тому, что она узнала про открытые системы. Участники группы спрашивают, что такое открытая система, но она затрудняется дать определение. Она наткнулась на это в одной книге и теперь рассказывает нам, как это выглядит. В качестве иллюстрации она использует символ из языка жестов, который она видела в фильме. Партнерство выражается жестом, состоящим в удерживании большого и указательного пальцев одной руки в замкнутом кольце таких же двух пальцев другой. Триш показывает нам этот знак, и мы все видим открытую систему в действии: руки действуют независимо друг от друга. Вместе с этим, связь, которую описывает одна рука, зависит от свя-

* Оригинальное название фильма — «Children of a Lesser God».

зи, которую описывает другая рука. По словам Триш, это символ добровольного, а не тревожного удерживания, и она очень хочет иметь именно такую связь со своим новым парнем. И нам кажется, что это возможно.

Комментарий

Терапевтическое действие динамики процесса происходит благодаря позиции ведущего. Ему необходимо лично отреагировать на эту динамику в отношенческом измерении, а затем углубиться в рефлексивное исследование, которое со временем может привести к исцелению. Динамика процесса позволяет разворачиваться опыту участников и обеспечивает взаимодействие этого опыта, в результате чего возникают факторы, стимулирующие продвижение в различных доменах терапии. Обмен начинается на текущем уровне, когда речь идет об отношениях участников во внешнем мире. Продвижение в домен переноса группы, а затем в проективный и первичный домены управляется динамиками процесса. Сонастройка ведущего по отношению к группе сохраняет динамики различных областей группы открытыми друг для друга. Принципы локализации и перевода, более подробно описанные в главе 17, помогают установить в группе связи, определяющие проблематику жизни за пределами группы, и превращают идентификацию с другим в понимание другого. В зрелой группе сплоченность превращается в согласованность, а стремление — в принадлежность. В части III мы будем рассматривать ключевые домены, каждому из которых посвящена отдельная глава. Сначала мы изучим четыре домена, или четыре уровня, группы, затем перейдем к переносу и контрпереносу, а затем к превращению стремления в принадлежность. Процесс должен оставаться свободно текущим и волнообразным с тем, чтобы общая зона была открытой для всех участников в общем переживании обсуждаемой темы. Это позволяет перемещаться между различными доменами, так что с текущего уровня можно заглядывать в более глубокие области переноса. А затем проективная динамика может завести анализ в первичный или архаический домен, поскольку символический регистр предоставляет мутативные метафоры, например, знак партнерства, которые работают на изменение.

Примечания

1. Эта работа была впервые представлена в апреле 2014 года на интенсивном учебном мероприятии Института группового анализа в Лондоне. Выражаю признательность Саре Такер, Линде Уоттон и другим сотрудникам и студентам за их комментарии, которые помогли придать этой публикации ее нынешнюю форму.
2. Термин «сигнальный резонанс», предложенный в этой книге, опирается на введенное в 1926 году Фрейдом понятие «сигнал тревоги» и призван служить сходной цели, а именно отличить эту простую форму резонанса от более сложных форм, встречающихся в отзеркаливании и сгущении (Freud, 1926).

Литература

- Agazarian Y., Peters R. (1981). *The Visible and Invisible Group*. London: Routledge.
- Barsade S. (2002). The ripple effect: Emotional contagion and its influence on group behavior // *Administrative Science Quarterly*. V. 47 (4). P. 44–675.
- Berger M. (2012). The Dynamics of Mirror Reactions and Their Effects on the Analytic Group // J. Kleinberg (Ed.). *The Wiley-Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 97–216.
- Berman A. (2013). Resonance Among Members and Its Therapeutic Value in Group Psychotherapy // J. Kleinberg (Ed.). *The Wiley-Blackwell Handbook of Group Psychotherapy*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 187–196.
- Bion W. (1961, reissued 2000). *Experiences in Groups*. London: Routledge.
- Brown D. (1994, 2000). Self-development through subjective interaction: A fresh look at Ego training in action // D. Brown, L. Zinkin (Eds.). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Farrow T., Woodruff P. (2012). *Empathy in Mental Illness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.

- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles*. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1977, reissued 1990). On the Concept of Resonance // L. Wolberg, M. Aaronson (Eds). *Group Therapy: An Overview*. New York: Stratton Intercontinental Books. P. 52–58; E. Foulkes (Ed.). *Selected Papers: Psychoanalysis and Group Analysis*. London: Karnac. P. 297–305.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Freud S. (1926). Inhibitions, symptoms and anxiety // S. E. 20. P. 87–172.
- Harwood I., Stone W., Pines M. (Eds) (2012). *Self-Experiences in Group Revisited: Affective Attachments, Intersubjective Regulations and Human Understanding*. New York–London: Taylor & Francis.
- Hobson R. F. (1971). Imagination and Amplification in Psychotherapy // *Journal of Analytical Psychology*. V. 16 (1). P. 79–105.
- Laplanche J., Pontalis J.-B. (1983). *The Language of Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Lévi-Strauss C. (1949, reissued 1977). *Elementary Structures of Kinship*. Boston, MA: Beacon Press.
- Lewis T., Amini F., Lannon R. (2000). *A General Theory of Love*. New York: Vintage.
- Mitchell S. (2000). *Relationality: From Attachment to Intersubjectivity*. Harvard: Academic Press.
- Nitsun M. (1998). The Organizational Mirror: A Group-Analytic Approach to Organizational Consultancy // *Group Analysis*. V. 31 (3). P. 245–267.
- Pines M. (1982, 1998). Reflections on Mirroring: Sixth Annual Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 15 (Supplement); *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley. P. 17–39.
- Pines M. (2015). *Collected Papers*. London: Routledge.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in it for me? The development from immature to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Zinkin L. (1994, reissued 2000). Exchange as a Therapeutic Factor in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley. P. 99–117.

Глава 11

Содержание

Основные вопросы, связанные с повествованием, дискурсом и голосом символа

Миры создаются словами, а не только молотками и проводами... Терапия — это один из способов оживить воображение и развить его. Любая терапия — это своего рода упражнение на воображение. Вобрав в себя устные традиции рассказывания историй, терапия восстанавливает жизнь.

(Hillman, 1983, p. 46–47)

Недостаточно быть свободным*
От кнутов, от власти князей и держав
Где твое царство Слова?..
Дайте мне слова, чтобы я мог изменить будущее
Подобно руке целителя.

(Brathwaite 1988, p. 65, 67)

Ведущий должен опережать своих пациентов... в слушании (того, что Гротьян назвал) «голосом символа»... терпеливо ждать, пока они догонят его, осторожно помогая... но больше беспокоясь о том, что блокирует понимание группы.

(Foulkes, 1975; 1986, p. 132)

Башляр пишет: «Прежде чем взволновать поверхность, образ достиг глубин»**. Он сжато выразил то, [чему]... мы медленно

* Подстрочный перевод.

** Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.

учились... предпринимая попытки проводить психотерапию психотических, пограничных и психопатических пациентов. Важность ассоциативной чувствительности не ограничивается клиническим применением... Она усиливает любое глубокое человеческое взаимодействие... Образ может надежно сохранять в себе опыт, который был слишком болезненным, слишком хрупким или слишком раздробленным, чтобы выдержать анализ... Этот образ, активированный метафорой, может быть пространством для исследования или структурой для поддержки.

(Cox, Theilgaard, 1987; 2003, p. xiii)

В этой главе мы обсудим терапевтические принципы систематической работы с содержанием рассказов участников в ходе их повествований, драм и взаимодействий в группах¹. Список виньеток, приведенный в начале этой книги, демонстрирует, с какими вызовами сталкивается ведущий, когда он пытается максимально использовать тот материал, который предоставляют участники, вовлекаясь в работу. Слова, которые выбирают участники, демонстрируют их терапевтический опыт как с точки зрения глубинных смыслов, так и с точки зрения значимости для них.

Участники группы могут обсуждать прошлое, настоящее или будущее, свои проблемы во внешнем мире или свои отношения друг с другом. Общение в группе бывает многословным, активным и шумным. Также группа может впадать в странное и, казалось бы, нежелательное молчание — участники могут вообще не разговаривать! Разговорчивым может быть только один участник, или могут возникать подгруппы общения между, скажем, новичками и теми, кто давно пребывает в группе, или между мужчинами и женщинами. Это может быть продолжительный монолог одного встревоженного человека или диалог между отдельными участниками либо подгруппами, или свободно текущий и ненаправляемый дискурс. Общение бывает добрым, конфронтационным, исследовательским или взрывным. Настрой может быть успокаивающим, бесцельным или полным отчаяния. Участники могут обсуждать утраты, сексуальность, одиночество, выздоровление, дружбу или все это вместе. Тематика обсуждения меняется от рассказов о жизненных трудностях участников, непереработанном горе, недавнем опыте трений в группе до рассказов о тревожных или успокаивающих снах и повторяющихся мечтах или фантазиях.

То, что значимо во внешнем мире, перерабатывается, чтобы стать частью значимого во внутреннем мире. Если процесс носит терапевтический характер, внимание группы необходимо будет переключить с проблем, о которых говорят дома и на работе, в городах или в мире в целом, на то, что вызывает проблемы в пространстве группы и у индивида в группе. По мере того как группа движется по спирали роста и развития, выявляя скрытую, но активную группу, работающую внутри каждого участника, именно здесь обнаруживаются необходимые решения. Рефлексия и репарация, возникающие в ходе работы, приводят участников к контакту с миром, открывшемся внутри группы и с группой, открывающейся внутри каждого участника. Терапия направлена на то, чтобы определить место приложения активности участников, в ходе которой они могут взять на себя ответственность за то, что разворачивается в группе. Это может быть спор, избегание, конфликт, взрыв эмоций, поток слез или встреча с чем-то животворным и обновляющим, что могут приносить в группу как говорящие, так и молчащие участники.

По мере того как разворачивается групповой дискурс, язык группы и образы возникают сами собой, и, как сообщает Кокс в приведенной выше цитате, «образ может надежно сохранять в себе опыт, который был слишком болезненным, слишком хрупким или слишком раздробленным, чтобы выдержать анализ».

Профессиональная литература о содержании групповой работы. История понятия и его связь с теорией дискурса

Работа с повествовательным и драматическим содержанием, часто рассматриваемая как отличительная черта группаналитического подхода, за некоторыми исключениями слабо освещена в профессиональной литературе, несмотря на ее важность. Знаковыми для этой области знаний стали публикации Кокса, отражающие результаты его многолетних исследований. Моя статья «Язык группы. Монолог, диалог и дискурс в группанализе» приведена в исходной форме в этой книге в главе 4. В ней мы исследуем свободно текущую дискуссию и обсуждаем основные вопросы места, роли и значения языка в контексте его трех основных форм: монолога, диалога и дискурса. Идеи, изложенные в главе 4, опираются на теорию отношений и проводят различие между психологией одного, двух и трех человек, каждая из которых связана с одной из трех языковых форм группы.

Публикация Войцеховской также является одной из первых работ в этом направлении, и сегодня мы уделяем более пристальное внимание изучению языка в наших группах (Wojciechowska, 1993). Помимо исследований уже упомянутых речевых форм — монолога, диалога и дискурса, — существуют другие изыскания в этой области группанализа. К ним относятся работы фон Фраунгофер (von Fraunhofer, 2008), Брукс (Brooks, 2009), Воттон (Wotton, 2012), Веребес-Байса (Verebes-Weisz, 2011), Левенс (Levens, 2011), Рэйфилд (Rayfield, 2013), Тайерман (Tyerman, 2012), Вайнштейн (Wainstein, 2013), Пелега (Peleg, 2012) и других авторов, и только некоторые из них были опубликованы. Помимо группового анализа существуют многообещающие и более широкие исследования в области теории поля, языка и метафор в психотерапии. Особо выделяется ценный вклад Монтаны Кац и ее коллег в изданном под ее редакцией сборнике, в котором Моделл развивает взгляды Винникотта на переходный процесс (Katz, 2013; Modell, 2013). Мы остаемся на начальных этапах создания общих принципов, с помощью которых можно анализировать и исследовать содержание обмена и целенаправленно связывать его через его фигуры со структурой и процессом.

Разграничение измерений структуры, процесса и содержания условно. Содержание работы группы не будет терапевтически продуктивным, если оно не будет помещено в контекст продуктивной работы в двух других измерениях. Метафоры становятся терапевтически *мутативными* только при наличии «основы и узора» — структуры и процесса. Свободно текущая дискуссия развивается через взаимодействие повествования и драмы, рассказа и обмена, реконструкции и встречи. Дискурс описывает передачу мыслей посредством речи, обмен между говорящим, слушающим и тем, что рассказывают, то есть отношения между рассказчиком, слушателем и историей. Язык группы — это форма поведения в группе, способ обращения к опыту, переживаемому в группе и за ее пределами, и способ трансформации этого опыта. Использование теории дискурса в отношении свободно текущей дискуссии придаст новую глубину клинической работе, если мы сосредоточим внимание на шести простых вопросах, приведенных на рисунке 11.1. Впервые эти вопросы были представлены в главе 4. По мере того как ведущий переосмысливает динамику группы, участники осваиваются в этом процессе, задавая себе следующие вопросы: «Кто говорит? С кем он говорит? О чем он говорит, то есть о чем идет речь? Что не сказа-

но?». В этой главе мы добавим еще два вопроса: «Должен ли ведущий вмешиваться в какой-то из этих моментов? Если да, то каким образом?».

Основные вопросы, касающиеся языка и невербальной коммуникации

Тайерман, в свою очередь, применила эти вопросы к невербальной коммуникации в группе и предложила четыре вопроса, которые представлены в таблице 11.1. Она расширяет их следующим образом.

В рамках понимания процесса перевода в групповой терапии я хочу предложить, чтобы ведущий помогал группе осмысливать невербальную и телесную экспрессию с помощью видоизмененных вопросов, изначально сформулированных Шлапоберски.

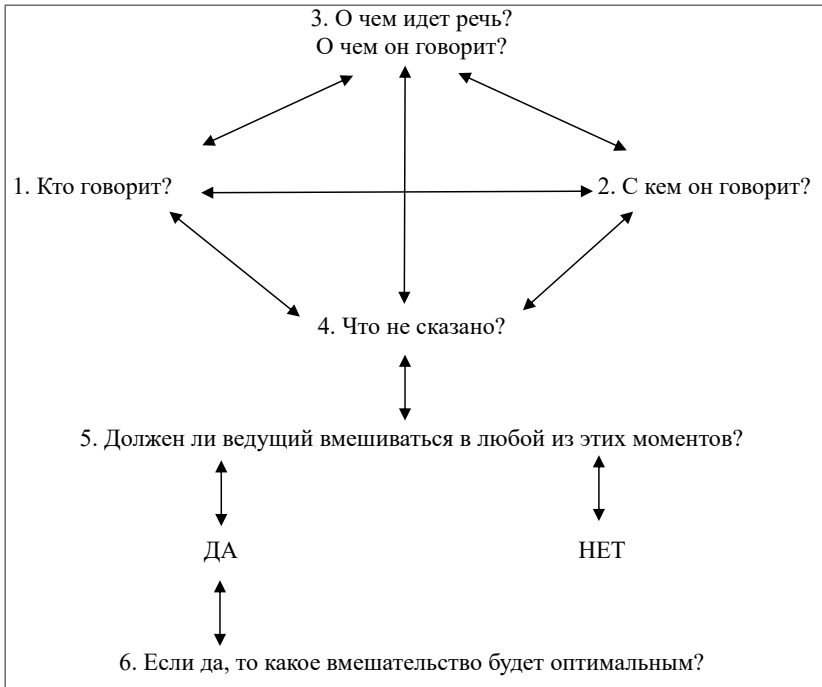


Рис. 11.1. Шесть вопросов о языке группы

Таблица 11.1

Четыре вопроса, относящиеся к невербальной коммуникации
(Tuerman, 2013, p. 14)

1	Кто участвует в коммуникации, происходящей в телесной или другой невербальной форме?
2	Кто наблюдает за этой коммуникацией?
3	Что выражается посредством этой коммуникации?
4	Что остается скрытым?

Этими динамическими вопросами можно руководствоваться по ходу работы с терапевтическими проблемами, которые описаны ниже.

Терапевтические вызовы ведущему

Ведущий сталкивается с рядом важнейших проблем, когда превращает тематический и нарративный анализ в терапию. Они изложены в таблице 11.2.

Сначала ведущий должен стимулировать повествование и обеспечить в его ходе встречу участников, чтобы они могли найти свой голос, обрести уверенность, необходимую для самовыражения, а затем разобраться в том, в каком положении по отношению друг к другу они оказываются по мере того, как их истории взаимодействуют и пересекаются. Во-вторых, исследовательский дух, внедряемый в группе ведущим, последовательно способствует тому, что задача анализа становится общей для всех, и участники погружаются в рассмотрение повествования и тематического развития группы. В-третьих, ведущему необходимо способствовать кристаллизации общей темы группы, часто путем наведения «мостиков» между рассказами участников, особенно когда это не происходит само по себе, и этот процесс становится предметом наблюдений для группы как целого. В-четвертых, ведущий должен дать группе возможность свободно перемещаться по модальностям времени и места между прошлым, настоящим и внешним миром, и тогда он может постепенно переносить переживания в динамическое настоящее, где оно может приобретать актуальность в динамике изменений. И в-пятых, ведущий должен прислушиваться к голосу символа и обучать участников тому, как они тоже могут его услышать. Группу можно под-

Таблица 11.2

Работа с содержанием. Пять терапевтических вызовов ведущему

	Задача ведущего	Терапевтическая цель
1	Стимулировать повествование и обеспечивать в его ходе встречу участников	Способствовать взаимодействию между историями участников и их пересечению, чтобы участники могли: 1) обрести свой собственный голос и 2) определить свое положение по отношению друг к другу
2	Поддерживать в группе стремление к исследованию ее повествовательного и тематического развития	Дух исследования, внедряемый ведущим в группе, должен передаваться ее участникам. Тематический и повествовательный анализ проводится всеми участниками группы
3	С помощью наблюдений за группой как целым способствовать кристаллизации развития темы	Наводить «мостики» между тем, что говорят разные участники, особенно если это не происходит само по себе
4	Работать с модальностями времени и места, создаваемыми группой, и встраивать их в динамическое настоящее	Систематически исследовать прошлое и настоящее участников в рамках группы и за ее пределами, а затем переносить это в динамическое настоящее
5	Прислушиваться к голосу символа и обучать участников группы слышать его	В ходе исследования группового процесса мы ищем порождаемые им метафоры, и это, в свою очередь, позволяет метафорам оказывать влияние на процесс. А в движении между содержанием и процессом мы ищем связанный с этим опытом смысл

держивать в таком состоянии, чтобы ее процесс порождал метафоры, а метафоры затем влияли на процесс. В постоянном движении между процессом и содержанием постепенно будет проявляться связанный с этим опытом смысл, подобно изображению, выходящему из-под кисти художника, работающего над картиной.

В группе, работающей таким образом, развивается открытая динамика обмена между четырьмя различными ее доменами — текущим, связанным с переносом, проективным и первичным, как описано в главе 13. И поэтому, когда у участников развивается чувствительность и интерес к символическому смыслу их опыта, на первичном уровне задается плавность и глубина преобразующего воздействия работы, проделанной во всех трех других доменах. Если жизнь груп-

пы развивается таким образом, что измерения процесса и содержания начинают взаимодействовать друг с другом, тогда ее *фигурации* будут допускать динамические моменты большой интенсивности. Далее в этой главе мы будем исследовать эти пять различных вызовов, чтобы разобраться, что мы подразумеваем под фигурациями, как они возникают и как меняют жизнь людей.

Стимулирование повествования и обеспечение в его ходе встречи участников

Виньетка 11.1

Люди отзываются на голоса друг друга и рассказывают свои истории

Кэтрин, одна из участниц новой группы, обычно не очень-то словоохотлива. Она чувствует в себе отклик на происходящее в группе, но ей нечего сказать. Но поскольку события ее жизни вне группы подталкивают ее к разговору, однажды во время сессии она впервые начинает говорить с ранее не проявлявшейся настойчивостью. Содержание того, о чем она говорит, естественным образом переходит в повествование Дэвида. Они обсуждают свои дома. У нее не получается вести хозяйство, и она погрязла в беспорядке. Дэвид в прошлый раз говорил о своем ремонте, а она, отражая это, говорит о своем беспорядке. Он поддерживает эту тему и спустя десять минут он уже не дает Кэтрин вставить ни слова, а она пытается уточнить, что именно он хочет нам сказать. Остальные участники слушают их разговор, но не вмешиваются. Дэвид безуспешно пытается сказать что-то еще, и Кэтрин использует образовавшуюся паузу, чтобы поговорить о себе, а мы все наблюдаем за этим с пристальным вниманием, тем более что она так редко говорит. Затем она останавливается, обращается к Дэвиду, извиняется за то, что прервала его, и предлагает продолжить с того места, где он остановился пять минут назад. В группе кто-то смеется, и она, похоже, не понимает почему. Дэвид говорит: «Посмотри, как это происходит в группе: ты говоришь, потом я говорю, и снова ты, затем я. И любой другой тоже может что-то сказать». Он окидывает взглядом группу. Одна из участниц, Лиза, говорит Кэтрин: «Ты заговорила, и он стал говорить вместе с тобой. Затем он говорил и ты стала ему отвечать. А теперь ты извиняешься за то, что перебила его! Разве ты не видишь, что сама стесняешься говорить? Твой голос важен для нас. Не останавливайся... мы хотим слушать тебя!»

Комментарий

Кэтрин пока не верит, что ее голос важен для группы. Кажется, что она воспринимает как «угрожающее» пространство кабинета и внимание, которое она получила сначала от Дэвида, затем от Лизы, а затем и от остальной группы. Но постепенно она находит свое место среди нас и улавливает звук своего голоса. В постоянном движении между тремя речевыми формами группы — монологом, диалогом и дискуссом — участники взаимодействуют с помощью своих голосов, а затем во взаимодействие вступают и их истории. Было бы заманчиво рассмотреть динамики процесса по мере их развития, но предмет этой главы — содержание.

Шесть ключевых вопросов, способствующих встрече участников во время повествования

Теперь мы можем применить шесть основных вопросов, относящихся к языку группы, которые приведены на рисунке 11.1, к первому из пяти терапевтических вызовов ведущего.

Вопрос 1. Кто говорит?

Кэтрин и Дэвид говорят о своих домах. Кэтрин долгое время находилась в глубокой депрессии, и беспорядок в ее доме считается признаком ее подавленного настроения и беспорядочного ощущения я. Дэвид ищет партнершу, чтобы вместе с ней жить в его доме, но ни одна из его попыток отношений не была успешной, и он остается одиноким.

Вопрос 2. С кем они говорят?

Кэтрин и Дэвид через друг друга разговаривают с группой, включая ведущего.

Вопрос 3. О чем они говорят?

Если я помогу тебе с твоим домом, а ты поможешь мне с моим, поможет ли группа нам с тем, о чем мы не можем говорить?

Вопрос 4. Что не сказано?

Ответ на этот четвертый вопрос — о чем они не могут говорить — может быть найден с помощью четырех доменов коммуникации, которые представлены в главе 13.

Вопрос 5: Следует ли ведущему вмешиваться и реагировать на любой из этих четырех вопросов?

Вопрос 6: Если да, то какого рода вмешательство будет оптимальным?

Эти шесть ключевых вопросов построены на основе более ранней конструкции, описанной в главе 4, где они открывают раздел «Клинические иллюстрации».

**Варианты интервенций, основанные на использовании
четырех доменов смысла по Фуксу**

Обратимся к исследованию репертуара возможных вмешательств с использованием оригинальной фуксианской концепции четырех уровней группы, которая описана в главе 13. Там четыре уровня переименованы в домены. Здесь эта новая терминология используется, чтобы обеспечить рамку для рассмотрения вариантов работы ведущего с содержанием.

В текущем домене

Во-первых, Дэвид и другие участннки, помогают нерешительной участнице обрести голос, а во-вторых, Дэвид и Кэтрин поддерживают друг друга в их усилиях по облагораживанию их домов.

В домене, связанном с переносом

Дэвид и Кэтрин, которые живут одни и не имеют партнеров или близких братьев и сестер, «предлагают» себя друг другу в качестве «значимых других» — они обретают новую идентичность как «суррогатные» партнеры друг друга.

В проективном домене

Подобно птицам или белкам, строящим гнезда, Дэвид освобождает пространство своей домашней жизни с помощью ремонта и бессознательно представляет и фантазирует о том, как Кэтрин помогает ему наполнить его «гнездом». Между ними нет ни выраженного влечения, ни признаков романтического интереса, но они «заимствуют» друг друга, становясь фигурами, служащими основой для фантазий о чем-то реальном. Его дом по-человечески пуст, а ее дом настолько загроможден, что о его пустоте не приходится говорить. Кэтрин особенно подчеркивает, что она хотела бы, чтобы Дэвид помогал ей с уборкой. Возможно, она делает это с ответной фантазией о том, что он поможет ей жить в нем.

В первичном домене

Мы приходим к выводу, что другой дом, «строящийся», — это сама группа. То, о чем не говорится, — это что мы строим безопасное место для группы незнакомых друг с другом людей. Мы надеемся создать в этом пространстве атмосферу, вызывающую ощущение того, что мы дома и в безопасности. Вновь обретенное чувство безопасности, созданное нами самими, станет той точкой опоры, от которой участники смогут отталкиваться, чтобы перестроить свою жизнь во внешнем мире.

Поощрение повествовательного и тематического анализа в группе и посредством группы

Группа, которая описана выше, является вновь созданной, и у нее есть ресурсы для работы и понимания себя на текущем уровне, поэтому работа в основном идет в отношенческом измерении. Предложенные ведущим интерпретации на уровне переноса вызвали в группе снисходительное веселье и неверие и отвлекли внимание от разговора между Кэтрин и Дэвидом, и поэтому ведущий перестал говорить о суррогатности и образовании пары и фокусироваться на этом. Позднее при случае он осторожно предложил свои размышления об эмпатическом отзеркаливании, которое описано в главах 1 и 11, и горизонтальном переносе, который обсуждается в главе 14. Это помогло участникам понять, что связь, возникшая между Кэтрин и Дэвидом, служила на благо группы как целого. Затем ведущий предоставил группе время для того, чтобы она могла определиться с дальнейшим движением — через рефлексивное измерение к репаративному опыту, оставаясь в пределах своего пока еще робкого понимания и пытаясь расширить его.

Для развития потенциала группы наиболее полезной оказалась способность участников отвечать на вызовы повествовательного и тематического анализа. После определения темы можно начать работу по ее кристаллизации, как описано в пунктах 3 и 4 таблицы 11.2. Но, если бы предметом интерпретации стала бы связь, развивающаяся между Кэтрин и Дэвидом, это вызвало бы недоверие и протест. Если бы ведущий преждевременно представил участникам свои идеи о группе как целом и предложил интерпретацию о совместном строительстве дома в качестве основной или глубинной, то эта интерпретация в большей мере отражала бы надежды само-

го ведущего, чем предполагаемые потребности группы. Участники находились в самом начале совместного «строительства» психологического «дома», и в стремлении действовать наилучшим образом ведущий мог бы навязать им бремя неоправданных ассоциаций. Все это произошло, как описано в пункте 4, в первичном домене в тот момент, когда группа была к этому готова, и ведущий интуитивно понял это. В виньетке 2.2 обсуждается еще одна новая группа, организованная для выздоравливающих после острых психических заболеваний. Там описано следующее.

Мы обсуждали «нормальный» мир, движение людей за пределами группы... Участники решили, что внешний мир населен инопланетянами, и только мы живем в «космической капсуле» под названием «Нормальные», в «желтой подводной лодке», в убежище и святилище и постепенно восстанавливаем свою жизнь.

В такие отношенческие моменты создание или выявление связи становится для группы настоящим озарением, благодаря которому она становится вспомогательным Эго для участников. Сначала роль ведущего в стимулировании повествования и тематического анализа проявляется через фатическую речь, как будет описано в главе 15, через такие вмешательства, когда кто-то говорит «спасибо», чтобы выразить благодарность, или «пожалуйста», чтобы проявить вежливость. Благодарность или вежливость не отделены от слов, которыми они выражаются, а содержатся в этих словах. В ходе выстраивания коммуникации в новой группе, которая создает «космическую капсулу» для «нормальных», ведущий выделяет определенные фразы, делает на них акцент, использует фатическую коннотацию, чтобы дать возможность участникам оценить актуальность их слов и опыта, а затем — без какого-либо дальнейшего уведомления или предупреждения — участники группы начинают описывать себя как живущих в космической капсуле под названием «Нормальные». Мы движемся — благодаря собственной активности группы — от отношенческого к рефлексивному измерению, работая на первичном уровне, чтобы создать у каждого участника чувство безопасности. В песне о желтой подводной лодке звучит голос символа. Обратимся к виньетке 2.4.

Образ гремющих ключей сначала используется одной из участниц группы, а затем ведущим — в качестве фигурального образа, фигуры, в которой заключены нюансы отношенческого смысла.

Затем этот образ становится символом интерсубъективности, фиксируя нечто, что возникло между нами, то, как в наши отношения вторгается агрессия, и то, как разрывающиеся связи отделяют людей друг от друга.

Кристаллизация развития темы

В виньетке 5.6 описано, что у группы появляется новый лексикон, а ведущий начинает им пользоваться вместе с участниками. Ключевой фразой этого этапа оказалось выражение «обезвреживание ловушки». Эта фраза стала отражением усилий участников в борьбе с состояниями невротического заключения, в которое они поместили себя сами. В виньетке говорится следующее.

Это неожиданное молчание открыло нам, что каждый участник сталкивается со своими отдельными потребностями. Метафора ловушки надолго погрузила нас в состояние мечтания... Образ «обезвреживания ловушки» сам по себе представляет яркий пример работы воображения.

Метафора ловушки, из которой освобождается заложник истории невротических переживаний, помогает кристаллизовать развитие темы дискурса. Ведущий заимствует этот образ из языка группы, а затем использует его для того, чтобы сформировать дискурс и задать направление для дальнейшей работы группы.

Работа с модальностями времени и места в группе и встраивание их в динамическое настоящее

В виньетке 11.2 мы видим, как зрелая группа реагирует на внешнее событие в текущей жизни одного из ее участников, что порождает глубокие ассоциативные образы, относящиеся к различным историям участников. В ходе обсуждения этих историй ведущий напоминает группе, что его не будет на следующей сессии. Одна участница возмущается, говоря: «Как вы можете уйти в такое время? Мы говорим обо всех этих ужасных вещах, а вы берете и уходите». Возвращение вытесненного проявляется в переносе. Группа работает над корректирующей рекапитуляцией детского опыта. В историях участников звучит гнев по отношению к ранящим фигурам. Ведущий становится его мишенью. Гнев заполняет пространство, проявляется, и возникает возможность для его понимания.

Слушание голоса символа и обучение группы тому, чтобы тоже его слышать

В виньетке 4.5 описана зрелая группа, которая, преодолевая сопротивление участников, развивается и использует все четыре домена коммуникации — текущий, связанный с переносом, проективный и первичный.

Группа не занимается маниакальным бегством одного участника, депрессией другого, расстройством сексуального влечения третьего или реакцией группы как целого на недавние рождественские каникулы. Не касается и общих проблем с отношениями, которые участники отзеркаливают друг другу. Она занимается всем этим одновременно. Поскольку отношенческая матрица порождает семантическое поле, это, в свою очередь, помогает преобразовать отношения внутри группы и за ее пределами. В этом семантическом поле смысл сгущается с помощью ряда ключевых образов, которые являются частью игры слов, происходящей во время дискуссии. Расстройство сексуального влечения — пустой дом; от страсти может обрушиться крыша; желание может стать своей противоположностью; два горячих сердца могут потушить любую страсть. Групповой процесс — это не просто серия статичных изображений, как мы это здесь описываем. Ощущение глубины нарастает по мере того, как ход дискурса — теперь уже цепной реакции связанных друг с другом образов — развивает символический язык, который позволяет вывести на поверхность сложные отношения между надеждой и страхом и со временем их разрешить.

Язык, образы и развитие тем. Дальнейшие иллюстрации

В двух заключительных виньетках этой главы показано, как можно работать с содержанием с разных сторон. Они обе схематичны. Виньетка 11.2 представляет собой описание содержания работы группы, относящееся к двум отдельным сессиям, разделенным промежуток времени в один год. В ней становятся очевидными динамики процесса, возникающие во взаимодействии между отдельными участниками и между участниками и ведущим, поскольку эти динамики берут начало в текущем драматическом событии, о котором сообщает один из участников, и это становится отправной точкой для дальнейших событий. Группа подвергается изучению на предмет

того, что она может рассказать о вопросах содержания. Виньетка 11.3 представляет собой описание содержания работы экспериенциальной (или процессуальной) группы на конференции для специалистов в области психического здоровья. Динамика, основанная на резонансе и взаимности, «затемняется», чтобы можно было сосредоточиться на содержании дискурса, проявляющемся в ассоциативных образах, структуре слов и ключевых линиях развития тем. В обеих виньетках описывается, как ведущий стимулирует повествование и содействует повествовательному и тематическому анализу посредством группы. Развитие темы кристаллизуется в ключевых словах и образах, а модальности времени и места группы переносятся в динамическое настоящее, где все могут слышать голос символа в действии.

Голос символа в действии. Пример 1

В этой клинической иллюстрации описана работа терапевтической группы. Развитие группы в течение продолжительного периода времени схематично и сжато отражено в двух сессиях, прошедших с интервалом в несколько месяцев.

Виньетка 11.2

Гнев и его монстры. Язык, образы и развитие тем в содержании терапевтической группы с течением времени. Сессия 1

Брендан рассказывает о недавнем драматическом инциденте. Он, безработный актер, водит микроавтобус. Вчера он видел, как двое мужчин напали на третьего, и, когда их жертва упала на землю, они начали его бить. Он не успел понять, что происходит, сказал он нам, и сам выскочил из машины, выхватил лопату из рук у рабочего, копавшего канаву, и набросился на нападавших, крича и размахивая лопатой, как мечом. Обидчики сбежали, и когда к Брендану вернулось чувство контроля над собой, он осознал, что стоит над окровавленным телом. Ему пришли на помощь какие-то другие люди, и скорая помощь увезла человека, которого он спас. Но, когда приехала полиция, чтобы взять у него показания, его так трясло, что он едва мог говорить.

Во время этого рассказа он начинает дрожать, и другие участники при поддержке ведущего, зная его историю, задают полезные аналитические вопросы и возвращают его к воспоминаниям о его детстве,

прошедшем в Лондоне в бедной ирландской семье. Его отец обладал обаянием и приятными манерами, прекрасно пел, но все это сводилось на нет яростными выпадами против жены, когда он был пьян. Вид избитого на улице беззащитного человека сразу напомнил Брендану о забытых, но ужасных картинах страданий матери под ударами отца. Он рассказывает нам, что в детстве был слишком маленьким, чтобы защитить ее, но, пользуясь подсказкой и поддержкой других участников, продолжает, что теперь, будучи большим человеком, вооруженным лопатой, он мог бы, наконец, «завалить папашу»!

Анджела говорит, что в слове «наконец» заложена окончательная определенность. Она вспоминает инцидент со своим отцом, который, *наконец*, привел ее к терапии. Несколько лет назад она навещала его со своими детьми-подростками, вспыхнул ужасный скандал, и отец ударил ее прямо на глазах у детей. Она нанесла ему ответный удар по лицу, и, по ее словам, этот удар был и за себя и за ее младших сестер. Сразу же после этого она ушла и с тех пор больше не общалась с отцом.

Рена обращает внимание на жесты, которыми Анджела всякий раз сопровождает разговор на эти темы. Она как будто отмахивается от них, как если бы они были грязными. То же самое чувствует Рена, когда говорит об отношениях своих родителей. Ее отец прекрасно к ней относился и никогда ни в чем ее не обвинял. Но он ни во что не ставил ее мать, и как ужасны были крики, которые она издавала, когда отец бил ее! Она чувствует себя грязной, когда говорит об этом. И никто об этом не знал. И по сей день только она и ее сестра знают, какой человек скрывается под маской их отца, известного врача.

Сара присоединяется к этой цепочке ассоциаций, чтобы еще раз рассказать нам историю о том, как ее отец вернулся с войны. Ей было всего пять лет, и она почти никогда его до этого не видела. Человек, который стоял в узком коридоре в день своего возвращения совсем не был похож на ее отца. Это был незнакомец с небритым лицом, воняющий сигаретами. На нем была форма цвета хаки, и она оцарапалась о грубый материал, когда отец поднял ее на руки. Она испытала ужасное разочарование: с его возвращением она потеряла столько же, сколько с его отъездом. Она ждала его с нетерпением и мечтала пожаловаться ему на то, как она боялась гнева матери. Вернувшись домой, он никогда не защищал ее.

Джеффри рассказывает группе, что в его семье жертвой был отец. Мы кое-что знаем об этой истории, но впервые слышим ее подробности. Его отцу сильно досаждал шурин, который заставил его уйти из се-

мейного бизнеса. Мать Джеффри встала на сторону брата, а не на сторону мужа. И наступил тот день, когда отец сел в свою машину, его единственное личное пространство, и отравился газом. Рассказ причиняет Джеффри сильную боль, и мы потрясены эмоциональностью и детальностью его содержания.

Участники группы сидят молча, захваченные своими воспоминаниями и ассоциациями. За описательным содержанием скрывается динамический процесс, который позволяет вытесненному вернуться. Насилие внешнего мира прорвалось в контейнирующее пространство группы и теперь действует как катализатор, выводя на поверхность детские травмы. Плохие объекты из детства, которые часто недоступны для сознательных воспоминаний, выявляются в аналитической атмосфере группы. Это позволяет ранним травмам и связанным с ними эмоциям стать источниками рефлексивного исследования по мере того, как мы перемещаемся между отношенческим и рефлексивным измерениями. Сессия подходит к концу, и я напоминаю участникам, что на следующей неделе меня не будет.

Сара набрасывается на меня с упреками. Амбивалентность ее отношения ко мне состоит в том, что иногда я оказываюсь доброжелательным отцом, которого у нее никогда не было, а иногда — неадекватным отцом, рядом с которым она страдала. «Как вы можете уйти в такое время? Мы говорим обо всех этих ужасных вещах, а вы берете и уходите». Возвращение вытесненного теперь выражается в переносе. Она еще больше злится, и я интерпретирую перенос, предполагая, возможно, что ее гнев основан на страхе, что, когда я вернусь, я, как ее отец, буду одет в грубую форму цвета хаки и буду вонять табаком. Она как бы в шутку говорит: «Я могла бы убить вас». Она одновременно ворчит и посмеивается, и слезы в ее глазах выдают привязанность ко мне. «Возможно, тебе пригодилась бы лопата Брендана, — отвечаю я. — Тогда ты действительно сможешь меня завалить, как Брендан своего папашу». Она ничего не отвечает, но очевидно, что внутри нее идет борьба, которая отражается на ее лице. Теперь мы перешли к репаративному измерению терапии и работаем над корректирующим повторным проживанием опыта жизни в родительской семье. Некоторые аспекты детского опыта проигрываются заново со мной в динамическом настоящем группового переноса. Гнев по отношению к ранящим фигурам, который наполняет истории участников, выбирает в качестве мишени ведущего, получает возможность проявиться и быть понятым. В оставшееся до окончания сессии время участники группы рассужда-

ют о том, как они иногда злятся на меня. Важно, чтобы этот гнев был признан и сконтейнирован, и чтобы меня не спровоцировали на ответное поведение или самооправдание. Группа собирается расходиться, и Брендан, который был глубоко, но безмолвно поглощен динамикой процесса, получает щедрую дозу нежной заботы от других участников, поскольку они следят за тем, чтобы с ним все было в порядке.

Сессия 2

Год спустя та же группа с несколько другим составом обсуждает тему уныния.

Брендан говорит нам, что на самом деле ему хуже. Прошло почти три года с тех пор, как он присоединился к нам, и сейчас он чувствует себя хуже, чем когда-либо. Его уровень уныния почти ощутим физически. «Какая польза от всей этой терапии, если я все еще чувствую такую боль», — говорит он.

Анджела считает, что Брендан стал совсем другим. Ей удалось проследить и понять эмоции, о которых он рассказывал в связи с его недавними отношениями и разрывом. Она очень сочувствовала ему. Теперь здесь есть «он», которого она хорошо понимает, и она противопоставляет это тому, каким он был, когда два года назад она впервые пришла в группу и они познакомились. Тогда он практически ничего не говорил, за исключением рассказов о бесконечных свиданиях на одну ночь. Брендан отрицает это.

Но **Рена**, которая была участницей группы все время, пока в ней был Брендан, поддерживает позицию Анджелы и напоминает ему о том, что месяцами он ничего не рассказывал. Когда он присоединился к группе, он был очень замкнутым. Затем у него появилась женщина. Рена изо всех сил пытается вспомнить ее имя, и ей напоминают, что ее звали Салли. «Да, Салли, — вспоминает Рена и говорит. — Ты так быстро влюбился в нее, а она вышвырнула тебя, и тогда ты упал духом. А потом ты нашел другую и третью. И мы ничего не знали об этом, пока ты не оказался в этом ужасном состоянии. Теперь мы можем с тобой делиться многими вещами, и ты не кажешься подавленным, даже если тебе больно, и мы можем разделить это с тобой, и, по крайней мере, у тебя есть мы».

Брендан превращает это в шутку, приглашая вечером к себе домой какую-либо из женщин, глядя по очереди на трех участниц группы. Звучит теплый смех.

Ведущий напоминает Брендану об инциденте, которым он поделился с нами два года назад. Тогда он вмешался в уличную драку и спас кого-то от избиения. Казалось, что это стало поворотным моментом в его развитии, и с тех пор он использует группу гораздо более открыто.

Анджела напоминает нам об еще одном бурном инциденте, о котором Брендан рассказал нам вскоре после случая, который описан выше. Он был в машине на улице и вступил в стычку с двумя людьми, сидевшими в другом автомобиле. Когда ему стали угрожать, он стал настолько агрессивным и поднял такой шум, что напугал их и они отступили. Он подверг себя такому же ненужному риску, как сын Анджелы во время недавнего инцидента. В этом не было необходимости. По ее словам, это всего лишь тестостерон. Где твой разум? Для человека с твоими талантами и умением говорить, жить как уличная шпана — пустая трата времени! Я желаю тебе, чтобы в твоей жизни появилась женщина, и я уверена, что с ней ты станешь спокойней!

Пол напоминает нам, что за шесть коротких месяцев, прошедших с тех пор, как он присоединился к нам, он ничего не слышал об этом, и Брендана уговаривают пересказать оба случая. Сам Пол — успешный журналист, и он часто рассказывает о своих интервью с людьми, находящимися в тюрьме за насилие. Он говорит, что это не шутки.

Брендан подробно рассказывает нам о двух худших случаях и отвечает на дальнейшие расспросы Пола рассказом о своих знакомых, которые отбывают срок в тюрьме за преступления, связанные с насилием.

Рена говорит Брендану, что кажется, он выходит из тюрьмы другого типа. За те годы, что он старался с нами быть невидимым, он словно онемел. Мы не видели и не слышали ничего из того, что происходило внутри него на самом деле. Теперь мы видим проблему, и, хотя Рену беспокоит то, что он так страдает, она рада, что он раскрылся перед нами.

Группа долго молча размышляет над услышанным.

Адель говорит нам, что ее жизнь начинает меняться. Она не знает, чем это вызвано, и даже не знает, играет ли группа какую-либо роль в этих изменениях, но за последний год она начала по-другому относиться к себе — это вопрос уверенности, говорит она. За то короткое время, что она знает Брендана, она заметила, как он изменился. Когда он подвергает критике группу за недостаточную помощь, он заставляет нас относиться к нему серьезно. Ей не нравится то, что мы увидели в нем, но он должен это вытащить наружу. Он искренне говорит о тех же проблемах, которые беспокоят и ее — о страхе собственной бесполезности и чувстве отчаяния.

Пол вспоминает учебу в школе и драки со сверстниками. Внутри него все еще бушует какой-то двуглавый монстр. Глядя на окружающих, он думает, что такой монстр есть внутри каждого человека. Это напоминает ему мультфильм «Шрек», который любят смотреть его дети. Этого монстра может спасти только любовь, но когда он наконец встречает свою принцессу и целуется с ней, она превращается в монстра, чтобы разделить с ним свою жизнь.

Комментарий

Каждый из нас узнает в его рассказе себя, и это позволяет нам встретиться лицом к лицу со своими скрытыми гневными монстрами. Это происходит через привязанность, раскрытие, взаимное принятие и юмор. Эти гневные монстры по своей сути являются мутативными метафорами, которые говорят голосом символа. От истории отношений Брендана с отцом через тему его взаимодействия с женщинами в группе мы переходим к исследованию того, в чем он нуждался и чего не получал от своей матери. Его неспособность выдерживать фрустрацию и то, что трудности очень быстро делают невозможным его функционирование, дают основания предположить, что для него отсутствие кого бы то ни было было равносильно тому, что его оставили.

Виньетка 11.2

Сессия 2 (продолжение)

Затем **Пол** рассказывает нам новые подробности своего усыновления. Мы знаем, что мать отказалась от него, но мы впервые слышим о его подлинных чувствах по поводу этой истории брошенности и спасения. Первые шесть месяцев жизни о нем заботился только обслуживающий персонал детдома. Его приемная мать забрала его только в шесть месяцев. Он знает, что где-то внутри него заморожена утрата. Где-то в его сердце бесконечный холод, и он знает, что это является причиной трудностей в его отношениях. Вот где живет гневный монстр. Мы начинаем понимать, что за гневом скрывается отчаяние — мрачный и пустой внутренний мир, созданный пренебрежением и отвержением.

Комментарий

Разворачивающаяся динамика группы ведет нас от депрессии к онемению. За онемением скрывается злость. А за злостью — уныние, которое, как выясняется, берет свое начало в самых ранних переживаниях ненадежной и небезопасной привязанности. Если мы начнем наш анализ с основ, мы увидим, что раннее ощущение небезопасности инкапсулировано в защитных структурах характера, которые закрывают доступ к психическим состояниям уныния и покинутости. Эти состояния не являются сознательными переживаниями, потому что они слишком болезненны. Вместо этого их последствия проявляются в виде ярости. Внешние события действуют как триггеры или становятся целями, на которые проецируются детские обиды или унижения, и вытекающая отсюда ярость атакует того, кто причинил в детстве боль, будь то мать или отец, которые репрезентированы человеком, ответственным за текущую реакцию. В этом мире живет каждый из участников этой группы. В их навязчивых повторениях, неврозах судьбы и постоянных жизненных трудностях исходные травмы остаются незаметными. Группа обеспечивает контейнирующий ресурс, с помощью которого через взаимное принятие, а затем через отождествление, мы обнаруживаем гневных монстров в каждом из нас, и эти открытия приводят к репарации. Матрица опыта, которой обусловлено социальное бессознательное глубоко травмированных людей, также может служить средством его восстановления. Их собственные антигрупповые стремления, если они используются для самоанализа, могут дать понимание, которое поможет растопить защиты, представляющие в образе ледяной пустыни.

Встреча группы открывается рассказом Брендана, который помещает ее дискурс во внешнее настоящее — нападение, свидетелем которого он был, и его собственные реакции. Когда он делится своей историей, у него возникает посттравматическая реакция, которая очень драматично переносит нас в динамическое настоящее, когда он начинает дрожать во время рассказа. Ход нашего терапевтического исследования возвращает «здесь-и-сейчас» Брендана в его детство, внешнее прошлое, которое, как мы понимаем, вовсе не является далеким. Анджела, Рена, Сара и Джеффри присоединяются к ассоциативной цепочке с воспоминаниями о травмах, жестоком обращении, конфронтации и трагедиях, которые удерживают нас во внешнем прошлом. Ведущий возвращает их к настоящему группы, напоминая, что на сле-

дующей неделе его не будет. Одна из участниц, Сара, от имени всех остальных набрасывается на него за то, что тот оставляет их в критический момент. Ведущий исследует направленный на него гнев в динамическом настоящем, предлагая на уровне переноса конструкцию, которая вбирает в себя рассказ Брендана о том, как он, обнаружив в своих руках оружие, наконец смог покончить со своим отцом. Сара испытывала ярость из-за того, что ее бросают, и ей хотелось сделать с ведущим то же самое. Она тронута до слез и с глубокой любовью, но шуточно говорит: «Я могла бы убить вас!». Ведущий видит доказательства агрессии, направленной против него, выдерживает «условную» атаку, не пытаясь нанести ответный удар, и терапия возобновляется и продолжает свое развитие на следующей встрече через две недели.

Исследование модальностей времени и места, отраженное на рисунке 11.2, опирается на разграничение, впервые предложенное Стрейчи (1934), который придерживался точки зрения, что для того, чтобы интерпретация была мутативной, она должна обращаться к прошлому, к настоящему, то есть к связанным с переносом моментам на сессии, и к миру вне анализа в реальной жизни человека. Всегда,

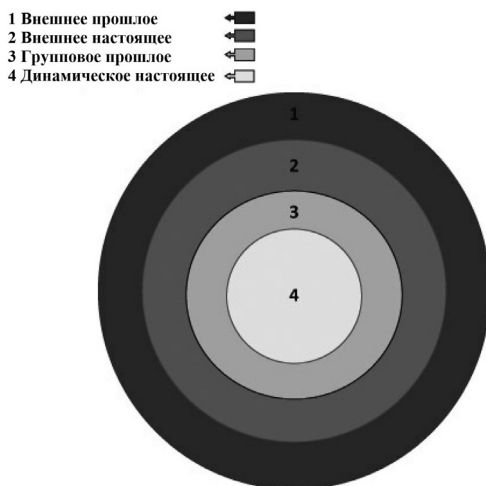


Рис. 11.2. Анализ содержания и модальности времени и места (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1364)

особенно под действием импульса на сессии группы, сложно сформулировать интерпретацию, которая была бы точной и в то же время всеобъемлющей. Рисунок 11.3 иллюстрирует дальнейшее развитие группаналитического мышления и практики. Здесь вмешательства ведущего опираются не на оригинальную «архитектуру» интерпретации по Стрейчи, а на другую идею. Она состоит в последовательном стремлении направлять динамику из трех секторов времени и места и локализовать беспокойство, возникающее в динамическом настоящем, где участники могут сосредоточить свои ресурсы на сонстройке на текущую динамику и эмоциональную коммуникацию в данный момент. Обсуждение оригинальных идей Стрейчи и обзор того, как работа с переносом менялась с течением времени, представлены в главе 14.

Динамика группового процесса, которая приводит к облегчению, перемещает энергию из внешнего настоящего через внешнее прошлое и через прошлое группы в динамическое настоящее, где с ней в переносе работает ведущий.

Рассказы, повествование и репаративные символы

Голос символа в действии. Пример 2

В виньетке 11.3 используются материалы экспериенциальной группы, работавшей в рамках конференции, состоявшейся в начале 1990-х годов в Германии. Для многих ее участников это было «впервые после

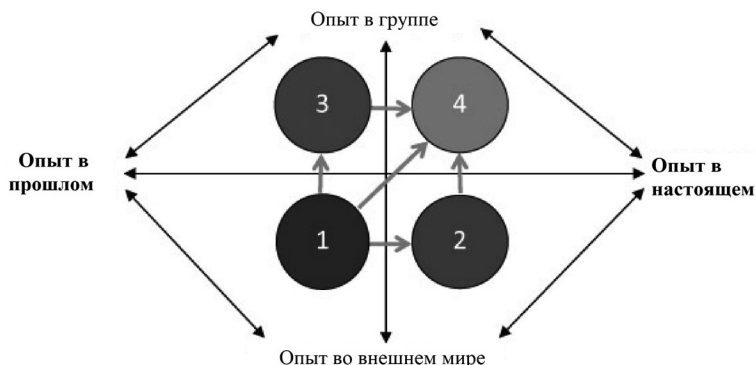


Рис. 11.3. Развитие группового дискурса в сторону изменения и разрешения

войны». В виньетке смысл содержания передается не столько образами или языком группы, сколько повествованием историй и репаративным значением ее символов. Этот плодотворный рабочий процесс опирается на хороший опыт отношений, но выходит за его рамки в направлении двух других измерений психотерапии, обеспечивая рефлексию и репарацию.

Виньетка 11.3

Женщина, рождение которой спасло ее мать. Содержание и развитие темы в краткосрочной экспериенциальной группе

В этой группе было 10 участников. Многие из них прибыли из стран, которые были оккупированы или подверглись нападению со стороны Германии во время Второй мировой войны, в том числе из Чехословакии, Дании, Греции, Израиля, Норвегии, Польши, Великобритании и Югославии. Как организатор группы я не делал никаких заявлений о себе, хотя моя собственная еврейская идентичность, гибель членов нашей семьи во время Холокоста в Литве и роль моего отца как солдата в освобождении Италии во время Второй мировой войны имели прямое отношение к обсуждаемым темам.

Некоторые из нас отдаленно знали друг друга по предыдущим подобным мероприятиям, но в основном мы не были знакомы. В течение четырех дней конференции мы встречались каждое утро на полтора часа. В группе было две немки — Сюзанна и Сабина. И именно взаимодействие между этими двумя женщинами и остальной частью группы, и особенно содержание того, что они рассказали о себе в конце совместной работы, иллюстрирует продвижение группы в направлении репарации.

Все участники группы родились в послевоенное время. Так как многие из нас были в Германии впервые, у нас присутствовало особенно острое ощущение места, где мы находились. Участники рассказывали истории о событиях военного времени, которые они услышали от кого-либо из поколения их родителей и которые сейчас всплыли благодаря приезду сюда. Они делились своими ассоциациями и иногда смотрели в окно на широкие улицы, пытаясь представить город, в котором всего лишь одно поколение назад господствовали свастики и военные парады. У каждого участника была по-своему пронзительная история, связанная с событиями, произошедшими с предыдущим поколением во время оккупации их стран. Звучали рассказы о жесто-

кости, жертвах, героизме и предательстве во время войны. В каждом случае мы проследили, как события 1940-х годов отразились на судьбах людей. Мы были поглощены социальным бессознательным групп, а не бессознательной динамикой отдельных ее участников.

Сюзанна и Сабина оставались подавленными во время этого разговора. Одной из причин, по которой люди приехали на конференцию, было их желание установить здесь контакты со своими коллегами из других стран. Эти две немецкие женщины тоже говорили об этом стремлении. Но, несмотря на дружелюбные попытки завязать с ними отношения, они оставались в стороне от общения. Только после того, как в группе удалось создать теплую атмосферу, Сюзанна поделилась своей историей. Ранее она приняла решение не иметь детей и все еще тяжело переживала это. Поэтому она обратилась за помощью к группе, чтобы справиться со своим горем. За два года до этого она забеременела и после короткого, но тяжелого периода сомнений (так как она хотела иметь ребенка) решила прервать беременность. Ей казалось, что ей было слишком поздно заводить детей, и в тот момент у нее не было стабильных отношений, в которых мог бы расти ребенок. Обсуждение этого с участниками группы, в том числе с Сабиной, помогло ей понять, что ее несчастливые отношения с мужчинами каким-то образом связаны со сложной историей ее раннего детства, а затем с более поздним кризисом во взаимоотношениях с вообще-то любимыми ею родителями. В молодости она влюбилась в мужчину с Ближнего Востока. Негативная реакция ее родителей стала для нее, как она выразилась, «интенсивным курсом повседневного расизма». Хотя она не разошлась с этим партнером полностью, разрыв с родителями испортил их отношения и расшатал ее политические взгляды и моральные убеждения, о чем она и рассказала группе. Ее родители были «нормальными» людьми своего времени, но связь между их расизмом и фашистским прошлым ее страны сбивала Сюзанну с толку. Сейчас, когда она определилась со своими взглядами, ей было поздно заводить детей.

Мы в группе почувствовали всю горечь этого рассказа и впервые стали свидетелями того бремени истории, которое несет следующее поколение немцев. Мы попытались включиться в это переживание и сделать все возможное, чтобы помочь Сюзанне освободиться от вины за то, что произошло еще до ее рождения, проявляющейся теперь в мазохистском протесте против поколения родителей. В группе Сюзанна сначала обнаружила, что рассказы о жестокости со сторо-

ны немцев подкрепляют ее собственное чувство вины. А потом в ходе обсуждения она поняла, что попытки других участников установить с ней контакт дали ей возможность увидеть себя жертвой истории, такой же, как и они.

Сабина хранила молчание и первые сессии просидела погруженная в себя и готовая расплакаться. Сначала она не признавалась, о чем ее слёзы, но во время нашей заключительной сессии рассказала нам, насколько тяжелым бременем для нее была ее мать. Сабина все еще не сгла на себе тяжесть материнской депрессии. Мы выяснили, какую роль это сыграло в ее решении самой стать терапевтом, и история развернулась в непредвиденном направлении. Она родилась в небольшом городке на востоке Германии недалеко от польской границы в июле 1945 года, когда в этом районе еще продолжались боевые действия, а затем в него вошли русские. Люди были в ужасе, зная, что вторгшиеся солдаты пришли насиловать и грабить. Когда русские постучали в дверь ее дома, ее бабушка крикнула, что сейчас идут роды. Русский офицер пришел проверить и, увидев, что ее мать рождает, был так тронут, что пометил дверь дома крестом и написал под ним кириллицей что-то, из-за чего дом был неприкосновенным на протяжении всей оккупации, несмотря на то, что солдаты разграбили все вокруг. Позже ее мать сбежала вместе с ней в Западную Германию, где Сабина и выросла. Другие участники группы впервые в жизни получили полномасштабное представление о страданиях немцев, и эта картина имела далеко идущие последствия для всех нас. Когда участники группы истолковали историю Сабины как рассказ о том, как невинная новая жизнь в момент ее появления спасла мать и всю семью, история приобрела новый смысл.

Комментарий

Для каждого из нас эта история обрела сильное символическое значение. Ее репаративный потенциал, выраженный голосом символа детской невинности, проявился в чувстве отпущения грехов матери и семьи, искупленных новорожденной самим фактом появления на свет. Рождение беспомощного, уязвимого ребенка остановило кровавое помешательство жаждущих отмщения солдат. Мы видели перед собой взрослую женщину, в которой все еще жил этот ребенок, и мы были готовы признать невинность нового поколения.

В группе возникло пронзительное ощущение благодати, которое повлияло и на обеих женщин, и на всех нас. Когда мы говорили о том, что происходило много лет назад, мы осознали, как невиновность тех, кто родился после Холокоста, свидетельством которой являются обе немецкие участницы, может смягчить бремя, лежащее на поколении тех, кто несет ответственность за него. Родители Сюзанны и Сабины не принимали непосредственного участия в деятельности нацистов, но когда их дочери увидели исторический смысл в травмах своего воспитания и поделились этим смыслом с людьми «по другую сторону линии фронта», но со схожими биографиями, им удалось понять, как выносить обстоятельства своей жизни с новым достоинством, которое теперь останется с ними навсегда.

Примечания

1. Отдельные разделы этой главы были представлены в качестве основных докладов на мероприятиях Израильской ассоциации групповой психотерапии (Хайфа, 2001) и Deutsche Gesellschaft für Gruppenanalyse und Gruppenpsychotherapie (D3G) (Дрезден, 2014) Автор выражает признательность Хаиму Вайнбергу из Израиля и Марите Бартель-Розинг из Германии, а также участникам различных мероприятий за их помощь в адаптации материала.

Литература

- Bohm D. (2002). *Wholeness and the Implicate Order*. London: Routledge.
- Brathwaite E. D. (1988). *Rites of Passage* // E. Braithwaite. *The Arrivants: A New World Trilogy*. Oxford: Oxford University Press.
- Brooks F. (2009). *The Othering of Silence in Groups*. MSc dissertation. Institute of Group Analysis, London/Birkbeck College University of London.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles*. London: Karnac.
- Hillman J. (1983). *Healing Fiction*. Putnam, CT: Spring Publications.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.

- Modell A. (2013). Metaphor, meaning and the mind // S. Montana Katz (Ed.). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge. P. 59–66.
- Montana Katz S. (Ed.) (2013). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge.
- Peleg I. (2012). Oppression, Freedom, and Recognition in an Analytic Therapy Group: Group and Therapist Interactions from Relational and Group Analytic Perspectives // *International Journal of Group Psychotherapy*. V. 62 (3). P. 436–458.
- Rayfield E. (2013). *Weathering, Shifting Perspectives and the Space in-between*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Schlapobersky J. (1994). The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: Jessica Kingsley Press, 2000. P. 211–231.
- Strachey J. (1934). The Mutative Effects of Transference Interpretations // *International Journal of Psychoanalysis*. V. 15. P. 127–159. Reissued: Langs R. (Ed.). *Classics in Psychoanalytic Technique*. New York: Jason Aaronson, 1990. P. 321–338.
- Tyerman S. (2012). *Watching the Body in the Group*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Verebes-Weisz J. (2011). *Capacity to Be in a Group: Small-Group Psychotherapy in a Forensic Therapeutic Community for People with Dangerous and Severe Personality Disorder*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in it for me? The development from immature to mature dependence in groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Wainstein S. (2013). *An Exploration of Intimacy in Group Analytic Psychotherapy*. MSc Dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Wojciechowska E. (1993). *The Group as Transformational Object: Fusion, Transition, Transformation*. London: Institute of Group Analysis.
- Wotton L. (2012). Between the notes: A musical understanding of change in Group analysis // *Group Analysis*. V. 46 (1). P. 48–60.

Глава 12

Ведущий*

Организатор, терапевт и участник группы

Тем, кто недостаточно доверяет, доверять не будут.
Когда мы действуем
Без лишних разговоров,
Люди говорят: «Мы сделали это!»

(Lao Tsu, 1972, p. 17)

Групповой анализ основан на парадоксе: ведущий — единственный человек в группе, обладающий авторитетом профессионального терапевта, но профессиональным авторитетом обладает группа как целое... [и поэтому,] чтобы учитывать оба полюса этого парадокса, ведущий должен ловко перемещаться между двумя позициями: одна позволяет группе определять ход терапии, а вторая позволяет ведущему при необходимости утверждать свой авторитет терапевта, иногда в некотором противодействии группе.

(Behr, Hearst, 2005, p. 102)

В группаналитической модели существует единый термин для обозначения терапевтического лидерства — ведущий. Он придуман Фуксом и развит им же вместе с Энтони. В различных моделях групповой терапии для обозначения фигуры лидера используются раз-

* В оригинале используется слово «conductor», которое имеет следующие варианты перевода с английского: проводник, гид, дирижер, руководитель, ведущий.

ные термины: «лидер группы», «фасилитатор», «организатор» и «терапевт». Все соответствующие им функции являются частью работы ведущего. В некоторых из этих моделей термин «ведущий» относится к роли лидера, но может содержать некоторые дополнительные отличительные черты. Ведущий одновременно контейнирует группу и занимает место в ней. Этот парадокс является одним из факторов, которые делают роль лидера плодотворной. Вклад ведущего имеет очень важное значение для того, чтобы группа смогла превратиться из группы страдающих незнакомцев в рабочую группу, которая способствует благополучию ее участников. Продвижение в переходе от отношенческого к рефлексивному, а затем к репаративному измерению работы зависит от доступности ведущего как *личности*, его ресурсов как *терапевта* и возможностей как *организатора*. Я предлагаю это тройственное обозначение как вариацию оригинальных представлений Фукса о ведущем. Он использовал немного другие названия, подчеркивающие свойства ведущего как личности, определяющие характер его действий и применяемых техник, и то, что он репрезентирует, то есть что он значит для группы и ее участников (Foulkes, 1964, p. 285–287). В этой главе мы обсудим различные, но согласующиеся роли ведущего как *организатора*, *терапевта* и *участника группы*. В одной и той же группе на разных этапах ее жизни и развития лидеру придется соответствовать разным потребностям. Различные типы групп (по сеттингу, составу или цели) будут требовать от ведущего более или менее решительного проявления той или иной роли. Очевидно, что в каждую из этих ролей встроены две остальные. И это является основой для интегрированного, гибкого и динамичного стиля лидерства, который позволяет ведущему прочувствовать поток эмоций и обмен ими, чтобы помочь участникам превратить неизбежные разногласия и взаимное воздействие в опыт продуктивной терапии, которая приносит облегчение. Первая половина этой главы посвящена различным ролевым функциям, которые рассматриваются по отдельности. Во второй половине мы вынесем эти различия за скобки и будем рассматривать лидера как человека, который должен вести группу.

То, что ведущий видит в группе, будет отражением того, что группа видит в ведущем. В этой главе мы обсудим не только ведущего в группе, но и группу в ведущем, чья собственная никак не заявленная динамика неизбежно оживает и отражается группой. Нам нужно быть готовыми к тому, что мы неизбежно обнаружим — будь

то антигруппа, группа, которая не может сплотиться, группа, которая не может удерживать своих участников, или группа, которая слишком много инвестирует в продвижение своих участников в терапии. Именно в силу этих очень важных обстоятельств в ходе обучения групповых аналитиков такое серьезное значение придается их собственному терапевтическому опыту. Характер самого ведущего, его история и особенно неосознаваемые детали его тревог, проблем, сильных и слабых сторон неизбежно оживут в участниках любой группы, которую он ведет. Использование контрпереноса в качестве активного рабочего принципа жизненно важно в группаналитическом подходе и, как уже давно обнаружили психоаналитики, создает основу для превращения недостатков в преимущества. Контрперенос может использоваться ответственным и эффективным образом, при этом ведущий должен быть в согласии со своим характером, обстоятельствами и историей. Ему необходимо уметь сохранять самообладание, когда он находится в тесном контакте со страданиями и тревогами, и ему нужно быть доступным для душевной близости, не будучи явно открытым. Ведущий должен быть в состоянии открываться воздействию динамики участников группы, внимательно следить за своими реакциями и эмоциями и быть в состоянии вернуть это обратно группе тщательно продуманным образом в качестве информации о процессе в целом. Эта глава посвящена таким задачам и содержит соответствующую иллюстрацию в виньетке 12.1.

В музыке дирижер играет руководящую роль по отношению к певцам или оркестру, задает темп музыкального исполнения, устанавливает ритм и выявляет гармонии и диссонансы. В групповом анализе ведущий играет сходную роль, но эта роль требует как большей активности, так и большей абстиненции, к тому же эта работа выполняется без партитуры и больше похожа на импровизацию, чем на дирижирование. Рутан, Стоун и Шей подчеркивают тот факт, что в литературе для групповых терапевтов обеспечивается ясность протоколов, описывающих то, как начинать и заканчивать работу группы. Что касается «того, что посередине», то есть большей части работы, то в этом терапевту приходится искать свой собственный путь. Их рассуждение основано на идее Фрейда.

Одним из наиболее известных высказываний Фрейда является сравнение психотерапии с шахматами. Он заметил: «Любой, кто надеется научиться благородной игре в шахматы по книгам, вскоре обнаружит, что только начальная и конечные части

партии допускают исчерпывающее систематическое изложение и что бесконечное разнообразие ходов, которые развиваются после дебюта, не поддаются подобному описанию. Пробел в обучении может быть восполнен только прилежным изучением партий, сыгранных мастерами» (Freud, 1913, p. 128). Другими словами, можно научить начинать и заканчивать терапию, но тому, что делать в середине, научиться гораздо труднее.

(Rutan, Stone, Shay, 2014, p. 177)

В этой главе мы вслед за указанными авторами стремимся осветить задачи, стоящие перед ведущим на протяжении всего времени, которое он проводит с группой.

Советы начинающим группаналитикам

Обширный протокол, который вы найдете в этой главе, мало чем поможет начинающему группаналитику, который хочет получить инструкции о том, как выполнять свою работу, если он не примет во внимание семь предостережений, приведенных в таблице 12.1. Те, кто никогда раньше не вел группу и собирается заняться этой деятельностью, должны прочесть эти семь советов, чтобы понять, что можно ожидать от этой главы.

Ведущий как организатор, терапевт и участник группы

На рисунке 12.1 показана динамическая взаимосвязь между тремя ролевыми функциями, которые составляют суть работы ведущего. Группу можно рассматривать как проект ведущего, который начинается с обдумывания задач группы, ее состава и продолжительности работы. Итак, первая часть рисунка — динамическое администрирование, то есть организаторская функция, затем — терапевтическая функция, а затем — функция ведущего как индивидуального участника любой группы, которую он ведет, участника, который понимает, что он такой же человек, как и все остальные, и это является одним из основных ресурсов группы.

Задачи организатора по управлению практической деятельностью новой группы начинаются с динамического администрирования. Связь между организационной и терапевтической функциями является еще одной заслугой группанализа (Hutchinson, 2009). Во вновь

Таблица 12.1
Советы начинающим групповым анализикам: семь предостережений

1	<p>После прочтения этой главы, возможно, будет полезно забыть о прочитанном. Постарайтесь работать как можно более спонтанно, чтобы «взрастить в группе дух исследования и смоделировать образ поведения» (Behr, Hearst, 2005, p. 109). В спонтанности нет ничего загроможденного. В таблице 17.1 показано, как Фукс понимал эту тему (которая почти не упоминается в литературе по групповому анализу) — как функцию группы, но никогда не как функцию ведущего. Морено, один из первых соратников Фукса, делает полезное замечание относительно ценности спонтанности для ведущего и описывает ее как способ мышления, общения или естественного поведения здесь-и-сейчас с тем, чтобы в необходимый момент вызвать позитивные изменения. Спонтанность также подразумевает творческий подход, новизну и способность находить адекватные решения в новых ситуациях или новые решения в старых ситуациях (Gill, Sherbertsky, 2013, p. 34–39)</p>
2	<p>Прежде чем «забыть» об этой главе, вы можете прочесть еще две, а затем «забыть» обо всем прочитанном и приступить к работе. Самый яркий рассказ о лидерстве — это работа самого Фукса. «О лидерстве» — так называется четвертая глава его книги «Терапевтический групповой анализ» (Foulkes, 1964, p. 54–65). Бер и Херст в своей работе «Начало новой группы» обсуждают позиции, которые занимает ведущий в начале работы группы. В образе, который они описывают, вы неизбежно узнаете свои черты, и чем более осознанным будет ваше отношение к собственным установкам, тем легче вам будет использовать их на благо своей работы, а не во вред ей (Behr, Hearst, 2005, p. 81–91)</p>
3	<p>Если вы сами не проходили групповую терапию, пройдите ее, прежде чем начинать работу с группой</p>
4	<p>Вы сможете работать спонтанно, если будете опираться на собственный опыт участия в групповой терапии в качестве пациента, вспомнив, как это переживалось вами</p>
5	<p>Убедитесь, что у вас есть надежный и заслуживающий доверия супервизор и имеются все необходимые условия для регулярных встреч с ним</p>

Продолжение таблицы 12.1

6	<p>Убедитесь, что соблюдаются все подготовительные протоколы, касающиеся организационной и терапевтической ролей ведущего. Роль организатора включает работу с вопросами сеттинга, состава и количества участников группы, ее продолжительности и частоты встреч. Все эти вопросы необходимо обсудить с участниками во время первой сессии. Роль терапевта подразумевает работу с содержанием предварительных встреч и подготовку индивидуальных сессий с каждым участником, если вы работаете таким образом. Вы можете начать работать с экспериментальной группой в рамках обучающей программы или конференции, и в этом случае у вас не будет возможности предварительных встреч с участниками, и вы начнете с ними работать так же, как и они начинают работать друг с другом. В диапазоне между этими двумя позициями существует целый ряд других ситуаций, в том числе, когда вы принимаете группу у коллеги, заменяете второго терапевта, который покидает группу, или работаете в стационарной психиатрической службе или терапевтическом сообществе с малыми группами, где скорее всего вы войдете в постоянно работающую группу с меняющимся составом и другими коллегами, вместе с которыми вы будете укомплектовывать эту группу.</p>
7	<p>Последний совет — займите позицию участника группы и внимательно следите, не комментируя, за необычными событиями, которые неизбежно будут разворачиваться перед вашими глазами. Хотя очевидно, что для ведения группы эффективнее слушать, а не говорить, вам часто придется брать слово, чтобы услышать то, о чем не говорят участники.</p>

Организатор - динамический администратор

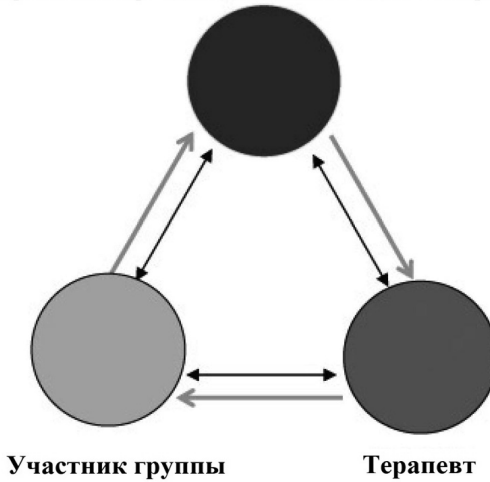


Рис. 12.1. Три ролевые функции ведущего

созданной группе динамическое администрирование требует от ведущего большей активности, которую мы называем *crescendo*. На этом этапе организатор устанавливает свой авторитет для поддержания границ группы, ее состава, сеттинга и стабильности. Когда ведущий моделирует позицию, которую участники могут занимать по отношению друг к другу, организаторская деятельность превращается в терапевтическую. С течением времени участники группы могут взять на себя некоторые из лидерских функций ведущего, что позволит произвести *decrescendo* (ослабление) роли ведущего. По мере того как группа набирает силу, ведущий освобождается от исключительной роли источника авторитета в группе, а участники обретают голоса и вырабатывают язык, на котором обсуждают поведение друг друга, в том числе опоздания, пропуски сессий и другие граничные события. Со временем ведущий смещает центр тяжести своей активности в группе с заметной центральной роли организатора в сторону работы в качестве терапевта и участника группы.

Как *терапевт* ведущий отвечает за содействие дискурсу, за продвижение группы от отношенческого через рефлексивное к репаративному измерению и за помощь группе в *локализации* беспокойства в ходе этого процесса. Это беспокойство, которое, казалось бы,

«мешает» работе группы, всегда можно предвидеть. Задача перевода этого беспокойства из латентного или невидимого состояния, возникающего бессознательно, на описательный язык наблюдаемого группового поведения и является сутью терапевтической работы. Важной частью этой задачи является перенос, и работа по *интерпретации* переноса в групповом анализе заключается не столько в рассмотрении или реконструкции прошлого, сколько в исследовании динамического настоящего. В свое время Фрейд описывал психоаналитика, работающего с пациентом на кушетке, Фукс описывает ведущего, который:

...относится к [участникам] группы как к равным ему взрослым людям и оказывает на них влияние собственным примером... репрезентируя и поддерживая реальность, здравый смысл, терпимость, понимание, проницательность, инсайт, независимость, откровенность и открытость к новому опыту.

(Foulkes, 1964, p. 57)

Таким образом, терапия происходит «посредством живого корректирующего эмоционального опыта» (ibid.).

В качестве *участника группы* ведущий вносит свой вклад в работу группы, сохраняя абстинентную позицию по отношению к своим потребностям, при этом регулируя свое самораскрытие при активном использовании контрпереноса, обеспечивая продвижение группы, комментируя невысказанные, а иногда и невыразимые вопросы, возникающие в процессе обсуждения. При этом для поддержки процесса создания связей, посредством которого вырабатывается коллективная идентичность, ведущему важно активно использовать первое лицо множественного числа — местоимение «мы». Например, привлекая внимание группы к проблеме, находящейся на заднем плане, ведущий может использовать слово «мы», чтобы сказать что-то вроде: «Мы, кажется, не хотим уделять много внимания Бренде и тому, что она нас покидает. Последние несколько сессий она выглядела отстраненной от группы». Группа неизбежно откликнется на такой комментарий, поскольку ведущий вместе со всеми избегает обсуждения депрессии участницы. Бренда может испытать облегчение или почувствовать смущение от внимания, которое группа теперь уделяет ей, но независимо от того, откликнется она или нет, группе придется рассматривать процесс исключения

Бренды из своих рядов, и, скорее всего, группа попытается привлечь к этому обсуждению саму Бренду.

Самый яркий рассказ о лидерстве — это работа самого Фукса. «О лидерстве» — так называется четвертая глава его книги «Терапевтический групповой анализ» (Foulkes, 1964/1986). Впервые он представил эту работу на ежегодном собрании Американской ассоциации групповой психотерапии в Нью-Йорке в 1959 году, а в 1964 году включил ее в свою третью книгу. В этой главе он акцентирует внимание на необходимости тонко использовать человечность и доступность ведущего в сочетании с ограничением функции авторитетности, которая должна зарождаться внутри самой группы. Эта глава поражает воображение своей глубиной. Однако в ней Фуксу не удалось отделить задачу управления, которую никто другой в группе в принципе не может взять на себя и которая является исключительной обязанностью ведущего, от терапевтической задачи, когда он является одним из участников этого «живого корректирующего эмоционального опыта». Вероятно, из-за этого критически важного отсутствия указания на двойственность ролей и функций организатора и терапевта его работа тогда была воспринята в Северной Америке со сдержанным интересом. Комментарии Энтони об этом периоде работы Фукса и его публикациях приводятся в конце этой главы.

Дискуссия в этой области получила внушающее надежды развитие, в том числе идут плодотворные споры между теми, кто выступает за «классический» фуksiанский подход к лидерству, когда ведущий ведет группу «скрыто», то есть такими исследователям как Бер, Херст (Behr, Hearst, 2005) и Хатчинсон (Hutchinson, 2009), и теми, кто призывает к тому, чтобы ведущий занимал более прямую позицию, в частности, в своей ответственности за то, чтобы обращать внимание на агрессию и антигрупповую динамику (Nitsun, 1996, 2009). Большая часть этих споров возникает из-за того, что в первых трудах Фукса о работе ведущего исполнительные функции динамического администрирования не получили достаточного определения. Одной из целей данной главы является участие в этой дискуссии с акцентом на трех ролях ведущего как на отдельных функциях. Каждая из них требует использования разного рода и разной степени авторитетности. Итак, далее в этой главе мы сначала исследуем каждую из трех ролевых функций как отдельный набор обязанностей лидера. А затем мы обсудим согласованность этих функций в рамках единой и интегрированной роли лидера.

Три ролевые функции ведущего по отдельности

Ведущий как организатор: динамическое администрирование

На рисунке 12.2 темно-серый круг обозначает текущие организационные обязанности ведущего. Его терапевтические функции представлены средне-серым кругом, встроенным в темно-серый. Это иллюстрирует, что все задачи и обязанности по управлению по мере их возникновения используются в терапевтических целях. Помещенный внутрь средне-серого круга светло-серый круг, соответствующий роли и функции ведущего как участника группы, указывает на то, что ведущий всегда и неизбежно является личностью, находящейся в группе среди других участников. Одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается ведущий, является необходимость быть доступным в личных отношениях, но не быть при этом избыточно открытым. Многие из приведенных в этой главе таблиц и рисунков иллюстрируют тонкие и сложные вопросы поддержания баланса между личной доступностью и открытостью.

При работе в разном сеттинге и с разными категориями пациентов организаторские функции ведущего и его ответственность за дина-

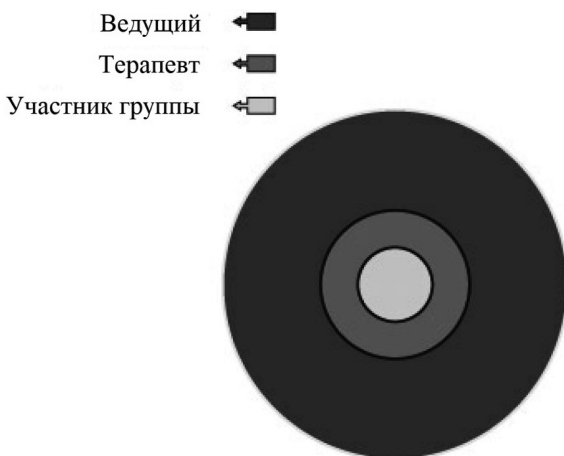


Рис. 12.2. Ведущий как организатор и встроенные ролевые функции терапевта и участника группы

мическое администрирование будут сильно различаться. Оно начинается с определения целей группы, набора ее участников и установления сеттинга, места проведения и расписания сессий. Такого рода обязанности, связанные с обеспечением постоянной жизни группы, остаются за ведущим, выступающим в роли организатора. Сюда же входит переписка с лицами, направившими пациентов в группу, защита внешних и внутренних границ группы, управление тем, как отдельные участники заканчивают свою работу в группе, и приемом новых участников в действующие группы. Динамическое администрирование, которое подробно обсуждалось в главах 8–9, отражает важную роль управленческой задачи и является способом ее включения в терапевтический процесс в качестве неотъемлемой части. Ниже представлены два наиболее важных элемента динамического администрирования.

А. Организатор и сеттинг

Ведущий обеспечивает, создает и поддерживает сеттинг на протяжении всей жизни группы. В зависимости от более широкой системы, в рамках которой работает группа, будут существовать отличия того, что требуется от ведущего для выполнения роли организатора. Например, если это амбулаторная группа, то секретарь или администратор является единственным, за исключением ведущего, важным лицом на границе группы. И напротив, в больнице или тюрьме, где переговоры с персоналом являются неотъемлемой частью административной задачи ведущего, ему приходится гораздо более активно играть роль связующего звена. Это постоянная и фундаментальная часть терапии, включающая защиту внешних границ группы, таких, как время встреч, точность начала и окончания сессий, предсказуемая частота встреч и перерывов, а также общая гарантия стабильного фона, на котором нестабильность отдельных участников оказывается в центре внимания группы.

Б. Организатор и граничные события в жизни группы

Каждый аспект жизни группы, в том числе отсутствие, уход, опоздание и общение за пределами группы посредством писем, телефонных звонков и сообщений, обычно называемый граничным событием, открыт для обсуждения и исследования. Граничные события можно разделить на те, которые возникают на внешних границах группы, и те, которые нарушают внутренние границы.

Внешние граничные события. Внешние граничные события можно интерпретировать для того, чтобы понять, какое значение они имеют для жизни группы как целого. Это задача, которую инициирует организатор, но занимается ею не только он, и по мере того, как аналитическая рамка и события, выходящие за ее пределы, становятся темами для обсуждения, сеттинг сам по себе, в который каждый участник вносит свой вклад, приобретает способность осуществлять холдинг отдельных участников и контейнировать их тревогу и неуверенность. Например, проблема контейнирования имеет большое значение для заключенных, равно как и понимание ими, хотя, возможно, они не верят в себя как в ответственных членов общества, того, что они могут взять на себя ответственность и ожидать ее со стороны других людей, таких же, как и они. Таким образом, группа несет ответственность не только за воспитание, принятие и безопасность своих участников (в некотором смысле за «материнскую заботу» о них), но также за контейнирование, установление ограничений и поддержание устойчивого авторитета (за «отцовскую заботу» о них). Ведущий неизбежно будет лидировать в моделировании обеих ролей для участников группы, но эволюция терапевтической культуры приведет к тому, что отдельные участники будут брать на себя эти роли, и в группе как в целом возникнет некоторая способность развивать и поддерживать свои нормы с позиций как «материнской», так и «отцовской» заботы. С другой стороны, пациенты, посещающие амбулаторную группу в частной практике, подобную группам, которые описаны во вступительной части главы 2 и в главах 3–4, не будут в такой же сильной степени опираться на организационную функцию ведущего, чей вклад будет в большей мере настроен на терапевтические потребности в данный момент.

Внутренние граничные события. Проблемы с внутренними границами группы, когда поведение участников группы приводит к нарушениям в отношениях друг с другом, всегда будут требовать внимания организатора. В конечном итоге ведущий несет ответственность за справедливое распределение времени и внимания, что Браун называет «справедливыми долями и взаимным интересом» (Brown, 2006). Необходимо будет решать проблемы, связанные с поведением участников, которые монополизируют группу, которые проявляют себя как «ищущие помощи жалобщики», чье избегающее или агрессивное поведение вызывают постоянную озабоченность, или тех,

кто навязчиво заботится обо всех. Внимание может потребоваться и от ведущего как терапевта, но иногда необходим авторитет, и, если ведущий не может использовать свои полномочия, остальные могут оказаться беспомощными в решении этих проблем. «История деревянной ложки» в виньетке 9.1 иллюстрирует, как реакция ведущего на внутренние граничные события оказалась терапевтически продуктивной.

Ведущий как терапевт

На рисунке 12.3 средне-серый круг, который здесь является главным, обозначает основную ролевую функцию ведущего как терапевта. Внутри этого круга текущие обязанности ведущего как организатора обозначены темно-серым цветом, далее в сердцевине — светло-серым цветом помечена идентичность ведущего как одного из участников группы. Терапевту необходимо помнить об этой идентичности и соотносить с ней свои действия. Ниже описаны четыре функции ведущего в роли терапевта. Это уже подробно обсуждалось в предыдущих главах этой книги. Далее мы обсудим развитие терапевтических рефлексивных отношений в группе, продвижение дискурса путем построения монолога и диалога, переход от отношений к рефлексивному и затем репаративному опыту и ис-

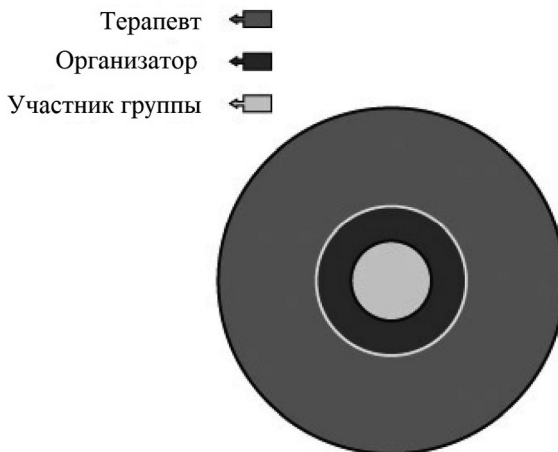


Рис. 12.3. Ведущий как терапевт и встроенные ролевые функции организатора и участника группы

пользование контрпереноса с тем, чтобы сделать перенос видимым и понятным для участников группы.

А. Терапевтическая роль и терапевтическая позиция

Развитие функции ведущего происходит по ходу того, как эволюционирует *терапевтическая роль* со свойственной ей ярко выраженной ответственностью за установление терапевтической позиции по отношению к отдельным участникам, их взаимодействию внутри группы и жизни группы как целого. Это помогает всем участникам занять рефлексивную позицию и создать в группе культуру исследования себя и других. Ведущему будут адресованы сильные чувства, и участники будут занимать относительно него выраженную позицию. Все это ему необходимо отслеживать и преобразовывать в вербальные и невербальные терапевтические реакции. Развитие ролевой функции терапевта потребует от ведущего свободно-ассоциативных реакций на атмосферу и события в группе и готовности говорить об этом, что также будет способствовать моделированию свободно текущей дискуссии.

Б. Продвижение дискурса

Во-первых, ведущий должен уверенно продемонстрировать свою способность к работе с этой динамикой и стать моделью «использования я» для способствования развитию дискурса здесь и сейчас. Продвижение дискурса начинается с культивирования монолога, когда участники используют группу, чтобы говорить о себе и своих проблемах. Пока участники наводят друг с другом мосты, обсуждая свой опыт, терапевту необходимо превратить это в диалог. На ранних этапах жизни группы связующая роль терапевта часто оказывается критически важной. В литературе по групповому анализу интервенциям, направленным на наведение мостов, уделено относительно мало внимания. Фукс фактически выступает против связующих вмешательств, о чем свидетельствует таблица 17.2. Однако они лежат в основе работы представителей современной аналитической модели в Северной Америке, и их связующие интервенции часто носят крайне директивный характер (Ormont, 1992). В традициях группового анализа дискурсу обычно способствует готовность ведущего лично участвовать в «игре» с опытом группы, чтобы позволить дискурсу проявиться как ненаправленной и спонтанной цепочке ассоциаций и реакций.

В. Переход от отношенческого к рефлексивному и репаративному опыту

Терапевту необходимо уметь переходить в ходе группового обмена от отношенческого к рефлексивному опыту, а затем, по мере «взросления» группы, от рефлексивного к репаративному опыту. Эти три основных аспекта ролевой функции ведущего будут проявляться во всех вариантах применения группаналитической модели.

Г. Работа с переносом

Поскольку в группе возникает своя атмосфера обмена, терапевту необходимо уметь исследовать эмоциональное воздействие момента, размышляя о его скрытом смысле в переносе. Важнейшая часть работы терапевта — сделать перенос заметным и понятным для участников группы. Отслеживание и исследование ведущим своих реакций контрпереноса является жизненно важным источником для понимания происходящего в переносе. Следует помнить, что ведущий прежде всего является участником группы, и если в группе возникают беспокоящие и болезненные эмоции, его контейнирующие ресурсы должны послужить якорем, с которого начинается процесс, посредством которого группа сама станет контейнером для своих участников.

Ведущий как участник группы

На рисунке 12.4 основным является светло-серый круг, который обозначает присутствие в группе ведущего как человека. В первую очередь это присутствие направляется встроенной организаторской функцией (обозначена темно-серым цветом), которая регулирует ответственность ведущего за всю жизнь группы. В свою очередь, она определяется терапевтической функцией (обозначена средне-серым цветом), которая задает ведущему терапевтическое обоснование для вмешательств и фокусировки понимания вне зависимости от того, что происходит в группе, как часто ведущий высказывается, и от того, каким терапевтическим целям служит его вмешательство, даже если он предпочитает говорить в основном сам.

Как участник группы (выделенный светло-серым цветом) ведущий должен иметь возможность использовать свои реакции контрпереноса, чтобы следить за тем, что происходит в группе. А затем без излишнего самораскрытия ему необходимо переработать свои личные



Рис. 12.4. Ведущий как участник группы и встроенные ролевые функции организатора и терапевта

реакции и превратить их во вклад в жизнь группы, который продемонстрирует его доступность для процесса и поможет продвижению от отношенческого к рефлексивному и затем к репаративному опыту. На самых ранних этапах работы новой группы комментарий ведущего, предлагаемый с субъективной точки зрения, вероятно, вызовет тревогу у мало знакомых друг с другом участников. Но то, как ведущий от первого лица приводит свои наблюдения относительно сеттинга, места проведения встреч, состава участников и их кажущейся непринужденности или неловкости, вероятно, станет моделью использования этого процесса для участников, впервые столкнувшихся с терапией. Ведущий, который не может выдерживать молчание в группе, вероятно, будет более активным, чем требуется, и будет слишком часто вмешиваться и таким образом препятствовать процессу свободных ассоциаций в группе. Но с другой стороны, слишком отстраненный ведущий может восприниматься со своим молчанием как ограничивающий и наказывающий и привлекать к себе контртерапевтическое внимание, что не будет способствовать терапевтическому процессу. Как обычно, соблюсти баланс сложно, и, вероятно, ведущему придется опираться на личный опыт групповой терапии и/или на свой опыт клинических супервизий. По мере того, как группа стабилизируется и развивается, ведущий станет, как бы-

ло указано выше, адресатом проекций и других мощных аффектов со стороны участников, подгрупп и группы как целого. На более поздних стадиях работы группы более развернутые наблюдения контрпереноса и интерпретации, представленные в рефлексивных и репаративных терминах, становятся принципиальным моментом для локализации групповой тревоги. В то же время по мере углубления исследований группы ведущий может моделировать деятельность, основанную на процессе, чтобы помочь другим участникам в совместной работе. Терапевтическое использование функций роли ведущего как участника группы подробно обсуждается в части III.

Совокупные обязанности ведущего

Различные клинические группы пациентов и большое разнообразие условий, в которых практикуется группаналитическая психотерапия, потребуют от группового аналитика различных видов и качеств лидерства. Картина еще больше усложняется тем обстоятельством, что в одной и той же группе — например, на ранних этапах ее жизни или намного позже в зрелой и творческой фазе — от одного и того же группового аналитика как от лидера потребуются выполнение разных ролей. Но, несмотря на эти расхождения, модель имеет достаточно надежную понятийную базу, которая может быть сформулирована в виде ряда общих принципов.

В таблице 12.2 приводится интегрированный набор этих принципов вместе с описанием преобладающей идентичности ведущего в применении к развивающейся группе (в его ролевой функции организатора, терапевта и участника группы) и описанием того, как обязанности по каждой из этих отдельных функций распределяются в зависимости от конкретной фазы. Жизненный цикл развития группы в этой таблице представлен условно: от фазы становления через фазы консолидации и творчества до фазы завершения. Групповая терапия не принадлежит к «точным наукам», поэтому, как изложено в главе 3, существует множество других способов описания развития жизни группы. Этот цикл является лишь аппроксимацией, которая охватывает самый широкий диапазон возможных вариантов. Давно существующая медленно открытая группа будет работать в соответствии со спиралью развития, которая может включать в себя элементы этих различных фаз, проявляющиеся на все более и более высоких стадиях развития по мере того, как участники прихо-

Таблица 12.2
Циклические фазы группового развития.
Преобладающая идентичность и обязанности ведущего

Фаза групповой работы	Преобладающая идентичность ведущего по роли и обязанностям	Обязанности ведущего
	Организатор (динамический администратор)	<p>Определение идеи группы. Определение количества и отбор участников. Управление посещаемостью и участием. Соблюдение границ и протоколов</p> <p>Установление и поддержание терапевтической позиции по отношению к отдельным индивидам, подгруппам и группе как целому, поощрение дискурса, продвижение от отношения через рефлексивный к репаративному опыту, работа с переносом</p> <p>Использование контрпереноса для работы с переносом. Моделирование использования группы в качестве форума посредством периодических личных наблюдений, включая готовность высказаться в качестве свидетеля опыта участников, при частом и активном употреблении местоимения «мы»</p> <p>Контейнирование, приобщение, интеграция, поддержание памяти группы путем выявления связей между прошлым и настоящим участниками, а также событиями, происходящими в группе и во внешнем мире. Развитие доверия. Продвижение дискурса путем построения монолога и диалога. Переход от отношения через рефлексивный к репаративному опыту. Работа с переносом. Поддерживание сплоченности и согласованности</p>
1	Терапевт	
	Участник группы	
2	Терапевт	
	Фаза консолидации	

Фаза групповой работы	Преобладающая идентичность ведущего по роли и обязанностям	Обязанности ведущего
3	Фаза творчества	<p>Локализация беспокойства.</p> <p>Перевод группового опыта с симптоматического языка на описательный язык группового поведения и смысла.</p> <p>Интерпретация связей между прошлым и настоящим участников, а также событиями, происходящими в группе и во внешнем мире</p>
		Присутствие в группе в качестве участника, который может сказать что-то личное (но исключает самораскрытие), частое и активное использование местоимения «мы»
		Помощь покидающему группу участнику в оценке его опыта, индивидуации в группе и ожиданий от жизни после окончания работы в группе
4	Фаза завершения работы в группе участника или всей группы)	Распространение опыта в группе на внешний мир. Работа с вопросами утраты и изменений; обсуждение этих вопросов как с покидающим(и) группу, так и с остающимися (в открытой группе)
		Рассказ о своем опыте надвигающегося завершения и потери (при условии некоторой доступности, но не излишней открытости)

дят и уходят. Краткосрочная закрытая группа, например, проводящаяся в экспериментальных целях в рамках учебного мероприятия или конференции, скорее всего, столкнется с взаимопроникающим сочетанием этих разных фазовых элементов, что потребует большого разнообразия различных (или вообще никаких) вмешательств со стороны ведущего на протяжении очень ограниченного периода времени. Фазы развития уже были рассмотрены в главе 3, поэтому далее основное внимание уделяется лидерству и роли ведущего.

Принципы лидерства для малых и средних групп, а затем и для больших групп рассматриваются в таблицах 12.3–12.4. Хотя обсуждение лидерства в больших группах выходит за рамки этой книги, мы рассматриваем роли лидера в этих различных видах деятельности в таблице 12.4.

В ходе группаналитической психотерапии участники обнаруживают, что в перерывах между сессиями вспоминают рассказы и эмоции друг друга, а потом неожиданно мысленно спорят или приходят к взаимопониманию друг с другом. Об этих воспоминаниях участники могут рассказать на следующих встречах группы, и в динамическом настоящем сойдутся прошлое группы и жизнь участников вне сессий. Именно это «здесь и сейчас» становится все более значимым по мере того, как участники становятся эмоционально ближе друг другу.

Некоторые отличительные черты лидерства в малых группах проявляются в противопоставлении с лидерством в большой группе. В большой группе бессознательная жизнь организации или собрания проявляется на арене группы, хотя она и не прорабатывается через внимание к индивидуальным мотивам или потребностям, что является основной задачей психотерапии в малых группах. В большой группе то, чем обмениваются и что обсуждают участники, является репрезентацией базовых противоречий, проблем или «горячих тем», которые имеют отношение к жизни группы как целого, к ее подгруппам и к более активным усилиям, направленным на установление согласованности в группе и в обществе за ее пределами. С учетом этого изменяется роль лидера, как описано в таблице 12.4.

В ходе адаптации идей Фукса к клинической практике, Липгар, опираясь на работы Пайнса, описывает лидерство как выполнение функций, позволяющих группе приспособиться к требованиям меняющихся внутренних и внешних реалий, которые способствуют чувству групповой сплоченности и идентичности, защищаю-

Таблица 12.3
Принципы лидерства в применении к терапии
малых и средних групп

1	Важен визуальный и слуховой контакт. Необходимо, чтобы каждый участник мог видеть и быть увиденным, мог слышать и быть услышанным. Соблюдение этих требований сеттинга является важнейшей обязанностью организатора
2	Все участники занимают равное положение, приветствуются высказывания каждого из них. Обеспечение равенства положения — важнейшая задача организатора, и, когда такая групповая настройка неизбежно отклоняется от идеала, вновь возникающая фигурация потребует терапевтической интерпретации
3	Обсуждение развивается спонтанно. Оно никем не направляется, не имеет определенной повестки дня или темы и развивается посредством свободно текущей дискуссии
4	Обсуждение эволюционирует от монолога через диалог к дискурсу. Ни одна из этих речевых форм не игнорируется, и динамика группового процесса будет спонтанно перемещаться между ними по спирали развивающегося обмена, основанного на потребностях ее участников
5	На ранних этапах жизни группы участники прилагают усилия для того, чтобы перейти к знакомству, а затем к общности, называемой сплоченностью, с помощью которой могут быть выражены и поняты как регрессивные, так и прогрессивные свойства личности. Участники столкнутся с глубокими и сильными эмоциями по отношению друг к другу, иногда доходящими до любви и ненависти
6	Задуманные беседы в сплоченной группе способствуют развитию согласованности, выработке общего смысла, посредством которого рефлексивный процесс, происходящий в группе, интернализируется ее участниками
7	В <i>сплоченной</i> группе участники в ходе задуманных бесед находят для себя возможность высказаться, и группа становится свидетелем истории каждого отдельного человека
8	Позже в группе, пришедшей к <i>согласованности</i> , задуманные беседы обретают место в сердце каждого участника. Эти связи становятся трансперсональными, когда участники вступают в валентные и контрвалентные отношения по мере того, как они становятся свидетелями усилий друг друга, направленных на решение проблем и репарацию
9	Ведущий действует как организатор, который несет ответственность за управление сеттингом, за соблюдение временных границ и выступает в качестве терапевта, постоянно комментируя жизнь группы. Вне функции организатора ведущий максимально воздерживается от «использования» своего авторитета. Поиск лидерства — это задача, часть рефлексивного исследования группы

Продолжение таблицы 12.3

10	Бессознательное оживает в кругу общения. Оно становится видимым в происходящих взаимодействиях, возникающих историях, метафорах и идиоматическом языке, которые уникальны для каждой группы. В этом потоке группы становятся сплоченными. Сплоченность ведет к пониманию, которое порождает согласованность. Основные шаги по переходу от сплоченности к согласованности — это движение от пункта 5 к пункту 6 и от пункта 7 к пункту 8 данной таблицы. Это иллюстрация развития от момента сплоченности, когда участники находят себе место в душевных беседах в группе. Из этого вызревает согласованность, когда душевные беседы находят себе место в каждом отдельном участнике. В такие моменты раскрытия и установления эмоциональных связей на «третьем уровне» отношения между участниками обретают измерение, которое можно понимать как <i>трансперсональное</i> , поскольку они выходят за пределы пребывания группы во времени и пространстве
----	---

Таблица 12.4

Принципы лидерства для больших групп

1	Большая группа — это своего рода конгресс или собрание, обеспечивающее форум для всех, кто посещает определенное мероприятие/учреждение/курс
2	Правила дискуссии предписывают внимание к голосу каждого участника, присутствующего в группе как в целом. Право каждого участника быть услышанным основано на необходимости слушать других. Благодаря балансу между правами и ответственностью такой форум представляет собой микросрез гражданского общества
3	Этот опыт возникает во время создания ощущения общности, которую здесь мы называем сплоченностью и которое дает ключ к пониманию как положительных, так и отрицательных социальных сил
4	С возникновением сплоченности/общности происходит принятие как положительных, так и отрицательных социальных сил, что приводит к согласованности. В больших группах согласованность не всегда достижима
5	Когда согласованность достигнута, она принимает форму, основанную на чувстве товарищества, а не на близости, присущей малой группе
6	Организаторы моделируют процесс, посредством которого собрание становится <i>свидетелем</i> своей работы на <i>арене</i> группы. В числе обсуждаемых вопросов могут быть трудности с <i>составом</i> , <i>инклюзивностью</i> и <i>разделением на подгруппы</i> , а также с движением от сплоченности к согласованности. Это позволяет проработать как благоприятные, так и деструктивные силы и принять их в <i>коллегиальном духе товарищества</i>

щих индивидуальность при достижении групповой согласованности и целостности и позволяющих делиться достижениями (Lipgar, Pines, 2003).

Не для всех психодинамически подготовленных психотерапевтов группаналитическая психотерапия будет комфортной, и далеко не всякий из них будет в ней компетентен. При работе в некоторых условиях и с некоторыми группами пациентов лидер будет играть роль, которая имеет много общего с ролью системного семейного терапевта, задающего циркулярные вопросы. Но, вероятно, важнейшее различие между групповой и семейной терапией состоит в уровне сдержанности и ненаправленного лидерства, которые необходимы в групповой терапии. Психотерапевт, имеющий квалификацию, подходящую для практики группаналитической психотерапии, должен свободно владеть компетенциями, которые мы приводим ниже.

Терапевтическое обоснование, упомянутое в пункте 5 таблицы 12.5 указывает на важность для практики последовательной и хорошо усвоенной рабочей модели, описание которой и является целью этой книги. В ходе работы группы ведущий должен быть разборчивым и последовательным в отношении различного рода вмешательств, о чем говорит Лоренцен, исследование которого описано в главе 6.

Таблица 12.5

Требования к терапевтической компетентности
в применении к группаналитической психотерапии
(Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1354)

1	Способность следить за сложными взаимодействиями и процессами
2	Способность различать соответствующую ситуации деятельность и контейнирующую форму молчания
3	Рефлексивная позиция и способность рассматривать процессы, касающиеся как отдельных участников, так и группы как целого, и размышлять над ними
4	Способность видеть как явные, так и скрытые черты группы, интерес к бессознательным или иным скрытым аспектам жизни группы. Это потребует от терапевта контакта с его собственным внутренним процессом и способности использовать его
5	Терапевтическое обоснование действий, связанных с групповыми задачами и требованиями лидерства, включая понимание психопатологии участников, их психодинамики и групповой динамики

В таблице 12.6 разбирается группаналитическая модель и рассматриваются способы ее практического применения в движении от сплоченности к согласованности через конструктивный, реконструктивный и деконструктивный процессы. Цель состоит в том, чтобы способствовать интеграции и целостности группы и ее участников с помощью трех измерений психотерапии. Организаторская функция ведущего достаточно очевидна в первом пункте. В пунктах 1–3b наглядно представлена работа, основанная на процессе,

Таблица 12.6
Вмешательства ведущего по ходу работы
(Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1363)

1	Стимулируйте сплоченность группы и в большинстве случаев обращайтесь к процессу, а не к содержанию, превращая группу в арену для <i>резонанса</i>
2	Помогайте участникам распознавать аспекты себя в других и принимать точку зрения других на себя, чтобы <i>отзеркаливание</i> стало безопасной и узнаваемой чертой жизни группы
3	Контролируйте интенсивность участия, чтобы обеспечить благоприятный темп. Так участники смогут развивать способность иметь дело с глубоко личными проблемами друг друга и выдерживать противоречивые чувства по отношению к близости и открытости
3a	Работайте над сплоченностью группы, исследуя <i>усиление</i> аффекта
3b	Работайте над сплоченностью группы, исследуя <i>сгущение</i> аффектов, возникающих в группе и в ее отдельных участниках
4	Работайте над сплоченностью группы с помощью интервенций, которые описаны в пунктах 5–10
5	Поддерживайте дух исследования в отношении колебаний настроения и мировоззрения и интерес к движению между различными модальностями времени и места
6	Помогайте группе различать роли, которые принимают на себя отдельные участники (помощник терапевта или его соперник, шутник, жалобщик)
7	Держите в уме гештальт фигуры и фона. Если кто-то выделяется, на фоне чего он это делает? Если фон изменяет основной паттерн группы, как это может повлиять на фигуру?
8	Помогайте группе различать закономерности и паттерны и станьте лидером в изучении меняющихся тем группы
9	Помогайте группе расшифровать и найти смысл в конструктивных, деконструктивных и реконструктивных элементах своего обмена
10	Содействуйте интеграции и целостности участников группы

посредством ключевых группаналитических конструкций резонанса, валентности, отзеркаливания, усиления и сгущения, которые были описаны в главе 10. Следующие пункты под номерами 4–10, создают основу для того, что мы будем рассматривать в части III.

Таблица 12.6 особенно актуальна для терапевтического управления группами, состоящими из более нарушенных, нарциссических или пограничных пациентов. Они приносят в группу свои более примитивные психические структуры и процессы, которые создают нагрузку на ресурсы других участников группы. Они также создают смятение, в котором задачей ведущего будет поддержание реакций группы на более зрелом уровне психической организации. Реагируя на частично-объектные отношения и процессы на уровне отношений целостного объекта, можно вызвать более мягкие контейнирующие реакции. Постепенно это помогает создать у нарушенного пациента более благоприятный мир внутренних объектных отношений и процессов. Более нарушенные пациенты отчаянно ищут внимания неуместными и разрушительными способами. Этот поиск внимания возникает из-за того, что пациент не может установить связь между собой и процессами в группе. Отзеркаливание и резонанс могут постепенно прийти на смену этим изолированным и фрагментарным реакциям, позволяя пациенту впервые обрести связное ощущение я и способность распознавать идентичность других.

В группах, которые являются недавно организованными, молодыми или хрупкими по каким-то другим причинам, участникам нужно помогать говорить, также важна связующая коммуникация и прямые вопросы. Если делать это доброжелательно и внимательно, то это задаст тон и образец формы взаимодействия, которую ведущий рассчитывает развить у участников группы, включая готовность бросать вызов и конфронтировать с участниками. В таких обстоятельствах найдется пространство для тишины, и участники будут постепенно обретать уверенность, поскольку увидят, что ведущий дает им свободу, а сам говорит только тогда, когда это необходимо, и в основном для того, чтобы выразить словами опыт или переживания, для которых другие, возможно, еще не нашли слов.

С другой стороны, ведущий, который в устоявшейся и давней группе говорит слишком много, который не может выдерживать молчания и чья активность иногда препятствует молчаливым уси-

лиям группы по переживанию ее опыта, будет прерывать и опережать свободно текущую дискуссию. Группаналитический метод требует от ведущего зрелой и устоявшейся группы сбалансированного использования всех двенадцати принципов лидерства и анализа, указанных в первой части таблицы 12.7. По мере взросления группы можно ожидать постепенного снижения уровня его активного лидерства в пользу более рефлексивного и интерпретирующе-

Таблица 12.7

Краткое изложение терапевтических принципов группаналитической психотерапии. Лидерство, анализ и интерпретация (Schlapobersky, Pines, 2009, p. 1359)

A	Лидерство и анализ
1	Моделируйте способность к открытой и прямой коммуникации
2	Сохраняйте терапевтическую нейтральность
3	Внимательно относитесь к граничным событиям
4	Обеспечивайте холдинг и контейнирование,
5	воздерживаясь от самораскрытия
6	Используйте контрперенос
7	для обдумывания того, что происходит в группе
8	Выносите события с заднего плана на передний и наоборот
9	Обеспечивайте связующую коммуникацию
10	Проясняйте и конфронтируйте с отдельными участниками
11	Будьте внимательны к умолчанию, избеганию и отрицанию
12	Сохраняйте тишину
B	Интерпретация
1	Локализируйте тревоги группы
2	Переводите с языка бессознательного (индивидуального и группового) поведения
3	Интерпретируйте или предлагайте метафорические конструкции для:
i	защит и сопротивления,
ii	переноса и проективных процессов,
iii	архаического или раннего опыта

го отношения. С этой позиции тишина почти всегда будет «золотой», ведущему следует прерывать ее лишь изредка и, по возможности, ее следует исследовать в соответствии с принципами интерпретации, изложенными во второй части таблицы 12.7, которые подробно рассматриваются в части III. В таблице 12.8 обобщаются выводы всех глав части II и сопоставляются терапевтические роли ведущего с тремя измерениями группы (структурой, процессом и содержанием) и с работой, которая потребуется от него в четырех доменах группы, о чем пойдет речь в части III.

Таблица 12.8

Сопоставление терапевтических ролей ведущего
с тремя измерениями группы и четырьмя ее доменами
(см. рисунок II.1)

А	Динамическое администрирование. Структурная динамика Ведущий работает как организатор и терапевт
1	Управляйте численностью и отбором участников
2	Управляйте сеттингом
3	Управляйте границами, составом и вопросами времени
Б	Динамики процесса фасилитируют вовлеченность участников и рефлексивный анализ Ведущий работает как организатор, терапевт и участник группы
1	Обеспечивайте и поддерживайте свободно текущую дискуссию
2	Работайте с резонансом, валентностью, отзеркаливанием, усилением и сгущением
3	Локализируйте групповые тревоги и фокальные конфликты
4	Переводите с языка бессознательных симптомов на язык осознанного поведения — «эго-тренинг в действии»
В	Динамика анализа содержания и интерпретация Ведущий работает как терапевт и участник группы
1	Ведущий обеспечивает холдинг, контейнирование и рефлекссию ТЕКУЩИЙ ДОМЕН
2	Анализ вопросов переноса ДОМЕН, СВЯЗАННЫЙ С ПЕРЕНОСОМ
3	Интерпретация и использование терапевтом контрпереноса ПРОЕКТИВНЫЙ ДОМЕН
4	Мутативное использование метафор и аллегорий ПЕРВИЧНЫЙ ДОМЕН

Виньетка 12.1

Ночное бдение — ожидание возвращения родителей.

Ведущий за работой

Это виньетка, основанная на материалах долгосрочной группы, работающей в условиях амбулаторного психиатрического отделения.

Участники прилагали усилия к выздоровлению от серьезных психических заболеваний и проблем, к которым относились самоповреждение, абьюзивное сексуальное поведение, в котором они были либо агентами, либо реципиентами трансгрессивного поведения, и глубоко укоренившиеся проблемы зависимости. Произошло следующее.

Один из участников, мужчина, который был в группе на несколько лет дольше, чем другие, сообщил о том, что покидает группу. Он чувствовал уверенность и решимость и хотел переехать с семьей в другую часть страны, что и послужило причиной для завершения его работы в группе. Мы были рады за него и с одобрением и признательностью попрощались с ним на одной из сессий. Затем был перерыв на несколько недель, и, когда группа снова собралась, на встрече присутствовали все, кроме нашего последнего «выпускника». Участники спрашивали, получил ли я от него какие-либо известия, и, когда я ответил отрицательно, кто-то сказал, что мы никогда больше о нем не услышим. «Он сейчас слишком здоров для нас», — сказал этот человек. Кто-то другой не согласился и напомнил нам, что после того, как группу покинула предыдущая «выпускница», мы через ведущего получили от нее записку, в которой сообщались хорошие новости о ее жизни и успехах. В свое время мы могли бы получить что-то подобное и от этого участника.

А потом группа как будто остановилась. В течение почти пяти минут никто не сказал ни слова — для этой группы такое долгое молчание было нехарактерно. Прошло еще пять минут, одни участники ерзали на стульях, а другие проявляли признаки беспокойства. Пропал зрительный контакт друг с другом, и все до конца встречи погрузились в состояние враждебной и пассивной отстраненности. На следующей неделе атмосфера в группе была такой же застывшей и непроницаемой. Еще через неделю несколько участников опоздали, и мы снова находились в состоянии длительного и пассивного ухода в себя. На этой третьей встрече в какой-то момент в тишине меня начало клонить в сон, и я предпринял ряд вмешательств, которые, казалось, ни к чему не привели. Был жаркий летний день, послеобеденное время, и я, должно быть, ненадолго заснул. Когда я снова собрался и оглядел-

ся, участники сидели в таком же отстраненном состоянии, никто, казалось, не заметил моей сонливости. Пока я спал, мне приснился сон, отсылающий меня в детство. Я был старшим из моих братьев и сестер, и мы жили на ферме. Я был в гостинной, один, поздно ночью, так как мне было поручено заботиться о своих спящих братьях и сестрах. Я с нарастающей тревогой ждал возвращения наших родителей. Они вернулись, я почувствовал облегчение и проснулся.

Я немного подождал, а затем сказал: «Такое ощущение, что мы здесь — группа детей и ждем взрослых, которые ушли из дома. Ждем, когда они вернутся. Это как если бы мы сидели в ожидании старших, которым доверяем, как будто в любой момент мы можем услышать, как подъезжает машина и поворачивается ключ в двери, и он (ушедший участник) возвращается». Смысл, который я придал этому образу, позволил уловить что-то важное в глубинах группового бессознательного, поскольку все участники, казалось, снова ожили. Положение их тел изменилось, и разговор возобновился приблизительно в той же манере, как это было до того, как группу покинул «выпускник». Участники сошлись во мнении, что было бы очень хорошо, если бы он мог вернуться «с другой стороны» и сообщить нам, что он справляется с жизнью.

Комментарий

Вмешательство, описанное в виньетке, и его непредвиденно продуктивные последствия являются иллюстрацией всех двенадцати принципов лидерства и анализа, а также трех принципов интерпретации, которые приведены в таблице 12.7. Я построил свою интерпретацию на бессознательном резонансе с невысказанным чувством покорности тому, что с уходом выпускника мы утратили что-то хорошее и здоровое. Интерпретация, предложенная мной на основе сновидения из невысказанной контрпереносной позиции, казалось, вернула группе жизнеспособность. В таблице 12.8 приведено краткое описание разнообразных и меняющихся ролей ведущего, включая «crescendo/decrescendo» активности.

Заключительный комментарий Джеймса Энтони

Ниже приводится комментарий Энтони о «лидере, который не ведет»:

...Терапевтическая группа не является обычной группой и... управляется своим контекстом. Фукс настаивает на том, что ведущий группы не должен брать на себя активное руководство и быть заинтересован в том, чтобы вести группу куда-либо. Он «по умолчанию» выполняет ожидания группы в отношении его лидерства, слушает, наблюдает, участвует и помогает облегчить перевод (содержания) с латентного языка на явный... В группе в любой момент времени терапевтическое лидерство представляет собой сплав явных и скрытых тенденций лидерства... двух волн слушания разной длины, двух уровней понимания и двух основных проблем лидерства, которые постепенно становятся понятными...

Взаимодействие между явной и латентной жизнью группы разрешает критическую дилемму, с которой [группа]... сталкивается с самого начала своего существования. На латентном уровне группа, как ребенок в семье, демонстрирует тягу к отцу, который всемогущ и всеведущ... На явном уровне ведущий получает эту латентную проекцию, но, по словам Фукса, его терапевтическая цель — «испортить ее»... терапевтически, тактично и постепенно, допуская... огромную, незрелую потребность в его авторитете со стороны отдельных участников. Он принимает позицию лидера, «с тем, чтобы потом ее ликвидировать»... Любая форма авторитарного высказывания или поведения зафиксировала бы группу на уровне ее бессознательных требований. Ведущий никогда не занимает «активную» руководящую позицию, никогда не действует в соответствии с ней, но, с другой стороны, никогда не отрицает ее «словом или делом». Как говорит Фукс, он ведет себя... как психоаналитик в ситуации переноса. В процессе отлучения группы от ее желаний по отношению к лидеру мы наблюдаем два глубоких процесса: *decrecendo*, когда группа свергает дирижера с его «авторитарного пьедестала»... и *crescendo*, когда группа заменяет авторитет лидера своим собственным. Инфантильная центрированность на лидере уступает место центрированности на группе...

С точки зрения Левина, группа Фукса по сути своей демократична [и] обеспечивает... не только лучшую жизнь для индивидуума в группе, но и для индивидуума в мире. Чтобы группа... глубоко приняла ведущего как лидера, должны быть какие-то качества, которые облегчают такие реакции переноса. В своей по-

вседневной жизни [он]... должен быть демократичным, в разумной степени надежным и ориентированным на реальность и в особенности защищенным от любого искушения сыграть в Бога... [У него] должно произойти разрешение эдипального конфликта, которое позволит ему не злоупотреблять властью. [Его] цель — создать себе равных, и неудивительно, что множество бывших пациентов стали вести деятельность в области группаналитической психотерапии. Фукс хорошо понимал, что очевидные лидерские качества не дают полной картины и что в анкетах не упоминаются экстраординарные компоненты, относящиеся к харизме, которые, казалось, были врожденными или приобретенными на очень раннем этапе жизни будущего терапевта. В этом содержались некоторые преимущества, и поэтому... группа, даже наиболее центрированная на себе, никогда не перестает обожать терапевта, и в случае Фукса это было очевидно... С такой точки зрения потребность в лидерстве можно рассматривать как симптом группы, излечимый только терапевтом, который «не ведет».

(Anthony, 1991, p. 85–86)

Литература

- Anthony E. J. (1991). The dilemma of therapeutic leadership: The leader who does not lead // S. Tuttmann (Ed.). *Psychoanalytic Group Theory and Therapy: Essays in Honour of Saul Scheidlinger*. American Group Psychotherapy Association Monograph. P. 71–86.
- Behr H., Hearst L. (2005). *Group Analytic Psychotherapy: A Meeting of Minds*. London: Whurr.
- Brown D. (2006). Fair shares and mutual concern // J. Maratos (Ed.). *Resonance and Reciprocity: Selected Papers of Dennis Brown*. London: Routledge. P. 124–130.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). *Therapeutic Group Analysis*. London: Karnac.
- Freud S. (1913). On Beginning the Treatment (Further Recommendations on the Technique of Psychoanalysis) // S. E. V. 12. London: Hogarth Press.
- Gill M., Sherbersky H. (2013). Rediscovering spontaneity // *The Magazine for Family Therapy and Systemic Practice*. V. 126. P. 34–39.

- Haddock R. (1992). *Silence in the Matrix in Group Psychotherapy. Theory Paper for Qualification*. London: Institute of Group Analysis.
- Hutchinson S. (2009). *Foulkesian Authority: Another View. Response to Foulkes Lecture by Morris Nitsun // Group Analysis*. V. 42 (4). P. 354–360.
- Kennard D. et al. (1993, reissued 2001). *A Workbook of Group-Analytic Interventions*. London: Jessica Kingsley.
- Lao Tsu (1972). *Tao Te Ching / Transl. Gia Fu-Feng, Jane English*. New York: Vintage.
- Lipgar R., Pines M. (2003). *Building on Bion: Vol. 1: Roots; Vol. 2: Branches*. London: Jessica Kingsley.
- Nitsun M. (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Nitsun M. (2009). *Authority and Revolt: The Challenges of Group Leadership. 33rd Foulkes Lecture // Group Analysis*. V. 42 (4). P. 325–348.
- Ormont L. (1992). *The Group Therapy Experience: From Theory to Practice*. London: Vintage; New York: St Martin's Press.
- Ormont L., Furgeri L. B. (2001). *The Technique of Group Treatment: The Collected Papers of Louis Ormont*. New York: Psychosocial Press.
- Pines M. (1982, 1998). *Reflections on Mirroring: 6th Annual Foulkes Lecture // Group Analysis*. V. 15 (Supplement); and in: *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley. P. 17–39.
- Rutan J. S., Stone W., Shay J. (2014). *Psychodynamic Group Therapy*. 5th Ed. New York: Guilford Press.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). *Group Methods in Adult Psychiatry*. 2nd Ed. // M. Gelder et al. (Ed.) (2012). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1368.

Часть III

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Обзор части

В пяти главах этой части мы обсудим, как модель группового анализа справляется с ключевыми вызовами эффективной психотерапии — пониманием и изменением. В этой части мы будем обращаться к работе Пайнса, чтобы проникнуть в суть того, как группа, углубляясь, двигается от базовой *сплоченности*, присущей отношениям в жизни, через рефлексивное измерение, чтобы достичь *согласованности*, когда репаративное измерение становится центральным. Изначально концепцию согласованности Пайнс заимствовал из психологии самости Кохута. В настоящее время в групповом анализе она широко используется для описания трансперсональных состояний, когда люди обретают смысл в контакте друг с другом и имеют значение друг для друга (Pines, 1998, p. 211–223). Эти связи могут быть глубже, чем аффекты, на которых основана сплоченность. Согласованные связи особенно важны во время «передышки», в моменты, когда между участниками устраниаются разногласия и в то же самое время появляются возможности для наведения внутренних мостов через внутренние разломы разделенного я. Мгновенный проблеск чего-то нового, возникающего между участниками, приносит участникам облегчение, подпитывающее серьезные изменения в жизни. Такие моменты возникают из группового опыта, который может быть скучным, раздражающим или разочаровывающим, но тем не менее, они могут быть «точками входа» и приводить к трансформации, что проиллюстрировано на протяжении всей этой книги. В виньетках, относящихся к части III, мы уделим им более пристальное

внимание за счет использования эффекта «фигура–фон», поместив их на передний план с помощью игры света и тени. Происходит постоянное взаимодействие между поверхностными качествами этой динамики — работой сплоченности в отношенческом измерении — и самыми глубокими и бессознательными групповыми процессами, к которым относятся согласованность, репарация и новое развитие.

Краткое содержание глав этой части

В главе 13 мы обсудим наиболее оригинальные и полезные части наследия Фукса и Энтони, их описание многослойной структуры группового опыта, представленной четырьмя значимыми уровнями — от поверхностного до самого бессознательного (текущий, связанный с переносом, проективный и первичный уровни), которые присутствуют в жизни каждой группы. В их первоначальной концепции есть недостатки, так как она задает иерархию и ограниченную дифференциацию этих уровней, как если бы единственный способ, которым текущий и первичный уровни могли влиять друг на друга, должен быть связан с уровнем переноса и проективным уровнем. Итак, здесь я предлагаю новую формулировку, которая переопределяет их как домены, которые имеют взаимозависимые отношения друг с другом так, что можно увидеть, как каждый из них работает непосредственно с каждым или со всеми другими.

В главе 14 мы проследим эволюцию понятия «перенос» от его истоков в классической теории Фрейда, где перенос лежит в основе фрейдовской психологии одного человека, до того, как десятилетия спустя перенос занял центральную роль как в развивающейся психологии объектных отношений, являющейся психологией двух человек, так и в психологии группы по Фуксу, которая является психологией трех человек. Эти две отношенческие парадигмы возникли в Лондоне независимо друг от друга в один и тот же период времени, но, как ни странно, не связаны между собой. Поскольку в этой главе прослеживается эволюция связанных понятий контрпереноса, проекции, идентификации и проективной идентификации, которые в сочетании с переносом составляют основу психодинамического подхода, здесь обе парадигмы обсуждаются вместе. Далее мы рассмотрим, как этот набор концепций модифицируется и приме-

няется в групповой терапии, как они связаны с группаналитической моделью, изложенной в части II, как они влияют на структуру, процесс и содержание группы и как их можно использовать для расширения арсенала навыков ведущего.

В главе 15 мы рассмотрим преобладающие в группе аффекты, которые называются стремлением и принадлежностью. Эти названия заимствованы из концепций «матери-объекта» и «матери-среды», разработанных Винникоттом и примененных в данном случае к фигурациям холдинга-контейнирования и исследования-игры. Постоянное переключение между тишиной и разговором, между повествованием и драмой позволяет смещать фокус и работать с экзистенциальной тревогой, локализуя пустоту в круге ассоциаций, общую для всей группы, что устраняет индивидуальные страхи от «прикосновения к пустоте» каждого из участников. Этот повторяющийся набор проблем, который часто встречается в жизни групп, вызывает защитную реакцию, способную приводить к избеганию.

В главе 16 мы будем исследовать, как игра порождает мутативные метафоры и вырабатывает символический язык трансформации. В этой главе мы обсудим концептуальную основу, почерпнутую из работ Кокса, Болласа и других современных авторов, чьи работы, посвящены тишине и музыкальности в группах.

В главе 17 исследуется, как ведущий может создать в группе атмосферу перемен и разрешения, что с помощью принципов локализации, перевода и интерпретации принесет долгосрочную пользу участникам. Эти принципы лежат в основе группаналитической модели, и в этой главе подводится краткий итог части III, анализируется работа перевода и интерпретации в ходе локализации группового беспокойства.

В завершающей главе 18 в общих чертах проводится обсуждение названия и задач книги, группаналитической модели в действии и дается краткий обзор некоторых из ее ключевых проблем. Это своего рода розеттский камень, описанный в главе 14, с помощью которого мы можем сопоставить языки группанализа и психоанализа относительно переноса и контрпереноса, исследование профессиональной мотивации и, наконец, обзор подходов к составлению виньеток, где обсуждается разница между доказательствами и иллюстрациями. В заключение последнее слово предоставляется бывшим участникам групп.

Литература

- Pines M. (1986, 1998). Coherency and Disruption in the Sense of Self // British Journal of Psychotherapy. V. 2 (3). P. 180—185. Reprinted: Pines M. (1998). Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis. London: Jessica Kingsley. P. 211—223.

Четыре домена коммуникации

Текущий, связанный с переносом, проективный и первичный домены

Язык симптома, будучи формой коммуникации, является при этом аутичным. Тайно бормочет, надеясь быть услышанным, если передать его смысл словами, возникает социальный контакт. Этот процесс коммуникации является посредником для всех остальных движущих сил терапии. Он продвигает терапевтический процесс... [в] движении от симптома к проблеме, от сновидения к конфликту, лежащему в основе сновидения...

(Foulkes, Anthony, 1984, p. 259–260)

В этой главе мы обсудим и разовьем концепцию многослойности группового опыта, одну из самых оригинальных идей Фукса и Энтони. Они описали двенадцать различных слоев, стратифицированных по соответствующему уровню сознательности или бессознательности опыта. Это описание излагается в обоих изданиях их книги, а затем сам Фукс упрощает и сокращает его до четырех уровней — текущего, связанного с переносом, проективного и первичного, которые описаны в его книге 1964 года. Наши студенты считают это одним из важнейших достижений Фукса. Мы обсудим игру и взаимодействие между этими уровнями, и для этого я буду использовать новые термины и назову их четырьмя доменами, каждый из которых непосредственно связан с любым другим (или со всеми сразу) в любой комбинации.

Первоначальная концепция обладает некоторыми недостатками. Первая проблема заключается в том, что уровни подразумевают иерархию важности или глубины, а вторая заключается в том, что если они действительно многоуровневые, то единственный способ влияния друг на друга «верхнего» и «нижнего» (текущего и первичного уровней) должен быть связан с уровнем переноса и проективным уровнем. Таким образом, здесь мы переопределяем их как домены, которые имеют взаимозависимые отношения друг с другом. Далее мы увидим, как каждый из них непосредственно влияет на любой другой или на все остальные. Иллюстрации этого приведены в таблице 13.2 и на рисунке 13.1. Глава начинается с виньеток, которые являются иллюстрацией каждого из доменов, и в них особое внимание уделяется работе ведущего. Заключительная виньетка 13.7 описывает «работу плачущей группы» и сдвиг смысла между доменами в работе экспериенциальной группы на конференции. Ключом к терапевтической работе с этими доменами является понимание того, что задачей ведущего будет сохранение открытыми каналов связи между доменами с тем, чтобы каждый из них был восприимчив к влиянию других.

Четыре уровня

Текущий домен

В группе участники могут рассказывать истории о жизни во внешнем мире, которые перемежаются со ссылками на истории, относящиеся к взаимодействию участников друг с другом на сессиях, и со ссылками на их личные истории вне группы. По мере того как мы приближаемся к тому моменту, когда мы можем откровенно говорить друг о друге, становится ясно, что некоторые люди обладают ситуативным осознанием себя в контексте, своего рода «шестым чувством». Другие же, похоже, не понимают, почему реакции людей принимают такую форму. В группе участники сталкиваются с насущными вопросами, так как они присоединились к ней, чтобы решить серьезные проблемы своей жизни. Это текущий домен, и его фокус на «решении проблем» является фоном для всего остального.

Виньетка 13.1*Научение контейнированию. Текущий домен*

Вокруг одной из повторяющихся проблем участника, который фокусируется на изменениях в своей жизни внутри и вне группы, «организуется» подгруппа. Этот участник впервые описан в виньетке 3.1. Его зовут Брайан, и в его жизни присутствует паттерн хаотической дезорганизованности, влияющий на его работу, финансы и отношения. Его регулярные опоздания вызывали разочарование и негодование у других участников группы. Теперь же он редко опаздывает. И когда участники проявили гнев, он, наконец, смог выразить ответную реакцию. Частично это произошло благодаря тому, что Брайан начал воспринимать возникающее в матрице группы понимание основных проблемы переноса. Среди прочего, он начал различать свои скрытые формы агрессии, направленные, в частности, на его отца, и обращенные против его *я*, чтобы «защитить» образ хорошего отца, который существует у него в сознании. Эта фигурация уже какое-то время разыгрывается между ним, ведущим и группой как целым. Брайан объясняет, что благодаря его продвижению в терапии он теперь почти не опаздывает. Мы понимаем, что он говорит правду, но не столько из-за того, что он рассказывает о событиях, связанных с его работой, сколько из-за того, что теперь мы замечаем его надежность в сочетании с настоящей искренностью и эмоциональной доступностью по отношению к другим участникам. Его сослуживцы-журналисты тоже довольны его пунктуальностью: он присутствует на всех телефонных конференциях и продуктивно в них участвует. В группе развивается чувство агентности, которое выражается в способности Брайана вносить реальные изменения в свою жизнь в группе и за ее пределами.

Комментарий

В благоприятной среде группы в работе Брайана над решением основной проблемы психологического созревания задействованы все уровни. Развивающееся в группе чувство агентности, проявляющееся в стабилизации обычного внешнего опыта, относится к текущему домену. Концентрация ведущего на текущем домене позволяет перекинуть мост между миром группы и миром за ее пределами,

и участники понимают, что изменения, достигнутые в ходе терапии, могут предвосхитить изменения во внешней жизни. Там изменения найдут обобщение и практическое применение, а затем будут использованы в группе в качестве нового источника валидации.

Домен, связанный с переносом

В группе возникает сложное сочетание чувств и ощущений, благодаря которому участники обретают идентичность, порожденную ассоциациями самой группы. Мысли и чувства, которые доминируют в текущей атмосфере, происходят из прошлых эмоциональных переживаний участников. Они могут быть спроецированы в форме переноса «целостного объекта», о котором идет речь в этом параграфе, или переноса «частичного объекта», который рассматривается ниже в параграфе, посвященном проективному домену. Задачи ведущего, специфические для текущего уровня, практически совпадают с задачам уровня, связанного с переносом. В этом домене ведущий должен быть эмоционально открытым с тем, чтобы распознавать и принимать проекции переноса, удерживать их, жить с ними, и показывать группе, что он стремится понять их, чтобы другие могли сделать то же самое.

Виньетка 13.2

Борьба с «неправильной» сестрой

Элейн изо всех сил пытается поладить с Аланом, но он постоянно доставляет ей неприятности. Становится понятно, что его антипатия по отношению к ней коренится в его неразрешенном конфликте с младшей сестрой. Когда кто-то спрашивает Алана, по-видимому, случайно, как зовут его сестру, мы осознаем, насколько серьезен контекст переноса, лежащий в основе загадочного антагонизма. «О, ее зовут Элейн», — говорит он, как будто не замечая ничего важного. Раздается веселый смех, и все смотрят на Элейн, которая наконец говорит: «Я должна была догадаться!». Он отвечает: «Представляешь?». Кто-то другой говорит ему: «У нас тут призраки. Когда ты донимаешь Элейн, ты сражаешься с призраками кого-то, кого здесь нет». Наконец, Алан понимает это и с изумлением и досадой обращается к Элейн с извинениями.

Комментарий

Концентрация ведущего на уровне переноса дает возможность участникам развивать аутсайт, узнавать себя в отзеркаливании группой, а затем оглядываться назад с позиции «здесь и сейчас», чтобы понять, что происходило «там и тогда» в их детстве и как это продолжает влиять на настоящее и исказить его. В раннем детстве, когда у Алана появилась младшая сестра по имени Элейн, он почувствовал, что его вытеснили, и он не имел «законной» возможности отреагировать на это. По разным причинам в их родительской семье не допускалась амбивалентность. Его родители пригрозили ему перестать проявлять любовь к нему, если он не будет проявлять любовь к сестре, и он страдал. Угроза этих страданий загнала его чувство sibлингового соперничества в самые глубокие области его бессознательного. Вероятно, к обоим детям относились с любовью и заботой, но угроза, исходившая от Элейн с момента ее появления «там и тогда», помешала отношениям Алана «здесь-и-сейчас» со всеми женщинами в его жизни. Появление в группе его новой соперницы, Элейн, в конечном итоге обеспечило фокус для осознания болезненного соперничества sibлингов. Алан почти не помнил, что у него есть сестра, и отдельные подробности его семейной истории были настолько вытеснены, что он совершенно не понимал, как они ухудшали его отношения в настоящем.

Проективный домен

За этим переживанием переноса «целостного объекта» находится мир «частичного объекта» — еще более скрытая область проецируемого опыта, который остается фрагментарным, мимолетным и преходящим.

Виньетка 13.3

В группе «варится» что-то новое. Проекция и изменение

Каждый раз, когда Джордж смотрит на Кэрол, она приходит в ярость. «Не смотри на меня своим депрессивным взглядом, — говорит она. — Ты наполняешь меня грустью, просто глядя на меня». Участники группы наконец убеждают Кэрол в том, что именно ее склонность погружаться в депрессивное состояние под грустным взглядом Джорджа наде-

ляет этот взгляд властью над ней. Проецируемое Джорджем чувство обездоленности проникает в нее только потому, что она несчастна сама по себе. Теперь ее валентность этой резонансной проекции депрессии оказывается в центре внимания группы, и появляется возможность понять, с какой скрытой тревогой живет Кэрол и какую уязвимость скрывает ее протест. Пока это происходит, в фигурацию включается Элла, еще одна участница, которая прошла через долгий начальный период работы в группе. Мы знали, что ей приходилось оплакивать печальную семейную историю, а затем и распад двух браков. Изменения, проявившиеся в ходе работы, стали заметными, когда она постепенно успокоилась и начала рассказывать о своем новом интересе к кулинарии и традиционных рецептах польской домашней кухни. Прозвучавший на сессии рассказ о телевизионных шеф-поварах и их рекомендациях по приправам, как представляется, связан с произошедшими в ней изменениями. Под влиянием резонанса, вызванного недавно обретенным ею интересом, участники рассказывают о рецептах и о том, как разные люди учатся готовить. Группа усиливает у Эллы чувство, что она получает здесь подпитку, и, казалось бы, это происходит само по себе, но важную роль также сыграл и ведущий, который определил и подкрепил усиление, не интерпретируя его. На одной из следующих сессий в группе возникает общее чувство печали, которое является проекцией чувств одного из участников, с которым идентифицируются и остальные. Оно возникает по поводу потерянного детства, когда родительские притязания, жестокое обращение и пренебрежение привели к тому, что сейчас участники разучились играть и получать удовольствие от жизни. Отголоски этих печальных историй, происходивших за пределами группы, резко контрастируют с ощущением чего-то нового, что «варится» в группе. В группе возникает непривычное ощущение игривости, и ее вновь обретенная жизнеспособность позволяет участникам осознать в моменты гораздо более грустных размышлений присутствие призраков, которые держали их детство во тьме.

Комментарий

Концентрация ведущего на проективном уровне привлекает внимание участников к динамике движения от одного участника ко всем и от группы к каждому индивиду. Отдельные участники получают возможность возвращать себе свои проекции, а группа — управлять

своими фигурациями, обращая внимание на их развитие и различные источники смысла, которые могут в них открыться.

Архаический или первичный домен

Ниже проективного домена находится самый необычный из всех доменов. Обсуждая рецепты, мультиварки и шеф-поваров, мы соприкасаемся с ним. В группе первичный уровень проявляется в языке кулинарии через образы глубинных чудовищ или чаек, как описано ниже. Пока разворачиваются события в группе, происходит нечто драматическое: Мейв, одна из самых давних участниц группы, получает новость о том, что неизлечимая болезнь ее отца вступила в завершающую стадию и что ей необходимо ехать домой за границу. Она отсутствует две недели.

Виньетка 13.4

Живые не будут похоронены с мертвыми

В детстве Мейв пережила ужасные страдания из-за сексуальных домогательств отца. На протяжении нескольких лет мы выслушивали ее рассказы и помогали ей примириться с этой историей. Впервые за много лет она едет в родительский дом, чтобы побыть с отцом и семьей в это критическое для всех них время. По возвращении в группу она рассказывает, как священник исповедовал и причащал ее отца, и тот попросил у нее прощения, которое она наконец ему дала. Она говорит нам, что все это было бы невозможно без работы группы. Затем она продолжает рассказывать нам о похоронах. Она ярко описывает чаек, летающих по кладбищу во время похорон. Ее рассказ напоминает ей об ощущении свободы, которое она почувствовала, когда подняла глаза, увидела летающих птиц и поняла, что они могут свободно появляться и исчезать. Для нее они представляли нечто новое – возможность вернуться в дом своего детства, а потом в свой дом в Лондоне. Далее она рассказывает нам о кошмаре, приснившемся ей, когда после двух недель отсутствия она наконец вернулась в Лондон. Ей снилось, что она вернулась на могилу своего отца, и он поднялся из-под земли, большой и ужасный гниющий труп, и обнял ее с криком: «Живые будут похоронены вместе с мертвыми». Омерзение, которое она почувствовала и подробно описывала нам, было заразительным, во сне оно застави-

ло ее вырваться из его объятий, и она убежала от отца, но проснулась в страхе, что он всё еще преследует ее. Остальные участники восприняли этот сон с содроганием. Мы увидели, как в сгущении, произошедшем в группе, проявилась темная сторона бессознательного Мейв. Комментируя реакции других участников, она заверила, что ее бессознательное призывает нас помочь ей оставить отца лежащим в могиле. Вместе с Мейв участники осознали, что этот сон, приснившийся ей во время горевания, пугающим образом напомнил ей о сексуальном насилии со стороны отца.

Комментарий

Мейв использовала группу, чтобы создать эмоциональную дистанцию между собой и своей родительской семьей, и, обеспечив себе полноценную и счастливую личную жизнь, она научилась отстраняться от насилия. В этой группе образ ведущего стал для нее путеводной и доброжелательной мужской фигурой, отцом, которого она смогла позволить себе принять, не опасаясь насилия. В группе эта трансферентная связь была замечена, признана и валидирована, но никогда не становилась предметом какой-либо расширенной интерпретации, которая могла бы восприниматься как вторжение. Скорее, опыт безопасности в позитивном переносе рассматривался как источник или основа для благополучия в других областях. Спустя долгое время после того, как ей приснился этот сон, и в ходе последующего курса индивидуальной психотерапии с женщиной-терапевтом Мейв впервые в своей жизни открыла для себя радость сексуальности и смогла «отпустить» своего отца вместе с любовью к нему и горькими обидами. В первичном домене ведущий сосредоточен на том, чтобы научить группу как целое распознавать «голос символа» в крике бессознательного «Живые не будут похоронены вместе с мертвыми!». Участники группы решили, что они могут быть свободными, как летящие чайки.

Уровни, домены или голограммы – различные концептуальные рамки

Во всех четырех параграфах, приведенных выше, описана работа одной и той же группы. Это условная группа, опирающаяся на похожий

материал разных групп в разные моменты их жизни. Ни одно терапевтическое усилие не могло бы обеспечить иллюстративный материал для всех четырех доменов в такой сжатой форме. Здесь он был собран с иллюстративными целями, и, когда мы смотрим на жизнь группы, то перед нами возникают различные домены и открываются скрытые глубины. Когда мы наблюдаем за этой жизнью, мы словно разглядываем голограмму. Образ группы, воспринимаемый нами, меняется «по мере изменения позиции и ориентации оптической системы»¹. Мы можем исследовать работу первичного уровня, наблюдая работу трех других уровней, и фактически мы смотрим через один уровень, чтобы увидеть остальные. Эта концепция позволяет нам рассматривать группу через четыре домена. Подобно тому как устроена голография в других областях жизни, эта голографическая картина представляет собой не серию отдельных изображений, а профиль одного действующего процесса — группы, — наблюдаемый через призму, которая дифференцирует эти области и позволяет нам заглянуть через более очевидные в более глубокие. Каждый домен имеет изоморфные отношения с другими, так что изменения, внесенные в одном домене, неизбежно приведут к изменению в других.

Названные поименно в виньетках участники — Брайан, Алан, Элейн, Джордж, Кэрол, Элла и Мейв — составляют обсуждаемую группу из семи человек. Каждый из этих персонажей реален, но их идентичности в этой группе, как и их имена, являются конструктами, которые призваны пролить свет на динамику и определить особые задачи ведущего в каждом из четырех доменов.

Предыстория и оригинальное описание двенадцати групповых уровней

В изобретательной оригинальной таблице, созданной Фуксом и Энтони, изначально был описан диапазон из двенадцати уровней, которые еще предстоит изучить тем, кто имеет исследовательские интересы в этой области. Далее в нескольких публикациях, появившихся как раз в тот момент, когда в 1965 году вышло второе издание их совместной с Энтони книги, Фукс предложил более простую форму анализа. Вряд ли кому-то, кто занимается ведением групп, будет удобно пользоваться этими двенадцатью уровнями, находящимися в диапазоне от наиболее глубоко вытесненного и полностью бессознательного до наиболее развитых форм сознательной комму-

никации на уровне «шести градусов выше нуля». Когда в издании 1965 года вышла в свет вторая форма этой таблицы, Энтони и Фукс, вероятно, осознали ограниченность ее применимости на практике. Поэтому Фукс разработал более простую классификацию, состоящую из четырех дискретных уровней, которую он впервые описал в своей работе «Терапевтический групповой анализ» (Foulkes, 1964/1984, р. 114–115). Это та классификация, с которой знакомо большинство студентов, изучающих групповой анализ, и которая описана и в терминах Фукса, и в терминах современной практики в таблице 13.1.

В оригинальном описании двенадцати различных уровней группового опыта предлагается диапазон от «того, что обычно сознательно и до того... [что полностью] бессознательно» и что проявляется «всеми способами коммуникации» (Foulkes, Anthony, 1965/1984, р. 260). Изначально предлагаемая ими модель представляла собой схематическое изображение, описывающее «границу» между сознательной и бессознательной коммуникацией. Далее приводились степени отклонения от границы в обоих направлениях: вверх — в сторону наиболее сознательного и вниз — в сторону наиболее бессознательного. Авторы задают нулевое значение базовой линии на границе между сознательным и бессознательным, а затем присваивают возрастающие и убывающие значения разным степеням сознательной и бессознательной коммуникации в группах в зависимости от их близости к границе. Вниз они прошли шесть уровней до «шести градусов ниже нуля», где наиболее бессознательные формы коммуникации «соответствуют телесным эквивалентам эмоций, языку органов (соматическим выражениям чувств), конверсиям и структурным изменениям» (ibid.). На уровне «шести градусов выше нуля» они помещают проявления наиболее продвинутых форм сознания на абстрактных символических языках, к которым, по их мнению, относятся математика и творческая коммуникация. К этому же уровню относится язык, используемый на этой странице, поскольку автор опирается на опыт своих пациентов и стремится передать его своим читателям через их собственный опыт, полученный при размышлении над тем, что они читают прямо сейчас. Может ли читающий эту книгу осознать, что, чтобы понять этот абзац, вы должны читать его при «шести градусах выше нуля»?

Термин «шесть градусов ниже нуля» имеет непосредственное клиническое значение. Очень многие психотерапевты были сбиты

с толку отыгрыванием паттернов и соматизацией на уровне «шесть градусов ниже нуля» и сопровождающим их мягким или агрессивным отрицанием, проявляющимися при диссоциации.

Виньетка 13.5

Триумф ненавистной неудачи в мазохистском протесте

Микаэла присоединилась к группе, чтобы получить помощь в связи со своей неспособностью налаживать отношения и неудовлетворенностью в сексуальной жизни. Многочисленные разочарования, с которыми она столкнулась, усугубили реальное соматическое расстройство — фибромиалгию. Оно вызывает нейропатическую боль в разных частях тела, в основном в пояснице. Она нуждалась в поддержке, но пережила отвержение и была эмоционально травмирована, и к тому же у нее обострилась уже знакомая ей боль в определенных участках тела.

В группе обсуждался этот уровень ее соматических тревог как форма конверсии. Но, несмотря на ее интеллект и решимость преодолеть эти трудности, а также многочисленные попытки связать телесную и эмоциональную боль в ходе групповой работы, она продолжала демонстрировать блокирующее поведение, и другие участники стали за это называть ее «классической мертвой летучей мышью» (фраза из крикета где отбивающий игрок использует стратегический блок для защиты своей калитки). Незадолго до рождественских каникул Микаэла столкнулась с особенно болезненным романтическим разочарованием. На праздниках ей и так всегда приходилось трудно, поскольку было необходимо возвращаться на каникулы в родительскую семью. В пятницу накануне Нового года ее госпитализировали с острой болью в отделение неотложной помощи в городе, где жили ее родители, но у нее там не было медицинской карты, так как в эту больницу она раньше не обращалась. Привычная боль в спине теперь осложнялась еще и болью в животе. За годы болезни она узнала множество различных симптомов, из которых она, вероятно, «извлекала выгоду», и ближе к концу дня персонал клиники предположил, что у нее может быть острый аппендицит. Сочетание ее симптоматических жалоб и просьб о помощи заставило дежурный персонал беспокоиться, что ее состояние может серьезно ухудшиться на следующий день, когда у них не будет специалистов для процедур. Присутствовали только дежурные врачи, возможности сканирования были ограничены, и было принято решение действовать.

После перерыва она рассказала группе о том, как ей удалось убедить медицинскую бригаду удалить «совершенно здоровый аппендикс». В этой истории было что-то триумфальное. Когда в группе мы смогли справиться со своей реактивной тревогой и исследовать эти проблемы терапевтически, выяснилось, что в их основе лежит мазохистский протест, возникающий из ужасной ненависти к себе. Мужчина, ухаживавший за ней, ушел к кому-то другому, и она представила, что другие участники группы проводили время со своими близкими, которых у нее не было. Участники почувствовали, что содержание истории и манера ее подачи являются атакой на их собственные, менее отягощенные переживания во время рождественских каникул. Эта история позволила группе получить доступ к тому, что происходило в психике Микаэлы на «шести градусах ниже нуля». Но мы сможем получить терапевтический эффект только тогда, когда мы сможем контейнировать ее тенденцию портить отношения и враждовать с другими, причиняя вред себе.

В последующие месяцы ощущение триумфа превратилось в чувство стыда, а затем в более явно признаваемый страх, что она навсегда оттолкнет от своего тела всех, кроме врачей. Как только эта глубоко укоренившаяся тревога по поводу того, чтобы быть «неприкасаемой», выйдет в группе на уровень «ноль», где этим можно будет поделиться с другими, у кого есть аналогичные проблемы, мы сможем опираться на аутсайт Микаэлы — понимание ею аналогичной динамики в жизни других людей — чтобы, наконец, прийти к какому-то инсайту. Самоповреждение как форма протеста против того, что другие наносят травмы, превратилось в фигурацию группы, что позволило каждому получить доступ к этим первичным уровням обманутой надежды.

Комментарий

В ходе выработки терапевтической позиции, которая поможет разрешить проблемы, даже когда пациенты находятся «при температуре шесть градусов ниже нуля», Эриксон описывает гораздо более молодых людей с острыми симптоматическими проблемами.

В глазах этой маленькой девочки, когда ранним утром она сидела посреди этого кошмара и смотрела, как вошла ее мать, было торжество и страх; и... тихое удовлетворение на отстраненном лице мальчика, хотя он опух и ему было плохо... [но] гневная реакция на тиранию

ребенка только ухудшит положение... Эти дети любили и хотели, чтобы их любили, и предпочли радость триумфа ненавистой неудачи. Не путайте ребенка с его симптомом.

(Erikson, 1995, p. 59)

На уровне «шести градусов ниже нуля» нет никакой вероятной перспективы рефлексивного понимания. В таких случаях группы имеют преимущество перед индивидуальной психотерапией, потому что они работают напрямую с проблемами, возникающими между участниками в отношенческом измерении текущего домена. В то же время они работают через видение в рефлексивном измерении проективной области и области, связанной с переносом, а также в репаративном измерении первичного домена. Три измерения психотерапии, работающие в своей совокупности в указанных доменах, могут в конечном итоге привести к пониманию и изменению. В таблицах 13.1–13.2 и на рисунке 13.1 сначала представлено исходное описание этих четырех уровней Фуксом, а затем излагается более современный подход к их описанию как доменов.

Четыре домена в работе

Группаналитическая модель — это психосоциальная терапия, которая начинается и заканчивается в текущем домене — в живой реальности фактического опыта участников. В группе этот домен репрезентирует источник трудностей участников в мире, в котором они живут. Связь между текущим доменом в группе и текущим доменом вне ее — наиболее часто рассматриваемая тема в группаналитической психотерапии, как уже было показано в главе 11 на рисунках 11.2–11.3. Текущий уровень остается критерием для оценки преимуществ психотерапии. Если психотерапия не изменяет динамику этого домена, то остальная часть деятельности ставится под сомнение. Группа начинается и заканчивается в текущем домене. Это то место, где «все начинается», где обустраивается домен входа в группу, и это также домен, через который участники уходят, когда заканчивают свою работу. Без плодотворного и целенаправленного внимания, уделяемого структуре, процессу и содержанию текущего домена, ни один из других доменов не сможет раскрыть свой терапевтический потенциал. За ним находится домен, связанный с переносом — с переносом целостного объекта, где участники обнаруживают, что их семейные

Таблица 13.1
Четыре уровня коммуникации в группе по Фуксу.
Оригинальное и современное прочтение

Уро- вень	Название	Групповой опыт (Foulkes, 1964)	Групповой опыт (современное прочтение)
1	Текущий	Группа воспринималась как представляющая сообщество, общественное мнение и т. д., а ведущий — как лидер или авторитет (Foulkes, 1964, p. 114) — или любая нормативная ассоциация, такая как «система авторитета» школы или офиса. Ведущий часто рассматривается как кто-то подобный учителю, другому авторитетному лицу или лидеру	Понимание группового опыта расширено так, чтобы включить все социальные кон-структы в жизни людей, в том числе семью, школу и работу, текущую реальность жизни участников вне группы, проблемы, ради решения которых участники присоединяются к группе, условия, на которых они делают это, а также связь между тем, что происходит внутри и вне группы
2	Связан- ный с пе- реносом	Соответствует зрелым объектным отноше-ниям, переживаемым в «макросфере». Группа репрезентирует семью, ведущий — отца или мать, а остальные участники — братьев и сестер (Foulkes, 1964, p. 114/115)	Группа содержит репрезен-тации зрелых или целост-но-объектных отношений в семье. Товарищи-участники рассматриваются как братья и сестры, ведущий — как тот или иной родитель, и часто группа как целое является одним из родителей
3	Проек- тивный	Соответствует прими-тивным нарциссическим «внутренним» объектным отношениям в психоана-лизе. Другие участники отражают бессознатель-ные элементы индиви-дуального я. В качестве внешнего группа репре-зентирует то, что на са-мом деле является вну-тренними объектными отношениями	Группа отражает бессозна-тельные элементы или фраг-менты индивида и стано-вится внешней проекцией «внутренних» частично-объ-ектных отношений. Другие индивиды/группа как целое могут олицетворять части я. Передача эмоциональных фрагментов — зависти/трав-мы/утешения — проецируется на участников, которые ин-троецируют и идентифициру-ют себя с ними

Продолжение таблицы 13.1

Уровень	Название	Групповой опыт (Foulkes, 1964)	Групповой опыт (современное прочтение)
4	Первичный/архаический	Первичные образы возникают в соответствии с концепциями Фрейда и Юнга о коллективном бессознательном	Первичные образы, обнаруженные в опыте группы, представляют самые глубокие и самые скрытые области бессознательной жизни. Эти образы могут быть видимыми и прозрачными или могут возникать в результате ассоциаций как содержание сновидения или благодаря способности группы вырабатывать метафорический язык, включающий символы, взятые из ее собственного опыта, а затем выходящие за его рамки

отношения воспроизводятся вновь и вновь. Еще глубже находится проективный домен, в котором участники «приносят» друг за друга проблемы «частичного объекта», связанные с эпизодами их эмоциональной жизни, с которыми приходится сталкиваться на ходу и без учета иных обстоятельств. Один человек выступает как козел отпущения для группы, другой — как ее жертва, третий выражает зависть, которую испытывают все, но которая открыто выражается только им одним. И далее за этим проективным доменом находится самый глубокий из четырех доменов, который Фукс назвал архаическим или первичным доменом. Иногда он является наиболее скрытым, а иногда — наиболее прозрачным, поскольку в кругу обмена бессознательное ярко оживает в метафорическом языке, аллегориях, снах и мечтаниях. Нитсан инициирует современную дискуссию об актуальности этих доменов, в его оригинальном понимании называемых уровнями, в применении к обсуждению сексуальности и того, как она формируется на каждом из этих уровней (Nitsun, 2006, p. 154). Первичный уровень описан Усандиварасом, чья статья, хотя и довольно давняя, является единственной наиболее оригинальной публикацией на эту тему (Usandivaras, 1986).

Решения ведущего о вмешательстве будут определяться процессами локализации, перевода и интерпретации на разных условиях,

Таблица 13.2

Четыре «региона» группы, ныне называемые доменами, и области ответственности ведущего в применении к его ролям

	Название домена	Функциональная роль ведущего	Область ответственности ведущего в применении к его роли
1	Текущий	Организатор	Динамическое администрирование, холдинг, контейнирование
2	Связанный с переносом	Терапевт	Рефлексия, интерпретация
3	Проективный	Организатор, терапевт, участник группы	Спонтанная и прямая речь, интерпретация
4	Первичный/архаический	Терапевт, участник группы	Помощь группе в выработке метафор, обеспечение интерпретаций

определяемых тем, какой из четырех доменов группы является основным в данный терапевтический момент и какой из них может обеспечивать защитную арену избегания или отрицания. В этой главе игра и взаимодействие между этими доменами рассматриваются в виньетках 13.6–13.7. Под этими четырьмя доменами находятся гораздо более базовые динамики процесса, которые обсуждались в главе 10. Они работают в этих доменах и пронизывают их.

Это изначальное описание опыта как набора слоев показывает распределение опыта от поверхностных черт видимой группы через погружение в самые глубокие области бессознательной жизни.

Но такое описание, к сожалению, не отражает того, что происходит в ходе активного процесса оживленного обмена. Например, в виньетке 4.3 на групповой встрече молодой человек рассказывает сон, в котором одна из старших женщин убивает его отца. Женщина, которая ему приснилась, не может откликнуться на этот сон — совершенно очевидно, возникший на первичном уровне. Вместо этого она начинает яростно защищаться и говорит: «Как ты смеешь делать так, чтобы тебе снилось, что я убиваю твоего отца! Я не убийца!». Она бросает вызов его бессознательному, которое выражает содержание сновидений на первичном уровне. Она реагирует на динамику как на текущем уровне, так и на уровне переноса. Но она бросает ему вызов, исходя из своего ошибочного убеждения, что его сон бросил ей вызов на текущем (основанном на реальности) уровне, как будто он намеревался увидеть этот сон и полагал, что она может быть ви-

новата в убийстве его отца. В виньетке 10.9 участница, пропустившая предыдущую сессию, приходит с опозданием и неожиданно обнаруживает нового участника. Она реагирует на это, как будто случилась катастрофа, и хочет сбежать, но ведущая удерживает ее. Тогда она набрасывается на ведущую, говоря: «Как ты могла так ранить меня!». На инцидент, произошедший на текущем уровне, группа реагирует сначала на проективном уровне, а затем, когда удается успешно контейнировать ощущение катастрофы и предотвратить бегство участницы, та жалуется на ведущую на уровне переноса, как если бы ведущая была матерью, которая закрывала глаза на кровосмесительное насилие в отношении участницы. Фраза «как будто» подчеркивает, что работа ведется в переходном пространстве.

Само употребление термина «уровни» неуместно, поскольку мы работаем с плавными, колеблющимися и постепенными дифференциациями опыта. Но проводить различия необходимо, чтобы понимать их и продуктивно работать с ними. В следующем примере, виньетке 13.6, участница рассказывает группе о своем стремлении к недоступным мужчинам. Нам хорошо знакома ее склонность стремиться к невозможному. Помимо прочего, такое стремление удовлетворяет ее фантазии, не подвергая угрозе близости с кем-либо, кто вызывает так много сложностей, как реальный мужчина, с которым у нее могла бы возникнуть реальная связь.

Виньетка 13.6

Стремление быть «принцессой» в группе и за ее пределами

Джиллиан уже какое-то время посещала сессии групповой терапии и постепенно пришла к осознанию того, что она личность с поздним развитием, у которой до достаточно взрослого возраста не было какого-либо стремления к отношениям с мужчинами. С одной стороны, она чувствует облегчение, столкнувшись с этим новым переживанием желания, с другой стороны, это переживание огорчает ее, потому что кажется бесперспективным. Она женщина в теле подростка. Она является также выдающимся музыкантом и выступает в составе известной камерной группы, играет на своем инструменте на частных мероприятиях, где время от времени бывают знаменитости. Ее игра привлекает внимание, но Джиллиан проявляет интерес только к мужчинам намного старше себя, с титулами, состоянием и образом жизни, который значительно отличается от того, в каких условиях вы-

росла она, обучаясь в обычной средней школе. Она еще не научилась различать интерес, который вызывает ее музыка, и возможный интерес мужчины к женщине.

В группе появилась новая участница — Нора, психотерапевт по профессии. Отчасти она выбрала эту группу из-за того, что это будет ей зачтено в качестве необходимой части профессионального образования. Недавно она переписывалась с ведущим, хорошо известным в обучающем сообществе тренинг-группаналитиком, об условиях, на которых она может представить этот групповой опыт своему обучающему аналитику, чтобы получить квалификационный сертификат. И по его совету она рассказала об этой переписке в группе. Ранее в переписке она уже выражала ведущему обеспокоенность тем, что она «добивается его особого интереса», и извинилась за то, что делала это за пределами группы. Отвечая ей, он интерпретировал ее перенос следующим образом: «Нет необходимости извиняться. Понятно, что таким образом вы ищете моего общества. Мы все хотим быть королевскими особами для самых важных для нас людей». Теперь, когда Нора слушает рассказ Джиллиан о стремлении привлечь внимание «аристократа» во внешней жизни, она шутливо замечает, что сама ищет «аристократа» внутри группы, и признается, что испытывает облегчение, обнаружив, что среди нас она не единственная женщина, которая хочет быть принцессой! Мы смеемся, но Джиллиан не может (или не хочет) понять суть происходящего. Комментарий Норы превращает *аутсайт*, который она получает от наблюдения за Джиллиан, в *инсайт* относительно самой себя. Но Джиллиан не воспользуется инсайтом Норы и не приблизится к пониманию происходящего, пока история о Золушке, рассказанная одним из участников, не превратит проблему в аллерегию в первичном домене группы как целого. И тогда Джиллиан начнет прозревать!

Комментарий

Текущий домен — это то пространство, где начинается группа. Джиллиан очень хочет, чтоб у нее был партнер, но ее желание принимает форму нереалистичного проективного стремления к будущему в обществе «прекрасного принца» из числа знаменитостей, для которых она играет на концертах. Группа понимает, что на текущем уровне ее фантазии нереалистичны, и в ходе обсуждения Нора подхватывает аут-

сайт группы относительно восприятия Джиллиан участниками и обращает его на себя в домене переноса, что помогает ей глубже понимать себя. Ее самоанализ приводит к инсайту, благодаря которому она может смеяться над своим бессознательным влечением к ведущему в той или иной форме. Группа смеется вместе с ней, но Джиллиан остается на уровне «несколько градусов ниже нуля» и чувствует, что на самом деле они смеются над ней. Такое положение сохраняется до тех пор, пока группа не переместится в первичный домен, чтобы напомнить Джиллиан историю Золушки. Эта аллегория наконец помогает ей преодолеть сопротивление и уйти от защитного использования конкретного мышления, на которое она всегда полагалась, чтобы избежать и отрицать понимание, которое другие люди ей продолжают «подсовывать». Обычно она избегает резонансных форм эмпатии, уделяя внимание только конкретным деталям. Участники говорят, что до сих пор они воспринимали ее путь как переход по камням через опасный поток. Она отбрасывала эти камни и отказывалась входить в воду. Теперь она наконец стоит на первых камушках самопонимания. Этот язык выражает «голос символа» на первичном уровне. Ведущий не вмешивался в конфронтацию участников и вместо этого использовал свою роль для наблюдения за дискурсом и усиления его резонансного воздействия на первичном уровне. Он выхватывает и переформулирует отдельные фразы, «распаковывает» метафоры и говорит о связи между бессознательным стремлением Джиллиан к волшебному исполнению ее желания и ролью крестной феи в истории Золушки. В этом также есть дополнительное преимущество: группа может переработать метафору, связанную с историей Золушки, благодаря которой нарратив не является вторгающимся, а Джиллиан в свою очередь может сохранить свои психологические защиты нетронутыми. Группа следует за логикой внешнего инсайта, и это в конечном итоге порождает в Джиллиан зеркальную форму резонанса, который усиливается в ходе свободно текущей дискуссии и который, если использовать формулировку Кокса в начале главы 11, создает образы, «которые могут достичь глубины, прежде чем взволновать поверхность».

Рисунок 13.2 демонстрирует доступность динамики группы для внешнего наблюдения в текущем домене в момент первого взаимодействия в различных фигурациях, описанных в виньетках 13.1–13.2. По мере углубления исследования в виньетке 13.1 текущий и архаический



Рис. 13.1. Четыре уровня коммуникации в группе, представленные в виде доменов: текущий, связанный с переносом, проективный, первичный

- 1 Текущий
- 2 Связанный с переносом
- 3 Проективный
- 4 Первичный/архаический

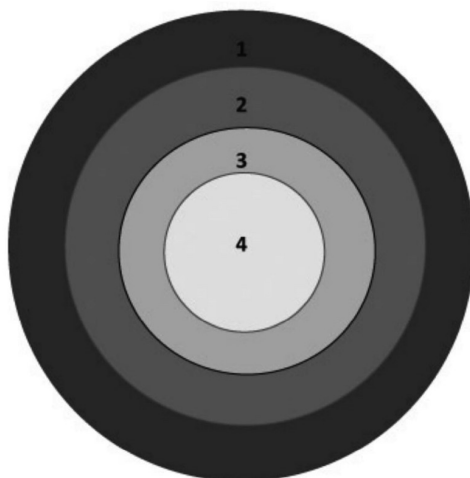


Рис. 13.1. Четыре домена длительной аналитической группы

домены сталкиваются друг с другом в динамике группы как целого, но в проективном домене и домене переноса выполняется относительно немного работы. В виньетке 13.2 участники группы открываются другу другу на текущем уровне, и это ведет к углублению опыта как в области переноса, так и в проективной области, но трансформации становятся возможными только, когда активируется и исследуется первичный домен. Расположение текущего домена «снаружи» по отношению к расположенному «внутри» бессознательному ядру жизни группы указывает на то, что это группа долгосрочно-го развития.

Работа «плачущей группы»

Эта заключительная виньетка описывает встречу экспериенциальной группы во время конференции специалистов в области психического здоровья в Израиле. В ее состав вошли участники из многих европейских стран. В группе было десять человек — трое мужчин, включая ведущего, и семь женщин. В течение трех дней состоялось пять встреч. На первых трех встречах в ходе свободно текущей дискуссии возникло шестнадцать тем для обсуждения, а на вторых двух — еще десять. Каждую из возникающих тем мы обозначали в ходе группового обсуждения, и, хотя мы больше могли на них не ссылаться, однажды возникшие темы, никогда не уходили. Эти фигуры (термин, охватывающий как тему, так и порождающую ее межличностную динамику) возникают друг из друга в ходе свободно текущей дискуссии. Тематика с точки зрения содержания постоянно расширяется. Фигурации подвергаются все более сложной проработке, и при этом динамика процесса расширяется и становится намного глубже.

Первые три встречи мы начинаем с темы 1 (необходимость контейнирования); переходим к теме 2 (угрозы и «расправы» на рабочем месте); затем возникает тема 3 (напряжение между политическими конфликтами вне группы и личными проблемами участников); затем — тема 4 (напряжение между мужчинами и женщинами); следуют тема 5 (опоздавшие), тема 6 (забота, которую женщины проявляют по отношению друг к другу из поколения в поколение, от бабушки до матери и дочери), тема 7 (включенность), тема 8 (зависть к чужой энергичности), тема 9 (проблемы взаимодействия с трудными и завистливыми матерями), тема 10 (смысл границ, обозначающих запретную территорию), тема 11 (смерть), тема 12 (беспомощность де-

тей перед тяжелой утратой родителей), тема 13 (избегание печали с помощью заботы о других), тема 14 (кто позаботится о заботящихся?), тема 15 (диссоциация), тема 16 (горе) и, наконец, тема 17 (плач и работа «плачущей группы»).

На последних двух встречах были представлены девять дополнительных тем, к которым относятся тема 18 (отпускание), тема 19 (Холокост), тема 20 (защита детей), тема 21 (выживание рода и восстановление семейной истории), тема 22 (отсутствие хороших мужчин в семейной истории), тема 23 (обнаружение хороших мужчин в группе), тема 24 (что же может сделать женщина?), тема 25 (как улучшить брачные отношения) и, наконец, тема 26 (жизнь и ее оправдание).

Виньетка 13.7

Работа «плачущей группы». Анализ двадцати шести указанных тем, их фигуры в четырех доменах

На момент начала встречи группы один стул остается пустым, он зарезервирован для опаздывающей участницы. В хорошую погоду стулья расставляют на террасе рядом с кабинетом. По мере того, как участники занимают свои места, усиливается ветер и холодает. Я обсуждаю с группой предпочтения участников, и они соглашаются, что нам нужно перейти в помещение. После того как все повторно занимают места, мы приходим к согласию, что такой вариант более предпочтителен, и все последующие сессии проходят в кабинете.

Тема 1. Контейнирование

Теперь, когда мы благополучно заняли свои места, хотя один стул по-прежнему пустой, одна из участниц рассказывает о своей драматической презентации на конференции несколькими часами ранее. Она рассказывала о конфликтах в своей организации, где сотрудники подвергаются дискриминации по различным признакам. При этом, если сотрудники выражают определенное мнение, их положение в организации оказывается под угрозой. Она говорила о том, что сотрудники могут подвергнуться «расправе» и лишиться работы, если будут поддерживать дискриминируемых коллег. При этом она красноречиво ударила себя ребром ладони по шее, имитируя удар топора.

Тема 2. Угрозы и «расправы» на рабочем месте

Один из двух участников-мужчин выражает протест против того, чтобы в группе обсуждались внешние конфликты. Он говорит, что у нас

и так достаточно работы, и, как бы сочувственно он ни относился к ее проблемам, он пришел в нашу малую группу не для того, чтобы заниматься политическими вопросами внешнего мира. Это звучит грубовато и бескомпромиссно.

Тема 3. Напряжение между политическими конфликтами внешнего мира и личными проблемами участников группы

В ходе обсуждения тем 1 и 2 напряжение между личным и политическим порождает в группе обсуждение конфликта как такового. Но озвучивший вторую тему участник, хотя остальные и подталкивают его, не раскрывает свою повестку, ссылаясь на то, что он к этому не готов. Одна из участниц говорит, что ее муж такой же, как он. Он не допускает ее самовыражения, а когда она предлагает ему открыться ей, он не идет на это, он тоже не хочет выражать своих чувств.

Тема 4. Напряжение между мужчинами и женщинами

Приходит опоздавшая запыхавшаяся участница, извиняется и садится на свое место. Чтобы присутствовать на сегодняшней встрече, ей пришлось оставить детей у матери. Ее мать не очень хорошо себя чувствует и даже в лучшие времена не особо ладила с детьми, поэтому участница ненадолго задержалась, чтобы убедиться, что все в порядке, прежде чем присоединиться к нам.

Тема 5. Опоздавшие

Тема 6. Забота, которую женщины проявляют по отношению друг к другу из поколения в поколение, от бабушки до матери и дочери

Группа приветствует опоздавшую участницу и исследует ее фрустрацию по поводу опоздания. Она получает подсказки, как сориентироваться в «комнате», по ее выражению, «полной говорящих незнакомцев», а затем несколько других участниц откликаются на ее слова и рассказывают, что в их жизни тоже присутствует напряжение между материнством и работой. Они часто сталкиваются с необходимостью делать болезненный выбор между заботой о детях, материнскими обязанностями и карьерой. Возникает оживленная дискуссия, и очевидно, что опоздавшая участница активно включена в нее.

Тема 7. Включенность

Другая участница, сидящая напротив, выражает зависть к энергичности опоздавшей участницы, жизненная сила которой подчеркивает про-

тиворечие между вынужденностью домашних обязанностей, заставляющих женщин трудиться, не разгибаясь, и их жизненной энергией вне дома, проявляющейся в самообладании опоздавшей участницы, когда она пришла на сессию. Обсуждение переключается на тему зависти.

Тема 8. Зависть к чужой энергичности

Еще одна участница говорит о ярости по отношению к своей матери в основном из-за того, что та завидует ей. Участница рассказывает, как она со своим братом пытается организовать празднование приближающегося 80-летия матери, а мать делает их жизнь невыносимой, срывая все их попытки устроить это празднование наилучшим для нее образом. Некоторые другие участники присоединяются к ней и рассказывают похожие истории о зависти родителей к возможностям детей.

Тема 9. Трудные матери и их зависть к возможностям собственных детей

Участница, инициировавшая разговор о зависти в группе, продолжает рассказывать о недавнем перерыве в ходе конференции, когда она вышла на небольшую прогулку и наткнулась на табличку с надписью «Вход запрещен! Вы пересекаете эту линию под вашу ответственность!». Она говорит, что именно это пришло ей сейчас в голову, и ей очень хочется поговорить об этом. Когда ее спросили, что она сделала, она ответила, что, конечно, перешла черту, так как хотела увидеть, что было по другую сторону. Участники группы смеются. Она говорит от лица всей группы, и мы все можем идентифицироваться с ее любопытством и авантурным духом. На вопрос о том, что же она нашла, она ответила: «Ничего. То, что было по одну сторону линии ничем не отличалось от того, что было по другую». Смех нарастает, и в группе чувствуется сплоченность.

Тема 10. Запретная территория, границы и их бессмысленность

Мужчина, который проявлял недовольство по поводу того, что мы тратим время на обсуждение политических конфликтов на работе, рассказывает нам в ходе разговора о мужчинах и женщинах, что два года назад умерла его жена. У нее была редкая форма рака легких, которую сначала лечили как бронхит, а затем как пневмонию. Когда наконец был поставлен правильный диагноз, у нее было так много метастазов, что она прожила всего шесть месяцев. Их младшему ребенку было девять лет, среднему — одиннадцать, а старшему — четырнадцать. Не-

давно наступила вторая годовщина ее смерти. Он уверяет, что у детей все хорошо. Похоже, он довольно суров к себе и с группой ведет себя на удивление сухо. Группа надолго замолкает в ошеломлении, а затем несколько участников пытаются утешить его и говорят, что волнуются о нем, но при этом есть общее чувство, что реальность нас подавляет, и у нас нет ресурсов, чтобы справиться с ней. Кто-то говорит, что мы будто бы подошли к черте, которую не можем переступить. После нескольких попыток проявить по отношению к нему заботу, которую он отвергает, кто-то из участников спрашивает его, есть ли у него табличка со словами «Вы пересекаете эту линию на свой страх и риск». Он рассказывает нам о том, как ему тяжело поддерживать тот же уровень заботы о детях, каким он был, пока была жива его жена. Это было то, о чем они с его женой размышляли перед ее смертью. Конечно, он не ждет, что дети ему помогут. Он оградил их от страданий умирающей жены, и был с ней рядом до самой ее смерти. Участники откликаются на эту тему и искренне обсуждают ее с ним, и он объясняет им, что единственным человеком, которому он позволил бы помочь себе в горе, была его жена. И с некоторой долей юмора он рассказывает нам об обиде, которую он испытывает, потому что теперь она не может помочь ему с его утратой.

Тема 11. Смерть

В дискуссию вступает женщина, с которой описываемый участник конфронтировал в начале сессии. Она вспоминает обстоятельства, при которых умер ее отец, когда она была еще ребенком, и, занимая позицию детей этого мужчины, объясняет ему, как трудно ей было быть рядом с матерью и утешать ее. Все это произошло более пятидесяти лет назад, но она до сих пор помнит свое ощущение утраты, а затем беспомощность перед горем матери. Она безутешно плачет и говорит ему, что она плачет за него. Это звучит не вполне убедительно. Ее давнее, непережитое горе ощущается так же сильно, как и горе мужчины. Другие участники утешают их обоих, и глаза всех присутствующих увлажняются, за исключением участника, понесшего тяжелую утрату.

Тема 12. Беспомощность детей перед тяжелой утратой родителей

Она продолжает говорить ему, как сожалеет о его утрате, и дает понять, что мы не его дети и можем быть полезны, если он позволит нам быть рядом. Она предлагает ему рассказать нам, как в эти два года он подстраивался под ситуацию. Он делает это, и мы все слышим, как он

всё больше посвящал себя нуждам детей, и видим в нем человека, который, чтобы помочь детям пережить утрату, отложил собственный процесс горевания. Он продолжает делать для них все, чего хотела бы его жена. Одна из участниц рассказывает о трагической гибели мужа, который погиб в авиакатастрофе много лет назад, когда ей был всего 31 год и у нее было двое маленьких детей. В то время она начинала многообещающую карьеру музыканта, но отказалась от нее, чтобы построить карьеру, которая позволила бы ей содержать детей. Им сейчас за сорок: один врач, а другой психолог, как и она, и у нее прекрасные внуки. Она знает, что, как ни посмотри, она поступила правильно, но все равно скучает по своему инструменту. Утрата тогда вызвала у нее шок. Она удивляется своему волнению, и впервые за много лет плачет прямо на глазах у всех.

Тема 13. Избегание печали с помощью заботы о других

Тема 14. Кто позаботится о заботящихся?

Восхищение силой характера и самообладанием участника, который потерял жену, превращается в зависть, поскольку другие участники, которых также коснулись какие-либо трагические события, проявили большую уязвимость. Они сначала восхищаются его силой, а потом завидуют. Но затем приходит понимание того, что есть что-то странное в том, как он ведет себя в группе, и участники постепенно начинают осознавать, что отсутствие у него аффекта и его нетерпимость к собственной уязвимости, являются обязанностью, наложенной на самого себя. Участница, которая так долго не плакала по своему погибшему мужу, сейчас со слезами на глазах проявляет сочувствие к этому участнику, но он не обращает внимания на ее переживания и не хочет вступать в контакт со своими чувствами.

Тема 15. Диссоциация

Позже я спрашиваю, как звали его жену. Он называет ее имя и с подачи других участников продолжает рассказывать о ее похоронах, о ее надгробии и их преданности друг другу со студенческих лет, когда они познакомились. Остальные участники включаются в его воспоминания об их счастье, и группа с уважением и пониманием слушает о том, как много он потерял с ее смертью. Я спрашиваю его, как ему кажется, хотела бы его жена знать, что сейчас о нем кто-то заботится? Он отвечает сухо. Кто-то спрашивает его, где сейчас его родители и родители его жены. Он рассказывает нам, что родители его жены умерли очень

давно, раньше ее. Ей нравилось ощущать себя частью родительской семьи и его расширенной семьи, где о ней нежно заботились. Точнее, она была так привязана к его отцу, что, когда он умер, ее болезнь прогрессировала, и она умерла всего два месяца спустя. В группе вновь воцаряется тишина, и мы пытаемся осознать тяжесть таких огромных утрат. Группа переходит к обсуждению его роли в нынешней семье, заботе о его матери и ее утрате, а затем заботе о детях и об их переживании утраты. Мы создаем ему пространство для разговора о его утрате, не отступая от поставленной задачи исследования его модели совладания, и он теряет самообладание, его глаза наполняются слезами. Кто-то передает ему салфетки, он начинает горько плакать, и вся группа плачет вместе с ним.

Тема 16. Горе

Завершаются первые три сессии. На последующих двух мы услышим от участника, потерявшего близких, о том, как он узнал об этой конференции и был приглашен на нее друзьями и коллегами. Он задает тон обсуждению на первой из этих заключительных встреч.

Он рассказывает нам, что после нашей последней сессии он весь день проплакал. Он много плакал, когда умерла его жена, а затем снова после похорон, но с тех пор было слишком много дел: уязвимость его детей и его матери не оставляли места для его уязвимости. Он всем им нужен, и, помимо этих личных проблем, у него очень ответственная работа. Другие участники убеждают его, что группа является безопасным пространством, где с ним могут разделить его горе. Он откликается на заботу о нем со стороны группы и продолжает говорить так, как будто его никогда раньше не слушали и не слышали. В течение последующих двух сессий мы сохраняем контакт с его горем, и в некоторые моменты он говорит, что теперь знает, зачем пришел сюда. Понятно, что у него есть сильные и поддерживающие социальные связи, но даже среди друзей он никогда не позволял себе показывать, как сильно он травмирован. Одна из женщин рассказывает нам, что после последней сессии она общалась с остальными участниками конференции, и они размышляли о ее слезах и слезах других участников нашей группы, и теперь у нас на конференции репутация «плачущей группы». Теперь наша группа стала сплоченной и согласованной, и у нас есть общее ощущение безопасности и нежелание исследовать уязвимые эмоции за пределами этой безопасного пространства.

Тема 17. Плач и работа «плачущей группы»

Различные паттерны резонанса возвращают разговор к каждой из семнадцати тем, семнадцати фигураций, по мере того как группа продолжает работу еще две сессии и вводит девять фигураций.

Одна из участниц рассказывает нам о недавней смерти своей матери и о том, что она взяла ее удостоверение личности, чтобы зарегистрировать смерть и организовать похороны. Она потеряла свое собственное удостоверение личности и теперь носит с собой идентификационную карточку матери, как будто сама стала своей умершей матерью. Она понимает, что не хочет отпускать ее, и ей нужна помощь. Группа настраивается на ее запрос, участливо расспрашивает ее и выдвигает предложения.

Тема 18. Отпускание

Первая сессия группы открывается с обсуждения угрозы расправы как способа разрешения конфликта, вторая завершается разговором о смерти женщины, матери и единственного близкого человека для ее мужа. На третьей сессии одна участница вводит новую тему — проблемы, с которыми она сталкивается, когда она отпускает свою умершую мать. За ней другая участница вводит новую тему, еще один призрак смерти — Холокост, в результате которого погибли родители ее матери.

Это она опоздала на первую встречу группы, и теперь как интегрированный участник рассказывает нам, что ради своих детей наконец нашла небольшую фотографию своих бабушки и дедушки по материнской линии, сделанную во время первой фазы нацистской оккупации Франции. Они, элегантно одетые, стоят на знаменитом бульваре за несколько недель до того, как желтые звезды стали обязательными. Дата на обороте и название улицы ясно указывают на это. Фотография является единственной связью, которая есть у нее с бабушкой и дедушкой, которые были одними из первых заключенных тюрьмы в Дранси, концентрационном лагере в Париже. Оттуда они были отправлены на смерть. Они сумели спасти свою двухлетнюю дочь, поместив ее в монастырь и оставили ей эту маленькую фотографию на память. Она выжила, после войны ее спасли дальние родственники, и в возрасте восьми лет, когда ее усыновили, она приехала в Израиль. Семья относилась к ней с нежной заботой, но с приемным отцом у нее были плохие отношения, и, когда у нее появились собственные дети, включая нашу опоздавшую участницу, она почти не поддерживала отно-

шений с родственниками. Мы слышали о трех поколениях женщин в ее семье, и участники просят ее рассказать нам, где же мужчины. Она рассказывает, что первым «хорошим» мужчиной был ее покойный дедушка. Ее сын поразительно похож на него, и теперь его увеличенный портрет висит в детской спальне. Мы еще услышим о мужчинах в ее жизни, и одна из участниц спрашивает ее, нет ли в группе хороших мужчин. Звучит смех. Начинается длительный обмен мнениям об отношениях между тремя поколениями в разных семьях вне группы и укреплении доверия женщин к мужчинам в группе. Но тема женщины, живущей как с мужчиной, так и без него, остается центральной темой группы.

Тема 19. Холокост

Тема 20. Защита детей

Тема 21. Выживание рода и восстановление семейной истории

Тема 22. Отсутствие хороших мужчин в семейной истории

Тема 23. Обнаружение хороших мужчин в группе

В супружеской жизни некоторые участницы группы имеют дело с эмоционально недоступными мужчинами, которых называют «классическими альфа-самцами», которые справляются со всем, кроме эмоциональных потребностей своих жен и детей. Одна из молодых участниц говорит о таких глубоко неудовлетворительных браках: «Что же может сделать женщина?». Она обаятельно улыбается. Она рассказывает о том, что ее муж эмоционально недоступен, и, слушая ее рассказ об их отношениях, мы просим ее улыбнуться нам, как если бы она улыбалась ему. Она вдохновляется возможностью отстаивать то, в чем нуждается, но не получает, и для нее становится неожиданностью, что домашнюю ситуацию можно изменить, если одновременно в большей мере идти навстречу мужу, но и ожидать от него большего. Для остальных разочарованных женщин ее пример становится олицетворением возможности разрешения проблем. Обсуждая эти вопросы, участницы обретают уверенность, которая помогает им отстаивать свои позиции дома или найти терапевтов, оказывающих помощь парам. Присутствие в группе мужчины-ведущего и обсуждение мужской уязвимости вселяют надежду на возможность изменить семейную ситуацию и уверенность в том, что «мужественность» и избегание несовместимы. Одна из пожилых участниц рассказывает нам

о том, как она десятилетиями отстаивала свои позиции в отношениях с мужем, которого она не могла оставить, и при этом не могла выносить его доминирования. Они несколько раз расставались, но теперь они живут счастливо, и она уверена, что их связь выдержит проверку временем.

Тема 24. Что же может сделать женщина?

Тема 25. Как улучшить брачные отношения?

На заключительной сессии участницы, состоящие в отношениях с «трудными» мужчинами, набираются смелости, чтобы подумать над тем, что это вообще значит – улучшить отношения. Мы все видим, какое влияние оказала на них группа. Когда участники выражают друг другу признательность за продуктивный обмен мнениями и прощаются, один из них достает принесенное стихотворение Пабло Неруды «La Muerta», эпитафию умершей женщине, и передает его скорбящему мужчине, который зачитывает его вслух. Участник, который принес этот подарок, нашел стихотворение в Интернете. Глубокая печаль, звучащая в поэтических образах, чувствуется как в оригинале на испанском, так и в переводах на английский и иврит. Наш эмоциональный отклик лишь подчеркивает смысл заключительных строк и основных тем стихотворения: риск любить, столкновение с горем и необходимость жить дальше. Чтение стихотворения становится символическим завершением работы группы, и один из участников берет на себя труд разослать его остальным.

Тема 26. Жизнь и ее оправдание

Пабло Неруда

Мертвая*

Если вдруг тебя не станет,
если вдруг ты перестанешь жить,
я продолжу жить дальше.

...

Нет, прости меня.

Если ты перестанешь жить,
если ты, моя любовь,

* Подстрочный перевод.

если ты умрешь,
 в моей груди начнется листопад,
 в моей душе день и ночь будет литься дождь,
 снег сожжет мое сердце,
 я побреду с морозом и огнем, смертью и снегом,
 мои ноги приведут меня туда, где ты покоишься,
 но я останусь жить,
 все потому что ты хотела, чтоб был не сломен я,
 и, любовь моя, потому что знаешь ты, что я не только мужчина,
 но и все человечество.

Комментарий

Виньетка 13.7 является иллюстрацией сложной работы ведущего «плачущей группы», состоящей из зрелых профессионалов в области здравоохранения. В данной ситуации роль ведущего больше напоминает оркестровку, чем анализ. Главной целью «оркестровки» является поддержание открытыми каналов между четырьмя доменами группы, чтобы каждый домен оставался восприимчивым для влияния трех других, как это описано в таблицах 13.1–13.2 и проиллюстрировано на рисунках 13.1–13.2. Ранее в главе 12, когда речь шла о групповой терапии со зрелым составом участников, обсуждалось *decreasing* аналитических задач ведущего, когда группа принимает на себя ряд функций, что приводит к ощущению *агентности, бытия и принадлежности*, как это впервые описано в работах Миллард, упоминаемых в главе 1.

Выводы

За время существования этой группы сложились 12 фигураций. Доминирующей фигурацией группы, имеющей наивысший балл по частоте в таблице 13.4, является «смерть», которая возникает в пяти разных случаях. В порядке убывания следуют фигурации с показателем частоты 4, к которым относятся «контейнирование», «диссоциация», «необходимость жить дальше» и «Холокост». набрали по 3 балла: «мужчины и женщины», «горе/плач» и «жизнь». По 2 балла у фигураций «включение», «матери и дочери» и «зависть». И 1 балл имеет фигурация «внутри и снаружи».

Таблица 13.3
Развитие тем и фигураций в «плачущей группе»

№	Тема	Домен темы	Значимость темы ¹	Фигурации ²	Частота фигураций
1	Необходимость контейнирования	Т	4	Контейнирование	1
2	Угрозы и «расправы» на рабочем месте	Т	5	Смерть	1
3	Политические конфликты вне группы и личные проблемы участников	Т	3	Контейнирование, внутри и снаружи	Контейнирование 2, внутри и снаружи 1
4	Напряжение между мужчинами и женщинами	Т	5	Мужчины и женщины	1
5	Опоздавшие	Т	3	Включение, контейнирование	Включение 2, контейнирование 3
6	Забота, которую женщины проявляют по отношению друг к другу из поколения в поколение, от бабушки до матери и дочери	Т и П	4	Матери и дочери	1
7	Включенность	Т	5	Контейнирование	4
8	Зависть к чужой энергичности	Т и П	2	Зависть	1
9	Проблемы взаимодействия с трудными (завистливыми) матерями	Т и П	4	Матери и дочери, зависть	Матери и дочери 2, зависть 2
10	Смысл границ, обозначающих запретную территорию	Т и А	5	Внутри и снаружи, смерть	Внутри и снаружи 2, смерть 2
11	Смерть	Т	5	Смерть	3
12	Беспомощность детей перед тяжелой утратой родителей	Т и П	4	Смерть	4

13	Избегание печали с помощью заботы о других	Т и ПР	5	Диссоциация	1
14	Кто позаботится о заботящихся?	Т и ПР	5	Диссоциация	2
15	Диссоциация	Т, П, ПР	5	Диссоциация	3
16	Горе	Т	5	Горе/плач	1
17	Плач и работа «плачущей группы»	Т	5	Горе/плач	2
18	Отпускание		4	Необходимость двигаться дальше	1
19	Холокост	Т, П, ПР	5	Холокост = смерть, диссоциация, горе/плач	Смерть 5, диссоциация 4, горе 3
20	Защита детей	Т, П	4	Холокост	2
21	Выживание рода и защита семейной истории	Т, П, ПР, А	4	Холокост	3
22	Отсутствие хороших мужчин в семейной истории	Т, П	4	Мужчины и женщины, Холокост	Мужчины и женщины 2, Холокост 4
23	Обнаружение хороших мужчин в группе		4	Мужчины женщины, движение дальше, жизнь	Мужчины женщины 3, движение дальше 2, жизнь 1
24	Как улучшить брачные отношения	Т	4	Движение дальше, жизнь	Движение дальше 3, жизнь 2
25	Жизнь и ее оправдание	Т, П, ПР, А	5	Движение дальше, жизнь	Движение дальше 4, жизнь 3

Примечание: домены – Т – текущий, П – связанный с переносом, ПР – проективный, А – архаический/первичный; ¹ – каждой теме присваивается уровень значимости по шкале от 1 до 5, где 1 – наименее значимая, а 5 – наиболее значимая для жизни группы тема; ² – фигурация определяется как тематический процесс, включающий внутриличностную, надличностную и межличностную динамику в определенный момент.

Таблица 13.4
Частота появления фигураций в жизни группы

Фигурация	Частота
Смерть	5
Контейнирование	4
Диссоциация	4
Холокост	4
Необходимость двигаться дальше	4
Горе/плач	3
Жизнь	3
Мужчины и женщины	3
Включение	2
Матери и дочери	2
Зависть	2
Внутри и снаружи	1

Примечания

1. Википедия, голография: <http://en.wikipedia.org/wiki/Holography>.

Литература

- Erikson E. (1995). *Childhood and Society*. New York: Norton.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1984). *Therapeutic Group Analysis*. London: George Allen—Unwin. Reissued: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957; reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Neruda P. (1994). *La Muerta from Five Decades: Poems 1925—1970*. New York: Grove Press—Atlantic Monthly Press.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Therapy*. London: Routledge.
- Pines M. (1986, 1998). Coherency and Disruption in the Sense of Self // *British Journal of Psychotherapy*. 1986. V. 2 (3). P. 180—185. Reprinted: Pines M. *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley, 1998. P. 211—223.
- Usandivaras R. (1986). Foulkes' Primordial Level in Clinical Practice // *Group Analysis*. V. 19 (2). P. 113—124.

Глава 14

Что мы теряем или находим в переносе?

Перенос, контрперенос, проекция и идентификация в группах

Прошлое не бывает мертво. А это даже не прошлое.

(Фолкнер. Реквием по монахине)

Был ребенок, и он рос с каждым днем и каждый день видел
новое,
И на что бы он ни взглянул — он всем становился,
И все становилось частью его на этот день, на этот час
Или на многие, многие годы...
...И родители: тот, кто зародил его, и та, что его носила
и родила,
Они дали ему не только жизнь,
Они отдавали ему себя каждый день, они стали частью его...
...Семейный уклад, привычные словечки, гости, вещи
и сладкая на сердце тоска.
Привязанность, с которой не совладать, ощущение всего,
что окружает тебя, и сомнение — а вдруг все окажется
сном?*

(Whitman, 1958, p. 290–291)

В каждом из нас есть фундаментальный разрыв между тем,
что мы думаем, что знаем, и тем, что мы знаем, но, возможно,
никогда не сможем помыслить. В ходе переноса и контр-

* Уитмен У. Был ребенок, и он рос с каждым днем / Пер. с англ. И. Кашкина // У. Уитмен. Листья травы. М.: Иностранка, 2019. С. 367.

переноса психоаналитик облегчает превращение известного немыслимого в мысль, и пациент начнет размышлять о своей сущности, на что он не был способен до сих пор.

(Bollas, 1987, p. 282)

Чем больше у людей проблем, тем большее влияние на них оказывают тени прошлых отношений, которые искажают и портят их жизнь. В этой главе мы обращаемся к пионерам психоанализа и группового анализа, а также к современным практикующим специалистам с тем, чтобы понять, как можно использовать принципы переноса и контрпереноса, чтобы помочь людям обрести себя и друг друга в терапевтических группах. Эти принципы, как и связанные с ними конструкты проекции, проективной и интроективной идентификации, своим происхождением и развитием обязаны психоанализу, поэтому существует значительное количество литературы об этом. В этой книге выбор источников обусловлен стремлением помочь в понимании этих концепций в контексте групповой терапии, где перенос и проекция являются доменами смыслов в соответствии с представлениями Фукса, изложенными в главе 13.

Начальная стадия развития теории и практики

Перенос и три других домена смыслов в группах

В главе 13 обсуждается, что, согласно более позднему описанию Фукса, уровень, связанный с переносом, расположен ниже текущего и выше проективного уровня группы (Foulkes, 1964/1985, p. 114/115). Я предложил пересмотреть его представление о четырех уровнях и вместо этого рассматривать их как домены смыслов, оказывающие взаимное влияние друг на друга. Хотя главы 13–14 написаны так, чтобы их можно было читать независимо друг от друга, их необходимо рассматривать вместе. Краткий обзор, приведенный в следующем абзаце, предназначен для читателей, которые, возможно, не читали предыдущую главу.

Текущий домен группы — это «реальность» того, к чему участники присоединяются, когда начинают свою работу в группе. Он находится на уровне реального мира, в котором живут участники, мира, в который они переходят, когда покидают группу. Остальные три домена группы возникают в «переходном пространстве» (как его

назвал Винникотт). Оно состоит в первую очередь из домена переноса отношений целостного объекта — матери, отца, братьев, сестер и других. За ним находится другой, менее ясный или полностью скрытый проективный домен отношений частичного объекта. Например, в случае мужчины, который всегда воспринимает женщин навязчивыми и видит навязчивость в каждой из участниц группы независимо от того, свойственна она этой участнице или нет. В этом домене проекция не предполагает атрибуции, относящейся к целостным индивидам, а скорее к фрагментам прошлых знакомых, которые приятны или вызывают опасения. Далее следует первичный домен архаического смысла, выкристаллизовавшийся из символов и метафор. Проективный и первичный домены работают сообща, создавая видимое поле, которое оживляет скрытый мир бессознательных конфликтов и тревог. В одном из примеров агрессия проективно «привязана» к новой участнице, которая несет на себе тяжесть ее последствий и идентифицируется с ними, и, поскольку они подтверждают ее худшие опасения относительно самой себя, она оказывается изолированной, ведет себя враждебно и становится козлом отпущения для группы. Фигурации группы являются переплетением процесса и содержания, тематической и отношенческой динамик, которые связывают домены через их динамические поля. Мы полагаем, что в данной области науки развитие идей Фукса относительно этих четырех уровней будет еще более продуктивным, если мы переопределим их как домены, что и сделано в главе 13.

**Когда клинические проблемы приводят
к новым открытиям – группаналитический «поворот»**

Нитцген пишет о том, что мы можем назвать *группаналитическим поворотом*, который произошел, когда между 1940 и 1945 годами Фукс впервые начал объединять пациентов в группы для амбулаторной и стационарной психотерапии (Nitzgen, 2008). Он обнаружил, что методы работы с переносом, которым он был обучен, не помогали ему понять множественность переносов в группе. Конечно же, в группе было семь или восемь человек, каждый из которых управлялся различными реакциями переноса. Но ни один из этих индивидуальных нарративов не помог объяснить, что происходит. Фукс был поражен, обнаружив, что группа вела себя каким-то необычным образом, как если бы она обладала собственным разумом. Вдохновение от этого открытия реально ощущалось во время первых группанали-

тических встреч, которые описаны в его первой книге (Foulkes, 1948). И это сравнимо с открытием собственно переноса Фрейдом, который описан в разных публикациях с 1895 по 1911 год (Freud, 1912). Отличительной чертой текстов основоположников является наличие способности превращать отвлекающие факторы в открытия, а препятствия — в новые источники знаний.

Фрейд, Фукс, Флеминг

Эти два знаменательных события — открытие Фрейдом переноса и открытие Фуксом переноса в группе — стали значительными вехами в развитии науки. Первое открытие относилось к тому, что эмоции человека могут быть перенесены из бессознательного в терапевтические отношения; второе открытие состояло в том, что эмоции незнакомых друг с другом людей могут быть перенесены в группу, что помогает обнаружить важные находки и приводит к полезными результатами. Открытия Фрейда и Фукса были плодами случайности и обстоятельств, которые смогли «собрать» эти великие исследователи, как это было, например, с открытием пенициллина. В 1928 году Флеминг исследовал вещества, которые могли бы бороться с бактериальной инфекцией, и случайно обнаружил, что постоянное возникновение плесени в чашке Петри, которое на первый взгляд мешало его исследованиям, может привести его к тому, что он искал. Потребовалось еще десять лет исследований, чтобы превратить открытие Флеминга в научное знание. Сходным образом развивались и гуманитарные науки, включая глубинную психологию. Фрейд прошел через собственный «психоаналитический поворот», когда паттерн переноса, который беспокоил его и его коллегу Флисса, превратился в принцип лечения, основанный на признании того, что перенос является повторением прошлого и искажением настоящего в соответствии с прошлым. Однако Фрейд продолжал рассматривать контрперенос как своего рода отвлекающую проблему, и только после работы Хайманн и ее коллег, которая описана ниже, и публикации ее знаменитой статьи в 1950 году контрперенос стал реальным ресурсом (Heimann, 1950).

Перенос в трех основных моделях групповой психотерапии

Перенос и контрперенос могут быть важными ресурсами. Отношение к ним является принципом, который позволяет клинически разграничить три наиболее широко применяемые модели групповой

терапии. В тэвистокской модели перенос является одним из ключевых концептов, но по-прежнему рассматривается в ограниченной форме в рамках базовых допущений психологии двух человек, возникающей между ведущим и группой как целым. В интерперсональной модели перенос не рассматривался до выхода в свет пятого издания книги Ялома, в котором соавтор последнего Лесzcz ставит перенос на центральное место (Yalom, Leszcz, 2005, р. 201–229) и рассматривает его как «вездесущий и оказывающий радикальное влияние на характер группового дискурса» (Yalom, Leszcz, 2010, р. 205). В модели группового анализа перенос всегда был центральным терапевтическим принципом, и в свете своих ранних открытий Фукс создал новый терапевтический словарь для описания «специфических для групп факторов». Он создал новый терапевтический метод и новую модель для его развития. Но он не дожил до тех изменений в метапсихологии, которые, по его мнению, должны были последовать, и закончил свою жизнь на полпути между старой парадигмой классической теории психоанализа и своим радикально новым методом, которому не хватало развитой теоретической основы. Изучение переноса выдвигает эти проблемы на первый план, и в этой главе предпринимается попытка рассмотреть и разрешить некоторые из этих затруднений.

Однако текст и научные знания могут увести нас в сторону от клинической направленности исследования, в виньетке 14.1 содержится предостережение об этом.

Предостережение. Стоит ли читать Мошенника и Мусорщика?*

Виньетка 14.1

Стоит ли читать Мошенника и Мусорщика?

Майк — джазовый музыкант с группой, жизнью и устоявшейся, по его словам, репутацией. Вместе с женой он недавно посетил несколько «дозаправочных» сессий, и сейчас они счастливы вместе. Впервые они пришли ко мне много лет назад после того, как он подрался со своим лучшим другом, в гостях у своей будущей жены. Для друга это была вечеринка перед свадьбой, и тогда, как он выразился, они оба «сошли с ума и напились в хлам». Были кровь и ранения, вызвали полицию.

* Здесь используется игра слов: Freud и fraud (англ.) — «Фрейд» и «мошенничество», Jung и junk (англ.) — «Юнг» и «мусор».

Рассмотрение судебного дела было приостановлено по инициативе его друга и будущей жены при условии, что он пройдет курс психотерапии. После шести месяцев индивидуальных сессий со мной, в ходе которых он избавился от серьезной зависимости от алкоголя и наркотиков, он присоединился к интенсивной группе. Среди ее участников было много людей с университетским образованием, и временами Майк находился в состоянии защитной интеллектуализации. Майк обладал большим личным обаянием и звучным голосом, но в течение первых недель в группе держался тихо, не включаясь в обсуждение. Ситуация изменилась, когда в конце концов он рассказал кому-то из участников, что привело его к нам. Сначала он стеснялся, но затем с присущим ему дерзким юмором, серьезным выражением лица и сильным ист-эндским акцентом сказал: «Ну, у меня давно есть одна особенность. Я не знаю себя и причиняю боль людям, которых люблю. Я просто не знаю, как это выходит. И я не знаю, как это понять. Я бросил школу, не доучившись, и я в растерянности. Вы, ребята, все говорите об этих книгах, которые читаете. Там, где я вырос, их не было! И что эти Мошенник и Мусорщик могут сказать кому-то вроде меня? Я просто не знаю!».

Комментарий

Смех, раздавшийся тогда в группе, звучит у меня в ушах и сейчас, когда я пишу эти строки. Даже не открывая книг, Майк научился в группе тому, чему «должны были научить его мошенник и мусорщик». Через несколько лет, щедро поделившись с другими участниками своими инсайтами и опытом взаимопонимания, он закончил свою работу в группе, чтобы начать обустривать свою жизнь как профессиональный музыкант. Он был талантливым музыкантом, который так и не реализовал себя. Его перенос на меня, на группу и ее участников усугублялся ранними травмами. Мы узнали, какие ранние утраты пережили он и его сиблинги и сколько гнева потребовалось для их преодоления. Когда он объявил о своем уходе из группы и шел процесс прощания, он принес нам самый новый из своих многочисленных саксофонов, чтобы показать нам «тот самый инструмент», как он его называл, который должен был привести его в интересное будущее. Своим рассказом он не только делится с нами остроумием, но также поднимает исходную проблему и безоговорочно подтверждает, что получил хороший результат, что делает нашу общую работу особенно ценной. Но так бывает не всегда.

Перенос в психоанализе и в групповом анализе

Группа, прячущаяся под психоаналитической кушеткой

Под переносом понимается набор проекций и идентификаций, теней из прошлого, впервые описанный в самых ранних формах психоанализа, где он использовался для исследования прошлого, «там и тогда», в ходе психоанализа или терапии и постоянного выявления бессознательных искажений пациента по мере их возникновения в терапевтических отношениях (Freud, 1912). В классической теории Фрейда использовалось, как мы увидим ниже, ограниченное определение переноса, который, как считалось, возникает только между терапевтом и пациентом. Это понимание было сохранено в качестве рабочей системы координат Анной Фрейд и сторонниками ее «Би-группы» в Британском психоаналитическом обществе, членом которой был Фукс. Теория объектных отношений и подвергшаяся ее влиянию развивающаяся парадигма отношений внесли поправки в психоаналитическую практику, которая теперь исследует динамическое настоящее, «здесь-и-сейчас», и для того, чтобы увидеть, как оно формируется переносом, и для того, чтобы исправить перенос с тем, чтобы помочь нынешним реалиям освободиться от влияния прошлого. Работа Болласа, цитируемая ниже, является одним из лучших репрезентативных описаний того, как перенос работает в психоанализе сегодня, и описывает подход, который наиболее удобен для практики группового анализа.

Сазерленд указывал, что никогда не существовало никакого «интеллектуального кружка», состоящего из Винникотта, Балинта, Фэйрберна и Гантрипа, тех, кто первым внес отношенческие изменения в теорию объектных отношений (Sutherland, 1980). В тот же период Боулби развивал свою теорию привязанности. Фукс жил и работал в этой же среде и в то же время. На момент смерти у него был готов черновик новой книги, посвященной этим вопросам. Энтони поддерживает такое видение и описывает происходящее в индивидуальной психоаналитической практике.

Фактически аналитическая ситуация [является]... неразрывно связанной с группами, начиная с первичной семейной организации и далее, и... воздух [наполнен] шумом голосов, поддерживающих и преследующих, друзей, родственников и врагов, которые находятся на социальной орбите пациента.

(Anthony, 1978, p. 39)

Он называет это «группой под кушеткой» и описывает, как она «продолжает проявлять свое невидимое влияние на протяжении всего лечения, [в ходе которого] пациент должен научиться обращаться с ними [другими людьми под кушеткой] в той же мере, как и с самим собой и своим аналитиком» (ibid.).

Присоединение к кругу: перенос в группах

Как же в таком случае работать с переносом в группах? Энтони описывает, как групповой аналитик вытаскивает на свет «группу из-под кушетки», усаживает ее участников в круг, превращает каждого из них в пациента, а не в проекцию, а сам присоединяется к этому кругу для... встречи лицом к лицу (ibid.).

Прошлое становится частью динамического настоящего посредством переноса, который неизбежно возникает из-за теней, отбрасываемых историями участников группы. Используя терминологию Винникотта, можно сказать, что сначала группа становится благоприятной средой, обеспечивающей холдинг и контейнирование (Winnicott, 1965, 1985). Ее межличностные динамики открыты для активных процессов игры, исследования и повторения и свободно перемещаются между «там-и-тогда» и «здесь-и-сейчас». Используя сходный язык теории привязанности, тот же процесс можно описать в терминах Боулби как создание в группе надежной базы для исследования мира. Вот как описывал это Боулби.

Теория привязанности — это способ концептуализации склонности людей устанавливать сильные нежные привязанности... и объяснения многих форм эмоционального страдания и расстройства личности, включая тревогу, гнев, депрессию и эмоциональное отчуждение, чему дают начало нежеланная разлука и утрата*.

(Bowlby, 1977/1979/1989, p. 151)

Наша цель — научить людей выходить из тени и обретать голос. Эти тени прошлых травм ложатся на других участников в качестве проекций и стимулируют идентификацию и контридентификацию, создавая в группе особую атмосферу. Они составляют то, что в цитате, открывающей эту главу, Боллас называет «миром известного немыс-

* Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Академический проект, 2004.

лимого», который включает «бесчисленные правила бытия и отношений, которые были определены в ходе взаимодействий» в родительской семье (Bollas, 1987, p. 279). Они объединяются в матрице посредством самых элементарных групповых динамик — динамик процесса, обсуждаемых в главе 10. К ним относятся социализация, обмен, резонанс, валентность, отзеркаливание, сгущение и усиление, которые наполняют группу жизнью.

Динамики процесса, проективный домен и домен, связанный с переносом

Сложность и запутанность групповой ситуации усугубляется наличием в различных разделах нашей области знаний многих конструкций и схем. Фукс придумал язык «процессов, специфических для групп», которые в главе 10 были переименованы в динамики процесса, чтобы облегчить работу с этими новыми понятиями, сохранив при этом психоаналитический язык переноса. В таблице 14.1 представлена рамка, которую Фукс разработал вместе с Энтони и которая выразительно описывает новую парадигму (Foulkes, Anthony, 1957/1984, p. 51). Это мастерски выполненное описание группаналитической системы координат, подобное розеттскому камню группового анализа в том смысле, что позволяет сравнить два языка — классический психоанализ и групповой анализ — и разобраться в их сходствах и различиях.

К сожалению, в их книге эта таблица не обсуждается. Фукс и Энтони не дают дифференцированного описания того, как работает перенос в группах, как он и динамики процесса (резонанс, взаимность, отзеркаливание и усиление, о которых говорилось в главе 10) оказывают взаимное влияние друг на друга. Таким образом, из их работы мы не можем понять, какие «выгоды» существуют у динамик процесса (специфических для группы факторов по Фуксу) по сравнению с динамикой переноса. Хотя Фукс разработал специфические для групп факторы именно для описания новой ситуации, в таблице 14.1 они не упоминаются. Как верно заметили Далал и Вигманн, Фукс как психоаналитик оставался в рамках более старой парадигмы классической теории и в своей работе с переносом опирался на то, что в главе 4 описано как психология одного человека (Dalal, 2000; Weegmann, 2014). В те годы, когда Фукс разрабатывал свою теорию, в психоанализе из психологии двух человек, являющейся частью тео-

Таблица 14.1

Ситуация переноса в психоанализе и групповом анализе
по Фуксу и Энтони (Foulkes, Anthony, 1984, p. 52)

Источник и фокус	Психоанализ	Групповой анализ
Сырой материал как предмет изучения	Вербальная коммуникация, ослабленный контроль	
	«Свободные ассоциации» пациента	Спонтанный вклад участников «Свободно текущая дискуссия» «Свободные ассоциации группы»
Перевод с языка симптома на язык смыслов от жалобы к проблеме (конфликту)	Превращение вытесненного бессознательного в сознательное	
	Интерпретация психоаналитика	Интерпретация группового аналитика при активном участии всех участников Группа как целое в качестве фона интерпретации
Сопротивления, защиты	Выведение на сознательный уровень	Выведение на сознательный уровень, в том числе на коллективном уровне и уровне взаимодействий
Сырой материал в контексте отношений	Поведенческая и экспрессивная (невербальная) коммуникация	
	Ситуация двух человек Регрессивный, инфантильный перенос Контрперенос Отношения к остальным людям <i>вне</i> Т-ситуации	Ситуация нескольких человек Множественные переносные отношения Все <i>внутри</i> Т-ситуации
Природа терапевтических (переносных) отношений	Регресс, поощряемый ситуацией Относительная анонимность и пассивность/ психоаналитика Невроз переноса полностью установлен Проблема зависимости и фиксации на психоаналитике	Регресс не поощряется ситуацией Относительно реалистичная роль группового аналитика и взаимодействие с другими Невроз переноса до конца не установлен Меньше проблем с зависимостью
Терапевтический процесс и принципы	Никаких манипуляций с ситуацией переноса	
	Акцент на инсайт и контраст между прошлым и настоящим	Дополнительно: акцент на реакции и опыте в данной ситуации («здесь-и-сейчас») Корректирующий опыт — «эго-тренинг в действии»

рии объектных отношений, возникла новая отношенческая парадигма. В тот момент еще не ставился акцент на проекции и проективной идентификации, и среди сторонников этой парадигмы были некоторые из ближайших соратников Фукса. И всё же, как ни странно, свою работу в качестве группового аналитика он вел обособленно от них и вне их влияния. Теперь мы можем воспользоваться преимуществами того, что отношенческая точка зрения получила свое развитие. На рисунке 14.1 я представляю конструкцию, которая связывает различные части теории с тем, чтобы сформировать единую целостную картину работы терапевтической группы.

Теория Фукса и теория объектных отношений: исторический экскурс.

Психология одного, двух и трех человек

Прежде чем мы подойдем к заявленной в заголовке теме, будет полезно продолжить исторический экскурс. Во время Второй мировой войны противоречия между Анной Фрейд и Мелани Кляйн, известные как «острые споры», привели к образованию в Британском психоаналитическом обществе независимой группы, в которую вошли Стрейчи, Винникотт, Балинт, позже Хайманн. Они взяли на вооружение глубокое клиническое понимание, свойственное кляйнианскому мышлению, не прибегая к метапсихологии Кляйн (King, Steiner, 1992). Вместе с Фэйрберном они приобрели известность как Британская школа объектных отношений и внесли свой вклад в смещение паттернов понимания от психоанализа инстинктов в психологии одного человека к психологии двух человек, сфокусированной на инфантильном опыте и детско-родительских отношениях¹. Доэдипальные связи стали определяющим фактором в отношениях терапевта и пациента в переносе. В Северной Америке работа этой группы была представлена Сазерлендом, а затем ее подхватили Кернберг, Спотниц, Ормонт, Эпштейн, Гринберг, Митчелл, Огден, Шарфф, Кэшдэн и другие, и это придало новую форму преобладающим моделям мышления и практики в терминах отношений (Sutherland, 1980).

Во время «острых споров» Фукс находился за пределами Лондона, работая в Эксетере и Нортфилде, а по возвращении держался в стороне от дискуссий. Энтони и Пайнс подтверждают, что его ближайшими соратниками были Анна Фрейд и члены ее «Би-груп-

пы». Фукс развивал свою практику и стал влиятельным наставником и тренинг-аналитиком в Британском психоаналитическом обществе, и в то же время он занимался своими новыми открытиями в групповом анализе и разработал то, что он назвал «моделью трех» — констелляцию семейных отношений, лежащих в основе группаналитической работы, о которой мы говорили в главе 8. Он активно участвовал в создании основ того, что сегодня стало преобладающей отношенческой парадигмой в психотерапии и опирается на его психологию трех человек, которая описана в главе 4. Но в своей работе и публикациях он упускал и активно исключал возможность использования другого набора концепций, относящихся к этой отношенческой парадигме, — теорию объектных отношений и психологию двух человек, которые разрабатывались членами «независимой группы». Среди ближайших соратников Фукса в Лондоне были такие члены этого круга, как Балинт и Винникотт, и, хотя в их трудах есть ссылки на него, в трудах Фукса очень мало ссылок на этих авторов.

В своей психоаналитической практике он оставался на позиции, близких к Анне Фрейд и ее более поздним идеям эго-психологии, однако, несмотря на всемирное влияние ее классической книги «Эго и механизмы защиты» (Freud, 1937), в своих сочинениях о группах он практически ничего не использует из того, что она писала о защитных механизмах. Парадоксальность этой ситуации была отмечена лишь двумя поколениями позже в трудах Далала (Dalal, 2000), Левенса (Levens, 2011), Нитсана (Nitsun, 1995) и Вигманна (Weegmann, 2014), которые внесли собственный вклад в развитие теории и практики группанализа. Однако исходные проблемы наших основных конструкторов являются более сложными, чем просто разграничение между «ортодоксальным» и «радикальным» Фуксом и предпочтение последнего, как предлагает Далал. Нам предстоит еще многое сделать, чтобы разобраться в нашей собственной истории и развивающейся парадигме. На следующих страницах мы постараемся восполнить недостающие элементы описания Фукса и Энтони в таблице 14.1.

Проективный домен: связь переноса и динамик процесса

В основании треугольника находятся динамики процесса, а на вершине — динамика переноса. Между ними располагаются проекция, интроекция и идентификация — конструкторы современной отношенческой практики в психоанализе. Итак, рисунок 14.1 возвращает нас

к картине многослойной структуры опыта в группе (в главе 13 мы отказались от многослойной модели в пользу модели четырех доменов смысла). Основы этого опыта заложены в самых базовых динамиках процесса, из которых возникают проекция и интроекция, а из них, в свою очередь, возникают перенос и контрперенос.

Бессознательное отдельных участников группы формирует ее динамический процесс, в котором перенос оказывает динамическое давление от верхнего слоя вниз к динамикам процесса в нижнем слое. В то же время социальное бессознательное группы работает, исходя из основных динамик процесса в фундаментальной матрице, и влияет на перенос в верхнем слое. Динамика между переносом/контрпереносом в верхнем слое и динамиками процесса в нижнем слое оказывает взаимное влияние через промежуточный уровень. Он состоит из проекции, интроекции и проективной идентификации, которые могут проявиться в группе как «доступные» динамики, то есть такие, которые можно увидеть и распознать. Они также



Рис. 14.1. Перенос и проективные уровни опыта в группе

оказывают воздействие посредством интроективной и проективной идентификации, которые обычно скрыты или недоступны для сознательного исследования, пока они не приведут динамику переноса/контрпереноса в такие искаженные формы, что станут очевидными.

Однако это изображение и сопровождающее его объяснение передают линейную картину действия динамики, когда она направлена вверх или вниз. Мы знаем, что это описание не является точным, во-первых, потому что оно неполное, а во-вторых, потому что оно линейное. Итак, на рисунке 14.2 воспроизводится картина многослойного опыта, но теперь она передана двумя идентичными треугольниками, перевернутыми по отношению друг к другу. Оба рисунка описывают одну и ту же группу, динамика которой

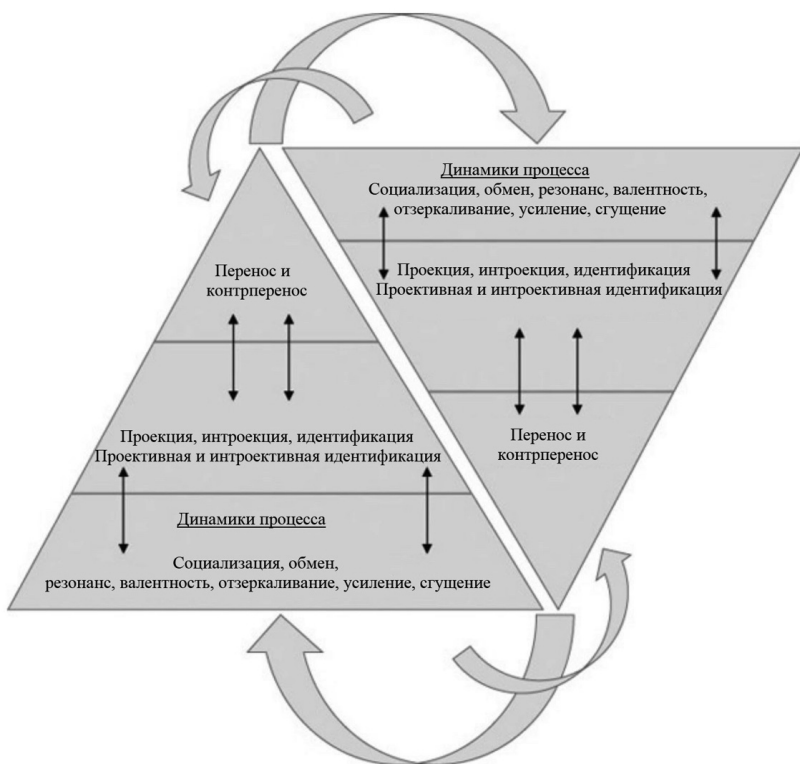


Рис. 14.2. Циркулярное и взаимосвязанное движение между различными слоями группового опыта

движется по кругу между различными слоями опыта. Перенос всегда будет формировать динамики процесса, в то время как эти динамики, в свою очередь, способствуют тому, как группа формирует перенос. Итак, в зависимости от того, где мы размещаем наблюдателя, перенос может происходить либо в вершине треугольника, либо в его основании, и из этой картины мы можем увидеть, что на самом деле все происходящее носит циркулярный и взаимосвязанный характер. Другим серьезным недостатком, который отражен на рисунках 14.1–14.2, остается проблема линейности. Она была разрешена в более ранней схеме на рисунке 13.1, где идея слоев, или уровней, была заменена доменами, каждый из которых мог оказывать формирующее влияние на любой другой или на все остальные. Задача превратить рисунок 13.1 в точное трехмерное представление рисунка 14.2 (что, вероятно, является единственным способом сделать это) остается другим исследователям!

Как понимание этих слоев или областей помогает нам развивать терапевтический потенциал группы? Боллас несколько иначе формулирует этот вопрос:

Каким же образом обычно немислимое известное становится мыслью?.. Таким же образом, каким оно было частично сформировано: посредством констатации через объектные отношения. Только через использование и переживание субъектом другого... репрезентации этого опыта могут использовать и, следовательно, представлять язык немислимого известного, на котором говорит человек, и это... подводит нас к переносу и контрпереносу.

(Bollas, 1987, p. 280)

Перенос и его дифференциация

Т-ситуация

Мы попытаемся самостоятельно разобраться в дифференцирующих категориях, которые модифицируют перенос, и, используя таблицу 14.2 в качестве руководства, применим их к групповой психотерапии. Эти различные формы переноса обсуждаются после таблицы, а затем следом за экскурсом в литературу и историю мы вернемся к определениям и описаниям переноса в группах в вертикальной и горизонтальной, простой и сложной, а также позитивной и нега-

Таблица 14.2

Различные формы переноса:
простой, сложный, вертикальный, горизонтальный

Направление переноса	Форма переноса	
	Простой	Сложный
Вертикальный	Простой вертикальный	Сложный вертикальный
Горизонтальный	Простой горизонтальный	Сложный горизонтальный

тивной формах. В практике группаналитической психотерапии эта тема охватывает так много, что не может быть рассмотрена в одной главе. Поэтому, когда ниже будут представлены дифференцированные формы переноса, каждая из них будет сопровождаться указанием на то, где в других частях этой книги можно найти иллюстрации для каждой формы.

Фукс и Энтони описали свою модель групповой терапии как ситуацию переноса, в которой «прошлое и настоящее должны встретиться. Прошлое, которое было бессознательным, вытесненным или никогда не переживалось в такой форме, в которой оно могло бы быть оживлено только посредством повторения в поведении», принимается в качестве настоящего в ситуации переноса (Foulkes, Anthony, 1957/1984, р. 60). Они называют это «Т-ситуацией»^{*} и используют ее, чтобы охватить всю терапевтическую динамику группы. Они отличают это от малого *t*, когда возникает индивидуализированная динамика переноса между одним и другим участниками. К сожалению, эти различия не дают четкого руководства для клинической практики.

Также имеет смысл различать вертикальный и горизонтальный перенос, то, что я называю здесь «простым» и «сложным» переносом, а также позитивный и негативный перенос. Например, отношения между двумя участниками группы могут регулироваться переносом в форме образования явной пары, остающейся при этом в определенных границах. В какой-то момент для группы эта пара выступает на передний план. Это то, что Фукс и Энтони называли переносом с маленькой буквы *t*. Эти два участника обладают определенной валентностью по отношению друг к другу, а группа как целое ста-

* От *transference* (англ.) — «перенос».

новится контекстом или фоном. Между этими двумя участниками может происходить нечто важное, что они прорабатывают друг с другом посредством эмпатического или злокачественного отзеркаливания, а в это время остальные участники группы, включая ведущего (если он не является частью этой пары), становятся свидетелями происходящего. Затем их репаративный диалог может стать ядром расширяющегося дискурса в том же духе, который распространится и на группу в целом. Так называемые простые фигурации этого типа описаны в виньетках 1.2, 3.1, 4.2, 10.2, 10.4 и 13.2. В сложном переносе, обозначаемом большой буквой Т, имеет место совокупность отношений, носящих переносный характер, и в одном из его элементов отношения могут быть позитивными, а в другом элементе — негативными. Итак, в совокупности переносов группы может присутствовать идеализирующий, положительный вертикальный перенос двух ее участников на ведущего, а сами они могут быть вовлечены в негативный и враждебный горизонтальный перенос с большинством других участников, которые сходным образом отвечают им насмешками. В данный момент времени динамика «козла отпущения» и выталкивающее давление, действующие в группе, берут свое начало в своего рода расщепляющем переносе. На протяжении всей нашей книги мы описываем эти простые и сложные фигурации, а в таблице 14.3 приводится список виньеток, которые являются иллюстрациями соответствующих форм.

Узкое и расширенное определение переноса

Фрейд, Стрейчи, Сандлер

Споры вокруг определения переноса имеют важное значение. В понимании Фрейда перенос описывает эмоцию, возникающую в психоанализе между пациентом и аналитиком, которая включает повторяющиеся искажения пациента, основанные на его более ранних отношениях с кем-то другим (Freud, 1912). Это понимание было расширено на психотерапию в целом, но даже в этом случае оно продолжало применяться на условиях, регулируемых этим узким определением. В книге «Пациент и аналитик» Сандлер и его коллеги противопоставляют такому подходу более точное определение, которое к тому времени уже применялось на практике и называлось расширенным определением (Sandler et al., 1992). Оно и сегодня использует группаналитиками, и мы рассмотрим его ниже. Однако,

прежде чем двигаться дальше, ввиду того, что многие ключевые особенности переноса в его первоначальном узком смысле по-прежнему актуальны для работы, которую мы выполняем в группах, мы обратимся к их описанию в классической работе Стрейчи (Strachey, 1934). В текущей психоаналитической работе с переносом в англоязычном мире в качестве источника определений обычно используют работу Стрейчи, а не более раннюю классическую теорию Фрейда. Определяющими чертами психоаналитической парадигмы, представленной Стрейчи, является то, что перенос становится чем-то, что занимает центральное положение, завладевает пациентом, превращается в своего рода невроз с соответствующими искажениями и осложнениями во взаимоотношениях пациента с аналитиком. По словам Стрейчи, в регрессе *перенос «поглощает» анализ*, и этот перенос в ходе анализа предполагается разрешить посредством *мутативных интерпретаций*, направленных как на его конкретные, так и на символические смыслы.

Балинт и Александер

Этому способу понимания переноса и работы с ним противостоит новая отношенческая парадигма, представленная в работах Балинта, вышедших в Великобритании (Balint, 1933, 1939, 1949), и работе Александера и Френча, опубликованной в США (Alexander, French, 1946). Оба они были анализандами Ференци. Свойственный последнему акцент на отношениях (или «поворот» в сторону отношений) Александер и Балинт привнесли в психоаналитическую практику 1930-х и 1940-х годов. Вклад Александера рассматривается в главе 2. Балинт приводит ряд примеров из обычной жизни, когда «человеком овладевает очень сильная эмоция... [которая] вызвана к жизни чем-то другим...» (Balint, 1933, p. 175). Он описывает перенос как «важное, общее явление... которое пронизывает всю нашу социальную жизнь» (ibid.), и высказывает мнение, что «перенос — это общая черта человеческой жизни и любой индивид всегда переносит свои эмоции на любого, кто находится в пределах досягаемости» (ibid., p. 187). В своей знаменитой работе, посвященной изменениям, произошедшим в клинической работе благодаря этому расширенному подходу (Balint, 1950), он подчеркивает, что, подобно тому, как свойства переноса пациента «либидинозны», то, что испытывает аналитик по отношению к пациенту, «даже если мы называем это „контрпереносом“, или „корректным аналитическим поведением“, или „кор-

ректным обращением с ситуацией переноса“, также является либидинозным отношением». В этой статье он превращает психоанализ в межличностную психологию (Balint, 1950, p. 231). Мы видим, как он закладывает основу для того, что позднее стало групповым анализом Фукса, то есть «формой психотерапии в группе и посредством группы, включая ведущего» (Foulkes, 1975/1986, p. 3).

Прямое отношение к практике группового анализа имеют и другие ключевые элементы ранней работы Стрейчи. Он предостерегал от использования интерпретаций и продемонстрировал, как, будучи предназначенными для использования в качестве мутативных, они могут быть направлены только на терапевтические отношения и не будут работать вне их. Также он выступал за то, чтобы представлять анализанду только небольшие сегменты реальности, с тем, чтобы они могли быть ассимилированы и переработаны. Суть интерпретации заключается в том, чтобы установить прозрачные связи между прошлым, настоящим во время сессии и жизнью пациента во внешнем мире. Рисунок 11.2 использует оригинальное разграничение Стрейчи между прошлым, настоящим и внешним миром, и в этой книге эти модальности времени и места адаптированы применительно к группанализу. Далее следует рисунок 11.3, который иллюстрирует нашу текущую фокусировку на динамическом настоящем. На этом рисунке отображено развитие группового дискурса в сторону изменения и разрешения на уровне «здесь-и-сейчас», который, как обнаружено, выражает репрезентированное прошлое. Многое из этого представлено в относящейся к психоанализу колонке таблицы 14.1 Фукса и Энтони. А в столбце группового анализа мы видим, как они применяют разные виды интерпретаций для работы с группой как целым. В главе 17 будет показано, с какой тщательностью Фукс использует основные принципы Стрейчи в своих рекомендациях по интерпретации переноса в группе.

Современная литература о переносе:

от Балинта и Винникотта до Болласа, Спиллиус и Огдена

Я отношу определенную литературу о переносе к современной, используя разграничение этапов эволюции психоаналитической техники, проведенное Балинтом (Balint, 1950). Первым он называет этап оригинальной гипнотерапии Фрейда, которая оставила единственное наследие, состоящее в использовании кушетки; ко второму этапу он относит тот, когда вся работа подчинялась интерпретации содер-

жания; на третьем этапе работа строилась на интерпретациях либо переноса, либо защит; и, наконец, на четвертом этапе, предложенном самим Балинтом, работа опирается на умеренное применение интерпретаций, а взамен предлагается сфокусироваться на эмоциональной коммуникации в переносе (Balint, 1950, p. 233–235). Многие практикующие психотерапевты и психоаналитики используют более чем один из таких подходов, и, как следствие, технические аспекты дифференцированного использования переноса в соответствии с этими этапами развития психоаналитической техники остаются запутанными. К тому же с тех пор возникло множество новых разработок. Фукс был не единственным психоаналитиком, теоретические работы которого не совсем соответствовали его практике. Надежнее всего полагаться в этой области на Фроша, сбалансированные и всеобъемлющие публикации которого имеют непосредственное отношение к клинической работе с группами (Frosh, 2002, 2006, 2010, 2012).

В своей работе Боллас закрепляет и усиливает акцент Балинта на рассмотрении переноса как формы эмоциональной коммуникации, которая делает прозрачным «известное немислимое» (Bollas, 1987, 1993, 1990). Его оригинальный вклад заключается в развитии эстетического и символического, о чем будет рассказано в главе 16. Для большинства из нас классическая статья Винникотта «Ненависть в контрпереносе» является весьма важной и закладывает основу для более поздних работ таких исследователей, как Темпл, Гордон и Кирчук (Gordon, Kirtchuk, 2009; Temple, 1996; Winnicott, 1947). Они предоставляют отличные обзоры и клинические руководства по переносу и контрпереносу как в обычных условиях, так и в условиях судебно-медицинских учреждений. Спиллиус и О'Шонесси в своей учитывающей все современные веяния книге «Проективная идентификация: судьба концепции» обращаются к работам классических психоаналитиков, кляйнианцев и других исследователей, работавших в разных странах, в том числе к классическим статьям Биона, Розенфельда, Фельдмана, Джозеф, Сандлера и других (Spillius, O'Shaughnessy, 2012). К этому бесценному ресурсу можно было бы добавить две единственные группаналитические публикации Роджерс и Рафаэльсена о проективной идентификации в группах (Rafaelson, 1996; Rogers, 1987).

В современной аналитической школе в США первыми контрперенос стали применять Эпштейн и Файнер, Огден привнес яс-

ность и простоту в эту вообще-то сложную во многих отношениях область, а Кэшдэн разработал особый подход к использованию переноса и контрпереноса, который он называет терапией объектных отношений (Cashdan, 1989; Epstein, Feiner, 1979; Ogden, 1992, 1993). Краткие определения, которые следуют ниже, заимствованы из широкого круга источников, но, приводя их здесь, я руководствуюсь ясностью мышления авторов, упомянутых в этом абзаце.

Современные определения

Перенос

Теперь мы можем дать расширенное определение переноса в форме, приведенной Сандлером с соавт. (Sandler et al., 1992). Перенос — это характерное свойство всех наших отношений, в которых поведение, паттерны отношений, эмоции, фантазии или все эти психологические атрибуты вместе, возникающие из детского опыта, воплощаются в более поздних отношениях, в данном случае в группе, *как будто* они там уже имели место. Ключ кроется в союзе «как будто», который позволяет нам признать, что мы находимся в том месте, которое Винникотт называет *переходным пространством* (Winnicott, 1951). Групп-аналитический подход направлен на то, чтобы создать и культивировать указанное «как будто» и обогатить *переходное пространство* между состояниями стремления и принадлежности. В главе 15 мы увидим, как участники «входят в образы себя и друг друга, сформированные в переносе, и выходят из них».

Контрперенос

Контрперенос — это все вышеперечисленное, но уже в качестве атрибутов терапевта, которые доступны ей или ему, *как источник информации о клиенте, паре или группе*.

Проекция

Проекция описывает приписывание эмоции другому человеку, когда ее истоки на самом деле лежат в самом я.

Идентификация

Идентификация описывает, как индивид ставит себя на место другого с точки зрения поведения, паттернов взаимоотношений, эмоций, фантазий или всех этих психологических атрибутов вместе.

Проективная идентификация

Проективная идентификация описывает четырехэтапный процесс, включающий, во-первых, бессознательное приписывание другому аспектов *я*; во-вторых, реакцию принятия другим этих атрибутов, индуцированных в нем, так что они инкорпорируются или присваиваются этим другим; в-третьих, получатель проекции идентифицирует себя с возникающими в нем эмоциями; и в-четвертых, обе стороны считают, что проецируемые атрибуты не относятся к ним.

Интроективная идентификация

Интроективная идентификация описывает двухэтапный процесс, включающий, во-первых, приписывание *я* или включение в *я* аспектов другого и, во-вторых, идентификацию или отождествление *я* с этими другими атрибутами, включая поведение, паттерны отношений, эмоции, фантазии или все эти психологические атрибуты вместе, как если бы они принадлежали индивиду.

Перенос на ведущего, группу и участников

В другой части своей книги Фукс и Энтони проводят различие между *вертикальным анализом* психоаналитического процесса и *горизонтальным анализом* группаналитического процесса (Foulkes, Anthony, 1957/1984, p. 42). Теперь, обратившись к публикациям американских авторов Гротьяна (Grotjahn, 1983, p. 3) и Шайдлингера (Scheidlinger, 1982, p. 75), а также немецкого исследователя Кёнига (Konig, 1991a, b), мы можем воспользоваться таким разграничением, чтобы сделать более понятными вопросы, которые возникли из толкования этими авторами работ Фукса и в тесной связи с этими работами. Об этом пишет Гротьян:

В группах существует три направления переноса... Одно отношение переноса связано с центральной фигурой, терапевтом, и это похоже на невроз переноса в психоанализе; второе... распространяется на равноправных участников группы, которая становится важным агентом терапии; третье... развивается на более поздних стадиях группового терапевтического процесса... Это перенос на всю группу как на раннюю, доэдипову мать.

(Grotjahn, 1983, p. 3)

Различия между этими формами переноса показаны в разных виньетках этой книги. В таблице 14.3 приводится список виньеток, иллюстрирующих различные формы переноса и контрпереноса.

Простой и сложный перенос

В группе может существовать переносная связь «простого» сопряжения двух индивидов, чья динамика, противопоставленная фоновому контексту группы, выступает на первый план и несет сильный эмоциональный заряд. Это может произойти между двумя участниками группы по горизонтальной оси или между одним участником и ведущим по вертикальной оси. Терапевтическая работа заключается в выявлении значения этой, на первый взгляд, «простой» связи для двух ее участников и для группы как целого. Также будут иметь место сложные связи переноса между несколькими участниками, когда оси переноса проходят в обоих направлениях, то есть горизонтально и вертикально, и эту динамику можно будет понять только с помощью термина «*фигурация*», то есть улавливания тематического содержания сложной ситуации и его объединения с динамикой отношений, которые связаны с ней. В динамическом движении группы будет наблюдаться постоянно меняющееся взаимодействие между простым и сложным переносом в его вертикальной и горизонтальной формах. Это уже проиллюстрировано на примере «Т-ситуации», описанной выше, где вводится дополнительное различие позитивного и негативного переноса. В таблице 14.3 показано, где в тексте проиллюстрированы эти и другие формы переноса.

Позитивный и негативный перенос

Если психотерапия не начинается с позитивного терапевтического альянса, она в большинстве случаев обречена, поскольку доверие, необходимое для благоприятного позитивного переноса, не будет иметь основы для роста. Скорее всего также терапия будет обречена, если мы не отважimsя углубиться в негативные аспекты переноса. Как писал Боулби в приведенной выше цитате, за психотерапией обращаются люди со стигматами травм и разочарований. Если они не найдут места в воскрешающем прошлом процессе переноса с тем, чтобы позволить боли проявиться, тогда работающий над этим человек вряд ли получит пользу от терапии во всей полноте. Конечно,

Таблица 14.3
Иллюстрации переноса и контрпереноса в книге

Тип переноса	Номера виньеток
Простые фигурации переноса	1.2, 3.1, 4.2, 10.2, 10.4, 13.2
Сложные фигурации переноса	2.4, 2.5, 4.4, 4.5, 5.3, 8.2, 10.10, 11.2, 13.6, 14.3, 15.2
Перенос на ведущего	3.1e, 8.1, 8.2, 9.1, 10.1, 10.9, 10.10, 11.2, 12.1, 13.6, 13.7, 14.2, 14.3, 14.4, 14.6, 15.2
Перенос в группе как целом или на группу как на целое	2.1, 2.2, 2.4, 3.1e, 3.1d, 5.6, 8.1, 8.2, 9.1, 10.1, 10.4, 10.5, 10.9, 10.10, 11.2, 11.3, 12.1, 13.1, 13.3, 13.4, 13.5, 13.7, 14.2, 14.3, 14.6, 15.2, 15.4, 16.4
Простой перенос между участниками	1.2, 3.1a, 4.3, 10.2, 10.3, 10.10, 13.2, 13.7, 14.2, 14.5
Сложный перенос между участниками	2.1, 2.4, 2.5, 3.1c, 4.2, 4.4, 8.2, 9.1, 10.4, 10.10, 11.1, 11.2, 11.3, 13.3, 13.6, 13.7, 14.3, 14.6, 15.3, 16.3, 16.4
Контрперенос	1.1, 1.3, 2.4, 3.1b, 3.1e, 5.1, 5.3, 5.6, 8.1, 8.2, 9.1, 10.4, 11.2, 11.3, 12.1, 13.1, 13.4, 13.6, 13.7, 14.2, 14.3, 14.4, 14.5, 14.6, 15.2, 15.4, 16.1, 16.3, 16.4, 17.1, 17.2, 18.1

не всем, кто участвует в группаналитической психотерапии, в ошутимом отчаянии переживания ранней травмы, приведшей их сюда, придется пережить ярость, враждебность и горькое разочарование по отношению к ведущему и другим участникам группы. Но боль будет чувствоваться, и если она не проявится, вряд ли терапия поможет с ней справиться. Терапевтическая группа, которая выявляет и контейнирует травму, помогает облегчить эту боль. Терапия, которая не допускает негативных переживаний, скорее всего, будет работать поверхностно и может легко превратиться в «ковыляние» от одной «ложной установки» поверхностного оптимизма к другой «ложной установке», а именно установке антигруппы, при этом сама группа будет ошибочно восприниматься как основной источник трудностей участников.

Перенос, который в силу своих позитивных или негативных свойств имеет поразительное значение, описан в большинстве виньеток, приведенных в этой книге, и, поскольку все они могут служить в качестве иллюстраций, мы не будем выделять конкретные случаи.

Перенос в структуре, процессе и содержании

Отношения между отдельным участником группы, ведущим и группой как целым создают для пространства переноса широкий контекст. Структура, обсуждаемая в главе 9, может быть интегрирована с переносом в тех случаях, когда он возникает в динамиках группового процесса, которому посвящена глава 10, и с переносом, возникающим в содержании свободно текущей дискуссии, описываемой в главе 11. Перенос возникает и в своей вертикальной форме по отношению к ведущему как к матери или отцу в переносе, и в его горизонтальной форме, в которой на отношения с другими участниками группы влияет динамика, берущая начало из реальных или воображаемых отношений между братьями и сестрами. В проективном домене искажения восприятия и понимания, свободно плавающие аффекты и бессознательные страхи и тревоги возникают в динамиках процесса и имеют жизненно важное значение для всех аспектов жизни группы. В главах 15–19 будет обсуждаться, что связи между проективным и первичным доменами всегда должны быть выявлены, поскольку именно они и влияют на символическое и повествовательное содержание обмена и переноса целостного объекта, и, в свою очередь, подвергаются их воздействию. Кроме того, у группы как целого в отношениях с ведущим возникает перенос на ведущего, оказывающий влияние на эмоциональную жизнь каждого из участников.

Перенос в монологе, диалоге и дискурсе

Мы также можем рассмотреть подход к переносу, в котором фокус внимания сдвигается от индивидуальных соображений и сосредотачивается на динамиках процесса посредством использования монолога, диалога и дискурса в качестве организующих терминов, следуя анализу, приведенному в главе 4. Перенос и контрперенос можно рассматривать по мере их возникновения, и с ними можно работать в каждой из этих основных форм коммуникации. Список виньеток, включенных в эту книгу, можно исследовать с точки зрения того, как перенос возникает в некоторых случаях через монолог, а в других — через диалог и дискурс. К настоящему моменту такое исследование не проводилось, и можно только надеяться, что в нашей области науки кто-нибудь за него возьмется.

Иллюстрации переноса и контрпереноса в практике группового анализа

Представленные в этой главе виньетки иллюстрируют те аспекты переноса и контрпереноса, которые требуют особого внимания. Первая из следующих виньеток, виньетка 14.2, представляет всестороннюю картину переноса как в вертикальной, так и в горизонтальной формах, когда он возникает между ведущей и участниками группы, и в этой виньетке показано, как работает ведущая, локализуя непосредственное беспокойство группы, переводя это беспокойство на язык общей зоны и обеспечивая развивающее понимание посредством интерпретации, которая связывает прошлое, настоящее и мир за пределами группы. Она делает это, используя собственный язык группы. Следующие две виньетки, виньетки 14.3–14.4, иллюстрируют позитивный и негативный перенос в группе. В них описана, как в положительных, так и в отрицательных аспектах «простая» форма вертикального переноса, которая в каждом случае возникает между отдельным участником и ведущим. Позитивный и негативный перенос происходит в двух различных группах, которыми руководит один и тот же ведущий, столкнувшийся в тот момент своей жизни с некоторыми трудностями. В первом случае позитивный перенос помогает группе пройти через трудности к хорошему терапевтическому результату с репаративными последствиями для группы как целого. Во втором случае негативный перенос приводит к уходу участника из терапевтической группы. В виньетке 14.5 описывается горизонтальный перенос между двумя участницами, которые в позитивном переносе воспринимали свой альянс как единение «хороших сестер», а затем некоторые изменения в группе превратили их в противниц. Последовавший за этим негативный перенос, берущий свое начало в их проблемных отношениях с реальными сестрами, породил новую фигурацию для группы, которой потребовалось несколько месяцев работы над их трениями, прежде чем в конце концов удалось прийти к репаративному результату, когда их связь была восстановлена. В последней виньетке из этой серии за номером 14.6 приводится еще одно всестороннее описание переноса, возникающего как в вертикальной, так и в горизонтальной форме. Он представляет прекрасный пример сдержанной позиции ведущего в точке *decrecendo* в жизни зрелой группы, где мы становимся свидетелями «психотерапии в группе посредством группы, включая ведущего».

**Локализация, перевод и интерпретация
сложного вертикального и горизонтального переноса**

Виньетка 14.2

Кто занял мое место и когда оно было занято?

*Локализация, перевод и интерпретация
вертикального и горизонтального переноса*

Моя коллега в ходе супервизии описала свою группу в один из критических моментов ее многолетнего существования. Несколько давних участников покидали группу с соблюдением правил выхода, одна новая участница только что присоединилась, и еще два участника должны были присоединиться после того, как уйдут остальные. Неизбежное эмоциональное потрясение затронуло всех, включая ведущего, но вскоре стало второстепенным, поскольку одна из участниц выдвинулась на первый план. Раньше Тамара была последней из вновь прибывших участников группы, и она относилась к процессам присоединения и выхода неуверенно и чувствительно. Ее негативный перенос выражался в комментариях в адрес ведущей, в которых чувствовалась враждебность и подвергался сомнению ее авторитет, несмотря на ранее хороший альянс между ними. Участники группы знали, что в раннем детстве ей пришлось пережить трагическое перемещение из одной среды в другую. Ей не исполнилось и года, когда ее мать заболела рассеянным склерозом, затем несколько лет была прикована к постели, а потом умерла. Всего через год после смерти матери ее отец женился на женщине, которая помогала заботиться о двух его дочерях, и у нее родился еще один ребенок. Их счастливые отношения распространялись и на двух девочек, но на каждом ответственном рубеже жизни Тамары (начало посещения детского сада, начало учебы в школе и по мере того, как она наблюдала, как ее сиблинги проходят через эти стадии) она вела себя враждебно и неприязненно, как в группе. Тамара успешно преподавала в школе и обладала некоторой степенью самосознания, которая позволяла ей рассматривать свои реакции адаптации как ситуативные и определяемые историей, которую она еще не поняла или с которой не могла смириться.

В ходе перемен в группе, которые вызывали много напряжения, Тамара «ухватилась» за один из стульев и предъявила на него исключительные права. Когда Карен, одна из участниц, нечаянно села на него,

Тамара напала на нее с агрессивными претензиями, что та «заняла ее место». Карен была поражена агрессией, огорчилась, извинилась и вернула «стул Тамары». Ведущая высказала возражения Тамаре как по поводу ее агрессии, так и по поводу того, что в группе не было определенных правил рассадки. Вмешательство ведущей происходило на текущем уровне и было выстроено так, чтобы обезопасить внутренние границы ради благополучия группы как целого. Но возмущение Тамары, вызванное такими возражениями, привело к тому, что в течение нескольких сессий она ревниво нападала на всех, у кого что-то было, чего не было у нее, и она, казалось, была полна решимости подорвать авторитет ведущей.

Ситуацию наконец удалось понять и осмыслить, но это случилось только после того, как ведущая акцентировала фразу «вы заняли мое место», сосредоточилась на ней, а затем переосмыслила ее в контексте переноса, чтобы позже сказать: «Конечно, вы злитесь. Большинство людей к пятилетнему возрасту сталкиваются с первой проблемой — начать ходить в школу. К тому времени в вашей истории уже было четыре трагедии — болезнь матери, ее смерть, повторный брак отца и затем появление младшей сестры. Каждый из них занял ваше место. Неудивительно, что вы расстраиваетесь, когда кажется, что Карен «занимает ваше место». Теперь ваша история ожила в группе. Вы четыре раза теряли свое место, прежде чем вам исполнилось пять лет. И возможно, я безопасный человек, способный принять гнев, который вы изначально испытывали по отношению к своим материнским фигурам и отцу, потому что вы знаете, что я могу понять вас до конца. Теперь у вас здесь есть безопасное место». Ощутимое облегчение испытали все — группа в целом, ведущая и особенно Тамара, которая до конца сессии просидела молча в слезах.

Комментарий

Другим участникам группы было неудобно признавать ощущение небезопасности и злость, и они сделали это путем открытого отождествления с Тамарой. Было заметно, что для группы в целом она послужила лакмусовой бумажкой, позволившей выявить проблемы, возникшие в динамиках процесса и обусловленные изменениями, произошедшими в структуре группы в ходе смены ее состава.

Позитивный вертикальный сложный перенос

Виньетка 14.3

*Сон группы о дедушке с лицом ведущего:
позитивный вертикальный сложный перенос*

В тот период времени, когда Питер присоединился к группе, количество ее участников выросло с четырех до шести, а затем и до семи человек. В работе участников проявлялись сплоченность и согласованность, чувствовался высокий уровень доверия, группа «набирала силу». Глубина взаимопонимания в их взаимодействии соответствовала стабильному прогрессу в личностном развитии участников во внешнем мире. Питер уже некоторое время был участником группы, когда ведущий вошел в тяжелый период своей жизни. Сложности ведущего внешне проявлялись в необычной усталости и, казалось, возникали сомнения в целеустремленности группы и ее развитии. Однако эти тревоги не были выражены и остались невысказанными.

На сессии группы Питер рассказал свой сон, в котором его любимый дедушка болел и лежал в постели, и, когда он повернулся лицом к Питеру, стало ясно, что у него лицо ведущего. Они не обменялись ни словом — только взгляд и искренний зрительный контакт. Питер был растроган, рассказывая сон, он ломал голову над его значением и, глядя прямо на ведущего, просил других участников помочь понять этот сон. С тех пор как он присоединился к группе, он был одним из самых активных участников. Другие участники хорошо его знали и были в курсе, что физическое сходство ведущего с давно умершим дедушкой Питера сыграло для последнего решающую роль при выборе терапии и присоединении к этой группе.

Даже если подобные сны наполнены переносным смыслом, полезней всего, если такую работу выполняет группа. Участники исследовали, как отождествление Питера с ведущим проявилось в созданном его подсознанием сне, в котором лицо ведущего соединилось с телом деда. Опираясь на то, что участники знали об ощущении тождества двух дорогих сердцу Питера фигур, они обсудили, что сновидение, рассказанное им, усилило его уважение к ведущему. Они знали, что его дедушка дал Питеру многое из того, чего он был лишен, поскольку его родители не обеспечивали надежной привязанности и безопасности.

Комментарий

На несколько сессий этот сон стал основным направлением работы группы. Обнаружив в ведущем символический эквивалент своего деда, Питер начал работать над своим развитием через перенос в группе, где позднее он смог разрешить многие старые проблемы. Расширенное понимание сновидения сформировало общую зону и помогло локализации источников тревоги в группе. Терапевтическая работа заключалась в переводе бессознательного сообщения о тревоге из символической формы сновидения на язык, понятный всем в общей зоне разделяемого опыта, как описано в виньетках 4.4—4.5.

Виньетка 14.3 (продолжение)

Питер рассказал группе о нескольких эпизодах из своей личной истории. Когда он окончил среднюю школу, он должен был переехать к дедушке, который был единственным человеком в семье, на которого он мог равняться. Он с нетерпением ждал возможности пожить с ним во время учебы в университете. Дедушка пережил Холокост, и, хотя после Второй мировой войны он восстановился и успешно вырастил детей, в последние годы его жизни у него было плохое здоровье. Он умер неожиданно, и отчасти из-за этого Питер, который был на грани переезда к нему, так и не добрался до университета. Без жилья, которое мог бы обеспечить дедушка, и без его поддержки Питер не смог успешно сдать вступительные экзамены, хотя и пытался сделать это несколько раз. Когда он присоединился к группе, он уже страдал от повторяющихся циклов тревоги, перенесенных из детства во взрослую жизнь, и эта тревога заставляла его саботировать и подавлять попытки двигаться вперед. Но ему удалось пройти свой путь к терапии, и теперь он добивался реальных и значительных успехов, к которым относится и хорошее начало нового курса психотерапии.

Комментарий

Интерпретация переноса в сновидении исходила от группы, в которой ведущий играл важную, но не исключительную роль. Это случилось не сразу и сначала больше походило на конструкцию, служившую

для локализации скрывавшегося за сновидением беспокойства группы. Это не звучало как «мудрые слова свыше».

Ведущий воспринял этот сон как указание на то, что Питер беспокоился о нем и его благополучии, и предложил это размышление группе, полагая, что сон был выражением тревоги, которая разделялась другими участниками и состояла в том, что для ведущего активная и успешная работа группы может оказаться вызовом. Он предположил, что этот сон свидетельствовал об общей тревоге, что ведущий может уйти из жизни, едва начав работу, как это случилось с дедушкой Питера. Обладая этим пониманием, другие участники смогли выразить свои страхи и опасения, как в отношении процесса терапии, так и в отношении ведущего, которые они не могли сформулировать раньше.

Ценность этого сновидения и его образов, которые были применены к отношениям в группе, находится в русле работы Фридмана «Три вида использования сновидений в групповой психотерапии», где наибольшее значение придается использованию снов в преобразующих целях, направленных на содержание и динамику процессов взаимоотношений в группе. Признавая эти глубокие тревоги и опасения, обнаруженные с помощью переноса, группа продолжала наблюдать, как ее участники успешно развиваются (Friedman, 2011).

Разочарование: негативный вертикальный перенос

Виньетка 14.4

Разочарование: негативный вертикальный перенос

Джиллиан присоединилась к стабильной, давно существующей группе из семи человек и вскоре включилась в работу. Участники узнали, что она была единственной дочерью двух выдающихся ученых, которые проявили научный подход и в ее воспитании, ее много хвалили за достижения, но практически не проявляли любви. Все в ее воспитании, включая эмоции, было тщательно выверено, и в нем не было места свободе или спонтанности. Следуя семейным традициям тщательного подхода к работе, она получила квалификацию патологоанатома, завоевала высокое признание коллег, но так и не обзавелась друзьями, и к сорока годам у нее не было близких отношений. Однажды у нее возникла ортопедическая проблема с рукой, ее осмотрел хи-

руг, и, когда она сидела рядом с ним, пока он держал ее за руку, она испытала совершенно новые для себя чувства. Проблема с рукой была решена, но она влюбилась в этого доктора и завалила его такими назойливыми письмами, что он был вынужден прервать все контакты. Впервые в жизни она впала в депрессию, нашла терапевта, присоединилась к его группе и, находясь в состоянии страстной увлеченности, с энтузиазмом взаимодействовала с другими участниками, быстро, но не вполне уверенно идентифицируясь с ними.

В этой группе был тот же ведущий, который параллельно вел группу, описанную в виньетке 14.3, в которой через позитивный перенос участников просматривались трудности в жизни ведущего. В той группе участники опирались на свою жизнерадостность, доверие к товарищам и ощущение безопасности, которое возникло вследствие хорошего прошлого опыта.

Но в данной группе у Джиллиан возник поспешный и чрезмерно явный «роман» с ведущим, а затем она убедилась, что он был «второсортным», как и ее отец, у которого она обнаружила «глиняные ноги», когда узнала о его низкой научной эффективности. Она намеревалась найти терапевта, который был бы, как она выразилась, «выдающимся альфа-самцом» и помог бы ей встать на ноги как женщине. А здесь она была рядом с мужчиной, который даже иногда во время сессий клевал носом, как это делал ее отец, когда она приходила домой. Она больше не заходила к нему домой, потому что терпеть не могла видеть его недостатки, и к ведущему она относилась точно так же. Ее разочарование становилось все более враждебной формой негативного переноса, в котором она постоянно обращала внимание ведущего на его несостоятельность. Его восприимчивость, аналитическое понимание и неизменная доброта, а также близкий, поддерживающий контакт со стороны других участников группы, занятых своей работой с хорошим и видимым эффектом, который она отказывалась замечать, не помогли развеять ее опасения. И даже позитивный перенос на ведущего со стороны других участников в группе или резонанс выявляемых эмоций, который мог бы служить противовесом от ее развивающегося негативного переноса, не оказали никакого эффекта. Когда ведущий и другие участники группы, опираясь на поведение Джиллиан, смогли дать ей понять, что она наказывала ведущего за неадекватность своего отца, у нее появились сомнения в правильности решения покинуть группу. Это заставило ее изменить свое решение об уходе, и она осталась в группе еще на некоторое время.

Комментарий

Сила негативной терапевтической реакции Джиллиан оказала пагубное влияние на группу, которая была вынуждена применять все более крайние формы защиты. Некоторые участники обвиняли ее в неприимиримости, а другие обвиняли ведущего либо в том, что он принял ее в группу, либо в невыполнении ее требований. Ей нужно было то, что она называла «количественными показателями», которые можно было бы откалибровать, чтобы продемонстрировать прогресс. Ее с осуждением прозвали «количественным показателем» и сначала сделали козлом отпущения, а затем отстранились от нее. Когда «количественных показателей» не последовало, она покинула группу, чтобы пройти курс когнитивно-поведенческой терапии в другом месте. К сожалению, этим она занималась всего несколько месяцев, а затем бросила и продолжила свои поиски. В группе осталось неприятное чувство облегчения, которое было неизменным до тех пор, пока появление новых участников не изменило атмосферу.

Изменение горизонтального переноса

Виньетка 14.5

*Хорошие сестры, плохие сестры и снова хорошие сестры:
изменение горизонтального переноса*

Эллисон и Фиона уже некоторое время с большим эффектом для себя проходили групповую терапию, когда ведущий объявил, что группа будет собираться в другом месте. Эта группа встречалась по утрам, и, так как у некоторых участников возникали трудности с тем, чтобы добираться по новому адресу, после некоторого обсуждения время начала работы было изменено. Одна из женщин приезжала на метро, а другая на машине. Они договорились, что та, что на машине, заберет другую на станции вместе со остальными участниками и подвезет их до консультационного кабинета. Но выполнить эту договоренность оказалась сложно. Ею удалось воспользоваться только этим двум участникам, и одна неизбежно вынуждена была ждать другую. Несмотря на все усилия, обе они опоздали. Они пришли на встречу группы вместе, расстроенные и раздраженные друг другом. В их семьях у каждой из них была младшая сестра, которая занимала привилегированное поло-

жение, и они обе были обижены на своих младших сестер. До переезда в группе обсуждались проблемы с сиблингами, звучали жалобы на них, но так, как будто это относилось к жизни вне группы, а в группе не было никаких признаков переноса между братьями и сестрами.

Однажды утром, когда они опоздали на пятнадцать минут, Эллисон подняла вопрос о том, что Фиона плохо следит за временем. Эллисон вышла из метро, нигде не нашла машины Фионы и не знала, ждать ей или идти пешком. Когда в конце концов Фиона приехала, она «улыбалась и даже не извинилась» и вела себя «как если бы она не могла ошибаться», даже несмотря на то, что она сделала это. В ответ Фиона, охваченная смущением и стыдом, предъявила претензии Эллисон за то, что та совсем недавно много раз заставляла ее ждать. Эта перепалка, сопровождаемая разного рода комментариями других участников, продолжалась некоторое время, и, несмотря на все усилия группы, эти две участницы начинали враждовать друг с другом, как только одна из них начинала говорить. Их союз был разбит, и, по мнению каждой, другая не могла ничего сделать правильно. Несколько недель спустя в здании была приостановлена работа лифтов, и Эллисон и Фиона начали приходить отдельно и в разное время, но в отличие от того, как было раньше, без опозданий. Та, что приходила позже, принимала вызов предыдущей, но зачастую они менялись ролями. По мере того как картина посещаемости постоянно менялась, накал враждебности между ними нарастал. В своей текущей жизни обе сталкивались с трудностями и проблемами. Одна была в непростом браке, который, по мнению другой, был неприемлемым. Карьера другой была сопряжена с трудностями, которые, первая считала недопустимыми. Каждая из них знала, что другая живет в жизненных условиях, которые она сама не могла бы вынести, но вместо сострадания и понимания, которые они когда-то давали друг другу, теперь они проявляли враждебность.

В конце концов спустя несколько месяцев после начала этого противостояния один из участников с юмором отметил, насколько внимательно каждая из них следила за недостатками другой, чтобы найти и указать на них. Ни одна из этих женщин, оказавшихся в ловушке *злокачественного отзеркаливания*, не смогла отреагировать на юмор группы, пока Эллисон не сказала Фионе: «У меня есть сестра, такая же, как ты. Даже когда она ошибается, она ведет себя так, как если бы она никогда не ошибалась, и все ее за это любят». В наступившей тишине один из участников сказал: «Скажи это еще раз. Повтори это еще раз, чтобы ты могла услышать себя. Ты же себя слышишь? Фиона стала

твоей плохой сестрой. Ты кричишь не на нее!». В разговор включились и другие участники, все стремились что-то сказать. В конце концов обе женщины заплакали, а затем рассмеялись. Во время следующих сессий они обе чувствовали облегчение, что снова вернулись друг к другу и поняли нечто стыдное о том, как была «сконструирована» их «плохая сестра» и насколько она является продуктом их враждебных проекций. Обе с облегчением обнаружили, насколько они значимы друг для друга. Как мы позднее поняли, отношения в этой паре в их враждебном диалоге имели существенное сходство с проблемными отношениям Эллисон и Фионы с их сестрами. Возникшая между ними связь позволила каждой научиться уважать различия друг друга и поддерживать дружбу. Когда одна из них сказала: «Я не хотела бы иметь такую же сестру, как твоя», — другая ответила: «Я не хотела бы быть твоей сестрой», — и все засмеялись.

Комментарий

Ревнивое беспокойство по поводу привилегий сестер и враждебность, к которой это привело, были перенесены из их прошлого и из текущей жизни вне группы на арену ее непосредственного обмена. Здесь их антипатия стала проблемой для всех, и, оставаясь объектом внимания других участников, которые стали свидетелями происходящего в кругу группы, стала поводом для любопытства и юмора, которые в конечном итоге позволили обеим женщинам посмеяться над собой, а не враждовать друг с другом.

Психотерапия в группе, посредством группы, включая ведущего

Виньетка 14.6

Сон о ведущей в фартуке и отказе подавать вкусный суп

Коллега передала мне материал для этой виньетки, описав произошедшее именно в том виде, как это было несколько лет назад. Она является опытным психотерапевтом в этой области и эту группу вела в своей частной практике. В то время в группе было семь участников, которые добивались хороших результатов, работая таким образом, чтобы

задействовать все четыре уровня группы. В этой виньетке речь идет о сне, который рассказал один из участников группы. Джейкоб, которому приснился сон, сейчас находится на той стадии своего развития, когда в группе его очень ценят как человека, который добирается до сути происходящего. На языке этой группы это звучало так, что можно рассчитывать на то, что он «всегда будет в контакте». Джейкоб рассказывает сон в середине сессии группы.

Он говорит: «Мне приснился о нас сон, я уверен, что это была группа. Снаружи дома стоит длинный, хорошо вымытый деревянный стол; тепло и жужжат насекомые. Я сажусь за этот стол на деревянный стул и жду ужина. Рядом со мной на деревянных стульях сидят какие-то люди. Все стулья заняты, и мы все ждем. Потом вы (он указывает на ведущую) проходите через дверь кухни с подносом. На вас фартук и вы несете поднос с тарелками дымящегося супа. Пахнет приятно, на каждого из нас по тарелке, но вы их не раздаете. Вы ставите поднос во главе стола и ждете, что мы сами возьмем. Вы говорите: „Вот и всё, я готовлю для вас в последний раз“. Вы поворачиваетесь и идете обратно в дом, а я просыпаюсь».

В группе сон вызывает большой интерес. Джейкоб обращается ко мне и с вызовом и гневом говорит: «Что заставляет вас думать, что мы можем прокормить себя? Вам лучше убедиться, что мы сможем...» Одна из участниц перебивает: «Я обычно не ем суп... это детская еда... хотя она [ее мать] всегда говорила, что хороший густой суп очень питателен... и легко усваивается... лучше, чем бутерброды... Но мне всегда давали бутерброды в школу... Говорят, что Кеннеди всегда ел суп, когда устал»... Один из молодых участников отвечает: «И посмотрите, что с ним случилось!..» Смех быстро стихает. Два участника группы рассказывают о том, как они ели в детстве. Один говорит, что ел на кухне в одиночестве после школы. Другой описывает счастливые семейные трапезы с родителями, братьями и сестрами, пока его мать внезапно не умерла, «а потом все кончилось, еда и всё остальное». У него наворачиваются слезы, но он их сдерживает. Джейкоб снова обращается ко мне и говорит: «Посмотри, что ты наделала!». Затем он задумывается и вспоминает, что стол во сне был похож на стол в Южной Африке, откуда он приехал, там они часто ели на открытом воздухе. Он описывает рождественский стол, накрытый на улице, веселое празднование. Он с большой тоской вспоминает о тех далеких днях. Его семья эмигрировала в Великобританию, и Джейкоб больше никогда не чувствовал, что у него есть дом. Масштабы этой потери осо-

знал другой участник, потерявший свою мать и сказавший: «Всё кончилось, еда и всё остальное».

На протяжении некоторого времени разные воспоминания участников о прошлых утратах перекликаются друг с другом. В какой-то момент один участник, которому трудно переносить психическую боль других, обращается к ведущей и говорит: «В последнее время вы значительно больше молчите, чем прежде. Вопрос в том, не надоели ли мы вам? Я имею в виду, что заставляет вас думать, что мы готовы сделать все сами? Иногда мне надоест так называемая забота, которую вы о нас проявляете, а иногда я думаю, что правильное питание полезно для нас». А затем еще одна участница говорит: «Есть разница между Анонимными Алкоголиками и терапевтической группой». Она обращается ко мне: «Я не хочу, чтобы мне в горло забивали терапию, но мне нужна помощь, и именно для этого вы здесь, и за это мы вам платим».

Комментарий

Группа видит общий сон, но он не получает никакой интерпретации. Мы видим взаимодействие содержания группы, включающей ведущего, групповой перенос, индивидуальный перенос, а также ассоциации, которые ведут прямо в детство сновидца через детские ассоциации других участников группы. Также можно отметить изменения в матрице группы от регрессивного состояния привязанности к матери через болезненное отлучение от груди в сторону большей степени групповой и индивидуальной автономии и психической ответственности, чего участники и желают, и опасаются.

Эта глава завершается рассказом о еще одной зрелой группе. Год назад участники были озабочены травмами, нанесенными их матерями, и пренебрежением со стороны отцов, которые были прокомментированы строками из стихотворения Ларкина «Родители засрут мозги». Один из самых новых участников, мужчина, который на протяжении первых месяцев внимательно слушал рассказы других, но мало высказывался сам, стал все более ясно выражать свои мысли. Его брак распался одновременно с крахом созданной им компании. Когда он присоединился к группе, он был подавлен и потрясен тяжестью своих потерь. Когда со временем стало понятно, что работа в груп-

пе приносит ему пользу, мы узнали о поддержке, которой он пользовался со стороны своей хорошей матери. Озабоченность группы болезненными историями побудила его прокомментировать стихотворение Ларкина, которое он знал. Он рассказал об альтернативной версии Эдриана Митчелла, которая поразила нас не только своим содержанием, но и тем, что ее спонтанная декламация означала первое изменение в его взглядах. Сначала он был побитым жизнью человеком, сидящим в углу, но, рассказав об этом стихотворении, он превратился в того, кто говорит о добрых родителях. Его стойкость со временем приведет к тому, что он покинет группу. Контрастный тон этих двух стихотворений является комментарием к развитию эмоциональной атмосферы в группе, которое может перевести перенос в репаративное измерение.

И еще одна заповедь...*

Филип Ларкин

Родители засрут мозги
Тебе, из самых лучших чувств:
Иди по жизни и тащи
Все их ошибки, злость, и чушь, —

Ведь им вложили дурь в башку
Угрюмцы в твидовых пальто,
Умевшие пустить слезу —
И встать на горло, если что.

В наследство дрянь передаем,
Что копится в душе за жизнь.
Не мешкай в мире, дураком
Не будь. И лучше — не плодись...

Пусть это будет худшим**

Эдриан Митчелл

Заботливо укутают мама и папа,
И прочитают тебе «Кролика Питера»,

* Ларкин Ф. И еще одна заповедь... / Пер. с англ. А. Нестерова. URL: <https://ithaca-66.livejournal.com/6327.html>.

** Подстрочный перевод.

Угостят всем, что у них есть
И добавят немного чего-то особенного, специально для тебя.
Когда они были маленькими, их тоже заботливо укутывали
(Розовый парфюм, синий табачный дым),
Те, чей поцелуй исцелял любое падение,
Чей смех усиливал любую шутку.
Человек вручает счастье человеку,
И оно углубляется, как прибрежный шельф.
Так что любите своих родителей сильнее
И сами заводите веселых детишек.

Примечания

1. В главе 4 подробно обсуждается психология одного, двух и трех человек, там же приводятся определения и обсуждаются термины, почерпнутые из работ Джона Рикмана.

Литература

- Alexander F., French T. M. (1946). *Psychoanalytic Therapy*. New York: Ronald Press.
- Anthony E. J. (1978). The Group-Analytic Circle and Its Ambient Network: 2nd Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 11 (Supplement 1). P. 1–18 // M. Pines (Ed.) (1983). *The Evolution of Group Analysis*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. P. 29–53.
- Balint M. (1933). On Transference of Emotions. Budapest: Gyogyaszat. Reissued in: *Primary Love and Psychoanalytic Technique*. London: Hogarth Press, 1952. Reprinted: London: Maresfield Library, 1985. P. 174–187.
- Balint M. (1939). On Transference and Counter-Transference // *International Journal of Psycho-analysis*. V. 20. P. 223–230. Reissued in: *Primary Love and Psychoanalytic Technique*. London: Hogarth Press, 1952. Reprinted: London: Maresfield Library, 1985. P. 213–221.
- Balint M. (1950). Changing Therapeutical Aims and Techniques in Psychoanalysis // *International Journal of Psycho-analysis*. V. 31. P. 117–124. Reissued: *Primary Love and Psychoanalytic Technique*. London: Hogarth Press, 1952. Reprinted: London: Maresfield Library, 1985. P. 221–235.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.

- Bollas C. (1990). Creativity and Psychoanalysis // C. Bollas. The Mystery of Things. London: Routledge. P. 167–180. Reissued: Gerard Fromm M. (Ed.). The Spirit That Impels: Play Creativity and Psychoanalysis. London: Karnac. P. 3–20.
- Bollas C. (1993). Being a Character: Psychoanalysis and Self Experience. London: Routledge.
- Bowlby J. (1977). The Making and Breaking of Affectional Bonds. British Journal of Psychiatry. V. 130. P. 201–210, 421–431. Reissued: Bowlby J. (1979, 1989). The Making and Breaking of Affectional Bonds. London: Tavistock–Routledge. P. 150–187.
- Cashdan S. (1989). Object Relations Therapy: Using the Relationship. New York, Norton.
- Dalal F. (2000). Taking the Group Seriously: Towards A Post-Foulksian Group-Analytic Theory. London: Jessica Kingsley.
- Epstein L., Feiner A. H. (1979). Countertransference. New York: Jason Aaronson.
- Faulkner W. (1950). Requiem for a Nun. New York: Random House Inc.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). Introduction to Group-Analytic Psychotherapy. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). Therapeutic Group Analysis. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach. London: Karnac.
- Freud A. (1937). The Ego and the Mechanisms of Defense. The International Psycho-analytical Library. № 30. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1912). The Dynamics of Transference // S. E. V. 12. London: Hogarth Press.
- Friedman R. (2008). Dreamtelling as a request for containment: Three uses of dreams in groups // International Journal of Group Psychotherapy. V. 53 (3). P. 327–344.
- Friedman R. (2011). Dreams and Dreamtelling: A Group Approach // J. Kleinberg (Ed.). Wiley Blackwell Handbook of Group Psychotherapy. Chichester: Wiley. P. 479–497.
- Frosh S. (2002). Key Concepts in Psychoanalysis. London: Palgrave Macmillan.
- Frosh S. (2006). For and Against Psychoanalysis. London: Routledge.
- Frosh S. (2010). Psychoanalysis Outside the Clinic. London: Palgrave Macmillan.

- Frosh S. (2012). *A Brief Introduction to Psychoanalytic Theory*. London: Palgrave Macmillan.
- Gordon J., Kirtchuk G. (Eds) (2009). *Psychic Assaults and Frightened Clinicians: Countertransference in Forensic Settings*. Forensic Psychotherapy Monograph Series. London: Karnac Books.
- Grotjahn M. (1983). Basic Concepts of Group Psychotherapy // M. Grotjahn, F. Kline, C. Friedman (Eds) (1983). *Handbook of Group Therapy*. New York: Van Nostrand. P. 3–7.
- Heimann P. (1950). On Countertransference // *International Journal of Psychoanalysis*. V. 31. P. 81–84. Reissued: Langs R. (Ed.). *Classics in Psychoanalytic Technique*. New York: Jason Aaronson. P. 139–142.
- King P., Steiner R. (Eds) (1992). *The Freud–Klein Controversies 1941–45*. London: Routledge.
- Konig K. (1991a). Group-analytic interpretations: Individual and group. Descriptive and metaphoric // *Group Analysis*. V. 24 (2). P. 111–115.
- Konig K. (1991b). Projective identification: Transference type and defense type // *Group Analysis*. V. 33 (2). P. 323–331.
- Larkin P. (2003). “This Be the Verse” from *Collected Poems*. London: Faber & Faber.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Mitchell A. (2012). ‘This Be the Worse’ from *Come On Everybody: Poems 1953–2008*. Hexham, Northumberland: Bloodaxe Books.
- Nitsun M. (1995). *The Anti-Group*. London: Routledge.
- Nitzgen D. (2008). 33rd S. H. Foulkes Annual Lecture: The Group Analytic Movement Sixty Years on: Revisiting Introduction to Group Analytic Psychotherapy by S. H. Foulkes // *Group Analysis*. V. 41 (4). P. 325–346.
- Ogden T. (1992). *Projective Identification and Psycho-therapeutic Technique*. London: Maresfield.
- Ogden T. H. (1993). The Analytic Management and Interpretation of Projective Identification // A. Alexandris, V. Grigoris (Eds). *Counter-Transference: Theory, Technique, Teaching*. London: Karnac Books.
- Rafaelsen L. (1996). Projections, where do they go? 19th Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 29 (2). P. 143–158.
- Rickman J. (1950). The Factor of Number in Individual and Group Dynamics // J. Rickman (1957). *Selected Contributions to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 165–169.
- Rogers C. (1987). On putting it into words: The balance between projective

- identification and dialogue in the group // *Group Analysis*. V. 20 (2). P. 99–107.
- Sandler J., Dare C., Holder A., Dreher A. (1992). *The Patient and the Analyst: The Basis of the Psychoanalytic Process*. London: Karnac.
- Scheidlinger S. (1982). *Focus on Group Psychotherapy: Clinical Essays*. New York: International Universities Press.
- Spillius E., O'Shaughnessy E. (2012). *Projective Identification: The Fate of a Concept*. London: Routledge.
- Strachey J. (1934). The Nature of the Therapeutic Action of Psychoanalysis // *International Journal of Psychoanalysis*. V. 15. P. 127–159. Reissued: Langs R. (Ed.). *Classics in Psychoanalytic Technique*. New York: Jason Aaronson, 1990. P. 321–338.
- Sutherland J. D. (1980). The British Object Relations Theorists: Balint, Winnicott, Fairbairn, Guntrip // *Journal APA*. V. 28. Part 4. P. 829–859.
- Temple N. (1996). Transference and Countertransference: General and Forensic Aspects // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. London: Jessica Kingsley Press. P. 23–39.
- Weegmann M. (2014). *The World within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Whitman W. (1958). *There Was a Child Went Forth* // *Leaves of Grass*. New York: Signet Classic. P. 290–291.
- Winnicott D. (1951). *Transitional Objects and Transitional Phenomena* // *Through Pædiatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 229–242.
- Winnicott D. (1958, 1975). *Through Paediatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press.
- Winnicott D. (1965, 1985). *The Maturational Process and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press.
- Yalom I., Leszcz M. (2005). *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. 5th Ed. New York: Basic Books.

Стремление и принадлежность в переходном пространстве

Переходные феномены распределяются... по всему переходному пространству между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, как его совместно воспринимают два человека», другими словами, распространяются на всю культурную сферу... Предмет моего обсуждения расширяется, обращаясь к темам игры, художественного творчества и понимания искусства, религиозности и сновидений, а также фетишизма, лжи, воровства, зарождения и утраты любовных чувств, пристрастия к наркотикам, талисманов, навязчивых ритуалов и многого другого.

(Winnicott, 1951/1978, p. 229–242)

Центральным в моем тезисе является то, что ранний довербальный опыт, который, как я полагаю, сохраняется на протяжении всего процесса, не упускается из виду, не замаскирован и не искажен преждевременным постэдиповым переводом. Это влечет за собой принятие того, что не выражено словами. Концепция Винникотта о «поддерживающей среде» помогает решить эту проблему, равно как и признание телесных и чувственных состояний, которые не могут быть полностью отражены словами.

(Levens, 2011, p. 36)

В этой главе будут обсуждаться важнейшие проблемы холдинга, контейнирования и игры в контексте их возникновения в тера-

певтических группах¹. В рамках модели группового анализа игра является ключом к работе, поскольку она происходит в ходе свободно текущей дискуссии. Благодаря игре слов и игре опыта, который нельзя выразить словами, группа может предоставить как пространство для контейнирования, так и платформу для исследования. Взаимодействие между основополагающими терминами *стремление* и *принадлежность* будет использоваться здесь в качестве отправной точки для исследования преобладающего аффекта группы. Эти термины использованы Винникоттом для определения матери младенца как его первого объекта и его первичной среды (Winnicott, 1963). В любой момент своего развития группа может быть репрезентацией одной или обеих таких фигур — *объекта* или *среды*. Она обеспечивает контейнирующую среду для своих участников (James, 1994), а также может стать объектом желания или предоставить этот объект (или объекты) (Nitsun, 2006).

Существует постоянное движение между безмолвным и активным обменом и между повествованием, рассказыванием историй о прошлом или о внешнем мире и драматическими событиями в текущем моменте. Такое переключение фокуса позволяет исследовать экзистенциальные тревоги и помогает локализовать пустоту в круге ассоциаций группы — то, что Уилсон называет «целостным в группе», что устраняет индивидуальные страхи от «прикосновения к пустоте» каждого из участников (Wilson, 2005). Групповые защиты часто организованы вокруг первичных, но неявных и глубоко скрытых, бессознательных тревог, которых, казалось бы, следовало избегать. К таким тревогам относятся отсутствие внутреннего смысла, внутренняя пустота, страх быть обнаруженным другим, страх никогда не быть обнаруженным другим, страх никогда не стать подходящим для другого и многое другое. Эти тревоги лежат в основе проблем, с которыми сталкиваются участники групп в приведенных ниже виньетках.

В этой главе рассматривается развивающий момент детской игры, проиллюстрированный первой виньеткой, а затем в трех последующих виньетках прослеживается работа групповой терапии. Во второй виньетке мы сконцентрируемся на том, как смешение стремления и принадлежности создает серьезную проблему в характере индивида, которая разрешается в ключевой момент репарации в начале его терапии. В третьей виньетке показано, как базовое для участницы чувство бесприютности — жизни без стремления и без принадлеж-

ности — может усугубляться жизненными событиями, которые заставляют группу стать своего рода психической оболочкой — вспомогательным Эго — до тех пор, пока запутавшаяся участница не сможет реинтегрироваться. В конце концов, ей это удастся, когда в критический момент она поддерживает человека, которому нужна помощь, что с течением времени обеспечивает продвижение обоих этих участников в терапии. В четвертой виньетке рассматривается, как большая группа улавливает острое, глубинное чувство обиды участника, находящегося в состоянии «неприкаянного ума», и исследуется, как это может привести к репарации в момент облегчения.

Стремление и принадлежность

Термины *стремление* и *принадлежность*^{*} вызывают ассоциации с целым рядом слов, которые аналогичным образом взаимодействуют или являются диалектической парой и имеют своего рода символическое значение. К ним можно отнести «эрос и привязанность», «любовь и безопасность», «близость и идентичность» и «желание и равновесие». Язык «стремления» и «принадлежности» является универсальным для всех нас. Помимо обсуждения виньеток, связанных с работой малых и больших групп, в этой главе исследуются исторические источники и культурная сфера, включая поэзию и музыку. Терапевтическое использование метафор будет более полно обсуждаться в следующей главе, посвященной метафорам и метаморфозам. Там мы рассмотрим мутативную роль метафор, чтобы увидеть, как они возникают из символического регистра при первом использовании языка, как это проиллюстрировано в виньетке 15.1. Символический язык помогает нам различать реальное, сконструированное и репрезентированное в нашей культурной жизни. Это тот же набор различий, что и в главе 5, и я обращаюсь к ним, чтобы разобраться, каким образом психотерапия, работающая на то, чтобы изменить людей, включает в себя опыт, который является конструктивным, деконструктивным и реконструктивным. Когда мы выходим за пределы реальности и входим в область репрезентаций, чтобы участвовать в деконструкции и реконструкции жизни других людей, мы используем символический и метафорический опыт, берущий свое начало в самых ранних состояниях стремления

* Longing, belonging (англ.).

и принадлежности. Чтобы работать с этими состояниями, групповая терапия необязательно требует длительного регресса, присущего психоанализу. Успешная работа со скрытым в человеке ребенком не требует от человека стать ребенком в терапии. Усандиварас начал интересную дискуссию о регрессии в групповом анализе в своем прекрасном исследовании, но, к сожалению, это было давно, и его ранняя смерть прервала его многообещающую творческую работу (Usandivaras, 1989). Нитсан также внес важный вклад в обсуждение этой темы (Nitsun, 1988), но эти вопросы продолжают требовать пристального внимания. Самые ранние символы продолжают оказывать влияние на самые развитые и высокоуровневые. Получить к ним доступ и изменить их можно с помощью работы, преодолеваемой «здесь и сейчас», и они помогают изменить основы для того, чтобы участники могли вырасти из своих «ложных я», также называемых паратаксическими искажениями, и таким образом обрести подлинность и правдивость я.

Мы конструируем наши первые картины мира через опыт, как играющий маленький мальчик в виньетке 15.1. Это позволяет нам понять, что мы «входим в первые картины друг друга и выходим из них» на протяжении всей нашей жизни. Образ людей, которые «входят в картины друг друга и выходят из них», используется для рассмотрения работы терапевтической группы со сновидением участника, когда группа «играет» с ассоциациями в виньетке 15.2. В группе происходит игра с разными уровнями смысла — между сконструированным и репрезентированным мирами, а когда участники включаются в отношения друг с другом в рамках группы, идет борьба между разными стилями привязанности, проявляющаяся в согласии и конфликтах (Glenn, 1987). Терапевтическая арена строится на балансе согласия и конфликта. Если в группе все согласны друг с другом, тогда она может превратиться в подобие убежища, которое может быть полезно для хрупких, психотических или травмированных пациентов. Работа может быть очень эффективной в качестве поддерживающей, а не динамической формы психотерапии. Если в группе присутствует только конфликт, то антигрупповые тенденции могут привести к взрыву, расколу или преждевременному уходу из группы. Успешная динамическая групповая терапия возникает из напряженного поиска равновесия между согласием и конфликтом, через который проходит каждая группа и который должен поддерживать ведущий.

Игра, творчество, религиозность, сновидения, фетиш, ложь, воровство, зарождение и утрата любовных чувств

Винникотт перечисляет некоторые особые качества, присущие переходным объектам младенца. Он описывает участь этого объекта, который «следует постепенно декатектировать, чтобы с годами он не столько забывался, сколько отправлялся „в архив“... он необязательно „уходит внутрь“ и его ощущение не подвергается вытеснению» (Winnicott, 1978, p. 233). В ходе терапии символический регистр группы наполняется утраченным смыслом, который был «рассредоточен... распределен по всему промежуточному пространству между „внутренней психической реальностью“ и „внешним миром, как его совместно воспринимают два человека“». То, что было «отправлено „в архив“... не забывается и... о нем не грустят», но проявляется в группе, где оно репрезентирует «всю культурную сферу» ее участников, как «весь мир в одной песчинке» Блейка. Переходное пространство, созданное группой, позволяет нам исследовать темы, на которые указывает Винникотт, — «игру, художественное творчество и признание, религиозность, сновидения, фетишизм» и другие из его списка (ibid.).

Как могут быть связаны такие разрозненные и несвязанные области? Как мы можем соотнести их с символическим и метафорическим в психотерапии? Репрезентированный мир берет свое начало в переходных феноменах, возникающих между младенцем или развивающимся ребенком и его матерью или заботящимися фигурами. Я буду использовать язык «стремления» и «принадлежности», чтобы исследовать некоторые из этих вопросов. Винникотт описывает мать или ее эквивалент как человека, который обустраивает *среду* для младенца или обеспечивает его первым *объектом*.

Младенец одновременно развивает два типа отношений — отношения с матерью-средой и отношения с объектом, который становится матерью-объектом. Мать-среда является человеком, а мать-объект — вещью, хотя она также является матерью или ее частью.

(Winnicott, 1963/1985, p. 182–183)

Это исходное различие между *матерью-объектом* и *матерью-средой* может быть использовано, чтобы прояснить разницу между стремлением и принадлежностью. Природа того, чего желает индивид

в состоянии стремления, и структура эмоций, связанных с этим состоянием — вызывающие воспоминания коннотации, возникающие потребности и то, что это состояние может быть удовлетворено только посредством нахождения рядом с объектом, — все это указывает на фигуру матери-объекта как на его исходный источник. Напротив, эмоции, связанные с принадлежностью (и с непринадлежностью) — потребность в идентичности и безопасности, в чувстве места и уверенности в том, что в этом мире можно жить с определенной целью — все это указывает на мать-среду как на исходный источник этих первичных эмоций. По крайней мере, так может показаться на первый взгляд.

Я использую ссылку Винникотта на символический характер культурной сферы и ее связь с ранним детством, чтобы помочь нам понять концепцию стремления и принадлежности. Боллас проделал нечто подобное с отрывком из «Печали и меланхолии» Фрейда (Freud, 1917) и написал книгу «Тень объекта» (Bollas, 1987), которая более подробно рассматривается в главе 16. Винникотт указывает на связи переходного объекта с игрой и художественным творчеством, религиозностью и сновидениями, фетишизмом и навязчивыми ритуалами, которые выдвигают на первый план, казалось бы, «магические» силы талисмана. К этому сочетанию добавляются символы национальной и религиозной идентичности, которые помогают выявить чувства, лежащие в основе соответствующей идентичности, с помощью которых состояние стремления приводит к возникновению чувства принадлежности, которое может усилить или ослабить целостность индивида. Это и есть пространство, в котором работает групповая психотерапия.

В главе 2 мы увидели, как работа терапевтической группы приводила к развитию рефлексивного измерения из отношенческого, а репаративного — из рефлексивного. В ней рассматривалось репаративное измерение, которое включало корректирующее повторное проживание опыта жизни в родительской семье. Малая группа может давать это чувство корректирующего повторного проживания, когда стремление превращается в принадлежность. В своей работе мы опираемся на допущение, что в основе большинства расстройств независимо от того, являются ли они невротическими или возникают в чем-то характере или личности, лежит раннее переживание травмы или страдания. В групповой терапии мы можем работать с этими основными проблемами, а некоторые из них можно разрешить.

Разломанное время – век тревоги

Многие люди обращаются за психотерапией с потребностями и проблемами, которые не могут быть описаны на языке дескриптивной психопатологии, как это ясно показано в главах 1 и 6. Мы живем в эпоху, начало которой было озаглавлено эпической поэмой Одена «Век тревоги» (Auden, 1948) и которая характеризуется проблемами смысла и идентичности, недавно поднятыми Хобсбаумом в книге «Разломанное время» (Hobsbawm, 2013). Проблемы отчуждения и аномии лежат в основе многих других проблем, с которыми люди обращаются за помощью и приходят в группы. Сдвинув в этой главе фокус исследования на жизнь без стремления или принадлежности, мы оказываемся в пространстве, наиболее красноречиво описанном Бергером в книге «Бездомный ум» (Berger, 1974). Здесь мы прикасаемся к отчаянию бездомного, неприкаянного ума. Свой вклад в понимание этих проблем внесли следующие группаналитики: Адлам и Скэнлон (Adlam and Scanlon, 2005), Уилсон (Wilson, 2005), Бледи́н (Bledin, 2003, 2004) и Пантер (Punter, 2010). Задолго до этого в 1867 году Мэтью Арнольд выразил связанное с этим настроение в стихотворении «Дуврский берег». В главе 5 процитирован отрывок из этого стихотворения. Приведем еще один отрывок.

Встарь Море Веры*
 В приливе омывало берега
 Земные, словно яркий пояс в блестках.
 А нынче слышен мне
 Один тоскливый и протяжный рев
 Отлива, средь дыханья
 Ночного ветра, в мрачном горизонте
 И голых отмелях земли.
 Любовь моя, останемся верны
 Друг другу! Ибо мир, который нам
 Мерещится, подобно сладким снам,
 Таким прекрасным, праздничным и новым,
 Лишен любви и света, и стыда,
 Надежды, мира, помощи извне,
 И мы с тобой как в смеркшейся стране,

* Арнольд М. Дуврский берег / Пер. с англ. А. Цветкова. URL: <https://apt-svet.livejournal.com/572885.html>.

Огнем и лязгом сметены туда,
Где бьется насмерть темная орда.

(Arnold, 2004)

В картине Арнольда сила личной любви — это и есть путь, ведущий к спасению современного мира. Оба состояния, стремление и принадлежность друг другу, направляют этот путь и освещают его. Арнольд рисует образ отлива и прилива и видит в отлив метафору утраты доверия в современную эпоху. *Принадлежность* — это состояние ума и идентичности, управляемое «океаном доверия», а в современном мире оно истощается. Утешение от утраты принадлежности ищут в гораздо более приватном и интимном мире личной любви. Когда в ранее процитированном отрывке Арнольд призывает свою возлюбленную «встать у окна» и насладиться «нежным воздухом ночи», мы представляем, как в их тихом разговоре сквозит нежность, затем они молча стоят, глядя на французское побережье и наблюдая за далекими огнями. Мы знаем, что они обрели личный мир безопасности, поскольку на смену *принадлежности* приходит *стремление* обеспечить, насколько это возможно, последнее прибежище от «мотива извечной грусти», упоминаемого в предыдущей цитате из этого стихотворения в главе 5, и этот мотив является проявлением отчаяния неприкаянного ума.

Реальное, сконструированное и репрезентированное

В языке группы всегда возникает жаргон, построенный на тех историях, которые участники помнят или забыли и который вырастает из условий, уникальных для каждой группы. Любая группа сообщая порождает узнаваемый набор аллюзий, которые Элиас называет фигурациями, а Фукс и Энтони привнесли в психотерапию как рабочий инструмент (Elias, 1979, 2009; Foulkes, Anthony, 1957). Цель этого акцента речи не только в самих словах. Любое использование языка вызывает воспоминания или что-либо обозначает, именно так Винникотт понимал функцию культуры, и это происходит через идиомы и метафоры. Мир, в котором мы живем, состоит из реального, сконструированного и репрезентированного. В реальном мире мы — биологические существа, которые сейчас живут и в какой-то момент умрут. В сконструированном мире реальности нашей совместной жизни строятся за счет приращения смысла в языке, который будет жить

в осадке истории после того, как мы скончаемся. Винникотт, Бергер и Лакман — реальные фигуры в социальной конструкции нашей текущей реальности, хотя ни одного из них сегодня нет в живых (Berger, Luckman, 1991). Далее находится репрезентированный мир искусства и литературы, мир, в котором мы слышим голос символа, ищем святое и сакральное и открываем возвышенное и значимое. Именно в этом мире группанализ и психоанализ ищут интерпретации.

Рассмотрим заголовок этой главы — «стремление и принадлежность». Обратившись к словарю, мы найдем определение слова «стремление» — это страстное желание, которое изъясняется языком любви во всей ее полноте. Наша культура насыщена различными выражениями стремления в стихах и песнях. А с помощью языка «принадлежности» мы выражаем совершенно иные смыслы. Принадлежность может означать владение или обладание, а иногда идентичность или отождествление. К примеру, на чемпионате мира по футболу перед началом матча во время исполнения национального гимна некоторые игроки поют, а некоторые нет, но все они понимают, что значит принадлежать. Они принадлежат своей команде, своей стране и своему состязанию. Цвета, флаги и песни служат символами определенной принадлежности. «Стремление» и «принадлежность» в каждом случае являются символами различного восприятия мира и эмоционального состояния. Первое слово больше связано с аффектами, ассоциирующимися с эросом, любовью, близостью и желанием, а второе — в большей мере относится к аффектам, связанными с привязанностью, безопасностью, идентичностью и равновесием. Проведенное Винникоттом разделение матери-объекта и матери-среды лежит в основе различения настроения и эмоционального тона в аффективных мирах стремления и принадлежности.

Когда мы соединяем вместе эти два термина, стремление и принадлежность, мы создаем объединение отдельных, связанных, но контрастирующих аффектов. Мы создаем что-то, что является отдельным для исходных понятий и символом чего-то неуловимо отличающегося. Если в жизни человека присутствуют и стремление, и принадлежность, то эта жизнь наполнена как привязанностью, так и безопасностью. Тот, кто живет в мире без стремления и без принадлежности, страдает от отчаяния неприкаянного ума. Бергер в своих работах по социологии пишет, что сакральное — это качество, осознаваемое в опыте и выстроенное из завесы священных объектов и смыслов

для отражения коллективных желаний и идеалов, которые проецируются в личные убеждения индивида и всех групп, частью которых он является. Существует взаимосвязь между институтами, их формами работы и жизни, а также социальным и внутренним смыслом. Эта священная завеса поддерживается социальным порядком и, в свою очередь, легитимизирует этот объективный социальный порядок через консенсуальные рамки, имеющие субъективное значение. Объективные институты общества историзируются, и в свете этих внутренних источников смысла разыгрываются драмы разворачивающейся жизни. А там, где их нет, вытекающие из этого отчуждение, дезориентация, фрагментация и изоляция могут быть обозначены как неприкаемый ум.

Четыре формы игры – игра воплощений, проекций, ролей и слов

Первые три формы игры: воплощение–проекция–роль

Воплощение – проекция – роль (ВПР) – это парадигма развития по Дженнингс, отображающая развитие драматической игры ребенка от рождения до семи лет (Jennings, 1998, 1999, 2001). Чтобы эта концепция была полезна для группанализа, к трем основным компонентам – *физической или воплощенной игре, проективной игре и ролевой игре*, – необходимо добавить четвертый. Это *игра слов*, о которой я расскажу ниже; и помогут мне в этом работы Пайнса, Кокса, Левенса, Уоттона и других.

Первые три аспекта используются в работе детскими психотерапевтами. Энтони был одним из первых терапевтов, который использовал эти аспекты в групповой терапии с детьми, как это описано в его совместной с Фуксом работе 1957 года. Четвертая форма игры – игра слов – была введена в психоанализ Фрейдом и в группанализ Фуксом. В таблице 15.1 все четыре формы игры выстроены по мере развития так, как это описывали их авторы.

Игра слов и жеста: четвертая форма игры

Можно проследить, как параллельно развивается исследование этих стадий игры в антропологии, социологии Мида и в работе групповых аналитиков, таких, как Пайнс, Кокс и Левенс. Это еще одно направление развития, относящееся к словам и смыслам. Многое из то-

Таблица 15.1

Четыре формы игры в сфере отношений и авторы, которые их описали

Форма	Название	Динамика	Авторы
1	Физическая/воплощенная игра	Переживания, необходимые для развития «телесного я», в первую очередь устанавливаются между матерью и ребенком Посредством историй и ранних объектов репрезентативной игры, таких как кукольные домики и марионетки, ребенок реагирует на мир за пределами тела, взаимодействуя с различными людьми, объектами и субстанциями, «размещенными и собранными в различных формах и сочетаниях. Постепенный переход к этой второй стадии происходит, когда ранняя форма, в которой переходные объекты обозначают мать, уступает место более поздней форме, когда ребенок берет на себя больший контроль и играет роль некоторых своих воображаемых персонажей	Винникотт, Дженнингс
2	Проективная игра	Ресурсы, которые ребенок берет на себя роли, иногда несколько, в рамках разыгрываемого сюжета, и у него формируется чувство управления персонажами, которые представляют значимые для него фигуры. Он знает, что положено делать и не делать матери, отцу и другим взрослым. Один ребенок может играть «на пляже» в окружении ракушек и обращаться со своей кошкой, как будто она рыба в воде. Другой может играть в Гарри Поттера и наделять некоторых членов своей семьи магическими способностями, скрывая это от других	Винникотт, Пайнс, Дженнингс
3	Ролевая игра	Слова, сопровождаемые зрительным контактом с ведущим и другими участниками, и чувства, выраженные словами, действуют как жесты утешения или валидации и помогают выкристаллизовать настроение группы	Антропология/социология Малиновский, Якобсон, Мид Психоанализ Винникотт, Пайнс, Райт Групповой анализ Пайнс, Стейси, Уоттон, Левенс
4	Игра слов и жестов		

го, что происходит между группой и ее ведущим, принимает формы, которые едва ли являются «устной речью». Например, кто-то начинает говорить что-то важное, запинаясь, останавливается, а затем замолкает. Все участники группы молчат, и в конце концов ведущий спрашивает: «И?..». Этот вопрос выводит из тупика, устраняет препятствия, и участник, остановившийся из-за провала повествования, продолжает рассказывать свою тяжелую историю, пока она не превратится из монолога в диалог. Вопрос «И?..» сопровождается заинтересованным взглядом ведущего, кивком головы и мимикой и служит приглашением к продолжению рассказа. На следующей сессии группы в ходе не связанной с предыдущим эпизодом коммуникации кто-то благодарит ведущего за письмо, которое тот написал его врачу. Ведущий отвечает: «Пожалуйста»*. Вопрос «И?..» и произнесенное «Пожалуйста» в обоих случаях являются жестовыми коммуникациями, которые имеют большее отношение к игре по Дженнингс, чем к какой-либо форме устной речи. «Пожалуйста» не означает, что слушатель приветствуется. Скорее, это ответ на благодарность. Слово «спасибо» означает благодарность за получение блага, а слово «пожалуйста» означает принятие благодарности. Это выражение взаимности посредством устной речи, но это не синтаксический язык.

Формы коммуникации «Спасибо», «Пожалуйста», «И?..» и знаменитое «Say Таа» Винникотта, которое он заимствует у матери, призывающей своего малыша сказать «спасибо», мы можем объединить одним термином. Когда кто-то дает ребенку печенье, его благодарность выражается словом «Таа», а не синтаксисом. Другой пример: участница приходит на встречу группы после отсутствия, связанного с похоронами ее брата, умершего две недели назад. Ее приветствуют, и она, в свою очередь, с благодарностью говорит о том, что чувствует здесь теплоту. После обычной паузы, возникающей, когда участники рассаживаются и собираются с мыслями, группа приступает к работе, проходит некоторое время, и ведущий, пока все остальные молчат, говорит: «Сочувствую вашей утрате», и эта участница начинает плакать. То, что ведущий выразил печаль, высвободило эмоции, но совсем не зависело от синтаксиса предложения. Эти слова, сопровождаемые зрительным контактом с ведущим и другими участниками и действующие как жест утешения, выраженный словами, по-

* Здесь обсуждается фраза «You're welcome» (англ.), которая может означать как «добро пожаловать», так и «пожалуйста».

могут выкристаллизовать настроение группы способами, которые описала Левенс. Выраженное в соответствии со всеми нормами утешение свидетельствует о настроении группы и позволяет участнице, потерявшей близкого, почувствовать поддержку.

Антропологи называют такие формы коммуникации *фатическими*. Малиновский ввел этот термин, чтобы описать феномен того, что слова могут работать как жесты, и в своих публикациях он приводит все вышеупомянутые варианты такого использования слов. Еще один антрополог, Якобсон, переработал идеи Малиновского и описал, как определенные *фатические* слова используются для описания самого канала коммуникации и не раскрывают содержания того, что по нему проходит. В вignetке 4.1 рассказывается, как участник, впервые пришедший на встречу группы, тратит свое время на длинный монолог и не замечает, что уже потерял свою аудиторию. Ведущий спрашивает: «С кем вы говорите?». Участник настаивает, что разговаривает с группой, но с удивлением понимает, что разговаривает сам с собой. Позже он осознает, что группа нужна ему как аудитория, чтобы он мог слышать свои слова. Ведущий здесь использует *фатическую коммуникацию*, как это называет Якобсон, чтобы помочь участнику осознавать свои действия.

Опираясь на свой опыт в области различных видов арт-терапии, лондонский группаналитик Мэри Левенс предлагает «задуматься о роли невербальной коммуникации *наряду* с использованием слов» (Levens, 2011, p. 5). Она цитирует Фукса, который говорит: «Я настаиваю... на особенной ценности словесных формулировок и отчетливой коммуникации для окончательного завершения терапевтического процесса» (Foulkes, 1948, p. 153). «Средство, которое (терапевт) использует в работе, — это общение посредством слов, а конечная цель — выражение чего-либо на артикулированном вербальном языке, который может быть понят и общедоступен» (ibid., p. 135). Левенс занимает другую позицию.

В конечном итоге я предлагаю бросить вызов первостепенной важности вербальной артикуляции, не желая при этом отвергать или преуменьшать основную теорию Фукса. Я буду исследовать аспекты вербализации, то, как язык в качестве социального дискурса становится персонализированным, и способы совместного конструирования смысла.

(Levens, 2011, p. 6)

Далее она говорит, что «слова могут использоваться для выражения или сокрытия чего-либо, для создания близости или сохранения дистанции и могут создать раскол с точки зрения пережитого опыта, в отличие от словесного описания этого опыта [когда] всё [может] однажды исчезнуть... будучи отфильтрованным через словесную конструкцию» (Levens, 2011, p. 23–24). Она приводит высказывание Стерна, утверждающего, что слова могут работать как палка о двух концах и в ходе коммуникации изолировать тех, кто принимает в ней участие.

Сначала, используя собственную метафору языка группы как «кристалла с множеством граней, отражающих множество функций и последствий, [в которых]... потеря связи через артикуляцию является... еще одним последствием» (ibid., p. 25), она задает направление для работы ведущего, а затем описывает важную связь между работами Фукса и Кокса.

С помощью языка музыкальной метафоры Фукс пытается передать тонкости того, что трудно выразить словами... Через расширенное использование метафор (термин «резонанс» предоставляет) групповому аналитику модель, соответствующую сложности языка. Кокс обсуждает проблему акцентирования внимания на объяснении слов пациента [и отдает предпочтение]... использованию эмпатического понимания. Он бросает вызов редукционизму и пишет о внимании к нюансам, к тому, о чем не говорится, как способу слушать своих пациентов с осознанием, «настолько расслабленно настроенным, что его струны могут уловить малейший ветерок и превратить его в музыку».

(Cox, 1987, p. 55; Levens, 2011, p. 26)

Также Левенс обращается к концепции развития языка Пайнса.

До того как язык становится средством общения ребенка, между младенцем и заботящейся фигурой уже возникает язык взаимности жестов и игр... Имеет место диалог жестов, игра случайных ситуаций, посредством которой младенец обнаруживает, что он является активным агентом... и является отдельным я в отношениях с другим.

(Levens, 2011, p. 12; Pines, 1998, p. 73)

Пайнс опирается на то, как Мид описывал общение с помощью жестов в качестве важнейшего элемента взаимодействия и ожидания

реакции другого. К области интересов самой Левенс в практике группового анализа относится «то, как слова включаются в драму *я* по отношению к другому» (Levens, 2011, p. 12). Литература по сонатной структуре (Stern, 1998) и эмпатии (Wright, 2009) помогает нам понять то, что Пайнс называет самым ранним процессом придания смысла отношениям. Вот как он это описывает:

[Мать связывает] жесты, которые могут быть случайными, со своими жестами, которые для нее наполнены смыслом. Будучи значимыми для нее, они становятся значимыми для ее ребенка и, следовательно, для пары... Этот процесс закладывания и обретения смысла в диаде «мать—ребенок» может быть нарушен установками матери, проявляющимися в ее фантазиях о ребенке, ее восприятием себя, ее настроением и тревогами.

(Levens, 2011, p. 13; Pines, 1998, p. 70)

«Вход и выход из картины других людей»: теория развития, овладение языком и источники смысла

Фрейд писал: «Безразличное слово не пробуждает спящего, если же его назвать по имени, он просыпается...» (Freud, 1900, p. 53). Здесь же мы ищем не имена, а слова, имеющие символическое значение, работа которых избавляет людей от чрезмерно детерминирующего влияния их скрытых императивов, управляющих ими. Слова «стремление» и «принадлежность» действуют таким же образом и в сочетании дают больший эффект. Когда и как слова начинают работать таким образом? Мы можем проследить интерес Винникотта к переходным объектам, обратившись к несколько более поздней, чем период от 8 до 12 месяцев, стадии младенчества, когда переходные объекты возникают как нечто, чем ребенок впервые обладает.

Процесс символизации берет начало в самом примитивном ощущении *я* в репрезентативной схеме младенца, когда он впервые проводит различие между *я* и другим. По мере расширения и экстернализации репрезентативного мира процесс символизации младенца кодируется на языке, семантическое поле которого наполнено формами значения, имеющими тесную связь с индивидуумами и переживаниями, из которых возникает этот язык. То, как ребенок разговаривает сам с собой, обращается к матери, взаимодействует с другом, разговаривает с куклой или отвечает в классе, различно в каждом

случае. Все эти речевые формы возникают только в диалоге между двумя людьми, ибо, как сказал Уильям Джеймс, отношения бывают разной степени близости и просто быть рядом с другим — это вселенная дискурса (James, 1902). В то время как диалог генерирует почти безграничный диапазон значений, термины психологии двух человек действуют как ограничение. Многокомпонентность группы способствует развитию речевой формы дискурса в поле отношений, динамика которого в «модели трех» повторяет динамику общества. В группах происходит игра между отношенческим и семантическим полями — матрицей взаимодействия и матрицей значений, что придает новый смысл раннему символическому и репрезентативному опыту. Их взаимодействие помогает пересмотреть базовые допущения индивида. Таким образом, язык — это форма поведения в группе, способ обращения к опыту в группе и за ее пределами и способ трансформации опыта в группе.

Ребенок усваивает первые фразы из трех слов в возрасте от 12 до 24 месяцев. Малыши используют эти элементарные предложения для общения, описания и представления. Для нас сейчас наиболее интересны репрезентированные детали.

Виньетка 15.1

Почтальон Пэт: «вход и выход из картины друг друга»

Представим двухлетнего мальчика, который вместе с матерью рассматривает книжку с картинками, изображающими почтальона Пэта, который едет на своем автофургоне по грязной дороге.

Мать и ребенок хорошо знают книгу о почтальоне Пэте и часто читают ее вместе. Маленький мальчик говорит: «Грязная дорога, грязная дорога, очень грязная дорога», и следит за повествованием, пока почтальон едет по лужам под дождем. Он кричит «Плюх, плюх» и смеется, видя брызги воды вокруг фургона на иллюстрации. Затем почтальон выходит из фургона, идет по грязи и пачкается. «Почтальон Пэт грязный, очень грязный», — говорит мальчик и указывает на грязь на ногах почтальона на картинке. На следующей картинке почтальон подходит к входной двери дома, в который он доставляет письмо. Перед дверью лежит очень заметный коврик. Почтальон встает на него, чтобы вытереть ноги, а маленький мальчик поднимает свою ногу и кладет ее на изображение коврика, чтобы тоже вытереть ее. Конечно, это у него не получается, потому что, какими бы маленькими ни были

его ножки, они все равно больше, чем рисунки. Они закрывают картинку, он не видит коврика и отвлекается. *Но мы обратим внимание на тот момент, когда он пытается «войти» в картинку. Он буквально вступает ногой в репрезентативный мир.* Ассоциация образов рассказывает историю, которая его волнует. Он подружился с почтальоном и отождествляет себя с ним в ходе его путешествия. Является ли он почтальоном Пэтом, когда он пытается войти в картинку? Или это направление его идентификации? Или он примеряет на себя хорошее поведение почтальона, вспоминая наставления своей матери и вытирая ноги? К нему приходит почтальон или он уходит в мир почтальона? В каком направлении работает отзеркаливание? Согласно еще одному рассказу его матери, однажды она читала ему историю о цыплятах на ферме. Когда по сюжету несколько цыплят спрятались за объемной поднимающейся картинкой, он попытался, присев, тоже спрятаться вместе с ними. Только когда он понял тщетность своих попыток, он назвал свое имя и сказал: «Слишком большой». Книга достигла своей цели. Ребенок учится отличать себя от своих воображаемых объектов.

Комментарий

Этот маленький мальчик представляет грязь на своих ногах, «вступает» в картину, чтобы вытереть их об коврик, и пытается пересечь черту, которую невозможно пересечь. Последовавшее за этим отвлечение — это часть того, что позволяет ему постепенно различать реальный мир, сконструированный и репрезентированный. Перед входной дверью его дома лежит *реальный* коврик, и в реальности он часто становится грязным. *Конструкты* включают беспокойство его матери по поводу того, что он испачкает пол, и необходимость вытирать ноги, когда он приходит с улицы. *Репрезентации* же находятся в книге.

Почему важно не путать стремление и принадлежность

Мы призываем участников наших терапевтических групп использовать группу для того, чтобы научиться различать *реальное, сконструированное и репрезентированное* в общих для них времени и пространстве. Те, кто присоединяется к нашим группам, учатся использовать их в качестве пространства для исследования своих во-

ображаемых объектов и, когда забытое, диссоциированное и подавленное выходит из бессознательного, выдерживать *возвращение вытесненного* (Fairbairn, 1943/2002). Центральный персонаж виньетки 15.2 — Уоррен. Он борется с тем, что называет «фатальным влечением» к трансгрессивной сексуальности. В его взрослой жизни возбуждение и нарушение границ происходили одновременно, и он относится к возникающим проблемам так, как будто судьба не припасла ничего другого — он ведет себя так, как будто он беспомощен. В психоанализе это называется *неврозом судьбы*, и в основе его понимания лежит концепция Фрейда о *навязчивых повторениях*. В интерперсональном подходе, который опирается на теорию привязанности и работы Салливана, обсуждаемые в главе 2, психология, лежащая в основе этих паттернов, описывается как *паратаксическое искажение*, то есть паттерн, который сначала формирует взрослые отношения под влиянием неразрешенных ранних эмоций, а затем обходится с их последствиями — конфликтом, травмой и разочарованием, — как если бы они были причиной проблемы. В виньетке 15.1 маленький мальчик мысленно присоединяется к путешествию, как и все мы, когда читаем роман, смотрим театральную постановку или становимся свидетелями пути искупления, описанного в священном тексте. Символический регистр требует силы воображения, чтобы увести нас в места, отличные от тех, в которых мы находимся. И тогда маленький мальчик пытается войти в воображаемую картину.

Групповая психотерапия приводит каждого участника в места, отличные от тех, где он находится, и в группе, состоящей из «супа» или матрицы общего опыта, будут ингредиенты, в создание которых внесет свой вклад каждый присутствующий. Но в нем также будет много чужеродных ингредиентов, которые участники будут воспринимать неудобными или успокаивающими. Они будут «входить и выходить из картин друг друга» и обнаруживать неожиданные и непредвиденные репрезентации из своей бессознательной жизни, которые до сих пор были замаскированы возникающими снова и снова конструкциями их повторяющихся проблем. Жизненная проблема Уоррена создана им самим. Его внутренний мир репрезентированного, того, что на самом деле означает повторяющийся паттерн, будет обнаружен в ходе его работы в группе. *Стремление* быть понятым и принятым является основой того, почему большинство участников присоединяется к группам, и потребуется время, чтобы оно превратилось в *принадлежность*. В этой виньетке описыва-

ется ключевое событие, когда перенос возникает через сновидение, и он улавливается группой и ведущей, которая обращается к языку группы и собственному контрпереносу, чтобы дать интерпретацию, которая поможет Уоррену выйти за пределы его внутренних ложных репрезентаций.

Виньетка 15.2

Понравилось ли тебе, когда во сне ты поцеловал ведущую?

Уоррен присоединился к группе, чтобы справиться с описанным выше паттерном. Ему было около двадцати пяти лет, и за восемь лет, прошедших с тех пор, как он стал проявлять сексуальную активность, он интересовался только женщинами, которые были недоступны. Он был одаренным молодым врачом, о его перспективах говорила сначала его мать, а затем — его учителя. Первый раз в интимные отношения он вступил тайно с лучшей подругой его сестры, что привело к катастрофическим последствиям. В университете интерес к нему проявляла его профессор, женщина намного старше его, ее внимание ему было приятно, но он не хотел идти дальше. Когда ему «удалось сбежать», он стал заботиться об одной хрупкой однокурснице, которую регулярно спасал из психиатрических клиник и наслаждался сексом с ней, когда она была достаточно здорова и оказывалась в постели с ним вместо больничной койки. В момент обращения за терапией он не осознавал закономерностей в этих отношениях, а жаловался на проблемы с получением докторской степени. Другая проблема, на которую он открыто жаловался, была связана с его матерью. Когда ему было восемь лет, его отец обанкротился, и мать впала в депрессию и обратилась за помощью к психиатру. Она также искала утешения в сыне. Занявшись реструктуризацией большого предприятия, отец стал эмоционально недоступным, но, когда несколько лет спустя он «вернулся» в семью, и обнаружил, что «потерял» жену из-за сына, он стал проявлять по отношению к Уоррену раздражение и отвергать его. Эта фигурация, должно быть, была давней чертой жизни этой семьи.

Моя коллега — его терапевт — была опытным групповым аналитиком, распознала основные эдипальные проблемы Уоррена, провела с ним двенадцать индивидуальных сессий и приняла его в группу, которую регулярно обсуждала со мной в ходе супервизий. Он одновременно был и самым молодым, и самым новым участником группы и, хотя с самого начала четко выражал свои мысли, странным образом

не осознавал резонанс группы и свою валентность в контактах и связях. Участники тянулись к нему и беспокоились о том, что, как им казалось, он совсем не подозревал о продолжающемся эмоциональном злоупотреблении со стороны матери. Сначала он научился использовать группу через *аутсайт*, естественное сострадание к жизненным трудностям других участников, и занял место посредника, который мог объяснять участникам их поступки и переживания, но он не мог выносить конфликты или агрессию. Группа начала понимать, что он получал доступ к себе только через валентность других по отношению к нему. Он мог видеть себя только через картинку, которую ему показывали другие.

Шесть месяцев спустя он рассказал на встрече группы сновидение, и этот рассказ стал для него поворотным моментом. Он посмотрел на ведущую, женщину примерно возраста его матери, и сказал ей прямо, но со смущением, что прошлой ночью ему приснилось, что он целовал ее. Во сне действие происходило в этом же кабинете для групповых сессий, но там был камин, и помещение было похоже на дом. Остальные участники группы тоже присутствовали в кабинете и тихо разговаривали между собой. Никто не выглядел обеспокоенным.

На супервизии ведущая рассказала, как она следила за своей реакцией, и я представлял ее открытый, заинтересованный и внимательный кивок головы, когда она слушала рассказ о его сновидении и ждала. Ее восприимчивость выражалась жестами и без слов. Кэти, одна из участниц, спросила: «Тебе понравилось?». Он ответил: «Ну, я не знаю, забавно, что ты спрашиваешь, меня там не было, этого ведь на самом деле не было». Один из участников сказал: «Ну, конечно, этого не было, здесь нет камина, но это случилось во сне. Тебе понравилось?». Уоррен ответил: «Но меня там не было...», и его прервал другой участник, который сказал: «Ты всегда тот, кого там не было. Это похоже на фразу Эдварда Лира: „Вчера на лестнице я встретил человека, которого там не было. Сегодня его там снова не было, я бы хотел, хотел бы, чтоб он ушел...“». Еще одна участница спросила мужчину, который процитировал стихотворение, об источнике этого отрывка, а затем последовала дискуссия о людях, которые не проявляют себя. Ведущая вмешалась и тепло, без всякого вызова сказала Уоррену: «Откуда бы ни исходили эти строки, все, кажется, думают, что речь идет о вас. Как вы думаете, что это значит?». Он был взволнован и не мог найти слов. Еще один участник сказал: «Теперь тебя нет здесь. Кажется, это происходит всякий раз, когда ты приближаешься к тому,

что тебя волнует». Уоррен рассердился, почувствовал жалость к себе и попытался прекратить разговор. Ведущая снова вмешалась и сказала: «Уоррен, поможет ли вам, если вы постараетесь ответить на первый вопрос Кэти? Понравилось ли вам во сне целовать меня?». Своим видом, жестами и манерой поведения, а также самими словами, ведущая дала ему «разрешение» увидеть сон, приняла его эмоции и показала, что хочет помочь ему понять смысл сна в контексте группы. Но он все еще не знал, что сказать. Поэтому она предложила другим участникам исследовать его сновидение, и они при помощи свободных ассоциаций «играли» со сновидением.

Один из участников, Саймон, сказал ведущей: «Я тоже хотел бы во сне поцеловать вас». Все засмеялись, и одна участница сказала: «Почему бы тебе не быть честным и не поговорить о желании поцеловать ее, а не о сне?». Он ответил: «Ну, я не хочу ее целовать, но было бы хорошо ее обнять». Еще одна участница сказала: «Будут ли у терапевтов проблемы, если они будут целовать своих пациентов и пациенток? Я не хочу вас целовать, но понимаю, что можно хотеть вас поцеловать, а для меня было бы здорово обнять вас». В комнате зазвучал смех, и терапевт улыбнулась. Теперь, когда внимание группы не было направлено на Уоррена, он вновь присоединился к разговору и сказал Саймону, участнику, который хотел обнять ведущую: «Хорошо, что ты заговорил об объятиях. В поцелуе не было желания. Это было тепло и комфортно, и те, кто был в этом сне, казалось, думали, что это нормально». Кэти сказала: «На самом деле, это было безопасно и приносило утешение». Уоррен, обращаясь к терапевту, произнес: «Вы не вызывали эротического желания, а приносили утешение. Во сне вы были такой же, как и здесь. Было хорошо». Кэти сказала: «Итак, это было хорошо, утешительно, но не сексуально. Впервые с тех пор, как ты присоединился к нам, ты испытываешь собственные эмоции. Я думаю, что сон был групповым поцелуем, который сообщает нам, что ты наконец-то с нами». Он ответил: «Вы тут говорите о групповых снах, что мне кажется невозможным. А теперь вы говорите о групповых поцелуях. Это смешно!». И все, включая Уоррена, засмеялись.

Ведущая уловила серьезную нотку в его шутливо протестующем высказывании и присоединилась к нему, сказав: «Уоррен, ваше сновидение и вопросы, связанные с ним, стали частью группового обсуждения, и мы „играем“ с ними. Это нормально. Вы снова включились в разговор, когда обнаружили связь с утешением в поцелуе, о котором сказал Саймон. И утешение, кажется, пришло к вам. Я считаю, что вы

всю жизнь искали утешения у своей матери, но не получали его, потому что она пренебрегала вашими потребностями и требовала удовлетворения своих желаний. Должно быть, в каждом объятии с ней вы чувствовали „укол“ сексуальности, потому что вы всегда страдали от путаницы между возбуждением и потребностью в безопасности. Теперь здесь вы можете найти утешение в безопасной обстановке, и вам не будет казаться, что я испытываю к вам желание». Некоторое время Уоррен молчал, а затем его глаза наполнились слезами, и группа обеспечила ему безопасную поддержку.

Комментарий

Работа и «игра» группы происходят здесь на разных уровнях и разными способами. Во-первых, это игра свободных ассоциаций, из которой возникает сновидение Уоррена. Затем участники играют со своими ассоциациями о сновидце, его личности и его презентации, что, кажется, загоняет сновидца в угол, и он сначала отстраняется, а затем под влиянием ведущей снова включается в разговор. Далее участники играют со сновидением, они приносят свои ассоциации, и в этот процесс снова вовлекается сновидец, который начинает расспрашивать о том, как устроено его бессознательное. Когда он исследует разницу между *стремлением*, эротическим поцелуем и *принадлежностью*, которую он считает безопасным объятием, мы видим, как он исследует свой репрезентативный мир. Наконец, ведущая обращается к интерпретации переноса, чтобы перевести содержание сновидения и его ассоциативную игру в новые смысловые формы для сновидца. Уоррен глубоко тронут как выраженным ею пониманием, так и принятием, проявленным другими участниками. Ведущая использует образ поцелуя, чтобы обозначить неудовлетворенную потребность сновидца в утешении и безопасности в отличие от его собственного неправильного понимания близости как средства, которое может служить только для возбуждения. Ведущая наполняет интимный контакт новым смыслом, тем самым легитимизируя чувства сновидца. Образ поцелуя становится мутативной метафорой. Он включается во внутренние конфликты, связанные с навязчивым повторением, достигает глубин, не взволновав поверхность, как описано в начале главы 11, и помогает деконструировать паратаксические искажения Уоррена. Для него стремление было постоянным источником опасности, и неприятное

чувство вины не оставляло безопасного пространства для проявления сексуальности. Эта тема уже звучала в этой группе, и другие участники пытаются решить связанные с ней вопросы. Этот образ, дискурс, посредством которого он исследуется, и благотворная матрица отношений совместно работают на то, чтобы превратить стремление — эротический поцелуй — в принадлежность безопасного объятия, которое к концу этой виньетки приводит к поистине репаративному опыту. Как будет описано в главе 16, метафоры могут привести к метаморфозам и позволить людям найти свое место среди других и стать ценными и любимыми участниками группы.

Группа как вспомогательное Эго для тех, у кого отсутствует стремление или принадлежность

Виньетка 15.3

Чужие дети

Об Элеоноре уже говорилось в виньетке 2.5. В группе она работала с расстройством настроения из-за рецидива биполярного аффективного расстройства, которое впервые проявилось у нее в юности, но тогда у нее наступила ремиссия. Оно вернулось, когда в более зрелом возрасте она стала получать педагогическое образование, и в том же году ее мать переехала в дом престарелых, а их дом был продан. Она хорошо училась, пока не повторилась проблема с настроением. Теперь, два года спустя, она жила на съемной квартире вдали от мест, в которых выросла.

Со времени ее первых месяцев в группе, описываемых в виньетке 2.5, она успокоилась, наладила теплые отношения с рядом участников, и у нее больше не было симптомов. События, которые здесь развернулись, показали, что она стала ресурсом для всех участников. На втором году терапии ее настроение было стабильным, она принимала лекарства и была близка к завершению своего педагогического образования. Нам стала понятна скрытая, но осязаемая злость на то, в каких условиях она воспитывалась, на пренебрежение со стороны матери и раннюю смерть отца. Теперь, когда ей приходилось заботиться о матери, которая никогда не заботилась о ней, ее обида не затягивала ее в те мрачные, темные состояния, которые раньше приводили

к расстройству настроения. Два ее младших брата прекрасно устроили свои жизни, а ее невестка недавно родила ребенка, который вызывал у Элеоноры неприятную зависть, поскольку она всегда хотела иметь собственных детей. У нее никогда не было отношений, в которых можно было бы завести ребенка, и сейчас было уже слишком поздно. Брат и невестка надеялись, что она полюбит свою маленькую племянницу, но она держалась на расстоянии.

Еще одна давняя участница по имени Кристина также столкнулась в детстве с травмами и пренебрежением, и ее мать давно умерла. Кристина была на поколение моложе Элеоноры, и сейчас в ее жизни произошли непредвиденные события. Она наконец встретила мужчину, которому была предана и который, по мнению группы, был достоин ее. Они решили завести ребенка. Она переехала к нему, они обручились и перестали использовать противозачаточные средства. Казалось бы, все шло хорошо, но у нее возникла внематочная беременность, которая потребовала экстренной операции. Здоровье Кристины было в опасности, но она получила качественную медицинскую помощь, а ее партнер постоянно поддерживал ее и проявлял любовь. Недавно ей сообщили, что теперь единственный способ зачать ребенка — это искусственное оплодотворение. Рассказав нам эту новость, она погрузилась в состояние шока и печали. Мы уже были свидетелями того, как она неделями переживала болезненные и пугающие состояния, а теперь она была с нами и плакала от отчаяния.

Ее страдания привели к тому, что Элеонора стала вести себя конструктивно, чего раньше мы не наблюдали. Ее немедленное проявление сочувствия и поддержки сделало ее ближе к Кристине, которая горевала. К моменту завершения сессии Кристина смогла собраться и вдумчиво рассмотреть варианты действий. На следующую встречу Элеонора пришла с красиво упакованным подарком, который озадачил нас всех. Она вручила его Кристине и предложила открыть. Внутри был небольшой фотоальбом, такие обычно продаются в детских магазинах. Элеонора сказала Кристине: «Это для ребенка, которого ты собираешься завести!». Когда Кристина взяла его в руки, Элеонора сказала: «Это твоя надежда, только не отпускай ее!». У многих выступили слезы, и мы почувствовали волнение и благодарность. Подарок и надежда, которую он олицетворял, призван был помочь Кристине выстоять в возможных дальнейших страданиях. В конечном итоге в последующие годы альбом был заполнен фотографиями двух детей, которых Кристина с мужем усыновили. Когда позднее

участники спросили Элеонору, откуда пришла ее уверенность в том, что будет происходить в следующие месяцы, она ответила, что это исходило от группы. Она обрела здесь свое место, когда наконец поняла правдивость того, что Мик пытался сказать ей в прошлом году о ее «неутолимом страдании». Ее плач походил на плач разделенных телят и коров. Она действительно осталась без матери. Теперь она тоже была неприкаянной, и ей приходилось полагаться на группу как на единственное место, где она чувствовала себя дома. Когда я спросил ее, как она поняла, что может положиться на нас, она объяснила, что то, что в прошлом году мы терпели ее плач месяцами, и то, что мы восприняли эти слезы как слезы протеста, вселило в нее уверенность, что в группе она нашла безопасное поддерживающее пространство.

Комментарий

Символический смысл этого подарка пронизывал реальное, сконструированное и репрезентированное, синтез которых привел к появлению надежды. Целительное ощущение «места, которое во время групповых встреч становится домом», как выразилась Элеонора, дало ей внутренние ресурсы, чтобы помочь другому справиться с отчаянием. В группе она обрела репаративный смысл, что подготовило ее к тому, чтобы примириться с тем, что жизнь лишила ее некоторых важных вещей. Несмотря на то, что семья ее брата с готовностью открывала для нее двери своего наполненного любовью дома, она не могла эмоционально стать ближе к ним из-за своей зависти к тому, что у них был ребенок, которого не было у нее. Но когда в жизни одной из участниц группы произошла катастрофа, она принесла надежду в виде альбома, который однажды мог быть наполнен фотографиями детей этой другой участницы. В главе 2 в разделе, посвященном репаративному измерению, мы говорили о том, что мы не можем «расплачиваться любовью» за все, что мы можем получить, но у нас есть возможность превратить благодарность в щедрость, «*заплатив вперед*», как описано в работе Арло, что и проиллюстрировано в этой виньетке. Резонанс превратился во взаимность, и преобразующая работа группы заключалась в том, чтобы посмотреть на этих участниц, да и на других участников группы через призму дальнейших вызовов, с которыми им придется столкнуться в жизни.

В этих виньетках рассматриваются скрытые первичные тревоги, о которых шла речь в начале этой главы, — отсутствие внутреннего смысла, внутренняя пустота, страх быть обнаруженным другим, страх никогда не быть обнаруженным другим, страх никогда не стать подходящим для другого. Мы видим, как люди «входят в картины друг друга» через взаимодействие стремления и принадлежности. Элеонора получила от группы подарки, которые «предоплатила», как пишет Арло в главе 2, тем, что вошла в жизнь Кристины, чтобы подарить ей незабываемый символ репарации, который дал облегчение нам всем. Облегчение ее острого горя наступило, когда она предложила утешение другой участнице.

Репарация в «оскорбленной» большой группе, которая «возвращается домой»

Виньетка 15.4

Значит, вы хотите, чтобы мы ели картошку?

Нет, мы возвращаемся домой!

В этой виньетке описана работа большой группы на ежегодном собрании международного сообщества психотерапевтов. Свои ежегодные собрания эта организация проводит в разных местах, и на этот раз оно проходило в Ирландии. Состав присутствующих участников организации был хорошо представлен в этой большой группе. Были подгруппы, участники которых отличались друг от друга по своему отношению к приверженности ирландской истории или вопросам происхождения. Таким образом, вопрос принадлежности стал демаркационной зоной, в которой образование подгрупп исследуется, как это делала Агазьян, на предмет точек согласованности или принадлежности, вокруг которых спонтанно возникают подгруппы.

На первой сессии атмосфера была напряженной, но продуктивной, участники постепенно втянулись в работу и начали откровенно говорить о своем непосредственном восприятии друг друга, особенно с точки зрения пола, что по-особому звучало после состоявшейся чуть ранее лекции, посвященной женщинам как жертвам и мужчинам как виновникам насилия. Выступавшие мужчины отвергали свою мужественность и извинялись за нее. Выступили и многие женщины, некоторые из них выразили в целом критическую позицию по отношению к мужчинам. Проявились и другие отличия: между старшими

или более опытными участниками группы и теми молодыми людьми, которые раньше не бывали на подобных мероприятиях и должны были еще обрести голос. После того, как кто-то упомянул замок, в котором мы встретились, и его историю, наконец всплыл «ирландский вопрос». Один из организаторов сообщил большой группе, что в годы британского правления в Ирландии замок был административным зданием. Замок был резиденцией и символом имперской власти. Это было здание, которое использовалось, чтобы причинять людям боль.

На второй и третьей, заключительной, сессиях большой группы многие обсуждали драматические события, случившиеся накануне вечером во время официального обеда, когда подгруппа «курильщиков» нарушила правила и закурила на террасе. Организаторы были огорчены несоблюдением правил. Курильщики продолжали настаивать на незначительности своего проступка. Участники с ирландскими корнями, выросшие в других местах и приехавшие в страну либо на конференцию, либо на более длительный срок, стали голосом «отсутствующей совести» нарушивших правила курильщиков. Звучало все больше критики возмущения. В ходе нападок, интенсивность которых через некоторое время усилилась, «курильщики» превратились в «англичан», которые продолжают пренебрегать законами Ирландии, даже будучи в замке гостями. «Англичане», которых призывали к ответу за проступок, в основном прибыли из известного клинического центра в Лондоне и не были согласны с этим ошибочным определением. Когда они начали чувствовать возмущение, один из них отметил, что обед был подан поздно вечером, можно было пить без еды и, возможно, они просто расслаблялись. Другой из них, более враждебно настроенный, продолжил, указав, что они были удивлены поданной едой. Они ожидали чего-то традиционно ирландского, а это больше походило на североафриканскую кухню. Это была провокация, которой все ждали! «Значит, вы хотите, чтобы мы ели картошку!» — возражали «ирландцы». Это была зажигательная смесь, из-за которой конфликт продолжался еще долго. Замок явно снова причинял людям боль.

Так продолжалось до тех пор, пока одна из участниц, которая до этого хранила молчание, не бросила вызов схватке. Она сказала нам, что она ирландка по происхождению, но родилась в Лондоне и прожила там много лет. Но сейчас она жила в Дублине, где работала и воспитывала детей. «И, — сказала она, — нас заставили съесть не только картошку. Нас заставили съесть унижение. Мы были изгнаны из наших домов и вынуждены были веками жить за границей.

И вот мы возвращаемся домой. «Мы возвращаемся домой!» — ее голос сорвался, она заплакала и высвободила массу эмоций, затронувших всех. Вместе с этим заявлением о возвращении домой заключительные минуты работы большой группы превратились в репаративную арену индивидуального и межличностного обмена.

Комментарий

Этот момент новизны можно понять и исследовать с помощью метафоры возвращения домой, которую он породил. Группа перешла от монолога к диалогу, затем к дискуссии, а затем вернулась, чтобы закончить межличностный диалог в той точке, на которой остановилась. И здесь, в этой новой репаративной атмосфере, разные люди по-разному поладили друг с другом.

Примечания

1. Эта глава в более ранней версии была представлена в качестве основного доклада в Центре групповой психотерапии северного Лондона под названием «Стремление, принадлежность и неприкаянный ум» в июне 2005 года. Я хочу с благодарностью отметить вклад Лизель Херст, Гарольда Бера, Тома Хэмрога и Сильвии Хатчинсон, которые помогли дополнить эту главу. Позднее под первоначальным названием она была представлена на семинаре Израильского общества групповой психотерапии в Хайфе в 2006 году, а отрывок под названием «Звуки тишины и борьба за слова: групповой анализ в трудные времена». был представлен на семинаре Израильского общества группового анализа в Тель-Авиве в 2012 году. Я хочу с благодарностью отметить вклад в развитие идей этой работы, внесенный всеми участниками этого семинара, в частности его организатором Роби Фридманом.

Литература

- Adlam J., Scanlon C. (2005). Personality disorder and homelessness: Membership and 'unhoused minds' in forensic settings // Group Analysis. V. 38 (3). P. 452–466.

- Agazarian Y. (1997). *Systems-centred Therapy for Groups*. New York: Guilford Press.
- Arnold M. (2004). *The Collected Poems of Matthew Arnold*. London: Kessinger.
- Auden W. H. (1948). *The Age of Anxiety: A Baroque Eclogue*. London: Faber and Faber.
- Berger P. (1974). *The Homeless Mind: Modernisation and Consciousness*. London: Penguin.
- Berger P., Luckman T. (1991). *The Social Construction of Reality*. London: Penguin.
- Bledin K. (2003). Migration, Identity and Group Analysis // *Group Analysis*. V. 36 (1). P. 97–110.
- Bledin K. (2004). What's in a Name? Foulkes, Identity and the Social Unconscious // *Group Analysis*. V. 37 (4). P. 490–491.
- Bledin K. (2006). Empty Spaces in Group-Analytic Psychotherapy Groups // *Group Analysis*. V. 39 (2). P. 203–213.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.
- Cox M. (1978). *Structuring the Therapeutic Process: Compromise with Chaos*. Oxford: Pergamon. Reissued: London: Jessica Kingsley Press, 1993.
- Cox M., Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Æolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Theilgaard A. (1994). *Shakespeare as Prompter: The Amending Imagination and the Therapeutic Process*. London: Jessica Kingsley.
- Elias N. (1979). Conversation with Norbert Elias: Interviewed by Dennis Brown // *Group Analysis*. V. 30. P. 515–524.
- Elias N. (2009). *Figurations // Collected Works of Norbert Elias*. V. 16. Dublin: University College Dublin Press.
- Fairbairn M. (1943/2002). Repression and the Return of Bad Objects // D. E. Scharff, E. F. Birtles (Eds). *Psychoanalytic Studies of the Personality: Selected Papers*. London: Routledge. P. 59–81.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). *Introduction to Group-Analytic Psychotherapy*. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Karnac.
- Freud S. (1900). *The Interpretation of Dreams // S. E. V. IV/V*. London: Hogarth Press.
- Freud S. (1917, reissued 1984). *Mourning and Melancholia // S. E. V. 14*. Pelican Freud Library. Reissued: London: Penguin Freud Library, 1984. P. 237–258.

- Glenn L. (1987). Attachment Theory and Group Analysis: The Group Matrix as a Secure Base // *Group Analysis*. V. 20 (2). P. 109–117.
- Hobsbawm E. (2013). *Fractured Times: Culture and Society in the 20th Century*. London–New York: Little Brown.
- James C. (1994). Holding and Containing in the Group and Society // D. Brown, L. Zinkin (Eds) (2000). *The Psyche and the Social World*. London: Jessica Kingsley. P. 60–79.
- James W. (1902, reissued 2010). *Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901–1902. New York: Library of America Classics.
- Jennings S. (1998). *Introduction to Dramatherapy*. London: Jessica Kingsley.
- Jennings S. (1999). *Introduction to Developmental Play*. London: Jessica Kingsley.
- Jennings S. (2011). *Healthy Attachments and Neuro-Dramatic-Play*. London: Jessica Kingsley Press.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Mace K. (2009). Phatics and the Design of Community. *Proceedings of the 27th International Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. Boston, MA.
- Malinowski B. (1923). *The Problem of Meaning in Primitive Languages* // C. K. Ogden, I. A. Richards (1989). *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. Eastford, CT: Martino Publishing.
- Mead G. H. (1934). *Mind, Self and Society* / Ed. by Ch. W. Morris. Chicago: University of Chicago Press.
- Nitsun M. (1988). Early development: Linking the individual and the group // *Group Analysis*. V. 22. P. 249.
- Nitsun M. (2006). *The Group as an Object of Desire: Exploring Sexuality in Group Psychotherapy*. London: Routledge.
- Nixon P. (1998). Foulkes, Elias and Human Figurations // *Group Analysis*. V. 31. P. 5–19.
- Ogden T. H. (1993). The analytic management and interpretation of projective identification // A. Alexandris, V. Grigoris (Eds). *Counter-Transference. Theory, Technique, Teaching*. London: Karnac Books.
- Ogden C. K., Richards I. A. (2013). *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. Eastford, CT: Martino Publishing.

- Pines M. (1998). Coherency and Disruption in the Sense of Self // M. Pines. *Circular Reflections: Selected Papers on Group Analysis and Psychoanalysis*. London: Jessica Kingsley. P. 211–223.
- Punter J. (2010). Group Analysis as I Do It: How I Work with the Social Unconscious // *Group Analysis*. V. 43 (2). P. 170–180.
- Schlapobersky J. (1996). A Group-Analytic Approach to Forensic Psychotherapy: From the Speech of Hands to the Language of Words // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Forensic Psychotherapy: Crime, Psychodynamics and the Offender Patient*. Vol. 1: Mainly Theory. London: Jessica Kingsley. P. 227–243.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). Group methods in adult psychiatry // M. Gelder et al. (Eds). *New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1369.
- Stern D. (1998). *The Interpersonal World of the Infant*. London: Karnac.
- Usandivaras R. (1989). Therapeutic Use of Regression in Group Analysis // *Group Analysis*. V. 22 (2). P. 171–175.
- Wilson P. (2005). Breaking Down the Walls: Group Analysis in a Prison // *Group Analysis*. V. 38 (3). P. 358–370.
- Winnicott D. (1951, 1978). Transitional Objects and Transitional Phenomena // D.W. Winnicott. *Through Pediatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 229–242. Reissued in: *Playing and Reality*. Harmondsworth: Penguin.
- Winnicott D. (1963, 1985). Communicating and not communicating leading to a study of certain opposites // D.W. Winnicott. *The Maturational Process and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press. P. 182–183.
- Wright K. (2009). *Mirroring and Attunement: Self-Realizations in Psychoanalysis and Art*. London–New York: Routledge.
- Yates W. B. (1992). *Collected Poetry*. London: Everyman.

Глава 16

Метафоры и метаморфозы

Символы, переход и трансформация

На страдания у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
Где у человека болит, как это в нас,
Когда кто-то ест, отворяет окно или бродит в печали,

(Auden. Musee des Beaux Arts)

Вот картина ребенка, внутри которого формируется личность, которая не общается с внешним миром, и в то же время хочет общаться и быть обнаруженной. Это сложная игра в прятки, в которой спрятаться — это радость, но не быть найденным — катастрофа.

(Winnicott, 1963, p. 186)

Метафоры, возникающие в ходе свободно текущей дискуссии группы приводят к метаморфозам по мере того, как они порождают язык изменений¹. Между метафорами как агентами перемен и метаморфозами, их «продуктами», существует целый мир, исследованию которого посвящена эта глава. Мы начнем с древнегреческого мифа, который во второй раз был пересказан Овидием в «Метаморфозах», в его «Книгах трансформаций», которые сформировали культурную жизнь Рима (Ovid, 2004). Это история о том, как Дедал и его сын Икар, заключенные в тюрьму на острове Крит, убегают из плена при помощи крыльев, созданных отцом. Дедал предупреждает сына о том, что летать слишком высоко или слишком низко — опасно. По-

лет на низкой высоте подвергнет крылья воздействию морской сырости, что ухудшит подъемную силу, а полет на большой высоте может создать другие опасности. В восторге от полета Икар игнорирует совет отца, подлетает слишком близко к солнцу, которое растапливает воск, связывающий его крылья, падает в море и погибает. Аллегорический смысл этой мощной поучающей истории, ее «послание», предостерегает от высокомерия и подчеркивает классический идеал умеренности, средний путь. В третий раз эту историю пересказывает в XVII веке фламандский художник Брейгель на картине «Падение Икара», которая находится в Музее изобразительных искусств в Брюсселе. Ее «послание» зафиксировано в моменте падения Икара, когда он стремительно тонет в море, в то время как беспечный мир продолжает заниматься своими повседневными делами. Пасторальные сцены поэзии Овидия имеют жестокий подтекст и отражают преувеличенность заурядного. «Послание» этой истории о том, что судьба человека — погибнуть в трагическом одиночестве, возникает из противопоставления этих пасторальных сцен одинокой гибели мальчика. В четвертый раз с еще одним «посланием» эту историю пересказывает Оден в 1938 году, когда посещает музей и описывает то, что изображено на картине.

В Музее изобразительных искусств

У.Х. Оден

На страданья у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
Где у человека болит, как это в нас,
Когда кто-то ест, отворяет окно или бродит в печали,

Как рядом со старцами, которые почтительно ждут
Божественного рождения, всегда есть дети,
Которые ничего не ждут, а строгают коньками пруд
У самой опушки, — художники эти
Знали — страшные муки идут своим чередом
В каком-нибудь закоулке, а рядом
Собаки ведут свою собачью жизнь, повсюду содом,
А лошадь истязателя спокойно трется о дерево задом.

В «Икаре» Брейгеля, в гибельный миг,
Все равнодушны, пахарь — словно незрячий:

Наверное, он слышал всплеск и отчаянный крик,
Но для него это не было смертельной неудачей, —
Под солнцем белели ноги, уходя в зеленое лоно
Воды, а изящный корабль, с которого не могли
Не видеть, как мальчик падает с небосклона,
Был занят плаванием,
все дальше уплывал от земли... *

О страдании

Я буду исследовать эту историю в пятый раз, чтобы разобраться, что именно она помогает нам понять о том, «как человек страдает». Существуют интересные публикации, в которых психологи описывают природу несчастья и внутреннюю картину психологического дистресса, которые имеют непосредственное отношение к нашей работе в группах (Chalkley, 2015; Smail, 2001). В этой главе мы обсудим, как в групповой психотерапии можно использовать аллегорические метафоры для работы с двумя категориями пациентов, чьи несчастья могут выглядеть одинаково, но при этом создают разные терапевтические проблемы. Во-первых, это работа, которую мы выполняем с теми, кто, будучи взрослым, пострадал от трагических или травмирующих жизненных событий, в том числе от опасных болезней, тяжелой утраты или массивной психической травмы, при которой неизменная непрерывность привычного внешнего мира отягчается отчуждающими последствиями травмы. По словам Одена, «в гибельный миг все равнодушны». Во-вторых, я буду рассматривать тех, кто страдает тяжелой патологией характера, включая пограничное расстройство личности, при котором основная проблема связана с ранним переживанием бедствия, которое инкапсулировано, зачастую находится вне сознательного опыта и навязчиво повторяется во взрослой жизни. В этом случае сам человек научился «быть равнодушным» к своим ранним бедствиям, которые остаются неосознаваемыми и в то же самое время повторяются в текущей жизни в порой бесполезной погоне за самообладанием.

На основе идей, изложенных в предыдущей главе о стремлении и принадлежности, стихотворение Одена может служить иллюстрацией клинической и концептуальной дискуссии о том, что именно

* Оден У.Х. В музее изобразительных искусств / Пер. с англ. П. Грушко // Современная американская поэзия: Антология. М.: Прогресс, 1975.

в психотерапии делает метафоры мутативными. В центре обсуждения находится ключевая идея *эго-тренинга в действии*. В этой книге впервые эта идея упоминается в таблице 1.2. Я стремлюсь опираться на уже выстроенные основы, чтобы разработать интегрированную систему координат, включающую достижения группанализа и психоанализа. В области группанализа достижениями стали работа Брауна «Саморазвитие через субъективное взаимодействие: свежий взгляд на «эго-тренинг в действии»» (Brown, 1994), сборник статей Пайнса, впервые изданных как единое целое (Pines, 2015), убедительная диссертация Левенс о словах и языке (Levens, 2011) и последняя книга Вигманна (Weegmann, 2014). В области психоанализа важными вехами стали работы Болласа (Bollas, 1987, 1993, 1999/2014) и недавний сборник критических эссе под редакцией Монтаны Кац (Montana Katz, 2013), в частности, статья Моделла (Modell, 2011).

В психоаналитической теории существует направление концепций, которые опираясь на некоторые ключевые идеи Фрейда, развиваются в контексте теории объектных отношений и работ Болласа. Подобным образом происходит эволюция группанализа. Боллас и Браун имеют общую ценностную ориентацию. То, что Браун называет *эго-тренингом в действии*, Боллас называет *собираанием я* или *быть личностью*. Эта личность выбирает объекты следующим образом.

[Выбор объектов] специфичен по отношению к потенциальной артикуляции собственного опыта... Когда мы живем, следуя своим желаниям, мы выбираем объекты естественным образом в ходе обычного процесса отбора. Некоторые объекты (книга, друг, концерт, прогулка) погружают нас в интенсивные внутренние переживания, которые тем или иным образом отзываются в нас... [Я рассматриваю это как] форму возвышения нашего я, поскольку встречи с объектами возвышают нас до некоего высказывания я, доступного для глубокого познания... [как] язык нашего я, возникающий в связи с характером аллюзий.

(Bollas, 1993, p. 29)

Концепции отношений, разделяемые двумя разными направлениями работы, группаналитическим и психоаналитическим, помогают обеим сторонам лучше понять динамику изменений. Интеграция, к которой я стремлюсь, могла бы помочь разрешить некоторые внутренние проблемы в каждой из этих дисциплин. Эта работа будет проиллюстрирована различными клиническими примерами.

В первых двух работа идет с двумя уже описанными клиническими категориями пациентов. Каждую из этих категорий «символизирует» соответствующая форма депрессии. К первой относятся те, чьи реакции адаптации, в том числе депрессивные состояния, возникли в результате утраты, трагедии или катастрофы во взрослой жизни. Во второй группе находятся те, чье переживание катастрофы имело место в досознательный период жизни, а часто и до того, как чувства начали обозначаться словами, и не зафиксировано в памяти. Довербальная травма может восприниматься как живая и повторяющаяся катастрофа, которая настойчиво преследует индивида в жизни. Группаналитическая психотерапия является предпочтительным вариантом терапии для обеих категорий. Доказательствами особых преимуществ нашей модели для второй категории станут несколько клинических примеров в заключительном разделе данной главы. В этих виньетках говорится об ангелах в консультационном кабинете, то есть о том, что Боллас называет мнемическими объектами. Мы будем обсуждать этих ангелов в контексте различных форм терапии: индивидуальной, терапии пар и, наконец, в группах двух разных типов.

В главе 2 обсуждались три измерения групповой терапии и был показан переход от отношенческого к рефлексивному и репаративному измерению. В главе 4 мы работали над различием отношенческого поля малой группы и ее семантического поля или поля смыслов. В главе 5 были представлены различия между реальным, сконструированным и репрезентированным, которые снова обсуждались в главе 15 в контексте стремления и принадлежности. Теперь мы в состоянии применить исследование Брауна по межличностной валидации к отношенческому полю и исследование Болласа о символических объектах к семантическому полю и попытаться понять связи между ними через ангелов, которые неожиданно, без приглашения оказываются в кабинете.

Тень объекта

Представим себе двух пациенток, пришедших к нам в начале курса психотерапии. Обе пришли с тяжелой депрессией. У первой — симптоматическая депрессия, возникшая из-за недавней потери, когда она узнала, что у ее парня роман на стороне, и в конечном итоге разорвала отношения. У второй пациентки была характерологичес-

кая проблема, так как депрессивность была встроена в структуру ее личности. Когда под влиянием напряжения или невзгод неустойчивое состояние превращалось в симптоматическое, депрессия возвращалась, и это эпизодически происходило на протяжении всей ее взрослой жизни. У этой пациентки депрессивная структура личности с проблемами характера или пограничными чертами, и, даже когда все идет хорошо, она часто может выйти из равновесия.

Печаль и меланхолия

В результате удара, нанесенного первой женщине предательством и потерей, ее внешний мир опустел. Мы ожидаем, что терапия, индивидуальная или групповая, поможет ей пережить кризис. Чтобы научить ее примириться с потерей, будет проходить работа с горем, и за счет роста и новых внутренних установок это может привести к изменениям в структуре ее личности, которые позволят ей в следующий раз более осмысленно выбрать партнера. Со временем она может найти свой путь к более счастливым отношениям. В случае второй женщины внешнее напряжение или травма, вызванные жизненными событиями — разрывом отношений, потерей родителя или другой тяжелой утратой, профессиональным разочарованием или другим подобным ударом — раскрывает внутренний мир, который сам по себе является пустым.

Фрейд первым обратил наше внимание на фундаментальные различия между печалью и меланхолией, состояниями, которые можно различить только через понимание того, где в психике индивида, попавшего в беду, находится пустота. «При печали, — писал он, — мир становится пустым и жалким, при меланхолии таким бывает само Эго» (Freud, 1917, p. 254). Обе наши пациентки свои трудности описывают, казалось бы, сходным образом, и предполагается, что имеют место внутренние процессы, похожие на происходящие после утраты глубокой привязанности. В первом случае разорванная привязанность относится к любимому человеку в мире ее эмоций в текущей жизни, и работа с горем будет подразумевать медленный, но постепенный отказ от ее связей как с мужчиной во внешнем мире, который ее бросил, так и с образом этого мужчины внутри нее, который постепенно будет терять значимость, пока она будет скорбеть по нему. Индивидуальная и групповая терапия не могут конкурировать в этом виде работы — они обе приведут к результату одинакового качества. В случае второй пациентки привязанность,

которая эпизодически разрывается, является внутренней привязанностью к утраченной матери пациентки в бессознательном мире детских эмоций. Мы, вероятно, обнаружим, что возникшие связи относились к очень амбивалентной матери, которая, возможно, любила свою дочь, но, вероятно, также и ненавидела ее, что привело к формированию у дочери очень амбивалентной и сложной психической структуры. Постоянная борьба за сближение с внутренней матерью, которая одновременно привлекает к себе и отвергает любовь, означает, что пациентка часто переживает травму от потери, даже когда восстанавливает связь, за которую борется. Этот конфликт находится за пределами сознательного. Снаружи мы видим только такие проявления этих внутренних коррелятов борьбы, как эпизодические депрессивные состояния, расстройства характера или пограничные черты. Для кажущихся неразрешимыми или повторяющимися проблем такого рода, по моему опыту, групповая терапия имеет много доказанных преимуществ, которые позднее в этой главе помогут нам обнаружить ангелы.

Далее Фрейд описывает, как в состоянии меланхолии — том, которое мы сегодня назвали бы депрессией — «тень (этого) объекта падает на Эго», которое затем рассматривается, как если бы оно само было объектом, «покинутым объектом». «Таким образом, — пишет Фрейд, — утрата объекта (трансформируется) в утрату Эго» (Freud, 1917, p. 258). События, которые создают напряжение во внешнем мире, запускают процесс обеднения внутреннего мира. Фрейд описывает, как, хотя от объекта можно отказаться, первоначальная любовь к нему сохраняется и находит прибежище, как он полагает, в замещающем объекте *я*. Это *я* затем подвергается насилию, унижению и страданию из-за утраченного объекта. Это тень объекта, графическое идиоматическое изображение, доподлинно относящееся к природе депрессии. В 1987 году Боллас познакомил нас с развитием этих идей в своей книге «Тень объекта. Психоанализ известного немислимого», где за отправную точку взяты эти ранние разработки Фрейда (Bollas, 1987).

Примитивное и скрытое бедствие

Если мы с помощью индивидуальной или групповой терапии проследим за второй из этих пациенток в мире бессознательного, мы, вероятно, обнаружим в ранней, стремительной и повторяющейся утра-

те материнской безопасности свидетельство того, что Бийон назвал «примитивным бедствием». Мы вряд ли обнаружим что-то статичное, вряд ли произойдет какое-либо простое или разовое событие, которое приведет к конфликту этой пациентки с ее внутренними объектами. С большей вероятностью мы обнаружим свидетельства раннего ощущения «катастрофы, которая остается живой и активной и в то же самое время еще не способна разрешиться состоянием покоя» (Bion, 1959, p. 94). Это внутреннее чувство катастрофы часто инкапсулировано, отщеплено, не признается и отрицается только для того, чтобы вернуться с силой и жестокостью, соразмерными повторяющимся попыткам его отрицания. Работы Брауна и Болласа проливают свет на то, как лучше всего понимать проблемы на этом уровне и как психотерапия меняет процесс разрешения, в котором ранние навязчивые повторения можно понимать как репетиции или фальстарты.

Межличностная валидация и эго-тренинг в действии

Браун представляет трогательный рассказ о молодом участнике малой группы, которая смогла взять на себя эмпатическую и материнскую роль, что позволило ему стать открытым для заботы со стороны других участников. В решающий момент «он обнаружил, что у него, как и у других, есть внутренний мир, понятный другим, и он может участвовать в приливах и отливах общих переживаний» (Brown, 1994, p. 90–91). Браун описывает момент, когда этот мужчина возвращается в группу после попытки покинуть ее, и его переполняют эмоции. Это переживание вызывает слезы у терапевта. Когда на сессии группы мужчина слышит об этом, то говорит, что чувствует сильную боль в шее и плечах, «как будто его душат». Когда терапевту удается правильно понять происходящее и он говорит, что пациент «душит собственные чувства», мужчина плачет, а группа посылает ему жесты сочувствия, которые, по словам Брауна, соответствуют «стадии развития зарождающегося я, обращающейся к откликающемуся объекту я» (ibid., p. 91).

Браун называет межличностной валидацией ситуацию, когда «самоощущение индивида по отношению к другим... подтверждается реакциями других людей в ходе взаимного процесса самопознания» (ibid., p. 89). Далее он предполагает, что в групповом анализе процесс саморазвития является круговым и спиральным: опыт сопере-

живания и выносимой фрустрации, как в раннем детстве, приводит в движение три стадии роста и развития, описанные в таблице 16.1.

Таблица 16.1

Три стадии роста и развития по Брауну. Саморазвитие посредством взаимодействия субъектов (Brown, 2000, p. 83)

В групповой терапии мы можем:	
1	Провести более глубокое исследование нашего внутреннего мира
2	Выявить различия между старыми внутренними объектными отношениями и новыми
3	Научиться настраивать себя не только на собственный, но и на чужой опыт

Исходя из этих трех стадий он выработал ясное и простое представление о преимуществах групповой терапии для взаимоотношений. «На пути к более зрелым, интимным и взаимным отношениям с другими людьми мы смягчаем последствия более ранней эмпатической неудачи и окостенения внутренних объектных отношений. Я называю это саморазвитием посредством взаимодействия субъектов» (ibid., p. 98). Рассматривая эго-тренинг в действии в контексте того, как семантическое поле и его символические объекты были представлены в работе Болласа, мы получим более глубокое представление о том, как этот процесс задает стандарт благополучия аналитической группы.

Образы выживания и трансформации

Музы и мнемические объекты

В греческой мифологии музы были олицетворением знаний и искусства. Девять дочерей Зевса и Мнемозины (которая была олицетворением памяти) почитались во всем классическом мире. В искусстве и эстетике через воспоминания, которыми они заряжены, значимые объекты и источники смысла продолжают обладать силой, с помощью которой они приковывают наше внимание и вызывают наши чувства. От Мнемозины, матери муз и самой памяти, нам достался термин, который Боллас удачно использует для обсуждения мнемической силы символических объектов. Слово «мнеми-

ческий» служит для обозначения объектов, которые влияют на нас, когда мы влияем на них, и их резонансные способности, возникающие из эстетики или памяти, задевают невидимые струны в глубинах *я*, и те оживают в ходе межличностного процесса (Bollas, 1993, p. 18). Чтобы локализовать эти объекты в области, которую мы уже описали как переходный мир, который находится не внутри и не вне психики, а в пространстве между психикой и социальным миром, он опирается на идеи Винникотта. Боллас предлагает характерный набор доступных для каждого из нас объектов такого типа, которые несут в себе потенциал для трансформации. И он предполагает, что психотерапия работает путем настройки на эти мнемические объекты. Она извлекает их из бессознательного и выводит на поверхность, где они запускают обновления и изменения. Он дает яркое описание этого процесса.

[Есть] истинная радость в обнаружении объекта, который несет в себе опыт, оказывающийся трансформирующим, поскольку он превращает глубоко скрытую структуру в нечто, проявляющееся на поверхности.

(Bollas, 1993, p. 53)

Независимо от того, является ли этот объект музыкальным произведением, точкой на местности или отношением, Боллас полагает следующее.

Эта внутренняя форма внутри нас, этот контур или форма другого, динамичная, но, казалось бы, последовательная, действительно скорее похожа на воскрешение чего-то внутри, поскольку мы подвергаемся аффективному влиянию движения через нас другого, кого-то, кто оставляет свой призрак, поселяющийся в нашем разуме и воскресающий, когда мы вызываем из памяти имя объекта.

(ibid., p. 56)

Мнемические источники в отношенческом и семантическом полях

В терапии динамическая граница взаимодействия между отношенческим и семантическим полями генерирует собственные мнемические объекты из репертуара, который каждый человек привносит в процесс. Они становятся движущими силами изменений, которые

делают трансформацию возможной. Они происходят из субъективного мира как терапевта, так и пациента/ов и занимают промежуточную территорию, общее пространство, создаваемое участниками процесса. Лучше всего их можно определить как межличностные «объекты», которые возникают только в пространстве между различными участниками терапии. В контексте группы эти межличностные «объекты» оживают, но вне контекста могут лишиться своего резонансного значения. Текущие или прошлые участники группы обычно рассказывают о том, что межличностные нюансы их совместного опыта — образы, переживания или события, которые значимы в группе — могут лишиться своего смысла, если участники встречаются вне группы.

Левенс рассказывает, как метафоры «облегчают (в группах) работу по пониманию симптомов». Она описывает симптомы как бессловесные представления, в свете которых «создание метафоры — это уничтожение симптома, в котором коренилась проблема. Метафоры часто несут в себе аффект, и понимание, [и] вербальные интерпретации могут быть неуместными» (Levens, 2011, р. 35–36). Порождающая сила образа и его символические ассоциации могут работать в качестве мнемических источников изменений. Здесь мы будем изучать эти процессы на примерах двух категорий пациентов. Я буду исследовать работу, которая проводится с людьми, получившими массивную психическую травму во взрослой жизни, а также с теми, кто несет на себе клеймо ранних и скрытых нарушений, проявляющихся в навязчивых повторениях депрессивных или пограничных симптомов. Символические отсылки, общие для этих двух категорий, будут исследованы путем выявления отличительных мнемических объектов — ангелов, — которые являются повторяющейся чертой четырех следующих виньеток.

Ангелы в индивидуальной, парной и в двух формах групповой терапии

Ангелы в индивидуальной психотерапии

Виньетка 16.1

Ангел в камере пыток — индивидуальная психотерапия

Дариус был верующим мусульманином из Ирана. Могло показаться что, он оставил религиозные убеждения позади, когда приехал в Ве-

ликобританию в поисках политического убежища. Стражи исламской революции, агенты аятоллы, убили его отца и брата в разное время и при разных обстоятельствах. После тюремного заключения он почти год скрывался под разными вымышленными именами, пока его семье не удалось вывезти его из страны. До этого он провел несколько лет в тюрьме, где его жестоко пытали и освободили только потому, что не добились от него ничего значительного и полагали, что насилие уничтожило его как политического оппонента, что было далеко не так. Его политические убеждения помогли ему адаптироваться к жизни в изгнании, но даже его сильный характер не смог уберечь его от симптоматических состояний, которые были следствием событий недавнего прошлого. Он был раздавлен отчаянием и депрессией.

В углу кабинета, где я его принимал, стояла кушетка для осмотра, которую использовали мои коллеги, доктора и медсестры. Рядом с диваном находился ящик для инструментов из нержавеющей стали, и он вызвал флешбеки опыта, пережитого Дариусом в тюрьме, когда его привязывали к скамейке, били по ступням и прикладывали электроды ко рту и гениталиям. Хотя он и нуждался в общении, которое принесло бы облегчение и позволило бы ему рассказать о себе, и эту возможность терапия ему давала, ему потребовались месяцы, чтобы он заговорил о том, что именно в начале каждой сессии заставляло его впадать в странную дрожь и тревожное подергивание. Только после того, как он сделал это признание, мы сменили кабинет, где проходили наши сессии, и начали непосредственно работать над его опытом жертвы пыток.

Его внутренний мир был наполнен страхом преследования, что характерно для травмированных беженцев. Сегодня мы называем это комплексным ПТСР (посттравматическим стрессовым расстройством). Его преследовали кошмары, поэтому он старался не засыпать, и у него был нарушен сон. В течение дня он находился в состоянии хронической повышенной бдительности и сильного возбуждения с параноидальными чертами. Ему всегда было не по себе, ему казалось, что за ним наблюдают, и на улице он петлял, чтобы иметь возможность оторваться от людей, которые могли случайно следовать за ним. Его проблемы с концентрацией, которые влияли на обучение английского языка и успеваемость в колледже, были симптомами, которые мешали ему больше остальных, и по мере продвижения в терапии они исчезли в первую очередь. Следующая надежда на успех появилась после сессии, на которой мы говорили об ангелах, которые будут фигурировать во многих последующих дискуссиях.

Некоторое время спустя, когда между нами установились доверительные отношения и этот вопрос уже не мог быть воспринят как осуждение или нападение, я спросил его, почему он думает, что после пережитых им в тюрьме ужасов его жизнь в изгнании теперь сопряжена с такими трудностями. Он усмехнулся и с каким-то черным юмором сказал, что ответ очень прост: когда он покинул свою страну, он там оставил ангелов. Находясь в тюрьме, когда он слышал шаги мучителей, идущих по коридору, чтобы отвести его в камеру пыток, он из последних сил вспоминал отрывок из Корана, описывающий полет ангелов. Ангелы доберутся до него раньше, чем откроется дверь камеры, и поддержат его, несмотря на то, что за этим последует боль. Когда мучители думали, что он полностью в их власти, в действительности он был с ангелами, и они сохранили ему жизнь. Однако теперь в Англии ангелов не было. Несмотря на его нерегулярные посещения мечети и обнадеживающее присутствие друзей и других выживших жертв, он вообще не мог найти ангелов. Позднее, когда он присоединился к группе и своим обаянием заслужил уважение других участников, однажды он пошутил над тем, что даже на станции лондонского метро под названием «Ангел» ангелов не было!

Почему в Англии не было ангелов? Часто истинный ужас суровых испытаний осознается выжившими только после самих событий. Регулярные флешбэки и видеоизмененное навязчивое повторение ужасающих событий в символической форме в сновидениях являются наиболее частыми последствиями массивных психических травм. Теперь мы знаем, что эти усилия предпринимаются подсознанием, чтобы обработать опыт, придать ему смысл и, если возможно, примириться с ним. Психотерапия для тех, кто пережил опыт, граничащий со смертью, должна обращать внимание на форму, в которой я подвергается угрозе уничтожения, и на то, каким образом необходимо взаимодействовать с аспектами неконтролируемой угрозы. Сновидения, фантазии, флешбэки и мечтания Дариуса были наполнены множеством символов, с которыми мы погрузились в его покрытый шрамами внутренний мир. Но где были ангелы?

Ангелы вернулись в символическую жизнь его бессознательного только тогда, когда мы стали подробно говорить о его политических и религиозных мотивах. Ангелы вернулись, чтобы во сне утешить его, когда он обнаружил, насколько, по его мнению, он далеко отступил от своих политических обязанностей, покинув родину. Его отец и брат заплатили своими жизнями за политическую позицию — как он вооб-

ще мог теперь наслаждаться жизнью? Ведь ангелы покинули его. Он понял это, когда мимоходом сказал, что никто, находящийся в изгнании, не имеет права на священную защиту — ангелы слишком заняты защитой тех, кто все еще находится в тюрьме в Иране. Это признание вызвало у него смех, и постепенно ангелы начали возвращаться. Утешение привело к нарастающей упорядоченности жизни, неуклонному ослаблению симптомов и все более целенаправленной способности «играть» даже с худшими из его прежних переживаний и преодолевать их.

Комментарий

Боллас описывает объектный мир как лексикон самопознания, в котором выбор объекта — это язык самовыражения, средство не только для представления бессознательных фантазий, но и для создания плотного психического опыта, способа мышления путем переживания. Ангел как трансформирующий объект Дариуса прошел через четыре стадии *диалектики самопознания* по Болласу, приведенные в таблице 16.2.

Таблица 16.2

Диалектика самопознания по Болласу (Bollas, 1993, p. 30–31)

1	Я использую объект — беру книгу, иду на концерт, звоню другу
2	Объект играет мной — в момент, когда я его «использую», специфическая особенность объекта трансформирует меня
3	Я теряюсь в самопознании — исчезает различие между субъектом, который использует объект для исполнения своего желания, и субъектом, с которым играет действие объекта. Это переходное пространство
4	Я наблюдаю я как объект — выйдя из самопознания или мечтаний, субъект думает, где он был. Это место сложносоставного я

Комментарий

Дариус не хуже меня знал, что на Земле нет ангелов, но мы оба понимали, что без них он не выжил бы. Они не были изобретением измученного разума и не были пришествием милосердного божества — они были и тем, и другим, и ни тем, ни другим. Как символические посредники между абсолютным ужасом и призрачной перспективой искупления, они действительно спасли его. Он звал ангелов, он звал их как спаси-

телей, а затем просто позволил объекту «поиграть» с собой. Ангелы как его собственные мнемические объекты работали над ним и с ним, как если бы он был объектом в их опыте, и он позволил это. И наконец, допустив это, он вошел в воображаемый мир и позволил себе «заблудиться» в нем — он вошел в переходный мир и населил его ангелами. И наконец, на втором году терапии он начал наблюдать за собой и анализировать стадии, в ходе которые он прошел через этот вид исцеления. Он оглянулся назад, туда, откуда пришел, и обратился ко мне. «Ты протянул мне руку человечности, сказал он, — и спас меня от моей печали». «Ангельское» — те силы выздоровления и обновления, которые сначала защищали его в тюрьме, а теперь способствовали его успехам в терапии, — содержалось в отношениях, которые мы создали, и именно эти силы он назвал «рукой человечности». Мы вернемся к Дариусу и к «ангелам», к которым он присоединился позже, в виньетке 16.3.

Ангел в семье – терапия пар

Виньетка 16.2

Ангел в семье

Габриэле, итальянский банкир, вместе со своей женой Стефани посещал терапию пар. В эти годы супружеской терапии каждый из них параллельно находился в отдельной терапии: Стефани работала с индивидуальным терапевтом, а Габриэле работал с наркологом над своей пограничной структурой личности и ее разрушительными последствиями для их семейной жизни. Стефани была вовлечена в бесконечные семейные сцены и скорее являлась частью проблемы, чем помогла в ее решении.

Они относились к привилегированному кругу богатых римских семей. Их привычный образ жизни включал употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры и регулярные измены. Пока отец Габриэле проигрывал в азартных играх большое наследство, сам он накачивался наркотиками и почти не скрывал любовных связей. Габриэле и Стефани отправили учиться в английские частные закрытые школы, затем они продолжили обучение в европейских университетах. Они познакомились, когда учились в Лондоне, где жили и сейчас, воспитывая трех дочерей. К тому времени, когда они обратились за терапией, Габриэле уже достиг высокого положения в банковской сфере.

Катастрофа случилась, когда одна из его любовниц была обвинена полицией в хранении наркотиков, и полицейские подозревали, что он был ее поставщиком. До этого момента Стефани не знала ни о любовницах, ни о наркотиках, но она поддержала мужа, и дело так и не дошло до суда. Шок и скандал, вызванный этими событиями, заставили их обратиться к психотерапевту, поскольку судебное преследование поставило бы под угрозу его репутацию банкира, которая и без того висела на волоске. На сессиях он вел себя с легкостью и самоуверенностью сильных мира сего, но это поведение несколько не вязалось с его неуверенностью и поразительной проницательностью, свойственной некоторым пограничным пациентам. Когда Габриэле чувствовал угрозу, Стефани становилась главной мишенью для вспышек гнева. В ходе терапии стало очевидно, что он испытывает чувство грубого презрения к жене, да и ко всем женщинам, кроме дочерей. Учитывая остроту его ума, многое в жене вызывало его презрение, но никто из нас не мог сравниться с ним по интеллекту, и, чтобы научиться управлять своими способностями с большей ответственностью, ему потребовались длительные периоды устойчивого контейнирования без ответных реакций на его провокации. Больше всего его волновали проблемы его дочерей. Оба родителя были преданы своим детям и старались окружить их такой заботой, которой сами были лишены. На сессиях Стефани часто рассказывала о любви Габриэле к их детям и о том, как они его обожают. Ее собственная патология усиливала ее связь с детьми, у которых она находила утешение, когда властное поведение мужа угрожало ей. Когда он научился сдерживать свою агрессию, она смогла заявить о себе, отказалась от убежища, которое обеспечивали ей дети, и в их отношениях стала проявлять себя как взрослый человек и демонстрировать сексуальность по отношению к мужу.

Спустя продолжительное время после начала терапии, когда в какой-то момент долгий период стабильности и удовлетворенности был снова прерван дикой вспышкой гнева Габриэле из-за какой-то небольшой оплошности со стороны Стефани, я задал ему необычный вопрос. Почему он решил жить с кем-то, кого, казалось бы, презирал? Он растерялся, и в этот обезоруживающий момент у него вырвались слова, которые оказали решающее влияние на терапию. Он отказался от своего обаяния и красноречия и несколькими неуверенными штрихами описал свою жену, которая сидела и смотрела на него с выражением страдания на лице, как женщину, у которой были крылья ангела, которыми она оберегала их детей от опасностей. Она защищала их всех.

Она была тронута до слез, и какое-то шемящее ощущение между ними привело к репарации. На последующих сессиях мы лучше поняли, что представляют собой эти ангельские крылья.

Он сказал, что объятия его жены, крылья ангела, сохранили их дом как место, где дети всегда будут в безопасности. Они ходили в дневную школу, и им не нужно было ходить в школу-интернат. Ее материнская забота дала детям такую беззаветную любовь, которой не было ни у одного из их родителей. Благодаря тому, что Габриэле отождествлял себя со своими детьми, и очевидной заботе, которой они наслаждались дома, он тоже получал удовлетворение своих основных потребностей, в чем ему отказывали его родители. Исследование вернуло нас к бедствиям, происходившим в детстве Габриэле, когда доминирующий отец-плейбой подавлял одинокую мать, и эти события оставили живой след внутри него. В конце концов он смог увидеть расщепление своего мира на компульсивное повторение поведенческого цикла отца и опустошающий детский стыд, который теперь угрожает вернуться в следующем поколении к его собственным детям. Пытаясь противопоставить себя расточительному поведению отца, он стал видным банкиром. Но утраченное *я* из мира его детства продолжало жить в нем, и через измены и наркотики он снова оказался в этом мире на позиции отца.

Со времени полицейского расследования он отказался от этих паттернов поведения, но все еще жил с постоянной тягой как к наркотикам, так и к сексуальной распущенности. Работа с супружеским терапевтом и постоянное посещение нарколога обеспечивали защиту от дальнейшего повторения этого поведения. Когда он смог осознать значение этих наркотиков и измен, он постепенно начал относиться к своему уже умершему отцу с меньшей мстительностью, что затем позволило ему простить себя. И это стало началом настоящего выздоровления. По завершении терапии, когда его спросили, что для них изменилось наиболее фундаментально, он ответил, что крылья ангела Стефани теперь и его заключали в объятия. Она объяснила, что знала о его наркотиках и изменах на протяжении многих лет. Она находила убежище в общении с дочерьми, научилась презирать Габриэле, но все еще мечтала о лучшей жизни. Теперь она знала, как сильно он жаждет проявлений ее сексуальности, и с облегчением обнаружила, что теперь он знает, как сильно она хочет его. Когда она позволила себе раскрыться перед ним, он наполнил ее своей любовью. Когда она думала о нем во время разлуки, она знала, что он снова взял на себя роль ее давно умершего деда, единственного уважаемого в ее семье че-

ловека, который называл ее «своим маленьким ангелочком». Но, по ее словам, теперь она была «большим ангелом» и имела сексуальные желания, которые, наконец, он уважал. Ей больше не нужно было в одиночку оберегать своими «крыльями» семью. Счастье, которое они обрели друг с другом, повлияло на всю их семью.

Комментарий

Мнемический объект в понимании Болласа, в данном случае жена как ангел для мужа и семьи, является широко распространенным символом в культурах многих обществ. Здесь жена предстает в виде благодатной фигуры с обаянием, подобными крыльям ангела, а муж имеет высокий уровень выраженной агрессии и несет ответственность за лживые проступки и ядовитые вспышки гнева. Она не мстит, поддерживает его, несмотря на предательство, и ждет, когда он вернется к той взаимности, которой они наслаждались в молодые годы. Это женщина, которую Уэллдон описывает как «мать» и «мадонну», к чьему ангельскому нраву в семье относятся с благоговением, а ее муж ищет сексуальность вне дома с «блудницами» (Welldon, 1992). Процесс исцеления, спровоцированный угрозой преследования извне, вовлек их обоих в успешную супружескую терапию, которая вернула им утраченную сексуальность. Это позволило Стефани стать более сильной и зрелой, и она стала сексуально активным «ангелом». Эта виньетка является очевидной иллюстрацией первых двух категорий по Болласу из таблицы 16.2 — успешное использование мнемических объектов и способность пары, в которой один был ангелом, позволить образу играть с ними. Следующие две категории из таблицы Болласа мы увидим в виньетках 16.3–16.4.

Ангелы в групповой терапии

Виньетка 16.3

Ангелы в группе беженцев

Эти события произошли в центре, в котором проходил терапию Дариус, описанный в виньетке 16.1. Там шла работа по реабилитации беженцев, переживших пытки и зверства. После года индивидуальной терапии

Дариус присоединился к малой группе, о которой шла речь в виньетке 2.1. Мы встречались во время событий 11 сентября, когда в Лондоне были введены строгие меры по обеспечению безопасности. Многие люди, посещавшие наш центр, опасались ареста. Большинство участников нашей группы ждали результатов либо прошения о предоставлении убежища, либо апелляции против отказа в убежище. Все они подверглись пыткам, и большинство из них были свидетелями ужасных смертей в странах, откуда они приехали — в Алжире, Ираке, Иране, Косово, Руанде и Сомали. Это было время сильного страха, напряжения и тревоги. Мы не знали, что у одного из наших участников ночью дома спецслужбы взломали дверь и арестовали его для допроса. Он отсутствовал на сессии группы, что вызвало вопросы, и в конце концов наш центр связался со спецслужбами. Во время допроса у этого участника группы произошел психотический эпизод. Полиция не знала, что делать с его состоянием, и с облегчением приняла помощь одного из наших психиатров. Вскоре его выписали и вернули в дом, в котором не было двери, и все имущество было вывернуто наизнанку в результате обыска. Мы встретились с ним и вернули его в группу, где опасения других участников только усилились. В конце концов полиция заверила его в том, что он стал жертвой незаконного ареста, но все мы были потрясены, когда услышали его рассказ об аресте: его разбудил полицейский в черном, лежа на нем с оружием и с фонариком, направленным ему в лицо. Он чувствовал себя просто раздавленным, потому что в его районе его все знали, и теперь он боялся, что его соседи будут видеть в нем угрозу.

Он жил на четвертом этаже муниципального жилого дома с открытыми балконами, обращенными во двор. Больше всего нас напугал его рассказ о том, что его семья, члены которой, как мы все знали, умерли, теперь часто приходила к нему через балкон и звала его присоединиться к ним. Он слушал, как они разговаривают с ним, и узнавал их голоса. Его лихорадило, мысли были беспорядочными, и он не мог долго говорить. К моменту окончания сессии все участники группы нервничали. Мы организовали его госпитализацию в местную психиатрическую больницу, где он провел три недели и, оставаясь там на ночь, приходил на сессии группы.

Его галлюцинации «заразили» двух других более хрупких участников группы посттравматическим психозом, и все они начали верить, что их умершие родственники, которых они называли «призраками», зывали к ним из другого мира. Мы восприняли это как призыв о по-

мощи в противодействии суицидальным идеям, и, поскольку хрупкая безопасность этих участников оказалась под угрозой, мы также направили их получать дополнительную психиатрическую помощь. Их флешбэки, связанные с посттравматическим стрессовым расстройством, превратились в причудливые зрительные и слуховые галлюцинации, которые приняли странный и пугающий вид — в них преобладали изуродованные образы их умерших близких, «призраков», которые продолжали звать их.

Джонасу, католику из Руанды, с громким голосом и сильным характером, так же как и Дариусу, о котором шла речь в виньетке 16.1, не нравилось пагубное влияние умерших на нас. К тому времени, когда Дариус присоединился к группе, у него было устойчивое ощущение реальности благодаря длительному курсу индивидуальной терапии. Джонас и Дариус пытались объяснить тем, кто столкнулся с галлюцинациями, что это патологические симптомы. Один из участников, албанец из Косово, чья жена в результате обстрела сербских военизированных формирований умерла, истекая кровью, на его руках, завязал новые отношения с женщиной, беженкой из Косово, и они полюбили друг друга. Однако теперь его умершая жена вернулась вместе с другими мертвыми, и им не понравилось, что у него отношения с новой женщиной. Джонасу и Дариусу не нравились эти «призраки», и они призвали своих товарищей по группе отослать их прочь. Так продолжалось несколько недель, пока группа вновь не обрела ощущение контейнирования. Троице участникам с галлюцинациями были подобраны лекарства, и чувство угрозы извне ослабело, но «призраки» все еще приходили поговорить со своими близкими. В конце концов Джонас рассказал группе об одной песне. Он поведал нам о чернокожих из Западной Африки, которые были проданы в рабство в Америку, об их страданиях, по его словам, подобных нашим, и о том, как они выучили английский и стали христианами. Он был единственным участником группы, который не был мусульманином. Он рассказал нам, что одна из великих песен времен рабства посвящена ангелам, которые пришли из-за реки Иордан по другую сторону смерти, чтобы собрать людей в конце жизни и увести их на небеса. Он сказал, что эта песня называется «Swing Low, Sweet Chariot». Позже некоторые участники нашли эту песню в Интернете. Но, предупредил он, «они не придут за вами, если вы покончите с собой. Если вы когда-нибудь захотите, чтобы они забрали вас на небеса, вы должны дожидаться их прихода». В исламе также есть запрет на самоубийство, и вызов, содержащий-

ся в словах Дариуса, создал возможность для резонанса и помог «выставить» ангелов против «призраков». Мы обсуждали это довольно долго, и в дискурсе преобладали серьезные размышления о том, какая из этих групп могла бы одержать победу. В последующие месяцы «призраки» исчезли окончательно.

Комментарий

В этой группе противопоставляются друг другу два контрастирующих множества мнемических объектов. Индивидуальное и социальное бессознательное участников поглощено переживанием высшей степени ужаса. Несмотря на прогресс в реабилитации и успехи отдельной и совместной терапии, они, подобно ветеранам, все еще остаются «в плену войны». В главе 10 для понимания лимбического резонанса используются достижения психоневрологии. Подвергшиеся насилию люди склонны к флешбэкам и могут быть частично ретравмированы посредством лимбического резонанса. Лимбические области мозга не подчиняются «нормативным» регуляторам, которые в других подобных случаях давали бы людям некоторую степень контроля над образами, которые появляются в сознании. Если эти пациенты могут быть легко «затоплены» стимулами, кажущимися «невинными», насколько же более опасными являются угрожающие действия, совершаемые теми, кто, по их мнению, отвечает за их безопасность. Высшая степень ужаса, переживаемого ими, теперь проявляется в психотических объектах, которые возникли из их социального бессознательного. Группа рассматривала «призраков» как «пагубное влияние мертвых». Мне и моему котерапевту они напомнили призрак Банко в «Макбете». Каждый из этих участников, находящихся в психотическом состоянии, был, подобно Макбету на сцене, прижат к стене и охвачен ужасом перед тем, что они могли «увидеть», который усиливался ужасом перед тем, что они слышали и видели вокруг. «Ангелы», о которых рассказал один из участников, исходя из своих знаний об афроамериканских спиритчуэлс, стали противовесом этим ужасам. Группа получила новые мнемические объекты, которые были восприняты всерьез и исследованы в качестве реальных источников смысла, а затем обратили в бегство все ужасы. Без сомнения, нейролептики сделали свое дело, но до сих пор в группе иногда говорят об ангелах и призраках. Когда Дариус рассказал остальным участникам, как во время пыток ангелы поддерживали его жизнь (это было описано в виньет-

ке 16.1), он понял, что покинувшие его ангелы вернулись, как выразился один из участников, «подобно джинну», чтобы дать группе силы защитить их всех.

Действие заключительной в этой главе виньетки разворачивается в группе, в которой в частной практике идет работа с пациентами со сложными и стойкими психологическими проблемами. Это длительная терапия, и продолжительность пребывания в группе для разных участников является разной.

Виньетка 16.4

Лестница Иакова в группе

В начале сессии Мелани с неловкостью пытается что-то сказать. Она не знает, как быть, и не знает, как об этом говорить. Она улыбается, краснеет, запинаясь и начинает снова. На выходных она была у бабушки (мы знаем, что это для нее убежище, и только там она чувствует себя в безопасности) и кое-что там забыла. «Ну, — говорит один из участников, — заберешь в следующий раз». Она не отвечает и, смущенно глядя в пол, снова запинаясь. «Я никому не могу об этом рассказать». «Так расскажи нам», — говорит кто-то из участников. «Должно быть, это что-то очень важное, раз ты так покраснела», — говорит одна из женщин, Нафиса. «Это был мой вибратор, — говорит Мелани, — и порнофильм, который я смотрела, когда использовала его. Они даже были без упаковки. Я просто забыла их в ящике рядом с моей кроватью, и я знаю, что у бабушки были и другие гости, которые собирались использовать эту комнату, когда я уеду. Ей придется освободить этот ящик для них, и она наверняка все найдет». Нафиса говорит: «Да, неловко. Как это произошло?». И затем она как будто выступает в защиту Мелани и обращается к группе и ведущему: «И не спрашивайте ее, почему она хотела, чтобы ее бабушка нашла это. Прوماхи случаются!». Мелани, корчась от стыда, продолжает что-то рассказывать нам. Кто-то примирительно смеется. Она живет одна и использует группу, чтобы поговорить о неудовлетворительных связях с мужчинами, с которыми она встречалась в течение какого-то времени. Один из участников говорит ей: «Ну, мне это помогло лучше узнать тебя. Я всегда думал, что ты „выше всего этого“, а теперь я знаю, что ты мастурбируешь, как и я, и теперь мне меньше стыдно за нас обоих». Затем он спраши-

вает Мелани: «Что самое плохое случится, если она все же найдет это?». Мелани отвечает: «Ну, она меня любит. И когда мы желаем другу другу спокойной ночи или когда я прощаюсь, когда ухожу, она обращается ко мне: „Мой ангел“. Что теперь она обо мне подумает?» Другой участник спрашивает: «Как ты думаешь, у ангелов есть вагины?». Вся группа смеется, особенно Мелани. Возникает серьезная дискуссия о том, есть ли у ангелов вагины. Другая участница говорит: «У твоей бабушки должна быть вагина, иначе тебя бы здесь не было». Все смеются еще больше.

Другая участница, Линда, которая иногда бывает в отчаянии из-за своих суицидальных мыслей, напоминает нам о том покое, который она испытывает, когда, охваченная своими «мрачными картинками», как она их называет, приезжает в город Бат. Иногда она едет туда на выходные, берет свой блокнот и, сидя перед аббатством, зарисовывает сцену «полета ангелов», изображенную в скульптуре над фасадом. «Это для того, чтобы описать сон Иакова», — говорит она нам. Участники спрашивают ее о сне, и она отвечает: «Иаков сделал что-то ужасное, я не помню, что именно». Нафиса, мусульманка, хорошо знающая Коран, рассказывает нам, что он совершил. Мелани снова включается в разговор и добавляет: «И затем он убегает из дома и засыпает на камнях. Во сне он видит полет ангелов между небом и землей. Над фасадом аббатства есть ангелы, и я часто придумываю истории о том, куда они направляются. Один из них пришел к Иакову, чтобы освободить его от вины. Думаю, меня они тоже могли бы навестить». Один из участников говорит: «Что же, мы пытаемся это сделать. Мы все время говорим тебе, что ты не виновата, а ты отвечаешь, что ты просто кусок грязи под ногами. Что бы об этом подумали ангелы?». Все снова смеются. Линда поддержала Мелани, и обе они не остались в одиночестве. Дискурс в группе превратил дискомфорт Мелани во что-то воодушевляющее, и мы узнали, что Линда, которая раньше была самой депрессивной участницей группы, почувствовала облегчение.

Еще один депрессивный участник группы, Марк, старающийся держаться изолированно, был плохо знаком с остальными участниками группы и большую часть времени вел себя замкнуто. Он еврей и следует предписаниям своей религии. Он много лет жил один. Марк рассказывает, что в его общине вечером пятницы исполняют особое песнопение. Оно называется «Шалом алейхем» и рассказывает историю ангелов, которые приходят в пятницу вечером. «Это отличная мелодия», — говорит гитарист, который является участником нашей

группы. Он слышал, как кто-то из знаменитостей играл ее на гитаре. Он рассказывает нам о знаменитом гитаристе, который сделал аранжировку этой песни. Кто-то еще спрашивает, что делают эти ангелы в пятницу вечером. Марк рассказывает группе о фольклоре евреев Восточной Европы. Когда в пятницу вечером прихожане собирались в синагогах, а затем расходились по домам, их можно было легко опознать, и они часто подвергались опасности. «Итак, они представили, что ангелы пришли защитить их по дороге домой, и сочинили об этом песню. Это последняя песня, которую мы поем в синагоге на пятничной вечерней службе. И я представляю, как ангелы провожают меня до дома». Один из участников спрашивает: «Ты всегда дома один?». Марк грустно отвечает: «Да». Нафиса говорит: «Я хотела бы пойти с тобой к тебе домой и приготовить ужин, но он мне не разрешает». Она указывает на ведущего, и вся группа смеется.

Комментарий

Позже участники группы узнали, что во время следующего визита Мелани в дом своей бабушки она нашла свой вибратор и фильм в том же верхнем ящике прикроватной тумбочки, где их забыла. Ее бабушка продолжала относиться к ней с такой же любовью, как и всегда, и использовала то же обращение «мой ангел», когда желала ей спокойной ночи. По мере того как дискурс переходил к другим фигурациям, в группе сохранялась атмосфера откровенности, бесстрашия и прямой открытости для обсуждения различных сфер жизни. Одиноким участник нашел любящую женщину, с которой можно приготовить ужин в пятницу вечером, а депрессивная участница стала сильнее и увереннее и позже встретила мужчину, от которого теперь ждет ребенка. Вехи развития — это видимые черты пути разных участников группы, и ангелы всегда будут рядом, чтобы иметь возможность вернуться.

Межличностная валидация

Традиционные аналитические инструменты дают слишком мало, чтобы раскрыть более глубокие уровни, на которых может проявляться расстройство характера. Язык компульсивных желаний сам по себе относительно поверхностен, поскольку дает нам доступ к дина-

мике, которая управляет паттернами отношений, включая их выбор. В виньетке 16.2 за компульсиями, которые руководили агрессивным поведением Габриэле по отношению к его жене, да и его собственными злокачественными привычками, скрываются попытки найти то, что я позже назвал мечтой о репарации. Унижая свою жену, Габриэле подсознательно воспроизводит слишком знакомые паттерны, но возвращается он к ним в надежде их исправить. Чувство стыда, которым было омрачено его детство, означает, что он возвращается на это поле в надежде на некоторое повторное корректирующее переживание первоначальной травмы. То, что люди остаются партнерами в контексте такого взаимодействия, неизбежно означает, что как совершение такого поведения, так и реакцию на него следует понимать в терминах общего внутреннего объекта. Дикс был первым, кто использовал этот термин, который отражает ощущение «появления во время [супружеской] терапии главного внутреннего объекта, который, похоже, является общим у партнеров в их браке» (Dicks, 1989, p. 205–206). Кто пребывает в чем? В большинстве таких случаев трагедия заключается в том, что возвращение вытесненного или возвращение к привычному становится скорее воспроизведением, чем корректирующим повторным проживанием, и это чаще всего так, потому что на бессознательном уровне другой партнер пытается пройти точно такой же квест в обратном направлении. Они мешают друг другу, и каждый в конечном итоге воспроизводит то самое поведение, от которого убегает.

Мы можем перенести ценную концепцию Дикса из семейной терапии в групповой анализ и пронаблюдать, как в виньетках 16.1, 16.3–16.4 в терапии проявляются *главные внутренние объекты*. В виньетке 16.1 они берут свое начало в отчаянных и опасных для жизни обстоятельствах, которые повторно всплывают в ходе индивидуальной психотерапии, а в виньетке 16.3 возникают как «ангелы», которых участники противопоставляют мнемическим объектам своего общего психоза, чтобы вернуть группе ощущение безопасности. В виньетке 16.4 мы обнаруживаем отдельные и ранее не связанные ссылки на ангелов разных видов, населяющих *общую зону* группы, где они возникают в ходе ее дискурса, и становятся связующими метафорами трансформирующего опыта.

В работах Брауна, которые мы обсуждали в начале этой главы, нам предлагается концепция межличностной валидации, с помощью которой мы можем увидеть, как пара из виньетки 16.2 в конеч-

ном итоге может освободиться от своего сговора. По моему мнению, этот термин описывает наиболее ценное из того, что люди дают друг другу в двух виньетках (16.3—16.4), посвященных групповой работе. Боллас, в свою очередь, обеспечивает нас языком, жаргоном, подходящим для обращения к глубоко укоренившейся символической форме, в которой до сих пор происходили их разыгрывания. В виньетках 16.3—16.4 общие внутренние объекты участников возникают из дискурса групп и с использованием жаргонов этих групп, чтобы усвоить такую форму слов, которая позволяет «возвысить я», как выражается Боллас. Когда мы исследуем дискурс и позволяем мечте о репарации, которую ищут люди, стать призраком, новым явлением в их обычной жизни, тогда ангельские крылья могут стать языком как выживания, так и трансформации. Это метафоры метаморфоз.

Примечания

1. Эта глава является адаптацией статьи, опубликованной под названием *The Social World of the Forsaken Psyche*, в журнале *Group Analysis* в декабре 2001 года. Выражаю признательность издательству «Sage» за разрешение на ее использование. Впервые она была представлена на учебном мероприятии, посвященном работе Дэнниса Брауна, которое состоялось в Центре группаналитической практики 20 октября 2001 года. Я хотел бы особо отметить ценный вклад участников этого мероприятия, в частности, покойного Дэнниса Брауна.

Литература

- Auden W. H. (1966). *Collected Shorter Poems 1927–1957*. London: Faber.
- Auden W. H. (1979). *Musee des Beaux Arts* // E. Mendelson (Ed.). W. H. Auden: *Selected Poems*. London: Faber. P. 79.
- Bateman A., Brown D., Pedder J. (2000). *Introduction to Psychotherapy*. London: Routledge.
- Bion W. (1959). *Attacks on Linking* // E. B. Spillius (1988). *Melanie Klein Today*. V. 1. London: Routledge. P. 87–101.
- Bollas C. (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. London: Free Associations Press.
- Bollas C. (1990). *Creativity and Psychoanalysis* // C. Bollas. *The Mystery of Things*. London: Taylor & Francis. P. 167–180. Reissued in: Gerard

- Fromm M. (Ed.). *The Spirit That Impels: Play Creativity and Psychoanalysis*. London: Karnac. P. 3–20.
- Bollas C. (1993). *Being a Character: Psychoanalysis and Self-Experience*. London: Routledge.
- Brown D. (1994, 2000). *Self Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. Republished: Maratos J. (Ed.) (2006). *Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown*. London: Routledge. P. 107–123.
- Chalkley J. (2015). *The Content of Psychological Distress: Addressing Complex Personal Experience*. London: Palgrave Macmillan.
- Cox M., Theilgaard A. (1997). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley Press.
- Dicks H. (1989). *Marital Tensions: Clinical Studies Towards a Psychological Theory of Interaction*. London: Karnac.
- Freud S. (1917, reissued 1984). *Mourning and Melancholia* // S. E. 14. V. 11. Pelican Freud Library. Reissued: London: Penguin Freud Library. P. 237–258.
- Langmuir E. (2010). *A Closer Look: Allegory: National Gallery Guide*. London: National Gallery Company.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Modell A. (2011). *Metaphor, Meaning and the Mind* // S. Montana Katz (Ed.) (2013). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge. P. 59–66.
- Montana Katz S. (Ed.) (2013). *Metaphors and Fields: Common Ground, Common Language and the Future of Psychoanalysis*. London: Routledge.
- Ogden T. H. (1993). *The Analytic Management and Interpretation of Projective Identification* // A. Alexandris, V. Grigoris (Eds). *Counter-Transference: Theory, Technique, Teaching*. London: Karnac Books.
- Ovid. (2004). *Metamorphosis: A New Verse Translation*. London: Penguin Classics.
- Pines M. (2015). *Collected Papers*. London: Routledge.
- Schlapobersky J. (1994, 2000). *The Language of the Group: Monologue, Dialogue and Discourse in Group Analysis* // D. Brown, L. Zinkin (Eds). *The Psyche and the Social World*. London: Routledge. P. 211–231. Reissued: Jessica Kingsley Press. P. 211–231.

- Schlapobersky J. (1996). A group-analytic approach to forensic psychotherapy: From the speech of hands to the language of words // C. Cordess, M. Cox (Eds). *Forensic Psychotherapy: Crime, psychodynamics and the offender patient*. Vol. 1: Mainly theory. London: Jessica Kingsley. P. 227–243.
- Schlapobersky J. (2001). The Easy Hand: The Problems of Domestic Violence in Marital Psychotherapy // *Journal of the Society for Psychoanalytic Marital Psychotherapy*.
- Schlapobersky J., Pines M. (2009). Group Methods in Adult Psychiatry // M. Gelder et al. (Eds). *The New Oxford Textbook of Psychiatry*. Oxford: Oxford University Press. P. 1350–1369.
- Smail D. (2001). *The Nature of Unhappiness*. London: Constable.
- Weegmann M. (2014). *The World Within the Group: Developing Theory for Group Analysis*. London: Karnac.
- Welldon E. V. (1992). *Mother, Madonna, Whore: The Idealization and Denigration of Motherhood*. London: Karnac.
- Winnicott D. W. (1963, 1985). Communicating and Not Communicating Leading to a Study of Certain Opposites // D. W. Winnicott. *The Maturation Process and The Facilitating Environment*. London: Hogarth Press. P. 179–192.
- Wojciechowska E. (1993). *The Group as Transformational Object: Fusion, Transition, Transformation*. Theory Paper. London: Institute of Group Analysis.

Локализация, перевод, интерпретация

Суть группаналитической модели

Локализация беспокойства — это новое понятие... Если посмотреть на психологическое беспокойство... которое локализовано, как на происходящее между индивидами, из этого следует, что оно никогда не может быть полностью ограничено отдельным индивидом... Тотальность конфигурации ставит другой акцент на беспокойстве, проявляющемся в любом индивиде... [Локализация] беспокойства в группе... неизменно выдвигает ведущего на его позицию лидера... находящегося не только внутри и вне группы, но также внутри и вне себя одновременно.

(Foulkes, 1948/1983, p. 127–128)

Правильная интерпретация — не обязательно приятная интерпретация. Интерпретация может переживаться как нападение и унижение. Правда не является объективной и беспристрастной — она всегда индивидуальна. Только в развитии доверительных личных отношений люди могут добраться до своей истины и высказать свою правду, и тогда речь раскрывает больше, чем скрывает.

(Pines, 2015a, p. 5)

Когда я нахожусь на сессии какой-либо из моих групп, я регулярно задаю себе вопрос «Что здесь происходит?». И иногда мне вспоминается радиоспектакль, который мы слушали в детстве. В нем группа узнаваемых персонажей на сцене перед студийной публикой созда-

ет вступительную сцену комической суматохи. Наконец появляется полицейский, который, судя по смеху, звучащему по радио, выглядит как объект насмешек. Он кричит: «Привет, привет, привет, привет! Что же здесь происходит?». Мы каждый раз смеялись. Эта картина нелепого полицейского, допрашивающего шестерых комических негодяев, вряд ли является хорошим способом представить суть локализации, лежащий в основе модели группового анализа. Для ведущего не всегда разумно задавать группе вопрос «Что здесь происходит?», так как он не играет в группе роль полицейского, да и вряд ли должен вызывать насмешки. Доверие ведущего к группе будет проявляться в его внимательном участии, любопытстве и, прежде всего, в его убежденности в том, что разворачивающиеся события имеют значение, которое все могут оценить, и что это будет полезно для всех присутствующих. Когда в группе происходят фрустрирующие события, а она отказывается придавать этому смысл, ведущий может подождать, пока участники это сделают, или выразить открытое недоумение и использовать вопрос полицейского, а то и его тон, и после этого ситуация получит свое развитие. Я считаю, что если мне может быть смешно или я могу удивиться неприятным или неожиданным событиям, как и любой участник группы, это наделяет меня способностью внушать доверие перед лицом предстоящих трудностей. Затем мне необходимо показать, что, во-первых, я могу контейнировать происходящее в группе, а во-вторых, что, я хочу, чтобы мы исследовали новизну трудного момента, как выразилась Уоттон (Wotton, 2011). Эта химия внутри меня может стать катализатором, который поможет группе продвинуться от отношенческого к рефлексивному измерению, как описано в главе 2.

Термин «локализация» появился в первой из упомянутых выше книг Фукса и является ключевым в нашем подходе, хотя использовался довольно непоследовательно, исчез в книге, написанной в соавторстве с Энтони в 1957 году, и вновь появился в «Терапевтическом групповом анализе» (Foulkes, 1964) и снова в работе «Группаналитическая психотерапия: методы и принципы» (Foulkes, 1975). В этой главе я свяжу этот термин с другим ключевым понятием, разработанным Фуксом, с *переводом*, и оба этих определяющих группаналитических термина — с *интерпретацией*, которая является центральной для психоаналитической практики. К использованию интерпретации в групповом анализе Фукс относился сдержанно, настаивая на том, что анализ, как более широкая концепция, включающая в себя ло-

кализацию и перевод, должен иметь приоритет. В этой главе мы обсудим эти вопросы. В своей собственной практике я научился использовать эти три принципа комплексно и обнаружил, что связь между ними направляет меня во всем, что я делаю. Наши студенты ценят этот комплексный подход, но, несмотря на кажущуюся очевидную потребность в интеграции, существует недостаточно публикаций на эту тему. В своей недавней статье Фридман дает краткое изложение имеющихся работ по интеграции (Friedman, 2014). В этой главе предпринимается попытка обосновать рабочую связь между тремя принципами терапевтического вмешательства. Структура, предлагаемая в этой книге в форме различных измерений и доменов, закладывает основы для изложенного ниже. Я использовал доступные публикации Фукса и Энтони в качестве исходного материала по этим трем принципам терапевтического вмешательства и постарался максимально упорядоченно изложить эту информацию в таблицах 17.1–17.4.

Ведущий (дирижер), дирижерская палочка и студент

Будучи студентом, я часто оказывался в растерянности, и, хотя кратчайших путей к компетентности нет, вопросы и опасения, которые озвучивают наши студенты на протяжении поколений обучения, указывают на некоторые из пробелов, которые пытается устранить эта книга. В супервизионной группе, в которой я проходил свой тренинг, тогда мы все были неопытными специалистами и работали вместе, создавая группы, с которыми мы работали в условиях стационара, чтобы выполнить учебные требования. Однажды одна из моих коллег пришла на супервизию и, посмеиваясь, рассказала об одном инциденте, произошедшем на первой встрече ее группы.

Виньетка 17.1

Где дирижерская палочка?

Моя коллега провела серию подготовительных индивидуальных встреч с каждым из потенциальных участников ее группы, как нас учили, а затем они впервые собрались как группа. Эта группа вошла в предсказуемую начальную стадию последовательного монолога (описанного в главах 2 и 4), сопровождающегося резкими и тревожными вопросами и ответами, за которыми следовало молчание, которое ведущая стара-

лась не прерывать. Примерно через двадцать минут один из участников группы, Бэзил, человек с очень конкретным пониманием обстоятельств и ситуации, сказал: «Ну, а когда вы собираетесь начать?». Ведущая в свою очередь спросила: «Начать что?». И он сказал: «Вести группу». Она спросила: «Что вы имеете в виду?». Он ответил: «Ну, вы сказали нам, что будете ведущей этой группы, по крайней мере, так вы сказали мне, когда мы встречались один на один. И затем, когда мы сегодня начинали, вы представились как ведущая группы. Но вы ничего не *делаете!*». Она ответила: «Мы начали двадцать минут назад, и с того момента я веду группу». Он снова сказал: «Но вы ничего не делаете!». Она спросила: «Как вы думаете, что я должна делать?». На это он ответил: «Но это смешной вопрос. Я не знаю, что вам делать. Когда мы встретились, вы сказали мне, что будете вести эту группу, и это поможет нам поправиться. А теперь вы ничего не делаете. И вы просто уворачиваетесь от моих вопросов!».

Я до сих пор улыбаюсь, когда вспоминаю тот наш смех. Если бы в тот момент моя коллега ответила Бэзилу, сказав, что она будет делать какую-то *локализацию, перевод*, а затем *интерпретацию*, он, возможно, действительно встал бы и ушел. Это была первая встреча первой группы, которую она вела, и она упустила момент, чтобы сказать что-то участникам группы о предстоящей свободно текущей дискуссии. В то время обучение в нашем институте вряд ли соответствовало этой концепции. Теперь ведущей пришлось объяснить термин и метод свободно текущей дискуссии, и она призвала остальную часть группы помочь ей разобраться с вызовом Бэзила. Он был на грани ухода из группы, но остался. Три года спустя, когда группа готовилась к окончанию своей работы, ведущая напомнила всем о вызове Бэзила на их первой сессии. В течение нескольких лет они продуктивно работали над всеми тремя измерениями психотерапии, которые описаны в главе 2, и с юмором вспоминали вопросы, которые тогда в растерянности задавал Бэзил. «Знаете, — сказал он, — я даже думал, что вы придете с дирижерской палочкой!»

Комментарий

Мартин предлагает подход, кратко изложенный в главе 3, который может нам помочь с локализацией этой начальной тревоги и продемонстрировать полезность наших развивающихся теоретических положений,

закрепленных в этой книге. Он описывает, как люди, которые обращаются за психотерапией, впервые встречаются с групповым аналитиком, вступая в отношения в диаде, после чего включение в группу может восприниматься как сложный психологический скачок через пропасть. Бэзил, выражая свое отношение к другим участникам, считал «прыжок» слишком большим и, вероятно, очень хотел вернуться к более безопасным отношениям с ведущей. На явном уровне его протест был связан с кажущимся бездействием ведущей, но за этим, вероятно, скрывался протест против утраты близости. Ведущая понимала, что и его протест, и его стремление были выражены от имени группы и стали первым шагом к триадической способности к связанности — началу «модели трех». Ведущая предложила участникам поговорить о протесте Бэзила. Таким образом, она превратила свой диалог с Бэзилем в дискурс в группе. Читатели могут оценить качество рефлексивного понимания, с помощью которого ведущая *локализовала беспокойство* и предприняла верные шаги для установления первичного ощущения связанности. Новизна ситуации ограничивала участников группы отношенческим измерением, и ведущая аккуратно возвращала в них способность справляться с их первой задачей установления общности без использования ее собственного рефлексивного наблюдения и без попыток перевода или интерпретации. Участники установили общность в ходе разговора о ведущей и обсуждения того, что она сделала и что она должна была сказать на подготовительных сессиях и вступительной встрече. Ведущая присутствовала при этом и поощряла обсуждение. Переход к рефлексивному измерению, позволившему осуществить перевод, произошел позже, и только потом последовало перемещение в репаративное измерение.

Три принципа терапевтического вмешательства в группах

На рисунке 17.1 показана динамическая взаимосвязь между тремя принципами терапевтического вмешательства, среди которых преимущество отдается локализации. Без нее переводить будет нечего, а интерпретация может быть только слепой. Внешний круг стрелок показывает движение по часовой стрелке от понимания ведущего — локализации — к новому смыслу, созданному в группе в процессе перевода, который будет инициирован ведущим, а затем принят группой. После этого работа по переводу приведет к интерпретации.

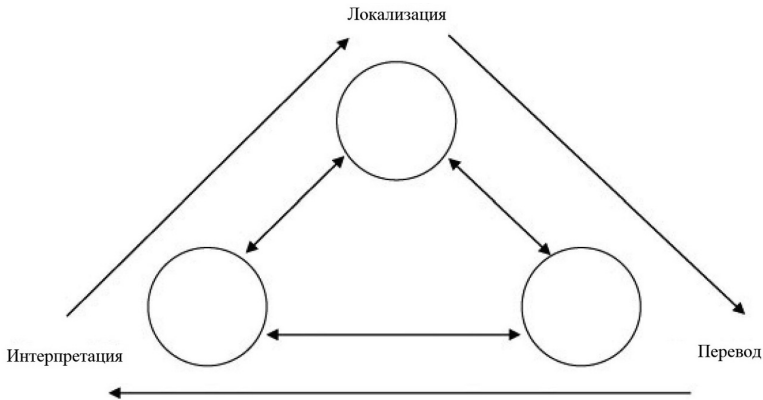


Рис. 17.1. Три принципа терапевтического вмешательства в группах: локализация, перевод, интерпретация

Внутренний круг стрелок показывает эти же три принципа в контексте устойчивой и динамичной взаимосвязи друг с другом, что даст нам еще один способ мыслить об этих принципах. Мы можем рассматривать эти принципы как разные способы обсуждения одного и того же, причем каждый принцип привносит одно выразительное качество из расширяющегося цикла развития.

Этот цикл развития, рассматриваемый в соответствии с любым направлением стрелок, включает движение через три измерения психотерапии, пять фаз группового развития, три языковые формы группы и переход от стремления к принадлежности. В тех точках, когда группа оказывается в тупике, возникает сопротивление или регресс, ведущему необходимо использовать принципы локализации, чтобы помочь с пониманием момента и следить за дальнейшим движением вперед путем перевода с символического языка симптомов, конструкты и компульсии которого могут быть переведены на язык реального, которое, в свою очередь, порождает новые уровни аутентичности связной совокупности опыта. Сохраняя открытыми каналы между четырьмя доменами опыта группы — текущим, связанным с переносом, проективным и первичным — ведущий гарантирует, что бессознательные образы первичного могут отражаться и получать информацию от деятельности текущего домена. Проективный и связанный с переносом домены, через которые искажения проецируются в круг группы, доступны для интер-

претирующего комментария. Таким образом, сохраняя голограммы проницаемыми для взаимного влияния, ведущий и группа вместе перерабатывают генерируемые группой метафоры, превращая их посредством интерпретации в мутативные, и избавляют людей от страданий, которые привели их в терапию, позволяя им внутренне расти и развиваться.

Локализация

Первое высказывание Фукса о локализации приведено в цитате из его первой книги, которая открывает эту главу. Его более четко сформулированные утверждения по этому поводу почерпнуты из двух его последних книг.

В каждое событие, даже если в нем явно участвуют один или два участника, на самом деле вовлечена группа как целое... [Это событие является] частью гештальт-конфигурации, где оно является «фигурой» [передним планом], тогда как фон проявляется в остальной части группы... Локализация — [это] процесс, который воплощает в жизнь эту скрытую конфигурацию... [и это] не всегда простой вопрос.

(Foulkes, 1964, p. 110)

Здесь указания Фукса не подводят нас к следующему шагу с точки зрения того, что на самом деле *делает* ведущий после того, как скрытая конфигурация была воплощена в жизнь. Его более поздние указания имеют большое значение, но все еще неясны. Вот, что он пишет по этому поводу:

Локализация предполагает, что ведущий осознает соответствующую конфигурацию наблюдаемых явлений... Он может угадать подходящий тон, в котором группа говорит в данный момент. Только ответив группе в том же ключе, он может надеяться, что его относительно хорошо поймут... Хороший ведущий, хороший терапевт отвечает на языке, на котором сказанное доходит до него, на языке, используемом участниками группы.

(Foulkes, 1975, p. 131)

Когда ведущий отвечает группе в ее ключе и на ее языке — языке, на котором сказанное доходит до него, — что на самом деле он гово-

рит и с какой целью? К сожалению, Фукс снова не дает ясного ответа и ориентиров. Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно перейти к его следующей концепции — *переводу* — и интегрировать ее вместе с локализацией. Как только эти два принципа клинической работы будут изложены в этой главе, мы можем добавить к ним интерпретацию, чтобы завершить картину. Но мы можем ожидать, что даже в пояснительных деталях таблиц 17.1–17.4 мы снова обнаружим оставшиеся без ответа вопросы Фукса, неполные формулировки и незаконченные дела.

Перевод

Этот термин впервые используется Фуксом и Энтони в их совместной книге, где приводится его единственная исчерпывающая трактовка (Foulkes, Anthony, 1965). Хотя позднее этот термин используется в еще двух книгах Фукса, он в них не добавляет ничего нового к понятию перевода, за исключением улучшения некоторых определений, как, например, в «Терапевтическом групповом анализе», где он определяет «*перевод* [как] эквивалент превращения в сознательное подавленного бессознательного в психоанализе» (Foulkes, 1964, p. 111). В своей книге «Группаналитическая психотерапия: методы и принципы» он пишет следующее.

Анализ — это работа, направленная на то, чтобы сделать бессознательное значение или выражение осознанным... [это] двойной процесс, идущий снизу вверх... и с поверхности вниз... *перевод* с одного способа выражения чего-либо, с одного языка на другой, с [языка] симптоматического и символического значения на [язык] четкого понимания того, что поставлено на карту.

(Foulkes, 1975, p. 111)

Фукс и Энтони дают исчерпывающее описание *перевода*, а в таблице 17.1 приводится систематическое изложение их материала. Они стремятся «открыть неизвестные и непризнанные мотивы и мотивации» и сделать эти открытия возможными, «создавая терапевтическую ситуацию». «Для всей этой задачи, которую можно сравнить с расшифровкой кода», слово «перевод» будет «исчерпывающим обозначением» (Foulkes, Anthony, 1957/1984, p. 39). Хотя эта книга является наиболее убедительной из всех работ Фукса, изложенные в ней идеи все же требуют упорядочивания, чтобы можно было понять,

Таблица 17.1

Двенадцать особенностей групповой психотерапии, вытекающих из принципа перевода по Фуксу и Энтони (Foulkes, 1975, p. 55–60; Foulkes, Anthony, 1957/1984)

	Описание/определение перевода	Терапевтические цели перевода
1	Перевод снижает цензуру в коммуникации	Прийти к вытесненному и бессознательному смыслу симптомов постепенно и поэтапно
2	Также снижается цензура в коммуникации относительно отношений участников с другими в группе, в том числе с ведущим	Развить свободное и откровенное раскрытие личных чувств и переживаний
3	Ведущий принимает и поощряет коммуникации, которые невозможны в обычных социальных ситуациях	Позволить участникам группы приблизиться к социальному бессознательному
4	Индивидуальности участников группы выходят на первый план, и участники становятся полноценно и активно вовлеченными в процесс работы	Позволить участникам группы полноценно и активно участвовать в работе и говорить и вести себя как можно более спонтанно
5	Постепенно развивается тип общения, который мы называем «свободно текущей дискуссией»	В ходе свободно текущей дискуссии, полностью ведомой спонтанным настроением группы и ее участников, ведущих и группа принимают все, что возникает в любой момент каждой сессии
6	Все перечисленное в пп. 1–4 является материалом для перевода и интерпретации	Переводом и интерпретацией занимается вся группа, а не только ведущий

7	Тот факт, что участники приходят в группу, потому что страдают и нуждаются в помощи, является движущей силой сотрудничества в терапевтической ситуации	Когда какой-либо участник рассказывает о своих страданиях, это имеет огромное терапевтическое значение
8	Участники начинают понимать и ценить взаимный характер обмена	Участники продвигаются в самопознании благодаря тому влиянию, которое они очевидно оказывают на других, и влиянию других, оказываемому на них самих
9	Группа как целое получает информацию от индивидуальной коммуникации	Коммуникация отдельного участника происходит от имени группы как целого
10	Участники группы – активные участники терапевтического процесса	Участники являются не просто «получателями» терапии, но и движущими силами собственного роста и развития
11	Выявляются бессознательный смысл, мотивация и межличностные реакции	Исследование затрагивает глубокие эмоции, а не только человеческий интеллект. Непосредственные реакции участников друг на друга и оценка своих ошибок являются частью этого процесса
12	Каждому участнику, чтобы понять себя и других, требуется проделать определенную работу. Эта «умственная работа и межличностные усилия» имеют важнейшее значение	Эта работа высвобождает факторы, которые повышают степень инсайта участников, и создает «тренировочную площадку», где их отношения с другими могут быть протестированы и изменены

как лучше всего применить их к практическим задачам групповой психотерапии. Я изменил некоторые выражения в тексте, но попытался отнестись с уважением к большей части исходных формулировок и, чтобы подчеркнуть основные идеи их подхода, сгруппировал их в двенадцать пунктов. Эти двенадцать пунктов являются моей личной разработкой, и я также рекомендую читателям обратиться к оригинальной книге Фукса и Энтони, где эти идеи изложены (*ibid.*, р. 55–60). Приведенный ниже материал показывает богатство и клиническую ценность парадигмы Фукса. В таблице дается оценка применения их идей для использования в терапевтической практике. В разделе «Критические вопросы» я изложу свои опасения по поводу неполноты и незавершенности парадигмы Фукса.

Интерпретация

Последовательно этот принцип рассматривается только в последней книге Фукса, где дается исчерпывающий отчет, который много лет назад во время нашего обучения мы сочли бесценным (Foulkes, 1975). Однако тогда же мы обнаружили, что способ изложения Фукса удручает своей дезорганизованностью, и эта точка зрения не изменилась. Хотя я признаю наличие множества «незаконченных предложений» в работах Фукса, что описано Скиннером во введении к этой книге, я обнаружил, что основанные на его взглядах клинические рекомендации имеют непреходящую ценность. Сначала он объясняет, что все участники группы участвуют в интерпретации и что это происходит постоянно. Затем он рассматривает «интерпретацию как практический инструмент, применяемый ведущим сознательно» (Foulkes, 1975, р. 113), и определяет ее как «вербальную коммуникацию ведущего с группой или с участниками группы... чтобы привлечь их внимание к... смыслу, о котором, как он думает, они не подозревают, но благодаря его словесной помощи могут узнать» (*ibid.*). Он советует правильно рассчитывать время для интерпретаций, «когда все или некоторые из участников... или один конкретный участник, кажется, очень близки к пониманию чего-то, но не совсем уверены», и использовать интерпретации только тогда, когда ведущий «терпеливо, но тщетно ждал, что инсайт возникнет в самой группе» (*ibid.*). По мнению Фукса, ведущий может давать интерпретации разными способами и с разными целями. Таблицы 17.2–17.3 представляют собой компиляцию идей, которые он стремится довес-

ти до читателя. В таблице 17.2 первоочередное внимание уделяется тому, кто выполняет интерпретацию, что именно интерпретируется и с какой целью. Затем в таблице 17.3 дальнейшие наблюдения Фукса по поводу интерпретации изложены в терминах, которые он нехарактерным для себя образом называет «правильным» использованием интерпретации в подходе. Он очень подробно описывает способы

Таблица 17.2

**Интерпретация в группах по Фуксу:
кто интерпретирует, что интерпретирует и зачем?**

КТО интерпретирует	ЧТО интерпретирует	Интерпретирует ЧТОБЫ
Ведущий	1. Защиты и сопротивления	Преодолеть нежелание участников видеть неприятную правду о болезненных ситуациях
	2. Перенос: большое «Т» или маленькое «т»	Помочь участникам обнаружить связи между настоящим в группе, историческим прошлым и внешним миром
	3. Контрперенос	Вернуть обратно индивиду, подгруппе или группе как целому эмоции, возникшие в терапевте вследствие проективной идентификации
	4. Групповые взаимодействия	Чтобы связать интерпретации, которые, по мнению Фукса, неприменимы и бесполезны. Почему?
	5. Навязчивые повторения	Сформировать понимание регрессии «на службе Эго» как информации о происхождении травмы, которая теперь превратилась в новую групповую зависимость
	6. Детский опыт, возникающий в группе	Чтобы произошло корректирующее повторное проживание ранней семейной жизни
	7. Граничные инциденты и события	Чтобы работать с проблемами авторитета и разрешать их
Индивидуальный участник группы	Всё перечисленное в пп. 1–7	Для выражение развивающегося ощущения агентности
Группа как целое	Всё перечисленное в пп. 1–7	Для действия в унисон

Таблица 17.3

Десять основных принципов интерпретации ведущего
в группаналитической психотерапии (Foulkes, 1975)

Основные принципы интерпретации ведущего в группаналитической психотерапии (ссылки на страницы по: Foulkes, 1975)		С.
1	Цель интерпретации — «привлечь внимание человека к другому смыслу в той линии мыслей или действий, которой он следует прямо сейчас» Интерпретировать — «значит перенести или перевести что-то из одного контекста в другой»	114
2	Интерпретации делаются «только для того, чтобы улучшить и углубить общение»	114
3	Интерпретации должны «всегда начинаться от поверхности, от того, что явно присутствует»	115
4	Интерпретация работает «на службе анализа и зависит от общего инсайта, общей интерпретации, ведущий формирует то, что происходит в группе в этот конкретный момент времени»	113
5	Интерпретацию нужно «отличать от анализа, который является гораздо более всеобъемлющим... Интерпретация происходит там, где анализ не удастся»	117
6	«Предлагая интерпретацию, мы делаем то, что должен делать пациент»	116
7	Интерпретация необходима, «когда есть блокировка коммуникации... связанная с сопротивлением, в том числе с переносом»	125
8	«Чтобы быть мутативными, интерпретации должны основываться на имеющемся на данный момент опыте и быть как можно более приближенными к тому эмоциональному уровню, который кажется наиболее активным»	123
9	«Интерпретации возникают в свете активированного опыта и в огне присутствующей эмоции»	124
10	Ведущий должен быть осторожен в своих вмешательствах, поскольку «он, вероятно, будет взят за образец, и важно освободить участников группы от использования этой моделирующей функции терапевта в качестве руководства для своего развития». Это может быть очевидным сопротивлением, и его следует проанализировать	110

интерпретации и ее цели. Затем он сообщает, чего *следует избегать* в ходе интерпретации, и в нашей книге это отражено в таблице 17.4.

В таблице 17.3 я систематизировал указания Фукса относительно интерпретации, которые мы назовем основными принципами. Его аналогичные указания по поводу того, что не следует делать, когда дело доходит до интерпретации в группах, приведены в таблице 17.4.

Таблица 17.4

Формы интерпретации, которых следует избегать
в группаналитической психотерапии (Foulkes, 1975)

Формы интерпретации, которых следует избегать (ссылки на страницы по: Foulkes, 1975)		С.
1	Слишком глубокие интерпретации. Они обычно сочетаются с преждевременными и нежелательными вторжениями в реакции переноса, содержащими как фантазии аналитика, так и фантазии участников группы	125
2	Возражающие интерпретации. Они предполагают занятие антагонистической позиции против участника, группы или подгруппы, и в этой позиции возникает конфронтация. Они указывают на степень незащищенности использующего их человека	127
3	Связывающие интерпретации. Когда аналитик устанавливает связи для участников группы, он «думает за них». «Эти интерпретации популярны среди аналитиков, которые не уверены в себе, которые чувствуют необходимость оправдать свое существование и рады, когда они могут показать свои аналитические функции группе». Они «безвредны, но бесполезны», поскольку «уводят от непосредственного переноса здесь-и-сейчас»	127
4	Классифицирующие или категоризирующие интерпретации. Они не «связаны с реальным конкретным опытом того, о чем рассказывают участники группы»	127

Критические вопросы

Перевод и ограничения вербального

Некоторые критические замечания по поводу принципа перевода высказывает Левенс. Она пишет следующее:

Я ставлю под сомнение концепцию перевода, как будто доведение бессознательного до сознания является конечной точкой работы. Но ведь это необходимо еще интегрировать в личность и метаболизировать группой, не важно с помощью слов или без них. Надеюсь, что в ходе этой работы некоторые ограничения вербального языка стали очевидны.

(Levens, 2011, p. 30)

Предостережение Левенс по поводу придания словам слишком большой ценности полезно для нас и сегодня. В наше время, когда терапевтическая практика стала охватывать и отношенческое измерение

работы, когда межличностная валидация, которая описана в главе 16, рассматривается как критически важная составляющая, а эмоциональное общение в психотерапии стало более значимым и заменило ситуацию, в которой аналитик занимает привилегированное положение того, «кто знает всё». Пайнс пишет (см. цитату, открывающую эту главу): «Правильная интерпретация — не обязательно приятная интерпретация. Интерпретация может переживаться как нападение и унижение. Правда не является объективной и беспристрастной — она всегда индивидуальна» (Pines, 2015a, p. 5). Направляющие императивы групповой психотерапии заложены в ее отношенческих связях, которые задают контекст для рефлексивного и репаративного измерений. Если по какой-либо причине этот опыт окажется сомнительным с точки зрения отношений, никакое умственное построение в рефлексивном измерении не принесет компенсации. По словам Пайнса, «только в развитии доверительных личных отношений люди могут добраться до своей истины и высказать свою правду, и тогда речь раскроет больше, чем скрывает» (ibid.).

Локализация и пустые пространства

Клюз применила принцип *локализации* к пониманию пустых пространств в наших группах. Она пишет, что «в психотерапевтических группах есть и всегда будут пробелы и пустоты» (Clews, 2011, p. 57). Недавно в нашей группе одно место оставалось пустым, так как одна из наших участниц была помещена в больницу из-за беспокойства о беременности на последних месяцах. Когда я передал группе ее сообщение о том, что и она, и недоношенный ребенок чувствуют себя хорошо и скоро будут выписаны, один из участников сделал глубокое наблюдение, которое относится ко всем случаям отсутствия кого-либо в группе. Он сказал, что все это время ее отсутствие так сильно влияло на группу, что она как будто была с нами и при этом отсутствовала. Это верно как для непреднамеренного и неизбежного отсутствия, так и для преднамеренного и предотвратимого отсутствия. Вот, что пишет об этом Клюз.

Исследуйте смысл пустого места, оставленного отсутствующим участником аналитической группы. В ходе обсуждения рассмотрите существующую литературу по этому вопросу и выявите пробел в том, как отсутствие участника воспринималось в прошлом опыте группы. Частью исследования будет обсуждение динамики

авторитета, подразумеваемой в «посещаемости», и возможных смыслах коммуникации отсутствующего участника, происходящей на границе группы или «рефлексивного пространства»... Потенциально группа является убежищем для мыслей и пространством для отношений и общения. Здесь можно вспомнить то, что забыто, и озвучить те мысли, о которых мы не думали. В присутствии доброжелательного свидетеля сплоченность может быть осмыслена и, возможно, представлена во внешнем мире... Мы находимся в мире «презренного», на пороге, на котором обитают вещи и сущности. Участник группы (отсутствующий от имени группы как целого) «парит на грани», как «душа мысли».

(Clews, 2011, p. 57)

Когда люди «парят на грани», как «душа мысли», ведущему требуется «бифокальное» видение, чтобы обращаться к динамике личности и группы и их синхронности. В виньетке 8.1 показано, как ведущий использует принципы локализации, чтобы подчеркнуть вопросы авторитета, которые связаны с граничными событиями, инициированными двумя участниками группы, создающими сложности с посещаемостью и оплатой. В виньетке 8.2 ведущая использует принципы локализации совсем по-другому. Она подчеркивает значение того, что двое «взлеянных» группой участников завершают свою работу в ней, и их неизбежный уход вызывает протест в виде необъяснимой проблемы с посещаемостью в стабильной в остальном группе. В первом случае локализация приводит к терапевтическому использованию авторитета, а во втором — к интерпретации.

Локализация беспокойства

Вот как об этом рассказывает Салм:

[Фукус] подчеркивает процесс выбора наиболее подходящего направления для понимания и вмешательства. Динамическая матрица группы поддерживает и выражает сложный процесс, «общую сеть» взаимоотношений и коммуникаций. Локализация беспокойства — это процесс выявления того, что есть фигура и что является фоном в текущей конфигурации (Foulkes, 1964, p. 81). Задача ведущего — определить, где коммуникация заблокирована.

(Salm, 2013, p. 11)

Перед ведущим любой группы Фукс ставит задачу «угадать тональность, в которой группа говорит в данный момент» (Foulkes, 1975, p. 131), и, когда ведущий решит активно участвовать в дискурсе, необходимо сделать это следующим образом.

Первая задача ведущего — не просто уловить смысл, но и поместить его в соответствующий динамический сеттинг. Я назвал этот процесс локализацией... Локализация предполагает, что ведущий осознает соответствующую конфигурацию наблюдаемых явлений. Таким образом, он может угадать тональность, в которой группа говорит в данный момент... Эта локализация особенно важна, когда она относится к нарушению коммуникации, к сопротивлению или защита, которые препятствуют свободному течению коммуникации или ее восприятию и, следовательно, обмену коммуникациями.

(Foulkes, 1975, p. 131)

Локализация участниками группы

Виньетка 17.2

Обретение «дома» с незнакомыми людьми

К малой группе присоединились два новых участника. Пятидесятилетняя Сандра работала медиком, у нее были взрослые дети. Гранту было за тридцать, его карьера складывалась удачно, но он был одинок. Сейчас его проблема заключалась в том, как тяжело он переживал инвалидность его овдовевшего отца, и в собственном пьянстве, которое последовало за депрессией. А Сандра пыталась обрести любовь и надеялась создать отношения с каким-либо мужчиной, но с каждым из них были какие-то проблемы! Грант был единственным ребенком, его любила мать, но им совсем не занимался отец, который сам теперь нуждался в заботе. Пятью годами ранее они пережили потерю матери (и жены), но теперь Грант уже не мог справляться с тем, что его отец страдал от болезни Паркинсона. Что касается Сандры, ее отец был агрессивным, взрывоопасным и жестоким по отношению к своим детям, особенно по отношению к ее брату, который стал алкоголиком.

В ходе первых сессий Грант рассказал, что он пристрастился к выпивке, пытаясь справиться с переживаниями по поводу тяжелой болезни отца. В следующем дискурсе тон задавала Сандра, которая рас-

сказала о жестокости ее отца, неспособности матери защитить их, разрушительных последствиях пьянства брата и бедственном положении семьи. На следующих сессиях Грант был подавлен и поделился тем, как сильно он начал беспокоиться, узнав свое будущее в истории брата Сандры. «Мой приход в группу, — сказал он, — это триггер, который заставляет меня пить больше, а не меньше!» Сандра предложила ему рассказать о том, какой была его мать, и когда в конце концов он это сделал, то заплакал. В ответ она тоже горько заплакала.

Позднее на других сессиях Сандра рассказывала, как она хотела защитить своего брата, когда их матери не удавалось сделать это, но, будучи маленькой девочкой, она была беспомощна. Теперь, как мы поняли, она сильная и успешная мать, и, хотя в группе она была новичком, она подвела остальных к тому, чтобы достучаться до Гранта и стать для него заменой матери. Позже он рассказал нам о своем детстве и, когда дошел до описания смерти матери, был переполнен чувствами. В этот момент группа начала работу с непрожитым горем. Сандра рассказала нам о том, что ее тронуло за душу, когда она увидела, как Грант взрослеет через слезы как мужчина, и придумала фразу, которую мы в группе до сих пор вспоминаем: «Если ты можешь плакать, ты не будешь пить — выпусти воду, и тебе не понадобится принимать ее как ядовитое молоко».

Комментарий

Когда «чужаки» стали союзниками на промежуточной территории — в связанном с переносом домене, — она «нашла» своего потерянного брата, а он «нашел» свою утраченную мать. Этим открытиям сопутствовало постоянное присутствие ведущего, «хорошего отца», которого ни у кого из них не было. Но это была не их семья. Они оба обрели «дом» в группе незнакомых людей, и из их общего бессознательного она узнала о его боли, повторно прожив травму, которую она носила в себе, а он обнаружил в ней женские качества, познание которых было для него недоступно из-за смерти матери. Сандра удерживает Гранта с нами в отношенческом измерении группы, которое играет важную роль в его попытках развития за пределами группы. Как она говорит, это помогает ей избавиться от собственного глубокого разочарования в мужчинах. Все три измерения психотерапии — отношенческое, рефлексивное и репаративное — возникают синхронно в силу того, что в текущем домене один из участников, беспокоясь о том, что Грант

потерял свою мать, делает вклад в локализацию. Сандра подает пример того, как заполнять этот пробел, и, проецируя на него историю своего брата, она выхватывает метафору из первичного домена, чтобы убедить Гранта, что высвобождающаяся вода не обязательно должна быть найдена в ядовитом молоке.

Предоплата любовью

Чтобы исследовать истории, возникающие в ходе групповой терапии, когда благодарность превращается в щедрость, Арло предлагает многообещающую идею предоплаты любовью. В своем рассказе о восстановлении отношений между сиблингами, один из которых проходит групповую терапию, она описывает, как сама группа становится аренной репарации, на которой «вы не расплачиваетесь любовью. Вы вносите предоплату любовью», и эта любовь распространяется на окружающих вас в группе людей, которые помогли вам подняться на новый уровень развития (Arlo, 2014). Все семеро присутствующих в круге участников стали свидетелями репаративного диалога в этой паре, основанного на эмпатическом отзеркаливании, и, когда участники откликнулись своими историями на боль и ее облегчение, в круге диалог превратился в дискурс.

Заключительные размышления

В точке входа появляется доступ к неожиданным глубинам последней клинической виньетки этой книги. И когда мы переносимся в репаративное измерение, открывается первичный смысл катарсического освобождения, и, проделав полный круг, мы возвращаемся к виньетке 2.1, в которой Джонас спрашивает Мустафу: «Брат мой, что они с тобой сделали?». Этот ранний момент локализации тоже является точкой входа. Он происходит в отношенческом измерении психотерапии и возникает в текущем домене. В виньетке 17.2 в игру вступают все четыре домена — текущий, связанный с переносом, проективный и первичный, — и действие происходит в репаративном измерении, которое опирается на два других.

В завершение эти две виньетки демонстрируют нам следующее.

Мы используем клинические принципы, определяющие сеттинг, работу терапевта, терапевтический метод, матрицу группы

и ее язык для того, чтобы взять нечто, одновременно обычное и исключительное, и превратить это в работающую программу, открывающую нормальную жизнь для многих людей, которые в противном случае до самой смерти оставались бы на обочине.

(Глава 1)

Вот что говорит ведущий, который сам извлек пользу из плодотворного опыта группаналитической психотерапии.

«Эти трансформирующие принципы представлены в групповом контексте, то есть вместо применения их в работе, построенной на обмене между одним терапевтом и одним пациентом, они применяются группой как целым» для всеобщей взаимной выгоды.

(Глава 1)

Мы все еще находимся на ранних этапах понимания того, как и почему эти процессы работают. Эта книга началась с приведенного нами во введении рассказа Скиннера о том, что у студентов, которых он обучал, было ощущение некоторой путаницы, возникающей из-за требований их наставников понимать клиническую теорию, которая не была обоснованной. Эта книга стремится внести вклад в развитие нашей области науки, но даже сейчас ясно, что это только начало. Наша клиническая практика по-прежнему опирается на понимание человечности, которая не всегда может быть объяснена. Я сам, как ведущий, испытываю трогательное чувство смирения в точках входа, как описано в этой книге. И я хотел бы снова привести слова Кокса и Тильгаард. В такие моменты «чувство тайны, удивления и уникальности... превосходит любые технические описания» (Cox, Theilgaard, 1987, p. 17).

Наша работа продолжается, но Такер указывает путь к некоторым из наших будущих проблем, когда описывает следующее.

Процесс «коммуникации», перевода симптома в «общий пул» сознательно *разделяемого* языка [может] избавить от симптома. Поскольку содержание коммуникации, лежащее в основе симптома, теперь доступно другим для понимания на их общем языке... индивид выходит из (нездоровой) изоляции в социальное (здоровое) бытие.

(Tucker, 2004, p. 18)

Основополагающая позиция Фукса содержит в себе то, что он назвал *основным законом групповой динамики*. «Как получилось, — спрашивает Такер, — что... общие нормы действуют как агент изменений для отдельных участников группы?» (Tucker, 2004, p. 16). Она отвечает на свой вопрос, формулируя этот «основной закон» на языке Фукса: «Самая глубокая причина, по которой... пациенты... могут усиливать нормальные реакции друг друга и ослаблять и исправлять невротические реакции друг друга, заключается в том, что в *совокупности они составляют саму Норму, от которой индивидуально отклоняются*» (Foulkes, 1948, p. 29).

Такер намеревается исследовать «основополагающую концепцию я» Фукса, и в его языке и построениях она находит «неявную приверженность концепции я», которую она описывает следующим образом.

Я по сути социально, а не индивидуалистично.

Я по сути просоциально, а не антисоциально.

*Семейная и культурная социализация я первична,
а не вторична.*

(Tucker, 2004, p. 21)

Выводы, которые она делает, исходя из этого понимания, являются радикальными и далеко идущими, но они почти не получили своего развития. В ее работе есть выдержки из публикаций Фукса о том, что она называет следующим образом.

Групповое Супер-Эго (является) просоциальным... по существу социальным концептом, теоретически укорененным в системе координат, в которой считается, что этические ценности, которые оно воплощает, являются первичными... Для Фукса, склонность к общению в инклюзивной, справедливой, социально ответственной, сотрудничающей, уважительной и демократичной манере — это первичное социальное явление.

(Tucker, 2004, p. 43)

Далее она говорит, что «это наглядно демонстрирует терапевтическую эффективность *этического и политического* в аналитических группах и, что особенно важно, обеспечивает роль недостаточно представленного в группах символического отца (ibid., p. 63). Работа самой Такер о том, как меняются нормы в группе переживших насилие беженков из Косово, проведенной в Лондоне, представляет со-

бой одно из самых красноречивых доказательств работы группового анализа. Она описывает, следующее.

Когда со временем женщины смогли начать делиться своим опытом изнасилования участниками военизированных формирований, для группы это стало потрясающим процессом. В связи с этим следует отметить, что в связанной тесными узами косовско-албанской общине изнасилованные женщины обычно считаются «шлюхами», и на них возлагается вся ответственность за произошедшее с ними. Изнасилованные женщины больше не считаются достойными брака. Обычно их мужья ищут новую женщину, наказывая своих прежних жен физическим насилием. В тесно сплетенном сообществе это привело к тому, что изнасилованные женщины должны хранить произошедшее в секрете, особенно от своих мужей.

На заключительную сессию все женщины пришли в своих лучших нарядах. С. сказала, что сегодня ее сыну исполнилось бы 13 лет. Она сказала, что теперь она знает, что он мертв, и поблагодарила группу за то, что они помогли ей принять это. Были счастливые воспоминания о том, как в Косово отмечают дни рождения, о том, как С. хотела бы отметить день рождения своего сына, и в конце концов она перешла к размышлениям о том, как она могла бы отметить его смерть, даже в отсутствие его тела. В этом взаимном обмене были глубина и забота, и я решилась сказать, что у нас возникло ощущение, что мы вместе отмечали смерть ее сына, многочисленные утраты других участниц, а также окончание работы группы. Д. ответила: «Мы оставили наших мертвых в этой группе — мы обрели дом».

(Tucker, 2004, p. 58)

Когда диссертация Такер будет опубликована, она станет бесценной для всех, кто работает с жертвами насилия, и будет свидетельством очень важной работы с многообещающими результатами в областях клинической теории, обсуждением которых завершается эта глава.

За автором 68 виньеток, из которых состоит эта книга, стоит человек, который соприкасается (этой ссылкой на символического отца) со своей собственной идентичностью как отца, а не как терапевта и за присутствие которого я несу ответственность через их рассказы. Я также был в переносе отцом для многих из тех, кто описан в кни-

ге, и теперь через работы Такер я осознаю себя недостаточно представленным отцом. Это новые и не совсем комфортные переживания. Эти виньетки мне помогла сконструировать знаменитая пьеса Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора» (Pirandello, 1997). В свое время, когда эта пьеса впервые была поставлена в Лондоне, она заинтересовала как Биона, так и Фукса. Интерес к драме и театру, который проявлял в своей работе сам Фукс, является еще одним направлением, на которое в нашей области науки практически никто не обращает внимания. В этом направлении тоже идет активное развитие, в котором лидерами являются Рот и Маллетт (Mallett, 2015; Roth, 2014). Нам есть, чего ожидать.

Литература

- Clews M. (2011). The Group Analytic Dynamics of Absence: (Re-)Embodied Shame at the Boundary of the Reflective Space. Dissertation. London: Birkbeck College, University of London, Institute of Group Analysis.
- Foulkes S. H. (1948, reissued 1983). Introduction to Group-Analytic Psychotherapy. London: Karnac Classics.
- Foulkes S. H. (1964, reissued 1986). Therapeutic Group Analysis. London: Karnac.
- Foulkes S. H. (1975, reissued 1986). Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles. London: Karnac.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957, reissued 1965, 1984). Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach. London: Karnac.
- Friedman R. (2014). Group Analysis Today – Developments in Intersubjectivity // Group Analysis. V. 47 (3). P. 194–200.
- Levens M. (2011). Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Mallett A. (2015). The Group as Theatre: Theatrical and Aesthetic Process in Group Analysis. Dissertation for Qualifying Course. London: Institute of Group Analysis.
- Marteen L. (2014). The triangle and the eye inside the circle: Dyadic and triadic dynamics in the group // Group Analysis. V. 47 (1). P. 42–61.
- Nitsun M. (1996). The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and Their Creative Potential. London: Routledge.
- Pines M. (2015a). Dialogue as the Basis of Human Development // Collected Papers. London: Routledge.

- Pines M. (2015b). *Listening and the Sonorous Self* // *Collected Papers*. London: Routledge.
- Pirandello L. (1997). *Six Characters in Search of an Author*. London: Dover Press.
- Roth W. M. (2014). *The Birth of Group Analysis from the Spirit of Theatre* // *Group Analysis*. V. 47. P. 293–311.
- Salm A. M. (2013). *Where Is the Problem? Foulkes and the Location of Disturbance*. Institute of Group Analysis Library.
- Tucker S. (2004) *From Group Norms to the Group Superego: The Therapeutic Efficacy of The Ethical and Political in Foulkes*. Dissertation. London: Birkbeck College, University of London, Institute of Group Analysis.
- Weegmann M. (2001). *Working Intersubjectively: What Does It Mean for Theory and Therapy?* // *Group Analysis*. V. 34. P. 515–530. Reissued: Hopper E., Weinberg H. (Eds) (2011). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. Vol. 1: *Mainly Theory*. London: Karnac. P. 133–154.
- Wojciechowska E. (1993). *The Group as Transformational Object: Fusion, Transition, Transformation*. Theory Paper. London: Institute of Group Analysis.
- Wotton L. (2011). *Expecting the unexpected: A source of change in analytic groups* // *Group Analysis*. V. 44 (3). P. 315–327.
- Wright K. (2009). *Mirroring and Attunement*. London: Routledge.

Глава 18

Заключение и последнее слово

Если я не для себя, кто для меня?
Если я только для себя, то кто я?
Если не сейчас, то когда?

(Hillel, Ethics of the Fathers 1, p. 14; Singer, 1990)

Почему участники наших групп с гораздо большей вероятностью будут замечать и свободно комментировать смелость своих товарищей, чем мы, как лидеры? Почему храбрость так редко упоминается в... литературе, когда [она] лежит в основе психодинамической групповой терапии... Кажется вполне уместным то, что, поскольку наша профессия начинает уважать человеческую силу и устойчивость, мы уделяем больше внимания храбрости наших пациентов... [Они] часто более благосклонно реагируют на оптимальную отзывчивость, чем на оптимальную фрустрацию, и нам необходимо не забывать выражать признательность за мужество, которое [они] проявляют, сталкиваясь со своими страхами и импульсами, а также с реакциями других.

(Gans, 2010, p. 189, 204)

Эта книга описывает мое путешествие от кушетки к кругу. Я намеревался проложить свой путь и тем самым предоставить ресурсы в распоряжение других специалистов, которые ведут группы. Некоторые из этих ресурсов являются новыми, а другие созданы недав-

но, чтобы помочь нам понять потенциал невысказанного, а иногда и невыразимого. Мы можем быть рядом с людьми в моменты «передышки» и, став свидетелями происходящего, помогать участникам наших групп в моменты прощения, которые могут быть искупительными и способствовать обновлению, рассказать о чем-то важном. Наше призвание — проникнуть в сердце камня, хранящее секреты внутренней травмы, и для этого нам нужно найти форму как в молчании, так и в произнесенном слове. Открывающий эту книгу исторический обзор, написанный Энтони, затрагивает тему устойчивости, которая пронизывает эти страницы. А эпиграфом к этому заключению послужили слова Ганса. Групповая терапия не настолько персонализирована или сфокусирована, как индивидуальная психотерапия, но в группе участники могут быть максимально живыми в своем отношении к реальному, к потерянному и к незнакомому друг в друге и могут собирать дары невзгод из самых неожиданных источников.

Мы работаем с прошлым в настоящем, с игрой слов и игрой опыта, который часто невозможно облечь в слова. Наша практика полна парадоксов. Незнакомые друг с другом люди могут становиться союзниками, превращать анонимность в безопасность и объединяться в работе над, казалось бы, несвязанными травмами. В том пространстве, которое Фукс называл *общей зоной*, мы создаем общий дом для личного прошлого людей, которое, возможно, исказило их настоящее и продолжает противостоять их будущему¹. Может ли группаналитический подход помочь людям освободить их судьбу от их истории? Во введении изложена цель этой книги, состоящая в разрешении вопросов понимания и изменения. «Последнее слово», завершающее это заключение, представляет собой комментарий со стороны подгруппы участников, которые решили написать мне по своей инициативе, чтобы поделиться своими взглядами на эти вопросы.

Название и предмет. Обзор книги

Название – от кушетки к кругу

Спотниц назвал свою книгу о психоанализе и групповой терапии «Кушетка и круг» (Spotnitz, 1961/2012). С подачи моих коллег Филлис Коэн и Стивена Фроша я использовал это название, видоизме-

нив его. Когда о предполагаемом названии книги узнал мой коллега Томас Мис, он познакомил меня с журнальной публикацией на немецком языке «Von der Couch zum Kreis» («От кушетки к кругу») Ганса Боссе, написанной в 2000 году (Bosse, 2000). Между этими тремя названиями — целый путь. Первая книга стала базовым текстом для современного аналитического движения в Соединенных Штатах, частью которого являются групповые аналитики, прошедшие подготовку в Центре групповых исследований в Нью-Йорке, где их работа основана на подходе Ормонта, который признает влияние Фукса в своих статьях, что описано выше в нашей книге (Ormont, Furgeri, 2001). Эта книга продолжает изучение проблем, намеченных в книге Фукса и Энтони «Групповая психотерапия: психоаналитический подход» (Foulkes, Anthony, 1957/1984). Один из авторов той книги, Джеймс Энтони, написал исторический обзор к нашей книге, и это оказалось одним из его последних текстов. Статья Боссе (третье название) и продолжающееся развитие науки, теории и практики в немецкоязычных странах свидетельствуют о том, как групповой анализ последовательно принимается обществами, в которых он когда-то впервые пустил корни. Франкфуртские истоки группового анализа описаны во введении. Изучение того, как Фуксу и его соратникам пришлось оторваться от корней, того, какие творческие усилия они прилагали в странах, которые их приняли, составляет суть моей фуксовской лекции, прочитанной в 2015 году. Она называется «Обретение „дома“ с незнакомыми людьми: парадокс групповой психотерапии» (Schlapobersky, 2015). Лекция и связанные с ней статьи Эдсхед, Миса и Уоттон теперь опубликованы в журнале *Group Analysis*. Десять клинических исследований в главе 6 показывают, что модель работает в Европе и в других странах в целом ряде областей — от судебной психотерапии до частной практики, от краткой и краткосрочной работы до долгосрочного медленно открытого группового анализа. В учебном институте, где я работаю, в Институте группового анализа в Лондоне, мы выпускаем новую когорту групповых аналитиков каждый год, кроме одного, с момента начала обучения в 1973 году. В международный орган, координирующий наше обучение, Европейскую сеть группаналитических учебных организаций (EGATIN), входят 32 учебных заведения в 23 странах, где групповые аналитики вносят значительный вклад в психотерапию, здравоохранение, организационное развитие и разрешение конфликтов.

Розеттский камень нашей области науки

Пайнс называет книгу Фукса и Энтони «ур-текстом» группового анализа. Ключевым элементом их текста является таблица, воспроизведенная в этой книге (таблица 14.1) (Foulkes, Anthony, 1984, p. 51). В ней отражены принципы двух языков: классического психоанализа и группового анализа — так, чтобы мы могли сопоставить их. Мы можем воспринимать это в качестве розеттского камня нашей области науки, но то, что мы делаем, не высечено на камне: происходит взаимное проникновение полей и их встречное движение. Я намеревался описать это движение, показать модель группового анализа в состоянии динамической эволюции и показать, насколько широко она применяется практиками, чья клиническая мудрость иногда превышает наши способности формулировать теории. Это была тень Фукса, как я писал во введении, и институции несут в себе тени своих основоположников, а также их источники просвещения. Борьба с этой тенью и решимость найти слова для описания того, что мы делаем, и понимания, почему мы не делаем это иным образом, долгое время занимали меня. Я рад, что теперь могу предоставить возможность продолжить эту борьбу своим коллегам и особенно тем, кого мы называем нашими пациентами, но которые на самом деле являются нашими первыми учителями. Последнее слово за ними.

Атмосфера перемен и разрешения в терапевтической группе

Три измерения психотерапии и ткань повседневного опыта

В первой главе я описал терапевтическую группу как нечто, подобное ТАРДИС, машине времени в сериале «Доктор Кто». Внутри она значительно больше, чем снаружи, с обширным общим опытом и матрицей, которая, подобно свету, является одновременно частицей и волной. В одной из глав мы разграничиваем основу группы и ее динамические свойства, а в другой — отношенческое и семантическое поля. Вместе они создают три измерения психотерапии, через которые проходит группа — отношенческое, рефлексивное и репаративное — под руководством пилота, которого мы называем ведущим. Сама группа имеет три измерения: структуру, процесс и содержание. Есть разные способы обозначить ее развитие, и описано как мини-

мум пять фаз жизни группы. Ее домены смысла — текущий, связанный с переносом, проективный и первичный — являются голограммами, так что вы можете смотреть сквозь один, а в других видеть новые и разные грани себя и окружающих вас людей. Язык свободно текущей дискуссии имеет три различные формы — монолог, диалог и дискурс, в которые могут быть включены все участники. В общей зоне разделяемого опыта группа может вырасти во вспомогательное Эго для каждого из своих участников. Резонанс, основной передатчик эмоций, позволяет динамике своего процесса работать посредством отзеркаливания, усиления и сгущения, присущих миру, населенному людьми, и генерировать новые формы межличностной валидации, которые позволяют группе путешествовать во времени и пространстве и возвращаться в «сейчас». В этом «транспортном средстве» нет ничего загадочного или научно-фантастического. Это ткань, сотканная из разделяемого опыта участников, в которой их проблемы помогают им в излечении друг друга. Это может происходить в ходе процессов, похожих на переменчивые погодные явления, и для этого участникам, возможно, придется проделать долгий путь.

Путь к тому, чтобы стать видимым и обрести агентность

Надеюсь, читатели оценили это путешествие, его экскурсии и виньетки, игра слов в которых может превратить работу в игру. То, что значимо снаружи, прорабатывается, чтобы стать частью чего-то значимого внутри. Терапевтический процесс требует перехода от того, что вызывает беспокойство во внешнем мире, того, о чем люди говорят дома, на работе и в жизни в целом, к тому, что вызывает беспокойство у участника группы в кабинете терапевта. Именно здесь по мере того, как группа продвигается по спирали роста и развития, чтобы выявить скрытую, но активную группу, работающую внутри каждого человека, можно найти решения. Рефлексия и репарация, возникающие в ходе работы, приводят участников к контакту с миром, открывшимся внутри группы, и с группой, открывающейся внутри каждого участника. Работа направлена на то, чтобы определить место приложения активности участников, в ходе которой они могут взять на себя ответственность за то, что разворачивается в группе. Это может быть спор, избегание, конфликт, взрыв эмоций, поток слез или встреча с чем-то животворным и обновляющим, которое могут приносить в группу как говорящие, так и молчащие участники. Тема видимости, которая может пролить свет на процесс от-

крытия, постоянно звучит в рассказах участников о том, как группы помогают им. Когда они выходят из тени и обнаруживают себя, иногда впервые в жизни, тогда открытия, сделанные вместе с другими участниками, могут быть перенесены в обычную жизнь, и изменения происходят там, где это важно.

Ведущий

Терапевтическое действие динамик процесса происходит благодаря позиции ведущего. Ему необходимо уметь лично отреагировать на эти динамики в отношенческом измерении, а затем углубиться в рефлексивное исследование, которое со временем может привести к исцелению. Динамики процесса позволяют разворачиваться опыту участников и обеспечивают взаимодействие этого опыта, в результате чего возникают факторы, стимулирующие продвижение в различных доменах терапии. Обмен начинается в текущем домене, когда речь идет об отношениях участников во внешнем мире, а затем и в самой группе. Сонастройка ведущего по отношению к группе сохраняет различные домены группы открытыми друг для друга и позволяет продвигаться в домен, связанный с переносом, а затем в проективный и первичный домены. Ведущий задает структуру, которая помогает управлять группой. Участники обеспечивают содержание свободно текущей дискуссии, а ведущий поддерживает ее с тем, чтобы превратить монолог в диалог, а диалог — в дискурс. Структура и содержание пересекаются в динамиках процесса группы, процесс — это ось, вокруг которой они вращаются.

Принципы локализации и перевода помогают установить в группе связи, определяющие проблематику жизни за пределами группы, и превращают идентификацию с другим в понимание другого так, что сплоченность перерастает в согласованность, а стремление — в принадлежность. Групповой процесс должен оставаться свободно текущим и волнообразным с тем, чтобы общая зона была открытой для всех участников в общем переживании обсуждаемой темы или предмета, которые мы называем фигурациями. Это позволяет перемещаться между различными доменами, так что с текущего уровня можно заглядывать в более глубокие области переноса, которые, в свою очередь, формируются проективной динамикой, происходящей из первичного или архаического домена, а символический регистр предоставляет мутативные метафоры, которые работают на изменение. Это влияние, прослеживаемое от глубоко бессозна-

тельного к текущему домену, может работать и в обратном направлении, так что текущий домен может формировать и направлять другие. Круговой обмен, содержащийся в этой динамике, изображен на рисунках 14.1–14.2.

Перенос и мутативные метафоры: к новой интеграции старых идей

Эволюция понятия «перенос» прослеживается от его истоков в классической теории Фрейда, где перенос лежит в основе психологии одного человека, до того, как десятилетия спустя перенос занял центральную роль как в развивающейся психологии объектных отношений, являющейся психологией двух человек, так и в психологии группы по Фуксу, которая является психологией трех человек. Эти две отношенческие парадигмы возникли в Лондоне независимо друг от друга в один и тот же период времени. Как ни странно, они не связаны между собой, хотя их основоположники хорошо знали друг друга. Поскольку в этой книге иллюстрируются контрперенос, проекция, идентификация и проективная идентификация в ходе групповой работы, обе парадигмы рассматриваются вместе. Мы обсуждаем, как применяются эти концепции, как они влияют на структуру, процесс и содержание группы и как их можно использовать для обогащения практического опыта ведущего. Игра слов и игра опыта, который невыразим словами, культивируется с помощью мутативных метафор для создания символического языка трансформации. В основе этих связей лежат работы Пайнса, Брауна и Кокса в области группанализа и Винникотта, Болласа и Райта в области психоанализа. К числу самых оригинальных работ на темы культуры, тишины и музыкальности групп относятся работы наших недавних выпускников, включая Брукс, Хэддока, Левенс, Верес-бес-Вайса, Вайнштейн, Тайерман, фон Фраунгофер, Войцеховскую, Уоттон и многих других.

Стремление, принадлежность и «целостное в группе»

Термины «стремление» и «принадлежность» заимствованы из концепций «матери-объекта» и «матери-среды», разработанных Винникоттом, чтобы помочь читателям определить преобладающий аффект группы. Они применяются к фигурациям холдинга-контейнирования и исследования-игры. Постоянное переключение между тишиной и разговором, между повествованием и драмой позволяет смещать фокус и работать с экзистенциальной тревогой, локализуя

пустоту в круге ассоциаций — то, что Уилсон называет «целостным в группе», — что устраняет индивидуальные страхи от «прикосновения к пустоте» каждого из участников (Wilson, 2005). На примере того, как разворачиваются события в виньетках, мы видим, что групповые защиты часто организованы вокруг первичных, но неявных и глубоко скрытых, бессознательных тревог, которых, казалось бы, следовало избегать. К таким тревогам относятся отсутствие внутреннего смысла, внутренняя пустота, страх быть обнаруженным другим, страх никогда не быть обнаруженным другим, страх никогда не стать подходящим для другого и многое другое. Эти тревоги лежат в основе проблем, с которыми сталкиваются участники групп в виньетках. Ведущий может создать в группе атмосферу перемен и разрешения, что с помощью принципов локализации, перевода и интерпретации, лежащих в основе группаналитической модели, принесет долгосрочную пользу участникам. Эти принципы помогают идентифицировать тревоги, возникающие в диалектике между развитием группы и индивида, работать с ними и справляться с ними.

Групповые защиты, теоретические разногласия и будущее

Групповые защиты, о которых идет речь, совсем не упоминаются в литературе по групповому анализу. Этот пробел возвращает нас к расщеплению в нашей области науки, одному из нескольких, которое произошло в момент давнего разделения между Фуксом, работавшим в Нортфилде и больнице Модсли, и Бионом, а затем и Эзриэлом, работавшими в клинике Тэвисток. Эта история описана в главах 3 и 7. Теория Анны Фрейд была использована представителями современной аналитической модели в США, которые развивали теорию и практику с опорой на понимание групповых защит. Во время работы в Лондоне Фуксу была близка эта теория, но практически он не использовал ее идеи в группанализе. Эзриэл и Бион стояли на противоположной стороне психоаналитического «разлома» своего времени — они придерживались кляйнианской традиции, однако стали лидерами в работе с групповыми защитами, которые Бион назвал базовыми допущениями. Некоторые из нас учатся преодолевать эти необъяснимые разногласия, и при этом нам нужно извлекать уроки из опыта недавнего прошлого, чтобы не допустить, чтобы нынешние разногласия привели к дальнейшим расколам в этой области, которые усложнят работу грядущих поколений.

Пробелы в нашей области знаний

В области нашей науки существует много важных тем, которые здесь не обсуждались. Первая группа требующих внимания вопросов, осветить которые нам не позволила ограниченность объема книги, относится к предметным областям групповой психотерапии. Диапазон различных ключевых тем, по каждой из которых существует отдельная литература, включает результаты исследований и доказательную базу, обучение, супервизию и этику добросовестной практики. Каждая из этих тем заслуживает отдельной главы в будущих книгах, подобных этой. Еще один ряд пробелов связан с региональными проблемами в международном плане групповой психотерапии в рамках и за пределами группаналитической модели. Групповой анализ — это процветающая дисциплина на Балканах, а также в Греции, Италии и Португалии, где существует давняя и обширная литература и большое разнообразие терапевтических и культурных практик, использующих ее базовые и прикладные принципы. Помимо модели группового анализа, в испаноязычном мире также процветает групповая психотерапия, и ее основоположники и новаторы опубликовали множество работ на эту тему. Как уже указывалось, в Великобритании группаналитическая психотерапия с детьми, пожилыми людьми и в медицинских целях развита слабо по сравнению с Северной Америкой и континентальной Европой. Мои возможности ограничиваются англоязычным миром и публикациями, из таких стран Европы, как Германия и Скандинавия, где выходит много работ на английском языке. Я с нетерпением жду возможности расширения международного сотрудничества в будущем, и это позволит нам делиться друг с другом знаниями к обоюдному удовлетворению.

Кто проделывает эту работу и почему мы этим занимаемся?

Виньетка 18.1

Пациенты — это те, кто выздоравливает и уходит

В первые годы моей профессиональной жизни мне посчастливилось работать в отделении психиатрии, которым руководил прогрессивно мыслящий профессор Десмонд Понд, получивший образование как в области неврологии, так и в области психоанализа. Он поощрял интегративный подход, бросающий вызов фракционным конфлик-

там, которые так часто возникают в нашей работе, и его юмор помогал нам ценить друг друга. Когда он давал сотрудникам одобрение на их обучение вне отделения, он описывал методы лечения, на обучение которым мы записывались — в моем случае группаналитическое обучение — как «методы лечения неопределенной продолжительности и с неопределенным результатом, для которых абсолютно необходимы годы дорогостоящего обучения». Он говорил: «Иди, наслаждайся и возвращайся, чтобы рассказать нам о том, что ты узнал!». Групповая работа была институциональным звеном, скрепляющим наше отделение, и оказала глубокое влияние на организованную внутри психиатрического отделения программу обучения младших медицинских работников, чей колледж на базе нашей больницы всегда был переполнен. Один из его выпускников заведовал младшим медицинским персоналом в стационаре, где я помогал с групповой работой. Он впитал в себя заразительный юмор нашего профессора и «стрелял от бедра» спонтанными, едкими фразами, заставлявшими нас смеяться. Мы обеспечивали обучение сотрудников других отделений, которые приезжали к нам на один день, в течение которого посещали группы пациентов, которые в свою очередь были организованы по образцу модели работы Касселя. В конце дня мы обычно встречались с ними, чтобы обсудить увиденное, и однажды на такой встрече кто-то из обучающихся задал такой вопрос: «Поскольку никто из вас не носит медицинский халат, как отличить пациентов от персонала?». «Это не проблема, — ответил этот сотрудник, — пациенты — это те, кто выздоравливает и уходит!»

Комментарий

Вопросы, которые поднимает это юмористическое замечание, очень остро стоят перед нами. Почему мы проделываем эту работу? Кто лучше всего подготовлен для этого? Как мы обучаем людей? Как долго должно длиться обучение? Где его лучше всего проводить? Сколько нужно инвестировать в обучаемого, на каких условиях, в каком контексте или сеттинге и для каких целей? Как мы можем гарантировать качество и результаты терапии, которую проводят наши выпускники? Достаточно ли мы делаем для ознакомления наших выпускников с этическими кодексами практики, которыми они будут руководствоваться в своей работе? И являются ли указанные кодексы достаточным основанием для дальнейшей профессиональной жизни группанали-

тика? Или нам следует ожидать от них дополнительных инвестиций в постоянное профессиональное развитие и супервизию на протяжении всей своей профессиональной жизни? Нуждаемся ли мы в аттестации со стороны наших однокашников и коллег каждые пять лет, как и врачи общей практики? Эти вопросы лежат в основе всех размышлений, которые рассматриваются в нашей книге, и потребуют внимания в дальнейшем.

О виньетках

Доказательства или иллюстрации?

Эта книга состоит из 68 историй — виньеток, которые скрепляют ее, подобно переплету. Их источниками стали моя личная жизнь, жизнь групп, участником которых я был, моя практика и практика моих коллег и супервизантов, которые поделились со мной результатами своей работы, а также литература и кинематограф. Когда дело доходит до доказательств, я должен признать, что в этих винюетках присутствует моя собственная предвзятость. Я пришел к работе над этой книгой как практикующий специалист, чтобы описать модель и проиллюстрировать, как она работает, а иногда и не работает. Винюетки присутствуют здесь в качестве иллюстраций, а не доказательств. Я не обращался к прошлым или нынешним участникам моих групп, чтобы получить доказательства, которые были бы валидными или надежными в соответствии с исследовательскими требованиями позитивистских канонов. Винюетки нужно рассматривать как отражение моей позиции и моих проблем, меняющихся с течением времени. «Владельцами» описанного опыта являются участники групп, к которым я обращался по поводу этих винюеток в ходе написания книги. В книгу включены только те винюетки, на которые они дали свое согласие. Выбор того, что было записано или отложено в памяти, во всех случаях принадлежит мне, но во многих случаях участники дополняли мои воспоминания своими собственными. Они не имели ничего против вымышленной реконструкции, которая защищает их анонимность, и, как описано в посвящении, я работал в рамках кодексов практики Международной психоаналитической ассоциации и Института группового анализа.

Необходимость доказательной базы

Во введении и в главах 1 и 6 я призывал к более тесной совместной работе в нашей области между клиницистами и исследователями. В этом я последовал примеру Грина (Greene, 2012). Хотя сегодня, более чем когда-либо, нам необходимы достоверные и надежные доказательства преимуществ и ограничений нашей работы, в заключение я хотел бы внести скромный вклад в работу в этом направлении. Причин этому несколько. Одна из них является следствием ограничений моего обучения и фокуса внимания, другая состоит в относительной нехватке англоязычной литературы, документирующей процессы и результаты исследования самой группаналитической модели, а третья объясняется самой силой модели, которая сейчас так широко используется, что ее больше нельзя оценивать без учета зависимости от сеттинга и категорий пациентов, к которым она применяется. Как показано в главе 6, модель и ее варианты различаются в зависимости от области применения и предъявляют очень разные требования к оценке как в частной практике, так и, например, в судебной медицине. Инструмент, который я разработал для «измерения» процесса и результатов в моих группах в тот момент, когда участники покидают группу, описан в таблице 6.9. Он по-прежнему дает важные результаты, которые могли бы более широко использоваться исследователями, компетентными в разработке таких вариантов применения. В будущих исследованиях, посвященных этим вариантам применения, можно было бы более систематически проводить процедуры оценки в соответствующих условиях.

Метод и методология: описание человеческого опыта

Какое значение имеет доказательное содержание того, что сообщают люди о происходящем с ними во время терапии? Многие считают, что это единственное имеющее значение доказательство. Загадка заключается в том, что психотерапевты, обеспокоенные позитивистскими критериями, допускающими только количественные измерения или рандомизированные контролируемые исследования, не стали обращаться к двум легкодоступным источникам, чтобы помочь нам привести аргументы в пользу того, что мы делаем, — к нашим коллегам в области судебной медицины и к тем, кто пишет историю. Судебные процедуры ради доказательства какого-либо факта мо-

гут полагаться на мнение свидетелей-экспертов, и мы уже несколько поколений разрабатываем процедуры для проверки подлинности претензий и встречных исков в судебной экспертизе. Эти доказательства опираются на описательные детали, сопоставленные с наблюдаемым опытом, которые могут быть помещены в определенный контекст опытными профессионалами для поддержки или дискредитации аргумента. Это может быть «козырем» для психотерапевтов, стремящихся привести аргументы в пользу преимуществ своей работы. Мой собственный опыт судебно-медицинской экспертизы помог мне сконструировать виньетки, и я хотел бы призвать коллег обратить внимание на предложение Грина, состоящее в том, чтобы мы вели себя в более новаторском и предприимчивом духе, чтобы охватить более широкий спектр различных методологий при поиске доказательств эффективности нашей работы.

Другой источник обоснований можно найти в новых тенденциях в историографии, лидером которых является Фауст, которая ныне занимает пост президента Гарвардского университета. Речь идет об использовании биографических повествований в качестве исторических свидетельств. В двух знаменитых работах, посвященных изучению роли женщин и Гражданской войне в США, она обосновала право на использование дневников и личных биографий в академических целях. Убедительность ее работы состоит в том, что люди описывавшие свой жизненный опыт, документировали происходящие исторические события (Faust, 1988, 1996). Принсли использовала этот подход для исследования того, как во время Гражданской войны в США женщины работали медсестрами и как это привело к трансформации гендерных ролей. Она опирается на аргументы, которые подкреплены изученными ею дневниками (Prinsley, 2013). Психотерапевты могли бы гораздо более активно использовать дневники и биографии и, опираясь на появляющиеся методологии, выработать принципы доказательств и аргументов, которые можно было бы распространить на психотерапию, например, как эти дневники, которые считаются достоверными и надежными для использования исторической наукой. История действительно является матерью всех социальных наук, и наша работа могла бы занять достойное место среди других ее потомков, не теряя при этом своего научного статуса.

Я надеюсь, что использование в этой книге «живого» материала станет стимулом для других исследователей в этом направлении.

Эти 68 виньеток являются моими конструкциями, и в их создании принимали участие описываемые в них люди, которые согласились с изложенным материалом или попросили что-то изменить. Письма, которые последуют за этим «Последним словом», были получены на добровольной основе от тех, к кому я обращался, и являются вторичными комментариями, сделанными в тот момент, когда эти участники групп давали свое согласие на публикацию, отказывали в нем или просили что-либо изменить в виньетках. Я обратился к этим людям во второй раз, чтобы получить их согласие на публикацию их писем в «Последнем слове», и выбрал только тех, с кем была завершена текущая динамика терапии. В самом свежем из этих восьми писем мы возвращаемся на два года назад, а в самом давнем — на более чем двадцать лет назад.

Последнее слово – восемь писем

Дорогой Джон!

1

Для меня было большим сюрпризом узнать от вас, что вы написали книгу о своей многолетней психотерапевтической работе, и я там упоминаюсь. Я прочитала виньетку, и у меня нет никаких проблем с текстом. Я забыла о том, что говорила, что никогда не поздно обрести детство, и я благодарна за напоминание об этом. Счастливый ребенок во мне все еще живет (большую часть времени). Благодарю судьбу за то, что я здорова и в хорошей форме (на выходных прошла всю дистанцию на благотворительном полумарафоне), и у меня двое чудесных детей пятнадцати и двенадцати лет.

До конца июня я работала неполный день и в настоящее время подумываю о том, как я могла бы применить свои навыки, но в менее коммерческой и требовательной среде. У моего мужа были трудные времена. Он потерял брата пять лет назад. Буквально в прошлом году он потерял работу и все еще ищет ее. Он все еще переживает по поводу внезапной и трагической утраты брата. Около года я еженедельно навещала вдову его брата, и могла это делать только потому, что смирилась со своими собственными потерями в жизни.

Я желаю вам всяческих успехов с вашей книгой, и еще раз очень рада тому, что кому-то будет полезно прочитать о моих трудностях, чтобы преодолеть свои.

Я все еще думаю о группе и время от времени получаю известия от других участников (но, как и вы, иногда не могу быстро ответить). Время, проведенное в группе, было для меня очень важным. Оно, несомненно, придало мне сил, чтобы прекратить мои несчастливые отношения, но также оказало глубокое влияние на мои отношения с друзьями и семьей, особенно с детьми. Как будто теплая, игривая, любящая часть меня снова ожила после многих лет напряжения и страданий. И я чувствую, что окружающие меня любят, ценят и поддерживают, так что становится легче думать о неизбежном старении в одиночестве, и у жизни появляется смысл и направление. И, конечно, теплота обогатила меня как профессионала, я больше не боюсь заботиться о своих клиентах и говорить о добре и любви, равно как и о патологии! Так что спасибо вам.

Мне очень приятно, что вы пишете это пособие. Вряд ли кто-то мог бы сделать это лучше. И мне приятно сыграть в этом свою небольшую роль, согласившись на использование клинического материала. Считайте это моим официальным согласием! Вы взяли на себя огромную задачу, и ваша энергия и приверженность работе являются для всех нас примером.

Что касается меня, мои дети, внучка (самый лучший ребенок на свете — я не преувеличиваю), дорогие друзья, моя работа и мой сад приносят мне много радости. Поскольку я пообещала открыть сад для публики в июле, ко всеобщему удовольствию, я немного стала одержима им. Но он выглядит фантастически, хотя это всего лишь мое мнение.

Несколько месяцев назад совершенно случайно я встретила Питера на Южном берегу Темзы. Я была с Алланом, и мы только что вышли из кино. Мы втроем весело поболтали, и Питер обнял меня, и это было восхитительно. Он казался очень счастливым и спокойным и с большим энтузиазмом рассказал нам о своих новых отношениях. Я рада, что у него все хорошо — ваша виньетка напомнила мне, насколько важную роль он сыграл в моем «выздоровлении» — замечательный человек. Он прислал мне фотографию, где вы с ним сфотографированы на его выпускной церемонии — два замечательных человека!

Для меня большая честь сыграть небольшую роль в вашем проекте. Групповая работа очень сильна, она трансформирует, и она изменила мою жизнь...

3

Пожалуйста, простите за задержку с ответом. Это чтение произвело на меня гораздо более сильное впечатление, чем я ожидал. Я почувствовал необходимость позволить этому осесть во мне, прежде чем ответить.

Короткий ответ: да, я с радостью даю согласие. Более длинный ответ состоит в том, что это чтение само по себе стало еще одним шагом на моем пути. Я помню эпизод из виньетки, и чем больше я размышлял над тем, что вы написали, тем больше я вспоминал: участников группы, кабинет, атмосферу, мои чувства, ваше лицо и голос. Что меня удивило в вашем рассказе, так это острота инцидента и масштабы его последствий. Я недооценивал это, конечно, насколько я помню. Это также очень связано с моей нынешней жизнью, поскольку мой основной вопрос все еще актуален для меня: мой отец все еще жив (мать умерла в 2008 году), живет совсем недалеко от нас, и по мере того, как он слабеет, мои отношения с ним продолжают меняться. Вообще-то я смог поговорить с ним о том, что в моем детстве он отсутствовал дома, о моей жизни и выразить свой гнев по поводу прошлого, а он выразил свое сожаление по поводу этого в очень открытой для него по его меркам манере. Конечно, нам было нелегко говорить об этом, но мы признали некоторые важные вещи. Мне в значительной степени удалось выразить свой гнев по поводу всего этого, а то, что осталось внутри, имеет более спокойный характер. Отец тоже изменился и теперь лучше выражает свои мысли, например, о том, насколько он ценит своих внуков.

Итак, пожалуйста, используйте виньетку в том виде, в каком она есть, и я с нетерпением жду возможности купить и прочитать всю книгу в свое время! И однажды я хотел бы встретиться снова.

С моими наилучшими пожеланиями и неизменной благодарностью...

4

Надеюсь, вы в порядке. С тех пор, как я покинул группу, мое утро вторника занято посещением спортзала, но я все еще опечален тем, что после четырех лет больше ни с кем не встречу в вашем доме. Группа всегда будет возникать в моих мыслях каждый вторник, и я буду размышлять о моих темных временах, о том, как я общался с людьми, которым повезло меньше, чем мне, о том, как группа придала мне смелости продолжать помогать другим людям. Я с не-

терпением жду выхода вашей будущей книги и через год надеюсь встретиться с группой на общей встрече, о которой мы договорились. Всего наилучшего вам и вашей семье.

5

Было приятно получить весточку от вас, и примите мои поздравления в связи с вашей книгой. Эта книга является очень захватывающим чтением, чего не скажешь о многих академических пособиях. Четыре дня назад, когда я что-то печатала возле кафе, мой ноутбук выхватили у меня прямо из-под носа. Это научит меня почаще выезжать с фермы... Я только сейчас нашла ваше сообщение. Приятно было получить напоминание о группе и жизни до истории с ноутбуком.

У меня нет проблем с тем, что вы используете материалы групповых занятий, относящиеся ко мне. Мое Эго было бы задето, если бы я вообще не была упомянута (при условии, что я узнала бы об этом), хотя моя роль заиклившей на матери, плохо одетой «погремушки» не особенно важна здесь. Разве вы не можете написать обо мне главу? Пожалуйста! Ну, пожалуйста! Только подумайте, насколько это было бы терапевтично для меня. Сколько я узнала бы о себе, сколько ко узнал бы обо мне мир. Я шучу, шучу ...

В тот трудный для меня период жизни «праздник» общения, в котором я участвовала в группе, сильно отличался от «нормальной жизни», по крайней мере, моей нормальной жизни сейчас, когда иногда самым глубоким взаимодействием является общение со свиньями и кошками. Удовольствие, которое дарит группа, регулярные напоминания о том, что жизнь хороша, сложна, удивительна и забавна, и все это благодаря другим нелепым людям, таким же, как и я. Мне жаль, что я не связалась с вами сразу же после того, как покинула группу. Не могли бы вы передать это тем участникам группы, кому на это наплевать? Я поняла, что процесс ухода из группы сам по себе был очень терапевтичным и воодушевляющим, и я хранила молчание отчасти из-за чувства завершенности, которое испытала в самом конце. Как бы то ни было, я часто думала обо всех, очень много о Соне и ее ключах, о Линни, говорящей с особой интонацией: «Такие вот дела», — и о Меле, с его взрывным характером. Вы все еще работаете вместе с Хильдой? И вы во всем своем доброжелательном блеске продолжаете разруливать острые моменты? Я надеюсь, что у вас всё хорошо и вы получили удовольствие от написания книги. Вы очень

помогли мне, вы и групповой анализ, непревзойденный король терапевтических методов.

Я в более или менее хорошей форме, румяна, без лекарств, живу на ферме с тех пор, как покинула группу в конце 2010 года. В основном я много работаю, по крайней мере, по своим меркам, ухаживаю за скотом и помогаю художникам. По-прежнему преподаю и рисую. Не замужем с момента разрыва. Я, наверное, до безумия утомляла вас всех, но я встретила много интересных людей и задавалась вопросом, возможны ли какие-либо функциональные отношения.

Мои наилучшие пожелания вам и всем участникам группы...

6

Большое спасибо за ваше письмо. Было приятно получить от вас известие. У меня все хорошо, но я думаю обо всех вас в группе и скучаю по вам. Я многому научилась у всех в группе, особенно у вас, Джон. Я считаю, что для меня было честью быть частью группы и учиться у вас и других участников. Я продолжаю учиться даже после того, как покинула группу, и я часто думаю о ваших мудрых словах и чудесных историях. Моя частная практика идет очень хорошо, у нас есть прекрасный кабинет в здании в центре города. Мы упорно работаем над развитием практики и получаем много рекомендаций. Мы собираемся создать группу, которую мы называем группой восстановления, я надеюсь запустить ее вместе с одним из моих коллег. Работа в *NHS* продолжает оставаться для меня сложной задачей, и я думаю, что так будет и дальше. Может быть, мне нужно с грустью подумать об уходе.

Передавайте привет всем участникам группы, которые меня знают.

С наилучшими пожеланиями...

7

Я только что окончил чтение.

Это написано так же прекрасно, как прекрасно вы вели группу.

Спасибо, что вернули меня к очень значимому для меня групповому общению.

В этом году моя мама, как я уже говорил, столкнулась с серьезными проблемами со здоровьем, и много раз, как и неделю назад, мы были очень близки к «концу», поэтому мне кажется, что я все еще являюсь частью этой «плачущей группы», а может быть, и все мы?

Крепко обнимаю и желаю всего самого доброго.

Я благодарен вам за то, что спросили у меня разрешения.

Я благодарен вам за то, что вы приложили много усилий для написания этой книги. Это очень важно.

Я даю вам разрешение и желаю успехов в написании этой книги.

Примечания

1. «Общая зона» — это термин, которым мы обязаны Фуксу. Он вводится в главе 1 и определяется и используется в главе 4 и в других частях книги.

Литература

- Adshead G. (2015). Strangers and Angels: A Response to John Schlapobersky's Foulkes Lecture // Group Analysis. V. 48. P. 433–446.
- Bollas C. (1987). The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known. London: Free Associations Press.
- Bollas C. (1990). Creativity and Psychoanalysis // C. Bollas. The Mystery of Things. London: Routledge. P. 167–180. Reissued: Gerard Fromm M. (Ed.). The Spirit That Impels: Play Creativity and Psychoanalysis. London: Karnac. P. 3–20.
- Bollas C. (1993). Being a Character: Psychoanalysis and Self-Experience. London: Routledge.
- Bosse H. (2000). Von der Couch zum Kreis. Wandlungen des Übertragungsverständnisses auf dem Weg zu einer gruppenanalytischen Theorie und Praxis // Gruppenanalyse. Zeitschrift für gruppenanalytische Psychotherapie, Beratung und Supervision. V. 10 (1). S. 49–66.
- Brooks F. (2009). The Othering of Silence in Groups. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College University of London.
- Brown D. (1994, 2000). Self-Development Through Subjective Interaction: A Fresh Look at Ego Training in Action // D. Brown, L. Zinkin (Eds). The Psyche and the Social World. London: Routledge. Reissued: London: Jessica Kingsley, 2000. Republished: J. Maratos (Ed.) (2006). Resonance and Reciprocity: Collected Papers of Denis Brown. London: Routledge. P. 107–123.
- Cox M. (1978). Structuring the Therapeutic Process: Compromise with Chaos. Oxford: Pergamon. Reissued: London: Jessica Kingsley, 1993.

- Cox M., and Theilgaard A. (1987). *Mutative Metaphors in Psychotherapy: The Aeolian Mode*. London: Jessica Kingsley.
- Cox M., Theilgaard A. (1994). *Shakespeare as Prompter: The Amending Imagination and the Therapeutic Process*. London: Jessica Kingsley.
- Faust D. G. (1988). *The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Faust D. G. (1996). *Mothers of Invention: Women of the Slaveholding South in the American Civil War*. New York: Vintage Books.
- Foulkes S. H., Anthony E. J. (1957/1965). *Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach*. London: Penguin. Reissued: London: Karnac, 1984.
- Gans J. (2010). *Difficult Topics in Group Psychotherapy: My Journey from Shame to Courage*. London: Karnac.
- Greene L. R. (2012). *Group Therapist as Social Scientist, with Special Reference to the Psychodynamically Oriented Psychotherapist* // *American Psychologist*. V. 67 (6). P. 477–489.
- Haddock R. (1992). *Silence in the Matrix in Group Psychotherapy. Theory Paper for Qualification*. London: Institute of Group Analysis.
- Levens M. (2011). *Are Words Important in Group Analysis? An Exploration of the Consequences of Verbal Articulation*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Mies T. (2015). *Some Notes about a Responsive Phenomenology. A Response to John Schlapobersky: 'On Making a Home amongst Strangers'* // *Group Analysis*. V. 48. P. 455–464.
- Ormont L., Furgeri L. B. (2001). *The Technique of Group Treatment: The Collected Papers of Louis Ormont*. New York: Psychosocial Press.
- Pines M. (2015). *Collected Papers*. London: Routledge.
- Prinsley A. (2013). *Nightingales of the South: Female Nursing and Transforming Gender Roles in the Confederacy during the Civil War*. Dissertation, Department of History, University College London.
- Schlapobersky J. (2015). *On Making a Home amongst Strangers: The Paradox of Group Psychotherapy. 39th Foulkes Lecture* // *Group Analysis*. V. 48 (4). P. 406–432.
- Singe S., rev. (1990). *Singer Daily Prayer Book*. United Hebrew Congregations. London: Singer Prayer Book Publication Committee.
- Spotnitz H. (1961). *The Couch and the Circle: A Story of Group Psychotherapy*. New York: Alfred A. Knopf Inc. Reissued: Literary Licensing, 2012.

- Tyerman S. (2012). *Watching the Body in the Group*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- Verebes-Weisz J. (2011). *Capacity to Be in a Group: Small Group Psychotherapy in a Forensic Therapeutic Community for People With Dangerous and Severe Personality Disorder*. Theory Paper for Qualification. London: Institute of Group Analysis.
- von Fraunhofer N. (2008). What's in It for Me? The Development from Immature to Mature Dependence in Groups // *Group Analysis*. V. 41 (3). P. 278–290.
- Wainstein S. (2013). *An Exploration of Intimacy in Group Analytic Psychotherapy*. MSc dissertation. London: Institute of Group Analysis, Birkbeck College, University of London.
- Weegmann M. (2001). Working Intersubjectively: What Does It Mean for Theory and Therapy? // *Group Analysis*. V. 34. P. 515–530. Reissued: E. Hopper, H. Weinberg (Eds) (2011). *The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies*. V. 1: *Mainly Theory*. London: Karnac. P. 133–154.
- Wilson P. (2005). Breaking Down the Walls: Group Analysis in a Prison // *Group Analysis*. V. 38 (3). P. 358–370.
- Winnicott D. (1951, 1978). *Transitional Objects and Transitional Phenomena* // D. W. Winnicott. *Through Pediatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press. P. 229–242. Reissued: Winnicott D. W. *Playing and Reality*. Harmondsworth: Penguin. P. 1–34.
- Winnicott D. (1963, 1985). *Communicating and Not Communicating Leading to a Study of Certain Opposites* // D. W. Winnicott. *The Maturation Process and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press. P. 182–183.
- Wojciechowska E. (1993). *The Group as Transformational Object: Fusion, Transition, Transformation*. Theory Paper. London: Institute of Group Analysis.
- Wotton L. (2011). Expecting the Unexpected: A Source of Change in Analytic Groups // *Group Analysis*. V. 44 (3). P. 315–327.
- Wotton L. (2012). Between the Notes: A Musical Understanding of Change in Group Analysis // *Group Analysis*. V. 46 (1). P. 48–60.
- Wotton L. (2015). Improvising a Home amongst Strangers. A response to John Schlapobersky's Foulkes Lecture // *Group Analysis*. V. 48. P. 447–454.
- Wright K. (2009). *Mirroring and Attunement: Self-Realizations in Psychoanalysis and Art*. London—New York: Routledge.

Именной и предметный указатель

crescendo/decrescendo роли ведущего (crescendo/decrescendo in conductor's role) 212, 253, 324, 449, 471–472, 511, 540

авторитет (authority): авторитет ведущего в связи с внешними граничными событиями, иллюстрация (conductor's authority with external boundary events illustrated) 179–180; авторитет ведущего в связи с внутренними граничными событиями, иллюстрация (with internal boundary events illustrated) 454–455; в базовых допущениях Биона (in Bion's basic assumptions) 320–321; ведущего/организатора (of conductor/convenor) 443; в группаналитической теории развития (in group-analytic developmental theory) 170–174; в динамическом администрировании (in dynamic administration) 363–364; иллюстрации (further illustrations) 369–371; как основа для клинических вмешательств (as the basis for clinical interventions) 351; в ранних теориях развития (in past developmental theory) 157–159; в фуксовском crescendo/decrescendo (in Foulkes's "crescendo/decrescendo") 212, 253, 449

Агазарян И. (Agazarian Y.): влияние Фукса на (Foulkes's influence on) 258; вспомогательное Эго (auxiliary ego) 230; классификация дисфункций (classification of dysfunction) 99; лидерская активность (leadership activity) 313; подгруппинг (sub-grouping) 329–330, 582; признание резонанса Фукса (recognition of Foulkes's resonance) 347, 382–384; системно-центрированная терапия (systems-centred therapy (SCT)) 329–330; системные концепции (systemic concepts) 194; теория группового развития (theory of group development) 159, 186

- агентность (agency): группы (of group) 426, 483, 511; как ключевой фактор в терапевтических группах (key factor in therapy groups) 126, 162, 166, 196, 388, 417, 644; в судебно-медицинской работе (in forensic work) 274
- Адлам Дж. (Adlam J.) 563
- акустический резонанс (acoustic resonance) *см.* резонанс (resonance)
- Александр Ф. (Alexander F.): корректирующее повторное проживание опыта жизни в родительской семье (corrective recapitulation family experience) 122, 131; «поворот» в сторону отношений вместе с Ференци и Балинтом (relational shift, with Ferenczi and Balint) 532
- альфа-самцы (alpha males) 509
- амбулаторная психотерапия (outpatient psychotherapy) 99
- Американская ассоциация групповой психотерапии (American Group Psychotherapy Association) 98, 158, 295, 326
- ангел, метафора (angel metaphor): в групповой терапии (group therapy) 605–611; в индивидуальной терапии (individual therapy) 598–602; в парной терапии (couples therapy) 602–605
- Анселл Дж. (Ansell J.) 300
- антигруппа (anti-group): вклад Нитсана (Nitsun's contribution) 167–170; в групповой терапии (in group therapy) 60, 136, 174, 435, 445, 451, 538, 560; в групповой теории и развитии (in group theory and development) 155–158, 165; в институтах (in institutions) 272; в обществе (in society) 60
- антисоциальная сексуальность (anti-social sexuality) 276–279
- Арло К. (Arlo C.) 35, 131–132, 148, 581, 634
- Арнольд М. (Arnold M.) 247, 563–564
- архаический/первичный домен /уровень (archaic/primordial domain/level) 425, 478, 487–488, 517
- атмосфера (климат, погода) в группах (weathering in groups) 82, 112–113, 643–644
- аутсайт (outsigh) 44, 68, 93; иллюстрации (illustrated) 351–352, 369, 390–391, 575–578; обсуждение (discussed) 411, 492, 576; определение (defined) 123; и отзеркаливание (and mirroring) 388; и стремление и принадлежность (and longing and belonging) 575–578
- базовые допущения по Биону (basic assumptions (Bion)) 134, 155, 157–159, 318–321
- Балинт М. (Балинт М.) 209–211, 521, 525–526, 532–534; *см. также:* объектные отношения (object relations)
- Бамбер Х. (Bamber H.) 9, 68, 281; *см.:* также фонд Хелен Бамбер
- Баньян Дж. (Bunyan J.) 154
- Барвик Н. (Barwick N.) 92
- Барнс Б. (Barnes B.) 49

- Барроу Т. (Burrow T.) 323, 327
Бартель-Розинг М. (Barthel-Rosing M.) 441
Бахтин М. (Bakhtin M.) 57, 195
«Бездомный ум» (Бергер) (*The Homeless Mind* (Berger)) 563
Беннис У. Г. (Bennis W. G.) 126, 156–158
Бер Г. (Behr H.) 91, 111–112, 121, 324, 363–364, 443, 447, 451, 584
Бергер М. (Berger M.) 92, 388
Бергер П. (Berger P.) 563, 565
Берман А. (Berman A.) 92, 385
бескорыстное слияние (self-denying fusion) 163
«Би-группа» Британского психоаналитического общества (B-Group of the British Psychoanalytic Society) 521
Бион У. (Bion W.) 65, 126; атаки на связь (attacks on linking) 143; базовые допущения (basic assumptions) 157–159, 186, 201, 314, 318–321, 595
Биркбек-колледж Лондонского университета (Birkbeck College University of London) 9, 36, 67
Бледин К. (Bledin K.) 49, 165, 563
близость, как фаза (intimacy phase) 126, 162–163, 174–176, 180–181
блоковые группы (block groups) 52, 254, 290–292
Боллас К. (Bollas C.) 83, 130, 479; метафора, мнемические и символические объекты (metaphor, mnemonic and symbolic objects) 83, 130, 479, 592; перенос (transference) 515–516, 522–523, 529, 534; собирание я (gathering of the self) 591, 601; тень объекта (shadow of the object) 522–523, 562, 596–597; трансформация (transformation) 236, 597
борьба/бегство как базовое допущение в группах (fight/flight as basic assumption in groups) 159, 320–321
Босвуд Б. (Boswood B.) 9
Боссе Х. (Bosse H.) 642
Боулби Дж. (Bowlby J.) 522
Браун Д. (Brown D.) 32, 612–613; внутренние границы группы (internal boundaries of group) 454; метаспсихология (metapsychology) 210, 321, 377; психосоматика (psychosomatics) 286–289; резонанс и взаимность (resonance and reciprocity) 384, 386; эго-тренинг в действии (ego training in action), саморазвитие (self development), межличностная валидация (intersubjective validation) 92–94, 170, 210, 377, 591–596
Браун С. (Brown S.) 165
британская школа объектных отношений (British School of Object Relations), см.: объектные отношения
Британское психоаналитическое общество (British Psychoanalytic Society) 29, 521, 525–526
Бродмур, больница (Broadmoor Hospital) 254, 274–276

Брукс Ф. (Brooks F.) 50, 83, 223, 418, 646

Бубер М. (Buber M.) 39, 50, 56–57, 120, 126; *см. также*: Миллард П. (Millard P.)

Бурман Э. (Burman E.) 49

быстро открытая группа (fast-open group) 258

Вайнберг Х. (Weinberg H.) 49, 165, 441

Вайнштейн С. (Wainstein S.) 43–44, 50, 83, 113, 418, 646

валентность как динамика процесса (valency as process dynamic): исследования и варианты применения (explorations and applications) 398–404; обзор (overview) 386; примеры (examples of) 390–392; язык группы (language of the group) 202–203; *см. также*: Бион У. (Bion W.)

ведущий (conductor): crescendo и decrescendo роли ведущего 372, 449; авторитет ведущего (authority), *см.*: авторитет; Бер и Херст о ведущем (Behr and Hearst on) 363–364, 443; болезнь ведущего (illness of) 241–242; ведущий как человек и его ресурсы (person and resources of) 85, 443–473; вмешательство ведущего (intervention by) 376; внутри и вне группы (inside and outside the group) 84; и голос символа (and the voice of the symbol) 415; динамики процесса и (process dynamics and) 376–377, 393–394, 412; и динамическое администрирование (and dynamic administration) 363–364, 443, 449, 452–455; единый термин для обозначения лидерства (unique term for leadership) 443; иллюстрации (illustrations) 351–356; интегрированные обязанности (integrated responsibilities of) 459–471; и исследование SALT-GAP (SALT-GAP study and) 266–269; карта ведущего (map for) 343; в качестве пилота ТАРДИС (as pilot of TARDIS) 113; Кокс о ведущем (Cox on) 90–91; культивирование сплоченности и согласованности (cultivating cohesion and coherence) 102; локализация, перевод, интерпретация (location, translation, interpretation) 106, 616–629; определение (defined) 82, 89; как организатор (as convenor) 446, 452–455; как организатор, терапевт и участник группы (as convenor, therapist and group member) 446; основная работа ведущего (primary job of) 47–48; основные формы вмешательства (and narrative content) 107–109; и повествовательное содержание (and narrative content) 416, 420–421; превращение монолога в диалог и диалога в дискурс (turning monologue into dialogue and dialogue into discourse) 106, 162, 191–218; превращение отношенческого в рефлексивный и рефлексивного в репаративный опыт (turning relational into reflective and reflective into reparative experience) 106, 121–122, 162; превращение тематического и нарративного анализа в терапию (turning thematic and narrative analysis into therapy) 420–422; преобладающая идентичность и обязанности (prevailing identity and responsibilities)

- 460–461; психология трех человек (three-person psychology) 211; ролевые функции (role functions of) 343; роль ведущего (role of) 106, 443–445; и свободно текущая дискуссия (and free floating discussion) 141, 191–218; связанный с переносом домен и (transference domain and) 450, 457, 536–538, 544–545; и сеттинг (and the setting) 453; советы ведущему (advice to) 446–448; состав группы как наиболее долгосрочный вклад ведущего (composition most enduring contribution) 54, 98, 346, 360–361, 364–369; сравнение с лидерством в других моделях (contrasted with leadership in other models) 310–334; и структурные динамики/принципы (and structural dynamics/principles) 347, 360–362; субъективность ведущего (subjectivity of) 85, 347, 444; как суфлер в нарративной неудаче (as prompter in narrative failure) 227; как терапевт (as therapist) 449–450, 455–457; терапевтические задачи ведущего (therapeutic challenges of) 420–421; терапевтическое направление (therapeutic direction) 121; и управление словесной и безмолвной коммуникацией (and managing silent and spoken communication) 237; как участник группы (as group member) 450, 457–459; Фукс о ведущем (Foulkes on) 212–213, 253; Энтони о ведущем (Anthony on) 30–31, 471–473
- Веребес-Вайс (Verebes-Weisz J.) 50, 83, 273, 418, 646
- вертикальный перенос (vertical transference) 540–547 *см. также* горизонтальный перенос (horizontal transference)
- взаимность (обмен) как динамика процесса (reciprocity (exchange) as process dynamic) 377, 386–387
- Вигманн М. (Weegmann, M.) 49, 62, 83, 111, 153, 156, 253, 523, 526, 591
- видимая/невидимая группа (visible/invisible group) 356–358
- Винникотт Д. В. (Winnicott D. W.) 83; антисоциальная тенденция (anti-social tendency) 277–278; благоприятная среда группы (facilitating environment of group) 522; игра в прятки (game of hide and seek) 588; идиома, метафора и переходное пространство (idiom, metaphor and intermediate territory) 564; контейнирование (containment) 325; корректирующий эмоциональный опыт (corrective emotional experience) 131; мать-объект и мать-среда (object and environment mother) 557, 561; ненависть в контрпереносе (hate in countertransference) 534; перенос в переходном пространстве (transference in intermediate territory) 535; переходное пространство/связанный с переносом домен (intermediate territory/transitional domain) 165, 236, 240, 287–289, 418, 557, 597; переходные объекты и их производные (transitional objects and their derivatives) 561–562, 564–565, 567, 571, 597; репрезентированный мир (representational world) 564–565; символический характер культурной сферы (symbolic makeup of cultural field) 561; стремление и принадлежность (longing and belonging) 565; теория объектных отношений (object relations theory)

- 521, 525, 534; формы игры (forms of play) 566–567; *см. также*: объектные отношения (object relations)
- Витакер Д. С. (Whitaker D. S.) 125, 161, 208, 241, 252
- вмешательства, связанные с поддержанием структуры (maintenance interventions) 108–109
- внешние граничные события (external boundary events) 454–455
- внутренние граничные события (internal boundary events) 455
- внутрипсихических драйвов психология (intrapsychic drive psychology) 210
- возвращение вытесненного (return of the repressed) 427, 431, 574, 612
- воплощение-проекция-роль (ВПР) (embodiment-projection-role (EPR)) 566–567
- вспомогательное Эго (auxiliary ego) 92–93, 136, 143, 148, 229–233, 426, 559, 579–581, 644
- Гейне Г. (Heine H.) 226–227
- гипнотерапия (hypnotherapy) 533
- главные внутренние объекты (dominant internal objects) 612
- глубинная психология (depth psychology) 85, 170, 350, 518
- голография (holography) 66, 93, 113, 488–489, 622, 644
- голосовая терапия (voice therapy) 60
- Гольдштейн К. (Goldstein K.) 50, 55–56, 61, 263
- Гордон Дж. (Gordon J.) 49, 60, 534
- горе в групповой терапии (grief in group therapy) 183–185, 392–393, 568; *см. также*: горевание (mourning)
- горизонтальный перенос (horizontal transference) 540–542, 547–549; *см. также*: вертикальный перенос (vertical transference)
- граница (boundary): внешняя (external) 454; внутренняя (internal) 454–455; группы как целого (of group as a whole) 318, 322, 324, 373; нарушение границы (transgressive) 504, 574; граничные события (boundary events) 141, 149, 171, 174, 179–180, 326–327, 351–352, 357–358, 403, 454–455, 468
- Грендон, больница (Grendon Hospital) 255, 270, 273
- группаналитическая модель (Group-analytic model): варианты группаналитических групп (range of group-analytic groups): блоковые (block) 52, 251, 254, 290–292; дважды в неделю (twice-weekly) 52–53, 98, 143, 206, 213, 224, 230, 251, 254, 257–258, 290, 293–302; закрытые (closed) 53, 65, 251, 255–257, 262, 267, 366, 462; комбинированные (combined) 257; медленно открытые (slow-open) 65, 177, 185, 254–258, 291–302, 355, 368–369, 459, 642; один раз в неделю (once-weekly) 53, 251, 254, 258, 259–266, 294; однородные (гомогенные) (homogeneous) 65, 100–101, 252, 257–260, 270–289, 311–313, 317, 350, 364, 366–367; открытые (open) 65, 256; смешанные (гетерогенные) (mixed) 53, 65, 99, 251–252, 254–259, 267, 283–284, 286,

- 291–302, 350, 364, 397; совмещенные (conjoint) 257; видение и клинический метод (vision and clinical method) 102–103; видимые и невидимые группа (visible and invisible group) 356–358; группаналитический «поворот» (group analytic “turn”) 61–62; изложение модели (exposition of model) 341–343, 344–358; истоки модели во франкфуртской школе (history of model in Frankfurt) 55–57; методы и методология (methods and methodology) 651; основные принципы (key principles) 81–83, 89–94; основные схемы развития (basic developmental schemata) 161: в том числе: антигруппа (anti-group) 165, 167–170; близость, агентность и принадлежность (intimacy, agency and belonging) 162–163, 166; от динамики диады к динамике триады (from dyadic to triadic dynamics) 164, 167; развитие культуры и идентичности (development of culture and identity) 165, 167; слияние, взаимность и зрелость (fusion, reciprocity and maturity) 163, 166–167; теория фокального конфликта (focal conflict theory) 161, 166; три измерения групповой терапии – отношенческое, рефлексивное, репаративное (three dimensions of group therapy – relational, reflective, reparative) 162, 166, 120–149; три способа использования снов в группах – информативный, формирующий и трансформирующий (three uses of dreams – informative, formative, transformative) 163–164, 167; язык группы – монолог, диалог и дискурс (language of group – monologue dialogue and discourse) 162, 166, 191–218; оценка (evaluated) 48–49, 51–52, 261–269, 293–303; переосмысление (re-making of meaning) 90–94; показания и противопоказания (indications and contra-indications) 98–101; применение модели в 10 клинических исследованиях (applications of model in 10 clinical studies) 251–303; с клиническим фокусом литература (clinically focussed literature) 49; терапевтическая техника/принципы работы (therapeutic techniques/operational principles) 107–108; эвристическое обучение (heuristic learning) 41–43
- «Группаналитическая практика» (Group Analytic Practice) 257, 294
- группаналитический «поворот» (group-analytic “turn”) 61–62
- Группаналитическое общество (Group Analytic Society) 59
- групповая психотерапия (group psychotherapy): группаналитическая модель (Group-analytic) 323–326; мутативные метафоры (mutative metaphors) 147–148; обзор (overview) 120–125; диапазон моделей (range of models) 318–330; интерперсональная модель (Interpersonal) 321–323; концептуальная основа для дифференциации методов, моделей и практических приложений групповой терапии (conceptual frame differentiating methods, models and applications) 310–318; психоаналитическая модель в США (Psychoanalytic in USA) 326–327; системно-центрированная терапия для групп (Systems Centred Therapy for Groups) 329–330; современный психоанализ в США (Modern psychoanalysis in

- USA) 327–329; терапевтические факторы (therapeutic factors) 127–129; трех измерений модель, определение (three-dimensional model defined) 129–132; трехчастное разделение (tripartite division) 124–126; тэвистокская модель и Бйон (Tavistock and Bion) 318–321; цели и словарь, категории потребностей (aims and vocabulary, categories of need) 96–98 групповое развитие (group development) *см.* индивидуальное и групповое развитие (personal and group development) групповые защиты (group defences) 157, 558, 647 Грэхэм Р. (Graham R.) 218
- дважды в неделю групповая психотерапия (twice-weekly group psychotherapy) 293–303
- дважды в неделю медленно открытая группа (twice-weekly slow-open group) 258–259
- двенадцать уровней опыта у Фукса и Энтони (12 levels of experience in Foulkes and Anthony) 481, 489–491; иллюстрации (illustrated) 491–493, 497–498
- де Зулуета Ф. (de Zulueta F.) 49, 59
- де Марэ П. (de Maré P.) 59, 93, 123, 195, 358, 388
- дедуктивные и индуктивные теории групп (deductive and inductive group theory) 155–158, 169, 319
- депрессия и групповая терапия (depression and group therapy) 98, 261–266, 368, 522, 592–593; иллюстрации лечения депрессии в терапевтических группах (illustrations of depression treated in therapeutic groups) 138–142, 144–147, 180–181, 213–215, 242–246, 435, 438–440, 450, 485–486, 592–594, 598–601
- дети и подростки (children and adolescents): в групповой терапии (in group therapy) 566; группы для (groups for) 41, 61; в работах Винникотта (in writing of Winnicott) 240, 561–562, 565, 567; в работах Дженнингса (in writing of Jennings) 566–568; в работах Пайнса (in writing of Pines) 567, 570–571; в работах Эриксона (in writing of Erikson) 492–493; развитие языка в раннем возрасте (early development of language) 572; Энтони о факторах сопротивляемости и уязвимости (Anthony on resiliency and vulnerability factors) 31
- детско-родительские отношения (parent – child relationship) 525
- деятельностные группы (activity groups) 315
- Джеймс У. (James W.) 197, 571–572
- Дженнингс С. (Jennings S.) 566–568
- Джилл М. (Gill M.) 447
- Джона Ховарда Центр (John Howard Centre) 273
- Джонс М. (Jones M.) 270

- диалог (dialogue): и crescendo/decrescendo (and crescendo/decrescendo) 212; и авторитет (and authority) 352; вовлечение, власть, близость, изменение, завершение (engagement, authority, intimacy, change, termination) 175; враждебный (hostile) 204, 547–549; диалог Платона (Plato's) 107; в домене, связанном с переносом (in transference domain) 539; задачи развития в группе (development tasks in group) 175; иллюстрации с монологом и дискурсом в виньетках (illustrations with monologue and discourse in vignettes) 84–88; определение в групповой терапии (defined in group therapy) 192; в отношенческом измерении (in relational dimension) 132–134; между пациентом и аналитиком (between patient and analyst) 210; с пережившими жестокое обращение (with survivors of abuse) 285; с помощью жестов (gestural) 570–571; в психологии двух человек (in 2-person psychology) 196; работа ведущего с диалогом (conductor's work with) 106–107; развивающий (developmental) 153; разрешающий (resolving) 229; репаративный (reparative) 86–87, 201–203, 531; как речевая форма языка группы (as speech form in language of group) 66, 105; рефлексивный (reflective) 197; в свободно текущей дискуссии (in free-floating discussion) 92–93; в судебной психотерапии (in forensic psychotherapy) 275; терапевтический (therapeutic) 404; в фазе консолидации терапевтических групп (in consolidation phase of therapy groups) 460; в языке группы (in language of group) 162, 166
- динамика изменений (dynamics of change) 477–479
- динамическое администрирование (dynamic administration): внешнее (external) 454; внутреннее (internal) 454–455; и граничные события (and boundary events) 346, 351; и молчание (and silences) 241; определение (defined) 363–364; организаторская роль ведущего (conductor's convening role) 93, 446, 452–453; первичность динамического администрирования (primacy of) 344–345; в построении группы (in construction of group) 360, 363–364; и сеттинг (and setting) 453; сопоставление функций ведущего с доменами группы (conductor's role function mapped against group's domains) 469, 496; и структурные вмешательства (and structural interventions) 345; в фазах цикла группового развития (in phases of group's cycle of development) 460
- дискурс (discourse): и глубинная психология (and depth psychology) 350; в групповой терапии (in group therapy) 191–197, 206–209; и зрелая зависимость (and mature dependence) 163; и измерение содержания (and dimension of content) 416–418; иллюстрации (illustrated) 202, 204, 206, 549–551, 605–611; иллюстрации с монологом и диалогом в виньетках (illustrations with monologue and dialogue in vignettes) 84–88; в карте ведущего (in conductor's map) 343; в кругу (round the circle) 86; и лидерство (and leadership) 463–464; и локализация (and location) 435,

- 631–632; и модель трех измерений (and three-dimensional model) 348, 357; и молчание (and silence) 238; и обмен репликами (and conversational exchange) 134; и образность (and imagery) 417, 429; и общая зона (and common zone) 208, 612; определение в групповой терапии (defined in group therapy) 192–197; и отношенческое поле (and relational field) 197, 572, 579; и перенос (and transference) 519, 539; продвигаемый ведущим (promoted by conductor) 449–450, 456, 617; как продвинутая форма коммуникации (as advanced form of communication) 105–107, 127; в психологии трех человек (in 3-person psychology) 194–196; как работа хора (as work of a chorus) 107; развитие (progression) 533; и развитие тем (and thematic development) 427; расширяющийся курс (widening) 531; и резонанс (and resonance) 499; как речевая форма языка группы (as speech form in group's language) 66, 105, 162, 166, 423; в свободно текущей дискуссии (in free-floating discussion) 91, 93; и семантические/отношенческие элементы (and semantic/relational elements) 209; социальный (social) 569; и текущий домен (and current domain) 244; к теории (towards theory of) 213–217; и теория дискурса/анализ (and discourse theory/analysis) 236, 238, 456; терапевтический (therapeutic) 404; в тишине (within silence) 238–240; как цель монолога и диалога в групповой терапии (goal of monologue and dialogue in group therapy) 175; и цепная реакция (and chain reaction) 215, 428; в цикле фаз развития группы (in cycle of group's development phases) 460–461
- диссоциация (dissociation): избегающая (avoidant) 390–391; иллюстрация (illustrated) 390–394; как ложное решение (as false solution) 186; общее диссоциативное состояние (general dissociative state) 392–394; в «плачущей группе» (in “crying group”) 506; в проективном отзеркаливании (in projective mirroring) 406; сексуальная (sexual) 354; при «6 градусах ниже нуля» (at “6 degrees below zero”) 491
- доказательная практика (evidence-based practice) 51–52, 650–652
- драматическая игра (dramatic play) 566
- «другой-для-меня» (Бахтин) (“the-other-for-me” (Bakhtin)) 57
- «Дуврский берег» (Арнольд) (Dover Beach (Arnold)) 247, 563
- Дюркин Х. (Durkin H.) 126, 159–160

Европейская сеть группаналитических институтов (EGATIN) (European Group Analytic Training Institutions Network (EGATIN)) 642

женщины, пережившие в детстве сексуальное насилие (female survivors of child sexual abuse) 283–286

женщины, пережившие сексуальное насилие в детстве (child sexual abuse,

- female adult survivors) 283–286; *см. также*: сексуальные домогательства (abuse)
- жест, коммуникация с помощью жестов (gestural communication) 81–82, 136–137, 566–571; иллюстрация ведущим (conductor's illustrated) 576–577; эмпатическая (empathical) 595
- живые человеческие системы (Living Human Systems) 329–330; *см. также*: Агазарян И. (Agazarian Y.)
- завершение (adjourning), *см.*: пятифазная последовательность развития в теории групп (five-phase progression in group theory)
- завершение, фаза (termination phase) 183–185
- зависимость в групповой терапии (dependency in group therapy): как базовое допущение (Бийон) (as basic assumption (Bion)) 320; характер (фон Фрайнгофер) (qualities of (von) Fraunhofer)) 126–127, 163
- зависть (envy) 96, 171, 206–208, 218, 391, 494–495, 501, 503–504, 506, 512, 514, 580–581
- закрытые группы (closed groups) 53, 251, 255–257, 262, 267, 366, 462
- Зальцбергер-Виттенберг И. (Salzberger-Wittenberg I.) 176
- «зафиксированное во времени» в групповой психотерапии (the timed in group psychotherapy) 104
- Зейсел Э. (Zeisel E.) 328
- злокачественное отзеркаливание (malignant mirroring) 204–205, 405–406, 547–549
- зона ближайшего развития (Виготский) (zone of proximal development (Vygotsky)) 58
- зона общения по Фуку (zone of communication (Foulkes)) 208–209
- зрелая зависимость (mature dependency) 163
- игра (play): Винникотт (Winnicott) 240–241, 557, 561–562; вновь обретенная жизнеспособность в группе (newfound vitality in group) 485–486; детская (children) 409, 558; в диалектике самопознания по Болласу (in Bollas's dialectics of self-experiencing) 601; «игра в Бога» (“playing God”) 473; игра как театр (play as theatre) 638; игра опыта, который невозможно облечь в слова (experience that may have no words) 558, 641; игра с сексуальными символами (with sexual symbols) 88; игра слов (wordplay) 90, 215, 566–571; игра со сновидением (playing with dream) 575–578; ключевой фактор в жизни группы (key driver in group's life) 92; как основной принцип групповой терапии (as key principle in group therapy) 93; «переходные» объекты (“transitory” objects) 287; переходные феномены (transitional phenomena) 287; приводящая к дискурсу (leading to discourse) 456; работа или игра (work or play) 381, 644; све-

- та и тени в виньетках (of light and shadow in vignettes) 478; свободная игра слов в работе (free play of words at work) 196, 378–379; уровней/доменов в группе (of levels/domains in group) 478; четыре формы (four forms) 566–571
- игра слов и жеста (word play and gesture) 566–571
- идентификация, определение (identification, defined) 535
- избегаемое состояние по Эзриэлу (avoided state (Ezriel)) 157–158
- изолирующая тишина (isolating silence) 229
- индивидуальное и групповое развитие (personal and group development): задачи, движение и развитие (tasks, movement, and progress) 170–173; интеграция (integration) 165–167; ключевые этапы, иллюстрирующие (key phases illustrating) 178–185; критика линейных фаз (critique of linear phases) 160–167; литература по групповому анализу (group-analytic literature) 161–165; обзор (overview) 153–156; прогрессивная/регрессивная динамика (progressive/regressive dynamics) 171–176; пятифазная последовательность развития (five-phase progression) 158–159; пять ключевых задач развития (five key development tasks) 177–178; роль ведущего (conductor role) 462; теории развития группы (theories on group development) 156–160; четыре внутренних связи (four internal connections) 176–177; язык группы (language of the group) 166
- индуктивная теория групп (inductive group theory); *см.*: дедуктивная (deductive)
- Институт группового анализа (IGA) (Institute of Group Analysis (IGA)) 49, 258, 294, 642, 650
- интерперсональная модель (interpersonal model) 40, 321–323, 330–331, 518–519
- интерпретация, обзор (interpretation overview) 626–629; *см. также*: локализация, перевод, интерпретация (location, translation, interpretation)
- интерпретация, понятие (interpretation concept) 348, 617–618
- интроспективная идентификация, определение (introjective identification, defined) 536
- информативный подход к сновидениям (informative approach to dreams) 163–164; *см. также*: Фридман Р. (Friedman R.)
- «Камилла Клодель» (фильм) (Camille Claudel) 234–235
- Кассирер Э. (Cassirer E.) 50, 55–56
- категории потребностей людей в групповой терапии (categories of need amongst people in group therapy) 96–98, 295–296
- Кейн Л. (Kane L.) 228
- Кеннард Д. (Kennard D.) 49, 107–109, 114, 267, 273
- Кибел Г. (Kibel H.) 298

классическая теория психоанализа (classical theory in psychoanalysis) 210, 479, 521, 523–524, 531–534, 646

Клейно П. (Kleinot P.) 92–93

клиническая практика в групповой терапии (clinical practice in group therapy): в книге Кеннарда, Робертса и Уинтера (in Kennard, Roberts and Winter) 107–109; в книге Клейнберга (in Kleinberg) 49; в книге Шремера и Пайнса (in Schermer and Pines) 49; и лидерство (and leadership) 462; в основных группаналитических принципах (in key group-analytic principles) 93–94, 343, 357, 388; процесс (process) 376–382; в работах Агазарян и Гантт (in Agazarian and Gantt) 88; в работах Бера и Херст (Behr and Hearst) 363–364; в работах Брауна (in Brown) 286–289, 591–596; в работах Вудса (in Woods) 276–279; в работах Ганса (in Gans) 84, 641; в работах Кокса и Тильгаард (in Cox and Theilgaard) 134, 193, 635; в работах Миса (in Mies) 50; в работах Нитсана (in Nitsun) 167–170; в работах Спотница и Ормонта (in Spotnitz and Ormont) 327; в работах Фридмана (in Friedman) 99, 163; в работах Фроша (in Frosh) 60, 534, 641; в работах Шлапоберски (in Schlapobersky) 282; в работах Эдсхед (in Adshead) 274–276; в работах Ялома (in Yalom) 158–159; в работе Урлича (in Urlic) 49, 259, 316; в ранней работе Фукса в Эксетере, Нортфилде и Лондоне (in Foulkes's early work in Exeter, Northfield and London) 59; в ранних социальных теориях франкфуртской школы (in Frankfurt's early social theory) 56; и содержание (and content) 416, 418, 421; структура (of structure) 360–362; и философия, основывающаяся на работах Бубера, Гольдштейна и Кассирера (and philosophy derived from Buber and between Goldstein and Cassirer) 56

клинически значимые факты по Лоренцену (clinically relevant evidence (Lorentzen)) 268–269

Клюз М. (Clews M.) 630–631

Кляйн М. и кляйнианский подход (Klein M. and Kleinian) 122, 130, 521–523, 525, 533–535, 647

когнитивная терапия (cognitive therapy) 313

Кокс М. (Cox M.) 134, 217, 274–275, 570, 635

комбинированная группа (combined group) 257, 292, 294

коммуникация (communication): анализ формальной структуры коммуникации с помощью теории дискурса (discourse theory analysing formal structure of) 236–238; на «аутичном» языке симптома (in the “autistic” language of the symptom) 105; двенадцать способов коммуникации, по Фуксу и Энтони (twelve modes of communication in Foulkes and Anthony) 489–493; в динамическом администрировании (in dynamic administration) 363–364; и дискурс (and discourse) 417–418; генеративная и эмоциональная коммуникация в современном психоанализе

(generative and emotional communication in Modern psychoanalysis) 327; и граничные события в группе (and boundary events in group) 453–454; в жесте (in gesture) 137, 566–571; и интерпретация (and interpretation) 626–629; критика Левенса акцента Фукса на вербальном (Levens's critique of Foulkes's emphasis on the verbal) 557, 569–571, 629–630; коммуникативное молчание (communicating silence) 228–229; коммуникативное отсутствие в группе (communicating absence in group) 630–631; и контекст в языке и музыкальности (and context in language and musicality) 50, 81–82; в лимбическом резонансе (in limbic resonance) 385; и локализация (and location) 631–632; моделирование ведущим (modelling by conductor) 468; и молчание (and silence) 222–223; молчание как форма коммуникация переноса в терапии (silence as a transference communication in therapy) 241; монолог, диалог и дискурс (monologue, dialogue and discourse) 127, 162, 191–218; в наблюдаемом и бессознательном резонансе (in descriptive and unconscious resonance) 401–402; невербальная, довербальная и вербальная (non-verbal, pre-verbal and verbal) 82, 227, 419–420; и общая зона (and common zone) 93; и отношения «Я–Ты» (and I–Thou relationship) 126; первоначальное и современное прочтение (original and current formulation) 494–495; и перевод (and translation) 624–625, 635; перенос как эмоциональная коммуникация в психоанализе (transference as emotional communication in psychoanalysis) 534; последовательный монолог как первая форма коммуникации в группе (serial monologue as group's first form of) 175; в простом и сложном резонансе (in simple and complex resonance) 402; работа с коммуникацией в группах (working with communication in groups) 493–501; в рассказывании сновидений (in dreamtelling) 163–164; резонанс как бессознательная коммуникация аффекта (resonance as unconscious communication of affect) 347, 383–384; связующая коммуникация в группе (linking communication in group) 467; симптомы как бессознательная коммуникация (symptoms as unconscious communication) 635; сопротивление как заблокированная коммуникация (resistance as blocked communication) 141; в таблице Фукса и Энтони, розеттский камень (in Foulkes and Anthony's descriptive table, "the Rosetta stone") 524; фатические формы (phatic forms) 569–570; в фундаментальной и динамической матрице (in foundation and dynamic matrix) 110–111; и четыре домена группы (and four domains of group) 92–93; четыре уровня Фукса как домены коммуникации (Foulkes's four levels as domains of communication) 428, 481–489, 500

комплексное ПТСР (complex PTSD) 368, 598–602, 607

контрперенос (countertransference) 41, 211, 445, 457, 478–479, 515–516, 527–529, 534–535, 537–538, 540

корректирующее эмоциональное переживание (corrective emotional experience): в книге Скотта Рутана, Стоуна и Шея (in Scott Rutan, Stone and Shay) 330–334; в работах Александра (in Alexander) 131; в работах Арло (in Arlo) 131–132; в работах Фукса (in Foulkes) 213, 450–451; в репаративном измерении по Шлапоберски (in Schlapobersky's reparative dimension) 143–147

Коэн Ф. (Cohen P.) 37, 185–186, 298, 328–329, 641

Коэн Д. (Cohen D.) 55

краткосрочное и долгосрочное рандомизированное контролируемое исследование группаналитической психотерапии (SALT-GAP) (short-term and long-term group analytic psychotherapy randomized controlled trial (SALT-GAP)) 266–269

культура и идентичность в групповой терапии (culture and identity in group therapy) 165

культурная сфера (cultural field): определение Винникотта (defined by Winnicott) 240–241, 557–560; и стремление и принадлежность (and longing and belonging) 559

Лави Дж. (Lavie J.) 49, 56

Лао Цзы (Lao Tsu) 443

Левенс М. (Levens M.) 569–571, 629

Левин К. (Lewin K.) 55–56

Левин Р. (Levene R.) 328,

Лесц М. (Leszcz M.) 43, 45, 50, 89, 101, 122, 126–128, 131, 136, 158–159, 186, 192, 241, 266, 298, 321–322, 519

лидерская активность (leader activity): ведущий (conductor) 462–465, 468; целенаправленная терапия (goal-directed therapy) 312–313, 332–333

лимбический резонанс (limbic resonance) см. резонанс (resonance)

личная преемственность групповой терапии (personal tradition of group therapy) 62

ложное я (false self) 560

локализация беспокойства, принципы (location of disturbance principle) 344–346, 449–450

локализация тревог группы (location of group's preoccupations) 348

локализация, обзор (location overview) 56–57, 622–623

локализация, перевод, интерпретация (location, translation, interpretation): введение (introduction) 616–618; критические вопросы (critical concerns) 629–634; локализация беспокойства (location of disturbance) 631–632; локализация участниками группы (location by group members) 632–634; обзор (overview) 620–629; ограничения вербального (limits to the verbal) 629–630; пустые пространства (empty spaces) 630–

- 631; размышления о (reflections on) 634–638; роль ведущего (conductor role) 618–620
- Лоренцен С. (Lorentzen S.) 108, 159, 266–269
- Лоуренс Г. (Lawrence G.) 157, 321
- Малиновский Б. (Malinowski B.) 567, 569
- Маратос Дж. (Maratos J.) 218
- Марк Аврелий (Marcus Aurelius) 39
- Марк П. (Mark P.) 49
- массивная психическая травма (massive psychic trauma) 280–283
- массификация/агрегация в групповой терапии (massification/aggregation in group therapy) 321
- матери (mothers): амбивалентные (ambivalent) 422; и выживание (and survival) 45–46; в игре (in play) 567, 572–573; без матери (motherless) 581; мать муз, Мнемозина (mother of Muses, Mnemosyne) 596; мать-объект и мать-среда (object and environment mother) 479, 561–562, 646; мать, коровье молоко и теленок (mother, cow's milk and calf) 144–147; мать, мадонна, блудница (mother, madonna, whore) 602–605; неблагополучные (deprived) 101; в переносе (in transference) 494, 497, 536, 539; причиняющие вред (damaging) 204; и терапевтическая работа с материнскими проблемами в группах (mothers and therapeutic work with maternal issues in groups) 44–46, 86–88, 138–147, 174–185, 197, 204–205, 392–393, 454; утраченная мать (lost) 594
- Матизен Т. (Mathiesen T.) 149
- матрица в групповой психотерапии (matrix in group psychotherapy) 32, 55, 87, 103–105, 110–112, 129, 148, 153, 162, 167, 186, 192, 194, 197, 206, 209, 212, 215, 256, 284, 324–325, 350, 361, 372, 411, 428, 435, 483, 523, 527, 551, 572, 574, 579, 631, 634, 643
- мать-среда и мать-объект (environment and object mother) 479, 561–562, 646
- медленно открытая группа (slow-open group) 254–259, 459
- Международная ассоциация судебной психотерапии (International Association of Forensic Psychotherapy) 60
- Международная психоаналитическая ассоциация (International Psychoanalytic Association) 650
- межличностная валидация (intersubjective validation) 595–596, 611–613
- межличностные отношения (intersubjective relationships) 129, 143, 159, 287
- «Мертвая» (Неруда) (La Muerta (Neruda)) 510–511
- метафора ловушки (springing the trap metaphor) 246
- метафоры (metaphors): генерируемые группой метафоры (self-generated metaphors) 622; использование в терапии (use in therapy) 559; межличностная валидация (intersubjective validation) 595–596, 611–613; об-

- зор (overview) 588–589; образы выживания и трансформации (images of survival and transformation) 596–598; перенос и (transference and) 646; печаль и меланхолия (mourning and melancholia) 593–594; примитивное бедствие (a primitive disaster) 594–595; в психотерапии (in psychotherapy) 90–92; страдания и (suffering and) 590–592; эго-тренинг действия (ego training in action) 591, 595–596; *см. также*: ангела метафора (angel metaphor)
- методы и модели (methods and models): группаналитическая модель (Group-Analytic model) 323–326; интерперсональная модель (Interpersonal model) 321–323; лидерская активность в (leader activity in) 312–314, 332–333; лидерство и (leadership and) 311–312; основные варианты применения (basic applications) 314–318; основные модели (main models of) 318–330; психоаналитическая модель (Psychoanalytic model) 326–327; роль терапевта (role of therapist) 330–334; системно-центрированная терапия для групп (System-Centred Therapy for Groups) 329–330; современный психоанализ (Modern psychoanalysis) 327–329; терапевтические цели (therapeutic goals) 311; тэвистокская модель (Tavistock model) 40, 134, 318–321
- мечтание (reverie) 222, 236, 240, 246–247, 427, 601; *см. также*: символический порядок (symbolic order) и реальное, сконструированное и репрезентированное (real, constructed and representational)
- Мид Дж. Г. (Mead G. H.) 57, 81, 566–567, 570
- Миллард П. (Millard P.) 56, 126, 162, 511
- Милштейн М. И. (Milstein M. J.) 113, 248
- Мис Т. (Mies T.) 50, 56, 58, 68, 642
- мнемические объекты (mnemic objects) 596–598, 605, 608, 612; *см. также*: Боллас К. (Bollas C.)
- Модсли больницы (клиника) (Maudsley Hospital) 64, 257, 294, 647
- Мойович М. (Moјovic M.) 50
- монолог (monologue): в групповой терапии (in group therapy) 191–193, 198–201; диалог и (dialogue and) 84–85, 87–89; домен, связанный с переносом (transference domain) 539; последовательный монолог (serial monologue) 133, 175
- музы (muses) 596
- музыкальность в группах (musicality in groups) 50, 81–82, 111, 445, 646; *см. также*: Уоттон Л. (Wotton L.)
- навязчивое повторение (repetition compulsion) 574
- навязчивость (compulsion) 611–612
- направленные на решение проблем группы (problem-solving groups) 316–317

- наркотики (drugs) 225, 399, 520, 602–605
- нарратив (повествование) /нарративная встреча (narrative/narrative encounter) 422–425
- нарциссическое слияние (narcissistic fusion) 127, 163
- насилие (abuse) 202, 254, 276–279, 283–286, 296, 367, 487–488, 594
- Натан Дж. (Nathan G.) 113
- Национальная служба здравоохранения (NHS) (National Health Service (NHS)) 252
- Национальная учебная лаборатория (National Training Laboratories) 56
- Национальный институт здравоохранения и качества медицинской помощи (NIHCE) (National Institute for Health and Clinical Excellence (NIHCE)) 51
- начало и конец (endings and beginnings) 166, 176, 183–185, 349, 453
- невербальная коммуникация (non-verbal communication) 419–420
- невключение в группу, критерии (exclusion criteria in group therapy) 100
- невыразимое (the unspeakable) 227–236
- невysказанное (the unspoken) 227–228
- негативный перенос (negative transference) 537–538, 540
- нейропсихоанализ (neuropsychanalysis) 381, 383
- Неруда П. (Neruda P.) 510
- Нилд Р. (Neeld R.) 92–93, 229–230
- Нитсан М. (Nitsun M.): антигруппа (anti-group) *см.* антигруппа (anti-group); группа как объект желания (group as object of desire) 165, 168, 558; дедуктивная теория (deductive theory) 155; критика Фукса (critique of Foulkes) 62, 451, 526; метапсихология (metapsychology) 310; организационное зеркало (organizational mirror) 385; ранний этап развития группы (early development in group) 82, 558; свидетельство (bearing witness) 91, 93; четыре уровня по Фуксу (Foulkes's four levels) 495
- Нитцген Д. (Nitzgen D.) 49, 56, 61, 517
- нормирование (norming) 158–160, 277, 454, 636; *см.*: пятифазная последовательность развития (five-phase progression)
- Нортон К. (Norton K.) 270–273
- Нортфилд, военный госпиталь (Northfield Military Hospital) 313
- Нортфилд, история (Northfield story) 59, 61, 63
- обмен (exchange) *см.* взаимность (reciprocity)
- образы выживания и трансформации (images of survival and transformation) 596–598
- образы и измерение содержания (imagery and content dimension) 428–437
- обретение голоса (finding a voice) 282

- общая зона (common zone): и видимая группа (and visible group) 356; и зона ближайшего развития по Вygотскому (and Vygotsky's zone of proximal development) 58; и межличностная валидация (and intersubjective validation) 612; в обзоре литературы (reviewed in literature) 90; и обмен опытом (and interchange of experience) 408–410; и обретение «дома» с незнакомыми людьми (and making a home amongst strangers) 641; определение (defined) 208; и перенос (and transference) 540; и речевые формы (and speech forms) 198; и связующие метафоры трансформирующего опыта (and binding metaphors of transformative experience) 612; и сновидения (and dream) 544; и стремление и принадлежность (longing and belonging) 90; в текущем домене, иллюстрация (illustrated in current domain) 244–246; и темы и фигурации дискурса (and subjects and figurations of discourse) 407–408, 410–411; и фуксианские домены группы (and Foulksian domains of group) 92–93; где «чужаки» становятся союзниками (where aliens become allies) 633
- объектные отношения (object relations): Балинт и упор на объектные отношения (and Balint in object relations bias) 210–211; британская школа объектных отношений (British school of) 210–211, 525; и Боллас (and Bollas) 591–592, 601; и возвращение вытесненного (and return of the repressed) 574; в группах (in groups) 318, 527–529; зрелые объектные отношения (mature object relations) 126–127, 339; известное немислимое (unthought known) 529; в контрпереносе (in countertransference) 241; в метапсихологии (in metapsychology) 521; в переносе (in transference) 326; в психологии двух человек (in two-body psychology) 478, 523–525; терапия объектных отношений (object relations therapy) 535; и Фукс о метапсихологии (and Foulkes on metapsychology) 525–529; Фэйрберн о зрелой зависимости (and Fairbairn on mature dependency) 126–127, 163, 525; целостно-объектные и частично-объектные отношения (whole-object and part-object relations) 493–495, 517, 539
- Оден У.Х. (Auden W. H.) 95, 563, 589–590
- один раз в неделю группы (once-weekly group) 259
- один раз в неделю однородные группы (once-weekly homogenous groups) 270–289
- один раз в неделю смешанные группы (once-weekly mixed groups) 261–267
- одного человека психология (one-person psychology) 193–194, 525
- однолинейное развитие (uni-linear progression) 160
- однородные группы (homogeneous groups) 257–258
- онемение (numbness) 435
- описательный резонанс (descriptive resonance) см. резонанс (resonance)
- Ормонт Л. (Ormont L.) 257–258, 327, 456, 525, 642
- Ормэй Т. (Ormay T.) 49

- основной закон групповой динамики по Фуксу (basic law of group dynamics (Foulkes)) 636
- основные движущие терапевтические силы в группах (key therapeutic agency in groups) 126–127
- «отдельная» терапия (“stand-alone” therapy) 254
- отзеркаливание как динамика процесса (mirroring as process dynamic) 376–378; исследования и применение (explorations and applications) 405–406; определение (defined) 387–388; примеры (examples) 392–394; и проективная идентификация (and projective identification) 392–394; терапевтическая компетентность в (therapeutic competence in) 465; язык группы (language of the group) 202–205
- открытая группа (open group) 254–256
- Отношения «Я–Ты» (Бубер) (I–Thou relationship (Buber)) 126, 163
- отношенческое измерение (relational dimension): комментарий (commentary) 134, 136–137; мнемические объекты (mnemonic objects) 596–598; обзор (overview) 121–123, 134–135; определение (defined) 129; понимание (understanding) 55; пример (example of) 132–137; психологические формы и (psychological forms and) 193–194, 195; теория языка (language theory) 192–193
- отношенческое поле (relational field) 55, 92, 94, 112, 123, 193–195, 116, 209, 212, 325, 383–384, 572, 592, 597, 643 *см. также* семантическое поле (semantic field)
- отцы и терапевтическая работа с вопросами отношений с родителями в группах (fathers and therapeutic work with paternal issues in groups) 232, 374; автор как отец в отношении виньеток (author as father to vignettes) 636–638; авторитет ведущего как отца (authority of conductor as father) 180, 454, 483; безопасный (safe) 87, 145; безразличный (negligen) 551; вертикальный перенос в группе (vertical transference in group) 243, 371; всемогущий (omnipotent) 472, 505–506; горизонтальный перенос в группе (horizontal transference in group) 138–143, 352–355, 395–397, 517; Дедал и Икар (Daedalus and Icarus) 588–589; в литературе о переносе целостного объекта (in literature of whole object transference) 326, 494, 517, 539; в модели трех (in model of three) 374; негативный перенос (negative transference) 545–547; недостаточно представленный символический отец (under-represented symbolic father) 636–638; недоступный (unavailable) 370; отец-насильник (abusive) 86, 202, 487–488; плейбой (playboy) 602–605; убитый (killed) 599; убитый в сновидении (killed in dream) 204, 496; умирающий (dying) 183–185; холодный и преследующий (remote and persecutory) 243; хороший (good) 202, 243, 371, 391
- Офер Г. (Ofer G.) 60, 92–93

оценка изменений (assessment of change): по Дик (Dick) 261–266; по Лоренцену (Lorentzen) 266–269; в основанной на доказательствах практике (evidence based practice) 52; в практике Американской ассоциации групповой психотерапии (AGPA) 52; в практике Национального института здравоохранения и качества медицинской помощи (NINCE) 51; по Шлапоберски (Schlapobersky) 292–293, 296–303; по Ялому (Yalom) 50–51, 127

Пайнс М. (Pines M.) 49–50; аутсайт (outsight) 123, 388; биография Фукса (biography of Foulkes) 49–50, 525; о Бионе (on Bion) 319; группаналитическая практика (group-analytic practice) 257–258, 294–295; группаналитическая психотерапия, суммирование (group-analytic psychotherapy summarised) 323–326; динамическое администрирование (dynamic administration) 363; игра и ее формы (play and its forms) 92, 93; интерпретация – развитие идей Фукса (interpretation – developments in Foulksian limit) 616, 630; история групповой психотерапии (history of group psychotherapy) 326; классификация форм групповой терапии (classification of group therapies) 310–314; критерии отбора и не-включения для групповой терапии (criteria for selection and exclusion in group therapy) 100; лидерство в групповой терапии (leadership in group therapy) 462; и матрица (and matrix) 111; и межличностная терапия (and intersubjective therapy) 102; метапсихология (metapsychology) 103–104, 155, 193, 591; нейропсихоанализ (neuropsychoanalysis) 383–384; отзеркаливание (mirroring) 93, 347, 377, 387–388, 406, 570–571; развивающий диалог (developmental dialogue) 153; специфические для группы факторы (group-specific factors) 380; сплоченность и согласованность (cohesion and coherence) 88, 92, 93, 102, 163, 170–171, 477; «ур-текст» группового анализа за авторством Фукса и Энтони о (Foulkes and Anthony's ur-text of group analysis) 643; эволюция группового анализа (evolution of group analysis) 261; язык жестов, мать и ребенок (language of gesture, mother and child) 570–571

«Памяти Зигмунда Фрейда» (Оден) (In Memory of Sigmund Freud (Auden)) 95

Пантер Дж. (Punter J.) 563

паратаксические искажения (parataxic distortion) 574

парная психотерапия и группы пар (couples psychotherapy and couples groups) 87–88, 139, 378, 602–605

Пелег И. (Peleg I.) 50, 83, 113, 418

перевод, концепция (translation concept) 348–349, 617–618, 623–626; *см. также:* локализация, перевод, интерпретация (location, translation, interpretation)

- перенос целостного объекта (whole-object transference) 484, 485, 493–495
- перенос, связанный с переносом домен (transference domain): «Т-ситуация» (“T-situation”) 529–531; ведущий и (conductor and) 450, 457, 536, 538; вертикальный перенос (vertical transference) 541–547; горизонтальный перенос (horizontal transference) 541–542, 547–549; в группах (in groups) 522–523; динамики процесса (process dynamics) 523–524; дифференциация переноса (differentiations) 529–539; клинические проблемы в группаналитической психотерапии (clinical problems in group-analytic psychotherapy) 516–520; контрперенос и (countertransference and) 272, 527–529, 538, 540; монолог, диалог и дискурс (monologue, dialogue, and discourse) 539; мутативные метафоры (mutative metaphor) 646; негативный (negative) 175, 537–538, 545–547; новая идентичность (emerging identity) 424; обзор (overview) 484–485, 515–516; объект переноса (transference object) 202; позитивный перенос (positive transference) 537–538, 543–545; проективный домен (projective domain) 516, 526–529; простой и сложный (simple and complex) 537; психоанализ и (psychoanalysis and) 521–522, 549–552; сложный перенос (complex transference) 537, 540–545; сны, иллюстрации (dreams, illustrations) 495–497, 543–545, 549–551; современная литература о (current literature on) 533–535; современные определения (current definitions) 535–536; структура, процесс и содержание (structure, process and content) 539; теория и практика (theory and practice) 516–520; теория объектных отношений (object-relations theory) 525–529; три домена смыслов и (three domains of meaning) 516–517; узкое и расширенное определения (restricted and extended definitions) 531–535
- переосмысление (re-making of meaning) 90–92
- переходное пространство (intermediate territory) 516–517, 535, 557–559; *см. также*: Винникотт (Winnicott)
- переходные объекты (transitional objects) 288, 289; *см. также*: переходное пространство (intermediate territory)
- Перлз Ф. (Perls F.) 55
- Пертегато Э. и Г. (Pertegato E. and G.) 323
- печаль в групповой терапии (mourning in group therapy) 33, 135, 231–233, 263, 284, 390–394, 485–486, 501–514, 593–594; *см. также*: горе (grief)
- «Печаль и меланхолия» (Фрейд) (Mourning and Melancholia (Freud)) 562, 593–594
- «плачущая группа» (“crying group”) 501–514
- позитивный перенос (positive transference) 537–538, 543–545
- показания и противопоказания к групповой психотерапии (indications and contra-indications for group psychotherapy) 98–100; критерии включения и невключения для смешанных групп (inclusion and exclusion

- criteria for mixed groups) 100; для однородных групп (for homogeneous groups) 100–101
- Портман, клиника (Portman Clinic) 254–255, 276–279
- посещаемость (attendance pattern) 352–356
- последовательный монолог (serial monologue) 132–134
- посттравматический психоз (post-traumatic psychosis) 606
- предоплата любовью (Арло) (paying love forward (Arlo)) 131–132
- преходящие объекты против переходных (transitory vs. transitional objects) 288
- призрак (revenant) 605–609, 613
- примитивное бедствие (primitive disaster) 594–595
- принадлежность, состояние (belonging, state) 90, 126–127, 130, 162–166, 179, 199, 284, 412, 497, 511, 535, 557–566, 571, 573–575, 578–579; *см. также*: согласованность в группах (coherence in groups); сплоченность в группах (cohesion in groups); стремление и принадлежность (longing and belonging)
- принцип позитивного вмешательства (positive intervention principle) 261
- принципы работы (operational principles) 107–109
- принципы сходства и различия в составе групп (principles of similarity and difference in group composition): введение (introduced) 43, 98; иллюстрации (illustrated) 400–401; определение (defined) 366–369; *см. также*: состав группы (group composition)
- пробелы в области групповой психотерапии (gaps in field of group psychotherapy) 61
- пробелы в тексте (gaps in text) 648
- Программа по работе с опасными и тяжелыми расстройствами личности (DSPD) (Dangerous and Severe Personality Disorder Programme (DSPD)) 273
- проективная идентификация (projective identification): определение (defined) 536
- проективный домен (projective domain): обзор (overview) 424, 485–487; перенос и (transference and) 516–517, 526–529
- проекция (projection) 201, 204–205
- просоциальная терапия (pro-social therapy) 53–54, 390
- простой перенос (simple transference) 537
- процесс как динамика процесса в группаналитической модели (process as a process dynamic in group-analytic model): заключительная иллюстрация (concluding illustration) 407–412; исследования и применение (explorations and applications) 398–405; история терминов и их текущее использование (history of terms and current use) 379–382; обзор (overview) 269, 346–348, 376–379; определения (definitions) 383–389; основ-

- ные иллюстрации (basic illustrations) 389–398; перенос и (transference and) 523–525; специфические для группы факторы (group-specific factors) 379–382
- процесс символизации (symbolisation process) 197, 571
- процессуальные группы (process groups): *см.* экспериенциальные группы (experiential groups)
- психиатрия (psychiatry) 59, 64, 99–100, 261–262, 271, 276, 470, 606–607, 648–649
- психика и социальный мир (psyche and social world) 56–57, 105–106, 193, 200
- психоанализ и перенос (psychoanalysis and transference) 521–522, 549–551
- психоаналитическая модель (psychoanalytic model) 327–329
- психоаналитические взаимодействия (psychoanalytic interactions) 124–126
- психодинамическая модель (psychodynamic model) 40, 317–318
- психоз в групповой терапии (psychosis in group therapy) 100, 262, 318, 605–609
- психологического созревания, проблема (maturational problem) 328, 483
- психология двух человек (two-person psychology) 193–195, 525–526
- психология трех человек (three-person psychology) 193–195, 211, 525–526
- психообразовательные группы psycho-educational groups) 317
- психосоматические проблемы в групповой терапии (psychosomatic problems in group therapy) 286–289
- психотерапия в малых группах (small-group psychotherapy) 53, 270–273, 381–382
- пустые пространства (empty spaces) 154, 224, 558, 630–631
- «Путешествие пилигрима» (Баньян) (Pilgrim's Progress (Bunyan)) 154
- пытки (torture) 598–601
- пятифазная последовательность развития в теории групп: формирование, шторм, нормирование, работа над задачей, завершение (five-phase progression in group theory: forming, storming, norming, performing, adjourning) 158–159
- работа над задачей (performing), *см.*: пятифазная последовательность развития (five-phase progression)
- развитие темы (thematic development) 425–427, 428–437
- разговорные языковые формы (spoken language forms) 566–571
- разочарование (disillusionment) 179, 180, 353–354, 384, 537–538, 545–547
- Райт К. (Wright K.) 57, 83, 567, 571, 646
- ранний этап развития группового анализа (early development of group analysis) 59
- рассказывание снов, по Фридману Р. (dreamtelling in Friedman R.) 125, 163–164, 167, 196, 545

- расхождение в понимании потребностей (discrepancies of need) 407–412
расщепление (splitting) 229–231, 231–233
Рафаэльсен Л. (Rafaelsen L.) 534
реальное, сконструированное и репрезентированное (real, constructed and representational) 123, 559, 564–566, 573, 581, 592; *см. также*: символический порядок и мечтание (the symbolic order and reverie)
регрессивная динамика (regressive dynamics) 171–172
резонанс (resonance): акустический (acoustic) 385; и аутсайт (and oversight) 388; и валентность и контрвалентность (and valency and countervalency) 383–384, 386, 390–391; и взаимность (and reciprocity) 175, 377; группа как резонансная арена (арена для резонанса) (group as resonant arena) 367, 466; как динамика процесса (as process dynamic) 93, 343, 377, 381–382, 467; иллюстрации (illustrations of) 198–199, 390–394, 398–401, 403–404, 407–408, 485–486, 499, 508, 546, 575–576, 581; исследование и применение (explorations and applications) 398–405; история термина и его текущее использование (history of term and current use) 379–382; ключевой/определяющий фактор динамик процесса (key/governing factor in process dynamics) 91, 382; лимбический (limbic) 385–386, 608; наблюдаемая и бессознательная формы (descriptive and unconscious forms) 401–402; в общей зоне (in common zone) 405–408; определение (defined) 383–386; определения Фукса (Foulkes's definitions) 330, 376, 383–384; и отзеркаливание (and mirroring) 85–87, 378, 387–388, 467; и параллельный процесс (and parallel process) 385–386; признание Агазарян термина «резонанс», введенного Фуксом (Agazarian's recognition of Foulkes's resonance) 330, 347, 382; связь с переносом (as linked to transference) 526–529; сигнальный/простая форма (signal/simple form) 398–400, 401–402; сложная форма (complex form) 400–402; как специфический для группы фактор (as group-specific factor) 379–380; как толчок для диалога (giving rise to dialogue) 175; и усиление (and amplification) 205, 208; как элементарный передатчик эмоций (as elementary conveyor of emotion) 384–385, 644; эмпатический (empathic) 385; в языке группы (in group's language) 196
результаты, в групповой терапии (outcomes, in group therapy) 268–269
репаративное измерение (reparative dimension): ведущий и (conductor and) 457; деконструкция / реконструкция (deconstruction/ reconstruction) 147–148; комментарий (commentary on) 143–147; обзор (overview) 122–124, 128; определение (defined) 130–132; примеры (examples of) 143–147; резюме (summary) 581–584; символы (symbols) 437–440
ретравматизация (re-traumatisation) 385, 608
рефлексивное измерение (reflective dimension): комментарий (commentary on) 141–143; конструкция в рефлексивном измерении (construction in)

- 147; обзор (overview) 120–124; определение (defined) 129–130; примеры (examples) 138–143
- речь и тишина в психотерапии (speech and silence in psychotherapy): дискурс (discourse) 238–240; заключение (conclusion) 242–247; невыразимое (the unspeakable) 228–236; невысказанное (the unspoken) 228; обзор (overview) 222–226; переживание тишины (human experience of) 234–236; свободно текущая дискуссия (free-floating discussion) 237; символический порядок (symbolic order) 240–242; тишина в психотерапии (silence in psychotherapy) 222–226; формы (forms) 194–198, 216–217; эмоции, которые приносят облегчение (resolving emotions) 226–227
- Робертс Дж. (Roberts J.) 49, 107–109, 111, 114, 267, 294–295
- Роджерс С. (Rogers C.) 534
- родством обмен (kinship exchange) 387
- розеттский камень (Rosetta stone), сопоставление психоанализа и группового анализа Фуксом и Энтони (reading psychoanalysis and group analysis – Foulkes and Anthony) 92, 479, 523–524, 643
- Рутан Дж. С. (Rutan J. S.) 80, 330–331, 445–446
- Руши Ж. К. (Rouchy J. C.) 165
- Рэйфилд Э. (Rayfield E.) 50, 83, 112, 418
- Салм А. М. (Salm A. M.) 631
- Сандлер Дж. (Sandler J.) 531–532, 534–535
- свидетельствование (bearing witness) 93, 134, 148, 282–282
- «Свобода от пыток» организация (Freedom From Torture agency) 280
- свободно текущая дискуссия (free-floating discussion): «плачущая группа» ('crying group') 501–514; развитие (development of) 211–213; речевые формы в (speech forms in) 217; речь и молчание в психотерапии (speech and silence in psychotherapy) 237; свободная ассоциация как (free association as) 103, 191; спонтанное настроение группы (spontaneous mood of the group) 141; теория дискурса (discourse theory) 418; язык группы (language of the group) 191–192, 198
- сгущение (сгуститель) как динамика процесса (condenser as a process dynamic): иллюстрации (illustrated) 394–398, 403–404, 466–467, 487–488; определение (defined) 90, 377, 379–381, 388–389
- сексуальность в групповой терапии (sexuality in group therapy) 394–395, 397–398, 491–492, 605
- семантическое поле (semantic field) 92–93, 112, 123, 194–198, 209, 212, 215, 325, 428, 571–572, 592, 596–597, 643; *см. также*: отношенческое поле (relational field)
- сестры в группе (sisters in group) 47, 144, 430, 484–485, 517, 540, 547–550; *см. также*: братья (brothers), сиблинги (siblings)

- сеттинг и организатор (setting and convenor) 453
- сиблинги (братья и сестры) (siblings) 132, 263, 470–471, 485, 494, 520, 541, 548, 634; *см. также*: братья (brothers), сестры (sisters)
- сигнальный резонанс (signal resonance) 398–400
- символический порядок (symbolic order) 240–242
- системно-центрированная терапия для групп (System-Centred Therapy for Groups (SCT)) 329–330
- системные модели (Systemic models) 40, 310
- Скиннер Р. (Skynner R.) 62–66, 159–160, 194, 294, 329
- Скэнлон К. (Scanlon C.) 563
- слияние через присоединение к группе (fusion through joining to belonging) 163
- сложный резонанс (complex resonance) 400–401; *см. также*: резонанс (resonance)
- сложный перенос (complex transference) 529–531, 537–538, 541–545
- смерть, проблемы (death concerns) 274–276, 280–283, 504–508, 510–514, 541–542, 568, 579, 588–590, 600, 637; *см. также*: эффекты годовщины (anniversary effects)
- смешанные (гетерогенные) группы (mixed groups) 99–100, 257
- Смэйл Д. (Smail D.) 590
- сновидения/сны (dreams): и ангелы (and angels) 598–601; и другие продукты воображения (and other imaginative constructs) 350; иллюстрации работы сновидений в группах (illustrations of work with dreams in groups) 142, 204–205, 215–217, 470–471, 543–545, 549–551, 575–579; как источник метафоры в группах (as source of metaphor in groups) 90; в первичном домене (in primordial domain) 495, 496; пророческие (prophetic) 104; в ПТСР (in PTSD) 598–601; сгущение (condenser) 388–389; и символический регистр (and symbolic register) 561–562; три способа использования снов в группах по Фридману — информативный, формирующий и трансформирующий (Friedman's three uses of dreams in groups — informative, formative, transformative) 125, 163–164, 167, 545; фантазии (daydreams) 142, 167; формирование смыслов (meaning making) 124–125; эдиповы проблемы в сновидении (œdipal problems in dream) 575–579
- совокупные обязанности ведущего (integrated responsibilities of conductor) 459–471
- современная аналитическая модель (Modern analytic model) 40, 327–329, 534–535
- согласованность в группах (coherence in groups) 88, 89, 92, 93, 102, 111, 146–147, 163, 170–172, 282, 325, 348–349, 352, 366–367, 407, 412, 460–466, 477–478, 582, 645; *см. также*: стремление и принадлежность (longing and belonging)

- содержание, измерение (content dimension): нарратив/встреча в ходе повествования (narrative/narrative encounter) 422–425; невербальная коммуникация (non-verbal communication) 419–420; обзор (overview) 346, 347, 415–417; повествовательный и тематический анализ (narrative and thematic analysis) 425–427; рассказы, повествование и репаративные символы (stories, narration and reparative symbols) 437–441; теория дискурса и (discourse theory and) 417–419; иллюстрации (illustrations) 429–441; терапевтические вызовы ведущего (therapeutic challenges of conductor) 420–422; язык, образы и развитие тем (language, imagery and thematic development) 429–441
- состав группы (group composition) 368–369; *см. также*: принципы сходства и различия (principles of similarity and difference)
- социальная теория (social theory) 53–54, 54–58
- социальное бессознательное (social unconscious) 56, 350, 435, 439, 527, 608; в книге Фукса и Энтони (in Foulkes and Anthony) 56, 624; в работе Хоппера и Вайнберга (in Hopper and Weinberg) 59
- специфические для группы факторы (group-specific factors) 347, 377, 379–382; *см. также*: динамики процесса (process dynamics)
- сплоченность в группах (cohesion in groups) 88, 92–93, 102, 111, 146–147, 159, 162–163, 171, 269, 313, 325, 348–349, 352, 366, 401, 412, 460–464, 466, 477–478, 504, 631, 645
- спонтанность (spontaneity) 107, 196, 447–448, 624–625
- Спотниц Х. (Spotnitz H.) 641
- Стейси Р. (Stacey R.) 49, 111, 163, 567
- Стерн Д. (Stern D.) 571
- Стерн Д. Б. (Stern D. B.) 131, 570
- Стоун У. (Stone W.) 80, 316, 330–331, 383, 445–446
- страдание и метафоры (suffering and metaphors) 590–592
- Стрейчи Дж. (Strachey J.) 531–532
- стремление и принадлежность (longing and belonging): введение (introduction) 557–559; воплощение—проекция—роль (embodiment—projection—role) 566; вспомогательное Эго (auxiliary ego) 579–581; игра слов и жеста (word play and gesture) 566–571; истории, которые помнят и забыли (remembered and unremembered histories) 564–566; обзор (overview) 559–560; особые качества и (special qualities and) 561–562; путаница между (confusion between) 573–579; резюме (summary) 646–647; репарация (reparation) 579–584; фатические формы коммуникации (phatic forms of communication) 568–570; четыре формы игры (four forms of play) 566–571; чужие картины (other people's pictures) 571–573
- структура, измерение группаналитической модели (structure dimension of group-analytic model): авторитет и смысл (authority and meaning)

- 351–356; динамическое администрирование (dynamic administration) 363–364; обзор (overview) 346, 360–363, 373; примеры (examples) 369–372; принципы построения и выбора (principles of construction and selection) 364–369, 372–374; терапевтические и экспериенциальные группы (therapeutic vs experiential groups) 361, 362–363
- стыд (shame) 96, 155, 277; иллюстрации в групповой терапии (illustrations in group therapy) 86, 140, 181, 207, 232, 285–286, 398, 492, 548–549, 604, 609, 612
- судебная психотерапии (forensic psychotherapy) 49, 60, 254, 270–278
- «Т-ситуация» (“T-situation”) 529–530
- Такер С. (Tucker S.) 53, 92–93, 635–638
- Такман Б. (Tuckman B.) 156, 159–160
- Тейлор П. (Taylor P.) 148
- текущий домен (current domain) 349–350, 424, 469, 482–484, 493–501, 516, 621, 633, 645–646
- теория привязанности (attachment theory) 102, 380, 521–522
- терапевтические и экспериенциальные группы (therapeutic vs. experiential groups) 362–363
- терапевтические техники (therapeutic techniques) 107–109, 456–457
- терапевтический альянс (therapeutic alliance): групповой процесс и (group process and) 269, 361–362; индивидуализированный (individualized) 158, 62–363; основа (basis) 101, 261, 537; факторы (factors) 127–129
- терапевтическое сообщество (therapeutic community) 59, 255, 270–273, 312, 317, 447–448
- тишина, молчание (silence) 222–248, 416, 427, 458, 467–471, 618, 641
- травмированные беженцы (traumatised asylum seekers) 132–134, 598–601, 605–609
- травмы в групповой терапии (trauma in group therapy) 260, 280–283
- трансформирующий подход к снам (transformative approach to dream) 163–164; *см. также*: Фридман Р. (Friedman R.)
- требуемое состояние (required state) 157
- тревога (anxiety): первичная (primary) 169, 196, 539, 558, 582, 646–647; сигнальная (signal) 413; экзистенциальная (existential) 646–647
- трехфазная ротация (three-phase rotation) 159
- три способа использования снов в группах (three uses of dreams in groups) 163–164, 167, 545; *см. также*: Фридман Р. (Friedman R.)
- тэвистокская модель (Tavistock model) 40, 134, 318–321, 519
- Тюрке П. (Turquet P. M.) 321
- убежище от страха (sanctuary from fear) 282–283

- ужасное состояние (dreaded state) 157
 Уилсон П. (Wilson P.) 558, 563, 647
 Уинтер Д. (Winter D.) 49, 107–108, 109, 114, 267
 Уоттон Л. (Wotton L.) 50, 81, 83, 90–91, 93, 111, 113, 413, 418, 566–567, 617, 642, 646
 усиление как динамика процесса (amplification as a process dynamic) 377, 389, 397–398
 устная преемственность в групповой терапии (oral tradition of group therapy) 62
 устойчивость к невзгодам (resilience in adversity) 283
 фаза дифференциации (differentiation phase): иллюстрации (illustrated) 181–183, 206–207; в медленно открытых группах (in slow-open groups) 255; в ранней теории групп (in early group theory) 159; в современном психоанализе (in Modern psychoanalysis) 328; в теории группового анализа (in group-analytic theory) 172–173, 175–176
 фатические формы коммуникации (phatic forms of communication) 568–570
 Фельд Б. (Feld B.) 148
 фигурации (figurations): восстанавливающие (regenerative) 186; динамические (dynamic) 177; и источники смысла (and sources of meaning) 486–487; и мутативные метафоры (and mutative metaphors) 350; неожиданные (unexpected) 186; определение (defined) 89, 501; и отзеркаливание (and mirroring) 405–407, 410–411; и процесс и содержание (and process and content) 421–422; и структура и процесс (and structure and process) 346, 418; темы и фигурации в «плачущей группе» (subjects, themes and figurations in the “crying group”) 501–514; триангулярные (triangular) 164, 167; холдинга-контейнирования и исследования-игры (of holding-containment and exploration-play) 479
 флешбэки (flashbacks) 385, 598–601, 605–608
 фокального конфликта теория (focal conflict theory) 125, 161, 166–167, 208
 фон Фраунгофер Н. (von Fraunhofer N.) 50, 83, 126–127, 163, 386, 418, 646
 формирование (forming) *см.* пятифазная последовательность развития в теории групп (five-phase progression in group theory)
 формирующий подход к сновидениям (formative approach to dreams), *см.*: Фридман Р. (Friedman R.)
 формы игры (forms of play) 566–571
 Фрейд А. (Freud A.) 29, 64, 229, 521, 525–526, 647
 Фрейд З. (Freud S.): ведущий и (conductor and) 445–446, 450; гипнотерапия (hypnotherapy) 533; лечение разговором (talking cure) 210–211; о любви и работе (love and work) 95–96; определения переноса (definitions of transference) 531–533; открытие переноса (recognition of transference)

- 518; печаль и меланхолия (mourning and melancholia) 593–593; сигнал тревоги (signal anxiety) 413
- Фридман М. (Friedman M.) 56
- Фридман Р. (Friedman R.) 49, 60, 149, 186, 248, 298, 584; интегративный подход (integrative approach) 618; показания для оптимальной терапии (indications for optimal therapy) 99, 113; расстройства отношений (изоляция, козел отпущения) (relation disorders (exclusion, scapegoating)) 99, 351–352; три способа использования снов в группах (three uses of dreams ingroups) 125, 163, 196, 545
- Фрош С. (Frosh S.) 60, 67, 534, 641
- Фукса биография (Foulkes biography): по воспоминаниями последователей (according to successors) 61–66; группаналитический «поворот» (group-analytic “turn”) 61–62; публикации (publications) 59, 252–253, 256–258, 376–377, 383–385; ранняя работа в Великобритании (early work in UK) 59; по словам Энтони (according to Anthony) 471–473; Сократ и психотерапия (Socrates and psychotherapy) 62–63
- Фукса инновации (Foulkes’s innovations):
 crescendo/decrescendo в терапевтической деятельности (crescendo/decrescendo in therapeutic activity) 212, 253, 449
 ведущий (conductor): как лидер, определение (as leader defined) 443–451; лидерство Фукса (Foulksian leadership) 451–452; практические предостережения (cautionary points in practice) 447–448; три ролевые функции ведущего (role functions of conductor) 459–469
 вертикальные и горизонтальные отношения в группе (vertical and horizontal relations in group) 156, 165, 253, 529–531, 536–540
 влияние (influence) 64, 257–258
 группаналитическая модель (group-analytic model) 341–343; применение в качестве психотерапии (applied as psychotherapy) 227
 группаналитическая ситуация (group-analytic situation); от «лидера группы» к «лидеру в группе» (from ‘leader of’ to ‘leader in’ group) 253
 интерпретация (interpretation) 626–629
 критика (critique) 62–66, 380–381, 451, 569–571, 623–626, 629–632
 локализация (location) 56–57, 616–618, 622–623
 нормы и связанное с ними облегчение: «основной закон» (norms and normative resolution: ‘basic law’) 635–638
 общая зона (common zone) 58, 90, 208, 242
 основополагающая концепция я (underlying conception of self) 636
 перевод (translation) 623–626
 перенос в группах (transference: discovered in groups) 516–518; связь группанализа и психоанализа с помощью розеттского камня (linking group analysis and psychoanalysis in The Rosetta Stone) 523–

- 524; связь переноса и динамик процесса (linking transference and process dynamics) 526–529; ситуации «Т» и «t» (the ‘T’ and ‘t’ situations) 522–524, 529–531
- свободно текущая дискуссия (free-floating discussion): иллюстрации (illustrated) 198–209; определение и иллюстрации (defined and illustrated) 191–218; и свободная ассоциация по Фрейд (and Freud’s free association) 210–213; и язык группы (and language of group) 194–198
- специфические для группы факторы (group-specific factors): пересмотрены как динамики процесса, определения терминов и иллюстрации (revised as process dynamics defining terms and illustrations) 382–398; представлены (introduced) 376–382
- типы групп: термины и определения (types of groups: terms and definitions) 256–258
- три измерения группы: определение (group’s three dimensions defined) 344–348; процесс (process) 376–378; содержание (content) 415–416; структура (structure) 360–361
- три терапевтических принципа: локализация, перевод, интерпретация (three therapeutic principles: location, translation, interpretation) 616–617, 621
- четыре уровня группы (four levels of group): иллюстрации (illustrated) 491–493; интеграция (summarised) 481–488; клиническое применение четырех доменов (clinical applications of 4 domains) 493–514; оригинальная и текущая формулировка (original and current formulation) 494–497; оригинальное описание двенадцати уровней (originating account as 12 levels) 489–491; пересмотрены как домены (revised as domains) 488–489
- социальное бессознательное (social unconscious) 56, 59, 165, 350, 435, 439, 527, 608, 624–625; *см. также*: общая зона (common zone); коммуникация/домены коммуникации (communication/communication domains); локализация, перевод, интерпретация (location, translation, interpretation)
- Фэйрберн У. Р. Д. (Fairbairn W. R. D.) 126, 163, 521, 525, 573–574; *см. также*: объектные отношения (object relations); возвращение вытесненного (return of the repressed)
- Хайд К. (Hyde K.) 49
- характер зависимости (qualities of dependency) 126–127
- Хатчинсон С. (Hutchinson S.) 149, 446, 451, 584
- Хейс К. (Hayes C.) 286–289
- Хелен Бамбер фонд (Helen Bamber Foundation) 281

- Хендерсон, больница (Henderson Hospital) 254, 255, 270–273
Херст Л. (Hearst L.) 62–63, 91, 93, 101, 111, 113, 121, 324, 363–364, 443, 447–448, 451, 584
Хиллбранд М. (Hillbrand M.) 274
Хобсбаум Э. (Hobsbawm E.) 563
Холмс Дж. (Holmes J.) 124–129
Холокост (Holocaust) 45–46, 55–56, 181–183, 438, 441, 502, 508–509, 511, 513–514, 544
Хоппер, Э. (Hopper E.): агрегация/массификация (aggregation/massification) 239, 321; базовые допущения (basic assumptions) 159–160; дедуктивная теория (deductive theory) 155; надежда (hope) 43; социальное бессознательное (social unconscious) 59
Хорвиц Л. (Horwitz L.) 157–158
Хоркхаймера Институт социальных исследований (Horkheimer's Institute for Social Research) 55
Хэддок Р. (Haddock R.) 223–224, 235, 237, 646
- Центр групповых исследований (Centre for Group Studies (CGS)) 327, 642
- Чакли Дж. (Chalkley J.) 590
частично-объектные отношения (part-object relationship) 484–485
четыре уровня опыта у Фукса (4 levels of experience in Foulkes): как голограммы (as holograms) 488–489; иллюстрации (illustrated) 482–488; переопределение в качестве доменов (revised to domains) 482
- Шарп М. (Sharp M.) 113
Шепард Г. А. (Shepard H. A.) 156–159
Шерберски Х. (Sherbersky H.) 447–448
«шесть градусов ниже нуля» по Фуксу и Энтони (“six degrees below zero” (Foulkes and Anthony)) 489–493
Шлапоберски Дж. (Schlapobersky J.) 291–294
шторм в пятифазной последовательности развития (storming in five-phase progression) 158–160
Шульц-Венрат У. (Schultz-Venrath U.) 50
- эвристическое обучение (heuristic learning) 41–44
эго-тренинг в действии (ego training in action) 591, 595–596
эдипов конфликт (Edipal conflict) 203, 575–578
Эдсхед Г. (Adshead G.) 53, 60, 274–276, 302, 642
Эзриэл Г. (Ezriel H.) 157–158, 318–321
Эйнхорн С. (Einhorn S.) 298

- экспериментальные группы (experiential groups) 156, 362–363, 429, 437–438, 447–448, 462, 482, 501
- эмоция (emotion): болезненная (painful) 457; валентность (valency) 203, 386; ведущего (of conductor) 213, 324, 445; вместилище эмоций (seat of) 103–104, 193; выраженные словами эмоции (spoken) 353; горе и утрата (grief and loss) 568, 593–594; депрессивная (depressed) 592–593; диссоциированная (dissociated), *см.*: диссоциация (dissociation); исцеляющая (healing) 229; корректирующие (corrective) 131, 213, 450–451; любовь и ненависть (love and hate) 463; в матрице (in matrix) 111, 284; модель трех (model of three) 211; музыкальность (musicality) 81–82; направленная против себя (against self) 96; настроение и тон (mood and tone) 565; (со)настроенность (attunement) 390; отзеркаливание эмоций (mirroring) 203; в паратаксических искажениях (in parataxic distortions) 574; первичная (primordial) 404; перенос (transference) 518, 532, 535–536; перепополненность эмоциями (overwhelmed) 595; приносящая облегчение (resolving emotion) 226–227; ранняя (early) 435, 574; резонанс (resonance) 383–385, 390–391, 392–393; стыд (shame), *см.* стыд (shame); тело, как основное место (site in body) 287; при «шести градусах ниже нуля» (at six degrees below zero) 490–493; эмоциональная коммуникация (communication) 328, 534, 629–630; в эффектах годовщины (in anniversary effects) 185–186
- Энтони Э. Дж. (Anthony E. J.) 26–34, 51, 56–64, 90–93, 101–102, 105, 110, 146, 191, 201, 212, 238, 257, 261, 323, 344–347, 358, 377, 379–385, 389, 443, 471–473, 478, 481, 489–490, 521–524, 525–526, 530
- Эрнст С. (Ernst S.) 49, 298
- эффекты годовщины в групповой терапии (anniversary effects in group therapy) 185–186, 328–329; *см. также*: смерть, проблемы (death concerns)
- «Я и Ты» («I and Thou») 56; *см. также*: Бубер М. (Buber M.)
- «я-для-себя» и «я-для-другого» (Бахтин) (“I-for-myself” and “I-for-the-other” (Bakhtin)) 57
- «Я—Оно» отношения (Бубер) (I—It relationship (Buber)) 120
- ядерный комплекс, определение (core complex, defined) 279
- язык группы (language of the group): диалог (dialogue) 191–193, 201–205; дискурс (discourse) 191–198, 206–209; заключение (conclusion) 213–218; клинические иллюстрации (clinical illustrations) 198–209; лечение разговором Фрейда (Freud’s talking cure) 210–211; монолог (monologue) 191–193, 198–201; обзор (overview) 191–198, 417–419, 570; психологические формы и отношенческое поле (psychological forms and relational field) 193–194, 195; речевые формы (speech forms) 194–198; свободно текущая дискуссия (free-floating discussion) 211–213; эволюция техни-

- ки (evolution of technique) 210–213
языковой обмен (language exchange) 387
Якобсон Р. (Jakobson R.) 567, 569
Ялом И. (Yalom I.) 43, 45, 50–52, 89, 122, 126–129, 131, 136, 158–159, 186, 192,
241, 253, 314, 321–323
Янг Дж. (Young J.) 274

От переводчика

В России групповой анализ развивается уже около тридцати лет, существует не менее десятка институций, которые активно практикуют групповой анализ, проводят конференции, организуют обучающие проекты. Однако основополагающие группаналитические тексты до сих пор не были переведены на русский язык. Книга, которую вы держите в руках, уникальна по целому ряду параметров. Она не только является учебником по группанализу, но и представляет собой интеграцию ключевых и новейших идей в этой области.

Джон Шлапоберски — британский групповой аналитик с многолетним опытом, тренинг-аналитик, преподаватель. Он сумел системно изложить фундаментальные идеи группового анализа и щедро сопровождал их клиническими виньетками, которые значительно облегчают восприятие и понимание теоретического материала. Книга будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся психологией и психотерапией, в частности групповой терапией.

Для меня перевод этой книги стал серьезным обогащающим опытом, который помог мне расширить теоретическое понимание метода и его практическое применение. Работа над переводом заняла два с половиной года, и, конечно, я не смог бы осуществить ее в одиночку. Я выражаю горячую благодарность Зое Звягинцевой за то, что она подарила мне экземпляр английского издания этой книги, подала идею ее перевода и оказывала постоянную поддержку. Я сердечно благодарю Екатерину Плотникову за неоценимые профессиональные консультации по редактированию текста, Павла Чернышева —

за помощь с переводом главы 5. Особую признательность я хочу выразить Вере Владимировне Балабановой и Анне Григорьевне Шандале за мой личный групповой анализ и за последующую поддержку моей работы. Отдельную благодарность я хочу выразить издательству «Когито-Центр», без которого публикация этой книги в русском переводе была бы невозможна. И конечно же, я благодарен всем моим близким, которые были со мной на протяжении этих лет и дарили вдохновение и поддержку.

В. П. Филимонов,
психолог, практикующий групповой аналитик,
председатель Секции группового анализа
Общества психоаналитической психотерапии

Научное издание
Серия «Современная психотерапия»

Шлапоберски Дж. Р.
ОТ КУШЕТКИ К КРУГУ
Группаналитическая терапия на практике

Редактор — *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка — *В. П. Ерьско*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
Email: cogito@bk.ru
www.cogito-shop.com

Сдано в набор 08.07.22. Подписано в печать 08.08.22
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. 43,6. Уч.-изд. л. 37,4
Тираж 500 экз. Заказ 7736

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6